Профессоръ Петроградскаго Университета
А. И. ВВЕДЕНСКІЙ

ПСИХОЛОГІЯ

БЕЗЪ ВСЯКОЙ МЕТАФИЗИКИ.

Изданіе третье, вновь исправленное и дополненное.

Съ 30 рисунками.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича. Вас. остр., 5 лин., 28.
1917.

2 экз.

„Пров... Пров. 1958

Пр.

BF
121

7905

Петроградъ. Дозволено военной цензурой 17 октября 1916 г.

Что новаго въ этой книгѣ?

Въ предисловіи къ первому изданію, вышедшему въ іюнѣ 1914 г., я упомянулъ, что въ этой книгѣ много новаго по существу. Но, какъ мнѣ справедливо указали, я упустилъ изъ виду, что для читателя, имѣющаго мало свободнаго времени, особенно же для рецензентовъ книги, очень удобно, если я самъ отмѣчу, гдѣ искать это новое. Оставляя въ сторонѣ разныя мелочи, укажу прежде всего на главы 21—24, т.-е. на психологію умозаключеній. Ее всю пришлось мнѣ разработать самому, какъ если бы ея вовсе не было въ научной литературѣ. Еще чуть ли не въ студенческіе годы я поражался тѣмъ, что никогда не подмѣчаю въ себѣ тѣхъ душевныхъ переживаній, которыя описываются разными авторами подъ именемъ процессовъ умозаключенія. Въ концѣ концовъ я рѣшилъ описать подъ этимъ именемъ только тѣ переживанія, которыя я самъ подмѣчу въ себѣ, какъ бы сильно ни отличалось чрезъ это мое описаніе отъ всѣхъ другихъ авторовъ. А его отличія доходятъ вотъ до чего: по описанію другихъ авторовъ въ переживаніи умозаключеній не встрѣчается никакого творчества, и это переживаніе бываетъ только умышленнымъ; по моимъ же самонаблюденіямъ переживаніе каждаго силлогизма оказывается творческимъ процессомъ, и очень часто оно происходитъ безъ всякаго умысла съ нашей стороны. Но такъ какъ я ограничиваюсь только основными чертами упомянутыхъ процессовъ, то не думаю, чтобы я могъ въ своемъ описаніи ошибочно принять чисто индивидуальныя особенности моего мышленія за общечеловѣческія черты. Въ связи же съ самостоятельнымъ изученіемъ переживанія умозаключеній мнѣ кинулось въ глаза, что существуютъ не только ассоціаціи представленій, но еще ассоціаціи сужденій, какъ особая причина смѣны мыслей, дѣйствующая рядомъ съ ассоціаціями представленій. И это показаніе самонаблюденія подтвердили мнѣ всѣ мои преподавательскія наблюденія надъ учащимися. Такимъ путемъ появилась 20 глава объ ассоціаціяхъ сужденій, невстрѣчающаяся у другихъ психологовъ и объясняющая весь механизмъ часто наблюдаемаго усвоенія знанія безъ пониманія. Къ вполнѣ новому относится моя оцѣнка значенія экспериментированія для чистой психологіи

(глава 4) и одинъ изъ тѣхъ пріемовъ, именно—изложенный подъ именемъ философскаго на стр. 76—77, съ помощью которыхъ я доказываю мой законъ одушевленности. Кстати: нѣкоторые критики двухъ первыхъ изданій недоумѣвали, зачѣмъ я помѣстилъ здѣсь этотъ законъ. Онъ-де скорѣе относится къ гносеологіи, а не психологіи. Это вѣрно, но безъ его помощи я не могъ бы дать вполнѣ новое освѣщеніе вопроса о прирожденныхъ мысляхъ, изложенное на стр. 184—186. Не могу назвать *вполнѣ* новыми ни своей теоріи чистой мысли, ни математической теоріи волевыхъ явленій: по-моему, первую можно вышелушить изъ метафизическихъ построеній Аристотеля, а вторую изъ метафизики Шопенгауера. Но у меня впервые онѣ очищены отъ всякихъ метафизическихъ примѣсей и послѣдовательно проведены, какъ чисто-психологическія теоріи состава мыслей (главы 15—17) и волевыхъ явленій (главы 27—30). Наконецъ, въ устахъ русскаго психолога, пожалуй, звучитъ чѣмъ-то новымъ та настойчивость, съ которой я предупреждаю въ разныхъ мѣстахъ книги (напр., на стр. 12, 46—48, 186, 188, 213), чтобы не преувеличивали важности современной психологіи для педагога. По моему, къ русскимъ учителямъ вполнѣ примѣнимы слова Джемса (приведенныя на стр. 336), сказанныя имъ про американскихъ учителей, что надъ ними тяготѣетъ какой-то рокъ—подвергаться мистификаціямъ относительно размѣровъ этой важности, и необходимо бороться съ такими мистификаціями.

Послѣднее замѣчаніе выскажу не для указанія чего нибудь новаго, а для предупрежденія противъ одного возможнаго недоразумѣнія. Читатель, слыхавшій о моихъ взглядахъ на метафизику, сильно ошибется, если подумаетъ, будто бы въ своемъ изложеніи я опираюсь на отрицаніе возможности всякаго метафизическаго знанія. Напротивъ, здѣсь я такъ веду дѣло, какъ если бы вопросъ объ осуществимости этого знанія оставался въ моихъ глазахъ еще нерѣшеннымъ, но по причинѣ, указанной на стр. 11, предпочитаю до его окончательнаго рѣшенія ограничиваться психологіей безъ всякой примѣси метафизики. Такой способъ изложенія дѣлаетъ послѣднее одинаково пріемлемымъ, какъ для допускающихъ, такъ и для отрицающихъ возможность метафизическаго знанія.

Александръ Введенскій.

Петроградъ.
1 октября 1916 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Что новаго въ этой книгѣ? III

1. Предметъ, задачи и значеніе современной психологіи. 1

2. Методы психологіи: самонаблюденіе и такъ называемое объективное наблюденіе душевныхъ явленій. . 14

3. Методы психологіи: экспериментъ и его преимущества предъ наблюденіемъ; экспериментированіе въ психологіи 22

4. Современное значеніе психологическаго экспериментированія. Необходимость противопоставлять не экспериментальную психологію наблюдательной, но измѣрительную неизмѣрительной. Неизбѣжность для экспериментированія всегда имѣть только второстепенное значеніе въ чистой психологіи 42

5. Необходимѣйшія физіологическія свѣдѣнія. 59

6. Психофизіологическій законъ А. И. Введенскаго . . 71

7. Классификація душевныхъ явленій и направленія психологіи въ вопросѣ о составѣ душевной жизни . . 82

8. Сознаніе. Воспріятія и ощущенія. Наивный реализмъ. Зависимость воспріятій отъ мыслей. Иллюзіи и галлюцинаціи 89

9. Простота ощущеній. Ихъ физіологическая и качественная сторона 97

10. Количественная сторона ощущеній. Законы пороговъ, высшихъ точекъ, Вебера и Фехнера 107

11. Субъективность всего состава воспріятій. Идеализмъ и философскій реализмъ съ ихъ видоизмѣненіями. . 119

СТРАН.

12. Законъ объектированія воспріятій и его объясненія. 131
13. Душевныя способности и мыслительные акты. Разумъ, разсудокъ, умъ, мышленіе, память и воображеніе. . 135
14. Главныя задачи психологіи мыслей. Классификація мыслей вообще и классификація представленій . . 145
15. Составъ единичныхъ представленій и индивидуальныя особенности въ ихъ переживаніи. Общій законъ состава единичныхъ представленій и объясненіе имъ состава сновидѣній, непредставимости своей полной смерти и ранняго возникновенія вѣры въ безсмертіе. 148
16. Составъ общихъ представленій: концептуализмъ, номинализмъ и теорія чистой мысли. Участіе чистой мысли въ единичныхъ представленіяхъ. Индивидуальныя особенности въ переживаніи общихъ представленій. 161
17. Составъ понятій и сужденій и индивидуальныя особенности въ ихъ переживаніи. Вопросъ о прирожденныхъ мысляхъ. 174
18. Смѣна мыслей: ассоціаціи представленій; вопросъ о сведеніи ихъ къ ассоціаціи смежности, а послѣдней къ ассоціаціи близости 187
19. Смѣна мыслей: количественные законы воспроизведенія представленій 198
20. Смѣна мыслей: ассоціаціи сужденій; значеніе ассоціаціи сужденій для знанія; знаніе безъ пониманія . . 207
21. Смѣна мыслей: умозаключенія; разница между логической и психологической точкой зрѣнія на нихъ; основныя задачи и современное положеніе психологіи умозаключеній 214
22. Смѣна мыслей: процессы отличенія правильныхъ умозаключеній отъ ошибочныхъ; процессы возникновенія выводовъ въ умозаключеніяхъ, пригодныхъ для доказательствъ; психологическая сторона обоихъ видовъ логической связи; творчество мышленія и цѣлесообразность душевной организаціи человѣка 221
23. Смѣна мыслей: процессы возникновенія неполной индукціи и заключеній по аналогіи 239

СТРАН.

24. Смѣна мыслей: интуитивное мышленіе; его отличія отъ дискурсивнаго; условія его удачности; терминъ „интуиція“ въ психологіи и въ интуитивизмѣ; психологическая однородность интуитивнаго мышленія съ дискурсивнымъ. 244
25. Смѣна мыслей: узнаваніе воспроизведенныхъ представленій и внѣшнихъ предметовъ, какъ знакомыхъ. 254
26. Смѣна мыслей: забвеніе; абсолютное и относительное забвеніе; объяснимость всякаго забвенія законами воспроизведенія мыслей; забывчивость новорожденныхъ дѣтей 264
27. Волевыя явленія: рефлективныя, инстинктивныя и импульсивныя движенія; специфическій волевой элементъ; составъ желаній и хотѣній; волюнтарная, гедоническая и патематическая теорія волевыхъ явленій. 273
28. Волевыя явленія: простой и сложный внѣшній волевой актъ; чувство усилія; мотивы; творческое „fiat“ или „да будетъ“ 287
29. Волевыя явленія: стремленія; влеченія; волевая активность; нравственный долгъ и специфическій волевой элементъ 297
30. Волевыя явленія: внутреннія волевыя явленія; вниманіе; апперцепція 305
31. Чувства: эмоціи; аффекты; современное положеніе психологіи чувствъ; теорія Джемса-Ланге; теорія Вундта 314

Приложенія.

I. Вундтъ о связи психологіи съ философіей и о неразработанности современной психологіи. Неумѣстность психологіи въ гимназіяхъ. 333
II. Психологія и обученіе—Джемса. 335
III. Психологія и педагогика—Мюнстерберга. 340

СТРАН.

IV. Психологическій институтъ имени Л. Г. Щукиной . 346

V. Приборы А. И. Введенскаго для быстраго демонстрированія опытовъ съ реакціями 350

Указатель 355

Рисунки (12 таблицъ).

Психологія безъ всякой метафизики.

1. Предметъ, задачи и значеніе современной психологіи.

У подавляющаго большинства представителей современной психологіи можно подмѣтить, что ея предметъ и задачи не соотвѣтствуютъ ея названію. *Слово „психологія“ въ переводѣ съ греческаго означаетъ ученіе о душѣ.* Прежде, съ того самаго времени, какъ возникла психологія, вплоть до второй половины XIX в., она дѣйствительно стремилась къ тому, чтобы быть ученіемъ, либо утверждающимъ, либо отрицающимъ существованіе души. Она, конечно, изучала и душевныя явленія (ощущенія, воспоминанія, образы фантазіи, разныя другія мысли, хотѣнія, страсти, чувства и т. п., словомъ—явленія, которыя отличаются тѣмъ, что они сознаются нами во время ихъ переживанія), но не столько ради нихъ самихъ, сколько въ видѣ средства для разрѣшенія вопроса о душѣ. Ея задачи были таковы: рѣшить, есть ли душа или нѣтъ и, если есть, какова она по своей природѣ, и уже исходя изъ этого рѣшенія объяснить весь міръ душевныхъ явленій и ихъ отношенія къ тѣлеснымъ.

Въ виду такихъ задачъ старая психологія постоянно служила ареной для безплодной борьбы матэріализма съ спиритуализмомъ и съ психофизическимъ монизмомъ. Но нужно еще объяснить, въ чемъ состоятъ эти ученія.

Матеріализмомъ называется отрицаніе самостоятельности духовнаго начала, т.-е. существованія души, вслѣдствіе чего матеріализмъ утверждаетъ, что всѣ душевныя явленія—продукты одной только матеріи, именно—матеріи, организованной въ видѣ головного мозга. Онъ подтверждаетъ себя указаніемъ на связь душевныхъ явленій съ матеріальными, на то, что возникновеніе первыхъ зависитъ отъ возникновенія вторыхъ, при чемъ эту зависимость онъ истолковываетъ, какъ *причинную*. Этимъ-то истолкованіемъ матеріализмъ и объясняетъ тотъ фактъ, что всякое душевное явленіе оказывается въ связи съ матеріальнымъ. Но какъ объяснить случаи обратной зависимости—тѣлесныхъ явленій отъ душевныхъ, напр., когда хотѣніе рождаетъ движеніе? Матеріализмъ считаетъ зависимость матеріальныхъ явле-

ній отъ душевныхъ всего только кажущейся: одинъ и тотъ же мозговой процессъ порождаетъ одновременно и хотѣніе, и движеніе. Но такъ какъ мы сознаемъ лишь хотѣніе и движеніе, а того мозгового процесса, который порождаетъ и то, и другое, не сознаемъ, то намъ и кажется, будто бы хотѣніе—причина движенія. Точно такъ же и такіе случаи, какъ исцѣленіе вѣрой, легко, по мнѣнію матеріалистовъ, объяснить тѣмъ, что вѣра порождается опредѣленными мозговыми процессами; они-то и вызываютъ тѣлесное исцѣленіе, а не само психическое состояніе, называемое вѣрой.

Спиритуализмомъ называется ученіе, допускающее существованіе самостоятельнаго, несводимаго на матеріальное, духовнаго начала, т.-е. существованіе духовныхъ сущностей. Употребляя это слово, надо не упускать изъ виду, что есть ученіе ненаучнаго характера, называемое спиритизмомъ. Такъ какъ оно не пользуется успѣхомъ, а спиритуализмъ находитъ всегда множество поклонниковъ, то спириты, чтобы какъ-нибудь помочь спиритизму, стали въ послѣднее время и его называть спиритуализмомъ, на что они, конечно, не имѣютъ никакого права. Вѣдь терминъ „спиритуализмъ“ давно уже пріобрѣлъ исторически установившееся значеніе, нисколько не совпадающее съ спиритизмомъ.

Спиритуализмъ встрѣчается въ философіи въ трехъ видоизмѣненіяхъ, именно: въ видѣ 1—дуализма, 2—панпсихизма и 3—идеализма.

1—*Дуализмъ*, иначе—*дуалистическій спиритуализмъ*, учитъ, что духовныя сущности существуютъ на-ряду съ матеріальными, и что человѣкъ состоитъ изъ двухъ сущностей: матеріи и души. Дуализмъ для своего оправданія ссылается на фактъ разнородности душевныхъ явленій съ матеріальными. Напримѣръ, никто не усомнится, что мысль о столѣ и самый столъ или другое матеріальное явленіе — вещи совершенно разнородныя. Отсюда дуализмъ заключаетъ, что душевныя явленія непремѣнно должны порождаться такою сущностью, которая совершенно не похожа на матерію, и которая для отличія отъ матеріи должна называться душой. Но такъ какъ душа находится въ связи съ тѣломъ, то и всякое душевное явленіе должно возникать не иначе, какъ въ связи съ какимъ-нибудь опредѣленнымъ тѣлеснымъ явленіемъ. Такова суть дуалистическаго направленія въ психологіи. Къ этому надо добавить, что *нѣкоторые* дуалисты полагаютъ, что душа служитъ организующимъ тѣло началомъ: она такъ его организуетъ, чтобы оно служило ей орудіемъ или органомъ для ея дѣйствій на внѣшній міръ.

2—*Панпсихизмъ* учитъ, что существуютъ только духовныя сущности, а матеріальныхъ нѣтъ, именно: въ основѣ каждой внѣшней вещи, каждаго тѣла лежитъ комплексъ *духовныхъ* сущностей, который только кажется матеріальнымъ нашимъ внѣшнимъ чувствамъ. Поэтому намъ только кажется, будто бы весь міръ распадается на двѣ стороны—матеріальную и духовную; на самомъ же дѣлѣ этого въ дѣйствительности нѣтъ. И такъ какъ этотъ взглядъ утверждаетъ, что повсюду разлита духовная жизнь, то онъ и называется панпсихизмомъ, т.-е. ученіемъ о повсюдной духовности, о *вседушіи*.

3—*Идеализмъ* утверждаетъ существованіе только душъ, а внѣшній міръ,

по ученію идеалистовъ, не состоитъ ни изъ матеріальныхъ, ни изъ духовныхъ сущностей и на дѣлѣ вовсе не существуетъ, а только кажется существующимъ. Внѣшній міръ представляетъ собой какъ бы безпрерывную галлюцинацію человѣческихъ душъ, подъ которой нѣтъ никакой реальной подкладки: ни той духовной, о которой учитъ панпсихизмъ, ни той матеріальной, о которой говорятъ матеріализмъ и дуализмъ.

Идеализмъ и панпсихизмъ, оба вмѣстѣ, называются въ отличіе отъ дуализма *монистическимъ спиритуализмомъ*, потому что они допускаютъ только *одинъ* (μόνος) родъ сущностей, именно—только духовныя сущности.

Психофизическій монизмъ предполагаетъ, что человѣкъ есть лишь одна сущность съ двумя сторонами—духовной и матеріальной. Матеріальная ея сторона неотдѣлима отъ духовной, и всякая перемѣна въ этой сущности отражается одновременно и въ тѣлесной, и въ духовной сторонѣ, при чемъ эта сущность извнѣ кажется матеріальной, а изнутри духовной. Всѣми этими допущеніями психофизическій монизмъ объясняетъ и разнородность душевныхъ явленій съ тѣлесными, и постоянную связь первыхъ съ послѣдними.

Итакъ, раньше психологія главнымъ образомъ заботилась о томъ, чтобы защищать одно изъ вышеуказанныхъ ученій противъ другихъ. И тогда ея предметъ и задачи соотвѣтствовали ея названію. Во второй же половинѣ XIX вѣка представители психологіи стали все чаще и чаще отказываться отъ рѣшенія вопроса о душѣ, такъ что хотя и сохранилось *по привычкѣ названіе* психологія, но *предметомъ ея изслѣдованія стали только душевныя явленія, при чемъ объясняются они* ею не тѣмъ или другимъ предположеніемъ о томъ, есть ли душа или нѣтъ, и, если есть, то существуетъ ли рядомъ съ ней матерія, но *одними лишь законами природы, которымъ подчинены душевныя явленія*. Чтобы отмѣтить эту особенность современной психологіи, нѣкоторые изъ ея представителей называютъ ее *психологіей безъ души*, желая этимъ сказать вовсе не то, чтобы она отрицала существованіе души, но только то, что она не разсматриваетъ вопроса о душѣ, а предоставляетъ его рѣшеніе другимъ философскимъ наукамъ.

Если же психологія рѣшила воздерживаться отъ *всякаго* рѣшенія вопроса о душѣ, а заниматься лишь изученіемъ душевныхъ явленій, то *психологія обязана такъ формулировать всѣ свои выводы, чтобы они были одинаково пріемлемыми и одинаково обязательными какъ для матеріализма, такъ и для спиритуализма съ психофизическимъ монизмомъ*. Вотъ такое-то ученіе о душевныхъ *явленіяхъ* и служитъ окончательной цѣлью современной психологіи.

При этомъ надо имѣть въ виду, что душевныя явленія изучаются современной психологіей съ такой же точки зрѣнія, съ какой естествознаніе изучаетъ явленія внѣшней природы. Поэтому современная психологія нерѣдко характеризуетъ себя еще, какъ *естественную науку о душевныхъ явленіяхъ или какъ естественную исторію душевныхъ явленій*. Это вотъ что значитъ: естествознаніе, изучая явленія внѣшней природы, старается только выслѣдить ихъ составъ, происхожденіе и управляющіе ими законы, а не задается

цѣлью оцѣнивать ихъ съ этической, эстетической и т. п. точекъ зрѣнія. Напр., ботаника не разсматриваетъ растеній съ эстетической точки зрѣнія; а физіологія, говоря о половыхъ процессахъ, совершенно отвлекается отъ разсмотрѣнія ихъ этической стороны. Такъ же точно и психологія изучаетъ душевныя явленія, отвлекаясь отъ всѣхъ этихъ точекъ зрѣнія, вполнѣ умѣстныхъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ (напримѣръ, въ этикѣ, эстетикѣ, педагогикѣ и т. п.). Она изучаетъ душевныя явленія безоцѣночнымъ образомъ, просто, какъ факты внутренней природы, независимо отъ того, заслуживаютъ ли они одобренія или порицанія со стороны моралиста, художника и т. д.

Здѣсь кстати указать для лучшаго поясненія только-что сказаннаго, чѣмъ логика отличается отъ психологіи мышленія, которая тоже изучаетъ мышленіе, такъ что, повидимому, логику слѣдовало бы разсматривать какъ часть психологіи, именно, какъ психологію мышленія. Но психологія, будучи естественной исторіей душевныхъ явленій, изучаетъ мышленіе съ той же точки зрѣнія, какъ и всѣ остальныя душевныя явленія: явленія памяти, чувствованій, воли и т. д., т.-е. просто, какъ одинъ изъ фактовъ душевной жизни, безъ всякой оцѣнки его съ точки зрѣнія его правильности или неправильности, какъ орудія для пріобрѣтенія знанія. Она только описываетъ явленія мышленія, разлагаетъ ихъ на составные элементы, выясняетъ законы, управляющіе вліяніемъ мышленія на другія душевныя явленія и его зависимостью отъ нихъ и т. п., но она не интересуется ни тѣмъ, каковы должны быть цѣлесообразные, т.-е. правильные пріемы мышленія, ни тѣмъ, въ чемъ состоятъ ошибки при употребленіи этихъ пріемовъ и т. д., ни, вообще, какова роль мышленія въ развитіи знанія. Логика же, напротивъ, имѣетъ въ виду прежде всего *оцѣнить*, насколько цѣлесообразны различные пріемы мышленія, т.-е. какіе изъ нихъ можно считать правильными, пригодными для расширенія знанія, а какіе ошибочными и т. д. Зато она вовсе не интересуется вышеуказанными вопросами о мышленіи.

Изучая одни лишь душевныя явленія и притомъ безоцѣночнымъ образомъ, современная психологія, конечно, должна имѣть въ виду слѣдующія задачи:

1—Прежде всего она старается выслѣдить до послѣднихъ предѣловъ *составъ каждаго душевнаго явленія*. И если оно оказывается простымъ, неразложимымъ, то, конечно, ей приходится ограничиваться лишь указаніемъ его сходствъ и различій съ другими душевными явленіями. Если же данное душевное явленіе окажется сложнымъ, то, разумѣется, психологія должна выяснить, изъ какихъ именно элементарныхъ явленій составлено оно, какимъ путемъ постепенно складывается оно изъ нихъ, и какъ измѣняется его общій характеръ въ зависимости отъ видоизмѣненій этихъ элементарныхъ составныхъ частей и т. д.

2—Далѣе, къ изученію состава душевныхъ явленій и способа возникновенія сложныхъ явленій изъ простыхъ присоединяется *изученіе вліянія другъ на друга разныхъ душевныхъ явленій* (напримѣръ, памяти на мышленіе, мышленія на память и волю и т. д.).

Рѣшеніе этихъ двухъ задачъ обыкновенно называютъ *общей психологіей*, хотя гораздо вѣрнѣе было бы называть ихъ *основной психологіей*, потому что эта часть психологіи лежитъ въ *основѣ* всей психологіи.

3—Общую, т.-е. основную, психологію надо отличать отъ *сравнительной психологіи*, раздѣляющейся на нѣсколько спеціальныхъ вѣтвей и изучающей тѣ особенности, которыя встрѣчаются въ однихъ и тѣхъ же душевныхъ явленіяхъ, если ихъ разсматривать у разныхъ индивидуумовъ, хотя бы даже одного и того же возраста и пола *(индивидуальная психологія)*, или у лицъ разнаго возраста *(психологія возрастовъ)* и разнаго пола *(психологія мужчины и женщины)*, или же у разныхъ животныхъ *(зоопсихологія или. психологія животныхъ)*, или у душевнобольныхъ *(психопатологія)*.

4—Отъ сравнительной психологіи нѣсколько отличается *коллективная психологія*, изучающая тѣ видоизмѣненія, которымъ подвергаются душевныя явленія у большей или меньшей группы лицъ оттого, что они соединились въ одно организованное или неорганизованное цѣлое *(психологія толпы, психологія классовъ и сословій, психологія народовъ* и т. п.). Ошибочно думать, будто бы ходъ душевныхъ явленій остается у людей, соединившихся въ организованную или неорганизованную массу, такимъ же, какъ и въ томъ случаѣ, когда они изолированы относительно другъ друга; въ массахъ, особенно въ тѣсно сплоченной толпѣ, въ душевныхъ явленіяхъ складываются такія особенности, которыхъ не было бы при другихъ условіяхъ. Такъ, толпа легко принимаетъ и исполняетъ такія рѣшенія, напримѣръ, совершаетъ такія преступленія, предъ которыми всякій ея членъ ужасается, когда остается одинъ.

5—Къ общей, т.-е. основной, психологіи нѣкоторые авторы причисляютъ *психофизіологію* или *физіологическую психологію*, хотя вѣрнѣе считать ее особой наукой, имѣющей для психологіи очень важное вспомогательное значеніе, но прямо къ ней не относящейся, наукой промежуточной между психологіей и физіологіей. Состоитъ же она въ изученіи связи душевныхъ явленій съ тѣлесными. При этомъ не лишнимъ будетъ слѣдующее замѣчаніе:

Употребляя терминъ „психофизіологія“, надо избѣгать ошибочнаго смѣшенія слѣдующихъ психологическихъ терминовъ, смѣшенія, вызываемаго, главнымъ образомъ, ихъ сходствомъ, именно: „психофизіологія“, „психофизика“ и „психометрія“. Это не синонимы, какъ иногда думаютъ, а совершенно различные термины. „Подъ *„психофизикой“* подразумѣвается та часть психологіи (точнѣе сказать—психофизіологіи), которая изучаетъ зависимость ощущеній отъ раздраженій, обусловливающихъ возникновеніе этихъ ощущеній. *„Психометріей“* называется измѣреніе скоростей душевныхъ явленій, т.-е. измѣреніе промежутка времени, въ теченіе котораго успѣваетъ протечь данное душевное явленіе.

Иногда даже считаютъ синонимами и выраженія: экспериментальная психологія, съ одной стороны, и психофизіологія или физіологическая психологія, съ другой. Въ дѣйствительности же подъ *экспериментальной психологіей* подразумѣвается разработка *любого* отдѣла психологіи посредствомъ экспериментированія, а не одной лишь психофизіологіей. Смѣшеніе же экспе-

риментальной психологіи съ физіологической было вызвано тѣмъ, что сперва примѣненіемъ экспериментированія къ изученію психологіи занимались одни лишь физіологи да врачи; и, разумѣется, они обращали свое вниманіе только на психофизіологическіе вопросы; и тогда экспериментальная психологія дѣйствительно была частью одной только физіологической психологіи. Но такое положеніе дѣлъ уже давно прошло; поэтому теперь уже стало ошибочнымъ отожествлять экспериментальную психологію съ физіологической. Въ настоящее время экспериментальная психологія составляетъ часть какъ чистой, такъ и физіологической психологіи; ибо экспериментированіемъ надъ душевными явленіями занимаются теперь не одни лишь врачи и физіологи, а также и психологи-философы.

Таковы задачи современной психологіи. Но не слѣдуетъ думать, что въ книгѣ, излагающей все ея содержаніе, насколько оно установилось въ наукѣ за послѣднее время, т.-е. въ курсахъ психологіи, должно быть и соотвѣтственное число отдѣловъ. Только что изложенный перечень есть перечень *задачъ*, а не *отдѣловъ* въ изложеніи психологіи. Многія изъ этихъ задачъ еще столь мало разработаны, что изъ нихъ еще нельзя составить особаго отдѣла при изложеніи систематическаго обзора содержанія современной психологіи. Поэтому обыкновенно при этомъ изложеніи поступаютъ такъ, что систематически излагаютъ лишь вопросы основной психологіи, попутно присоединяя наиболѣе прочныя положенія, относящіяся къ рѣшенію другихъ намѣченныхъ нами психологическихъ задачъ.

Теперь задачи современной психологіи достаточно ясны. Но, вотъ, по поводу нихъ возникаютъ два недоумѣнія.

1—Зачѣмъ, занимаясь психологіей безъ души, изучать не только составъ, взаимное вліяніе и видоизмѣненія душевныхъ явленій въ зависимости отъ разныхъ условій, въ которыхъ находится душевная жизнь, но также и связь душевныхъ явленій съ тѣлесными? Другими словами, нужна ли для психологіи безъ души и психофизіологія, хотя бы даже въ видѣ вспомогательной науки? Когда психологія хотѣла рѣшить вопросъ, есть ли душа и какова она, то она, конечно, нуждалась для рѣшенія этого вопроса въ точнѣйшемъ знаніи связи душевныхъ явленій съ тѣлесными; но теперь-то зачѣмъ ей психофизіологія?

2—Почему современная психологія отказалась быть ученіемъ о душѣ? Вѣдь такое ученіе было бы въ высшей степени важнымъ, даже гораздо важнѣе всѣхъ перечисленныхъ нами задачъ современной психологіи. Какъ же произошло, что она предпочла быть психологіей безъ души? Были ли для этого какія-нибудь важныя причины, и въ чемъ онѣ состоятъ?

Сперва о пользѣ психофизіологіи для психологіи. Съ перваго взгляда, конечно, можетъ показаться, что психофизіологія является совершенно лишнимъ, чисто механическимъ привѣскомъ къ психологіи, и что самое большее, ее слѣдуетъ считать наукой, хотя и смежной съ психологіей, но отнюдь не важной для психологіи. Однако, это невѣрно: психофизіологія имѣетъ, во всякомъ случаѣ, важное вспомогательное значеніе. Дѣйствительно, если когда-

нибудь мы узнаемъ *точнымъ образомъ* связь душевныхъ явленій съ тѣлесными, то мы въ состояніи будемъ посредствомъ разсмотрѣнія физіологическихъ явленій пополнять наше знаніе душевныхъ явленій, разсматриваемыхъ со стороны ихъ состава и взаимнаго вліянія, и наоборотъ, посредствомъ изученія душевныхъ явленій пополнять наши физіологическія знанія. — Для поясненія этой возможности условимся прописными буквами обозначать физіологическія явленія, а соотвѣтственными строчными буквами связанныя съ ними душевныя явленія, такъ что физіологическому явленію A соотвѣтствуетъ душевное явленіе a, B—b, C—c и т. д. Допустимъ же теперь, что когда въ нашемъ тѣлѣ возникаетъ A, то оно вызываетъ рядъ другихъ физіологическихъ явленій B, C и D, и что каждое изъ нихъ какимъ-нибудь путемъ (посредствомъ особыхъ инструментовъ и т. п.) мы ясно подмѣчаемъ въ себѣ. Но допустимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что связанныя съ ними душевныя явленія остаются въ это время не вполнѣ замѣтными для насъ. Тогда мы все-таки можемъ навѣрное сказать, что они состоятъ изъ a, b, c и d, коль скоро намъ въ точности извѣстна связь этихъ явленій съ тѣлесными. Такимъ образомъ, зная эту связь, мы по ходу и составу замѣтныхъ для насъ физіологическихъ явленій въ состояніи будемъ правильно судить о ходѣ и составѣ не вполнѣ замѣтныхъ душевныхъ явленій. Но, конечно, при достаточномъ изученіи связи душевныхъ явленій съ тѣлесными возможно будетъ судить и наоборотъ—по ходу и по разнымъ подробностямъ душевныхъ явленій о трудно уловимыхъ подробностяхъ физіологическихъ явленій. Такимъ образомъ, психофизіологія или физіологическая психологія, составляя пограничную область между физіологіей и психологіей, обѣщаетъ содѣйствовать развитію и той, и другой науки, коль скоро сама достигнетъ достаточно высокаго уровня. Поэтому ею, какъ вспомогательной наукой, не должна пренебрегать ни психологія, ни физіологія. Вотъ отчего многіе и причисляютъ ее прямо либо къ психологіи, либо къ физіологіи; но она промежуточная между ними наука, имѣющая вспомогательное значеніе и для той, и для другой.

Теперь разсмотримъ, какъ произошло, что психологія изъ ученія о душѣ превратилась въ психологію безъ души. Эта перемѣна, происшедшая во второй половинѣ XIX вѣка, была обусловлена слѣдующими причинами: рано или поздно, она должна была бы произойти и сама собой изъ-за одной уже научной осмотрительности, а ея ускоренію содѣйствовало еще распространеніе вліянія критической теоріи познанія и позитивизма. Разъяснимъ все это подробнѣе.

Вопросъ о существованіи души, т.-е. самостоятельнаго духовнаго начала, возникъ болѣе 2000 лѣтъ назадъ, при чемъ тотчасъ же на него были даны два противоположныхъ отвѣта; и съ той поры каждое изъ его рѣшеній безпрерывно все еще опровергаетъ другое и доказываетъ себя, но ни одно еще до сихъ поръ другого не опровергло, а себя еще не доказало. Одно уже это обстоятельство должно внушать мысль, что, чего добраго, этотъ вопросъ—навсегда неразрѣшимый, и что психологіи полезнѣе отказаться отъ него, а ограничиться лишь изученіемъ душевныхъ явленій. Къ тому же, если даже

предположить, что онъ когда-нибудь будетъ разрѣшенъ, то, конечно, это произойдетъ не иначе, какъ черезъ тщательное изученіе душевныхъ явленій и связи душевныхъ явленій съ тѣлесными, при чемъ тѣ и другія надо разсмотрѣть безъ всякаго пристрастія къ тому или другому рѣшенію вопроса о душѣ. Ясно, что въ силу уже однихъ этихъ соображеній, рано или поздно, психологія должна была бы стать психологіей безъ души.

Но это ускорилось подъ вліяніемъ критической теоріи познанія, или критической философіи. Этими именами, иначе философскимъ критицизмомъ, принято называть философское направленіе, основанное Кантомъ, жившимъ между 1724 и 1804 гг., такъ что критическій и кантіанскій, т.-е. кантовскій, стали синонимами.

Критическая теорія познанія раздѣляетъ всѣ предметы, о которыхъ можетъ у насъ возникнуть какой бы то ни было вопросъ, на двѣ группы: на *трансцендентные* и *имманентные*. (Терминъ „трансцендентный“ не слѣдуетъ смѣшивать, какъ это часто дѣлаютъ, съ словомъ „трансцендентальный“: эти термины имѣютъ въ критической теоріи познанія разныя значенія). *Трансцендентными называются такіе предметы, которые, по самому понятію о нихъ, при существующей организаціи нашихъ познавательныхъ способностей никогда, нигдѣ и ни при какомъ изощреніи нашей воспріимчивости не могли бы быть восприняты въ опытъ*, такъ что они по самому существу своему остаются за предѣлами не только дѣйствительно бывшаго, но и всякаго возможнаго опыта (подъ опытомъ же въ философіи принято подразумѣвать не только эксперименты, но и наблюденія). Эти предметы остаются за предѣлами всѣхъ возможныхъ экспериментовъ и всѣхъ возможныхъ наблюденій, гдѣ бы и когда бы ни производились они, и какъ бы ни изощрялась при этомъ наша воспріимчивость при помощи подходящихъ инструментовъ. Имманентными же называются такіе предметы, которые или дѣйствительно воспринимаются нами въ опытѣ, или *могли бы* быть восприняты въ немъ, если бы мы перенеслись на другое мѣсто или жили въ другое время, или же при помощи надлежащихъ инструментовъ достаточно изощрили свою воспріимчивость. Словомъ: это—предметы, которые остаются въ предѣлахъ опыта, *возможнаго* для существа, имѣющаго такую же организацію познавательныхъ способностей, какъ у людей. Напримѣръ, душа и Богъ по самому существу своему, т.-е. по самому понятію о нихъ, *не могутъ* быть восприняты въ опытѣ, пока организація нашихъ познавательныхъ способностей остается такой же, какова она у насъ сейчасъ, такъ что эти предметы остаются внѣ предѣловъ всякаго возможнаго опыта. Ихъ нельзя воспринять въ опытѣ, *никогда и ни при какомъ изощреніи нашей воспріимчивости*. Слѣдовательно, это трансцендентные предметы. Предметы же, находящіеся на Марсѣ, составляютъ имманентные предметы; ибо хотя они никогда не воспринимались и, по всей вѣроятности, никогда не будутъ восприняты въ опытѣ, но они все-таки остаются въ предѣлахъ *возможнаго* опыта, потому что они *могли бы* восприниматься нами безъ всякой перемѣны нашихъ познавательныхъ способностей. Напр., если бы мы перенеслись съ земли

на Марсъ, или—если бы мы при помощи надлежащихъ инструментовъ достаточно изощрили наше зрѣніе, то мы воспринимали бы эти предметы.

Установивъ эту разницу между двумя классами предметовъ, критическая теорія познанія посредствомъ самаго тщательнаго анализа всѣхъ условій, благодаря которымъ становится возможнымъ для насъ знаніе, доказываетъ такія положенія о границахъ знанія, доступнаго нашему уму: относительно имманентныхъ предметовъ наше знаніе можетъ развиваться до безконечности; кромѣ трудности, здѣсь нѣтъ другихъ препятствій для рѣшенія любого вопроса. Но трансцендентные вопросы остаются навсегда недоступными для нашего ума, и вовсе не въ силу количественныхъ причинъ, вовсе не потому, чтобы они отличались особой трудностью, а по причинамъ качественнаго характера, именно—вслѣдствіе присущей намъ организаціи нашихъ познавательныхъ способностей. И на каждый трансцендентный вопросъ, напримѣръ о существованіи души, Бога и т. п., всегда можно будетъ *безъ всякаго противорѣчія съ логикой и фактами опыта* дать два діаметрально противоположныхъ отвѣта, такъ что каждый изъ нихъ будетъ *одинаково неопровержимымъ и одинаково недоказуемымъ*. Другими словами: ни одинъ изъ этихъ отвѣтовъ никогда не можетъ обратиться въ знаніе, а навсегда долженъ оставаться только *вѣрой, которая, правда, будетъ неопровержимой, но зато и недоказуемой*.

Такимъ образомъ, каждый можетъ смѣло держаться той или другой вѣры относительно трансцендентныхъ вопросовъ въ полной увѣренности, что его никто никогда не опровергнетъ, хотя и самъ онъ тоже не опровергнетъ чужой вѣры по поводу того же вопроса. Но въ составъ науки какая бы то ни была вѣра, а слѣдовательно, и всякое трансцендентное воззрѣніе, конечно, можетъ входить только въ видѣ *рабочей гипотезы*, т.-е. такого предположенія, которое назначено отнюдь не для того, чтобы служить научно обоснованнымъ (хотя бы и не достовѣрнымъ, а лишь болѣе вѣроятнымъ) изображеніемъ дѣйствительности, какъ это имѣется въ виду при *реальныхъ* гипотезахъ, но только для того, чтобы служить вспомогательнымъ средствомъ при изученіи науки, напримѣръ—помогать намъ легче орiентироваться среди изучаемыхъ фактовъ, легче запоминать ихъ, дѣлать открытія, находить новые вопросы и т. п.

Всякое ученіе о трансцендентныхъ предметахъ принято называть *метафизикой*. Поэтому только что указанный выводъ критической философіи можетъ быть еще такъ редактированъ: *метафизика должна быть предоставлена вѣрѣ, а въ наукѣ позволительно употреблять ее только въ видѣ рабочихъ гипотезъ*. При этомъ, разумѣется, въ каждой наукѣ изо всѣхъ метафизическихъ воззрѣній нужно предпочитать то, которое съ точки зрѣнія этой науки окажется проще другихъ. Вѣдь коль скоро отъ метафизическихъ или трансцендентныхъ гипотезъ въ наукѣ требуется всего только чтобы онѣ служили вспомогательнымъ орудіемъ, а не изображеніемъ дѣйствительности, то, разумѣется, онѣ будутъ тѣмъ цѣннѣе, чѣмъ онѣ проще другихъ. Нерѣдко думаютъ, будто бы простота гипотезы свидѣтельствуетъ объ ея наи-

большей вѣроятности, будто бы простота служитъ признакомъ истины. Этотъ ошибочный взглядъ зависитъ только отъ того, что не дѣлаютъ разницы между вспомогательнымъ для науки средствомъ и изображеніемъ дѣйствительности. Отъ вспомогательнаго средства можно и должно требовать, чтобы оно было проще; но кто и какъ докажетъ, что такимъ же долженъ быть и всякій взглядъ, наиболѣе соотвѣтствующій дѣйствительности? Развѣ природа устроена съ такимъ разсчетомъ, чтобы ее можно было изучать легко и быстро? Можетъ быть и да, а можетъ быть и нѣтъ.

Таковы взгляды критической философіи по поводу всѣхъ трансцендентныхъ предметовъ, къ числу которыхъ, какъ сказано, относится и душа. Философія же XIX столѣтія находилась постоянно подъ прямымъ или косвеннымъ вліяніемъ основаннаго Кантомъ критическаго направленія. А въ послѣднія сорокъ лѣтъ критическая философія распространилась особенно сильно во всѣхъ странахъ подъ именемъ новокантіанства или новокритицизма. Поэтому вполнѣ понятно, что подъ ея вліяніемъ ускорилось превращеніе прежней психологіи въ психологію безъ души.

Этому ускоренію содѣйствовалъ еще и *позитивизмъ Конта* († 1857 г.). Въ своемъ „Курсѣ позитивной философіи“ (изданномъ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XIX вѣка) Контъ изложилъ законъ трехъ фазисовъ, который въ основанной имъ позитивной философіи замѣняетъ всю теорію познанія. По этому закону всякая наука, которая не ограничивается одними лишь описаніями фактовъ, проходитъ въ своемъ развитіи три фазиса. Въ первомъ или теологическомъ фазисѣ, иначе фиктивномъ, всѣ явленія природы объясняются, какъ дѣйствіе человѣкоподобныхъ божествъ, при чемъ постепенно число ихъ сокращается, и всѣ они замѣняются однимъ Богомъ. Второй фазисъ, называемый метафизическимъ или абстрактнымъ, объясняетъ явленія природы при помощи скрытыхъ сущностей, въ родѣ, напримѣръ, жизненной силы или души, при чемъ на дѣлѣ такими сущностями служатъ абстрактно мыслимыя свойства наблюдаемыхъ явленій. Третій фазисъ—позитивный или научный—отбрасываетъ при объясненіи природы и божества, и абстрактныя сущности, отказывается отъ изученія конечныхъ и первыхъ причинъ, а ограничивается лишь изученіемъ того, что дано въ опытѣ, объясняя всѣ явленія природы одними лишь законами природы. Такъ, астрономія не объясняетъ теперь движеній свѣтилъ ни волей божествъ, ни ссылкой на то, что свѣтила обладаютъ совершеннѣйшей сущностью, вслѣдствіе которой они должны двигаться по совершеннѣйшимъ, т.-е. по круговымъ, линіямъ, какъ это дѣлалось въ древней Греціи, но объясняетъ ихъ одними лишь законами природы: законами тяготѣнія, инерціи и т. д. Такимъ образомъ, на высшей своей ступени каждая наука должна быть позитивной и должна отказаться отъ всякой метафизики.

Такими-то путями произошло во второй половинѣ XIX вѣка у подавляющаго большинства психологовъ превращеніе психологіи изъ науки о душѣ въ психологію безъ души. Что же касается нашего изложенія, то его цѣлью служитъ *психологія безъ всякой метафизики*, не только безъ души.

Почему же мы такъ поступаемъ? Можетъ быть, Кантъ и Контъ ошибаются въ своемъ отрицаніи возможности метафизики въ видѣ знанія? Вѣдь судить объ этомъ мы пока еще не можемъ, потому что мы изложили только ихъ окончательные выводы, а не тѣ доказательства, которыми подкрѣпляются эти выводы; а изложеніе ихъ доказательствъ, конечно, далеко отвело бы насъ въ сторону отъ психологіи. Но *если метафизика и возможна въ видѣ знанія, а не одной лишь вѣры, все-таки надо разрабатывать психологію безъ всякой метафизики, т.-е. безъ всякаго ученія о какихъ бы то ни было трансцендентныхъ предметахъ*, а не только безъ души, метафизику же надо строить, какъ *особую* науку, которая *откровенно* занимала бы свое мѣсто среди другихъ наукъ, а не проникала бы въ ихъ область подъ флагомъ и за спиной психологіи. Такое положеніе дѣлъ будетъ гораздо выгоднѣе какъ для психологіи, такъ и для метафизики. Для психологіи это потому выгоднѣе, что она избавится отъ всякой связи съ столь шаткими и спорными ученіями, какъ метафизическія, съ ученіями, относительно которыхъ даже доказываютъ, что они никогда не могутъ сдѣлаться знаніемъ, но осуждены навсегда оставаться вѣрой. Для метафизики же это потому выгоднѣе, что она будетъ разрабатываться, если только она вообще возможна въ видѣ знанія, съ бо́льшей полнотой и систематичностью, чѣмъ когда она затрогивается всего лишь мимоходомъ въ другихъ наукахъ.

Обратимся теперь къ вопросу о важности или значеніи психологіи. Имѣетъ ли она философское значеніе? Философія есть *научно* переработанное *при помощи теоріи познанія* міровоззрѣніе. Тѣмъ, что она перерабатываетъ его при помощи теоріи познанія, она отличается отъ всѣхъ другихъ наукъ: простое суммированіе результатовъ всѣхъ остальныхъ наукъ не есть еще философія, хотя бы эти результаты и были очень важны для міровоззрѣнія. А тѣмъ, что философія есть *научно* переработанное міровоззрѣніе, она отличается и отъ религіи, и отъ поэзіи, которыя тоже дѣйствуютъ на наше міровоззрѣніе, но инымъ путемъ, чѣмъ философія. Что же касается теоріи познанія или, какъ ее иначе называютъ, гносеологіи, то подъ ней подразумѣвается *ученіе о знаніи, выясняющее условія, благодаря которымъ становится возможнымъ безспорно существующее знаніе, и въ зависимости отъ этихъ условій устанавливающее границы, до которыхъ можетъ простираться какое бы то ни было знаніе, и за которыми открывается область одинаково неопровержимыхъ и одинаково недоказуемыхъ вѣрованій*. „Гносеологія“ — слово греческое. Въ переводѣ на русскій языкъ оно означаетъ „ученіе о познаніи“. Употребляютъ же его у насъ въ Россіи на-ряду съ терминомъ — „теорія познанія“, какъ его синонимъ, по той причинѣ, что отъ послѣдняго термина нельзя образовать прилагательное безъ насилія надъ русскимъ языкомъ (слово „теоретикопознавательный“ — крайне неуклюжее); а отъ слова „гносеологія“ легко образуется прилагательное „гносеологическій“.

Разумѣется, всякая наука имѣетъ философское значеніе лишь постольку, поскольку она содѣйствуетъ усовершенствованію нашего міровоззрѣнія. Прежде психологія, когда она была ученіемъ о душѣ, конечно, имѣла философское

значеніе. Но и психологія безъ всякой метафизики тоже имѣетъ его черезъ свою связь съ различными отдѣлами философіи или, какъ ихъ принято называть, философскими дисциплинами: напримѣръ, теорія познанія и этика часто обращаются за справками къ психологіи. Между философіей, психологіей и логикой такая тѣсная связь, что она сразу всѣмъ кидается въ глаза, и подъ вліяніемъ этой связи установилось даже двоякое употребленіе слова „философія". Кромѣ узкаго смысла, который только-что былъ объясненъ нами, его употребляютъ еще и въ широкомъ смыслѣ, подразумѣвая подъ нимъ соединеніе трехъ наукъ: самой философіи, психологіи и логики, вслѣдствіе чего психологію называютъ одной изъ философскихъ наукъ. Такое двойственное употребленіе слова „философія" доказываетъ, что никто не сомнѣвается въ философскомъ значеніи психологіи.

Никто не сомнѣвается также и въ утилитарномъ значеніи психологіи, именно, въ томъ, что она служитъ вспомогательнымъ средствомъ для психіатріи, для юридическихъ наукъ и для педагогики. Напротивъ, постоянно даже преувеличиваютъ утилитарное значеніе психологіи, особенно ея важность для педагогики. Думаютъ иногда, будто бы педагогика можетъ быть *выведена* изъ психологіи. Противъ такого преувеличенія не мѣшаетъ бороться, потому что въ силу реакціи оно можетъ вызвать полное пренебреженіе къ психологіи, и начнутъ отрицать всякое значеніе ея для педагогики.

Прежде всего отмѣтимъ, что *нельзя основывать педагогику на современной психологіи вслѣдствіе крайней неразработанности послѣдней.* Въ современной психологіи все спорно, все находится въ сильнѣйшемъ броженіи, еще ничто не установилось. Исключеній изъ такого положенія дѣлъ въ ней очень мало, при чемъ подавляющее большинство изъ нихъ касается вопросовъ, пограничныхъ между психологіей и физіологіей, и не имѣетъ практическаго значенія для педагога. Поэтому, какой бы ни стала психологія въ отдаленномъ будущемъ, современная психологія можетъ быть важна для педагога почти исключительно тѣми умственными навыками, которые вырабатываются при ея изученіи. При разсмотрѣніи же методовъ психологіи мы увидимъ, что и впредь ея положеніе всегда будетъ очень печальнымъ сравнительно съ другими науками. Она никогда не достигнетъ не только такой точности, какъ современная физика и химія, но даже и такой, какъ современная физіологія. Но какой бы ни стала психологія въ отдаленномъ будущемъ, теперь-то ея значеніе для педагога совсѣмъ другое, чѣмъ значеніе физики для техника и физіологіи для врача: *современная психологія важна для педагога почти исключительно, какъ предметъ образовательный, какъ предметъ, вырабатывающій въ немъ полезные для него умственные навыки, а вовсе не какъ теоретическая основа всей его дѣятельности.* Слишкомъ мало въ ней прочно установленныхъ ученій, чтобы служить такой основой. Практика педагога, построенная вся цѣликомъ на современной психологіи, это то же, что зданіе, воздвигнутое на пескѣ. А какъ мало разработана современная психологія, видно хотя бы изъ отзыва Вундта, по словамъ котораго пока еще нельзя даже составить такую программу по пси-

хологіи, по которой можно было бы экзаменовать во всѣхъ университетахъ, независимо отъ того, у какого профессора учился экзаменующійся: до такой степени содержаніе современной психологіи еще спорно и неустойчиво. (Подробнѣе см. этотъ отзывъ въ I приложеніи).

Далѣе: есть психологи, которые даже навсегда отрицаютъ возможность выводить педагогику изъ психологіи. Таковъ, напр., Джемсъ, высказавшійся въ его превосходной маленькой книжкѣ „Психологія въ бесѣдахъ съ учителями". (Эта маленькая книжка, существующая и по-русски, заслуживаетъ большого вниманія). *Педагогика*, по его словамъ, *не можетъ быть выводима изъ психологіи, и первая должна только не противорѣчить послѣдней. Но изученіе психологіи важно для педагога не столько тѣми свѣдѣніями о душевной жизни, которыя долженъ помнить педагогъ, чтобы не противорѣчить имъ въ своей педагогической практикѣ, сколько тѣмъ, что онъ особеннымъ образомъ разовьетъ свой умъ, если внимательно и систематически поработаетъ надъ изученіемъ психологіи: отъ этого у него выработаются необходимые для педагога навыки вглядываться въ факты своей и чужой душевной жизни и умѣнье правильно относиться къ нимъ.* Что же касается тѣхъ психологическихъ свѣдѣній, которыя нужно педагогу постоянно имѣть въ виду, чтобы не противорѣчить имъ въ своей практикѣ, то ихъ очень мало. По мѣткому выраженію Джемса, ихъ всѣ можно уложить на ладони руки. Да и усваиваются они крайне легко. Поэтому изъза нихъ однихъ не стоило бы изучать всю психологію, а можно было бы знакомиться съ ними попутно, при разсмотрѣніи задачъ воспитанія и обученія. А вотъ самихъ-то этихъ задачъ, т.-е. наиважнѣйшаго ученія педагогики, уже никакъ нельзя вывесть изъ психологіи, какъ науки безоцѣночной, говорящей только о томъ, что̀ существуетъ на дѣлѣ, безъ всякой оцѣнки существующаго. (Мнѣніе Джемса изложено со всѣми подробностями и его же собственными словами во II приложеніи).

Наконецъ, встрѣчаются и такіе психологи, какъ Мюнстербергъ (мнѣніе котораго передано его же собственными словами въ III приложеніи). Онъ допускаетъ, что педагогика, какъ научная *теорія* воспитанія и обученія, до извѣстной степени можетъ и должна опираться на психологію. Но, по его мнѣнію, отдѣльно взятому учителю нѣтъ никакого дѣла до психологіи, и въ своемъ обращеніи съ ученикомъ онъ долженъ опираться не на психологію, а на логику, этику и эстетику. Болѣе того: по мнѣнію Мюнстерберга, во время учительской *практики* даже вредно относиться къ ученику, какъ къ предмету психологическаго разсмотрѣнія. По его словамъ, во время учительской *практики* педагогическая и психологическая точки зрѣнія на ученика несовмѣстимы одна съ другой.

Такимъ образомъ, психологія, взятая въ томъ видѣ, въ какомъ она уже существуетъ въ настоящее время, важна не своими утилитарными заслугами, но какъ часть философіи. Если же встрѣчаются люди, сильно преувеличивающіе утилитарное значеніе и важность для педагогики той психологіи, которая уже существуетъ въ настоящее время, то это доказываетъ,

что они либо мало освѣдомлены въ степени разработанности современной психологіи, либо не умѣютъ отличить желаемаго и ожидаемаго ими состоянія психологіи отъ современнаго.

2. Методы психологіи: самонаблюденіе и такъ называемое объективное наблюденіе душевныхъ явленій.

Конечно, проще всего и естественнѣе всего вести собираніе и описаніе явленій душевной жизни путемъ наблюденія этихъ явленій въ *самомъ себѣ*. Такое наблюденіе душевныхъ явленій (т.-е. наблюденіе надъ ними въ самомъ себѣ) называется *самонаблюденіемъ*, или *внутреннимъ наблюденіемъ*, или *интроспекціей*. Систематическое же употребленіе самонаблюденія для научныхъ цѣлей называется *субъективнымъ* или *интроспективнымъ методомъ*. Но есть еще и *объективное наблюденіе*, состоящее въ наблюденіи душевныхъ явленій, происходящихъ въ другомъ одушевленномъ существѣ, т.-е. въ наблюденіи *чужой* душевной жизни, при чемъ систематическое примѣненіе объективнаго наблюденія называется *объективнымъ методомъ*.

Такъ какъ употребленіе самонаблюденія для изученія душевной жизни естественнѣе всего приходитъ въ голову, то понятно, что психологія со времени Аристотеля (ум. 322 г. до Р. Х.), т.-е. съ того времени, какъ стали ею заниматься не мимоходомъ, а систематически, всегда пользовалась, главнымъ образомъ, самонаблюденіемъ, лишь изрѣдка употребляя въ видѣ добавочнаго средства объективное наблюденіе. Но до второй половины XIX в. она не отдавала себѣ яснаго отчета, слѣдуетъ ли такъ поступать, а если слѣдуетъ, то почему именно. Такой отчетъ сталъ необходимъ для нея въ XIX в., когда, по почину основателя позитивизма—Огюста Конта, возникъ вопросъ о самой возможности самонаблюденія. А именно—въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія Контъ напечаталъ свое сочиненіе: „Курсъ позитивной философіи“, въ которомъ, анализируя методы различныхъ наукъ, пришелъ къ отрицанію самой возможности самонаблюденія надъ мышленіемъ. Эту невозможность онъ доказываетъ двумя слѣдующими соображеніями:

1—*Органъ не можетъ наблюдать надъ своей собственной дѣятельностью*, напр., глазъ не можетъ видѣть самъ въ себѣ свою дѣятельность. Органомъ же мышленія служитъ головной мозгъ. А это значитъ, что при самонаблюденіи надъ мышленіемъ головной мозгъ долженъ наблюдать надъ *своей собственной* дѣятельностью: но это такъ же невозможно, какъ и наблюденіе глаза надъ своей собственной дѣятельностью.

2—Второй аргументъ Конта сводится къ тому, что *наше Я не можетъ раздваиваться*, ибо оно единично. При самонаблюденіи же оно должно раздвоиться, ибо оно должно быть сразу наблюдаемымъ и наблюдающимъ; а значитъ—мышленіе путемъ самонаблюденія изучать нельзя.

Мысли, высказанныя Контомъ, нашли много послѣдователей, и распространилось пренебреженіе уже ко всякому употребленію субъективнаго метода.

Стали отрицать возможность употребленія самонаблюденія при изученіи не одного лишь мышленія, но и вообще душевныхъ явленій. Одинъ изъ аргументовъ Конта усилили и придали ему такую форму: *развѣ*, спрашивали, *возможно, чтобы наше Я при какомъ бы то ни было самонаблюденіи, а не только при самонаблюденіи надъ мышленіемъ, раздваивалось на наблюдающее и наблюдаемое? Очевидно, въ силу единства нашего Я это невозможно. Но это неизбѣжно при самонаблюденіи; слѣдовательно, оно неосуществимо вообще, а не только въ примѣненіи къ мышленію.* А изъ этого дѣлали тотъ выводъ, что душевныя явленія надо изучать, *какъ физіологическія*, путемъ внѣшняго наблюденія, т.-е. черезъ наблюденіе ихъ не въ самомъ себѣ, а въ другомъ лицѣ. И такъ какъ при этомъ мы *прежде всего* будемъ сталкиваться съ дѣятельностью нервной системы, то даже заключали отсюда, будто бы *психологію надо считать частью физіологіи нервной системы.*

Впрочемъ, пренебреженіе субъективнымъ методомъ въ психологіи продолжалось недолго. Скоро раздались голоса, доказывавшіе невозможность ограничиваться въ психологіи однимъ лишь объективнымъ методомъ и выставлявшіе на видъ не только необходимость самонаблюденія, но и его главенство въ психологіи передъ объективнымъ наблюденіемъ. И дѣйствительно: легко убѣдиться, что Контъ сильно заблуждался со всѣми своими послѣдователями.

Вѣдь самонаблюденіе, даже надъ мышленіемъ, очевиднымъ и неоспоримымъ образомъ существуетъ: иначе мнѣ нельзя было бы самому узнать и разсказать другимъ, что́ я чувствую, думаю и т. п., а надо было бы всякій разъ спрашивать объ этомъ у другихъ. Контъ же, не обращая на это вниманія, хотѣлъ, такъ сказать, отфилософствовать этотъ фактъ. Несомнѣнное же существованіе самонаблюденія доказываетъ, что оно возможно, и что въ доводахъ Конта непремѣнно скрываются какія-то ошибки. Надо только вскрыть ихъ. Онѣ таковы:

1—Первое его возраженіе (что органъ мышленія, головной мозгъ, не можетъ наблюдать надъ своей дѣятельностью, подобно тому, какъ глазъ—органъ зрѣнія, не можетъ слѣдить за своей) построено имъ на аналогіи глаза и головного мозга, на перенесеніи на головной мозгъ того, что́ подмѣчено въ глазу. Не будемъ распространяться, что вообще-то къ выводамъ по аналогіи слѣдуетъ относиться осторожно: они не могутъ служить доказательствомъ. Но этого мало: въ данномъ случаѣ аналогія, если бы даже она вообще была способна служить доказательствомъ, здѣсь оказалась бы непригодной къ этому, ибо здѣсь она неправильно проведена. Дѣйствительно, Контъ говоритъ: глазъ не можетъ наблюдать надъ своей дѣятельностью. Но надъ какой дѣятельностью? Надъ тѣлесной, т.-е. надъ тѣми *физіологическими* процессами, которые въ немъ происходятъ. Отсюда надо бы заключить по аналогіи, что и головной мозгъ также не можетъ наблюдать надъ своей *физіологической* дѣятельностью (надъ питаніемъ мозга, надъ перемѣнами въ его волокнахъ и т. д.). А Контъ говоритъ: надъ дѣятельностью мышленія, т.-е. надъ дѣятельностью *психической*, а вовсе не физіологической.

2—Ошибка же второго возраженія Конта, гласящаго, что наше Я не можетъ раздваиваться на наблюдающее и наблюдаемое, и обобщеннаго послѣдователями Конта на всѣ случаи самонаблюденія (не только надъ мышленіемъ), заключается въ перенесеніи безъ всякихъ доказательствъ на душевную дѣятельность закона внѣшнихъ наблюденій. При внѣшнихъ наблюденіяхъ, дѣйствительно, необходима двойственность, существованіе *двухъ* вещей сразу—наблюдающаго органа и наблюдаемаго предмета (напр., нельзя осязать чего-либо, если нѣтъ сразу и осязаемой вещи, и осязающаго органа). Но явленія внѣшняго міра совершенно не похожи на душевныя; поэтому законовъ, управляющихъ внѣшними наблюденіями, нельзя безъ всякихъ доказательствъ, какъ бы самоочевидную истину, переносить на внутренній міръ — на самонаблюденіе. Послѣднее надо брать такимъ, какъ о немъ свидѣтельствуютъ факты. А факты показываютъ, что наше Я при самонаблюденіи вовсе не раздваивается. Да и нѣтъ надобности въ такомъ раздвоеніи; ибо душевныя явленія обладаютъ одной особенностью, которая называется сознательностью, и которая устраняетъ необходимость такого раздвоенія. Она состоитъ въ томъ, что, переживая душевное явленіе, мы въ то же время черезъ это самое уже *знаемъ*, о томъ, что оно переживается нами. Въ тѣлесныхъ же явленіяхъ дѣло стоитъ иначе: напримѣръ, о пищевареніи мы узнаемъ лишь изъ науки, хотя переживаемъ его каждый день; а поэтому они называются безсознательными. *Сознательность душевныхъ явленій и дѣлаетъ возможнымъ употребленіе самонаблюденія безъ всякаго раздвоенія нашего Я.*

Но изъ всего сказаннаго вытекаетъ только одно: вопреки мнѣнію Конта и его послѣдователей, самонаблюденіе оказывается вещью, вполнѣ возможной, осуществимой. Но необходимо ли употреблять его для разработки психологіи или полезнѣе замѣнить объективнымъ наблюденіемъ? У душевныхъ явленій есть еще одна особенность, которая дѣлаетъ употребленіе самонаблюденія для ихъ изученія не только неизбѣжнымъ, но даже основнымъ, главнымъ методомъ, именно: душевныя явленія сознаются или воспринимаются *только* тѣмъ лицомъ, которое ихъ переживаетъ; чужія же мысли, чувства, хотѣнія, вообще, чужія душевныя явленія воспринимать мы не можемъ.

Мы въ дѣйствительности воспринимаемъ не самыя чужія душевныя явленія, но только тѣ тѣлесные процессы, которые ихъ сопровождаютъ, и, отправляясь отъ этихъ процессовъ, какъ отъ знаковъ душевныхъ явленій, мы всего только *заключаемъ о связанныхъ съ ними душевныхъ явленіяхъ*. Такъ, мы не можемъ видѣть самого чужого горя, самой чужой радости, т.-е. самихъ душевныхъ состояній, называемыхъ этими именами. Мы видимъ только проявленія ихъ въ тѣлесныхъ процессахъ, именно—видимъ только слезы, смѣхъ, своеобразный блескъ глазъ, игру физіономіи, извѣстные жесты и т. п., а по всему этому, какъ по знакамъ, всего лишь *заключаемъ* о душевныхъ событіяхъ, вызывающихъ эти физіологическія проявленія. Точно такъ же мы никогда не видимъ прямо никакихъ чужихъ мыслей, но видимъ или слышимъ только тѣ слова, которыя пишутся или произносятся другими людьми, и по нимъ, какъ по знакамъ, *заключаемъ* о чужихъ мысляхъ.

А изъ этого слѣдуетъ, что такъ называемое объективное наблюденіе вовсе не составляетъ наблюденія *самихъ* чужихъ душевныхъ явленій, какъ мы его опредѣляемъ ради краткости. Его даже не слѣдовало бы называть объективнымъ наблюденіемъ душевныхъ явленій или наблюденіемъ чужой душевной жизни; употребленіе такихъ названій есть лишь уступка привычному языку. Въ дѣйствительности же *такъ называемое объективное наблюденіе душевныхъ явленій сводится къ наблюденію однихъ лишь матеріальныхъ явленій, соединенному съ ихъ истолкованіемъ, какъ показателей душевныхъ явленій, при чемъ это истолкованіе производится нами на основаніи тѣхъ знаній о связи душевныхъ явленій съ матеріальными, которыя мы успѣли пріобрѣсть раньше посредствомъ самонаблюденія.* Вѣдь, чтобы знать значеніе слезъ, смѣха, разныхъ жестовъ и т. п., я долженъ сперва въ самомъ себѣ наблюсти, при какихъ душевныхъ явленіяхъ они возникаютъ. Такимъ образомъ, самонаблюденіе оказывается для психологіи не только неустранимымъ или необходимымъ методомъ, но даже *основнымъ* методомъ. Даже кажется сомнительнымъ, нужно ли рядомъ съ нимъ пользоваться объективнымъ наблюденіемъ.

Но по двумъ причинамъ необходимо употреблять въ психологіи также и объективное наблюденіе, какъ *вспомогательный* методъ, именно:

1—*Объективный методъ совершенно неизбѣженъ въ большей части вопросовъ, изучаемыхъ сравнительной психологіей.* Конечно, когда мы изучаемъ особенности душевной жизни довольно взрослыхъ и душевно-здоровыхъ лицъ, т.-е. индивидуальную психологію, то намъ лучше всего прибѣгнуть къ опросу этихъ лицъ. Но даже и тутъ мы можемъ встрѣтить затрудненія, состоящія въ томъ, что о многомъ будутъ неохотно вступать съ нами въ откровенности, такъ что и тутъ даже придется прибѣгать къ помощи объективнаго наблюденія. Когда же мы хотимъ узнать типы психическихъ организацій, сильно отличающіеся отъ нашего собственнаго типа, напримѣръ— душевно-больного или ребенка, или животнаго, то уже рѣшительно нельзя обойтись безъ такъ называемыхъ объективныхъ наблюденій.

2—*Необходимы объективныя наблюденія и при изученіи коллективной психологіи.* Когда изслѣдователь подчиняется тѣмъ вліяніямъ, исходящимъ изъ соединенія многихъ лицъ въ одинъ конгломератъ, которыя измѣняютъ ходъ душевной жизни лицъ, образующихъ этотъ конгломератъ, когда, напримѣръ, онъ самъ попадаетъ въ толпу, подчинившуюся измѣненію въ обычномъ ходѣ душевной жизни, то обыкновенно онъ находится въ такихъ условіяхъ, что самонаблюденіе становится прямо-таки невозможнымъ: увлеченный настроеніями толпы, онъ занятъ тѣмъ же, чѣмъ и толпа, а не психологіей. Если же у него такой философскій складъ характера, что онъ остается независимымъ отъ измѣняющихъ его душевную жизнь вліяній толпы, то его самонаблюденію нечѣмъ заняться въ коллективной психологіи, и остается наблюдать не себя, а толпу.

Но какъ пользоваться самонаблюденіемъ? Оно можетъ быть двоякимъ: 1) *личнымъ* и 2) *сравнительнымъ или коллективнымъ*. Подъ личнымъ

самонаблюденіемъ подразумѣвается наблюденіе, совершаемое психологомъ надъ самимъ собою, безъ справокъ о томъ, какъ наблюдаемыя имъ явленія происходятъ у другихъ лицъ. Подъ коллективнымъ же самонаблюденіемъ подразумѣвается самонаблюденіе, совершаемое многими лицами, при чемъ данныя, полученныя путемъ личнаго наблюденія каждаго изъ нихъ, сравниваются между собой для ихъ взаимной провѣрки и пополненія.

Должны ли мы пользоваться обязательно обоими методами самонаблюденія, или же можно ограничиться лишь однимъ изъ нихъ? Да, обоими, ибо: 1) методъ личнаго самонаблюденія страдаетъ важными недостатками, для устраненія которыхъ необходимо прибѣгать къ коллективному самонаблюденію; 2) безъ личнаго же самонаблюденія, наоборотъ, тоже нельзя обойтись. Безъ него у насъ не было бы знанія собственной душевной жизни; а безъ предварительнаго знанія *своей* душевной жизни нельзя даже понять тѣ выраженія, которыя употребляются другими лицами для описанія *ихъ* душевной жизни. Вѣдь значеніе этихъ выраженій я могу узнать не иначе, какъ присматриваясь къ тому, что̀ означаютъ они въ примѣненіи къ *моей* душевной жизни. Слѣд., раньше всего мы должны пользоваться личнымъ самонаблюденіемъ. Оно поэтому является *самымъ важнымъ* методомъ психологіи; но для исправленія и пополненія его показаній надо обращаться, какъ къ вспомогательному методу, къ сравнительному самонаблюденію.

Недостатки же личнаго наблюденія, вынуждающіе обращаться и къ помощи сравнительнаго, слѣдующіе:

1—*При одномъ лишь личномъ самонаблюденіи у насъ мало средствъ для борьбы противъ вліянія предвзятыхъ взглядовъ*, которые накопляются невольнымъ образомъ относительно душевныхъ явленій уже въ обыденной жизни, и къ которымъ еще присоединяется теорія, созданная психологомъ при изученіи этихъ явленій. Всѣ эти взгляды заставляютъ насъ быть пристрастными къ нимъ и мѣшаютъ точному самонаблюденію. Ограничиваясь при изученіи душевной жизни однимъ лишь личнымъ самонаблюденіемъ, мы являемся, такъ сказать, и судьей своихъ психологическихъ взглядовъ и заинтересованной стороной; и мы можемъ *невольно* не замѣчать въ душевныхъ явленіяхъ того, что̀ противорѣчитъ этимъ предвзятымъ взглядамъ, и якобы подмѣчать то, чего въ дѣйствительности не происходитъ, но чему *слѣдуетъ быть* по этимъ взглядамъ.

2—Ограничиваясь однимъ лишь личнымъ самонаблюденіемъ, *мы знакомимся только съ однимъ психологическимъ типомъ*—съ тѣмъ, къ которому принадлежимъ мы сами.

И указанные недостатки личнаго самонаблюденія нельзя вполнѣ устранить никакими его видоизмѣненіями, какъ это ясно изъ разсмотрѣнія послѣднихъ. Эти видоизмѣненія слѣдующія: 1) *методъ прямого личнаго самонаблюденія* и 2) *методъ непрямого личнаго самонаблюденія*.

Сущность перваго метода заключается въ наблюденіи въ себѣ душевнаго явленія въ тотъ самый моментъ, когда оно въ насъ происходитъ. Благодаря этому методу, первый недостатокъ личнаго самонаблюденія—подчи-

неніе предвзятымъ взглядамъ, хотя и не устраняется вполнѣ, но все же значительно ослабляется, такъ какъ мы здѣсь стоимъ лицомъ къ лицу передъ фактами, противорѣчащими нашимъ предвзятымъ взглядамъ. Зато второй недостатокъ—знакомство только съ однимъ психологическимъ типомъ—остается здѣсь во всей своей силѣ.

Методъ же *непрямого* личнаго самонаблюденія заключается въ наблюденіи своихъ душевныхъ явленій или 1) путемъ *воспоминанія о нихъ*, или 2) путемъ *воображенія*, т.-е. въ томъ, чтобы наблюдать ихъ, какъ они *воображаются*.

Въ пригодности перваго вида непрямого самонаблюденія не можетъ быть никакихъ сомнѣній, если не поднимать чисто гносеологическаго вопроса о томъ, по какому праву мы вообще довѣряемъ памяти, хотя, въ концѣ концовъ, всякая ея провѣрка опирается опять-таки на чью-нибудь память.

Что же касается второго вида, то здѣсь можетъ возникнуть слѣдующій вопросъ: какимъ образомъ наука, не имѣющая ничего общаго съ игрой воображенія, допускаетъ методъ, разсматривающій не дѣйствительные, а воображаемые факты? Впослѣдствіи, изучая воображеніе, мы увидимъ, что оно есть не что иное, какъ переживаніе въ слабой степени воображаемаго душевнаго явленія. Слѣдовательно, для изученія *качественной* стороны душевныхъ явленій оно вполнѣ пригодно, хотя совершенно непригодно въ наукахъ, изучающихъ внѣшній матеріальный міръ. Теперь же мы все-таки можемъ, по крайней мѣрѣ, доказать частое и плодотворное употребленіе этого метода въ тѣхъ случаяхъ, когда мы разсматриваемъ душевныя явленія помимо психологіи; а отсюда можно заключить объ его пригодности для психологіи.

Читая какой-нибудь романъ, мы судимъ о правдоподобности душевной жизни выведенныхъ тамъ лицъ, критикуемъ автора и часто приходимъ къ *единогласной* его оцѣнкѣ, чѣмъ доказывается правильность метода, который приводитъ насъ къ ней. Но какимъ образомъ составляемъ мы себѣ столь единогласный взглядъ на душевную жизнь дѣйствующихъ лицъ романа? Ставя путемъ *воображенія* самихъ себя на ихъ мѣсто, *воображая* себѣ, что мы сами пережили въ своемъ прошломъ все то же, что и они, и находимся теперь въ тѣхъ же условіяхъ, какъ и они, и *воображая*, что нашего дѣйствительнаго прошлаго у насъ не было. Далѣе: видя, что ходъ душевной жизни описаннаго въ романѣ лица таковъ, какимъ онъ *воображается* нами, если бы мы сами находились при такихъ же обстоятельствахъ, какъ и описанное лицо, мы утверждаемъ, это описаніе этого хода, данное въ романѣ, правдиво. А если всѣ согласны въ такомъ выводѣ, то, значитъ, правиленъ тотъ методъ, которымъ онъ полученъ. Такимъ образомъ, изученіе душевныхъ явленій при помощи воображенія вполнѣ возможно. Кромѣ того, историки тоже часто употребляютъ такой же методъ, когда стараются проникнуть въ душу изучаемаго ими историческаго дѣятеля. Вѣдь они *воображаютъ* самихъ себя поставленными въ условія этого дѣятеля, и по тому, что они находятъ въ своей *воображаемой* душевной жизни, они судятъ о немъ. По всему этому

не удивительно, что и въ психологическихъ изслѣдованіяхъ въ видѣ довода приглашаютъ *представить или вообразить себѣ*, что наступитъ въ нашей душѣ при такихъ-то и такихъ-то условіяхъ. И понятно, что въ психологическихъ сочиненіяхъ попадается такъ много ссылокъ на беллетристическую литературу, къ тому же ссылокъ, служащихъ не для простого поясненія (или иллюстраціи), но и *для подтвержденія* сказаннаго.

Каковы же достоинства и недостатки непрямого метода? Методъ непрямого самонаблюденія при помощи *воображенія* еще не такъ сильно страдаетъ вторымъ недостаткомъ личнаго самонаблюденія: онъ при богатомъ воображеніи можетъ еще дать намъ кое-какія свѣдѣнія о возможности (но только о возможности, а не о фактическомъ осуществленіи) другихъ психологическихъ организацій, чѣмъ наша собственная. Зато первый недостатокъ — подчиненіе предвзятымъ взглядамъ — проявляется при всякомъ непрямомъ самонаблюденіи (и памятью, и воображеніемъ) во всей своей силѣ, такъ какъ и воспоминаніе, и особенно воображеніе даютъ полный просторъ вліянію такихъ взглядовъ.

Разсмотрѣніе методовъ прямого и непрямого личнаго самонаблюденія показываетъ, что *ни при одномъ изъ нихъ присущіе личному самонаблюденію недостатки не устраняются, а только ослабѣваютъ, при чемъ даже не оба сразу, а порознь.* Слѣдовательно, кромѣ личнаго самонаблюденія, необходимо употреблять и самонаблюденіе коллективное для возможно бо́льшаго устраненія этихъ недостатковъ.

Методъ *коллективнаго или сравнительнаго самонаблюденія* состоитъ въ собираніи и въ сравненіи данныхъ самонаблюденія, накопленныхъ не однимъ лицомъ, а множествомъ, и можетъ примѣняться двоякимъ путемъ: 1) *безъ помощи опроса другихъ лицъ*, ограничиваясь лишь прежде накопившимися психологическими документами, и 2) *при помощи опроса, приноровленнаго къ цѣлямъ даннаго изслѣдованія*, что составитъ *опросный* или, какъ его называютъ еще иначе, *анкетный методъ*, отъ французскаго слова *enquête* — разслѣдованіе, изслѣдованіе; ибо самый опросъ, приноровленный къ опредѣленнымъ цѣлямъ, называется анкетой. Такимъ образомъ, есть два метода коллективнаго самонаблюденія, при чемъ, разумѣется, каждый изъ нихъ можно комбинировать съ другимъ, а также и съ различными другими методами. Но опишемъ подробнѣе оба эти метода.

Въ видѣ готовыхъ психологическихъ документовъ, кромѣ сочиненій по психологіи, можно пользоваться еще разнообразнѣйшими источниками, каковы, напримѣръ: 1) множество философскихъ сочиненій, особенно по гносеологіи, этикѣ и эстетикѣ. Дѣло въ томъ, что философія, какъ мы уже говорили (см. выше стр. 12), для своихъ построеній, часто нуждается въ различныхъ психологическихъ справкахъ. Въ дѣйствительности же всегда или, по крайней мѣрѣ, почти всегда авторы философскихъ произведеній не черпали ихъ въ готовомъ видѣ изъ психологіи, а впервые сами же и находили ихъ, послѣ чего бо́льшая или меньшая часть ихъ переносилась въ составъ содержанія психологіи. Поэтому, *кто хочетъ выработать изъ себя дѣйствительнаго, а*

не кажущагося только знатока и самостоятельнаго работника въ психологіи, тотъ долженъ прежде всего запастись обще-философскимъ образованіемъ, чтобы оно сдѣлало доступной и понятной для него всю философскую литературу, еще далеко не использованную въ смыслѣ психологическихъ документовъ. 2) Религіозно-нравственная литература, конечно, тоже нуждается въ психологическихъ самонаблюденіяхъ и переполнена ими: на нихъ-то и основываются всѣ излагаемые въ ней совѣты относительно способовъ преуспѣянія въ духовной жизни, поднятія на высшую ступень духовнаго совершенства и т. п. Между тѣмъ эта литература остается почти вовсе не использованной въ смыслѣ психологическихъ документовъ. Напримѣръ, еще Владиславлевъ (въ I т. стр. 94 своей „Психологіи“) отмѣтилъ, что остались совершенно не использованными сочиненія аскетовъ и подвижниковъ (Исаака и Ефрема Сирянъ, аввы Дорофея, Іоанна Лѣствичника и др.), хотя они внимательно погружались въ самихъ себя, тщательно изучая изгибы сердца и желаній, гнѣзда и корни грѣховныхъ наклонностей и помысловъ. 3) Беллетристическая литература, а именно—произведенія тѣхъ лицъ, которыя обладаютъ выдающимся психологическимъ талантомъ (Шекспиръ, Толстой, Достоевскій и другіе). 4) Данныя языка, въ которыхъ разсѣяны наблюденія, производимыя цѣлымъ народомъ, отразившіяся во многихъ пословицахъ, поговоркахъ и т. п. 5) Записи самонаблюденій, производимыхъ какимъ-либо лицомъ съ какими бы то ни было цѣлями, какъ, напр.: самонаблюденія въ формѣ признанія врачу, священнику, литературныя исповѣди, дневники и т. п.

Но, несмотря, на такое обиліе матеріала, которымъ можно пользоваться въ видѣ готовыхъ психологическихъ документовъ въ цѣляхъ коллективнаго самонаблюденія, все-таки данныхъ, полученныхъ на основаніи однихъ лишь готовыхъ документовъ, часто бываетъ мало для пополненія показаній личнаго самонаблюденія, что̀ заставляетъ прибѣгать къ другому видоизмѣненію коллективнаго самонаблюденія—къ коллективному самонаблюденію, вызываемому и направляемому самимъ изслѣдователемъ при помощи опроса, приноровленнаго къ его изслѣдованію. Этотъ *опросъ или анкета можетъ производиться двоякимъ способомъ: устно или письменно.* Къ первому прибѣгаютъ, когда по роду изслѣдованій надо наблюдать явленіе не иначе, какъ въ самый моментъ его возникновенія. Второй же, т.-е. письменный опросъ посредствомъ вопросника, отпечатаннаго въ достаточномъ числѣ экземпляровъ, допустимъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда явленіе можно изучать и съ помощью воспоминанія о немъ, или воображая, какъ оно происходило бы. Разумѣется, какъ то, такъ и другое средство встрѣчаетъ свои затрудненія: устный опросъ требуетъ очень много времени; письменный же хотя и не страдаетъ такимъ неудобствомъ, зато встрѣчаетъ немалое препятствіе въ лѣни и нелюбви къ писанію со стороны тѣхъ лицъ, которымъ разсылаютъ вопросники. Одинъ изслѣдователь сообщаетъ, что имъ было разослано 5000 вопросниковъ, а на нихъ получены отвѣты только отъ 30 лицъ.

Какъ при устномъ, такъ и при письменномъ опросѣ надо обезпечить себя отъ напраснаго довѣрія къ умышленно и неумышленно ложнымъ отвѣтамъ.

Нѣкоторые могутъ умышленно дурачить изслѣдователя, другіе же могутъ давать ложные отвѣты неумышленно, а искажая данныя своего самонаблюденія подъ вліяніемъ предвзятыхъ взглядовъ. Слѣдовательно, при всякой психологической анкетѣ необходима провѣрка полученныхъ отвѣтовъ. Такими средствами для провѣрки, которыя были бы годны при всякомъ изслѣдованіи, служатъ только: 1) *постоянное согласіе даннаго лица съ самимъ собою, даже при такихъ условіяхъ, когда оно не можетъ быть результатомъ обмана, и 2) согласіе многихъ лицъ между собою.* Когда допрашиваемый, поставленный въ такія условія, что, обманувши одинъ разъ, не можетъ запомнить въ точности своего обмана, все-таки показываетъ всегда одно и то же, или же когда одинъ и тотъ же отвѣтъ повторяется множествомъ лицъ, не находившихся въ сношеніяхъ другъ съ другомъ, то согласіе такихъ отвѣтовъ, конечно, можетъ служитъ норукой въ ихъ истинности. Вѣдь нельзя же предполагать, чтобы разныя лица умышленно или неумышленно искажали факты одинаковымъ образомъ. Что же касается до согласія одного и того же лица съ самимъ собой, то разъяснимъ его на слѣдующемъ примѣрѣ. Предположимъ, что мы хотимъ изслѣдовать явленіе окрашиванія звуковъ, явленіе, состоящее въ томъ, что нѣкоторыя лица слышатъ звуки какъ бы окрашенными въ извѣстные цвѣта. Здѣсь для контроля предлагаютъ допрашиваемому лицу *указать*, въ какой цвѣтъ окрашены извѣстные звуки, напр., гласные, и указать при помощи карточекъ, во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ вполнѣ одинаковыхъ, но окрашенныхъ въ разные цвѣта и разные оттѣнки того же цвѣта. Показанія эти записываются, для чего на задней сторонѣ карточекъ есть номера, которые, однако, остаются неизвѣстными испытуемому. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему не позволяютъ дѣлать никакихъ помѣтокъ на карточкахъ и т. п. Черезъ нѣсколько дней его подвергаютъ прежнему опросу. И если по истеченіи столь большого промежутка времени опрашиваемое лицо указываетъ для даннаго звука все-таки на тѣ же самыя карточки, какъ и прежде, то, очевидно, это лицо говоритъ правду; ибо при умышленномъ обманѣ оно не могло бы запомнить свои первоначальныя показанія. Вѣдь запомнить въ точности цвѣтъ и его оттѣнокъ даже на короткій промежутокъ времени такъ трудно, что почти невозможно безъ ошибки подобрать въ магазинѣ матерію опредѣленнаго цвѣтового оттѣнка, если нѣтъ въ рукахъ образчика этого цвѣта.

3. Методы психологіи: экспериментъ и его преимущества предъ наблюденіемъ; экспериментированіе въ психологіи.

Кромѣ наблюденія, для изученія явленій природы можно употреблять еще и экспериментированіе, которое составляетъ столь важный методъ, что наше знаніе *внѣшней* природы тотчасъ же измѣнило весь свой обликъ, какъ только наука стала пользоваться экспериментомъ. Спрашивается: какъ слѣдуетъ относиться къ эксперименту въ психологіи—въ наукѣ объ явленіяхъ

внутренней природы? Выяснимъ сперва, что̀ такое вообще экспериментъ, какія у него преимущества предъ наблюденіемъ, т.-е. почему онъ содѣйствуетъ болѣе быстрому развитію науки, и какими путями они осуществляются.

Предварительно напомнимъ, что въ естественныхъ наукахъ, напримѣръ, въ физикѣ, химіи и т. п., экспериментъ называютъ опытомъ. Философія же употребляетъ слово опытъ въ родовомъ смыслѣ—для обозначенія и экспериментовъ, и наблюденій. Впрочемъ, нѣкоторые натуралисты уже стали употреблять слово „опытъ“ такъ же, какъ философы. Напр., у насъ въ Россіи такъ поступаетъ О. Д. Хвольсонъ въ своемъ четырехтомномъ „Курсѣ физики“, при чемъ онъ прямо ссылается на примѣръ философовъ.

Говоря объ экспериментѣ, нужно отказаться отъ ошибочной мысли, будто бы экспериментъ составляетъ что-то противоположное наблюденію, и будто бы данныя опыта, установленныя экспериментомъ, достовѣрнѣе установленныхъ наблюденіемъ. Напротивъ, *экспериментъ и наблюденіе совершенно однородны, и ихъ показанія одинаково достовѣрны:* вѣдь оба состоятъ ни въ чемъ иномъ, какъ въ подмѣчиваніи данныхъ опыта, взятыхъ въ ихъ чистомъ видѣ. Разница же между ними сводится только къ тому, что экспериментъ доставляетъ больше удобствъ для расширенія знанія, чѣмъ наблюденіе. *Экспериментъ служитъ лишь особымъ или частнымъ случаемъ наблюденія, именно—наблюденіемъ, поставленнымъ въ условія, болѣе удобныя для научной работы.*

Экспериментомъ или экспериментированіемъ называется такое наблюденіе, которое сопровождается пробой или испытаніемъ, производимымъ надъ тѣмъ, что̀ наблюдается нами, и *состоитъ экспериментъ въ наблюденіи надъ тѣмъ, что̀ происходитъ при обстоятельствахъ, умышленно устанавливаемыхъ или создаваемыхъ нами съ цѣлью узнать, т.-е. испытать или испробовать, что̀ именно придется наблюдать при этихъ обстоятельствахъ.* Напр., надъ электричествомъ мы экспериментируемъ, между прочимъ, слѣдующимъ образомъ: мы натираемъ сукномъ кусокъ янтаря, стеклянную, желѣзную палочку и т. п., т.-е. произвольно ставимъ ихъ въ новыя обстоятельства, и наблюдаемъ, что̀ при этомъ происходитъ съ ними, какія изъ этихъ тѣлъ пріобрѣтутъ электрическія свойства, а какія нѣтъ. Гдѣ нѣтъ умышленной установки обстоятельствъ, при которыхъ происходитъ наблюденіе, тамъ не можетъ быть и рѣчи объ экспериментѣ. Но еще недостаточно одной лишь умышленной установки обстоятельствъ, при которыхъ происходитъ наблюденіе, чтобы мы могли называть его экспериментомъ, а необходимо, чтобы она производилась именно съ цѣлью узнать (или испытать, испробовать), что̀ придется наблюдать при этихъ обстоятельствахъ. Такъ, движеніе свѣтилъ наблюдается обыкновенно при помощи телескопа, слѣдовательно, при обстоятельствѣ, нами же самими установленномъ: но такъ какъ это обстоятельство при астрономическихъ наблюденіяхъ устанавливается лишь съ цѣлью сдѣлать замѣтнѣе наблюдаемыя явленія, а не съ цѣлью узнать или испытать, что̀ придется наблюдать именно при установленномъ нами обстоятельствѣ, то эти наблюденія не составляютъ эксперимента. Но когда Галилей впервые устраи-

валъ телескопъ и при этомъ устанавливалъ два оптическихъ стекла на разныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга, глядя сразу сквозь нихъ на разные предметы, въ томъ числѣ и на планеты, то онъ экспериментировалъ, именно—надъ своимъ зрѣніемъ; ибо онъ устанавливалъ обстоятельство, при которомъ производилъ свое наблюденіе (то или другое разстояніе данныхъ стеколъ), какъ разъ съ цѣлью узнать, что̀ именно ему придется наблюдать въ своемъ зрѣніи при этомъ обстоятельствѣ. Экспериментируемъ и мы надъ своимъ зрѣніемъ, пока устанавливаемъ бинокль по глазамъ; а послѣ того мы уже наблюдаемъ съ его помощью. Вообще: *наблюденіе не сопровождается никакой пробой или испытаніемъ надъ тѣмъ, что̀ наблюдается нами, такъ что при наблюденіи мы или вовсе не вмѣшиваемся въ тѣ обстоятельства, при которыхъ производится наблюденіе, но оставляемъ ихъ такими, какъ они сложились сами собой, или же хотя и сами устанавливаемъ нѣкоторыя изъ нихъ, но вовсе не съ цѣлью испытать, что̀ именно придется намъ наблюдать при нихъ, а только для того, чтобы сдѣлать замѣтнѣе наблюдаемое явленіе.*

Итакъ, экспериментъ по существу своему то же самое, что и наблюденіе, частный случай наблюденія. Оттого-то и происходитъ, что иной разъ эксперименты называютъ наблюденіями. Проф. Петрушевскій озаглавилъ свою книгу „Курсъ *наблюдательной* физики“, чтобы отличить ее отъ математической, хотя тамъ излагается физика, основанная сплошь на экспериментахъ. Но въ тѣ времена, въ 70-хъ годахъ XIX вѣка, слово „экспериментъ“ у насъ еще не было въ ходу, а выраженіе „опытная физика“ для русскаго уха напоминаетъ скорѣе опытныхъ людей, чѣмъ экспериментальную физику. Далѣе: про учителей мы почти всегда говоримъ, что они *наблюдаютъ* учениковъ и ихъ успѣхи, хотя умышленно пробуя задавать уроки то побольше, то поменьше, умышленно употребляя при объясненіи уроковъ то одни, то другіе пріемы изложенія и дѣлая все это съ цѣлью узнать, какіе успѣхи придется имъ наблюдать, они несомнѣнно экспериментируютъ надъ учениками и ихъ успѣхами.—Если бы мы захотѣли быть педантически точными въ нашихъ выраженіяхъ, то намъ слѣдовало бы говорить не объ экспериментѣ и наблюденіи, какъ о какихъ-то двухъ противоположныхъ другъ другу или, по крайней мѣрѣ, разнородныхъ способахъ пріобрѣтенія знанія, но о простомъ и экспериментирующемъ наблюденіи: тогда сразу было бы ясно, что экспериментъ есть частный случай наблюденія. Нѣкоторые авторы нерѣдко такъ и выражаются, но обыкновенно слово „наблюденіе“ употребляютъ въ смыслѣ простого, не экспериментирующаго наблюденія.

Но экспериментъ все-таки имѣетъ нѣкоторыя преимущества передъ простымъ наблюденіемъ, преимущества, которыя онъ оттого и пріобрѣтаетъ, что, экспериментируя, мы производимъ наблюденія при обстоятельствахъ, подбираемыхъ нами же самими; а, разумѣется, мы всегда постараемся такъ подбирать ихъ, какъ это будетъ удобнѣе для нашихъ изслѣдованій. И такихъ преимуществъ у эксперимента четыре:

1—*Экспериментъ часто открываетъ намъ новыя, еще не наблюдав-*

шіяся до той поры явленія природы; ибо, пробуя или испытывая, что придется наблюдать при томъ или другомъ обстоятельствѣ, мы, разумѣется, можемъ нерѣдко встрѣтиться и съ явленіями, совершенно новыми, еще никогда не наблюдавшимися до той поры. Напр., почти всѣ электрическія явленія, преломленіе свѣта, химическіе элементы, ихъ соединенія и т. д., все это открыто благодаря экспериментированію. Безъ него и въ физикѣ, и въ химіи сумма знакомыхъ намъ явленій природы ограничивалась бы лишь тѣми, какія уже были подмѣчены въ тѣ времена, когда еще не было ни физики, ни химіи.

2—*Экспериментъ позволяетъ наблюдать изучаемое явленіе сколько угодно разъ въ томъ же самомъ видѣ и черезъ это облегчаетъ намъ возможность въ точности описать его.* Это преимущество осуществляется тѣмъ путемъ, что мы заставляемъ повторяться тѣ же самыя обстоятельства, при которыхъ произошло изучаемое явленіе, и такъ какъ отъ нихъ-то и зависитъ его возникновеніе, то оно и повторяется передъ нами, да еще въ прежнемъ видѣ. Легко понять важность такого повторенія. Вѣдь очень трудно подмѣтить сразу въ наблюдаемомъ явленіи всѣ его подробности. И чѣмъ сложнѣе явленіе, тѣмъ важнѣе его повторныя наблюденія.

3—*Экспериментъ облегчаетъ выясненіе причинъ, вызывающихъ изучаемое явленіе.* Каждое явленіе природы возникаетъ при сложныхъ обстоятельствахъ, т.-е. его возникновеніе сопровождается множествомъ самыхъ разнообразныхъ обстоятельствъ. Поэтому, если мы ограничиваемся наблюденіями, безъ помощи эксперимента, то чаще всего крайне трудно разобрать, какое именно изъ этихъ обстоятельствъ служитъ причиною изучаемаго нами явленія. При экспериментированіи же мы можемъ прямо испробовать, служитъ ли данное обстоятельство причиной этого явленія, или нѣтъ. Напр., мы можемъ прямо испробовать, будетъ ли данное тѣло нагрѣваться отъ его сжиманія, отъ ударовъ по нему и т. п.

4—*Экспериментъ чаще, чѣмъ наблюденія, даетъ возможность выяснить, какъ зависятъ количественныя перемѣны изучаемаго явленія отъ того или другого обстоятельства, и этимъ путемъ позволяетъ установить самые точные, математически формулированные, законы природы.* При простомъ наблюденіи приходится имѣть дѣло съ такими количественными измѣненіями изучаемаго явленія, которыя совершаются при множествѣ обстоятельствъ, такъ что очень трудно, а зачастую даже нельзя разобрать, отъ какого изъ нихъ, и въ какой именно степени зависятъ эти перемѣны. При экспериментированіи же мы облегчаемъ себѣ это дѣло тѣмъ, что подвергаемъ измѣненіямъ только одно изъ обстоятельствъ, при которыхъ происходитъ изучаемое нами явленіе, оставляя всѣ остальныя въ ихъ прежнемъ видѣ — безъ всякой перемѣны; и наблюдая вмѣстѣ съ тѣмъ изучаемое нами явленіе, мы удостовѣряемся такимъ путемъ, зависятъ ли его перемѣны отъ этого единственно измѣняющагося обстоятельства (т.-е. отражаются ли на нихъ перемѣны этого обстоятельства) или нѣтъ. И если зависятъ, то при достаточно большомъ рядѣ подобныхъ экспериментовъ зачастую удается выразить эту зависимость въ видѣ математически формулированнаго закона природы. *Вся суть дѣла*

здѣсь въ томъ, что при экспериментѣ очень часто мы можемъ такъ измѣнять какое-нибудь обстоятельство, при которомъ происходитъ изучаемое явленіе, чтобы всѣ остальныя оставались въ это время безъ всякой перемѣны. Этой возможностью и пользуются при измѣрительномъ экспериментированіи.

Напримѣръ, такимъ, именно, путемъ Галилей установилъ свои законы колебаній маятника. Какъ бы ни измѣняли мы вѣсъ груза, образующаго нашъ маятникъ, продолжительность его отдѣльныхъ колебаній не мѣняется, коль скоро въ это время остаются безъ перемѣны всѣ остальныя обстоятельства, именно: длина маятника, матеріалъ его груза и форма послѣдняго (дабы не мѣнялось съ перемѣной формы сопротивленіе воздуха. Чтобы легче соблюдать это условіе, проще всего брать въ видѣ груза, какъ это и дѣлалъ Галилей, какую-нибудь коробку, которую можно наполнять различными количествами того или другого вещества). Отсюда ясно, что продолжительность колебаній маятника не зависитъ отъ вѣса груза, образующаго маятникъ. Измѣняя же матеріалъ груза и оставляя безъ перемѣны всѣ остальныя обстоятельства, мы убѣждаемся въ независимости продолжительности колебаніи маятника и отъ его матеріала. Но измѣняя длину маятника въ то время, какъ всѣ остальныя обстоятельства остаются безъ перемѣны, мы тотчасъ же замѣчаемъ, что продолжительность отдѣльнаго колебанія находится въ прямой зависимости отъ длины маятника, т.-е. увеличивается съ ея увеличеніемъ и уменьшается съ ея уменьшеніемъ. Измѣряя же каждый разъ продолжительность колебанія и соотвѣтственную длину маятника и сопоставляя между собой достаточное число подобныхъ наблюденій въ то время, какъ всѣ остальныя обстоятельства при нихъ, кромѣ длины маятника, остаются безъ перемѣны, мы находимъ, что продолжительность отдѣльнаго колебанія маятника прямо пропорціональна квадратному корню изъ длины маятника, т.-е. выражаемъ зависимость колебаній маятника отъ его длины въ видѣ математически формулированнаго закона природы.

Если же экспериментированіе обладаетъ только что описанными, несомнѣнно важными, преимуществами предъ наблюденіемъ, то естественно ожидать, что каждая наука, изучающая данныя опыта, будетъ стремиться къ тому, чтобы развиваться при помощи экспериментированія. И понятно, что какъ только какая-нибудь наука начинала примѣнять экспериментированіе, то она быстро дѣлала огромные шаги въ своемъ развитіи и въ два или три десятилѣтія становилась совершенно неузнаваемой по новизнѣ своего содержанія. Примѣромъ можетъ служить физика и физіологія. Понятно также, что и въ психологіи должны были уже давно мечтать о примѣненіи экспериментированія. И дѣйствительно, объ этомъ мечтали нѣкоторые ученые уже въ XVIII в., но осуществить это удалось приблизительно *лишь съ 1860 г., который и считается началомъ существованія экспериментальной психологіи, такъ какъ въ этомъ году появилось сочиненіе лейпцигскаго профессора Фехнера „Элементы психофизики“*, въ которомъ онъ описывалъ множество экспериментовъ, продѣланныхъ имъ надъ ощущеніями.

Съ этого времени экспериментированіе надъ душевными явленіями стало примѣняться все болѣе и болѣе, а въ 1878 г. Вильгельмъ Вундтъ основалъ въ Лейпцигѣ при тамошнемъ университетѣ особое учебно-вспомогательное учрежденіе, названное имъ „Психологическимъ Институтомъ", гдѣ производятся психологическія изслѣдованія при помощи экспериментированія. Послѣ этого въ большинствѣ университетовъ тоже стали устраивать подобныя учрежденія подъ названіями „психологическіе институты" и „психологическія лабораторіи". У насъ же въ Россіи иногда ихъ называютъ „психологическими кабинетами". Напр., такъ называется это учрежденіе при Петроградскомъ университетѣ. Самый большой во всемъ мірѣ психологическій институтъ и въ то же время лучше всѣхъ другихъ приспособленный какъ для психологическихъ изслѣдованій, такъ и для преподаванія психологіи, находится при московскомъ университетѣ. Онъ открытъ 23 марта (въ день св. Лидіи) 1914 г. и называется „Психологическимъ Институтомъ имени Лидіи Григорьевны Щукиной". Онъ выстроенъ и оборудованъ исключительно на пожертвованія Сергѣя Ивановича Щукина, пожелавшаго этимъ даромъ увѣковѣчить память своей покойной жены. Казна дала только мѣсто для постройки внутри университетской усадьбы. Полновластнымъ же устроителемъ этого института, по просьбѣ С. И. Щукина, былъ профессоръ философіи московскаго университета Георгій Ивановичъ Челпановъ. Подробнѣе объ этомъ институтѣ см. въ IV приложеніи.

Въ чемъ же состоятъ методы психологическаго экспериментированія? Они очень разнообразны, и каждый изъ нихъ приноравливается особеннымъ образомъ къ особенностямъ изучаемыхъ явленій. Нѣкоторые изъ нихъ не требуютъ для своего примѣненія никакихъ приборовъ или инструментовъ. Точнѣе: при этихъ экспериментахъ приборами служатъ предметы, всегда находящіеся подъ руками. Другіе же, какъ, напримѣръ, измѣренія скоростей душевныхъ явленій, хотя и легки сами по себѣ, но для нихъ нужны особые приборы, особыя назначенныя для экспериментовъ помѣщенія и т. п. Вслѣдствіе разнообразія методовъ экспериментальной психологіи съ ихъ подробностями надо знакомиться только путемъ практическаго изученія, примѣняя эти методы на дѣлѣ къ какимъ-либо изслѣдованіямъ; а въ ихъ общемъ описаніи приходится ограничиться лишь примѣрами, поясняющими ихъ разнообразіе, да слѣдующими общими чертами.

Въ общемъ итогѣ *техническая сторона психологическихъ экспериментовъ, т.-е. самые способы, какъ они производятся, не труднѣе, чѣмъ при экспериментахъ гимназическаго курса физики.* Кто въ гимназіи ясно понялъ (а не зазубрилъ къ экзамену одними лишь словами) всѣ приборы и эксперименты, упоминаемые въ физикѣ, тотъ безъ всякаго труда пойметъ и описаніе всѣхъ психологическихъ приборовъ. А кто и самъ продѣлывалъ физическіе эксперименты и уже привыкъ обращаться съ физическими приборами, хотя бы въ предѣлахъ гимназическаго курса, тотъ сразу сумѣетъ обращаться со всѣми психологическими приборами, какъ только разсмотритъ ихъ устройство, и сумѣетъ производить при ихъ помощи психологическіе экспе-

рименты. Къ тому же, среди приборовъ, употребляемыхъ экспериментальной психологіей, не мало употребляемыхъ и физикой, заимствованныхъ у нея. Такъ, не говоря уже о множествѣ вспомогательныхъ приборовъ (въ родѣ коммутаторовъ, замыкателей электрическаго тока, кимографовъ, т.-е. вращающихся цилиндровъ, на которые натягивается закопченая бумага, какъ при изученіи колебаній камертона), въ экспериментальной психологіи употребляются тѣ же приборы, какъ и въ физикѣ, для смѣшенія цвѣтовъ, для усиленія звуковъ и т. д. Что же касается психологическихъ экспериментовъ, не требующихъ спеціальныхъ приборовъ, то, разумѣется, можно производить ихъ и не умѣя обращаться ни съ какими приборами. А такихъ экспериментовъ не мало въ психологіи. Словомъ: техническая сторона экспериментальной психологіи очень легка и доступна всякому образованному человѣку. *Въ экспериментальной психологіи трудность дѣла заключается вовсе не въ техникѣ экспериментированія, но въ томъ же самомъ, какъ и во всей психологіи, именно—въ томъ, чтобы правильно понять показанія опыта;* а будутъ ли они доставлены наблюденіями или экспериментами, это безразлично. И для правильнаго пониманія показаній эксперимента знаніе техники экспериментированія еще недостаточно. Для достиженія этой цѣли необходимы основательное знакомство съ душевной жизнью, пріобрѣтенное путемъ самонаблюденія, и солидная философская подготовка. Усвоить же одну лишь технику психологическаго экспериментированія, хотя бы во всѣхъ ея подробностяхъ, это еще не значитъ сдѣлаться психологомъ.

Говоря, что техника психологическихъ экспериментовъ (т.-е. самые способы, какими они производятся) очень легка, мы вовсе еще не хотимъ этимъ сказать, будто бы она всегда требуетъ малой затраты времени. Здѣсь нужно отличать демонстрированіе или показываніе экспериментовъ для нагляднаго разъясненія и подтвержденія уже готовыхъ научныхъ выводовъ, и *изслѣдованіе*, т.-е. полученіе новыхъ научныхъ выводовъ съ помощью экспериментированія. Демонстрированіе психологическихъ экспериментовъ не нуждается въ большомъ количествѣ времени. Но *психологическое изслѣдованіе съ помощью экспериментированія почти всегда требуетъ значительной затраты времени на многократное повтореніе одинаковыхъ экспериментовъ и однообразныхъ вычисленій.* Всѣ эти эксперименты и вычисленія очень легки, и каждый отдѣльно требуетъ немного времени; но ихъ приходится производить въ значительномъ количествѣ. Вѣдь то, что мы называемъ выводомъ изъ измѣрительнаго эксперимента (*единственное* число) того или другого ученаго, на самомъ дѣлѣ представляетъ собой средній ариѳметическій выводъ изъ множества произведенныхъ имъ одинаковыхъ измѣрительныхъ экспериментовъ. Дѣло въ томъ, что на всякое измѣряемое явленіе можетъ дѣйствовать множество обстоятельствъ, измѣняя его величину и въ ту, и въ другую сторону, въ родѣ невольно возникающихъ во время эксперимента у испытуемаго лица воспоминаній, обусловленныхъ ими настроеній и т. п. Поэтому на однократное измѣреніе изучаемаго нами явленія еще нельзя полагаться. Чтобы сгладить эти неустранимыя побочныя вліянія, сказывающіяся на ре-

зультатѣ каждаго измѣренія, мы должны произвесть цѣлый рядъ измѣреній изучаемаго явленія и взять средній ариѳметическій выводъ изъ всѣхъ этихъ измѣреній. Напримѣръ, измѣрялось при экспериментально-психологическихъ изслѣдованіяхъ, между прочимъ, время, протекающее между концомъ вопроса, въ которомъ предлагалось найти что-нибудь общее между двумя названными предметами (напр.: „сравните столъ и стулъ, или кошку и собаку, или воду и квасъ“ и т. п.), и началомъ отвѣта, который испытуемый давалъ тотчасъ же, какъ только ему пришло въ голову самое первое уподобленіе. Это время при каждомъ вопросѣ оказывалось неодинаковымъ. Такъ, у одной женщины-врача на требованіе сравнить столъ и стулъ отвѣтъ („оба деревянные“) начался черезъ 1 секунду послѣ конца вопроса, кошку и собаку („оба домашнія животныя“) черезъ 2 секунды, воду и квасъ („жидкости“) черезъ 1,5 секунды и т. д. Изслѣдованіе поэтому производилось такимъ образомъ, что этотъ же самый экспериментъ (но, разумѣется, каждый разъ съ разными по содержанію вопросами, въ родѣ трехъ указанныхъ) повторялся надъ *тѣмъ же самымъ* лицомъ 100 разъ (при чемъ для устраненія вліяній со стороны утомленія они были раздѣлены на 4 дня по 25 въ каждомъ), и изъ нихъ былъ сдѣланъ средній выводъ, который оказался у этой женщины-врача 2 секунды. А если бы мы захотѣли узнать, по какому закону или правилу измѣняется продолжительность измѣреннаго здѣсь времени въ зависимости отъ какого-нибудь зависящаго отъ нашей воли обстоятельства, то мы должны были бы измѣнять послѣднее и при каждомъ его измѣненіи произвесть по 100 подобныхъ экспериментовъ для одного и того же лица. Но этого еще мало. Всякій полученный описаннымъ путемъ средній ариѳметическій выводъ имѣетъ значеніе лишь для того лица, надъ которымъ мы производили нашъ экспериментъ (точнѣе говоря—сотню или нѣсколько сотенъ экспериментовъ); на этомъ выводѣ сказывается еще индивидуальность испытуемаго лица. А чтобы придать нашему среднему выводу общее значеніе, чтобы освободить его отъ вліянія отдѣльной индивидуальности (или, какъ часто выражаются въ этомъ случаѣ, чтобы элиминировать въ немъ индивидуальныя вліянія), мы должны взять болѣе или менѣе значительное число испытуемыхъ лицъ, каждое изъ нихъ подвергнуть всѣмъ описаннымъ экспериментамъ и сдѣлать общій средній выводъ изъ всѣхъ среднихъ выводовъ. Такимъ образомъ, каждый изъ этихъ экспериментовъ очень легокъ; ибо для измѣренія короткихъ промежутковъ времени есть особые приборы, обращаться съ которыми очень легко (секундомѣры и хроноскопы—они скоро будутъ описаны). Очень легки и вычисленія, которыя нужно дѣлать при этихъ экспериментахъ. Они тѣмъ легче, что существуютъ счетныя машины, механизмъ которыхъ безошибочно производитъ всѣ ариѳметическія дѣйствія надъ числами, отмѣчаемыми на машинѣ посредствомъ передвиженія особыхъ рычаговъ. Но легкихъ повторныхъ экспериментовъ и легкихъ вычисленій набирается столько, что на нихъ уходитъ множество времени.

Съ нѣкоторыми экспериментами мы встрѣтимся по мѣрѣ изложенія нашего курса. Теперь же приведемъ примѣры и болѣе простыхъ, и болѣе

сложныхъ экспериментовъ, съ цѣлью показать лишь разнообразіе и ихъ зависимость отъ особенностей тѣхъ явленій, которыя подвергаются экспериментированію.

Къ числу простѣйшихъ принадлежатъ эксперименты одной американки Лотти Стефенсъ надъ зависимостью скорости заучиванія отъ способа заучиванія. Она давала семи испытуемымъ лицамъ заучивать вслухъ по два отрывка однороднаго содержанія изъ одной и той же поэмы (изъ Чайльдъ Гарольда), въ 9 строкъ каждый. Но при одномъ изъ этихъ отрывковъ она предоставляла испытуемымъ полную свободу въ заучиваніи, другой же отрывокъ они должны были заучивать по указанному ею способу. И оказалось, что всѣ испытуемые, когда заучиваютъ стихотвореніе по-своему, т.-е.—какъ имъ самимъ кажется лучше, разбиваютъ его для заучиванія на части, которыя повторяютъ отдѣльно по нѣсколько разъ, при чемъ каждый дѣлаетъ эти раздѣленія и повторенія по-своему. И на все заучиваніе каждый изъ нихъ тратилъ нѣсколько больше времени (отъ 4 секундъ до 1 минуты 12 секундъ), чѣмъ, если онъ заучиваетъ стихотвореніе такой же величины, читая его нѣсколько разъ цѣликомъ, какъ этого требовала Стефенсъ.

Въ видѣ второго примѣра простѣйшихъ экспериментовъ приведемъ одинъ изъ тѣхъ опытовъ Эббингауза, которые были имъ опубликованы еще въ 1885 г. въ брошюрѣ „Ueber das Gedächtniss“, и имѣли большое значеніе въ развитіи психологическаго экспериментированія: они послужили образцомъ для множества экспериментовъ надъ чисто-психологическими вопросами, ближайшимъ образомъ надъ явленіями памяти. Эббингаузъ заучивалъ вполнѣ безсмысленный рядъ, состоящій изъ 16 слоговъ, образованныхъ чрезъ прибавленіе по обѣимъ сторонамъ гласной буквы двухъ согласныхъ, при чемъ тѣ и другія вынимались наудачу изъ двухъ ящиковъ. Если случайно выходили сочетанія слоговъ, имѣющія какой-либо смыслъ, то они отбрасывались, какъ неподходящія для изслѣдованія чисто-механической дѣятельности памяти. Заучиваніе состояло въ томъ, что этотъ рядъ прочитывался разъ за разомъ постоянно съ одинаковой скоростью (для чего сначала Эббингаузъ пользовался метрономомъ, но быстро убѣдился, что скорость чтенія легко регулировать, взглядывая отъ времени до времени на карманные часы). Такое повторное чтеніе указаннаго ряда продолжалось такъ долго, чтобы Эббингаузъ могъ тотчасъ же по окончаніи послѣдняго чтенія сказать этотъ рядъ два раза наизусть безъ всякихъ ошибокъ и съ такой же скоростью, съ какой его читалъ при заучиваніи.— *Условимся для краткости* во всемъ послѣдующемъ изложеніи заучиваніе, доведенное до *этой* степени, называть *безошибочнымъ заучиваніемъ*. — *Тотъ же самый* рядъ Эббингаузъ опять заучивалъ въ тотъ же часъ на другой день, потомъ на третій день и т. д., прочитывая его въ данный день лишь столько разъ, сколько нужно было, чтобы въ этотъ день снова заучить его *безошибочно*. Конечно, заранѣе можно было предвидѣть, что время, употребляемое на подобныя заучиванія, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе будетъ уменьшаться, какъ это и оказалось на дѣлѣ. Но суть-то дѣла здѣсь въ томъ, что, сравнивая величины

времени, выраженнаго *въ минутахъ* и затраченнаго на каждое изъ этихъ повторныхъ заучиваній, Эббингаузъ замѣтилъ, что эти величины подчинены слѣдующему закону: *разности временъ, употребленныхъ на такое заучиваніе въ два сосѣднихъ дня, постоянно образуютъ другъ съ другомъ равныя геометрическія отношенія.* Для знающихъ прогрессіи проще будетъ выразить это такъ: разности временъ, употребляемыхъ на такое заучиваніе въ два сосѣднихъ дня, образуютъ геометрическую прогрессію. Такъ, назовемъ время, употребленное на безошибочное заучиваніе этого ряда въ первый день, буквой A; время, употребленное на безошибочное заучиваніе того же самаго ряда на другой день, буквой B; на третій день — C; на четвертый—D; на пятый—E и т. д. Тогда выходитъ:

$$(A-B):(B-C)=(B-C):(C-D)=(C-D):(D-E)=\ldots\ldots n$$

т.-е. получается такая геометрическая прогрессія:

$$(A-B):(B-C):(C-D):(D-E):\ldots\ldots=n.$$

Болѣе сложные психологическіе эксперименты попадаются въ *психометріи.* Подъ этимъ именемъ подразумѣвается *часть психологіи, изучающая продолжительность различныхъ душевныхъ процессовъ.* Для этой цѣли употребляются особые приборы, устройство которыхъ приноровлено къ измѣренію очень малыхъ промежутковъ времени. Они бываютъ двухъ родовъ: одни, назначенные для болѣе грубыхъ измѣреній, показываютъ промежутки времени, начиная всего лишь съ пятой части секунды, и называются чаще всего *секундомѣрами;* другіе же, назначенные для болѣе тонкихъ измѣреній, показываютъ промежутки времени, начиная съ сотой или даже съ тысячной части секунды, и чаще всего называются *хроноскопами.* При этомъ не мѣшаетъ запомнить, что принято всѣми психологами называть и письменно обозначать тысячную часть секунды греческой буквой σ — „*сигма*“. Напр., вмѣсто того, чтобы говорить или писать 0,372 секунды, говорятъ и пишутъ 372 σ.

Секундомѣры по своимъ размѣрамъ и вообще по внѣшнему виду сходны съ мужскими карманными часами съ той лишь разницей, что на мѣстѣ часовой и минутной стрѣлки находится только одна стрѣлка—секундная. Поэтому на циферблатѣ нѣтъ дѣленій, соотвѣтствующихъ часамъ, а на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ обозначались бы часы, сдѣланы надписи: 5, 10, 15 и т. д., кончая 60, при чемъ эти числа обозначаютъ секунды. (См. рис. 1). Промежутки между тѣми дѣленіями, которыя обозначаютъ отдѣльныя секунды, подраздѣлены еще на 5 частей, т.-е. на пятыя части секунды. Внутри же только-что описаннаго циферблата находится другой, маленькій, раздѣленный на 30 частей. По нему двигается стрѣлка, которая каждое изъ его дѣленій проходитъ въ одну минуту. Наконецъ, секундомѣръ отличается еще тѣмъ, что въ головкѣ, въ которой находится колечко для шнурка или часовой цѣпочки, есть пружина, безъ нажатія на которую стрѣлки не нач-

нутъ своего движенія, а будутъ стоять на нулевыхъ дѣленіяхъ (бо́льшая, гдѣ написано 60, а меньшая, гдѣ написано 30), *хотя часовой механизмъ будетъ заведенъ*. При первомъ же нажатіи на эту пружину обѣ стрѣлки *одновременно* приходятъ въ движеніе, а при вторичномъ нажатіи на пружину обѣ стрѣлки одновременно останавливаются и остаются неподвижными. И такъ какъ онѣ начали свое движеніе съ нулевыхъ дѣленій, то по цифрамъ циферблата мы тотчасъ же узнаемъ, сколько минутъ, секундъ и пятыхъ частей секунды прошло между первымъ и вторымъ нажатіемъ на пружину, т.-е. между началомъ и концомъ измѣряемаго процесса. Напр., на рис. 1 видно, что прошло 3 минуты и $42^2/_5$ секунды. При третьемъ же нажатіи обѣ стрѣлки возвращаются къ нулевому дѣленію и остаются тамъ неподвижными, пока мы не нажмемъ пружины снова, для новаго измѣренія.

Что касается хроноскоповъ, то ихъ существуетъ нѣсколько системъ, называемыхъ по именамъ ихъ изобрѣтателей. Наиболѣе распространенъ хроноскопъ Гиппа. Его существенныя особенности слѣдующія: на стѣнкѣ ящика, заключающаго въ себѣ часовой механизмъ и нѣкоторыя другія приспособленія, находятся два циферблата. Каждый изъ нихъ раздѣленъ на 100 частей. (См. рис. 2). По каждому циферблату двигается своя особая стрѣлка. Одна изъ нихъ каждое дѣленіе проходитъ въ теченіе сигмы, т.-е. 0,001 части секунды, и при ея помощи можно отсчитывать по циферблату тысячныя части секунды, кончая 100 тысячными, т.-е. 0,1 секунды. Стрѣлка же другого циферблата каждое дѣленіе проходитъ въ 0,1 секунды, и при ея помощи можно отсчитывать на циферблатѣ десятыя части секунды и цѣлыя секунды до 10. *Въ часовомъ механизмѣ хроноскопа есть такое приспособленіе, что, хотя онъ и дѣйствуетъ, т.-е. его колеса уже двигаются, стрѣлки все-таки остаются неподвижными до тѣхъ поръ, пока чрезъ это приспособленіе не будетъ пущенъ электрическій токъ*. Тогда тотчасъ же *одновременно начинаютъ* двигаться обѣ стрѣлки, при чемъ ихъ движеніе продолжается только до тѣхъ поръ, пока токъ не будетъ прерванъ. А какъ только его прервутъ, обѣ стрѣлки останавливаются, такъ что, зная (записавъ) ихъ первоначальныя показанія на циферблатѣ и положеніе, въ которомъ онѣ остановились съ перерывомъ тока, мы легко узнаемъ, сколько времени шелъ токъ черезъ хроноскопъ. Если же мы при помощи вспомогательныхъ аппаратовъ устроимъ дѣло такъ, чтобы процессъ, продолжительность котораго мы хотимъ измѣрить, начинался въ тотъ же моментъ, какъ замыкается токъ, идущій чрезъ механизмъ хроноскопа, и кончался вмѣстѣ съ размыканіемъ этого тока, то стрѣлки хроноскопа укажутъ намъ продолжительность этого процесса: вѣдь она будетъ равна тому времени, въ теченіе котораго токъ шелъ чрезъ хроноскопъ [1]).

[1]) Въ болѣе сложныхъ экземплярахъ хроноскопа Гиппа приспособленіе, о которомъ мы сейчасъ говорили, устраивается такъ, что по нашему произволу стрѣлки хроноскопа могутъ двигаться то только что описаннымъ способомъ, т.-е. ихъ движеніе начинается при замыканіи тока и прекращается при его размыканіи, то, наоборотъ, начинается при размыканіи и прекращается при замыканіи.

На рис. 2 изображенъ внѣшній видъ демонстраціоннаго хроноскопа Гиппа. Чтобы сдѣлать его удобнымъ для демонстрированія въ аудиторіи, ему придаютъ такіе размѣры, что его большой циферблатъ доходитъ до $^3/_4$ аршина, при чемъ онъ приготовляется изъ молочнаго стекла и для большей ясности можетъ быть освѣщаемъ лампой, поставленной внутри хроноскопа. На рисункѣ стрѣлки хроноскопа показываютъ 5 секундъ (50 десятыхъ частей секунды) и 0,019 секунды, т.-е. 5019 сигмъ.

Устроить же совпаденіе начала измѣряемаго процесса съ замыканіемъ тока и конца процесса съ размыканіемъ тока вовсе не трудно. Напримѣръ, пусть мы хотимъ измѣрить промежутокъ времени, протекающій съ момента, когда вспыхиваетъ электрическая лампочка, до момента, когда испытуемый, въ знакъ того, что онъ уже успѣлъ замѣтить свѣтъ, *тотчасъ же* разомкнетъ токъ. Для этой цѣли поступаютъ слѣдующимъ образомъ: *тотъ же самый* токъ, который проходитъ чрезъ механизмъ хроноскопа, зажигаетъ и лампочку, такъ что она начинаетъ свѣтить одновременно съ движеніемъ стрѣлокъ хроноскопа. (См. рис. 3). Этотъ токъ вмѣстѣ съ тѣмъ проходитъ чрезъ размыкатель, съ помощью котораго испытуемый прерываетъ токъ самымъ легкимъ движеніемъ, напр.—легкимъ нажиманіемъ пальца на размыкатель. Въ это же самое мгновенье остановятся стрѣлки хроноскопа. Такимъ путемъ мы измѣримъ то время, которое пройдетъ отъ появленія свѣта лампы до того движенія, съ помощью котораго испытуемый разомкнетъ токъ.

То движеніе, которымъ испытуемое лицо размыкаетъ токъ въ отвѣтъ на вызванное въ немъ экспериментаторомъ ощущеніе (въ нашемъ примѣрѣ—на свѣтъ электрической лампы), *называется реакціей.* И съ помощью хроноскопа прежде всего измѣряется время такъ называемой простой реакціи.

Временемъ простой реакціи называется тотъ промежутокъ времени, который проходитъ отъ возникновенія опредѣленнаго простого впечатлѣнія до самой легкой реакціи на него со стороны испытуемаго, при чемъ послѣдній помѣщенъ въ такой обстановкѣ, чтобы на него не дѣйствовали никакія другія впечатлѣнія, сходныя съ тѣмъ, на какое онъ долженъ реагировать. Напр., условливаются съ испытуемымъ, что онъ будетъ наилегчайшимъ образомъ (напр., нажиманіемъ пальца на замыкатель) реагировать тотчасъ же, какъ только замѣтитъ свѣтъ электрической лампочки; и при этомъ заботятся, чтобы во время эксперимента онъ не испытывалъ никакихъ другихъ новыхъ свѣтовыхъ впечатлѣній, кромѣ свѣта этой лампочки. Тогда время, которое пройдетъ отъ возникновенія ея свѣта до реакціи на него со стороны испытуемаго, называется временемъ простой реакціи. *Всѣ же остальныя реакціи называются сложными.*

Время простой реакціи служитъ исходнымъ пунктомъ для измѣренія времени нѣкоторыхъ чисто-душевныхъ процессовъ. Въ этомъ состоитъ важность точныхъ измѣреній времени простой реакціи, хотя очевидно, что въ составъ этого времени входятъ и физіологическіе процессы. Именно, это время слагается не только изъ времени того душевнаго процесса,

которое испытуемое лицо переживаетъ вслѣдствіе принятаго имъ рѣшенія реагировать на опредѣленное впечатлѣніе, но еще изъ двухъ промежутковъ: изъ нихъ одинъ занятъ физіологическимъ процессомъ, который доводитъ это впечатлѣніе до сознанія испытуемаго, а другой занятъ тѣмъ физіологическимъ процессомъ, съ помощью котораго испытуемый производитъ отвѣтное движеніе на это впечатлѣніе. Тѣмъ не менѣе временемъ простой реакціи можно пользоваться, какъ отправнымъ пунктомъ для измѣренія скорости чисто-душевныхъ процессовъ. Напр., объяснимъ, *какъ измѣряется время, которое затрачивается испытуемымъ лицомъ на различеніе опредѣленнаго впечатлѣнія среди другихъ однородныхъ съ нимъ*. Это чисто душевный процессъ. И для его измѣренія *выясняютъ сперва у даннаго испытуемаго его время простой реакціи, а послѣ того измѣряютъ у него время той сложной реакціи, которая называется реакціей различенія, и вычитаютъ первое время изъ второго*, т.-е. время простой реакціи изъ времени реакціи различенія. Въ остаткѣ получится время вышеупомянутаго различенія. Но въ чемъ состоитъ *реакція* различенія?

При простыхъ реакціяхъ бываетъ только одинъ сигналъ, т.-е. одно впечатлѣніе, на которое долженъ реагировать испытуемый. Въ реакціяхъ же, называемыхъ *реакціями различенія*, употребляются два сигнала, т.-е. два впечатлѣнія, и болѣе. Испытуемаго знакомятъ съ ними и условливаются, что онъ будетъ реагировать только на одинъ опредѣленный сигналъ, а при другихъ останется неподвижнымъ. Допустимъ, что назначено два слѣдующихъ сигнала: однимъ служитъ свѣтъ красной лампочки, а другимъ—свѣтъ рядомъ стоящей зеленой. Испытуемаго знакомятъ съ ними и предупреждаютъ, что онъ долженъ реагировать только тогда, когда увидитъ свѣтъ зеленой. Такъ какъ ему заранѣе не указано, въ какомъ порядкѣ будутъ даны эти два сигнала, то онъ долженъ каждый разъ, когда увидитъ одинъ изъ нихъ, *различить*, тотъ ли передъ нимъ сигналъ, на который надо реагировать, или другой. Слѣд., время его реакціи, кромѣ времени простой реакціи, будетъ заключать въ себѣ еще время, занятое этимъ различеніемъ. И если мы вычтемъ изъ времени только что описанной сложной реакціи время простой реакціи, производимой тѣмъ же самымъ испытуемымъ, то узнаемъ сколько времени тратитъ онъ на вышеупомянутое различеніе. И это время оказывается тѣмъ длиннѣе, чѣмъ больше указано тѣхъ сигналовъ, изъ которыхъ надо реагировать только на одинъ. Даже при трехъ сигналахъ это время выходитъ нѣсколько длиннѣе, чѣмъ при двухъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ при измѣреніи времени чисто-душевныхъ процессовъ можно не выяснять времени простой реакціи, а достаточно измѣрить время двухъ сложныхъ реакцій, но такихъ, чтобы въ составъ одной изъ нихъ входила другая, и вычесть время одной изъ времени другой. Напр., такимъ путемъ можно измѣрить время выбора между тѣми движеніями, которыми условились реагировать на разныя впечатлѣнія. Достаточно измѣрить время *реакціи* выбора и вычесть изъ него время только-что описанной *реакціи* различенія. Именно: условимся съ тѣмъ самымъ испы-

туемымъ, у котораго мы уже выяснили время *реакціи* различенія, что теперь онъ будетъ реагировать на свѣтъ красной лампы указательнымъ пальцемъ правой руки, а на свѣтъ зеленой — указательнымъ пальцемъ лѣвой руки. Далѣе: пропустимъ тотъ электрическій токъ, который зажигаетъ эти лампы и приводитъ въ движеніе стрѣлки хроноскопа, не чрезъ одинъ, но черезъ два размыкателя. Надъ однимъ изъ нихъ испытуемый предъ началомъ эксперимента помѣститъ указательный палецъ правой руки, а надъ другимъ указательный палецъ лѣвой руки. Тогда всякій разъ, какъ загорится одна изъ упомянутыхъ лампъ, испытуемый долженъ, во-первыхъ, различить свѣтъ этой лампы, будетъ ли онъ краснымъ или зеленымъ, и, во-вторыхъ, выбрать, какъ реагировать на это впечатлѣніе, правой или лѣвой рукой. Слѣд. время его реакціи выбора будетъ состоять изъ соединенія времени его реакціи различенія съ тѣмъ временемъ, которое онъ затратитъ на выборъ между движеніями правой и лѣвой руки. И если мы вычтемъ изъ времени только-что описанной реакціи выбора время реакціи различенія, то въ остаткѣ получимъ то время, которое затратилъ испытуемый на выборъ между двумя означенными движеніями. Такимъ образомъ, мы можемъ измѣрить это время, не зная времени простой реакціи.

Сходнымъ путемъ, т.-е. чрезъ вычитаніе времени одной сложной реакціи изъ времени другой, можно измѣрить время возникновенія воспоминанія по поводу какого-либо слова или время рѣшенія какой-либо легкой задачи и т. п. Для этой цѣли употребляютъ такъ называемые *экспозиціонные приборы. Это—приборы, въ которые вставляются карточки съ какими-либо надписями, и въ которыхъ есть такое приспособленіе, что карточка остается сначала закрытой, а въ тотъ самый моментъ, когда ее откроютъ или экспонируютъ предъ испытуемымъ, приборъ автоматически замыкаетъ токъ, проходящій чрезъ хроноскопъ.*

Разъяснимъ, какъ измѣрить время, которое тратится на самыя легкія ариѳметическія задачи вродѣ сложенія двузначнаго числа съ однозначнымъ и т. п. [1]). Пусть на карточкахъ, которыя вставляются въ экспозиціонный приборъ, написано по два числа, соединенныхъ знакомъ какого-либо ариѳметическаго дѣйствія, причемъ одно изъ нихъ двузначное, а другое однозначное, такъ что всѣ надписи будутъ вродѣ слѣдующихъ: $14+7$, или $27-9$, или 12×6, или $48:3$ и т. п. Въ ту электрическую цѣпь, которая проходитъ чрезъ хроноскопъ и размыкатель, и которая изображена на рисункѣ 3, включимъ вмѣсто лампы экспозиціонный приборъ. Съ испытуемымъ же мы сначала условимся, что онъ будетъ реагировать лишь тогда, когда онъ успѣетъ *понять* появившуюся (экспонированную) передъ нимъ надпись. Такимъ путемъ мы можемъ сперва измѣрить время его реакціи на одно лишь *пониманіе* экспонированной надписи. Послѣ этого мы сдѣлаемъ

[1]) Результаты ариѳметическихъ дѣйствій надъ двумя *однозначными* числами у всѣхъ заучены наизусть; поэтому задачи надъ однозначными числами не годятся для нашей цѣли. Онѣ годятся только для измѣренія времени возникновенія воспоминанія о заученномъ числѣ.

надъ тѣмъ же самымъ испытуемымъ новый экспериментъ, именно: мы условимся, что онъ будетъ реагировать лишь тогда, когда онъ успѣетъ произвесть въ умѣ указанное въ надписи дѣйствіе надъ обозначенными въ ней числами. Измѣримъ время этой реакціи и вычтемъ изъ него время реакціи на пониманіе надписи. Тогда въ остаткѣ мы получимъ то время, какое испытуемый затратилъ на произведенное имъ ариѳметическое дѣйствіе. Описанныя ариѳметическія задачи такъ легки и поэтому рѣшаются съ такой быстротой, что для измѣренія времени, затрачиваемаго на ихъ рѣшенія, секундомѣръ слишкомъ грубъ, даже въ томъ случаѣ, если мы не дѣлаемъ разницы между временемъ, уходящимъ на одно лишь пониманіе надписи, и временемъ на самое исполненіе ариѳметическаго дѣйствія.

При только-что описанномъ экспериментѣ нѣкоторые испытуемые нажимаютъ на размыкатель либо раньше, либо позже, чѣмъ слѣдуетъ: до такой степени ихъ вниманіе поглощается производимымъ ими вычисленіемъ. Поэтому при такихъ экспериментахъ взамѣнъ размыкателя, приводимаго въ дѣйствіе пальцемъ, часто употребляютъ *губные и звуковые размыкатели*. Тѣ и другіе образуютъ собой *такіе приборы, что они размыкаютъ токъ тотчасъ, какъ только испытуемый произнесетъ какой-либо звукъ*. И при употребленіи этихъ приборовъ испытуемый реагируетъ тѣмъ путемъ, что произноситъ вслухъ, какое число получилось въ результатѣ произведеннаго имъ дѣйствія.

До сихъ поръ мы разсматривали такіе психометрическіе эксперименты, которые производятся *хроноскопическимъ методомъ*, т.-е. съ помощью хроноскопа. Но эти же самые эксперименты можно производить и *хронографическимъ методомъ*. (Хронографическій значитъ записывающій время, а хроноскопическій—разсматривающій время. Хронографъ—приборъ для записи времени, а хроноскопъ—приборъ для разсмотрѣнія времени). *Хронографическій методъ важенъ еще въ томъ отношеніи, что при его помощи можно провѣрить, насколько показанія хроноскопа соотвѣтствуютъ дѣйствительности*. При употребленіи хронографическаго метода приходится пользоваться тремя аппаратами: кимографомъ, электрическимъ отмѣтчикомъ и электрическимъ камертономъ. Опишемъ каждый изъ нихъ.

Кимографъ, это—цилиндръ, приводимый во вращательное движеніе или рукой или же (въ болѣе дорогихъ, но зато и болѣе удобныхъ экземплярахъ) часовымъ механизмомъ. Кимографъ изображенъ у насъ на лѣвой сторонѣ рис. 4, причемъ стрѣлка внизу кимографа показываетъ направленіе, въ которомъ онъ вращается. На него натягиваютъ закопченую бумагу, на которой пишущія острія отмѣтчика и камертона чертятъ свои слѣды во время вращенія кимографа. На рис. 4 камертонъ чертитъ свой слѣдъ въ видѣ волнообразной линіи *ab*, а отмѣтчикъ въ видѣ ломаной линіи *cxy*.

Электрическій отмѣтчикъ изображенъ у насъ еще отдѣльно на рис. 5. Онъ состоитъ изъ двухъ электромагнитовъ *M* и *N*, укрѣпленныхъ на деревянной доскѣ *B*, которая заканчивается металлической ручкой *E*. Съ помощью этой ручки отмѣтчикъ привинчивается къ любому стативу, какъ это

изображено на рис. 4. Внизу доски B (см. рис. 5) находятся два зажима (иначе—клеммы) b и b'. Въ эти зажимы вводятся провода, идущіе отъ разныхъ полюсовъ одного и того же электрическаго элемента. На рис. 4 такимъ элементомъ служитъ тотъ, который отмѣченъ римской цифрой II. Такимъ путемъ катушки обоихъ электромагнитовъ M и N соединяются съ электрическимъ элементомъ. Якорь, который притягиваютъ къ себѣ электромагниты, и который отмѣченъ на рис. 5 буквой A, устраивается такъ, что онъ можетъ двигаться вѣверхъ и внизъ на оси, проходящей черезъ подставку D (см. рис. 5), прикрѣпленную къ доскѣ B, и удерживается въ горизонтальномъ направленіи пружиною C. Къ этому якорю прикрѣпляется пишущее остріе a (см. рис. 5), которое во время эксперимента должно прикасаться къ кимографу, какъ это изображено на рис. 4.

Какъ же дѣйствуетъ электрическій отмѣтчикъ? Пока электрическій токъ не проходитъ черезъ электромагниты M и N, остріе a чертитъ на кимографѣ *прямую* линію cx; см. рис. 4. Но какъ только токъ пойдетъ черезъ оба электромагнита, они тотчасъ намагнитятся и притянутъ къ себѣ якорь A. Тогда пишущее остріе a опустится нѣсколько книзу и будетъ чертить свой слѣдъ ниже, чѣмъ прежде; см. рис. 4. А какъ только токъ, проходящій черезъ электромагниты M и N (рис. 5), будетъ разомкнутъ, и они утратятъ свой магнетизмъ, то якорь A, подъ вліяніемъ пружины C, опять поднимется кверху, до своего прежняго положенія, и пишущее остріе станетъ чертить на кимографѣ прямую линію, на такой же высотѣ, какъ линія cx (рис. 4). Такимъ образомъ, та ломаная линія, которую отмѣтчикъ начертитъ на кимографѣ, приметъ такой видъ, какъ это изображено на рис. 6. На немъ стрѣлка показываетъ направленіе движенія кимографа. Точка x соотвѣтствуетъ тому положенію отмѣтчика, когда черезъ его электромагниты начинаетъ проходить токъ. Точка же y соотвѣтствуетъ тому положенію отмѣтчика, когда былъ разомкнутъ токъ, проходящій черезъ электромагниты. Значитъ, токъ проходилъ черезъ отмѣтчикъ только въ то время, пока пишущее остріе двигалось отъ точки x къ точкѣ y; см. рис. 5 и 6. А это время при употребленіи хронографическаго метода подсчитывается съ помощью электрическаго камертона.

Но прежде чѣмъ описывать электрическій камертонъ, напомнимъ о слѣдующемъ свойствѣ каждаго камертона: *число колебаній, которыя дѣлаютъ вѣтки камертона въ одну секунду, всегда остается однимъ и тѣмъ же. Измѣняться можетъ только амплитуда, т.-е. размахъ, но отнюдь не число колебаній.* Напр., если вѣтки нашего камертона дѣлаютъ 100 колебаній въ секунду, то такое же число колебаній въ секунду онѣ дѣлаютъ всегда: и сегодня, и завтра и т. д. При этомъ онѣ дѣлаютъ это число колебаній и въ первую, и во вторую, и въ третью секунду, хотя амплитуда или размахъ колебанія становится съ каждымъ мгновеніемъ все меньше и меньше. Поэтому камертономъ можно пользоваться, какъ самымъ вѣрнымъ инструментомъ, для измѣренія крайне малыхъ промежутковъ времени. Нужно только умѣть подсчитать, сколько колебаній сдѣлаетъ нашъ камертонъ въ

измѣряемый промежутокъ. Для такого подсчета къ одной изъ вѣтокъ камертона прикрѣпляютъ легкое (аллюминіевое) пишущее остріе или короткій волосокъ, а камертонъ такъ привинчиваютъ къ стативу, чтобы это остріе касалось закопченой бумаги, натянутой на кимографъ (см. рис. 4). Но *когда пользуются для измѣренія времени простымъ камертономъ, то сталкиваются съ двумя затрудненіями: во-первыхъ, колебанія простого камертона слишкомъ быстро замираютъ, и, во-вторыхъ, амплитуда или размахъ его колебаній, а слѣдовательно и размѣры вычерчиваемыхъ имъ волнъ становятся все меньше и меньше*, такъ что очень скоро вычерчиваемая камертономъ линія почти не отличается отъ прямой линіи. Въ виду этихъ затрудненій для измѣренія времени обыкновенно употребляютъ электрическій или, какъ его иначе называютъ, самодѣйствующій камертонъ.

Электрическій или самодѣйствующій камертонъ изображенъ у насъ на рис. 7. Онъ снабженъ пишущимъ остріемъ *c* и металлической ручкой *B*, съ помощью которой его прикрѣпляютъ къ стативу (какъ это изображено на рис. 4). Главной же его особенностью служитъ то, что между его вѣтками, на подставкѣ, которая ихъ нигдѣ не касается, помѣщенъ маленькій электромагнитъ *M* (см. рис. 7). А надъ одной изъ вѣтокъ помѣщенъ небольшой винтъ, такъ что при колебаніи камертона этотъ винтъ то прикасается къ верхней вѣткѣ въ точкѣ *a*, то остается отдѣленнымъ отъ нея. Означенный винтъ соединяется проводникомъ съ катушкой электромагнита *M*, которая въ свою очередь соединяется съ электрическимъ элементомъ *N*. (Такъ онъ обозначенъ на рис. 7, а на рис. 4 римской цифрой I). Къ ручкѣ камертона придѣланъ зажимъ или клемма *b* (см. рис. 7), который соединенъ съ другимъ полюсомъ того же элемента. При такомъ устройствѣ камертонъ, приведенный однажды въ колебаніе, продолжаетъ колебаться сколько угодно времени и всегда съ однимъ и тѣмъ же размахомъ своихъ вѣтокъ. Въ этомъ и состоитъ преимущество самодѣйствующаго или электрическаго камертона передъ простымъ. Зависитъ же это преимущество отъ слѣдующей причины: при первомъ же колебаніи камертона винтъ, помѣщенный надъ верхней вѣткой прикоснется къ ней въ точкѣ *a* (см. рис. 7). Вслѣдствіе этого электрическій токъ, выходящій изъ элемента *N*, пройдетъ по катушкѣ электромагнита *M* и проникнетъ черезъ означенный винтъ въ верхнюю вѣтку камертона. По ней онъ дойдетъ до зажима *b* и отсюда вернется въ элементъ *N*. Но какъ только онъ начнетъ описывать этотъ путь, электромагнитъ тотчасъ же намагнитится и потянетъ къ себѣ обѣ вѣтки камертона. А когда верхняя вѣтка удалится хоть сколько-нибудь отъ помѣщеннаго надъ ней винта, электромагнитъ тотчасъ же потеряетъ свой магнетизмъ, потому что токъ, который намагничивалъ его, будетъ прерванъ въ точкѣ *a*. Поэтому дѣйствіе электромагнита на вѣтки камертона ограничивается всегда только тѣмъ, что онъ какъ бы подталкиваетъ ихъ каждый разъ, какъ только верхняя вѣтка коснется помѣщеннаго надъ нею винта, и этимъ путемъ постоянно поддерживаетъ ихъ колебаніе.

Теперь съ помощью рисунка 4-го легко понять въ чемъ состоитъ хро-

нографическій методъ измѣренія времени реакцій. На стативъ, помѣщенный возлѣ вращающагося кимографа, такъ привинчиваютъ электрическій камертонъ и электрическій отмѣтчикъ, чтобы ихъ пишущія острія касались кимографа (см. рис. 4). Далѣе: въ электрическую цѣпь, проходящую черезъ отмѣтчикъ, включаютъ тотъ раздражитель, напр. электрическую лампу, на который долженъ реагировать испытуемый, и размыкатель, съ помощью котораго онъ будетъ реагировать. Отмѣтчикъ тотчасъ отмѣтитъ на кимографѣ въ точкѣ x тотъ моментъ, когда токъ начнетъ проходить черезъ отмѣтчикъ и лампу; въ точкѣ же y онъ отмѣтитъ тотъ моментъ, когда испытуемый разомкнетъ этотъ токъ. Передъ началомъ эксперимента заставляютъ колебаться камертонъ, вслѣдствіе чего онъ чертитъ на кимографѣ волнообразную линію ab. Изъ рисунка 4 ясно, что въ тотъ промежутокъ времени, который пройдетъ отъ момента, когда вспыхнетъ лампа, до момента, когда испытуемый разомкнетъ токъ, камертонъ сдѣлаетъ столько колебаній, сколько ихъ умѣщается надъ точками x и y. И если намъ извѣстно сколько колебаній камертонъ дѣлаетъ въ одну секунду, то мы легко узнаемъ, какъ великъ этотъ промежутокъ времени.

Объяснимъ теперь, какъ съ помощью хронографическаго метода провѣряются показанія любого хроноскопа. Для этой цѣли въ электрическую цѣпь, проходящую черезъ отмѣтчикъ (см. рис. 4), включаютъ вмѣсто лампы провѣряемый хроноскопъ. При такомъ условіи стрѣлки хроноскопа будутъ двигаться ровно столько времени, сколько токъ будетъ проходить черезъ отмѣтчикъ. Выяснивъ это время съ помощью самодѣйствующаго камертона и сравнивъ его съ показаніями хроноскопа, мы узнаемъ, совпадаютъ ли послѣднія съ дѣйствительнымъ временемъ, и если не совпадаютъ, то во сколько разъ показанія хроноскопа больше или меньше дѣйствительнаго времени, т.-е. какую поправку надо дѣлать въ этихъ показаніяхъ, чтобы получить дѣйствительное время. И прежде чѣмъ употреблять для научныхъ изслѣдованій какой-либо хроноскопъ, необходимо выяснить величину этой поправки, потому что нѣтъ ни одного хроноскопа, показанія котораго вполнѣ совпадали бы съ дѣйствительнымъ временемъ. Отъ хроноскопа требуется только равномѣрный ходъ.

Всѣ вышеописанные эксперименты относятся къ чистой психологіи, т.-е. къ такому изученію душевныхъ явленій, когда они разсматриваются сами по себѣ, независимо отъ ихъ связи съ тѣлесными явленіями. А теперь приведемъ нѣсколько примѣровъ психо-физіологическихъ экспериментовъ, т.-е. экспериментовъ, направленныхъ на выясненіе связи душевныхъ явленій съ тѣлесными. Здѣсь очень часто приходится пользоваться пишущимъ аппаратомъ Марея или, какъ его иначе называютъ, барабаномъ Марея. Опишемъ прежде всего этотъ приборъ.

Барабанъ Марея изображенъ на рис. 8. Онъ состоитъ изъ круглой (примѣрно вершокъ въ діаметрѣ) металлической коробки K, прикрѣпленной къ ручкѣ, съ помощью которой эта коробка привинчивается къ любому стативу. Верхняя часть коробки затянута (какъ-бы на барабанѣ) тонкой гуттаперчевой перепонкой, къ которой прикрѣпленъ небольшой металлическій

кружокъ *p*, соединенный съ штифтикомъ, направленнымъ кверху. Этотъ штифтикъ верхнимъ концомъ упирается въ пишущее остріе *h*, которое двигается на шарнирѣ, прикрѣпленномъ къ ручкѣ коробки. Къ коробкѣ придѣлана еще металлическая трубка *m*, на которую надѣвается резиновая трубка, идущая отъ какого-нибудь другого прибора. Барабанъ Марея дѣйствуетъ слѣдующимъ образомъ: когда изъ другого прибора, соединеннаго съ помощью резиновой трубки съ трубкою *m*, черезъ послѣднюю проникаетъ въ коробку *K* воздухъ, онъ заставляетъ гуттаперчевую перепонку, а съ ней пластинку *p* и прикрѣпленный къ ней штифтикъ, двигаться кверху, вслѣдствіе чего пишущее остріе тоже движется кверху. А когда другой приборъ черезъ трубку *m* вытягиваетъ воздухъ изъ коробки, то гуттаперчевая перепонка, кружокъ *p*, штифтикъ и пишущее остріе опускаются книзу. Съ помощью этихъ движеній пишущее остріе чертитъ на закопченой бумагѣ вращающагося кимографа волнообразную кривую, въ которой форма и величина волнъ зависятъ отъ того, какъ именно нагнетается и вытягивается воздухъ въ коробкѣ *K*.

Для примѣра объяснимъ, какъ съ помощью барабана Марея вычерчиваются на кимографѣ кривыя линіи, изображающія біеніе пульса или ходъ дыханія. Для вычерчиванія біенія пульса съ барабаномъ Марея соединяется, посредствомъ гуттаперчевой трубки, приборъ, называемый *сфигмографомъ*, а для записи дыханія приборъ, называемый *пневмографомъ*. Поэтому линія, изображающая біеніе пульса, называется *сфигмограммой*, а изображающая ходъ дыханія—*пневмограммой*.

Простѣйшій сфигмографъ состоитъ изъ небольшой (примѣрно полвершка въ діаметрѣ) круглой металлической коробки *K*, изображенной на рис. 9. Въ ней нижняя часть открыта и затянута тонкой гуттаперчевой перепонкой, какъ въ барабанѣ Марея, съ той только разницей, что штифтикъ, прикрѣпленный съ помощью металлическаго кружка къ этой перепонкѣ, дѣлается нѣсколько больше и другой формы, чѣмъ въ барабанѣ Марея. Къ верхней же части коробки *K* прикрѣплена металлическая трубка *r*, которая проходитъ насквозь черезъ легкую металлическую дугу *bb* и привинчивается къ этой дугѣ. На верхнюю часть трубки *r* надѣвается конецъ той гуттаперчевой трубки, которая другимъ концомъ надѣвается на трубку *m* въ барабанѣ Марея. Сфигмографъ употребляютъ слѣдующимъ образомъ: концы металлической дуги *bb* привязываютъ тесемками къ тому мѣсту руки, въ которомъ хотятъ изучить біеніе пульса. Трубку *r* такъ привинчиваютъ къ дугѣ *bb*, чтобы штифтикъ, находящійся внизу коробки, слегка касался того мѣста руки, гдѣ бьется пульсъ. При этомъ рука, чтобы оставаться неподвижной, помѣщается на особой подставкѣ, приноровленной къ этой цѣли. Біеніе пульса заставитъ штифтикъ сфигмографа то подниматься, то опускаться. Вслѣдствіе этого воздухъ, находящійся внутри сфигмографа, будетъ по гуттаперчевой трубкѣ, соединяющей сфигмографъ съ барабаномъ Марея, то переходить изъ сфигмографа въ барабанъ, то возвращаться оттуда въ сфигмографъ. А эти переходы воздуха заставятъ двигаться пишущее остріе барабана Марея и вычерчивать сфигмограмму на кимографѣ.

Что же касается пневмографа, то по своему устройству онъ похожъ на сфигмографъ, но приспособленъ къ тому, чтобы его привязывали или къ грудной клѣткѣ или къ животу, въ томъ мѣстѣ, гдѣ надѣваютъ поясъ. У женщинъ его обыкновенно привязываютъ къ грудной клѣткѣ, потому что у нихъ дыханіе сказывается сильнѣе всего въ видѣ расширенія и сокращенія грудной клѣтки. У мужчинъ же, наоборотъ, преобладаетъ брюшное, а не грудное дыханіе, т.-е. оно сильнѣе всего сказывается въ видѣ движеній живота. Наипростѣйшій же, но вмѣстѣ съ тѣмъ недурно дѣйствующій пневмографъ состоитъ всего только изъ слегка сплюснутаго резиноваго шара, заканчивающагося гуттаперчевой трубкой, которая надѣвается на барабанъ Марея. Этотъ шаръ тесемками привязываютъ къ груди или животу испытуемаго.

Но зачѣмъ нужны описываемые приборы? На дыханіи, а тѣмъ болѣе на кровообращеніи, слѣд. и на біеніи пульса отзываются, въ большей или меньшей степени, едва ли не всѣ душевныя явленія. Чувства, по крайней мѣрѣ, обязательно всѣ сказываются на пульсѣ и дыханіи. До какой степени отражаются на этихъ процессахъ чувства, видно изъ рис. 10. На немъ легко замѣтить, какая сильная перемѣна произошла въ дыханіи и біеніи пульса у четырнадцатилѣтняго мальчика, которому во время записи его дыханія и пульса дали разсматривать картину воскрешенія сына наинской вдовы (Евангъ. отъ Луки, VII, 11—15). Лѣвая четверть рисунка соотвѣтствуетъ тому дыханію и пульсу, когда картина еще не была показана, а вся остальная часть пневмограммы и сфигмограммы получена въ то время, когда мальчикъ разсматривалъ картину.

Наконецъ, послѣдній примѣръ: при изученіи мускульной силы употребляютъ между прочимъ инструментъ, называемый *эргографомъ*. Одинъ изъ болѣе удобныхъ эргографовъ изображенъ у насъ на рис. 11. Главною частью въ немъ служитъ приборъ, изображенный между буквами E, B, P, F и F_1, Въ этомъ приборѣ по двумъ металлическимъ прутамъ, прикрѣпленнымъ къ вертикально поставленнымъ доскамъ, двигаются салазки SZ. Сквозь нихъ пропущенъ карандашъ E, который во время движенія салазокъ чертитъ свой слѣдъ на бумагѣ, помѣщенной на доскѣ PFF_1, и который тяжестью своей головки постоянно прижимается къ бумагѣ. Къ салазкамъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ прикрѣплены два шнура. Изъ нихъ одинъ проходитъ черезъ блокъ B. Къ свободному концу этого шнура привязываютъ грузъ величиной отъ 5 до 15 фунтовъ, глядя по силѣ испытуемаго. Другой же шнуръ заканчивается петлей, которая надѣвается на палецъ испытуемаго. Чтобы рука испытуемаго оставалась неподвижною, онъ остальными пальцами охватываетъ рукоятку G, наглухо прикрѣпленную къ подставкѣ эргографа. Кромѣ того, его рука слегка защемляется между подвижными вертикально стоящими дощечками A. Дѣйствуетъ же эргографъ слѣдующимъ образомъ: когда испытуемый сгибаетъ палецъ, то онъ заставляетъ двигаться салазки, приближаясь къ нему, а этимъ самымъ поднимаетъ грузъ, прикрѣпленный къ шнуру, проходящему черезъ блокъ. Вслѣдствіе движенія салазокъ карандашъ E чертитъ на бумагѣ, помѣщенной на доскѣ P, прямую линію, величина

которой совпадаетъ съ высотой, на какую былъ приподнятъ грузъ. А когда грузъ опустится, оттого что испытуемый разогнетъ палецъ, то особое приспособленіе, находящееся въ главной части эргографа, именно вблизи блока *B*, заставляетъ доску *P* слегка передвинуться въ направленіи, перпендикулярномъ къ шнуру. Поэтому при слѣдующемъ поднятіи груза карандашъ *E* чертитъ новую прямую линію. Такимъ путемъ на бумагѣ, которая натянута на доскѣ *P*, получается рядъ прямыхъ линій, показывающихъ, какъ высоко приподнимался грузъ. Эти линіи называются *эргограммой*. И на рис. 12 изображена эргограмма, начерченная на бумагѣ, раздѣленной на миллиметры. На ней видно, какъ подъ вліяніемъ утомленія высота, на которую приподнимался грузъ, становится все меньше и меньше. И съ помощью эргографа можно изучать, какъ отзываются на мускульной силѣ различные душевные процессы. Напр., можно доказать, что мускульная сила нѣсколько ослабѣваетъ подъ вліяніемъ умственнаго утомленія и т. п.

Приведенныхъ примѣровъ вполнѣ достаточно, чтобы удостовѣриться, какъ разнообразны методы психологическаго экспериментированія. Для дальнѣйшаго же ознакомленія съ ними заслуживаетъ особаго вниманія книга Г. И. Челпанова „Введеніе въ экспериментальную психологію, Москва, 1916“. Она отличается и ясностью изложенія и превосходнымъ подборомъ матеріала. Кромѣ того, она снабжена подробными библіографическими указаніями и задачами для практическаго ознакомленія съ психологическимъ экспериментированіемъ. Но нужно твердо помнить, что кто освоится съ этой и всѣми подобными книгами, хотя бы даже и практически, тотъ изучитъ только одну лишь технику психологическаго экспериментированія, но еще не самоё психологію (сравн. выше, стр. 28). Большая публика обыкновенно не понимаетъ этого и почтительно хлопаетъ глазами передъ всякимъ, кто продѣлываетъ какіе-либо психологическіе эксперименты, особенно же передъ тѣми, кто умѣетъ щелкать психологическими приборами. Поэтому развелось немало людей, которые слывутъ психологами, ибо только и дѣлаютъ, что возятся съ разнообразными экспериментами, между тѣмъ какъ они въ самой-то психологіи смыслятъ ровно столько же, какъ и всякій встрѣчный-поперечный. Напр., не рѣдкость встрѣтить такихъ людей среди восторженныхъ поклонниковъ экспериментальной педагогики.

4. Современное значеніе психологическаго экспериментированія. Необходимость противопоставлять не экспериментальную психологію наблюдательной, но измѣрительную неизмѣрительной. Неизбѣжность для экспериментированія всегда имѣть только второстепенное значеніе въ чистой психологіи.

Экспериментальная психологія существуетъ уже полстолѣтія, срокъ—немалый. Какія же услуги оказало экспериментированіе въ примѣненіи къ изученію душевныхъ явленій?

Эти *услуги для психофизіологіи, для рѣшенія вопросовъ, пограничныхъ между психологіей и физіологіей, внѣ всякаго сомнѣнія.* Онѣ настолько очевидны, что ими все еще поддерживается ошибочное отожествленіе понятій экспериментальной психологіи и психофизіологіи. *Но иначе стоитъ дѣло относительно примѣненія экспериментированія къ вопросамъ чисто психологическаго характера. Самое большее, чтò мы пріобрѣтаемъ здѣсь новаго посредствомъ экспериментированія, сводится къ кое-какимъ частностямъ или деталямъ, изъ которыхъ чаще всего нельзя сдѣлать никакого дальнѣйшаго примѣненія*, въ родѣ вышеупомянутаго эксперимента Эббингауза (см. стр. 30). *Во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ экспериментированіе не даетъ никакого новаго знанія, а лишь новое подтвержденіе того знанія, которое уже давно пріобрѣтено посредствомъ наблюденія*, при чемъ далеко не всегда, а, напротивъ, лишь въ меньшинствѣ случаевъ это добавочное экспериментальное доказательство бываетъ легче и быстрѣе, чѣмъ основанное на наблюденіяхъ. И не трудно убѣдиться, что для чистой психологіи современное экспериментированіе оказываетъ мало услугъ и имѣетъ въ ней лишь добавочное, вспомогательное значеніе.

1. Всѣ университетскіе учебники психологіи, составленные авторитетными психологами, каковы: Джемсъ, Гефдингъ, Вундтъ и т. п., поскольку они говорятъ о чисто психологическихъ вопросахъ, все еще содержатъ въ себѣ матеріалъ, основанный почти исключительно на наблюденіяхъ; результаты же экспериментированія играютъ въ нихъ лишь добавочную или вспомогательную роль. Особенно поучителенъ въ этомъ отношеніи учебникъ („Очеркъ психологіи“) Вундта, этого энергичнаго пропагандиста экспериментальной психологіи (см. выше стр. 27). Онъ больше всѣхъ долженъ въ своемъ учебникѣ обращать вниманіе на экспериментированіе. Но даже и у него, когда онъ говоритъ о чисто психологическихъ вопросахъ, результаты экспериментированія затериваются среди матеріала, основаннаго на наблюденіяхъ. (Сказанное, конечно, относится не къ его „*Физіологической психологіи*“).

2. Далѣе: присмотримся къ характеру статей по экспериментальной чистой психологіи, помѣщаемыхъ въ журналахъ, основанныхъ если не съ единственной цѣлью, то какъ съ одной изъ главныхъ цѣлей, слѣдить за экспериментально психологическими работами. Оказывается, что авторы этихъ работъ въ большинствѣ случаевъ и *не стремятся еще рѣшать чисто психологическіе вопросы по существу, а ограничиваются лишь методологическими задачами, стараются отыскать методы экспериментированія, наиболѣе пригодные къ рѣшенію чисто психологическихъ вопросовъ. Ясно*, что они еще не чувствуютъ подъ собой почвы, достаточно твердой для рѣшенія этихъ вопросовъ по существу, *что еще нѣтъ плодотворныхъ методовъ чисто психологическаго экспериментированія, которые были бы вмѣстѣ съ тѣмъ и надежными; ихъ еще ищутъ.*

Прибавимъ ко всему этому, какъ высказываются авторитетные психологи, принадлежащіе вмѣстѣ съ тѣмъ и къ большимъ знатокамъ экспериментальной психологіи, о современномъ ея положеніи. Вотъ чтò говоритъ Джемсъ

въ своей „Психологіи въ бесѣдахъ съ учителями“ (стр. 4, перев. Ивановскаго. Москва 1902 г.), предупреждая читателей, чтобы они не преувеличивали значенія психологіи для педагогики и не смущались передъ ссылками на „новую психологію“: „прежде всего, по моему скромному мнѣнію, *нѣтъ* (курсивъ самого Джемса) никакой „новой психологіи“, достойной такого названія. Есть все та же старая психологія, которая зародилась во времена Локка [1]), плюсъ немножко физіологіи нервной системы и органовъ чувствъ, плюсъ эволюціонная теорія, плюсъ нѣсколько утонченныхъ показаній самонаблюденія, по большей части не имѣющихъ практическаго значенія для учителя“. Таково мнѣніе Джемса, который былъ однимъ изъ первыхъ насадителей экспериментальной психологіи въ Америкѣ.

Но что̀ именно подразумѣваетъ Джемсъ подъ „новой психологіей“? Отвѣтомъ служитъ слѣдующее мѣсто изъ той же самой книжки (l. c. стр. 15), мѣсто, сугубо интересное, потому что въ немъ приводится и мнѣніе Вундта: „Что касается, говоритъ Джемсъ, до нѣкоторыхъ ожиданій, которыя читающая публика возлагаетъ на „новую психологію“ (это выраженіе Джемсъ постоянно употребляетъ въ кавычкахъ), то поучительно прочесть слѣдующее необычайно чистосердечное признаніе основателя этой психологіи Вундта, сдѣланное имъ послѣ тридцати лѣтъ лабораторно-экспериментальныхъ изслѣдованій“.—Вслѣдъ за этими словами Джемсъ цитируетъ подлинныя слова Вундта изъ статьи послѣдняго, помѣщенной въ IX томѣ (стр. 121) Philosophische Studien. Вотъ что̀ тамъ говоритъ Вундтъ: „сдѣлало ли до сихъ поръ экспериментирующее самонаблюденіе что-нибудь важное? На этотъ вопросъ нельзя дать общаго отвѣта, такъ какъ въ виду незаконченности нашей науки *даже и въ области экспериментальныхъ изслѣдованій нѣтъ еще никакой общепризнанной системы психологическихъ истинъ*... При такой разноголосицѣ мнѣній (легко понятной въ ту эпоху, когда наука развивается неувѣренно и ощупью) *отдѣльный изслѣдователь можетъ заявить только то, какими точками зрѣнія и взглядами онъ самъ обязанъ новымъ методамъ*“. Выходитъ, по словамъ Вундта, что экспериментирующее самонаблюденіе не вырабатываетъ пока, за исключеніемъ нѣкоторыхъ частностей или деталей, ничего общеобязательнаго — ни въ смыслѣ системы прочно установленныхъ положеній, ни въ смыслѣ подсказанныхъ имъ точекъ зрѣнія; систематическаго свода экспериментально-психологическихъ положеній нѣтъ (слѣдовательно, для тѣхъ изъ нихъ, которыя отличаются безспорнымъ характеромъ, мѣсто въ системѣ положеній, основанныхъ на наблюденіи), а точки зрѣнія экспериментированіе подсказываетъ разнымъ изслѣдователямъ разныя.

[1]) Локкъ, англійскій философъ, умершій въ 1704 г., авторъ книги (переведенной на русскій языкъ г. Санинымъ—Москва 1898 г.) „Опытъ о человѣческомъ разумѣ“. Въ этомъ сочиненіи онъ ставитъ себѣ такую задачу: посредствомъ изученія происхожденія нашихъ идей и вообще посредствомъ психологіи познавательныхъ явленій выяснить, доступно ли для насъ рѣшеніе такихъ вопросовъ, какъ о безсмертіи души и т. п. Поэтому онъ долженъ былъ стараться строить психологію познавательныхъ явленій безъ всякаго предрѣшенія подобныхъ вопросовъ, такъ что его книга является первой попыткой психологіи безъ души.

Правда, только-что указанное мнѣніе Вундта было высказано имъ довольно давно, лѣтъ двадцать назадъ. Такъ не сдѣлала ли съ той поры экспериментальная психологія большихъ успѣховъ? Отвѣтомъ можетъ служить другой отзывъ Вундта, высказанный имъ всего лишь въ 1913 г. въ брошюрѣ „Психологія въ ея борьбѣ за существованіе“. (Содержаніе этой брошюры изложено ниже въ I приложеніи). Въ ней Вундтъ утверждаетъ, что въ настоящее время еще нельзя составить такую программу, по которой позволительно было бы экзаменовать всѣхъ и каждаго, независимо отъ того, у какого профессора учился экзаменующійся: до такой степени, по его словамъ, вся современная психологія, въ томъ числѣ и экспериментальная, еще не разработана, еще не содержитъ въ себѣ почти ничего устойчиваго и общепризнаннаго.

Наконецъ, упомянемъ еще о мнѣніи одного извѣстнаго психолога, именно, Мюнстерберга, который, какъ психологъ, пріобрѣлъ себѣ извѣстность какъ разъ экспериментальными изслѣдованіями, и который свою „Психологію“ (1 томъ вышелъ въ 1900 г.; слѣдующій еще не появился) начинаетъ такими словами: „путь къ психологіи долженъ отправляться отъ *философіи*“, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ этой объемистой книгѣ онъ подвергаетъ самой строгой критикѣ мнѣніе о важности уже существующаго чисто психологическаго экспериментированія [1]).

Повидимому, экспериментированіе быстро могло бы оказать многочисленныя услуги психопатологіи: экспериментируя надъ душевнобольными, повидимому, можно было бы установить цифровыя данныя, характеризующія различныя душевныя заболѣванія и служащія ихъ неоспоримыми симптомами. Ждать такихъ услугъ отъ экспериментированія было бы тѣмъ естественнѣе, что первоначально занялись психологическимъ экспериментированіемъ врачи и физіологи; лишь впослѣдствіи принялись за него и философы. Между тѣмъ экспериментальная психологія для психопатологіи все еще не дала ничего

[1]) Очень интересно и поучительно, что Мюнстербергъ, докторъ медицины, начавшій свою психологическую карьеру только, какъ экспериментаторъ, дошелъ до убѣжденія, высказаннаго имъ въ словахъ: „путь къ психологіи долженъ отправляться отъ философіи“. Это показываетъ, что тѣ превращенія, которыя пережилъ Вундтъ, какъ ученый, вовсе не случайность, а вызваны тѣмъ, что путь къ психологіи можетъ отправляться только отъ философіи. Большая публика знаетъ Вундта только, какъ философа, и его прежняя ученая дѣятельность такъ мало извѣстна ей, что когда встрѣчаютъ его „Учебникъ физіологіи человѣка“ (Lehrbuch der Physiologie des Menschen), вышедшій первымъ изданіемъ въ 1865 г., то думаютъ, будто бы это—книга какого-то другого Вундта. Между тѣмъ первоначально онъ былъ врачомъ, далѣе профессоромъ медицинскаго факультета, а теперь занимаетъ каѳедру философскихъ наукъ и извѣстенъ не только, какъ авторъ „Физіологической Психологіи“, но и какъ авторъ капитальныхъ трудовъ, озаглавленныхъ: „Логика“ (2 тома), „Психологія народовъ“ (2 тома), „Система Философіи“, и т. д.; словомъ—какъ философъ. Не случайность, очевидно, и то, что докторъ медицины Джемсъ вслѣдствіе занятій психологіей окончательно утратилъ всякую связь съ медициной и, оставаясь, по общепризнанному мнѣнію, искуснѣйшимъ *самонаблюдателемъ*, вмѣстѣ съ тѣмъ подъ конецъ жизни (ум. въ 1910 г.) все болѣе и болѣе дѣлался чистѣйшимъ философомъ.

надежнаго. Женщина-врачъ Л. С. Павловская осенью 1907 г. выпустила и защитила въ Спб. Женскомъ Медицинск. Институтѣ свою докторскую диссертацію „Экспериментально-психологическое изслѣдованіе надъ больными съ нарастающимъ паралитическимъ слабоуміемъ“ [1]). Въ ней она, излагая свои собственныя экспериментальныя изслѣдованія надъ душевнобольными, предпослала своему изложенію и обзоръ всѣхъ подобныхъ же изслѣдованій, произведенныхъ до нея. И вотъ какой итогъ извлекаетъ она изъ этого обзора; „такимъ образомъ, экспериментально психологическимъ изслѣдованіемъ душевнобольныхъ занимались многіе авторы; работы ихъ очень разнообразныя, методы неопредѣленные, выводы не только различные, но часто противорѣчивые“ (l. c. стр. 62). Небогатые же результаты работы „многихъ“ авторовъ!

Когда возникла экспериментальная психологія, тотчасъ же стали возлагать на нее большія надежды, что она скоро окажетъ огромныя услуги педагогикѣ, быстро подвергнетъ ее коренному преобразованію и сдѣлаетъ ее вполнѣ точнымъ искусствомъ. Но за истекшее полстолѣтіе эти ожиданія все еще не оправдались на дѣлѣ: можно смѣло сказать, что экспериментальная психологія для педагогики пока еще не дала ровно ничего. Конечно, это не мѣшаетъ появленію сочиненій, въ которыхъ педагогическія заключенія обосновываются, какъ будто, на показаніяхъ эксперимента. Но либо послѣднія притягиваются сюда за волосы, такъ что педагогическіе выводы не вытекаютъ изъ экспериментовъ, а произвольно присоединяются къ нимъ, какъ бы вытекающіе изъ нихъ, либо этими экспериментами обосновываются такія педагогическія положенія, которыя уже давно извѣстны и давно прочно обоснованы, въ родѣ, напримѣръ, слѣдующаго правила: „для поддержанія вниманія ученика необходимо заботиться объ устраненіи изъ его сознанія такихъ воспріятій и представленій, которыя могли бы дѣйствовать развлекающимъ образомъ“. Обосновано же это правило такой ссылкой: „экспериментальныя изслѣдованія показали, что, направляя вниманіе на одно раздраженіе, мы этимъ самымъ отвлекаемъ его отъ другого“. (А. П. Нечаевъ. „Современная экспериментальная психологія въ ея отношеніи къ вопросамъ школьнаго обученія“. Спб. 1901 г., стр. 109). Но развѣ не знали всего этого еще задолго до возникновенія экспериментальной психологіи?

Да и заранѣе видно, что современная экспериментальная психологія не могла еще оказать никакихъ услугъ педагогикѣ по двумъ причинамъ: во 1-хъ) экспериментированіе и въ самой-то чистой психологіи все еще не оказало никакихъ крупныхъ успѣховъ, чтобы повліять на педагогику; во 2-хъ), *экспериментальная психологія работаетъ надъ душевными явленіями, поставленными совсѣмъ въ другія условія, чѣмъ тѣ, съ какими приходится*

[1]) Это первая русская женщина, получившая и высшее образованіе въ Россіи (сначала историко-филологическое на С.-Петербургскихъ В. Ж. Курсахъ, гдѣ она выбрала своей спеціальностью философію, а затѣмъ медицинское въ Женск. Мед. Институтѣ, гдѣ выбрала своей спеціальностью психіатрію), и въ Россіи же степень доктора медицины. Вмѣстѣ съ тѣмъ это первое присужденіе ученой степени Женск. Медиц. Институтомъ.

имѣть дѣло педагогу. Вѣдь психологическіе эксперименты производятся въ лабораторной, т.-е. въ искусственной, а не въ естественной классной обстановкѣ; поэтому на экспериментальныхъ выводахъ чисто психологическаго характера нельзя основывать никакихъ педагогическихъ заключеній. Напримѣръ, можно ли дѣлать *какія бы то ни было* педагогическія заключенія о наиболѣе цѣлесообразномъ способѣ заучиванія на основаніи уже упомянутыхъ нами (см. выше стр. 30) экспериментовъ Лотти Стеффенсъ? Вѣдь заучиваніе, которое происходило при нихъ, было совсѣмъ не то, съ какимъ имѣетъ дѣло педагогъ. Для послѣдняго важно прежде всего вниканіе въ смыслъ заучиваемаго; при экспериментахъ же Стеффенсъ имѣлась въ виду только скорость заучиванія, независимо отъ того, въ какой степени были поняты и усвоены всѣ оттѣнки мысли въ заучиваемомъ матеріалѣ, даже независимо отъ того, насколько указанный ею способъ заучиванія былъ скученъ и труденъ [1]).

И это не единичное мнѣніе проф. А. И. Введенскаго—о полной непригодности нынѣшней экспериментальной психологіи для обоснованія педагогическихъ заключеній. Не то же ли самое говоритъ и Джемсъ? Вотъ его слова (l. c. стр. 112 и 113): „то общее впечатлѣніе, какое вдумчивый учитель выноситъ изъ знакомства съ ученикомъ, съ его внимательностью, бойкостью и т. д., съ тѣмъ, легко или трудно выполняетъ онъ свою школьную работу,—окажется гораздо болѣе существеннымъ, чѣмъ всѣ quasi-экспериментальныя испытанія, всѣ эти педантическія измѣренія усталости, памяти, ассоціацій, вниманія и т. д., которыя навязываются намъ въ качествѣ един-

[1]) Правда, А. П. Нечаевъ въ только-что цитированной книгѣ пишетъ (l. c. стр. 154): *„привычный способъ заучиванія не всегда оказывается самымъ удобнымъ для даннаго лица.* При опытахъ, произведенныхъ американкой Стеффенсъ, обнаружилось, что испытуемые сами давали совершенно неправильную сравнительную оцѣнку полученныхъ при этомъ результатовъ, признавая наиболѣе экономнымъ способомъ тотъ, который на самомъ дѣлѣ требовалъ бо́льшаго времени. *Школа должна научить своихъ питомцевъ работѣ запоминанія; она должна показать имъ цѣлесообразные способы заучиванія“.* Но даже и такихъ выводовъ, какъ отмѣченные курсивомъ въ началѣ и концѣ этой цитаты, нельзя дѣлать изъ экспериментовъ Стеффенсъ. Изъ этихъ экспериментовъ не вытекаетъ *ровно никакихъ* педагогическихъ заключеній. Вѣдь одно дѣло заучивать, *неизвѣстно зачѣмъ*, въ психологической лабораторіи, и другое заучивать съ цѣлью *наиболѣе прочнаго* запоминанія *при наименьшей тратѣ не только времени, но и механическихъ усилій, и съ наименьшей скукой.* А каждый изъ насъ на практикѣ узналъ, какой способъ заучиванія *съ цѣлью самаго прочнаго запоминанія* оказывается *для него лично* наиболѣе цѣлесообразнымъ въ смыслѣ *соединенія наибольшей скорости съ наименьшей утомительностью и наименьшей скукой.* И нѣтъ ничего удивительнаго, что этотъ способъ заучиванія окажется нѣсколько продолжительнѣе какого-нибудь другого, подобраннаго въ психологической лабораторіи безъ всякихъ соображеній и объ его утомительности, скучности, и объ его пригодности для цѣлей школы и жизни. Такимъ образомъ, вопреки мнѣнію А. П. Нечаева, изъ экспериментовъ Лотти Стеффенсъ нельзя сдѣлать ровно никакихъ педагогическихъ выводовъ. И это потому, что при ея экспериментахъ наискорѣйшій способъ заучиванія былъ вовсе не такимъ, съ какимъ приходится имѣть дѣло педагогу, а чисто искусственнымъ лабораторнымъ. Сходнымъ образомъ дѣло стоитъ и въ другихъ психологическихъ экспериментахъ.

ственнаго основанія истинно научной педагогики... Ни одно лабораторное измѣреніе не можетъ пролить свѣта на дѣйствительную силу человѣка, какъ дѣятеля, такъ какъ никакимъ отдѣльнымъ опытомъ нельзя измѣрить то, что имѣетъ самое существенное значеніе, а именно: эмоціональную и нравственную энергію. Ихъ можно узнать только послѣ долгаго изученія данной личности... Измѣренія, заключаетъ Джемсъ, могутъ дать намъ полезныя указанія *только* въ томъ случаѣ, если мы будемъ комбинировать ихъ съ наблюденіями, полученными безъ помощи инструментовъ и основанными на общемъ поведеніи изучаемаго индивидуума".—Далѣе: Мюнстербергъ, который, подобно Джемсу, предупреждаетъ, чтобы вообще не преувеличивали значенія психологіи для педагогики (см. Grundzüge der Psychologie I томъ, глава 5, отд. 3, Psychologie und Pädagogik), объ экспериментальной психологіи высказывается съ неменьшей рѣшительностью, чѣмъ Джемсъ: „тѣ педагоги, говоритъ онъ, которые съ разочарованіемъ покинули Гербарта [1]), ждутъ прямо-таки съ нетерпѣніемъ, чтобы сдѣлались полезными новѣйшія открытія экспериментальной лабораторной психологіи и психофизіологическихъ изслѣдованій. Кто не даетъ сбить себя съ толку пустыми словами, съ самаго начала отнесется къ этому скептически" (1. c. 195). Наконецъ, послѣдній отзывъ одного изъ не менѣе извѣстныхъ, чѣмъ Джемсъ и Мюнстербергъ, психологовъ экспериментаторовъ — Цигена (Ziehen), высказанный имъ въ его Physiologische Psychologie: „мнѣ хотѣлось бы, говоритъ онъ, предостеречь противъ, такъ сказать, моднаго, но преждевременнаго примѣненія въ педагогическомъ дѣлѣ экспериментальныхъ, къ тому же крайне поверхностныхъ изслѣдованій".

Но почему же экспериментальная чистая психологія все еще не оправдала надеждъ, которыя возлагались на нее? Почему для чисто-психологическаго экспериментированія оказалось мало полстолѣтія, чтобы успѣть сдѣлать важныя пріобрѣтенія, между тѣмъ какъ въ другихъ наукахъ экспериментированіе и въ меньшій срокъ успѣвало преобразить весь обликъ прежней науки, а послѣ того оно каждое десятилѣтіе приводитъ къ какому-нибудь важному научному пріобрѣтенію (то Рентгеновскіе лучи, то электрическія волны и т. д.)? Лѣтъ 20—30 тому назадъ еще можно было кое-какъ объяснять это ссылками на однѣ лишь временныя, чисто историческія причины и самоувѣренно утѣшать себя, что съ ихъ устраненіемъ дѣло быстро перемѣнится, какъ все это прежде и дѣлалъ на своихъ лекціяхъ проф. А. И Введенскій, ссылаясь на двѣ причины, которыя сейчасъ будутъ изложены. Но чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе происходилось сомнѣваться въ достаточности такихъ объясненій: слѣдя за экспериментальной психологіей, все болѣе и болѣе убѣждаешься, что кромѣ этихъ историческихъ, чисто временныхъ причинъ (давно уже прекратившихся), есть еще какія-то внутреннія, коренящіяся *въ особенностяхъ душевной жизни*, которыя *навсегда* осуждаютъ эксперимен-

[1]) Гербартъ (ум. въ 1840 г.)—германскій философъ, первый систематически примѣнившій психологію къ обоснованію педагогики и пріобрѣвшій среди педагоговъ такое вліяніе, что въ Германіи и до сихъ поръ оно еще довольно сильно, несмотря на сильную полемику противъ основного направленія психологіи Гербарта.

тальную чистую психологію занимать въ наукѣ лишь второстепенное мѣсто: оказывать лишь спорадическія услуги.

Сперва, повидимому, только двѣ временныхъ, исторически сложившихся причины препятствовали чистой психологіи дѣлать крупныя пріобрѣтенія посредствомъ экспериментированія, именно:

а) Первоначально его примѣненіемъ къ психологіи занялись не психологи изъ философовъ, а врачи и физіологи, которые естественно прежде всего преслѣдовали интересы *психофизіологіи*, а вовсе не чистой психологіи.

b) Родиной экспериментальной психологіи служитъ Германія, гдѣ сначала примѣнялся не совсѣмъ правильный способъ психологическаго экспериментированія. А именно: тамъ изслѣдователи стремились прежде всего къ полученію множества цифръ, выражающихъ какія-либо перемѣны въ душевныхъ явленіяхъ, и при этомъ совершенно игнорировали душевныя явленія, которыя сопровождаютъ изучаемое явленіе въ сознаніи испытуемаго, не подвергали его допросу обо всѣхъ его душевныхъ переживаніяхъ во время эксперимента. Кромѣ того, они не продѣлывали этихъ экспериментовъ въ достаточной степени надъ самими собой раньше, чѣмъ дѣлать ихъ надъ другими лицами. Такимъ образомъ, роль самонаблюденія у первыхъ нѣмецкихъ экспериментаторовъ сводилась почти къ нулю. Но если основнымъ методомъ психологіи должно служить самонаблюденіе (см. стр. 17), то оно же должно играть наиважнѣйшую роль и при психологическомъ экспериментированіи, именно: подобно тому, какъ экспериментъ вообще служитъ частнымъ случаемъ наблюденія (сравн. стр. 23), такъ точно и психологическій экспериментъ прежде всего долженъ быть частнымъ случаемъ самонаблюденія.

Но эти историческія причины уже давно перестали дѣйствовать, такъ какъ послѣ учрежденія Вундтомъ въ 1878 г. перваго психологическаго института за разработку экспериментальной психологіи принялись не только врачи и физіологи, но и философы, а недостатки нѣмецкой школы скоро были замѣчены и устранены французскими психологами. Послѣдніе стали тщательно *допрашивать испытуемаго* о всѣхъ пережитыхъ имъ во время эксперимента состояніяхъ сознанія и раньше, чѣмъ подвергать другихъ какому-либо эксперименту, *сами подвергаются* ему, дабы подготовиться и къ правильной постановкѣ его, и къ точному пониманію того, что будетъ говорить испытуемый. По примѣру же французскихъ психологовъ стали поступать и всѣ другіе, въ томъ числѣ и нѣмецкіе. Исключеніе составляютъ одни лишь представители экспериментальной *педагогики:* въ производимыхъ ими экспериментахъ часто нѣтъ ничего общаго съ самонаблюденіемъ; но кто занимается не прикладной, а теоретической психологіей, уже давно усвоили методологическія правила французской школы.

Такимъ образомъ, если примѣненіе экспериментированія къ чисто психологическимъ вопросамъ обмануло и все еще продолжаетъ обманывать тѣ ожиданія, которыя возлагались на него, начиная съ 1860 г., то это надо объяснять какими-то *постоянными*, *внутренними* причинами, т.-е. причинами, зависящими отъ существа дѣла и поэтому сохраняющими свое небла-

гопріятное дѣйствіе *навсегда*. Попробуемъ же ихъ вскрыть. Ихъ всего три. Это—слѣдующія причины:

1—Прежде всего отмѣтимъ, что *то преимущество эксперимента передъ наблюденіемъ, благодаря которому экспериментъ быстро измѣняетъ весь прежній обликъ науки, совершенно отпадаетъ, когда мы имѣемъ дѣло съ изученіемъ такихъ душевныхъ явленій, которыя доступны не одному лишь объективному наблюденію, а также и самонаблюденію.* Мы говоримъ о томъ, что экспериментъ служитъ орудіемъ, которое безпрестанно приводитъ насъ къ открытію новыхъ, еще не встрѣчавшихся раньше явленій природы (см. выше стр. 24). Этимъ-то путемъ, главнымъ образомъ, и измѣняетъ экспериментъ весь прежній обликъ науки тотчасъ же, какъ только она начнетъ пользоваться экспериментированіемъ. Вѣдь, узнавши множество новыхъ явленій природы, наука чрезъ это становится не только болѣе точной, чѣмъ прежде, но даже совсѣмъ новой по числу изучаемыхъ ею явленій. Такъ физика стала совсѣмъ новой, когда открыла множество явленій электричества.

Но душевныя явленія отличаются сознательностью; поэтому они всегда, уже раньше всякаго экспериментированія, извѣстны тому, кто ихъ переживаетъ. Такимъ образомъ, *экспериментъ можетъ приводить насъ къ открытію только такихъ новыхъ душевныхъ явленій, существованіе которыхъ можетъ сдѣлаться извѣстнымъ не иначе, какъ съ помощью объективнаго наблюденія*, какъ, напр., у животныхъ, душевнобольныхъ и т. п. Тутъ, пожалуй, можно открыть съ помощью эксперимента новыя душевныя явленія, напр., новые инстинкты у животныхъ, новыя переживанія у душевнобольныхъ и т. п. Но во всѣхъ остальныхъ областяхъ чистой психологіи, въ томъ числѣ и въ основной психологіи, не можетъ быть никакой рѣчи объ открытіи новыхъ душевныхъ явленій съ помощью эксперимента. *Уже по одному этому экспериментъ никогда не въ состояніи такъ сильно измѣнить обликъ чистой психологіи, какъ это онъ могъ быстро дѣлать съ другими науками.*

2—Далѣе: *рѣшительно всѣ психологи ошибочно поняли перемѣну, происшедшую въ психологіи съ 1860 г., т.-е. съ появленія книги Фехнера, и поэтому ошибочно ждали для чистой психологіи отъ экспериментированія такихъ же услугъ, какія оно оказываетъ въ другихъ наукахъ, между тѣмъ какъ надо было ждать только части этихъ услугъ. Другая же часть услугъ, которыя можетъ оказывать экспериментъ, уже давно были оказаны имъ чистой психологіи.*

Дѣло въ томъ, что *психологія, да и вообще изученіе душевныхъ явленій въ любой философской наукѣ — и въ логикѣ, и въ гносеологіи, и въ этикѣ, всегда широко пользовалась экспериментированіемъ.* Въ 1860 г. возникло вовсе не психологическое экспериментированіе *вообще*, а всего лишь *новый видъ психологическаго экспериментированія*, именно, экспериментированіе, направленное на *измѣреніе* душевныхъ явленій, на *выясненіе зависимости отъ различныхъ обстоятельствъ въ количественной сторонѣ*

того или другого душевнаго явленія. Поэтому психологію, какою она сдѣлалась, начиная съ 1860 г., надо отличать отъ прежней, вовсе не какъ экспериментальную отъ наблюдательной, но какъ *измѣрительную отъ неизмѣрительной.* Называютъ же психологію, возникшую съ 1860 г., вообще экспериментальной только оттого, что привыкли психологію, бывшую до 1860 г., называть наблюдательной. А эта привычка, въ свою очередь, была обусловлена тѣмъ, что до Конта психологія вообще не вникала, какіе методы приходится ей употреблять, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ обыденной жизни мы охотно называемъ наблюденіемъ и то, что вполнѣ подходитъ подъ понятіе эксперимента (см. стр. 24). На дѣлѣ же психологія, логика, гносеологія и этика *всегда* широко пользовались экспериментированіемъ, *хотя и называли его самонаблюденіемъ*, только это давнишнее экспериментированіе не было измѣрительнымъ. Эта мысль о давнишнемъ употребленіи экспериментированія при изученіи душевныхъ явленій сначала кажется очень странной, даже явно нелѣпой, но въ ней не трудно убѣдиться.

Вспомнимъ отличія эксперимента отъ наблюденія. Они состоятъ только въ томъ, что при экспериментѣ мы производимъ наблюденіе, во-первыхъ, при обстоятельствѣ, нами самими устанавливаемомъ, и, во-вторыхъ,—устанавливаемомъ съ цѣлью узнать, что именно придется намъ наблюдать при этомъ обстоятельствѣ (см. стр. 23). Слѣдовательно, *мы имѣемъ дѣло съ экспериментомъ всякій разъ, какъ только мы испытываемъ или пробуемъ, что именно придется намъ наблюдать при обстоятельствѣ, установленномъ нами самими съ цѣлью этого испытанія или пробы.* Если же я рѣшилъ представить себѣ какой-либо предметъ, напримѣръ, Казанскій соборъ, съ цѣлью узнать составъ этого представленія, то ясно, что я экспериментирую; ибо я самъ установилъ въ себѣ это обстоятельство, представленіе Казанскаго собора, и установилъ съ цѣлью испробовать, что именно я буду наблюдать въ немъ. А такимъ-то именно путемъ такъ называемая *наблюдательная* психологія устанавливаетъ свое ученіе о составѣ образовъ или единичныхъ представленій. Если же этотъ пріемъ изслѣдованія на самомъ дѣлѣ составляетъ экспериментъ, а только называется наблюденіемъ, то экспериментомъ будетъ и сопоставленіе другъ съ другомъ самонаблюденій разныхъ лицъ, произведенныхъ по моей просьбѣ надъ вызываемыми ими образами съ цѣлью разсмотрѣть ихъ составъ; а такимъ путемъ въ такъ называемой *наблюдательной* психологіи изучаются индивидуальныя особенности образовъ. Далѣе: развѣ не вполнѣ подходитъ подъ понятіе эксперимента, если я съ цѣлью узнать, какъ вліяютъ представленія на ходъ дальнѣйшихъ мыслей, вызову въ себѣ какое-либо представленіе, хотя бы того же Казанскаго собора, и послѣ того, предоставивъ своимъ мыслямъ двигаться вполнѣ свободно, наблюдаю, какую мысль вызоветъ во мнѣ это представленіе? А этимъ путемъ такъ называемая *наблюдательная* психологія устанавливаетъ законы, управляющіе вліяніемъ содержанія переживаемыхъ нами представленій на возникновеніе въ сознаніи новыхъ представленій (законы ассоціацій представленій). И вполнѣ подходитъ подъ понятіе эксперимента, если я умышленно

пробую разсуждать то объ одномъ, то о другомъ предметѣ съ цѣлью подсмотрѣть, всегда ли будутъ у меня возникать образы тѣхъ предметовъ, о которыхъ я разсуждаю, и если не всегда, то чѣмъ они замѣняются въ моемъ сознаніи. А такой пріемъ издавна употреблялся въ такъ называемой *наблюдательной* психологіи для рѣшенія вопроса о связи мышленія съ образами. Все это доказываетъ, что такъ называемая *наблюдательная* психологія подъ именемъ наблюденія всегда широко пользовалась экспериментомъ. Къ этому прибавимъ еще, что одинъ изъ могущественныхъ и излюбленныхъ пріемовъ психологіи состоитъ въ такъ называемомъ *наблюденіи* надъ душевною жизнью, которая *воображается* поставленной въ тѣ или другія условія (см. стр. 19); а онъ, очевидно, представляетъ собой чистѣйшій экспериментъ, хотя и называется самонаблюденіемъ. Вѣдь отъ моей же воли зависитъ, стану ли я воображать свою душевную жизнь не такой, какова она сейчасъ, и отъ меня же зависитъ, въ какія условія поставлю я ее своимъ воображеніемъ, при чемъ все это я дѣлаю съ цѣлью испытать или испробовать, что̀ именно придется наблюдать мнѣ въ ходѣ моей душевной жизни, поставленной моимъ воображеніемъ въ такія условія.

И не одна лишь психологія подъ именемъ наблюденія (точнѣе самонаблюденія) издавна широко пользуется экспериментированіемъ, а вообще всѣ науки, изучающія душевныя явленія, хотя бы и съ непсихологической точки зрѣнія. Напримѣръ, какимъ путемъ логика установила свои удивительно точныя правила силлогизмовъ? При изученіи послѣднихъ мы беремъ два сужденія, подвергаемъ ихъ всевозможнѣйшимъ видоизмѣненіямъ (беремъ каждое изъ нихъ то въ утвердительной, то въ отрицательной, то въ общей, то въ частной формѣ и т. п.), *пробуя* вмѣстѣ съ тѣмъ, будетъ ли при взятыхъ нами видоизмѣненіяхъ этихъ сужденій вытекать изъ нихъ какой-либо выводъ и какой именно. Развѣ это не экспериментъ надъ нашимъ мышленіемъ? Вѣдь я самъ устанавливаю здѣсь тѣ обстоятельства, при которыхъ будетъ работать мое мышленіе (два сужденія и ту или другую форму каждаго изъ нихъ), и устанавливаю съ цѣлью испробовать, каковы будутъ результаты мышленія при этихъ обстоятельствахъ. Да и вся логика составляетъ не что иное, какъ систематическое экспериментированіе надъ нашимъ мышленіемъ, производимое нами съ цѣлью выяснить, при какихъ условіяхъ мышленіе даетъ общеобязательные результаты, и какимъ характеромъ отличаются они при тѣхъ или другихъ условіяхъ. Употребляется экспериментъ и въ теоріи познанія, когда, напримѣръ, она пробуетъ сомнѣваться во всемъ, пока не натолкнется на то, что̀ не поддается никакому сомнѣнію (напримѣръ, на существованіе самого сомнѣвающагося или переживаемыхъ имъ душевныхъ состояній), или—когда она, отвергнувъ какой-либо основной принципъ знанія (напримѣръ, законъ причинности), пробуетъ, есть ли возможность удостовѣриться въ его истинности, не впадая въ заколдованный кругъ при этихъ попыткахъ, и т. п. Что же касается этики, то, очевидно, мы экспериментируемъ надъ своимъ нравственнымъ чувствомъ, когда мы умышленно представляемъ себѣ тотъ или другой поступокъ и смотримъ, какъ онъ будетъ оцѣ-

ненъ нашимъ нравственнымъ чувствомъ. Подобно тому, какъ логика строится при помощи систематическаго экспериментированія надъ мышленіемъ, такъ этика систематически экспериментируетъ надъ нравственнымъ чувствомъ.

Такимъ образомъ, *разработка такъ называемой экспериментальной психологіи не могла и никогда не будетъ въ состояніи произвесть въ чистой психологіи такія глубокія перемѣны, какія происходили въ другихъ наукахъ, вслѣдствіе начавшагося употребленія экспериментированія.* Вѣдь въ послѣднихъ до той поры дѣло дѣйствительно ограничивалось одними лишь наблюденіями; *въ чистой же психологіи подъ именемъ наблюденія издавна извлекали изъ эксперимента пользу, какую онъ можетъ приносить тамъ, гдѣ нѣтъ надобности въ измѣреніяхъ, такъ что на долю такъ называемой экспериментальной психологіи осталась всего лишь часть той работы, которая можетъ быть производима посредствомъ экспериментированія.* Иное дѣло психофизіологія: въ ней вовсе не было экспериментированія, ошибочно называемаго наблюденіемъ, пока не возникло такъ называемое психологическое экспериментированіе, и въ ней послѣднее должно было производить цѣликомъ всю ту работу, которая неосуществима одними лишь наблюденіями. Поэтому вполнѣ понятно, что психофизіологія, начиная съ 1860 г., т.-е. со времени и вслѣдствіе возникновенія такъ называемой экспериментальной психологіи сдѣлала сравнительно значительныя пріобрѣтенія. *Чистая же психологія должна ждать отъ эксперимента лишь такія услуги, какія доставляются измѣрительнымъ экспериментированіемъ.*

3—Но *само-то измѣрительное экспериментированіе въ состояніи оказать чистой психологіи значительно меньше услугъ, чѣмъ въ другихъ наукахъ; ибо то преимущество эксперимента, что онъ облегчаетъ возможность выяснить, какъ зависятъ количественныя перемѣны въ изучаемомъ явленіи отъ любого обстоятельства, по двумъ причинамъ можетъ быть осуществлено лишь сравнительно рѣдко въ примѣненіи къ чисто психологическимъ вопросамъ*, такъ что въ чистой психологіи, для измѣрительнаго экспериментированія остается лишь узкая сфера примѣненія. *Эти двѣ причины состоятъ: А) во-первыхъ, въ крайне тѣсной связи разныхъ сторонъ душевной жизни другъ съ другомъ*, и *В) во-вторыхъ, въ безпрерывной измѣнчивости душевной жизни.* Разъяснимъ все это подробнѣе.

А) Для выясненія зависимости количественныхъ перемѣнъ въ изучаемомъ явленіи отъ какого-либо обстоятельства надо, какъ мы уже знаемъ (см. стр. 25), подвергать измѣненіямъ одно лишь это обстоятельство, не допуская ни малѣйшаго измѣненія ни въ какомъ изъ остальныхъ обстоятельствъ, при которыхъ происходитъ изучаемое явленіе. Но *разнообразныя душевныя явленія такъ тѣсно связаны между собой, что только въ рѣдкихъ случаяхъ можно измѣнить одно изъ нихъ, не измѣняя этимъ самымъ остальныхъ.* Напримѣръ, обыкновенно измѣненіе въ познавательныхъ процессахъ тотчасъ же сказывается и на чувствахъ, и на волѣ и т. п. Такъ, если чисто механическую дѣятельность памяти, сказывающуюся въ заучиваніи наизусть ряда

слоговъ, не образующихъ своими сочетаніями никакихъ осмысленныхъ словъ и фразъ, замѣнить дѣятельностью памяти, состоящей въ заучиваніи сочетаній слоговъ, образующихъ какой-либо опредѣленный смыслъ, то такая замѣна тотчасъ же отразится и на вниманіи, и на чувствахъ, и на волѣ: дѣятельность вниманія отъ такой замѣны значительно облегчится; чувства будутъ такъ или иначе возбуждены содержаніемъ того смысла, который окажется въ заучиваемыхъ слогахъ; а черезъ это и воля будетъ относиться къ процессу заучиванія иначе, чѣмъ прежде. Поэтому намъ не удастся выяснить, насколько перемѣна въ дѣятельности памяти зависѣла именно отъ произведенной нами перемѣны (отъ замѣны безсмысленнаго сочетанія слоговъ осмысленнымъ), а не отъ вліянія на память со стороны вниманія, чувствъ и воли.

В) *Далѣе: число тѣхъ случаевъ, когда въ примѣненіи къ чисто психологическимъ вопросамъ все-таки оказывается возможнымъ осуществить разсматриваемое преимущество эксперимента, уменьшается еще вслѣдствіе безпрерывнаго измѣненія нашей душевной жизни.* Чтобы установить законъ, указывающій зависимость количественныхъ измѣненій какого-либо душевнаго явленія A отъ перемѣнъ въ одномъ изъ обстоятельствъ, входящихъ въ составъ душевной жизни, назовемъ его X, необходимо измѣрить *длинный рядъ перемѣнъ* этого душевнаго явленія A параллельно съ измѣреніями перемѣнъ въ обстоятельствѣ X. Измѣрить въ явленіи A лишь двѣ, три перемѣны, конечно, еще недостаточно для нашей цѣли: онѣ еще не обнаружатъ закона, управляющаго этими перемѣнами. И при этомъ необходимо, чтобы во время измѣренія перемѣнъ, происходящихъ въ явленіи A, всѣ остальныя обстоятельства, при которыхъ происходятъ эти перемѣны, оставались *точь-въ-точь въ прежнемъ видѣ—безъ всякихъ перемѣнъ*, кромѣ одного лишь X: иначе мы не будемъ знать, отъ перемѣнъ какихъ именно обстоятельствъ зависятъ измѣренныя нами перемѣны изучаемаго душевнаго явленія A (сравн. стр. 25). И вотъ, *такое требованіе легко осуществить въ примѣненіи къ матеріальнымъ явленіямъ; ибо здѣсь предметъ, надъ которымъ мы производимъ свои эксперименты, не подвергается самъ собой въ промежуткахъ между ними никакимъ измѣненіямъ.* Напримѣръ, маятникъ нисколько не измѣняется самъ собой въ промежуткахъ между нашими измѣреніями, когда мы изучаемъ зависимость продолжительности его колебаній отъ его длины. Въ немъ происходятъ только тѣ перемѣны, которыя мы сами производимъ въ немъ въ видахъ нашего эксперимента, т.-е. только перемѣны длины. *Иначе стоитъ дѣло съ душевной жизнью: здѣсь сами собой въ промежуткахъ между отдѣльными измѣреніями какого-либо душевнаго явленія происходятъ двоякія перемѣны.* Именно.

а) *Здѣсь испытуемый предметъ мѣняется самъ собой уже отъ одного того, что мы произвели надъ нимъ свой экспериментъ*; ибо отъ этого эксперимента остаются въ испытуемомъ лицѣ нѣкоторые слѣды, хотя бы въ видѣ воспоминаній объ испытанномъ экспериментѣ, которыя присоединяются къ составу его душевной жизни и вносятъ въ нее при повтореніи того же эксперимента надъ ней новую перемѣну сверхъ той, какую мы сами производимъ

въ ней въ видахъ нашего эксперимента. *Уже одно это обстоятельство во многихъ случаяхъ ограничиваетъ возможность правильной постановки измѣрительнаго экспериментированія.*

b) Кромѣ того, *душевная жизнь безпрерывно мѣняется сразу во множествѣ направленій, даже безъ всякаго вліянія на нее со стороны экспериментированія надъ ней.* Постоянно растутъ, а впослѣдствіи ослабѣваютъ, но каждая по-своему, всѣ душевныя способности: и вниманіе, и память, и разсудокъ, и воля и т. д. Содержаніе нашей личности, а вмѣстѣ съ нимъ наши интересы и наша отзывчивость на всѣ впечатлѣнія тоже безпрерывно измѣняются подъ вліяніемъ образованія, чтенія, новыхъ знакомствъ, пережитыхъ нами личныхъ и общественныхъ событій и т. п. По словамъ Джемса [1]), дѣло доходитъ до того, что *„ни одно разъ минувшее состояніе сознанія не можетъ снова возникнуть и буквально повториться“. Даже ощущенія, вызываемыя тѣми же самыми предметами, почти никогда не бываютъ одинаковыми:* „наша чувственная воспріимчивость, справедливо говоритъ Джемсъ, постоянно измѣняется, такъ что одинъ и тотъ же предметъ рѣдко вызываетъ въ насъ прежнее ощущеніе. Чувствительность наша измѣняется въ зависимости отъ того, бодры ли мы или насъ клонитъ ко сну, сыты мы или голодны, утомлены или чувствуемъ себя сильными. Она различна днемъ и ночью, и зимой и лѣтомъ, въ дѣтствѣ, зрѣломъ возрастѣ и въ старости“. Если же мы не замѣчаемъ постоянной неодинаковости ощущеній, вызываемыхъ однимъ и тѣмъ же предметомъ, то это только оттого, что мы пренебрегаемъ малыми различіями, какъ не имѣющими никакого значенія съ точки зрѣнія интересовъ обыденной жизни, и довольствуемся при сравненіи ощущеній самыми общими чертами. Такъ, возьмемъ собственный примѣръ Джемса: намъ кажется, будто бы цвѣтъ травы на тѣневой и солнечной сторонѣ тотъ же самый; „между тѣмъ художникъ, изображая эту траву на полотнѣ, чтобы вызвать своей картиной реальное впечатлѣніе, въ одномъ случаѣ употребляетъ темно-коричневую краску, а въ другомъ—свѣтло-желтую“. Такая же безпрерывная измѣнчивость, по мѣткимъ наблюденіямъ Джемса, царитъ и въ нашихъ мысляхъ: „каждая отдѣльная мысль о какомъ-нибудь предметѣ, строго говоря, есть *unicum*... Когда повторяются прежніе факты, для насъ неизбѣжно думать о нихъ по-новому, глядѣть на нихъ подъ другимъ угломъ, открывать въ нихъ новыя стороны, сравнительно съ прежними. И мысль, которою мы познаемъ эти факты, всегда есть мысль о предметѣ плюсъ новыя отношенія, въ которыя онъ поставленъ, мысль, связанная съ познаніемъ того, что сопровождаетъ ее въ видѣ неясныхъ деталей. Нерѣдко мы сами поражаемся странною перемѣной въ нашихъ взглядахъ въ разное время на одинъ и тотъ же предметъ. Мы удивляемся, какъ мы могли думать извѣстнымъ образомъ о какомъ-нибудь предметѣ мѣсяцъ тому назадъ. Мы пере-

[1]) Здѣсь и вездѣ дальше ссылки на Джемса имѣютъ въ виду не прежде цитированное его сочиненіе („Психологія въ бесѣдахъ съ учителями“), а его университетскій курсъ: „Психологія“—переводъ И. И. Лапшина, именно—здѣсь имѣется въ виду гл. XI этого сочиненія, озаглавленная „Потокъ сознанія“.

росли возможность такого образа мыслей, а какъ—мы и сами не знаемъ. Съ каждымъ годомъ тѣ же явленія представляются намъ совершенно въ новомъ свѣтѣ. То, что̀ казалось призрачнымъ, стало вдругъ важнымъ, и то, что̀ прежде производило впечатлѣніе, теперь болѣе уже не привлекаетъ. Друзья, которыми мы дорожили больше всего на свѣтѣ, превратились въ блѣдныя тѣни прошлаго. Женщины, казавшіяся намъ когда-то неземными созданіями, звѣзды, лѣса и воды со временемъ стали казаться скучными и прозаичными. Юныя дѣвы, которыхъ мы нѣкогда окружали какимъ-то небеснымъ ореоломъ, становятся съ теченіемъ времени въ нашихъ глазахъ самыми обыкновенными земными существами, картины безсодержательными, книги... Но развѣ въ произведеніяхъ Гете такъ много таинственной глубины? Развѣ ужъ такъ содержательны сочиненія Милля, какъ это намъ казалось прежде? Предаваясь меньше прежняго наслажденіямъ, мы все болѣе и болѣе проникаемся сознаніемъ важности труда на пользу общества и важности другихъ нравственныхъ обязанностей". Таковы подлинныя слова Джемса, этого тончайшаго самонаблюдателя. А не ясно ли, что *при столь сильной измѣнчивости всѣхъ сторонъ душевной жизни, какъ описанная Джемсомъ, только изрѣдка, спорадически удастся осуществить въ чистой психологіи то правило измѣрительнаго экспериментированія, которое требуетъ, чтобы, измѣняя одно изъ обстоятельствъ, входящихъ въ составъ душевной жизни, мы вмѣстѣ съ тѣмъ не допускали ровно никакихъ перемѣнъ во всѣхъ остальныхъ обстоятельствахъ?* [1]).

---

[1]) Съ перваго взгляда кажется даже, будто бы это правило вовсе неосуществимо: ибо тѣ перемѣны, о которыхъ говоритъ Джемсъ, происходятъ *безпрерывно*. Но это не совсѣмъ вѣрно. Напримѣръ: *при тѣхъ изслѣдованіяхъ, при которыхъ начало и конецъ ряда измѣреній могутъ быть отдѣлены другъ отъ друга лишь небольшимъ промежуткомъ времени, мы, конечно, въ правѣ пренебречь тѣми безпрерывными измѣненіями, о которыхъ говоритъ Джемсъ*, какъ ничтожно малыми. Какъ видимъ, здѣсь дѣло стоитъ иначе, чѣмъ при изученіи матеріальнаго міра, гдѣ почти всегда отдѣльныя измѣренія изучаемаго явленія могутъ безъ всякаго ущерба для дѣла производиться чрезъ какіе-угодно промежутки времени.

Замѣтимъ кстати, въ видѣ иллюстраціи къ нашей главной темѣ, почему до сихъ поръ нѣтъ изслѣдованій, которыя посредствомъ измѣрительнаго экспериментированія установили бы точную, выраженную въ цифрахъ картину перемѣнъ въ каждой *отдѣльно взятой* душевной способности въ зависимости отъ возраста. Такія измѣренія совершенно неосуществимы, потому что съ возрастомъ мѣняются *всѣ* душевныя способности, и при нашихъ измѣреніяхъ мы всегда получимъ числа, въ которыхъ будутъ сказываться не только проявленія перемѣнъ измѣряемой способности, но и всѣхъ тѣхъ вліяній со стороны другихъ способностей, которыя онѣ оказываютъ на дѣятельность измѣряемой. Поэтому до сихъ поръ и приходится довольствоваться лишь тѣми знаніями о перемѣнахъ *отдѣльно взятыхъ* душевныхъ способностей по возрастамъ, какія мы имѣемъ на основаніи *наблюденій*. Правда, г. Нечаевъ въ книгѣ „Современная экспериментальная психологія въ ея отношеніяхъ къ вопросамъ школьнаго обученія". Спб. 1901 г. утверждаетъ, какъ бы въ видѣ сдѣланнаго имъ открытія, что его „опытами совсѣмъ не подтверждается столь излюбленное многими педагогами положеніе, будто въ дѣтствѣ память оказывается особенно сильной. Эксперименты показываютъ совершенно другое". (Ту же мысль г. Нечаевъ утверждаетъ и въ своихъ „Очеркахъ

Теперь вполнѣ понятно, что экспериментированіе было и всегда будетъ въ силахъ оказывать *психофизіологіи* столь важныя услуги, что этой наукѣ *слѣдуетъ быть прежде всего экспериментальной, употребляющей наблюденіе, какъ добавочный методъ. Чистая же психологія навсегда осуждена пользоваться прежде всего наблюденіемъ, считая въ немъ и то экспериментированіе, которое и въ логикѣ, и въ психологіи и т. д. издавна практикуется подъ именемъ наблюденія; измѣрительное же экспериментированіе можетъ имѣть въ ней лишь значеніе метода добавочнаго или дополнительнаго, который въ состояніи давать въ ней новыя цѣнныя знанія всего лишь спорадически.*

Но почему много авторовъ грубо преувеличиваютъ важность экспериментированія для психологіи? Важнѣйшія причины такого преувеличенія сводятся къ тремъ, именно:

1. Говоря о значеніи экспериментированія для психологіи, не отличаютъ психофизіологіи отъ чистой психологіи, и несомнѣнную важность его для первой ошибочно распространяютъ на вторую.

психологіи для воспитателей и учителей". Спб. 1904). Это было бы очень важнымъ открытіемъ со стороны экспериментальной психологіи, ибо распредѣленіе учебнаго матеріала по возрастамъ основано на предположеніи, что въ дѣтствѣ память бываетъ сильнѣе. Поэтому географія, напримѣръ, пріурочена къ младшимъ классамъ гимназій; а въ послѣднемъ классѣ ее повторяютъ всю сразу, чтобы усвоенное памятью пополнить пониманіемъ, требующимъ значительной подготовки посредствомъ знакомства съ исторіей и т. п. Но, къ сожалѣнію, опыты г. Нечаева производились надъ припоминаніемъ, дѣйствующимъ тотчасъ же послѣ воспринятаго впечатлѣнія—не позднѣй минуты или двухъ; а педагоги, говоря о силѣ дѣтской памяти, имѣютъ въ виду способность припоминать чрезъ продолжительное время, а не черезъ одну или двѣ минуты. Опыты его состояли, напримѣръ, въ томъ, что передъ учениками разныхъ возрастовъ въ теченіе минуты (черезъ каждыя 5 секундъ) произносились 12 чиселъ или словъ, не составляющихъ никакихъ предложеній, или показывались 12 предметовъ и т. п. Дѣти *тотчасъ же* послѣ этого записывали, что они слышали или видѣли и т. п. И оказывается: чѣмъ моложе дѣти, тѣмъ чаще они ошибаются въ своихъ записяхъ. Отсюда г. Нечаевъ и заключаетъ, будто бы съ возрастомъ память, вопреки свидѣтельству педагоговъ, не слабѣетъ, а усиливается. Это заключеніе ошибочно не только тѣмъ, что педагоги говорятъ совсѣмъ не о тѣхъ проявленіяхъ памяти, какія имѣетъ въ виду г. Нечаевъ, но также и тѣмъ, что его эксперименты вовсе еще не составляютъ экспериментовъ надъ одной лишь памятью, и на основаніи ихъ еще нельзя дѣлать *ровно никакихъ* заключеній объ ея перемѣнахъ въ разные возрасты. Вѣдь здѣсь передъ нами *опыты надъ умѣньемъ давать отчетъ въ только что испытанныхъ впечатлѣніяхъ*. И мы безъ всякихъ экспериментовъ заранѣе знаемъ, что это умѣнье будетъ тѣмъ больше, чѣмъ старше ученикъ, особенно же, если дѣло идетъ о томъ, чтобы обнаружить это умѣнье посредствомъ *записи* испытанныхъ ими впечатлѣній. Въ умѣньи правильно записывать только-что воспринятыя впечатлѣнія сказывается, кромѣ памяти, еще цѣлый комплексъ факторовъ, каждый изъ которыхъ усиливается по мѣрѣ возраста, особенно у дѣтей, воспитываемыхъ въ школахъ: навыкъ сосредоточивать вниманіе на воспринимаемыхъ впечатлѣніяхъ, навыкъ понимать предъявляемыя къ нимъ требованія, навыкъ тщательно исполнять эти требованія, навыкъ писать автоматически, не думая о процессѣ писанія, и т. п. И отожествлять зависящее отъ возраста развитіе *комплекса* всѣхъ

2. Говоря же о значеніи экспериментированія въ *чистой* психологіи, никогда не задаются вопросомъ, нѣтъ ли въ душевныхъ явленіяхъ какихъ-либо особенностей, вслѣдствіе которыхъ положеніе экспериментированія въ чистой психологіи совсѣмъ другое, чѣмъ въ остальныхъ наукахъ. Въ дѣйствительности же, какъ мы видѣли сейчасъ (на стр. 50 и слѣд.), важнѣйшее преимущество эксперимента предъ наблюденіемъ, именно—что экспериментированіе приводитъ къ открытію новыхъ явленій природы, почти вполнѣ отпадаетъ въ чистой психологіи. Преимущество же измѣрительнаго экспериментированія предъ измѣрительнымъ наблюденіемъ осуществимо здѣсь лишь въ слабой степени, только кое-гдѣ, спорадически.

3. Многихъ, наконецъ, сбиваетъ двусмысленное слово „опытъ“, обозначающее не только экспериментъ, но какъ эксперименты, такъ и наблюденія. И многіе авторы, называя экспериментъ „опытомъ“, приписываютъ въ видѣ заслуги психологическому эксперименту то, что въ дѣйствительности добыто посредствомъ наблюденія. Напримѣръ, перечисляя заслуги *экспериментальной* психологіи, ставятъ за ея счетъ результаты, добытые посредствомъ анкетнаго метода или систематическихъ разспросовъ (т.-е. посредствомъ приглашенія къ самонаблюденію). Правда, анкетный методъ часто подходитъ подъ понятіе *экспериментированія*, но такого, которое издавна употреблялось въ психологіи подъ именемъ наблюденія; между тѣмъ всѣ эти авторы говорятъ о значеніи не такого экспериментированія, а возникшаго лишь съ 1860 г. Такимъ смѣшеніемъ разныхъ значеній термина „опытъ“ особенно часто отличаются французы, у которыхъ даже прилагательное expérimental означаетъ—основанный и на экспериментѣ, и на опытѣ вообще, такъ что у нихъ писали курсы *„экспериментальной“* психологіи еще задолго до 1860 г., подразумѣвая подъ этимъ выраженіемъ такую психологію, которая, въ отличіе отъ метафизической, говоритъ лишь о томъ, что дано въ опытѣ. Впрочемъ, и среди нѣмцевъ попадается такое же насильственное растяженіе понятія „экспериментальный“, хотя у нихъ есть разныя, и при томъ чистонѣмецкія слова для обозначенія опыта вообще и эксперимента въ частности: это Erfahrung и Versuch. Примѣромъ служитъ извѣстная книга Лая „Экспериментальная дидактика“ (русск. пер. Спб. 1906 г.). Вотъ его подлинныя слова: „наблюденія, массовыя изслѣдованія (enquête) и экспериментъ... такой методъ дидактическаго изслѣдованія можно во всякомъ случаѣ въ общемъ назвать экспериментальнымъ. Дидактику, которая старается рѣшить свои задачи главнымъ образомъ при помощи эксперимента и массоваго изслѣдованія въ соединеніи съ наблюденіемъ, мы назвали экспериментальной дидактикой“ (l. c. стр. 444 и 445). Конечно, если экспериментальнымъ методомъ *назвать*, какъ это дѣлаетъ Лай, *всякій* методъ, какой только можетъ приносить пользу наукѣ, то легко доказать, что экспериментальный методъ необыкновенно важенъ даже въ астрономіи, въ наукѣ чисто-наблюдательной.

этихъ факторовъ съ развитіемъ одной лишь памяти значитъ приравнивать цѣлое къ своей части.

Но позволительно ли такъ обращаться съ терминомъ „экспериментальный“, какъ это дѣлаетъ Лай? [1])

5. Необходимѣйшія физіологическія свѣдѣнія.

Для изученія психологіи, если ее не смѣшиваютъ съ психофизіологіей, нѣтъ надобности въ обширныхъ свѣдѣніяхъ по физіологіи; но нельзя обойтись и безъ всякаго знакомства съ ней. Поэтому мы изложимъ здѣсь нѣкоторыя изъ физіологическихъ свѣдѣній, подтверждая ихъ наипростѣйшими доводами и ограничиваясь матеріаломъ, лишь самымъ необходимымъ для изученія основной психологіи.

Наиболѣе важное значеніе для психологіи имѣютъ два слѣдующихъ психофизіологическихъ положенія: *а) Всякое душевное явленіе такъ связано съ опредѣленными тѣлесными явленіями, что никогда не можетъ возникнуть безъ возникновенія этихъ послѣднихъ. b) Ближайшимъ образомъ эта связь душевныхъ явленій съ тѣлесными сказывается въ головномъ мозгу*, а именно: всякое душевное явленіе оказываетъ вліяніе на состояніе нашего тѣла не иначе, какъ вызывая опредѣленныя тѣлесныя явленія въ головномъ мозгу; и, наоборотъ, всякое тѣлесное явленіе вліяетъ на ходъ душевной жизни тѣмъ путемъ, что дѣйствуетъ на головной мозгъ.

Эти два положенія нерѣдко высказываютъ, оба сразу, еще такимъ образомъ:

---

[1]) Заговоривъ объ его книгѣ, отвѣтимъ кстати на вопросъ, часто предлагаемый учащимися, „какъ относиться къ ней?“ — Съ большой осторожностью: человѣкъ свѣдущій въ дѣлѣ, извлечетъ изъ нея кое-что полезнаго; ибо авторъ—педагогъ съ многолѣтней опытностью и несомнѣнно большой начитанностью (хотя не все хорошо уварилось у него въ головѣ: онъ читалъ больше, чѣмъ успѣвалъ думать). Но въ его книгѣ на-ряду съ цѣнными вещами много удивительнаго вздора. Напр., вотъ что онъ пишетъ тамъ: „теорія познанія (sic!) требуетъ, чтобы въ практикѣ обученія, при составленіи учебныхъ плановъ, организацій школъ было принято во вниманіе, что цѣль преподаванія составляетъ не логическое доказательство, но чувственное убѣжденіе. Наивысшую степень убѣжденія даетъ не формальная достовѣрность отвлеченныхъ положеній, но матеріальная достовѣрность сужденій воспріятія, средствомъ достиженія которой является преподаваніе реальныхъ свѣдѣній (l. c. стр. 217). Лай забылъ, что элейская школа была убѣждена въ невозможности движенія на основаніи *логическихъ доказательствъ*, а вовсе не на основаніи воспріятія, а Коперникъ удостовѣрился въ неподвижности земли тоже благодаря логическимъ доказательствамъ и вопреки достовѣрности воспріятія. Другой примѣръ: „дидактика должна, вмѣсто силлогизма, примѣнять теорію умозаключеній, соотвѣтствующую современной наукѣ“ (ibid.). Какъ можно обойтись безъ силлогизмовъ, кромѣ Лая, вѣдомо еще только Богу! Если кто хочетъ ознакомиться съ тѣмъ, насколько психологическое экспериментированіе обѣщаетъ быть полезнымъ для педагогики, лучше сдѣлаетъ, если, вмѣсто названной увѣсистой книги Лая и сильно пропагандируемыхъ въ Россіи „Лекцій по экспериментальной педагогикѣ“ Меймана (въ 3 частяхъ), обратится къ небольшой книгѣ Мюнстерберга (подлинникъ вышелъ въ 1910 г., есть русскій переводъ) „Психологія и учитель“. Это, конечно, не педагогъ-практикъ, какъ Лай, даже не педагогъ-теоретикъ, какъ Мейманъ, зато серьезный ученый, относящійся ко всему съ надлежащей научной осторожностью.

органомъ душевной жизни служитъ головной мозгъ. Но, высказывая ихъ въ такой формулѣ, послѣдней отнюдь не надо понимать метафизически, т.-е. не слѣдуетъ истолковывать ее ни въ смыслѣ матеріализма, ни въ смыслѣ дуализма, ибо мы отказались въ психологіи отъ *всякихъ* метафизическихъ толкованій. Подразумѣвать же подъ ней надо лишь то, что душевныя явленія почему-то возникаютъ всегда *параллельно* съ опредѣленными процессами головного мозга. Эта точка зрѣнія, чуждая *всякой* метафизики, называется *принципомъ параллелизма*, а иногда принципомъ психофизическаго параллелизма, хотя вѣрнѣе было бы говорить о психофизіологическомъ параллелизмѣ.

Терминъ „психофизическій параллелизмъ“ очень похожъ на „психофизическій монизмъ“, о которомъ см. стр. 3. Но не слѣдуетъ думать, будто бы это одно и то же ученіе. Между ними слѣдующаая разница: психофизическій монизмъ есть *метафизическое* ученіе, состоящее изъ соединенія психофизическаго параллелизма съ однимъ изъ метафизическихъ объясненій того даннаго въ опытѣ факта, о которомъ говоритъ психофизическій параллелизмъ. Послѣдній же учитъ *только* о существованіи этого факта, вопросъ же о томъ какъ метафизически объяснить этотъ фактъ, оставляетъ открытымъ.

Всего важнѣе убѣдиться въ психофизическомъ параллелизмѣ относительно познавательныхъ душевныхъ явленій: вѣдь у нихъ, кромѣ ощущеній, связь съ тѣлесными или физіологическими процессами такъ мало замѣтна, что съ перваго взгляда кажется, будто бы нѣкоторыя изъ нихъ, напримѣръ—представленія, возникаютъ независимо отъ какихъ бы то ни было тѣлесныхъ процессовъ, безъ всякой связи съ ними.

Прежде всего приведемъ рядъ фактовъ, доказывающихъ, что даже и представленія, которыя обывательскому взгляду кажутся совершенно свободными отъ всякой связи съ тѣлесными явленіями, все таки въ дѣйствительности тѣсно связаны съ ними. При этомъ укажемъ два рода такихъ фактовъ: одни изъ нихъ доказываютъ, что ходъ нашихъ представленій зависитъ отъ чисто тѣлесной жизни, что послѣдняя вліяетъ на наши представленія; другіе же, наоборотъ, доказываютъ, что и представленія, въ свою очередь, вліяютъ на ходъ тѣлесной жизни. А все это, разумѣется, возможно только при томъ условіи, чтобы представленія возникали не иначе, какъ въ связи съ тѣлесными процессами.

Что касается *вліянія тѣлесной жизни на представленія*, то оно подтверждается тѣмъ, что есть яды, которые вызываютъ *специфическія* галлюцинаціи, т.-е. каждый изъ нихъ *особеннымъ* образомъ измѣняетъ характеръ нашихъ представленій. Въ этой-то *специфичности* ихъ вліянія на представленія и сказывается наглядно зависимость послѣднихъ отъ тѣлесной жизни. Такъ, алкоголь при *повторныхъ* отравленіяхъ вызываетъ видѣнія устрашающаго или брезгливаго характера,—гадовъ, чертей и т. п. Наоборотъ, гашишъ и опіумъ производятъ галлюцинаціи бодрящаго и веселящаго характера. Первый при этомъ еще заставляетъ воспринимать пространство и время въ увеличенныхъ размѣрахъ: обыкновенная комната кажется необъятной по пространству, время также растягивается до безконечности и т. п. Всѣ

эти факты, вмѣстѣ взятые, ясно доказываютъ, что, вліяя на *тѣлесную жизнь*, мы вмѣстѣ съ тѣмъ вліяемъ на *характеръ представленій*.

Теперь приведемъ примѣры вліянія *представленія на тѣлесную жизнь* [1]). Уже одно *представленіе движенія*, безъ всякаго хотѣнія, вызываетъ это движеніе, *само собой стремится воплотиться въ самое движеніе*. Примѣромъ служатъ многія лица, которыя не могутъ думать и говорить о движеніяхъ иначе, какъ производя ихъ. Этимъ и объясняется такъ называемое отгадываніе чужихъ мыслей. Оно состоитъ въ томъ, что человѣкъ, мысли котораго отгадываются, прикасается къ отгадчику и упорно представляетъ себѣ, какъ послѣдній исполнитъ заданное ему движеніе. Отъ этого онъ невольно и незамѣтнымъ для себя образомъ сообщаетъ отгадчику соотвѣтствующіе толчки, руководясь которыми отгадчикъ и исполняетъ задуманное движеніе. Не представляетъ ничего таинственнаго и столоверченіе, объясняемое тѣмъ, что участвующіе въ сеансѣ вовсе не держатъ своихъ рукъ, положенныхъ на столъ, спокойно, а *невольнымъ* образомъ слегка двигаютъ ими подъ вліяніемъ задуманной мысли и такимъ путемъ незамѣтно сообщаютъ столу то или другое движеніе.

Другая группа фактовъ, подтверждающихъ вліяніе представленій на тѣлесные процессы, такова: *иногда одно лишь живое представленіе заболѣванія влечетъ за собой это заболѣваніе*. Напр., одна дама, проходя мимо школы, когда изъ нея выходили дѣти, увидала, какъ выбѣжалъ одинъ мальчикъ и вслѣдъ за собой такъ сильно захлопнулъ дверь, что ей показалось, будто этотъ мальчикъ раздробилъ себѣ пятку, чего, однакоже, не случилось. Зато черезъ нѣсколько минутъ она сама почувствовала боль въ ногѣ, и, придя домой, увидѣла, что то самое мѣсто, которое, по ея мнѣнію, долженъ былъ ушибить мальчикъ, сильно покраснѣло и опухло, какъ отъ ушиба. Другая женщина, увидя, что оконная рама упала на руки ея сына, тотчасъ же почувствовала боль на соотвѣтствующихъ мѣстахъ *своихъ* пальцевъ, которые подверглись воспалительному процессу, какъ если бы дѣйствительно были ушиблены. Сюда же относится явленіе такъ называемаго *стигматизма*, именно—въ средніе вѣка нерѣдко бывали такіе случаи: у лицъ очень религіозныхъ и экзальтированныхъ въ дни и часы страданій Іисуса Христа на тѣхъ мѣстахъ, которыя соотвѣтствовали ранамъ Іисуса Христа, кожа сочилась кровью. Въ новое время долго не придавали подобнымъ разсказамъ серьезнаго значенія, предполагая тутъ или обманъ, или преувеличеніе. Но въ XIX столѣтіи повторился такой же случай въ Бельгіи съ одной дѣвушкой, по имени Луиза Латто. Для изслѣдованія его была назначена комиссія врачей и судебныхъ властей, пользовавшихся услугами, между прочимъ, полицейскихъ сыщиковъ, чтобы узнать, нѣтъ ли тутъ обмана. Оказалось, что слухи совершенно справедливы: дѣвушка, отличавшаяся сильной религіозностью, еженедѣльно, въ дни и часы

---

[1]) Много примѣровъ, сюда относящихся, собрано у Карпентера („Физіологія ума“) и Хекъ-Тюка („Вліяніе психики и воображенія на ходъ душевной жизни и тѣлесной“). Въ этихъ двухъ книгахъ собраны лишь хорошо провѣренные факты.

страданій Іисуса Христа, впадала въ экзальтацію, распростиралась крестообразно на землѣ, при чемъ на рукахъ, ногахъ и на лбу у нея сочилась кровь сквозь кожу. Очевидно, живое представленіе ранъ Христа сопровождалось притокомъ крови къ соотвѣтствующимъ мѣстамъ. Наконецъ, мы можемъ еще сослаться на случаи *заболѣванія отъ порчи*. Они настолько часты, что объяснять ихъ простой случайностью невозможно; но они стали вполнѣ понятны съ тѣхъ поръ, какъ выяснилось, что порча дѣйствуетъ только на тѣхъ лицъ, которыя ей вѣрятъ. Если ворожея предсказываетъ суевѣрному человѣку какую-нибудь болѣзнь, то онъ, будучи вполнѣ увѣренъ, что предсказаніе ея исполнится, такъ живо представляетъ себѣ эту болѣзнь, что она дѣйствительно является у него.

Но встрѣчаются и обратные случаи, именно: *случаи исцѣленія вѣрой, состоящіе въ томъ, что иногда одно лишь живое представленіе исцѣленія вызываетъ прекращеніе болѣзни*. Напр., во время борьбы янсенистовъ съ іезуитами въ одномъ изъ янсенистскихъ монастырей надо было сдѣлать одной дѣвочкѣ операцію прижиганія ранъ на вѣкахъ раскаленнымъ желѣзомъ. Наканунѣ операціи одна изъ монахинь посовѣтовала дѣвочкѣ помолиться Божьей Матери объ исцѣленіи. Дѣвочка, сильно боявшаяся предстоявшей операціи, послушалась ея совѣта и во время молитвы, исполненной съ дѣтской непоколебимой вѣрой, почувствовала облегченіе. На другой день докторъ нашелъ столь внезапное и сильное улучшеніе въ ходѣ болѣзни, что счелъ нужнымъ отложить операцію. Черезъ нѣсколько дней долго страдавшая дѣвочка совсѣмъ выздоровѣла. Такъ какъ въ это время шла борьба между іезуитами и янсенистами, то первые обвинили послѣднихъ въ обманѣ, потому что іезуиты считали янсенистовъ еретиками и не допускали мысли, чтобы въ еретическомъ монастырѣ могло произойти подлинное чудо. Дѣло дошло до королевскаго двора, и рѣшено было принять энергичныя мѣры къ разслѣдованію, былъ ли тутъ обманъ или нѣтъ, и въ случаѣ, если обманъ обнаружится, подвергнуть виновныхъ строгому взысканію. Оказалось, что обмана не было, но что дѣвочка была очень религіозной и молилась съ твердой вѣрой, съ крайне живымъ представленіемъ, какъ она, исцѣлившись, избѣжитъ операціи, что́ и вызвало ея исцѣленіе.

Все сказанное доказываетъ только, что представленія дѣйствительно связаны съ какими-то тѣлесными процессами. А въ томъ, что вся вообще умственная дѣятельность связана съ нѣкоторыми опредѣленными процессами, происходящими именно въ головномъ мозгу (т.-е., что органомъ всякой умственной дѣятельности служитъ головной мозгъ), насъ убѣждаетъ слѣдующій рядъ фактовъ:

1. Усиленная умственная дѣятельность сопровождается болью въ головѣ. А такъ какъ при усиленной работѣ болитъ всегда та часть, которая усиленно работала, то ясно, что при умственной дѣятельности работаетъ голова; но вѣдь не кожа и не кости, а, очевидно, головной мозгъ.

2. Цѣлый рядъ фактовъ доказываетъ, что воздѣйствіе на головной мозгъ, даже самое грубое (каковы, напримѣръ, удары о черепъ, сотрясеніе

мозга и т. п.), отражается на умственной жизни. Такъ, одинъ англичанинъ, сильно ударившись о мостовую головой, забылъ одинъ только греческій языкъ. Наоборотъ, одинъ русскій митрополитъ, отличавшійся сначала при ученіи въ бурсѣ дурными способностями, пріобрѣлъ блестящія умственныя способности послѣ того, какъ ему бурсаки проломили голову во время драки.

3. Кромѣ того, рядъ фактовъ, добытыхъ экспериментальнымъ путемъ, свидѣтельствуетъ, что всякое усиленіе умственной дѣятельности сопровождается: a) усиленнымъ притокомъ крови къ головному мозгу, b) повышеніемъ его температуры и c) увеличеніемъ продуктовъ разложенія головного мозга въ выдѣленіяхъ человѣка.

a) Усиленный притокъ крови къ головному мозгу во время усиленія умственной дѣятельности обнаружили разнообразные опыты физіолога Моссо. Одинъ изъ нихъ очень простъ и состоялъ въ слѣдующемъ. Рука испытуемаго погружалась въ наполненный водою сосудъ, съ которымъ сообщалась тоненькая вертикальная трубочка. Затѣмъ въ испытуемомъ лицѣ возбуждали усиленіе умственной дѣятельности, заставляя его рѣшать разныя ариѳметическія задачи или читать какую-либо книгу. При этомъ было замѣчено, что какъ только умственная дѣятельность усиливалась, такъ тотчасъ уровень воды въ тоненькой трубочкѣ понижался. Пониженіе уровня воды происходило, очевидно, потому, что кровь отливала отъ руки. А такъ какъ подобные опыты показали, что она отливала при усиленной умственной дѣятельности и отъ другихъ членовъ тѣла, напримѣръ, отъ ногъ, то ясно, что она направлялась въ этихъ случаяхъ къ головному мозгу. Для устраненія же сомнѣній, куда именно направляется кровь, отливающая отъ конечностей во время усиленія умственной дѣятельности, Моссо употреблялъ слѣдующій экспериментъ: онъ клалъ испытуемаго на особую доску, устроенную въ видѣ вѣсовъ, т.-е. такъ опирающуюся на подставку, что въ зависимости отъ перемѣщенія центра тяжести доска наклоняется книзу то однимъ, то другимъ концомъ. Какъ только у испытуемаго, такъ положеннаго на эту доску, чтобы она была въ горизонтальномъ положеніи, усиливалась почему-нибудь умственная дѣятельность, такъ тотчасъ же доска наклонялась книзу тѣмъ концомъ, гдѣ была голова испытуемаго.

b) Сопровожденіе же усиленія умственной дѣятельности повышеніемъ температуры головного мозга можно предполагать уже заранѣе, коль скоро выяснено сопровожденіе ея притокомъ крови къ мозгу. Но это же оправдывается и прямымъ экспериментальнымъ путемъ. Такъ, Шиффъ производилъ надъ собаками слѣдующіе опыты: въ наружную часть (корку) большихъ полушарій ихъ головного мозга погружались иголки термоэлектрическаго столбика (а онѣ, какъ извѣстно, обладаютъ тѣмъ свойствомъ, что при нагрѣваніи столбика замѣчается уклоненіе магнитной стрѣлки, сообщающейся съ даннымъ приборомъ). И вотъ, какъ только возбуждалась чѣмъ-нибудь умственная дѣятельность собаки, такъ тотчасъ же приборъ показывалъ болѣе или менѣе значительное уклоненіе магнитной стрѣлки. Особенно интересно, что это уклоненіе было въ полномъ соотвѣтствіи съ большей или мень-

шей степенью умственнаго возбужденія животнаго. Такъ, напримѣръ, когда къ собакѣ подносили листъ бѣлой бумаги, то уклоненіе стрѣлки было не особенно сильно; если же подносили бумагу, на которой положенъ кусокъ мяса, то уклоненіе значительно увеличивалось. Или другой примѣръ: если передъ глазами собаки проводили закрытымъ зонтикомъ, уклоненіе стрѣлки было слабо; но стоило въ то же время внезапно раскрыть зонтикъ, чтобы сразу вызвать сильное уклоненіе.

с) Что касается до продуктовъ разложенія головного мозга, то обнаруженіе ихъ достигается довольно простымъ путемъ: производится анализъ выдѣленій человѣческаго организма послѣ усиленной умственной работы, и въ нихъ получаются въ усиленномъ составѣ противъ обычнаго тѣ вещества, которыя входятъ въ составъ головного мозга.

Прибавимъ къ сказанному еще нѣсколько замѣчаній физіологическаго характера.

Человѣческій организмъ состоитъ изъ соединенія нѣсколькихъ разнородныхъ частей, каковы: 1) такіе органы, какъ служащіе для пищеваренія, дыханія, кровообращенія и т. д., т.-е. органы, служащіе для чисто растительной жизни (такъ принято называть упомянутыя отправленія въ отличіе отъ животной жизни, слагающейся изъ чувствъ и движеній); 2) образованія, служащія для твердой поддержки всего организма, т.-е. изъ скелета, и 3) органы, назначенные для возбужденія движеній и ощущеній. Сюда относятся *мускульная система и нервная система.*

Скелетъ состоитъ отчасти изъ такихъ костей, которыя могутъ двигаться одна возлѣ другой вродѣ рычаговъ. Поэтому онъ служитъ не только твердой поддержкой организма, но также, во 1) для его передвиженія въ пространствѣ и, во 2) для измѣненія относительнаго положенія его частей, а чрезъ это для воздѣйствія на внѣшніе предметы, напр., для перемѣщенія ихъ съ мѣста на мѣсто. Все это осуществляется посредствомъ движенія нѣкоторыхъ костей. Но сами по себѣ кости еще не могутъ двигаться и нуждаются въ органахъ или приспособленіяхъ, которыя приводили бы ихъ въ движеніе. Къ числу этихъ приспособленій принадлежитъ прежде всего *мускульная* или, какъ ее называютъ иначе, *мышечная система*, т.-е. совокупность всѣхъ мускуловъ, или, иначе, мышцъ.

Мускулы состоятъ изъ очень тонкихъ, короткихъ веретенообразныхъ волоконецъ, невидимыхъ простымъ глазомъ (см. рис. 13). Эти волоконца соединены пучками въ волокна и окружены общей оболочкой (см. рис. 14). Волокна же, въ свою очередь, соединяются въ мускульные пучки, уже доступные для невооруженнаго глаза. Вотъ такимъ образомъ и слагаются мускулы, которые въ общежитіи называются мясомъ (см. рис. 15). Особенность всѣхъ мускульныхъ волоконъ состоитъ въ томъ, что они сокращаются подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ дѣйствій со стороны нервовъ, а черезъ это сокращается и весь мускулъ. Этимъ путемъ и возникаютъ въ тѣлѣ всѣ движенія. Напримѣръ, если мускулъ расположенъ такъ, что однимъ концомъ своимъ онъ прикрѣпленъ къ одной кости, а другимъ къ другой, соединенной съ

первой въ видѣ рычага, то понятно, что при сокращеніи мускула эти двѣ кости будутъ сближаться. Приблизительно такъ и бываетъ при сгибаніи руки въ локтѣ (см. рис. 16). Если же волокна мускула расположены кольцеобразно вокругъ какого-нибудь отверстія, такъ что мускулъ образуетъ кольцо, окружающее это отверстіе, то при сокращеніи волоконъ это кольцо будетъ съуживаться. Такъ, вокругъ зрачка находятся подобные кольцеобразные мускулы; они-то сокращеніемъ своихъ волоконъ и вызываютъ съуженіе зрачка.

Каждый мускулъ вызываетъ движеніе только своимъ сокращеніемъ, а движеніе, обратное данному, вызывается сокращеніемъ какого-нибудь другого мускула. Напримѣръ, разгибаніе вызывается сокращеніемъ мускула, прикрѣпленнаго къ тѣмъ же костямъ, но съ другой стороны, къ которымъ прикрѣпленъ и мускулъ, вызывающій сгибаніе, именно: если двѣ кости соединены своими концами между собою, а по обѣ стороны ихъ соединенія прикрѣплены мускулы, то одинъ изъ нихъ своимъ сокращеніемъ будетъ вызывать сгибаніе, а другой—разгибаніе такого сочлененія костей. Мускулы, производящіе два противоположныхъ движенія, называются относительно другъ друга *мускулами-антагонистами*. У кольцеобразныхъ мускуловъ роль антагонистовъ исполняютъ радіальныя мускульныя волокна, т.-е. расположенныя по радіусамъ кольца, окруженнаго кольцеобразнымъ мускуломъ. Они-то своимъ сокращеніемъ и вызываютъ расширеніе этого кольца.

Нервная система (см. рис. 17) состоитъ изъ *центральныхъ частей*, именно—изъ массъ бѣлаго и сѣраго вещества, расположенныхъ въ черепѣ и каналѣ спинного хребта, при чемъ эти массы, находящіяся въ черепѣ, называются головнымъ мозгомъ, а находящіяся въ спинномъ хребтѣ спиннымъ мозгомъ, и изъ *нервовъ*—серебристыхъ нитей, выходящихъ изъ головного и спинного мозга. Центральныя части, т.-е. головной и спинной мозгъ, состоятъ, во-1) изъ *нервныхъ клѣтокъ*, изъ микроскопическихъ тѣлецъ, имѣющихъ разнообразную форму, съ однимъ или нѣсколькими отростками (см. рис. 18), и, во-2) изъ *соединяющихъ ихъ между собою нервныхъ волоконъ*.

Что же касается собственно нервовъ, то подъ микроскопомъ видно, что они состоятъ только изъ нервныхъ волоконъ, которыя идутъ, *не прерываясь*, отъ самаго начала до конца, такъ что, когда нервъ развѣтвляется, то это значитъ, что нервныя волокна, шедшія прежде вмѣстѣ, теперь разошлись въ разныя стороны, а никакъ не означаетъ, чтобы въ развѣтвленіяхъ нерва появлялись новыя волокна. Та часть нерва, которая примыкаетъ къ центральнымъ частямъ нервной системы, называется *центральной*, а противоположная ей часть, т.-е. другой конецъ нерва, *периферической*. Вся совокупность периферическихъ концовъ всѣхъ нервовъ называется *периферіей нервной системы*.

Разсмотримъ теперь, какое значеніе для душевной жизни имѣютъ разныя части нервной системы. О роли головного мозга мы уже говорили на стр. 59 и слѣд., такъ что теперь остается только сказать о роли нервовъ и спинного мозга.

Нервы служатъ только проводниками нѣкоторыхъ матеріальныхъ

процессовъ или возбужденій, идущихъ либо къ центральнымъ частямъ нервной системы отъ периферіи, либо наоборотъ. Подробнѣе же — роль нервовъ состоитъ въ слѣдующемъ: одни изъ нихъ служатъ проводниками нѣкоторыхъ возбужденій, идущихъ отъ периферіи къ центральнымъ частямъ нервной системы, причемъ, когда эти возбужденія достигнутъ головного мозга, то возникаетъ ощущеніе; другіе же нервы служатъ проводниками для возбужденій, идущихъ отъ центра къ периферіи, при чемъ, если такое возбужденіе достигаетъ мускуловъ, то вызываетъ ихъ сокращеніе, а если нервъ оканчивается въ железахъ, то вызываетъ ихъ выдѣленія, и т. д.

Доказывается же только-что указанная роль нервовъ экспериментами надъ перерѣзанными нервами. Если раздражать въ какой бы то ни было точкѣ тотъ нервъ, который заканчивается въ какомъ-нибудь органѣ чувствъ, то получится ощущеніе, соотвѣтствующее этому органу. Напр., отъ раздраженія нерва, заканчивающагося въ глазу, получатся зрительныя ощущенія. Но перерѣжемъ этотъ нервъ. Тогда, если раздражать его периферическій отрѣзокъ, ощущенія не будетъ. Слѣдовательно, самъ по себѣ, лишенный возможности провесть къ головному мозгу свое возбужденіе, этотъ нервъ еще не вызываетъ ощущенія. Если же раздражать центральный отрѣзокъ, который остается еще соединеннымъ съ головнымъ мозгомъ, то ощущеніе получается. Слѣдовательно, ощущеніе получается *только тогда,* когда нервное возбужденіе доходитъ до нервныхъ клѣтокъ головного мозга. Теперь возьмемъ нервъ, идущій отъ головного или спинного мозга къ мускулу. При раздраженіи этого нерва въ любой его точкѣ обязательно сокращается тотъ мускулъ, въ которомъ заканчивается нервъ. Но перерѣжемъ нервъ и будемъ раздражать его центральный отрѣзокъ, — мускулы не сократятся. Раздраженіе же периферическаго отрѣзка этого нерва повлечетъ за собой сокращеніе мускуловъ. Изъ всѣхъ этихъ опытовъ ясно, что нервы служатъ проводниками какихъ-то возбужденій отъ периферіи къ центру и наоборотъ.

Этотъ же выводъ подтверждается еще слѣдующимъ доказательствомъ. Если справедливо, что нервы служатъ всего только проводниками, то надо ждать, что они, подобно телеграфнымъ и другимъ проводникамъ, способны проводить возбужденіе *какъ въ ту, такъ и въ другую* сторону. Дѣйствительно, такъ и оказывается, какъ это видно изъ опыта Поля Бера. Онъ снялъ кожу съ кончика хвоста живой крысы и воткнулъ этотъ обнаженный конецъ въ разрѣзъ, сдѣланный на спинѣ. Когда ранка зажила и хвостъ, такимъ образомъ, вросъ въ спину, онъ отрѣзалъ хвостъ у его корня, который чрезъ это сталъ какъ бы концомъ хвоста. Когда и эта ранка зажила, онъ сталъ раздражать бывшій корешокъ хвоста, сдѣлавшійся теперь концомъ хвоста, и замѣтилъ, что крыса чувствуетъ боль: она визжала и огрызалась при такомъ опытѣ. Значитъ, нервы, сращенные теперь съ спиной крысы въ обратномъ направленіи, чѣмъ прежде, все-таки проводятъ раздраженіе къ головному мозгу; слѣдовательно, нервы одинаково способны проводить раздраженіе *въ обѣ стороны.* А это снова подтверждаетъ наше заключеніе о роли нервовъ.

Смотря по тому, въ какую сторону проводится раздраженіе нервомъ въ его нормальномъ состояніи (а не въ такомъ, какъ у только что описанной крысы), всѣ нервы раздѣляются на двѣ группы: 1) *центростремительные, или приводящіе*, или *чувствующіе:* они приводятъ къ центральнымъ частямъ нервной системы возбужденіе, и когда оно доходитъ до головного мозга, то возникаетъ ощущеніе; 2) *центробѣжные* нервы, проводящіе возбужденіе отъ центральныхъ частей нервной системы къ ея периферіи. Часть этихъ нервовъ заканчивается въ мускулахъ, проводя къ нимъ возбужденіе, идущее отъ центральныхъ частей нервной системы; и эта часть центробѣжныхъ нервовъ называется *двигательными* нервами, такъ какъ они вызываютъ сокращеніе мускуловъ, а чрезъ это и движенія. Другая же часть центробѣжныхъ нервовъ заканчивается въ органахъ растительной жизни, напримѣръ, въ железахъ, проводя къ нимъ возбужденіе, идущее отъ центральныхъ частей нервной системы; и тогда дѣятельность нервовъ обусловливаетъ дѣятельность этихъ органовъ, напримѣръ, выдѣленія означенныхъ железокъ.

Наблюдая дѣятельность нервовъ, замѣтили, что *одинаковыя* раздраженія *разныхъ* нервовъ производятъ *различныя* послѣдствія. Напримѣръ, электрическій разрядъ по слуховому нерву даетъ всегда слуховое ощущеніе; но отъ этого же самаго разряда по зрительному нерву получаются всегда только зрительныя ощущенія. И наоборотъ—*разныя раздраженія* (напр., кислотой и электричествомъ) *одного и того же нерва даютъ всегда одинъ и тотъ же результатъ*, глядя по нерву,—или всегда движенія, или ощущенія извѣстнаго рода и т. д. Отчего это происходитъ? Съ перваго взгляда кажется, что каждый нервъ самъ по себѣ можетъ порождать только одинъ, *ему одному свойственный результатъ*, чтд составило бы *специфическую энергію самихъ нервовъ*. Но разъ выяснилось, что нервы—только проводники, то ясно, что специфичность результата раздраженія зависитъ не отъ самихъ нервовъ, а отъ концевыхъ аппаратовъ, помѣщающихся на периферическомъ и центральномъ концѣ нервовъ. Напримѣръ, концевой аппаратъ глазного нерва устроенъ не такъ, какъ концевой аппаратъ слухового, и только поэтому результатъ раздраженія слухового нерва долженъ быть не таковъ, какъ результатъ раздраженія глазного. Вмѣстѣ съ тѣмъ надо допустить, что специфичность результата чувствующихъ нервовъ зависитъ какъ отъ *центральныхъ* концевыхъ аппаратовъ (т.-е. отъ нервныхъ клѣтокъ, въ которыхъ заканчиваются чувствующіе нервы), такъ и отъ *периферическихъ*. Первое доказывается тѣмъ, что если вырѣзать глазъ и раздражать глазной нервъ, то все-таки получаются зрительныя ощущенія (правда, не столь разнообразныя, какъ при здоровомъ глазѣ); слѣдовательно, они обусловлены теперь центральнымъ концевымъ аппаратомъ. Второе же доказывается тѣмъ, что отъ *любого* раздраженія двигательнаго нерва получается только сокращеніе мускула. Далѣе: если наша гипотеза вѣрна, то съ перемѣной нерва результатъ раздраженія не долженъ измѣняться, лишь бы остался тотъ же концевой аппаратъ, т.-е. если мы къ какому-нибудь концевому аппарату прирастимъ новый нервъ (не тотъ, который былъ прежде), то раздраженіе послѣдняго будетъ

давать прежній результатъ. Такъ оно и оказывается на дѣлѣ, какъ это выяснилось изъ эксперимента французскаго физіолога Вюльпіана. Онъ, воспользовавшись тѣмъ, что въ языкѣ сходятся близко два нерва—двигательный и чувствующій, срастилъ у собаки периферическій отрѣзокъ двигательнаго нерва съ центральнымъ отрѣзкомъ чувствующаго и, раздражая *послѣдній*, т.-е. отрѣзокъ *чувствующаго* нерва, онъ въ языкѣ вызывалъ точно такія движенія, которыя были въ немъ, когда двигательный нервъ былъ цѣлъ. Слѣдовательно, *чувствующій* нервъ вслѣдствіе пріобрѣтенія концевого аппарата, принадлежащаго двигательному нерву, сталъ играть роль двигательнаго нерва (см. рис. 19).

Изъ всего этого вытекаетъ прекурьезное слѣдствіе, котораго, конечно, нельзя провѣрить прямымъ путемъ, но съ которымъ необходимо согласиться на основаніи всего сказаннаго о дѣятельности нервовъ. Именно: если бы было возможно, перерѣзавъ зрительный и слуховой нервъ, срастить периферическій конецъ перваго (заканчивающійся въ *глазу*) съ центральнымъ второго (заканчивающимся въ такихъ частяхъ головного мозга, отъ раздраженія которыхъ возбужденіемъ, приходящимъ по этому нерву, получаются *слуховыя* ощущенія), то отъ раздраженія *глаза* свѣтовыми волнами мы испытывали бы *слуховыя* ощущенія, т.-е. *слышали бы не ухомъ, а глазомъ*, но, разумѣется, слышали бы не раздѣльные звуки (ибо ихъ раздѣльность зависитъ отъ концевыхъ аппаратовъ, находящихся въ ухѣ), а общій шумъ или звонъ. Точно также, если срастить периферическій отрѣзокъ слухового нерва (заканчивающагося въ *ухѣ*) съ центральнымъ зрительнаго (заканчивающагося въ такихъ частяхъ головного мозга, отъ раздраженія которыхъ возбужденіемъ, приходящимъ къ нимъ по этому зрительному нерву, получаются *зрительныя* ощущенія), то отъ раздраженія *уха* воздушными колебаніями мы испытывали бы *зрительныя* ощущенія, т.-е. *видѣли бы ухомъ, а не глазомъ* (конечно, видѣли бы не отдѣльные предметы и даже, можетъ быть, не цвѣта, а просто потоки свѣта или искръ). Во всякомъ случаѣ *возможность, хотя и неосуществимая на дѣлѣ, видѣть ухомъ и слышать глазомъ* составляетъ неизбѣжное слѣдствіе зависимости специфическаго результата дѣятельности нервовъ отъ ихъ центральныхъ концевыхъ аппаратовъ.

Въ настоящее время признается всѣми *гипотеза специфической энергіи нервовъ*; но, вопреки такому названію, подъ этой гипотезой подразумѣваютъ ученіе о томъ, что специфичность результата раздраженія нерва зависитъ не отъ самого нерва, а отъ тѣхъ концевыхъ аппаратовъ, съ которыми онъ соединенъ, при чемъ въ деталяхъ этой гипотезы есть кое-что спорнаго (о чемъ можно подробно узнать въ „Физіологической психологіи“ Вундта).

Обратимся теперь къ спинному мозгу. *Въ той душевной жизни, которую мы сознаемъ въ себѣ и которую изучаемъ посредствомъ самонаблюденія* (почему мы говоримъ не просто о душевной жизни, а съ такой оговоркой, почти сейчасъ же станетъ яснымъ), *спинной мозгъ не играетъ прямой роли*. Это доказывается слѣдующимъ образомъ: если поврежденъ

спинной мозгъ у человѣка, то, конечно, онъ нерѣдко умираетъ отъ этого, но до тѣхъ поръ, пока онъ живъ, душевная жизнь его не нарушается, кромѣ какъ черезъ приливъ болѣзненныхъ ощущеній. *Для той душевной жизни, которую мы сознаемъ въ себѣ и изучаемъ посредствомъ самонаблюденія, спинной мозгъ играетъ такую же роль, какъ нервы*, т.-е. роль проводника. Лишь немногіе нервы выходятъ непосредственно изъ головного мозга (напр., глазные, вкусовые, слуховые и нѣкоторые другіе); бо́льшая же часть нервовъ выходитъ изъ спинного мозга и только посредствомъ него соединяется съ головнымъ. Такъ, напримѣръ, чувствующіе нервы ноги не выходятъ изъ головного мозга; слѣдовательно, для того, чтобы получить ощущеніе прикосновенія какого-нибудь предмета къ ногѣ, надо, чтобы нервный процессъ, возбужденный этимъ прикосновеніемъ въ нервахъ ноги, дошелъ до головного мозга черезъ спинной (см. рис. 17). Подобнымъ же образомъ нервный процессъ, возбуждаемый хотѣніемъ, доходитъ до мускуловъ ноги черезъ посредство спинного мозга. Слѣдовательно, послѣдній въ обоихъ случаяхъ играетъ роль проводника.

Но относительно спинного мозга у психофизіологовъ все еще идетъ вотъ какой споръ: не служитъ ли онъ органомъ *особой* душевной жизни, которой мы не сознаемъ, но которая существуетъ на-ряду съ той и сверхъ той, органомъ которой служитъ головной мозгъ, т.-е. на-ряду съ сознаваемой нами и изучаемой посредствомъ самонаблюденія? На такой вопросъ навели физіологовъ наблюденія надъ рефлексами, происходящими у лягушки, лишенной головного мозга. А что́ такое рефлексы?

Сверхъ движеній произвольныхъ или *умышленныхъ* есть еще такія движенія, которыя только похожи на умышленныя, но въ дѣйствительности непроизвольныя. Къ нимъ принадлежатъ также и *рефлективныя* (т.-е. отраженныя) движенія или *рефлексы. Рефлексы суть движенія, которыя возникаютъ тѣмъ путемъ, что раздраженіе чувствующаго нерва передается черезъ спинной или головной мозгъ прямо двигательному и вызываетъ движеніе безъ всякаго хотѣнія, или даже противъ нашего хотѣнія, и иногда даже вовсе не отражаясь въ сознаніи въ видѣ ощущенія, соотвѣтствующаго раздраженію чувствующаго нерва.* Всѣ рефлексы дѣлятся на рефлексы спинного и головного мозга, глядя по тому, гдѣ именно передается раздраженіе съ чувствующаго нерва на двигательный. И тѣ, и другіе рефлексы совершаются какъ будто бы съ цѣлью прекратить раздраженіе, которое вызываетъ ихъ. Напримѣръ, къ рефлексамъ принадлежитъ отдергиваніе ноги при прикосновеніи къ подошвѣ, чиханіе, непроизвольный кашель, непроизвольное движеніе руки, направленное къ тому, чтобы согнать муху, сѣвшую на щеку, миганіе вѣками при приближеніи къ глазу, отдергиваніе головы въ это время и т. д. Такимъ образомъ, рефлексы оказываются *цѣлесообразными* непроизвольными дѣйствіями: они приноровлены къ цѣли, состоящей въ прекращеніи вызывающаго ихъ *раздраженія*. Въ этомъ и состоитъ ихъ сходство съ умышленными движеніями.

При осторожномъ вырѣзываніи головного мозга у лягушки она еще жи-

ветъ нѣкоторое время. Но тогда ея рефлексы могутъ быть только рефлексами *спинного* мозга. И вотъ, въ нихъ-то наблюдаются такія особенности, что какъ будто бы у этой лягушки еще есть душевная жизнь. А такъ какъ у нея нѣтъ головного мозга, то, допустивъ въ ней душевную жизнь, органомъ или центромъ послѣдней придется считать спинной мозгъ. Вотъ что̀ наблюдается въ подобной лягушкѣ: если смазать у нея брюшко кислотой, то она будетъ счищать эту кислоту, и непремѣнно ближайшей лапкой, т.-е. той, которой всего удобнѣе. Если же отрѣзать эту лапку, то лягушка пытается сначала счищать кислоту отрѣзкомъ лапки и потомъ, какъ бы убѣдившись, что онъ слишкомъ коротокъ для этой цѣли, она начинаетъ счищать кислоту другой лапкой. И замѣчательно, что въ послѣднемъ случаѣ *движенія этой лапки по мѣрѣ ихъ повторенія постепенно совершенствуются, становятся точнѣе, какъ будто бы они постепенно заучиваются, какъ будто бы лягушка сначала этой уцѣлѣвшей лапой дѣлаетъ попытки къ различнымъ движеніямъ и, выбирая изъ нѣсколькихъ возможныхъ движеній наиболѣе подходящія, запоминаетъ ихъ и послѣ того производитъ только ихъ.*

Физіологи, разсматривая эти явленія, установили до сей поры двѣ гипотезы. Одни изъ нихъ говорятъ, что рефлексы, происходящіе у лягушки, лишенной головного мозга, такъ цѣлесообразны и отъ повтореній столь замѣтно совершенствуются, что они непремѣнно должны считаться умышленными, порожденными душевной жизнью, но такой, для которой органомъ или центромъ служитъ *спинной* мозгъ. Этотъ органъ или центръ, а съ нимъ и его душевная жизнь, подчинены, по словамъ тѣхъ физіологовъ, о которыхъ идетъ рѣчь, главному органу душевной жизни, т.-е. головному мозгу, когда этотъ послѣдній существуетъ; а разъ его нѣтъ, то во второмъ органѣ или центрѣ, т.-е. въ спинномъ мозгу, душевная жизнь уже идетъ *самостоятельно.* Почему же, говорятъ эти физіологи, спинному мозгу и не быть органомъ своей особой душевной жизни? Вѣдь онъ имѣетъ много сходства въ своемъ строеніи съ головнымъ. Переживать же прямо въ самомъ себѣ то, что̀ дѣлается въ душевной жизни спинного мозга, сознаніе или душевная жизнь головного мозга можетъ столь же мало, насколько одинъ человѣкъ можетъ *прямо* переживать въ себѣ то, что̀ дѣлается въ душевной жизни другого; ибо это—двѣ отдѣльныхъ души. Поэтому мы прямо сознаемъ и изучаемъ посредствомъ самонаблюденія только ту душевную жизнь, органомъ которой служитъ головной мозгъ. О душевной же жизни спинного мозга мы должны узнавать посредствомъ заключенія, на основаніи тѣхъ фактовъ, которые наблюдаются нами, когда она освобождается отъ подчиненія головному мозгу, т.-е. при его удаленіи. Такое ученіе называютъ *теоріей спинномозговой души.*

Противники же этой теоріи утверждаютъ, что всѣ факты, наблюдаемые въ лягушкѣ, лишенной головного мозга, должны объясняться чисто-физіологическими законами, безъ предположенія душевной жизни въ спинномъ мозгу, ибо: во-первыхъ, всѣ рефлексы вообще цѣлесообразны, такъ что всѣ рефлексы этой лягушки должны быть направлены на устраненіе кислоты, раздражаю-

щей ея кожу. Во-вторыхъ, если лягушка взамѣнъ обрѣзанной лапы начинаетъ стирать кислоту другой лапой, то это показываетъ всего только, въ какихъ направленіяхъ *распространяется* по нервной системѣ то возбужденіе, которое вызывается кислотой и которое все больше и больше нарастаетъ, потому что обрѣзанная лапа не устраняетъ кислоты. Вѣдь она не дохватываетъ до мѣста, смазаннаго кислотой. Въ-третьихъ, если движеніе цѣльной лапы совершенствуется, то это объясняется только тѣмъ, что нервная система *привыкаетъ* къ этимъ движеніямъ.

Не будемъ взвѣшивать, какой изъ этихъ двухъ взглядовъ вѣрнѣе, и вопросъ о томъ, существуетъ ли душевная жизнь въ спинномъ мозгу, замѣнимъ другимъ, болѣе общимъ вопросомъ, именно: *какія матеріальныя явленія могутъ навѣрняка служить показателемъ душевной жизни* такъ, чтобы ихъ можно было считать *объективными* (т.-е. извнѣ наблюдаемыми) признаками одушевленности? Коль скоро мы выяснимъ такія явленія, то при ихъ помощи мы въ состояніи навѣрняка узнать, что̀ еще кромѣ насъ самихъ одушевленно, а что̀ неодушевленно.

6. Психофизіологическій законъ А. И. Введенскаго.

Объективные (т.-е. извнѣ наблюдаемые) признаки одушевленности должны состоять изъ такихъ матеріальныхъ явленій, относительно которыхъ можно было бы неоспоримымъ образомъ доказать, что они не могутъ возникать тамъ, гдѣ нѣтъ душевной жизни. По этимъ-то признакамъ и можно будетъ заключать, гдѣ она существуетъ, а гдѣ ея нѣтъ. Но результаты нашего изслѣдованія сведутся къ слѣдующему положенію: ни одно объективно наблюдаемое, т.-е. никакое физіологическое явленіе не можетъ служить достовѣрнымъ признакомъ одушевленности, такъ что душевная жизнь не имѣетъ никакихъ объективныхъ признаковъ. Но такой результатъ получится, если мы будемъ ограничиваться однѣми данными внутренняго и внѣшняго опыта, воздерживаясь при ихъ обсужденіи отъ *всякихъ* метафизическихъ предпосылокъ.

Итакъ, мы хотимъ узнать, существуютъ ли объективные признаки одушевленности, и каковы они. Простѣйшій, т.-е. самый легкій (хотя и не единственный и не лучшій) пріемъ для рѣшенія этого вопроса таковъ: начну я отрицать существованіе душевной жизни у кого бы то ни было, кромѣ самого себя, и постараюсь потомъ самъ себя опровергнуть тѣмъ путемъ, что буду искать въ другихъ людяхъ такія тѣлесныя явленія, которыхъ никоимъ образомъ нельзя объяснить безъ помощи душевной жизни.

Наилучшимъ подтвержденіемъ чужой одушевленности я всегда считалъ рѣчь. Такъ, пусть предо мной находится человѣкъ, въ одушевленности котораго я хочу удостовѣриться и котораго до той поры, пока я этого еще не достигъ, я буду считать только бездушной физіологической машиной. И вотъ, для удостовѣренія въ ея одушевленности я обращусь къ ней съ ка-

кимъ-нибудь вопросомъ, напримѣръ — спрошу ее: „кто вы такой?“ Положимъ, что она мнѣ отвѣтитъ: „я (напримѣръ) врачъ NN“.

Но развѣ нельзя объяснить это слѣдующимъ образомъ? Раздраженіе, состоящее изъ движеній воздуха, вызванныхъ моимъ вопросомъ, подѣйствовало на барабанную перепонку изслѣдуемаго существа и вызвало въ ней опредѣленныя колебанія, которыя, въ свою очередь, вызвали опять-таки опредѣленные же процессы въ другихъ частяхъ слухового органа; и все это произошло по чисто-матеріальнымъ законамъ. Эти процессы, дѣйствуя въ свою очередь на слуховые нервы, вызвали въ нихъ опредѣленное (и притомъ чисто матеріальное) измѣненіе, которое прошло до головного мозга. Тамъ оно перешло до двигательныхъ нервовъ, заканчивающихся въ органахъ голоса. Дойдя до этихъ нервовъ, оно распространилось по нимъ вплоть до соединяющихся съ ними мускуловъ и вызвало въ нихъ строго опредѣленныя сокращенія, результатомъ которыхъ были колебанія воздуха, составляющія отвѣтную фразу (я такой-то). Все это были *матеріальные* процессы, и для ихъ появленія нужна только цѣлость той физіологической машины, которую я называю человѣкомъ (чтобы она не была ни разрушена смертью, ни попорчена болѣзнью), а отнюдь не ея одушевленность. Коль скоро въ ней происходятъ эти процессы, то будетъ ли она одушевлена или нѣтъ, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ, дѣйствуя на эту машину тѣмъ же раздраженіемъ (звуками своего вопроса), я при *одинаковыхъ* условіяхъ получу одинаковый результатъ. Такимъ образомъ, несомнѣнно, есть возможность объяснить разсматриваемый фактъ, не допуская въ наблюдаемомъ человѣкѣ ни малѣйшей степени одушевленности. Слѣд., у меня пока еще нѣтъ никакихъ основаній, которыя *принудили бы* меня допускать одушевленность разсматриваемаго мной существа.

Что возразить на эти разсужденія? Все, что здѣсь описывается, какъ происшедшее въ изслѣдуемомъ мною человѣкѣ между моимъ вопросомъ и послѣдовавшимъ на него отвѣтомъ (колебанія барабанной перепонки, распространеніе возбужденія по слуховымъ нервамъ и т. д.), *дѣйствительно было*; въ этомъ удостовѣряютъ меня физіологическія изслѣдованія. А этихъ явленій вполнѣ достаточно, чтобы породить разсматриваемый фактъ даже и въ такихъ существахъ, которыя вовсе не одушевлены.

Итакъ, первый отвѣтъ, взятый *отдѣльно* отъ другихъ, легко объясняется безъ помощи душевной жизни. Само собою разумѣется, что тѣ же разсужденія, къ которымъ я прибѣгалъ въ первомъ случаѣ, съ такимъ же успѣхомъ могутъ быть примѣнены мной и къ объясненію всякаго другого *отдѣльно взятаго* факта: напримѣръ, къ объясненію второго отвѣта (на вопросъ: „что вамъ угодно?“), или третьяго („существуетъ ли у васъ душевная жизнь?“) и т. д.

Но на *разные* вопросы, предлагаемые мной существу, которое я считаю всего только физіологической машиной, послѣдняя даетъ мнѣ *разные* отвѣты. А это, повидимому, можно объяснить только тѣмъ, что она понимаетъ разницу содержанія моихъ вопросовъ, такъ что законы чисто-матеріальной жизни,

взятые сами по себѣ, безъ всякаго участія *пониманія*, т.-е. душевной жизни, не даютъ никакого средства для объясненія только-что указаннаго обстоятельства (*различія* отвѣтовъ *вслѣдствіе различія* вопросовъ). Напротивъ, оно требуется уже и ими одними, какъ ихъ логически неизбѣжное слѣдствіе. Въ самомъ дѣлѣ, всякій, даже неорганизованный, кусокъ матеріи на *различныя* дѣйствія или раздраженія почти всегда реагируетъ при равенствѣ (полномъ или почти полномъ) прочихъ условій различно, а не одинаково. Напримѣръ, результатомъ двухъ различныхъ толчковъ одного и того же покоящагося шара (скажемъ, снизу вверхъ въ одномъ случаѣ и справа налѣво—въ другомъ) будутъ два различныхъ движенія. А тѣ матеріальныя раздраженія, которыми я дѣйствовалъ на изслѣдуемую мной физіологическую машину, были неодинаковы, и притомъ неодинаковы съ чисто-*матеріальной* стороны. Дѣйствительно: первый вопросъ состоялъ изъ однихъ звуковъ, а второй и слѣдующій—изъ другихъ; если же и попадаются въ нихъ одинаковые звуки, то они составляютъ различныя сочетанія. А разница звуковъ и ихъ сочетаній соотвѣтствуетъ различію тѣхъ звуковыхъ *волнъ*, которыя дѣйствуютъ на ухо наблюдаемой мной физіологической машины. Воздушныя же волны суть *чисто-матеріальные* раздражители. Такимъ образомъ, эта машина при разныхъ вопросахъ испытываетъ различныя матеріальныя дѣйствія, или раздраженія. А они должны вызвать въ ушахъ и въ нервной системѣ этой машины различные результаты. И отъ этого въ ней получаются при разныхъ вопросахъ неодинаковыя движенія языка. Слѣдовательно, въ этомъ пунктѣ тоже нечего думать мнѣ опровергнуть самого себя.

Но у меня осталась необъясненной еще одна особенность наблюдаемыхъ мной физіологическихъ машинъ: мои вопросы вызовутъ иной результатъ у тѣхъ, кого я обыкновенно называю не знающими по-русски. Но я могу объяснить это такъ: всякое, даже неорганизованное, тѣло подчинено слѣдующему закону—*окончательный характеръ результата дѣйствующаго на тѣло раздраженія или, говоря общѣе, дѣйствія зависитъ не отъ характера этого дѣйствія, но также отъ характера прежде испытанныхъ имъ дѣйствій, если только отъ нихъ сохранились въ этомъ тѣлѣ какіе-либо слѣды.* Такъ, окончательный результатъ толчка, испытываемаго какимъ-нибудь шаромъ, зависитъ не только отъ скорости и направленія этого толчка, но также и отъ всѣхъ уцѣлѣвшихъ въ шарѣ движеній, возбужденныхъ прежде дѣйствовавшими силами; ибо вновь возникшее движеніе слагается вмѣстѣ съ ними. Этотъ законъ даетъ возможность объяснить отмѣченные факты, не допуская чужой душевной жизни. Если я у физіологической машины, всегда до той поры бывшей только въ Россіи, спрошу по-русски, существуютъ ли у нея „душевныя явленія“, то всегда получу какой-нибудь отвѣтъ на томъ же языкѣ (хотя бы въ видѣ требованія объяснить, почему я вздумалъ ей предложить подобный вопросъ). Но взамѣнъ словеснаго отвѣта она выкажетъ то, что я называю жестомъ недоумѣнія, если она никогда не была въ Россіи. Я думалъ сперва, будто бы это можно объяснить только съ помощью психическихъ актовъ пониманіи роднаго языка и т. п., и будто бы нѣтъ ни-

какого другого средства. Но я упустилъ изъ виду, что само-то такъ называемое пониманіе языка вырабатывается, какъ результатъ прежде дѣйствовавшихъ матеріальныхъ раздраженій. Вѣдь процессъ такъ называемаго усвоенія родного языка состоитъ въ томъ, что на органы слуха повторно дѣйствуютъ извѣстныя звуковыя волны (названіе предмета), одновременно съ другими матеріальными раздраженіями (напримѣръ, на зрѣніе дѣйствуютъ свѣтовыя волны, посылаемыя называемымъ предметомъ). Потомъ этотъ процессъ осложняется; но онъ никоимъ образомъ не могъ бы существовать безъ дѣйствія на нервную систему матеріальныхъ раздраженій, при чемъ въ каждомъ языкѣ звуковыя или воздушныя раздраженія при однихъ и тѣхъ же свѣтовыхъ (и другихъ) впечатлѣніяхъ различны. Поэтому они оставляютъ въ нервной системѣ неодинаковые слѣды; а отъ характера слѣдовъ или, что то же, прежнихъ раздраженій, послѣ которыхъ остались эти слѣды, зависитъ окончательный характеръ результата вновь дѣйствующихъ раздраженій. Что же удивительнаго, если одинъ и тотъ же вопросъ, предложенный физіологической машинѣ, прожившей при звуковыхъ раздраженіяхъ русскаго языка, и машинѣ, никогда не жившей среди нихъ, вызываетъ разные результаты? Въ одномъ случаѣ я дѣйствую на машину такими звуковыми раздраженіями, отъ которыхъ сохранилось въ ея нервной системѣ множество слѣдовъ, а въ другомъ я дѣйствую на физіологическую машину новыми, еще не испытанными ею звуковыми раздраженіями. А отъ этого обѣ машины должны реагировать на мои раздраженія различно; ибо характеръ реакцій каждой машины будетъ зависѣть не только отъ теперешнихъ раздраженій, но и отъ характера прежде дѣйствовавшихъ, т.-е. и отъ того, какія именно сочетанія звуковыхъ волнъ испытывала она прежде—русскія или китайскія. Такимъ образомъ, отмѣченная разница въ поведеніи машины, называемой человѣкомъ, не знающимъ по-русски, должна наступить даже и въ томъ случаѣ, когда она вполнѣ чужда одушевленности. Слѣдовательно, эта разница еще вовсе не запрещаетъ мнѣ отрицать въ данной физіологической машинѣ существованіе душевной жизни.

Подобнымъ же образомъ я могу объяснить и разницу въ поведеніи тѣхъ машинъ, которыя я для отличія ихъ другъ отъ друга называю образованнымъ и необразованнымъ человѣкомъ. На простолюдина звуковое раздраженіе, состоящее изъ звуковъ термина „душевныя явленія“, еще никогда не дѣйствовало, такъ же, какъ на русскаго врача, съ которымъ я вздумалъ бы говорить по-китайски, еще никогда не дѣйствовали звуковыя волны китайской рѣчи, такъ что оба они въ этомъ отношеніи находятся въ одинаковыхъ условіяхъ. Отъ этого какъ простолюдинъ на вопросъ о психическихъ явленіяхъ, такъ и врачъ на китайскую фразу реагируютъ почти одинаково: оба отвѣчаютъ чѣмъ-нибудь въ родѣ мимики замѣшательства, недоумѣнія и т. п., т.-е. они отвѣчаютъ иначе, чѣмъ на вопросъ: „кто вы такой?“, сдѣланный по-русски; ибо это раздраженіе многократно дѣйствовало на обоихъ и оставило въ нервной системѣ каждаго изъ нихъ соотвѣтствующіе слѣды, которые впредь опредѣляютъ характеръ реакцій того и другого на вопросъ: „кто

вы такой?“. Такимъ образомъ, ихъ поведеніе и въ этомъ случаѣ можно объяснить безъ помощи участія душевной жизни — одними лишь чисто-матеріальными процессами и ихъ законами.

Но я могу сдѣлать самъ себѣ такое возраженіе; передо мною человѣкъ, котораго я назову X и у котораго я рѣшаюсь отрицать существованіе душевной жизни, считая его бездушной физіологической машиной. Но этотъ X, когда я обращусь къ нему съ бранными словами, поступаетъ такъ же, какъ и я самъ поступаю во время гнѣва или негодованія. И вотъ, повидимому, коль скоро X поступаетъ по поводу моихъ словъ такъ же, какъ поступилъ бы и я самъ, то, значитъ, X тоже въ настоящую минуту переживаетъ гнѣвъ, слѣдовательно, онъ—одушевленное существо. Но это скороспѣлое заключеніе. Пока другимъ путемъ еще не доказано, что X—одушевленное существо, то изъ его поведенія по поводу моихъ словъ позволителенъ только такой выводъ: *если* X—существо одушевленное (душевная жизнь котораго, вдобавокъ, течетъ по такимъ же законамъ, какъ и моя собственная), то онъ сейчасъ дѣйствительно переживаетъ гнѣвъ; а принадлежитъ ли онъ къ числу одушевленныхъ существъ, это пока еще неизвѣстно. Поэтому еще неизвѣстно, дѣйствительно ли онъ гнѣвается или же онъ—только бездушная машина, которая устроена по такимъ же законамъ, какъ и мое собственное тѣло.

Одинъ натуралистъ, соглашаясь со всѣмъ предшествующимъ, дѣлалъ противъ всего этого такое возраженіе: всѣ живыя существа наслѣдуютъ свойства своихъ предковъ; поэтому, коль скоро я нахожу въ самомъ себѣ душевную жизнь, я долженъ допустить, что она передается отъ меня моимъ дѣтямъ, отъ нихъ — внукамъ и т. д. Такимъ образомъ, я вынужденъ допустить существованіе чужой душевной жизни. Повидимому, очень сильный аргументъ. Въ дѣйствительности же, если я думаю, что существованіе во мнѣ душевной жизни составляетъ только мою собственную индивидуальную особенность, то эта особенность не можетъ передаваться по наслѣдственности; ибо передается по наслѣдственности только то, что не индивидуально; и если во всемъ мірѣ одинъ лишь я одушевленъ, то мои дѣти уже не наслѣдуютъ моей одушевленности.

Итакъ, разсматривая существа, одинаково со мною организованныя, оказывается настолько же возможнымъ предполагать, что они не одушевлены, какъ и то, что они одушевлены. Слѣдовательно, вопросъ о томъ, есть ли одушевленныя существа помимо меня, неразрѣшимъ, если рѣшать его лишь при помощи фактовъ, данныхъ въ опытѣ, не допуская при этомъ никакихъ метафизическихъ предположеній.

Укажемъ еще другой пріемъ для рѣшенія вопроса о существованіи объективныхъ признаковъ одушевленности, болѣе трудный для непривычныхъ къ философскому мышленію, но зато болѣе короткій и болѣе убѣдительный. Предшествующій пріемъ обладаетъ естественнонаучнымъ, а не философскимъ характеромъ; ибо онъ сводится къ естественнонаучному объясненію каждаго факта, наблюдаемаго нами въ живыхъ существахъ,—къ объясненію, проводимому безъ всякой помощи предположенія объ ихъ одушевленности до тѣхъ

поръ, пока только возможно. Достоинства этого пріема—въ его легкости и доступности всѣмъ и каждому. Слабая же сторона естественнонаучнаго пріема въ томъ, что сколько бы фактовъ, наблюдаемыхъ въ другомъ человѣкѣ, я ни объяснилъ одними лишь законами чисто-матеріальной природы, все-таки, въ виду того, что я не пересмотрю при этомъ всѣхъ фактовъ безъ исключенія, какіе только можно объективно подмѣтить въ немъ, у меня всегда останется смутная надежда, что, можетъ быть, встрѣтится когда-нибудь и такой фактъ, котораго не удастся объяснить безъ предположенія одушевленности разсматриваемаго существа.

Эта надежда окончательно уничтожается лишь при помощи другого пріема, который въ самомъ общемъ видѣ, безъ разсмотрѣнія и объясненія отдѣльно взятыхъ фактовъ, доказываетъ невозможность найти какимъ бы то ни было методомъ объективные признаки одушевленности. Какъ отправляющійся отъ разсмотрѣнія *методовъ*, пригодныхъ для расширенія нашего знанія, этотъ пріемъ обладаетъ чисто-философскимъ характеромъ. Дурная же сторона его въ томъ, что всякія общія разсужденія, отвлеченныя отъ разсмотрѣнія отдѣльныхъ конкретныхъ примѣровъ, рѣдко кто въ состояніи понять и усвоить сразу всѣмъ своимъ существомъ, а не однимъ только умомъ. Такъ, при изученіи математики почти всѣ умѣютъ настолько понять и усвоить общія доказательства невозможности посредствомъ пріемовъ эвклидовой геометріи (т.-е. при помощи всего лишь линейки и циркуля) раздѣлить уголъ на три равныя части (трисекція угла), или построить кубъ, вдвое большій, чѣмъ данный (удвоеніе куба), что въ состояніи правильно передать другимъ эти доказательства. Тѣмъ не менѣе, обыкновенно такъ мало проникаются общимъ духомъ этихъ доказательствъ всѣмъ своимъ существомъ, что многіе люди тотчасъ же, какъ только изложатъ ихъ, дѣлаютъ попытки найти рѣшеніе означенныхъ задачъ въ надеждѣ, что, можетъ быть, въ видѣ особаго счастья къ самимъ этимъ людямъ упомянутыя доказательства окажутся непримѣнимыми. И отъ этой надежды такіе люди окончательно отказываются только послѣ ряда многочисленныхъ собственныхъ неудачныхъ попытокъ, т.-е. опровергнувъ мнимыя рѣшенія во множествѣ отдѣльныхъ случаевъ. Такъ точно стоитъ дѣло и съ чисто философскимъ пріемомъ доказательства отсутствія объективныхъ признаковъ одушевленности. Всякій съ большой легкостью понимаетъ и усваиваетъ это доказательство однимъ лишь умомъ, т.-е. настолько, чтобы умѣть правильно передать его другимъ. Но рѣдко кто усваиваетъ это доказательство всѣмъ своимъ существомъ; и, узнавъ одни лишь доказательства несуществованія объективныхъ признаковъ одушевленности, изложенныя чисто-философскимъ пріемомъ, большинство людей все-таки дѣлаетъ попытки найти объективные признаки одушевленности, хотя невозможность рѣшенія этой задачи доказывается здѣсь разъ навсегда въ самомъ общемъ видѣ. По всему этому, излагая и усваивая ученіе о несуществованіи объективныхъ признаковъ одушевленности, полезно употреблять оба пріема—и естественнонаучный и чисто-философскій, предпославъ первый изъ нихъ второму, дабы онъ посредствомъ опроверженія отдѣльныхъ попытокъ рѣшенія нашей задачи под-

готовилъ насъ къ болѣе глубокому усвоенію общихъ соображеній чисто-философскаго пріема.

Чисто-философское доказательство невозможности найти объективные признаки одушевленности сводится къ слѣдующему разсужденію: поставимъ себѣ вопросъ—*при помощи какого метода могла бы психологія, отказавшаяся отъ всякой метафизики, найти объективные признаки чужой одушевленности?* Послѣ такого отказа психологія въ правѣ употреблять всего только два метода: субъективнаго и объективнаго наблюденія. Посмотримъ: возможно ли найти объективные признаки чужой одушевленности какимъ-либо изъ этихъ методовъ?

Начнемъ съ объективнаго метода, т.-е. попробуемъ узнать безъ помощи самонаблюденія, какія физіологическія явленія должны считаться объективными признаками чужой одушевленности? Для рѣшенія этой задачи нужно раздѣлить всѣ существа на одушевленныя и неодушевленныя и затѣмъ подглядѣть тѣ физіологическія явленія, которыя бываютъ только у одушевленныхъ: эти-то явленія и составятъ объективные признаки одушевленности. Но для того, чтобы раздѣлить всѣ существа на одушевленныя и неодушевленныя, я уже заранѣе долженъ умѣть отличать первыя отъ вторыхъ, а для этого я долженъ заранѣе знать, какими объективными признаками отличаются первыя отъ вторыхъ. Такимъ образомъ, желая отыскать объективные признаки одушевленности объективнымъ методомъ, я попадаю въ *заколдованный кругъ: для отысканія объективныхъ признаковъ чужой одушевленности мнѣ нужно знать, какія существа одушевлены и какія нѣтъ; а для этого надо знать объективные признаки одушевленности.* Слѣдовательно, методъ объективнаго наблюденія непригоденъ для отысканія объективныхъ признаковъ чужой одушевленности.

Посмотримъ, какъ обстоитъ дѣло съ методомъ самонаблюденія. Для того, *чтобы узнать путемъ самонаблюденія, какія физіологическія явленія служатъ признаками одушевленности, нужно было бы или прекратить въ себѣ душевную жизнь и посмотрѣть, какія физіологическія явленія исчезнутъ вмѣстѣ съ ней, или же употребить обратный способъ — подглядѣть, какія физіологическія явленія впервые возникаютъ одновременно съ возникновеніемъ душевной жизни.* Но если я прекращу свою душевную жизнь, то мнѣ *уже нечѣмъ* тогда производить самонаблюденіе. Второй же способъ тоже неосуществимъ, такъ какъ онъ предполагаетъ необходимость самонаблюденія въ такое время, когда во мнѣ душевная жизнь еще не возникала, дабы я могъ узнать, какія физіологическія явленія еще не существовали во мнѣ въ это время, а впервые возникли вмѣстѣ съ возникновеніемъ душевной жизни. Но пока во мнѣ еще нѣтъ душевной жизни, мнѣ *еще нечѣмъ* производить самонаблюденіе. Такимъ образомъ, методъ самонаблюденія оказывается столь же непригоднымъ для отысканія объективныхъ признаковъ одушевленности, какъ и объективное наблюденіе. А кромѣ самонаблюденія и объективнаго наблюденія, психологія не имѣетъ никакихъ другихъ источниковъ для расширенія знанія, коль скоро она отказалась отъ всякой метафизики.

Итакъ, существованіе объективныхъ признаковъ чужой одушевленности, а съ нимъ и сама чужая одушевленность оказываются недоказуемыми, если не допускать метафизическихъ предпосылокъ. Поэтому, *я въ правѣ смѣло утверждать, безъ всякаго опасенія противорѣчить какимъ-либо завѣдомо существующимъ фактамъ, что, кромѣ самого меня, ровно никто не одушевленъ во всей вселенной.* Но легко понять, что *если бы въ мірѣ нашлось еще какое-нибудь одушевленное существо, кромѣ меня, то оно, пользуясь всѣми вышеизложенными доводами, могло бы смѣло утверждать безъ всякаго опасенія попасть въ противорѣчіе съ наблюдаемыми имъ во мнѣ фактами* (разумѣется, объективнымъ путемъ, потому что моя душевная жизнь для его самонаблюденія недоступна), *будто бы я самъ неодушевленное существо, между тѣмъ какъ относительно существованія душевной жизни во мнѣ самомъ не можетъ быть для меня ровно никакихъ сомнѣній.* Существованіе моихъ собственныхъ душевныхъ явленій есть для меня самая несомнѣнная вещь, не нуждающаяся ни въ какихъ доказательствахъ; ибо сомнѣваться можно только въ томъ и доказывать требуется только то, чего нельзя подтвердить простой установкой данныхъ опыта. Можно усомниться, существуетъ ли эта бумага, но нельзя сомнѣваться, что я ее вижу (т.-е. переживаю душевное явленіе видѣнія бумаги), или осязаю (т.-е. переживаю душевное явленіе, называемое ощущеніемъ осязанія), какъ если бы она существовала; ибо это я прямо подмѣчаю посредствомъ самонаблюденія. Такъ точно нельзя сомнѣваться, что во мнѣ есть душевное явленіе, называемое ощущеніемъ боли, и разныя мысли (хотя бы объ объективныхъ признакахъ одушевленности) и т. п.; ибо все это прямо подмѣчается моимъ самонаблюденіемъ. Болѣе того, если я и вздумаю сомнѣваться въ существованіи во мнѣ душевныхъ явленій, то этимъ самымъ я уже буду переживать и подмѣчать въ себѣ то душевное явленіе, которое называется сомнѣніемъ, т.-е. этимъ самымъ сомнѣніемъ я обнаружу предъ самимъ собой свою одушевленность.

Если же существованіе моей собственной одушевленности составляетъ самую несомнѣнную истину, а всякое одушевленное существо, которое нашлось бы помимо меня и разсматривало бы меня при помощи своихъ объективныхъ наблюденій, могло бы безъ всякаго противорѣчія съ ними отрицать во мнѣ одушевленность, то значитъ *тамъ, гдѣ навѣрное существуетъ душевная жизнь (т.-е. во мнѣ самомъ), она всегда течетъ такимъ образомъ, что сопутствующія ей тѣлесныя явленія совершаются по собственнымъ матеріальнымъ законамъ такъ, какъ будто бы тамъ совсѣмъ нѣтъ душевной жизни.* Законъ этотъ, установленный проф. А. И. Введенскимъ въ его книгѣ „О предѣлахъ и признакахъ одушевленія“, можетъ быть названъ *основнымъ закономъ одушевленности* или закономъ отсутствія объективныхъ признаковъ одушевленности. А изъ этого закона вытекаетъ, что *мнѣ нельзя узнать, гдѣ есть одушевленность помимо меня и гдѣ ея нѣтъ, такъ что безъ всякаго противорѣчія съ наблюдаемыми мною фактами я могу всюду, гдѣ захочу, либо допускать, либо отрицать ее.* Вѣдь гдѣ она существуетъ,

она протекаетъ такъ, что матеріальныя явленія, сопутствующія ей, не обнаруживаютъ ея существованія.

Теперь понятно, почему искони и до настоящаго времени идутъ безконечные споры о границахъ одушевленности. Психофизіологи не могутъ провести общепризнанной границы между существами одушевленными и неодушевленными. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они не могутъ столковаться ни о томъ, съ какого момента въ человѣкѣ начинается душевная жизнь, ни о томъ, существуетъ ли душевная жизнь въ спинномъ мозгу или нѣтъ. Далѣе: нѣкоторые думаютъ, что душевная жизнь разлита по всей вселенной; одушевлены-де не только растенія, но даже каждый атомъ (напримѣръ, Гекель, Вундтъ). Другіе же, напримѣръ—Декартъ, страшно съуживаютъ существованіе душевной жизни и, признавая ее только въ людяхъ, считаютъ животныхъ бездушными машинами и т. д. И всѣ эти споры останутся, вслѣдствіе отсутствія объективныхъ признаковъ одушевленности, навсегда неразрѣшимыми.

Но если вопросъ о границахъ или предѣлахъ одушевленности остается неразрѣшимымъ, то, повидимому, не позволительно употреблять объективный методъ въ психологіи: вѣдь онъ исходитъ изъ недоказуемаго, хотя и неопровержимаго, предположенія, что есть душевная жизнь помимо изслѣдователя. Но на дѣлѣ объективный методъ все-таки позволителенъ, и именно въ силу того, что вслѣдствіе отсутствія объективныхъ признаковъ одушевленности у насъ есть одинаковая возможность безъ всякаго противорѣчія съ логикой и фактами разсматривать любое существо, кромѣ самого себя, и какъ одушевленное, и какъ неодушевленное. Эта возможность даетъ намъ неоспоримое право принять *любую* изъ этихъ точекъ зрѣнія, именно—такую, какая окажется легче и проще. Только, конечно, мы должны выставлять ее въ наукѣ отнюдь не какъ доказанную истину, а всего лишь, какъ рабочую гипотезу—наиболѣе легкую и удобную для данной науки. Поэтому, какія существа намъ удобнѣе разсматривать, какъ одушевленныя, тѣ, въ видѣ рабочей гипотезы, и слѣдуетъ такъ разсматривать, и—наоборотъ. Въ психологіи же, конечно, удобнѣе въ видѣ рабочей гипотезы разсматривать не только всѣхъ людей, но даже и большую часть другихъ животныхъ, какъ существа одушевленныя. Поэтому психологія въ правѣ употреблять и объективныя наблюденія надъ душевной жизнью.

Но, могутъ возразить намъ, какой же смыслъ пользоваться въ видѣ рабочей гипотезы предположеніемъ существованія чужой одушевленности и, опираясь на эту гипотезу, примѣнять объективныя наблюденія, коль скоро назначеніе послѣднихъ въ томъ, чтобы изучить особенности и ходъ чужой душевной жизни, а между тѣмъ само же существованіе этой душевной жизни остается навсегда недоказуемымъ? Смыслъ—хотя бы утилитарный. Вѣдь не подлежитъ сомнѣнію, что намъ гораздо легче, по крайней мѣрѣ, теперь—при современномъ состояніи физіологіи—предсказывать поступки другихъ людей и животныхъ, а поэтому легче и управлять ими, если въ своихъ предсказаніяхъ исходить, какъ изъ рабочей гипотезы, изъ предположенія ихъ одушевленности, чѣмъ изъ предположенія, что они—чисто-физіологическія

машины. А поэтому надо знать, какія особенности душевной жизни слѣдуетъ приписать каждому изъ нихъ, исходя изъ перваго предположенія; а для достиженія этой цѣли необходимы психологическія объективныя наблюденія.

Объяснимъ теперь, почему вопросъ о границахъ одушевленности оказывается неразрѣшимымъ. Составляетъ ли чужая душевная жизнь предметъ возможнаго опыта или нѣтъ? Конечно, нѣтъ, потому что чужой душевной жизни мы не можемъ воспринимать; сама она навсегда остается внѣ предѣловъ возможнаго опыта. Слѣдовательно, вопросъ объ ея существованіи есть вопросъ трансцендентный, или метафизическій; а поэтому онъ и неразрѣшимъ безъ помощи метафизики. Вѣдь *скажу ли я, что есть душевная жизнь, кромѣ моей, или что ея нигдѣ нѣтъ, кромѣ меня, я и въ томъ, и въ другомъ случаѣ выскажу метафизическій взглядъ;* ибо я буду говорить о томъ, что̀ по существу своему никогда не можетъ быть воспринято среди данныхъ опыта, какъ бы ни изощрялъ я свои чувства, гдѣ бы и когда бы я ни производилъ свои наблюденія.

Въ заключеніе укажемъ поучительную судьбу психофизіологическаго закона А. И. Введенскаго. Онъ былъ изложенъ имъ въ статьѣ „О предѣлахъ и признакахъ одушевленія“ (какъ онъ тогда выражался вмѣсто слова „одушевленность“), напечатанной въ Журналѣ Минист. Народн. Просвѣщенія за 1892 г. и въ томъ же году вышедшей отдѣльной брошюрой. Въ ней А. И. Введенскій невозможность найти объективные признаки одушевленности доказывалъ только естественнонаучнымъ методомъ; философскій же методъ былъ найденъ имъ гораздо позднѣе. Зато въ означенной статьѣ А. И. Введенскій предложилъ всѣмъ, кто не согласенъ съ его выводомъ о недоказуемости чужой одушевленности, построить такое доказательство ея существованія, которое не исходило бы ни изъ какихъ метафизическихъ предпосылокъ, но опиралось бы *исключительно* на доводы *имманентнаго* характера; самъ же онъ принималъ на себя обязанность непремѣнно вскрыть въ немъ ту логическую ошибку, съ помощью которой будетъ доказано существованіе чужой одушевленности. Брошюра А. И. Введенскаго вызвала сильную полемику (со стороны Э. Л. Радлова, Н. Я. Грота, кн. С. Н. Трубецкого и П. Е. Астафьева), но никто изъ его возражателей не отозвался на сдѣланный имъ вызовъ. Тогда онъ напечаталъ въ „Вопросахъ философіи и психологіи“ (1893 г. кн. 18) замѣтку подъ заглавіемъ „Вторичный вызовъ на споръ о законѣ одушевленія и отвѣтъ противникамъ“. На этотъ „вторичный вызовъ“ отозвался одинъ только Л. М. Лопатинъ, напечатавшій въ ближайшемъ номерѣ того же журнала (1893 г. кн. 19) статью: „Новый психофизіологическій законъ г. Введенскаго“. Въ ней Л. М. Лопатинъ построилъ доказательство существованія чужой одушевленности, но не чисто-имманентное, а явно метафизическое [1]), при чемъ оно заканчивается такой оговоркой: „метафизиче-

[1]) Достаточно указать, что Л. М. Лопатину пришлось прибѣгнуть къ помощи такого явно метафизическаго довода: „существованіе чужого одушевленія, подобнаго нашему, говоритъ онъ, имѣетъ ровно настолько теоретической вѣроятности, насколько

скіе элементы такъ тѣсно и многообразно вплетаются въ каждое дѣйствіе нашего ума, что ихъ рѣшительно невозможно удалить изъ этихъ дѣйствій" (l. c. стр. 81). Поэтому А. И. Введенскій оставилъ доказательство Л. М. Лопатина безъ всякаго отвѣта, какъ явно не удовлетворяющее условію, выставленному А. И. Введенскимъ [1]). Но вотъ прошло десять лѣтъ послѣ выхода упомянутой брошюры А. И. Введенскаго, и два ученыхъ, одинъ иностранный, а другой русскій одновременно другъ съ другомъ, и оба независимо отъ А. И. Введенскаго, приходятъ къ тому же самому выводу, какъ и онъ, именно — что всякое объективно (т.-е. извнѣ) наблюдаемое явленіе въ любомъ животномъ *можетъ* быть объяснено чисто-физіологическими причинами, безъ всякой ссылки на одушевленность этого животнаго. Иностранный ученый, это—v. Uexküll, напечатавшій въ 1902 г. сочиненіе „Psychologie und Biologie in ihrer Stellung zur Thierseele. Ergebnisse der Psychologie". Русскій же ученый, это нашъ (петроградскій) извѣстный физіологъ И. П. Павловъ, напечатавшій въ „Извѣстіяхъ Военно-Медицинской Академіи за 1903 г." статью „Экспериментальная психологія и психопатологія на животныхъ". И въ лабораторіи И. П. Павлова съ той поры производятся имъ и его учениками изслѣдованія, отправнымъ пунктомъ которыхъ служитъ разсмотрѣніе каждаго явленія, наблюдаемаго у животныхъ, какъ вполнѣ объяснимаго и безъ предположенія ихъ одушевленности. А одинъ изъ учениковъ И. П. Павлова, именно—Г. П. Зелёный, утверждаетъ даже примѣнимость такой точки зрѣнія къ соціологіи, что онъ высказалъ въ своемъ докладѣ, представленномъ имъ (въ мартѣ 1909 г.) Петроградскому Философскому Обществу и напечатанномъ въ журналѣ „Archiv für Rassen- und Gesellschafts-Biologie" (4 Heft, 1912). А не свидѣтельствуетъ ли такое совпаденіе въ выводахъ, полученныхъ вполнѣ независимо другъ отъ друга представителями разныхъ спеціальностей, напр.—*философомъ* А. И. Введенскимъ и *физіологомъ* И. П. Павловымъ, о надежности этихъ выводовъ?

Наконецъ, упомянемъ еще объ одномъ фактѣ, подтверждающемъ эту надежность. У А. И. Введенскаго нѣтъ большаго „врага", чѣмъ

невѣроятно, чтобы міръ подчинялся злому божеству, у котораго одна задача—вводить въ обманъ свое единственное разумное твореніе" (l. c. стр. 78). Въ общемъ же все доказательство Л. М. Лопатина исходитъ изъ той произвольной и явно метафизической предпосылки, съ помощью которой строятъ телеологическій аргументъ существованія Бога, именно: будто бы цѣлесообразное можетъ существовать не иначе, какъ при томъ условіи, чтобы оно было создано какимъ-либо творческимъ умомъ.

[1]) А. И. Введенскій счелъ излишнимъ отвѣчать и г. Аскольдову, выпустившему чрезъ нѣсколько лѣтъ книгу „Основныя понятія онтологіи и гносеологіи", въ которой доказывается, что при отрицаніи чужой одушевленности нельзя предсказывать поступковъ людей и т. п. Но это значило, что г. Аскольдовъ вполнѣ согласенъ съ словами А. И. Введенскаго, что рабочая гипотеза, допускающая одушевленность другихъ людей, гораздо удобнѣе, чѣмъ отрицающая ее. О чемъ же тутъ было спорить съ г. Аскольдовымъ? Вѣдь въ обоихъ вызовахъ А. И. Введенскаго требовалось, чтобы ему доказали *неизбѣжность*, а вовсе не одно только удобство допускать чужую одушевленность.

Н. О. Лосскій: въ послѣднее время онъ жестоко нападаетъ на все, что̀ напечатаетъ А. И. Введенскій [1]). Это и понятно: А. И. Введенскій поставилъ задачей своей жизни довесть Россію до яснаго пониманія, что и матеріализмъ, и спиритуализмъ и любая другая метафизика навсегда принуждены оставаться вѣрой безъ всякой надежды превратиться когда-либо въ знаніе. Н. О. Лосскій же, наоборотъ, поставилъ цѣлью жизни увѣрить людей, что метафизическое знаніе уже существуетъ на дѣлѣ, именно—въ видѣ тѣхъ метафизическихъ убѣжденій, которыя онъ исповѣдуетъ. И что же? При всей этой непримиримой „враждѣ“ къ А. И. Введенскому Н. О. Лосскій все-таки счелъ нужнымъ такъ отозваться о законѣ А. И. Введенскаго: „въ изслѣдованіи проф. А. И. Введенскаго О предѣлахъ и признакахъ одушевленія показано, что, исходя только изъ наблюденія тѣлесныхъ проявленій, никакими способами нельзя доказать чужое одушевленіе“ (см. Логосъ, Спб. 1914 г., т. I, стр. 195). Этого мало: такъ какъ самъ-то Н. О. Лосскій считаетъ свое убѣжденіе въ существованіи чужой одушевленности не вѣрой, а знаніемъ, то онъ рѣшился утверждать, будто бы мы настолько же прямо, непосредственно (т.-е. безъ посредства заключеній) усматриваемъ чужія душевныя явленія, какъ и красноту чужого лица (l. c. стр. 190). Конечно, *если* считать свое убѣжденіе въ существованіи чужой одушевленности не вѣрой, а знаніемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ соглашаться, что его „никакими способами нельзя доказать“, то нѣтъ другого пути для примиренія этихъ точекъ зрѣнія, какъ объявить означенное убѣжденіе *непосредственнымъ* знаніемъ, т.-е. результатомъ прямого, непосредственнаго усмотрѣнія чужихъ душевныхъ явленій. Только тотъ, кто чувствуетъ себя твердымъ въ вѣрѣ и поэтому не пугается той мысли, что среди его завѣтныхъ убѣжденій встрѣчается не одно лишь знаніе, а также и вѣра, избавленъ отъ необходимости приписывать себѣ такое *чудо*, какъ прямое усмотрѣніе простыми смертными чужихъ душевныхъ переживаній. Говоримъ „чудо“, потому что прямо, непосредственно этого усмотрѣнія никто не сознаетъ въ себѣ. Даже самъ Н. О. Лосскій только *выводитъ* изъ своей метафизики, что надо въ людяхъ *допустить* такое усмотрѣніе, а не *указываетъ* на него, какъ на фактъ, сознаваемый прямо, безъ посредства выводовъ изъ его теоріи.

7. Классификація душевныхъ явленій и направленія психологіи въ вопросѣ о составѣ душевной жизни.

Классификація есть научный пріемъ, который состоитъ въ томъ, что предметы даннаго рода распредѣляются на такія группы на основаніи ихъ сходства и различія, чтобы сходные между собой съ извѣстной точки зрѣнія оказались въ одной группѣ, а несходные съ той же

[1]) „Психологію безъ всякой метафизики“, вѣроятно, спасло отъ его нападеній то обстоятельство, что ея первое изданіе вышло передъ самымъ началомъ войны съ нѣмцами, отвлекшей вниманіе отъ всѣхъ научныхъ войнъ.

точки зрѣнія—въ разныхъ группахъ. Напримѣръ, позвоночныя животныя по сходству и различію въ ихъ организаціи можно раздѣлить на млекопитающихъ, птицъ, рыбъ и гадовъ. Классификація есть важный вспомогательный пріемъ при изученіи значительнаго числа предметовъ одного рода, именно: она помогаетъ намъ оріентироваться среди изучаемыхъ предметовъ.

Разумѣется, *одни и тѣ же предметы можно классифицировать различно;* ибо сходства и несходства между тѣми же самыми предметами можно указывать съ разныхъ точекъ зрѣнія, при чемъ предметы, сходные съ одной точки зрѣнія, будутъ непохожими съ другой. Такъ, позвоночныхъ животныхъ, кромѣ только-что указаннаго дѣленія по организаціи, можно раздѣлить также еще по мѣсту обитанія, именно: на сухопутныхъ и водяныхъ. *И для разныхъ цѣлей, которыя мы можемъ имѣть въ виду при изученіи однихъ и тѣхъ же предметовъ, могутъ быть полезны разныя классификаціи.* Поэтому и душевныя явленія можно классифицировать различнымъ образомъ.

Уже въ обыденной жизни мы находимъ готовую классификацію душевныхъ явленій. Вѣдь обыденная жизнь всѣ душевныя явленія приписываетъ тремъ душевнымъ способностямъ: уму (въ широкомъ смыслѣ этого слова), волѣ и сердцу. При этомъ подъ словомъ „сердце“ подразумѣвается способность къ чувствамъ въ смыслѣ душевныхъ переживаній.

Нужно имѣть въ виду, что слово *„чувство“ обозначаетъ и способность къ ощущеніямъ*, какъ, напр., чувство зрѣнія, слуха и вообще такъ называемыя внѣшнія чувства, *и такія душевныя переживанія, которыя отличаются отъ ощущеній*, какъ напр.—любовь, удовольствіе, страданіе и т. п. Поэтому мы сейчасъ и сдѣлали оговорку, что слово „чувства“ употреблено здѣсь въ смыслѣ не душевныхъ способностей, но душевныхъ переживаній. Многіе русскіе авторы, чтобы не дѣлать такихъ оговорокъ, замѣняютъ слово „чувство“, взятое въ смыслѣ душевнаго переживанія, словомъ *„чувствованіе“*. Но это неуклюжее слово, къ тому же и отъ него, какъ отъ слова „чувство“, нельзя образовать подходящее прилагательное. Поэтому гораздо удачнѣе поступаютъ тѣ авторы, которые для обозначенія чувствъ въ смыслѣ переживаній употребляютъ слово *„эмоція“*, и прилагательное—*„эмоціональный“*. Такъ точно условимся поступать и мы, когда намъ понадобится прилагательное, или когда по связи рѣчи не ясно, въ какомъ смыслѣ употреблено слово „чувство“. Въ остальныхъ же случаяхъ будемъ пользоваться русскимъ словомъ „чувство“.

Хотя вышеупомянутая классификація навѣрное очень удобна, коль скоро установлена самой жизнью, но въ ней есть два крупныхъ недостатка. Во-первыхъ, въ ней пропущенъ цѣлый классъ душевныхъ явленій, называемыхъ ощущеніями—ощущенія цвѣта, звука, тепла, холода и т. д.: ихъ вѣдь нельзя отнести ни къ уму, ни къ волѣ, ни къ сердцу. Во-вторыхъ, эта классификація основана на различіи не самихъ душевныхъ явленій, но на различіи тѣхъ душевныхъ способностей, которымъ они приписываются. Поэтому она внушаетъ ложную мысль, будто бы при изученіи душевныхъ явленій мы должны отправляться отъ предварительнаго разсмотрѣнія душевныхъ способностей и устанавливать различія душевныхъ явленій на основаніи различія

душевныхъ способностей. Въ дѣйствительности же къ самой-то мысли о душевныхъ способностяхъ и объ ихъ различіяхъ можно придти лишь послѣ и на основаніи разсмотрѣнія тѣхъ душевныхъ явленій, которыя мы имъ приписемъ; ибо *самихъ душевныхъ способностей нельзя наблюдать, а доступны наблюденію только приписываемыя имъ душевныя явленія*, такъ что только по нимъ и можно судить о душевныхъ способностяхъ. Напримѣръ, самой памяти мы не наблюдаемъ, а наблюдаемъ лишь воспоминанія; по нимъ мы и судимъ о памяти. Не будь у насъ воспоминаній, не было бы и мысли о существованіи памяти. И характеризовать различія душевныхъ способностей можно только на основаніи различій въ тѣхъ душевныхъ явленіяхъ, которыя мы приписываемъ той или другой душевной способности. *Если же о различіи самихъ-то душевныхъ способностей мы можемъ судить лишь настолько, насколько подмѣтимъ разницу въ тѣхъ душевныхъ явленіяхъ, которыя приписываемъ этимъ способностямъ, то ясно, что въ наукѣ нельзя основывать классификацію душевныхъ явленій на разницѣ въ душевныхъ способностяхъ, какъ это дѣлаетъ обыденная жизнь, но нужно основывать ее на сходствахъ и различіяхъ самихъ душевныхъ явленій, независимо отъ того, какимъ душевнымъ способностямъ приписываетъ ихъ обыденная жизнь.*

Если же вмѣстѣ съ тѣмъ классификація обыденной жизни оказывается настолько удобной, что она выработалась у всѣхъ народовъ, то лучше ею же и пользоваться въ психологіи, только ее нужно сперва такъ исправить, чтобы устранить изъ нея оба ея недостатка. Послѣ этихъ исправленій у насъ получится такое дѣленіе душевныхъ явленій на три класса: 1) *явленія познавательныя*, куда будутъ относиться не только тѣ явленія, которыя приписываются обыденной жизнью уму, но также и ощущенія; 2) *волевыя явленія*, 3) *эмоціональныя явленія* (удовольствіе, страданіе, гнѣвъ и т. д.). При этомъ *подъ познавательными явленіями подразумѣваются такія явленія, которыя могутъ и не быть знаніемъ, но безъ которыхъ знаніе невозможно*, напр., ощущенія, представленія, сужденія и т. п.

Теперь въ нашей классификаціи уже нѣтъ никакихъ пропусковъ, и теперь она основана на разницѣ самихъ душевныхъ явленій, а не на различіи душевныхъ способностей. Ея мы и будемъ держаться, какъ самой удобной, при изученіи основной психологіи.

Перейдемъ къ вопросу: сколько основныхъ элементовъ или основныхъ процессовъ душевной жизни, т.-е. такихъ элементовъ, чтобы всѣ душевныя переживанія состояли изъ видоизмѣненій и комбинацій этихъ элементовъ? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ возникло нѣсколько теорій, которыя можно раздѣлить на *монистическія* и *немонистическія*. Слово „монистическій“ происходитъ отъ греческаго *монос*—одинъ и означаетъ такія ученія, которыя объясняютъ какое-либо разнообразіе *однимъ* началомъ. Въ психологіи монистическія направленія все разнообразіе душевной жизни сводятъ къ видоизмѣненіямъ *одного* основного элемента или процесса душевной жизни. Немонистическія же направленія утверждаютъ, что душевная жизнь

состоитъ изъ нѣсколькихъ элементовъ или процессовъ—разнородныхъ, т.-е. несводимыхъ другъ на друга.

Здѣсь мы охарактеризуемъ всѣ эти теоріи безъ всякой провѣрки. Оцѣнкой же каждой изъ нихъ будетъ служить все дальнѣйшее изложеніе психологіи; ибо она прежде всего должна дать точный отчетъ въ составныхъ элементахъ душевной жизни, какъ это уже было указано выше, на стр. 4.

Монистическія направленія всегда возникали подъ вліяніемъ какой-либо метафизической теоріи, при чемъ каждое изъ нихъ легче всего, а нѣкоторыя видоизмѣненія даже неизбѣжнымъ образомъ, мирятся только съ однимъ опредѣленнымъ, а не съ любымъ метафизическимъ направленіемъ. Ихъ всего три: интеллектуализмъ, сенсуализмъ и волюнтаризмъ.

Интеллектуализмъ (отъ латинскаго слова intellectus — умъ, разумъ, разсудокъ, интеллектъ) впервые сложился въ лицѣ Декарта (ум. въ 1650 г.) подъ вліяніемъ его метафизики. Согласно съ послѣдней въ душѣ могутъ возникать только такія состоянія, которыя служатъ видоизмѣненіями ея сущности, а сущность души, по мнѣнію Декарта, мышленіе. Вслѣдствіе этого въ первоначальномъ интеллектуализмѣ всѣ душевныя явленія разсматривались, какъ видоизмѣненія мышленія, какъ однородныя другъ съ другомъ: они отличаются другъ отъ друга не качественно, а только количественно, какъ разныя степени ясности и смутности мышленія. Напр.: и ощущенія, и чувства суть смутныя, неясныя мысли. Точно такъ же и воля составляетъ видоизмѣненіе мышленія; ибо она сводится къ одобренію или неодобренію, которыя не что иное, какъ утвердительное (одобреніе) или отрицательное (неодобреніе) сужденія, т.-е. виды мышленія. Таковъ первоначальный видъ интеллектуализма..

Впослѣдствіи интеллектуализмъ сталъ сводить всю душевную жизнь не къ мышленію, но къ взаимодѣйствіямъ *представленій*, при чемъ сталъ разсматривать ихъ, какъ всегда сохраняющіяся въ душѣ, а не какъ существующія лишь въ то время, пока мы ихъ сознаемъ. Другими словами—интеллектуализмъ сталъ допускать на-ряду съ сознаваемыми нами представленіями и безсознательныя: представленіе, разъ возникши, хранится навсегда цѣлымъ въ нашей душѣ, но часто бываетъ за порогомъ сознанія. При этомъ одни изъ представленій, находящіяся въ сознаніи, вытѣсняютъ другъ друга за порогъ сознанія, а другія, напротивъ, помогаютъ имъ удерживаться въ сознаніи и вмѣстѣ съ тѣмъ вытягиваютъ изъ-за порога сознанія нѣкоторыя другія представленія, которыя и безъ того, уже сами собой, всегда стремятся всплыть изъ-за порога сознанія. Въ такой-то борьбѣ и взаимодѣйствіи представленій и состоятъ всѣ безъ исключенія явленія душевной жизни — и чувства, и воля, и память, и воображеніе, и т. д. Напримѣръ, желаніе не что иное, какъ стремленіе представленія, находящагося за порогомъ сознанія, проникнуть въ сознаніе и т. п. Типичнымъ примѣромъ такого видоизмѣненія интеллектуализма служитъ „Психологія“ Гербарта (есть русскій переводъ г. Нечаева), умершаго въ 1841 г.

Наконецъ, отмѣтимъ, что кто исповѣдывалъ интеллектуализмъ, всегда

на-ряду съ этимъ допускалъ спиритуалистическую метафизику, хотя въ этомъ еще нѣтъ логической необходимости: матеріализмъ тоже могъ бы допустить, что мышленіе есть основной процессъ душевной жизни, но само-то мышленіе, прибавитъ онъ, порождается одними лишь матеріальными процессами, а не душой.

Сенсуализмъ (отъ латинскаго слова sensus — ощущеніе, чувство) сводитъ всю душевную жизнь къ разнообразнѣйшимъ комбинаціямъ ощущеній. Всѣ представленія (а съ ними вмѣстѣ дѣятельность памяти и воображенія) состоятъ изъ слабыхъ оживаній такихъ ощущеній, которыя были бы нами пережиты при воспріятіи представляемаго (т.-е. воспоминаемаго или воображаемаго) предмета. Всѣ сужденія суть соединенія такихъ (т.-е. состоящихъ изъ однихъ лишь слабыхъ ощущеній) представленій, а поэтому тоже состоятъ только изъ комбинацій слабыхъ ощущеній безъ всякой примѣси какого-либо другого элемента, такъ что всѣ явленія мышленія разлагаются цѣликомъ на одни лишь ощущенія. Ощущенія же бываютъ либо пріятныя, либо непріятныя, вслѣдствіе чего разныя душевныя состоянія отличаются соединеніемъ съ ними эмоціональныхъ состояній, что̀ въ связи съ явленіями, которыя мы называемъ волевыми, даетъ жизнь чувствъ (въ смыслѣ состояній). Организмъ же нашъ такъ устроенъ, что онъ стремится удерживать тѣ предметы, которые вызываютъ пріятныя ощущенія, и избѣгать вызывающихъ непріятныя. Въ этихъ органическихъ стремленіяхъ и состоятъ волевыя явленія. Таковъ сенсуализмъ.

Въ исторіи философіи онъ почти всегда появлялся въ соединеніи съ матеріализмомъ, хотя въ такомъ соединеніи еще нѣтъ логической необходимости. Дѣйствительно, ничто не мѣшаетъ намъ считать всю душевную жизнь разложимой на ощущенія (пріятныя и непріятныя) и утверждать вмѣстѣ съ тѣмъ, что сами-то ощущенія не могутъ возникнуть иначе, какъ при участіи души, что тѣ нервные, т.-е. матеріальные процессы, безъ которыхъ никогда не возникаютъ ощущенія, составляютъ условіе, хотя и необходимое для возникновенія ощущеній, но еще недостаточное для этой цѣли, а становятся они уже достаточными лишь въ томъ случаѣ, когда къ нимъ присоединится испытывающая ихъ дѣйствія душа. Но, конечно, проще всего для сенсуализма соединиться съ матеріализмомъ; ибо вся роль души при сенсуализмѣ ограничивается только тѣмъ, чтобы подъ вліяніемъ дѣйствій на нее со стороны нервныхъ процессовъ порождать ощущенія. Если же душа больше низачѣмъ не нужна, то наша теорія сдѣлается гораздо проще, если мы отбросимъ душу и скажемъ, что сами же нервные процессы и рождаютъ ощущенія.

Волюнтаризмъ (отъ латинскаго voluntas — воля) — самое новое изъ всѣхъ монистическихъ направленій. Онъ понимаетъ невозможность свести все разнообразіе душевной жизни къ видоизмѣненіямъ лишь одного основного элемента и отнюдь не пытается сводить ее къ простымъ видоизмѣненіямъ воли, такъ что онъ монизмъ не въ томъ смыслѣ слова, какъ интеллектуализмъ и сенсуализмъ. Его монизмъ ограничивается утвержденіемъ, что въ душевной жизни воля *важнѣе*, чѣмъ всѣ остальные душевные процессы. Одно же изъ

видоизмѣненій волюнтаризма, выработанное берлинскимъ проф. Паульсеномъ, утверждаетъ даже, что воля появляется *раньше*, чѣмъ всѣ остальныя душевныя явленія. Волюнтаризмъ сильнѣе всего сталъ распространяться (хоть появлялся и раньше) подъ вліяніемъ метафизики Шопенгауера (умершаго въ 1860 г.), утверждавшаго, что все въ мірѣ служитъ обнаруженіемъ или проявленіемъ всеединой міровой воли, которая образуетъ всеобщую внутреннюю сущность всѣхъ вещей. Изнутри все есть единая міровая воля, и только извнѣ вещи кажутся многими и матеріальными. При такомъ взглядѣ на вещи надо было и сущностью или основой душевной жизни считать волю. Поэтому Шопенгауеръ, когда мимоходомъ затрагивалъ психологическіе вопросы, уже выставлялъ ее, какъ самую важную сторону душевной жизни.

Берлинскій же профессоръ Паульсенъ старался обосновать этотъ взглядъ на душевную жизнь не откровенно метафизическимъ путемъ, какъ у Шопенгауера, а психологическими доводами (изложенными въ его „Введеніи въ философію“, имѣющемся и въ русскомъ переводѣ). Ему же принадлежитъ также изобрѣтеніе термина „волюнтаризмъ“. Доводы Паульсена таковы:

1. Въ развитіи животнаго міра воля появляется раньше всѣхъ другихъ душевныхъ процессовъ. У простѣйшихъ животныхъ встрѣчаются только слѣпыя стремленія безъ всякихъ другихъ душевныхъ явленій. (И какъ это онъ узналъ о слѣпотѣ чужихъ стремленій?). Лишь у болѣе высшихъ животныхъ присоединяются къ стремленіямъ ощущенія и чувства. Также и у ребенка прежде всего возникаетъ одна лишь волевая жизнь. И лишь постепенно присоединяется къ ней и познавательная съ эмоціональной. Все это кажется Паульсену вполнѣ очевиднымъ, если наблюдать развитіе животнаго міра и дѣтей. Отсюда выходитъ, что *волевыя явленія составляютъ первичный, а поэтому и важнѣйшій фактъ душевной жизни, остальныя же душевныя явленія—фактъ позднѣйшій, одну лишь надстройку надъ волей.*

2. *У взрослаго же человѣка первичность воли обнаруживается въ ея главенствѣ надъ всѣми остальными душевными явленіями:* цѣли нашихъ поступковъ устанавливаются волей. Ею обусловливается все наше поведеніе. Она направляетъ наше вниманіе и этимъ путемъ доводитъ до сознанія одни ощущенія и не допускаетъ другихъ, а также этимъ путемъ господствуетъ надъ ходомъ нашихъ мыслей, заставляя ихъ идти по избранному ею направленію. Даже и то, что̀ нами запоминается и что̀ забывается, зависитъ отъ того интереса, съ какимъ относится наша воля къ тому или другому матеріалу.

Паульсенъ, какъ сказано, изобрѣлъ терминъ „волюнтаризмъ“—терминъ, необходимый для психологіи, коль скоро въ ней существуетъ волюнтарное направленіе, и этимъ оказалъ нѣкоторую услугу научному языку. Но Паульсенъ въ то же время причинилъ и вредъ ему; ибо, наблюдая одну лишь современную ему *германскую* психологію, въ которой всецѣло господствовалъ гербартовскій интеллектуализмъ, онъ сталъ терминъ „интеллектуализмъ“ употреблять, какъ противоположность „волюнтаризму“, какъ будто бы нѣтъ ничего другого, кромѣ интеллектуализма и волюнтаризма. Такимъ образомъ, Паульсенъ и позднѣйшіе *волюнтаристы стали называть интеллек-*

туализмомъ все, что не волюнтаризмъ, слѣдовательно, и подлинный интеллектуализмъ, и сенсуализмъ, и всѣ немонистическія направленія.

И эта сбивчивость терминологіи, начатая Паульсеномъ, усилена еще Вундтомъ, который построилъ свое особое ученіе, рѣзко отличающееся отъ паульсеновскаго волюнтаризма, и который, однако, называетъ его просто „волюнтаризмомъ", а слово „интеллектуализмъ", по примѣру Паульсена, употребляетъ, какъ противоположность волюнтаризму. И вышло, что слово „волюнтаризмъ" имѣетъ теперь два значенія, а „интеллектуализмъ" обозначаетъ на языкѣ волюнтаристовъ все, что́ не волюнтаризмъ. Послѣднее легко объясняется тѣмъ, что оба волюнтаризма возникли въ видѣ реакціи противъ господства въ Германіи интеллектуализма Гербарта, который тамъ заслонялъ собой всѣ остальныя психологическія направленія.

Но не слѣдуетъ подражать волюнтаристамъ въ ихъ сбивчивой терминологіи, и терминъ „интеллектуализмъ" надо употреблять только въ томъ смыслѣ, какъ его употребляли до Паульсена, т.-е. надо обозначать имъ только то направленіе, которое сводитъ всю душевную жизнь къ видоизмѣненіямъ чисто-интеллектуальныхъ явленій. Въ волюнтаризмѣ же надо отличать вундтовскій отъ паульсеновскаго.

Вундтъ не допускаетъ существованія волевыхъ явленій безъ познавательныхъ и эмоціональныхъ. Въ этомъ его рѣзкое отличіе отъ паульсеновскаго волюнтаризма и сходство съ немонистическими направленіями. Его волюнтаризмъ состоитъ прежде всего въ утвержденіи, что *волевой процессъ есть типическій процессъ душевной жизни, т.-е. такой, по образцу котораго протекаютъ всѣ остальныя душевныя явленія.* Отсюда Вундтъ выводитъ: во-первыхъ, *требованіе разсматривать всякое душевное явленіе, какъ процессъ, протекающій во времени и существующій лишь тогда, когда мы его переживаемъ* (требованіе, которое мы въ правѣ и даже обязаны предъявлять и въ томъ случаѣ, если мы не волюнтаристы), а не такъ, какъ разсматривалъ Гербартъ представленія: вѣдь послѣдній считалъ ихъ постоянно существующими въ неизмѣняемомъ видѣ, но находящимися то въ сознаніи, то за порогомъ сознанія. Во-вторыхъ — *требованіе не только допускать въ каждомъ душевномъ процессѣ волевую сторону этого процесса, но и разсматривать ее, какъ главнѣйшую;* ибо только при этомъ условіи и можно говорить, что этотъ процессъ протекаетъ по образцу волевого. Въ-третьихъ, характеризуя эту волевую сторону, какъ *активную* сторону каждаго душевнаго процесса, *Вундтъ и всю душевную жизнь или сознаніе характеризуетъ, какъ активное начало,* что́, очевидно, противорѣчитъ матеріализму, такъ что Вундтъ, очевидно, развиваетъ свои взгляды не независимо отъ всякой метафизики, а подчиняясь нѣкоторымъ опредѣленнымъ метафизическимъ воззрѣніямъ (сравн. стр. 3 о необходимости такъ формулировать психологическіе выводы, чтобы не противорѣчить никакой метафизикѣ, въ томъ числѣ и матеріализму).

Для ознакомленія съ волюнтаризмомъ на русскомъ языкѣ, кромѣ „Вве-

денія въ философію“ Паульсена, могутъ служить: Вундта „Введеніе въ психологію“ и его же „Очеркъ психологіи“, Гефдинга „Очерки психологіи, основанной на опытѣ“ (по направленію своему близко подходятъ къ вундтовскому волюнтаризму) и Н. О. Лосскаго „Основныя ученія психологіи съ точки зрѣнія волюнтаризма“ (примыкаютъ къ вундтовскому, но сбиваются до нѣкоторой степени на паульсеновскій волюнтаризмъ и явно пропитаны метафизическими взглядами).

Немонистическія направленія разсматриваютъ *всякое фактическое* переживаніе нашего сознанія, какъ состоящее сразу изо всѣхъ основныхъ элементовъ, которыхъ допускается не менѣе двухъ, при чемъ каждый изъ нихъ считается нисколько не важнѣе остальныхъ. Эти направленія, конечно, могутъ отличаться другъ отъ друга числомъ основныхъ элементовъ, которые допускаются ими. Наиважнѣйшая же разница между ними въ современной психологической литературѣ сводится къ слѣдующему: одни изъ представителей немонистическихъ направленій отрицаютъ, чтобы въ составъ душевной жизни входилъ особый или *специфическій*, т.-е. несводимый на другіе элементы *волевой* элементъ. (Таковы: „Очерки психологіи“ Тиченера и монографіи Рибо. Все это есть и на русскомъ языкѣ). Волевыя явленія, по мнѣнію этихъ авторовъ, состоятъ *только* изъ своеобразныхъ соединеній чувствъ, мыслей и ощущеній. Другіе же авторы (напр., Іерузалемъ, „Психологія“ котораго тоже есть на русскомъ языкѣ) допускаютъ *специфическій* волевой элементъ.

8. Сознаніе. Воспріятія и ощущенія. Наивный реализмъ. Зависимость воспріятій отъ мыслей. Иллюзіи и галлюцинаціи.

Изученіе душевныхъ явленій въ основной психологіи удобнѣе всего начинать съ познавательныхъ явленій. Они дѣлятся на два главныхъ класса: воспріятія и мысли, при чемъ терминъ мысль возникъ уже въ обыденной жизни, терминъ же *воспріятіе* установленъ наукой и составляетъ переводъ латинскаго percepti̇o. Мы начнемъ дѣло съ воспріятій.

Впрочемъ, предварительно условимся, для краткости и ради другихъ стилистическихъ удобствъ, душевную жизнь, взятую въ ея цѣломъ, т.-е. *весь* потокъ душевныхъ явленій называть *сознаніемъ*. Такое словоупотребленіе очень распространено и вполнѣ позволительно, потому что всякое душевное явленіе отличается *сознательностью* (сравн. выше стр. 16). Правда, часто говорятъ о безсознательныхъ душевныхъ явленіяхъ. Но такія явленія, если только они существуютъ, должны изучаться метафизикой, а не психологіей; ибо они относятся къ трансцендентнымъ предметамъ. Вѣдь, какъ *душевныя* явленія, они недоступны для объективнаго наблюденія; а какъ *безсознательныя*, они недоступны самонаблюденію, такъ что навсегда остаются за предѣлами всякаго возможнаго опыта. Поэтому для метафизики понятіе сознанія и понятіе душевной жизни, взятой въ ея цѣломъ, можетъ

быть, окажутся не однимъ и тѣмъ же, но въ глазахъ психологіи слова „сознаніе“, „душевная жизнь, взятая въ ея цѣломъ“, и „весь потокъ душевныхъ явленій“ образуютъ синонимы. Вѣдь психологія, если ея не подмѣниваютъ метафизикой, изучаетъ только то, что̀ дано въ опытѣ.

Воспріятіями называются тѣ душевныя переживанія, которыя обыденная жизнь считаетъ изображеніями внѣшнихъ предметовъ въ сознаніи, проникающими въ него черезъ посредство внѣшнихъ чувствъ. При этомъ сознаніе, по мнѣнію обыденной жизни, остается чисто-пассивнымъ—ничего не вноситъ отъ себя въ эти изображенія, а только воспринимаетъ ихъ, такъ что эти изображенія считаются въ обыденной жизни точными копіями внѣшняго міра и его перемѣнъ.

Тѣ составныя части воспріятія, которыя обыденная жизнь считаетъ изображеніями въ нашемъ сознаніи однихъ лишь качествъ внѣшнихъ вещей, какъ-то: цвѣта, твердости, запаха и т. д., или же качествъ ихъ состояній, напр.,—нагрѣтости, звука и т. д., называются въ психологіи ощущеніями. Слово „ощущеніе“ употребляется уже и въ обыденной жизни, но не въ строго опредѣленномъ, а какъ бы въ колеблющемся значеніи: то имъ называютъ только-что указанныя части воспріятія, то цѣлое воспріятіе. Въ психологіи же рѣзко отличаютъ ощущеніе отъ воспріятія.

Чтобы сдѣлать наглядной разницу между воспріятіемъ и ощущеніемъ, поясникъ ее парой примѣровъ. Когда мы видимъ какой-нибудь предметъ, напр., столъ, со всѣми его особенностями, т.-е. съ его величиной, формой, разстояніемъ, цвѣтомъ, шероховатостью и т. д., то мы переживаемъ воспріятіе, именно воспріятіе этого стола. Если же мы *отвлечемъ* отъ этого воспріятія *только* цвѣтъ, напр., желтизну, разсматривая ее независимо отъ того, чья она и гдѣ находится, даже независимо отъ той поверхности, по которой она разлита, то это — ощущеніе. Точно такъ же, когда мы слышимъ звукъ чьего-нибудь голоса, какъ исходящій изъ какого-нибудь мѣста или предмета, то это воспріятіе. Если же мы отвлеченно разсматриваемъ только характеръ этого звука и его отличія отъ другихъ звуковъ, независимо отъ того, чей онъ и откуда идетъ, такъ что въ звукѣ остается только его качество (именно — тембръ съ высотой) и сила, то это ощущеніе. Словомъ: чтобы получить ощущеніе, надо отъ качества какого-либо предмета, напр.—отъ цвѣта, отъ нагрѣтости, отъ звука и т. п., отвлечь все, что̀ связано съ этимъ качествомъ, кромѣ той силы, съ какой оно нами ощущается. Такимъ образомъ, *въ понятіи ощущенія не слѣдуетъ мыслить ничего, кромѣ качества и силы, съ какой нами ощущается это качество.*

Взглядъ обыденной жизни на воспріятія называется въ философіи (именно въ теоріи познанія) наивнымъ (а иногда обывательскимъ) реализмомъ. На основаніи всего сказаннаго ясно, что наивный реализмъ состоитъ изъ двухъ основныхъ убѣжденій, именно:

1. Изъ убѣжденія, что *внѣшній міръ существуетъ и на дѣлъ, а*

отнюдь не обладаетъ только кажущимся существованіемъ, какъ это думаетъ идеализмъ (сравн. стр. 3).

2. Изъ убѣжденія, что *воспріятіе составляетъ чисто-пассивное изображеніе* внѣшнихъ предметовъ въ сознаніи, т.-е. такое изображеніе, при которомъ сознаніе остается чисто-пассивнымъ, всего только воспринимающимъ это изображеніе, но ничего отъ себя въ него не вносящимъ. Вотъ такое-то изображеніе мы для краткости условимся называть чисто-пассивнымъ.

Наивный реализмъ называется *реализмомъ* изъ-за своего перваго убѣжденія, т.-е. изъ-за того, что онъ считаетъ внѣшній міръ *реально* существующимъ, а не такимъ, который всего лишь кажется существующимъ, какъ это думаетъ идеализмъ. *Наивнымъ* же (или *обывательскимъ*) этотъ реализмъ называется изъ-за того, что ему даже не приходитъ въ голову необходимость провѣрить тѣ два убѣжденія, изъ которыхъ онъ состоитъ; онъ относится къ каждому изъ нихъ съ *наивнымъ* (или съ *обывательскимъ*) довѣріемъ. Въ дѣйствительности же первое изъ этихъ убѣжденій оказывается недоказуемымъ, хотя и неопровержимымъ (какъ и всѣ метафизическія убѣжденія), второе же прямо-таки ложнымъ. Не будемъ настаивать на недоказуемости и неопровержимости перваго убѣжденія, т.-е. на неразрѣшимости въ видѣ знанія (а не въ видѣ вѣры) спора между идеализмомъ и реализмомъ, такъ какъ это метафизическій споръ, слѣд.—неимѣющій никакого значенія для психологіи безъ всякой метафизики. Второе же убѣжденіе наивнаго реализма, говоря о томъ, что бываетъ при воспріятіяхъ съ *сознаніемъ*, имѣетъ прямое отношеніе къ психологіи. Поэтому мы ограничимся только провѣркой убѣжденія, будто бы воспріятія составляютъ чисто-пассивныя изображенія предметовъ въ сознаніи. Оно глубоко ошибочно: *на содержаніе или составъ воспріятій вліяютъ наши мысли.*

Что воспріятія нельзя считать чисто-пассивными изображеніями и что на ихъ содержаніе вліяютъ наши мысли, доказывается прежде всего тѣмъ, что *правильнымъ воспріятіямъ надо выучиваться.* А это положеніе, въ свою очередь, подтверждается наблюденіями надъ оперированными слѣпорожденными. Они въ первое время послѣ операціи, снабжающей ихъ зрѣніемъ, переживаютъ слѣдующія явленія: a) вещи, отдаленныя отъ нихъ, они часто воспринимаютъ, какъ очень близкія, какъ бы касающіяся ихъ глазъ; а близкія, какъ отдаленныя, даже наталкиваются на нихъ. b) Кромѣ того, они не могутъ различить, находятся ли передъ ними трехмѣрныя вещи или же прихотливо раскрашенныя поверхности. Эти наблюденія надъ слѣпорожденными, провѣренныя посредствомъ ихъ опроса, ясно показываютъ, что мы лишь постепенно, путемъ упражненія, выучиваемся правильно воспринимать предметы, а не обладаемъ сразу такимъ умѣньемъ. А такъ какъ пріобрѣтеніе этого умѣнья требуетъ участія мыслей, которыя научили бы насъ правильно судить о новыхъ воспріятіяхъ на основаніи пережитыхъ раньше, то, *значитъ, на наши нынѣшнія воспріятія дѣйствуютъ мысли, накопившіяся у насъ подъ вліяніемъ прежнихъ воспріятій.*

Другое доказательство положенія, что воспріятіе нельзя считать чисто-

пассивнымъ изображеніемъ въ сознаніи, получается чрезъ разсмотрѣніе иллюзій. Сперва объяснимъ, что̀ такое иллюзіи. Въ обыденной жизни термины „иллюзія“ и „галлюцинація“ часто употребляютъ, какъ синонимы. Да и въ наукѣ до начала прошлаго столѣтія не считали нужнымъ дѣлать разницу между ними. Но съ начала XIX вѣка психіатры стали отмѣчать ими различные роды явленій, смѣшивать которые мы не имѣемъ права. Теперь на психологическомъ языкѣ *иллюзіей называется искаженное воспріятіе*, т.-е. воспринимаемое нами не въ такомъ видѣ, въ какомъ оно должно бы нами восприниматься; *галлюцинаціей же—воспріятіе мнимое или насквозь ложное*, т.-е. котораго въ дѣйствительности совсѣмъ не должно бы быть. Напр., если на стѣнѣ виситъ бѣлое полотенце, а вмѣсто него видятъ мертвеца въ бѣломъ саванѣ, это — иллюзія. Если же видятъ мертвеца тамъ, гдѣ нѣтъ ровно ничего, напоминающаго о немъ, это—галлюцинація. Галлюцинаціи, особенно — если онѣ часты и упорны, являются несомнѣннымъ признакомъ болѣзненнаго состоянія; иллюзіи же не содержатъ въ себѣ ничего болѣзненнаго. А вслѣдствіе этого непозволительно не только смѣшивать иллюзіи съ галлюцинаціями, но даже считать ихъ однородными явленіями.

Разсматривая иллюзіи, мы должны отмѣтить прежде всего, что есть *два рода иллюзій*: *постоянныя*, всегда возникающія при опредѣленныхъ внѣшнихъ условіяхъ и не исчезающія даже и тогда, когда мы вполнѣ убѣдились въ иллюзорномъ характерѣ нашего воспріятія (ихъ примѣры скоро встрѣтятся), *и временныя*, которыя при однихъ и тѣхъ же внѣшнихъ обстоятельствахъ то возникаютъ, то нѣтъ, и *непремѣнно* исчезаютъ, какъ только у насъ появится увѣренность, что это иллюзія. Болѣе того: временная иллюзія часто исчезаетъ даже отъ одного лишь *подозрѣнія*, что мы имѣемъ дѣло не съ правильнымъ воспріятіемъ, но съ иллюзіей.

Изъ только-что изложеннаго описанія временныхъ иллюзій ясно, что онѣ зависятъ только отъ причинъ внутреннихъ, т.-е. отъ переживаемыхъ нами познавательныхъ явленій: иначе они не могли при однихъ и тѣхъ же внѣшнихъ условіяхъ то появляться, то не появляться, и не исчезали бы отъ одной только увѣренности, что это—иллюзія. Поэтому для нашей цѣли, для выясненія зависимости содержанія воспріятій отъ нашихъ мыслей, онѣ гораздо интереснѣе, чѣмъ постоянныя иллюзіи, такъ что мы займемся лишь временными иллюзіями.

Вглядываясь въ нихъ, легко замѣтить, что на характеръ искаженія воспріятій при временныхъ иллюзіяхъ вліяютъ наши представленія. Дѣйствительно, *при временныхъ иллюзіяхъ искаженіе воспріятій подчиняется слѣдующему закону: искаженія происходятъ: 1) или въ сторону такихъ представленій, которыя мы раньше привыкли получать при данныхъ условіяхъ; или же 2) въ сторону тѣхъ представленій, какими въ данное время сознаніе почему-либо сильно занято.*

Для доказательства этого закона разсмотримъ слѣдующіе примѣры:

1. Даже самые опытные корректоры, какъ ни напрягаютъ свое вни-

маніе, часто *ясно видятъ* слово напечатаннымъ правильно, между тѣмъ какъ оно въ дѣйствительности не таково. Слѣд., они переживаютъ иллюзію, и при томъ такую, при которой искаженіе происходитъ въ сторону представленій, какія они *привыкли* получать при воспріятіи даннаго напечатаннаго слова.

2. Вспомнимъ вышеуказанную иллюзію съ мертвецомъ. Въ какую сторону мы здѣсь иллюзируемъ? Никто не станетъ спорить, что въ сторону представленій, которыми сильно занято сознаніе: мы тогда можемъ принять бѣлое полотенце за мертвеца, когда предрасположены къ этому предыдущими разговорами или воспоминаніями о привидѣніяхъ и т. п. Другой примѣръ: въ 60-хъ годахъ ночью загорѣлся одинъ изъ лондонскихъ звѣринцевъ; собралась огромная толпа народу, и среди нея распространился слухъ, что одна изъ обезьянъ, любимица публики, убѣжала на крышу сосѣдняго зданія, которая уже загорѣлась и должна была сгорѣть вмѣстѣ съ обезьяною. Толпа съ живѣйшимъ участіемъ слѣдила за этой обезьяной и ясно видѣла всѣ движенія и ужимки животнаго. Но черезъ нѣсколько времени, когда достаточно разсвѣло, оказалось, что принимали за обезьяну флагъ, развѣвавшійся на крышѣ. Въ данномъ случаѣ вся толпа иллюзировала въ сторону того представленія, которымъ было сильно занято ея сознаніе передъ наступленіемъ воспріятія. Этотъ примѣръ интересенъ еще тѣмъ, что свидѣтельствуетъ о существованіи *коллективныхъ* временныхъ иллюзій.

Изъ закона искаженія воспріятій при временныхъ иллюзіяхъ ясно видно, что *временная иллюзія состоитъ изъ двухъ частей, слитыхъ въ одно цѣлое: изъ ощущеній, испытываемыхъ отъ воспринимаемаго предмета, и изъ представленія, въ составъ котораго входятъ такія же ощущенія, какъ и испытываемыя отъ этого предмета, при чемъ это представленіе оказывается столь же сильнымъ или живымъ, какъ и испытываемыя ощущенія.* Напримѣръ: иллюзія мертвеца въ саванѣ состоитъ изъ ощущенія *бѣлизны*, испытываемаго отъ полотенца, и изъ слитаго съ нимъ представленія человѣческой фигуры, покрытой *бѣлымъ* саваномъ, т.-е. изъ представленія, въ составъ котораго тоже входитъ ощущеніе бѣлизны, при чемъ это представленіе оказывается столь же сильнымъ, какъ и ощущеніе, испытываемое отъ полотенца.

Узнавъ составъ иллюзій, уже никоимъ образомъ нельзя считать воспріятія чисто-пассивными изображеніями внѣшнихъ предметовъ въ сознаніи. *Въ значительной своей части воспріятіе оказывается представленіемъ, т.-е. явленіемъ, которое порождается самимъ же сознаніемъ, а вовсе не служитъ чисто пассивнымъ изображеніемъ внѣшняго предмета въ сознаніи.* Если еще и можно что-либо считать въ воспріятіи чисто-пассивнымъ изображеніемъ, то, повидимому, только тѣ ощущенія, которыя испытываются отъ самого воспринимаемаго предмета. Но скоро, именно въ 11 главѣ, мы увидимъ, что и это невѣрно: мы убѣдимся, что даже и эти ощущенія порождаются самимъ же сознаніемъ.

Но здѣсь можетъ возникнуть слѣдующее сомнѣніе. Вѣдь иллюзіи—не

обыкновенныя, а *искаженныя* воспріятія; поэтому въ правѣ ли мы переносить то, что̀ замѣчаемъ въ *искаженныхъ* воспріятіяхъ, на *правильныя* воспріятія? Не будетъ ли въ такомъ обобщеніи логическаго скачка? Но мы въ правѣ такъ поступать. Дѣло въ томъ, что *тотъ самый составъ, благодаря которому при иллюзіяхъ получается искаженное воспріятіе, обыкновенно встрѣчается и въ правильныхъ воспріятіяхъ: правильное воспріятіе обыкновенно состоитъ тоже изъ усиленнаго представленія, слитаго съ дѣйствительно переживаемымъ ощущеніемъ. Вся разница между иллюзіями и правильными воспріятіями состоитъ лишь въ томъ, что при иллюзіи съ ощущеніями, испытываемыми нами отъ внѣшняго предмета, слито представленіе не соотвѣтствующее этому предмету, а въ составъ правильныхъ воспріятій входитъ, на-ряду съ ощущеніями, испытываемыми отъ даннаго предмета, представленіе, соотвѣтствующее этому предмету.*

Что представленія входятъ также и въ составъ правильныхъ воспріятій, доказывается проще всего съ помощью очень быстрыхъ воспріятій разныхъ надписей, именно—столь быстрыхъ, что они продолжаются меньше $^1/_{10}$—$^1/_{20}$ *части секунды.* При такихъ воспріятіяхъ наблюдаются слѣдующія явленія: если надпись состоитъ изъ буквъ, необразующихъ никакихъ словъ, то въ теченіе одного такого быстраго воспріятія мы, даже при самомъ сильномъ напряженіи вниманія, успѣваемъ разглядѣть, т.-е. ясно увидѣть не болѣе четырехъ-пяти буквъ. Если же надпись состоитъ изъ хорошо знакомыхъ короткихъ словъ, то число ясно замѣченныхъ буквъ увеличивается, и это увеличеніе можно объяснить только такимъ путемъ: тѣ четыре-пять буквъ, которыя мы дѣйствительно успѣваемъ увидѣть, вызываютъ въ насъ представленія тѣхъ буквъ, которыя мы привыкли видѣть въ этихъ словахъ соединенными съ дѣйствительно замѣченными буквами. Поэтому въ воспріятіи ощущеніе тѣхъ четырехъ-пяти буквъ, которыя мы успѣли ясно увидѣть, сливаются съ живымъ представленіемъ правильныхъ словъ, въ составъ которыхъ входятъ эти буквы, вродѣ того, какъ въ иллюзіяхъ ощущенія слиты съ живыми представленіями.

И такое объясненіе подтверждается слѣдующимъ фактомъ: если надпись будетъ состоять изъ очень длиннаго слова, вродѣ „меридіональный“, или же изъ нѣсколькихъ короткихъ словъ, образующихъ одно названіе, напр.—„время простой реакціи“, то при первомъ быстромъ воспріятіи мы успѣемъ увидѣть только часть надписи. При другомъ столь же быстромъ воспріятіи тоже только часть, хотя и другую, чѣмъ прежде. Послѣ же нѣсколькихъ, быстро повторяющихся другъ за другомъ, но столь же кратковременныхъ воспріятій, какъ и прежде, мы, наконецъ, начнемъ видѣть *всю* надпись *цѣликомъ*. Очевидно, надпись оттого становится видной цѣликомъ, что тѣ ощущенія, какія мы дѣйствительно успѣваемъ получить, отъ одной изъ ея частей, сливаются съ тѣми *представленіями* о другихъ частяхъ надписи, которыя у насъ накопились при прежнихъ быстрыхъ воспріятіяхъ этой надписи.

Для только-что описанныхъ экспериментовъ обыкновенно употребляютъ

тахистоскопъ. Это—приборъ, состоящій изъ двухъ досокъ (см. рис. 20 и 21). Одна изъ нихъ неподвижно укрѣплена на горизонтальной подставкѣ, перпендикулярно къ ней; другая двигается сверху внизъ въ пазахъ, придѣланныхъ къ первой. Въ неподвижной доскѣ прорѣзано отверстіе, въ которое вставляется картонъ съ какой-либо надписью. Въ подвижной доскѣ тоже прорѣзано отверстіе такой же формы и величины, какъ и въ первой. При этомъ оба отверстія дѣлаются въ такихъ мѣстахъ, чтобы подвижная доска закрывала картонъ, когда она приподнята кверху (см. рис. 21), и открывала его на нѣсколько мгновеній, когда падаетъ книзу (см. рис. 20). Если же подвижную доску привязать къ шнуру, перекинутому черезъ блокъ, а къ другому концу этого шнура привязывать грузы разной величины, то этимъ путемъ можно измѣнять скорость паденія подвижной доски, такъ что она будетъ открывать надпись на большее или меньшее время, именно: чѣмъ больше грузъ, тѣмъ медленнѣе будетъ падать подвижная доска.

Но вмѣсто тахистоскопа можно производить тѣ же самые эксперименты и съ помощью проекціоннаго или волшебнаго фонаря. Нужно только прикрѣпить къ его объективу такой фотографическій моментальный затворъ, у котораго регулируется скорость дѣйствія, т.-е. который по нашему желанію открывалъ бы объективъ на разные промежутки времени, начиная съ 1 секунды и кончая $^1/_{100}$ или даже еще меньшей частью секунды. Тогда можно проектировать надпись (разумѣется, отпечатанную на стеклѣ въ видѣ діапозитива) на экранѣ на какое угодно короткое время. И проекціонный способъ даже удобнѣе тахистоскопическаго, пот. что дѣлаетъ экспериментъ доступнымъ одновременно для большого числа лицъ.

Какъ сильно дѣйствуютъ представленія на содержаніе воспріятій, можно доказать еще съ помощью тѣхъ рисунковъ, въ которыхъ подъ вліяніемъ представленій, возбуждаемыхъ общимъ видомъ рисунка, мы ясно видимъ нѣкоторыя части вовсе не такими, какими видимъ ихъ, когда нѣтъ этихъ представленій. Напр., на рисункѣ 22 изображена процессія дѣтей, изъ которыхъ нѣкоторые несутъ фонари. И подъ вліяніемъ представленія объ этой процессіи мы ясно видимъ головы трехъ лѣвыхъ дѣтей. Болѣе того: мы ясно видимъ, что изъ нихъ мальчикъ поднялъ голову кверху, къ фонарю, который онъ несетъ, и т. п. Но закроемъ въ рисункѣ *все*, кромѣ головъ этихъ трехъ дѣтей, и этимъ путемъ устранимъ представленіе дѣтской процессіи. Тогда вмѣсто головъ окажутся какія-то не похожія на нихъ пятна. Далѣе: оставляя все прочее открытымъ, закроемъ у означеннаго мальчика весь его фонарь, вмѣстѣ съ палкой, и мы уже не замѣтимъ, что голова мальчика поднята кверху и т. п.

Не менѣе поучительны рисунки 23 и 24. Въ рисункѣ 23 мы сталкиваемся съ одной изъ постоянныхъ иллюзій. Она состоитъ въ томъ, что отрѣзки прямой линіи, которая прерывается двумя параллельными, кажутся двумя разными линіями, именно—лѣвый отрѣзокъ кажется находящимся ниже, чѣмъ продолженіе праваго отрѣзка. На рисункѣ же 24 повторяется та же самая прямая линія, прерванная тѣми же самыми параллельными, какъ

въ этомъ легко убѣдиться съ помощью простого измѣренія. Но на рисункѣ 24 иллюзія сдвига лѣваго отрѣзка прямой линіи книзу исчезаетъ, и вмѣсто двухъ прямыхъ, изъ которыхъ одна выше другой, мы видимъ одну, проходящую сзади колонны; ибо общій видъ этого рисунка возбуждаетъ представленіе, что здѣсь прямая линія служитъ туго натянутой веревкой; а мы привыкли къ тому, что части натянутой веревки образуютъ одну прямую линію.

Въ заключеніе замѣтимъ, что не слѣдуетъ думать, будто бы указанный на стр. 93 законъ искаженія воспріятій при иллюзіяхъ распространяется и на постоянныя иллюзіи. Правда, среди нихъ есть и такія, которыя подходятъ подъ него, но, конечно, только подъ его первую часть; ибо *постоянныя* иллюзіи не могутъ зависѣть отъ того, какими представленіями *временно* заполнено наше сознаніе. Зато есть и такія, которыя прямо противорѣчатъ ему. Приведемъ примѣры тѣхъ и другихъ.

Подходитъ подъ этотъ законъ постоянная иллюзія, переживаемая при такъ называемомъ *опытѣ Аристотеля*. Онъ состоитъ въ томъ, что если скрестить указательный и средній пальцы (см. рис. 26) и катать между ними какой-нибудь небольшой шарикъ, то послѣдній кажется двойнымъ. (Аристотель не указалъ, что можно водить скрещенными пальцами по кончику носа, и онъ тоже покажется двойнымъ). Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ иллюзіей, направленной въ сторону тѣхъ представленій, какія мы привыкли получать при данныхъ ощущеніяхъ, а именно: мы привыкли, что къ *наружнымъ* сторонамъ средняго и указательнаго пальца *одинъ* шарикъ не можетъ прикасаться *одновременно* (см. рис. 25), а это могутъ сдѣлать только *два* шарика. Въ данномъ же случаѣ мы испытываемъ *одновременное* прикосновеніе къ *наружнымъ* сторонамъ средняго и указательнаго пальца (см. рис. 26). Ясно, что здѣсь мы иллюзируемъ въ сторону тѣхъ представленій, которыя оказываются привычными при единовременномъ прикосновеніи къ наружнымъ сторонамъ средняго и указательнаго пальца.

Зато слѣдующая иллюзія явно противорѣчитъ нашему закону: если я съ открытыми глазами поднимаю двѣ гирьки одинаковаго вѣса, сдѣланныя изъ одинаковаго снаружи матеріала, но съ сильно отличающимся объемомъ, то та изъ нихъ, которая меньше, кажется мнѣ значительно тяжелѣе другой. И эта иллюзія исчезаетъ только въ томъ случаѣ, если я поднимаю обѣ гирьки и сравниваю ихъ вѣсъ съ закрытыми глазами, не зная, какая изъ нихъ больше, какая меньше. По закону же, о которомъ идетъ рѣчь, надо было бы ждать, что при открытыхъ глазахъ меньшая гирька покажется мнѣ легче; ибо я привыкъ, что при одинаковомъ матеріалѣ меньшіе предметы легче большихъ. Здѣсь иллюзія объясняется вліяніемъ обманутаго ожиданія, которое заставляетъ казаться еще бо́льшимъ то, что́ оказалось значительно бо́льшимъ, чѣмъ я ожидалъ: отъ меньшей гирьки такого же вѣса, какъ и бо́льшая, я получаю на дѣлѣ впечатлѣніе, значительно большее, чѣмъ я ожидалъ, вслѣдствіе чего это впечатлѣніе кажется еще больше, чѣмъ оно на дѣлѣ.

9. Простота ощущеній. Ихъ физіологическая и качественная сторона.

Въ противоположность воспріятіямъ, ощущенія служатъ совершенно *простыми* душевными состояніями, неразложимыми ни на какіе составные элементы. Правда, тутъ можетъ возникнуть такое сомнѣніе: нѣкоторые цвѣта, напримѣръ — бѣлый цвѣтъ, называютъ *сложными* и говорятъ, что бѣлый цвѣтъ слагается или изъ какихъ-нибудь двухъ дополнительныхъ цвѣтовъ, или изъ семи спектральныхъ цвѣтовъ. А такъ какъ мы вообще склонны понимать названія въ буквальномъ смыслѣ, цвѣтъ же есть названіе качества ощущенія, то мы готовы считать сложнымъ и самое ощущеніе бѣлаго цвѣта. Но если бѣлый цвѣтъ и называютъ сложнымъ, то это вовсе не означаетъ, чтобы самое душевное переживаніе, называемое ощущеніемъ бѣлаго цвѣта, было сложнымъ и слагалось изъ двухъ или болѣе ощущеній. *Это названіе означаетъ лишь слѣдующее: если нашъ глазъ подвергнуть одновременному дѣйствію двухъ причинъ, которыя, взятыя порознь, даютъ два разныхъ ощущенія (напримѣръ, одна — ощущеніе желтаго цвѣта, другая — ощущеніе синяго цвѣта), то при одновременномъ дѣйствіи этихъ двухъ причинъ мы, взамѣнъ этихъ двухъ ощущеній, получимъ всего только одно ощущеніе, на нихъ непохожее (именно — ощущеніе бѣлаго цвѣта).* Слѣд., сложными выходятъ не сами ощущенія, а лишь внѣшнія причины ощущеній. И въ этомъ легко убѣдиться, хотя бы тѣмъ путемъ, что, переживая ощущеніе бѣлаго цвѣта, нельзя узнать, изъ какихъ именно цвѣтовъ оно сложено: изъ ощущеній ли синяго и желтаго цвѣта, или изъ ощущеній краснаго и зелено-голубого и т. п., хотя въ физикѣ доказывается, что бѣлый цвѣтъ можетъ получиться изъ смѣшенія какъ первой, такъ и второй пары цвѣтовъ [1]). Слѣд., въ самомъ *ощущеніи* бѣлаго цвѣта нѣтъ никакой сложности, ибо нѣтъ слагающихся элементовъ; *сложно не само ощущеніе бѣлаго цвѣта, а физическія или физіологическія условія, при которыхъ оно возникаетъ.* Названіе „сложное ощущеніе“ составляетъ *неточный способъ выраженія*, который употребляется лишь для краткости. Точный же его смыслъ былъ только-что указанъ.

То, что сказано о сложныхъ ощущеніяхъ, вовсе не упраздняетъ ощущеній *смѣшанныхъ*, съ которыми мы постоянно встрѣчаемся. Такъ, мы имѣемъ съ ними дѣло, когда ощущаемъ сразу два звука, или когда, прикасаясь къ какой-нибудь поверхности, сразу ощущаемъ ее, и какъ теплую, и какъ гладкую и т. п.

Сообразно съ тѣмъ, какъ у насъ возникло понятіе ощущенія, мы въ каждомъ ощущеніи можемъ отличать только двѣ стороны—*качественную* и

---

[1]) Цвѣта желтый и синій — дополнительные другъ для друга до бѣлаго. А красный и зелено-голубой—тоже дополнительные другъ для друга. Вообще дополнительными цвѣтами называются тѣ два цвѣта, которые при смѣшеніи даютъ бѣлый цвѣтъ.

количественную, т.-е. его качество и его силу (сравн. стр. 90). Поэтому, изучая ощущенія, мы должны разсматривать ихъ качественную и количественную сторону.

Кромѣ качественной и количественной стороны ощущеній, можно еще изучать ихъ физіологическую сторону, т.-е. тѣ физіологическіе процессы, которые бываютъ при возникновеніи ощущеній. Но объ этихъ процессахъ, какъ относящихся не къ чистой, а къ физіологической психологіи, мы будемъ упоминать только въ самыхъ сжатыхъ чертахъ, именно—насколько это неизбѣжно для лучшаго пониманія того, что у насъ говорится о качественной сторонѣ ощущеній. И прежде всего укажемъ, въ чемъ состоитъ физіологическая сторона *всякаго* ощущенія, какъ бы ни отличались они другъ отъ друга по своему качеству. Она такова:

Для каждаго рода ощущеній есть свой особый органъ: глазъ для зрительныхъ, кожа для осязательныхъ и т. д.; и для возникновенія ощущенія надо, чтобы на ту часть чувствующаго нерва, которая заканчивается въ этомъ органѣ и называется *периферической*, подѣйствовалъ какой-нибудь механическій, химическій или физическій процессъ. Этотъ процессъ называется *раздражителемъ*, а его дѣйствіе на периферію чувствующаго нерва—*раздраженіемъ* нерва. Раздраженіе вызываетъ въ нервѣ своеобразное *возбужденіе*, которое, распространяясь по чувствующему нерву, доходитъ (или прямо, или черезъ спинной мозгъ) до головного мозга и, въ свою очередь, вызываетъ въ немъ своеобразные, но мало еще изслѣдованные процессы, благодаря которымъ и возникаетъ въ нашемъ сознаніи *ощущеніе*. Такимъ образомъ, физіологическая сторона каждаго ощущенія сводится къ двумъ фактамъ: 1) *для каждаго рода ощущеній есть свой особый органъ, чрезъ раздраженіе котораго какимъ-либо процессомъ возникаетъ это ощущеніе;* 2) *оно возникаетъ только тогда, когда вызванное этимъ раздраженіемъ возбужденіе чувствующаго нерва дойдетъ до головного мозга.* Этого пока достаточно. Прибавимъ только, что нѣкоторые русскіе авторы вмѣсто слова „возбужденіе“ употребляютъ „впечатлѣніе“. Однако, когда они говорятъ о нервномъ процессѣ, идущемъ по двигательному нерву и вызывающемъ сокращеніе мускуловъ, то называютъ его *возбужденіемъ*, а не впечатлѣніемъ. Но изъ всѣхъ фактовъ, доказывающихъ роль нервовъ (см. выше стр. 66 и слѣд.), особенно же изъ опыта Вюльпіана (см. стр. 68), ясно, что нервный процессъ, происходящій въ чувствующемъ нервѣ, ничѣмъ не отличается отъ происходящаго въ двигательномъ нервѣ, и что разница въ ихъ результатахъ зависитъ только отъ концевыхъ аппаратовъ того и другого нерва. Поэтому неправильно называть эти два процесса разными именами.

Обратимся къ качественной сторонѣ ощущеній и прежде всего намѣтимъ тѣ вопросы, которые мы должны здѣсь имѣть въ виду.

Было бы естественнѣе всего, разсматривая ощущенія съ качественной стороны, систематически описать качества всѣхъ безъ исключенія ощущеній. Но *описать* качество какого бы то ни было ощущенія невозможно, и узнать качество того или другого ощущенія можно не иначе, какъ на дѣлѣ пере-

живъ его. Напримѣръ, никакими описаніями нельзя довесть слѣпорожденнаго до пониманія, что̀ такое красный, зеленый цвѣтъ. Отсюда ясно, что изученіе качества ощущеній въ сущности должно сводиться только къ двумъ вопросамъ:

1 — *къ вопросу о классификаціи ощущеній по качеству*, т.-е. мы должны дать отчетъ, *на сколько родовъ естественнѣе всего раздѣлить ощущенія по ихъ качеству;* и

2 — *къ вопросу о причинахъ, обусловливающихъ качество каждаго ощущенія.*

Но мы займемся только первымъ вопросомъ, какъ болѣе важнымъ для основной психологіи. Что же касается второго вопроса, то изъ него для основной психологіи достаточно тѣхъ свѣдѣній, которыя нами пріобрѣтены уже въ физикѣ, именно—въ ея ученіяхъ о свѣтѣ, звукѣ и теплотѣ, а вполнѣ этотъ вопросъ долженъ изучаться въ психофизіологіи, въ которой подробно описывается устройство и отправленія всѣхъ органовъ ощущеній: вѣдь отъ этихъ-то органовъ и ихъ отправленій и зависятъ различныя качества ощущеній (см. выше стр. 67 и 68).

Если руководствоваться такимъ понятіемъ ощущенія, какое у насъ возникаетъ тотчасъ же, какъ только мы начинаемъ разсматривать составъ воспріятія, то у насъ окажется только пять родовъ ощущеній, рѣзко отличающихся другъ отъ друга своими качествами, именно: *зрительныя, слуховыя, осязательныя, обонятельныя и вкусовыя.* Прежняя психологія и насчитывала только эти пять родовъ ощущеній; но современная психологія оказалась вынужденной пополнить эту классификацію еще нѣсколькими родами ощущеній, отличающимися по качеству какъ другъ отъ друга, такъ и отъ пяти прежнихъ родовъ ощущеній. А вмѣстѣ съ этимъ *современной психологіи приходится исправить и прежнее опредѣленіе ощущеній, говорящее, что ощущенія суть такія душевныя переживанія, посредствомъ которыхъ мы чувствуемъ качества внѣшнихъ вещей.* Теперь это опредѣленіе оказывается слишкомъ узкимъ, ибо подъ него не подходятъ нѣкоторые изъ новыхъ родовъ ощущеній.

Прежде всего приходится прибавить къ пяти старымъ родамъ ощущеній *моторныя ощущенія.* Въ самомъ дѣлѣ:

У насъ есть *душевныя переживанія* (мы еще не называемъ ихъ ощущеніями), *которыя сами по себѣ, безъ соединенія съ осязательными ощущеніями, даютъ чувствовать только взаимное положеніе частей нашего тѣла, ихъ покой и движенія относительно другъ друга. Но когда эти душевныя переживанія соединяются съ осязательными ощущеніями, то даютъ чувствовать такія качества внѣшнихъ вещей, о какихъ мы не узнали бы съ помощью однихъ лишь осязательныхъ ощущеній,* каковы: твердость, мягкость, липкость и т. п. Вѣдь эти свойства можно чувствовать не иначе, какъ при помощи осязанія, сопровождаемаго тѣми душевными переживаніями, которыя происходятъ при попыткахъ сломать вещь, разорвать ее и т. п., т.-е. сопровождаемаго душевными переживаніями, даю-

щими чувствовать движенія частей тѣла относительно другъ друга. *Если же эти душевныя переживанія помогаютъ намъ чувствовать качества внѣшнихъ вещей, то, значитъ, они играютъ такую же роль въ общемъ строѣ душевной жизни, какъ и пять старыхъ родовъ ощущеній; слѣд., нѣтъ никакого основанія не причислять этихъ переживаній къ ощущеніямъ.* Такимъ образомъ, у насъ получается новый родъ ощущеній, требующій своего особаго названія. Эти ощущенія многіе называютъ *моторными* (т.-е. двигательными) ощущеніями; а нѣкоторые изъ психологовъ и физіологовъ, напр., Вундтъ въ своихъ „Очеркахъ психологіи“ (Grundriss der Psychologie) называютъ ихъ *внутренне-осязательными*. Мы же условимся называть ихъ моторными.

Въ прежнее время тѣ переживанія, которыя мы условились называть моторными ощущеніями, считались особыми случаями осязательныхъ ощущеній, именно: предполагали, будто бы мы оттого чувствуемъ расположеніе частей нашего тѣла относительно другъ друга и движенія каждой изъ нихъ относительно другихъ, что у насъ образуются при каждомъ расположеніи частей тѣла другія складки и другія натяженія кожи, чѣмъ при другомъ расположеніи; а вотъ эти-то складки и натяженія дѣйствуютъ каждая по-своему на чувство *осязанія* и поэтому даютъ намъ возможность чувствовать взаимное положеніе частей нашего тѣла. Но у нѣкоторыхъ больныхъ встрѣчаются такія явленія, которыя доказываютъ, что *моторныя ощущенія составляютъ самостоятельный родъ ощущеній, а вовсе не частный случай осязательныхъ.* Въ самомъ дѣлѣ:

Во-первыхъ, нѣкоторые больные отлично чувствуютъ расположеніе частей своего тѣла даже и въ то время, когда окончательно теряютъ осязательныя ощущенія. А это обнаруживается въ такихъ фактахъ: если касаться кожи больного, если жечь, щипать ее, но такъ, чтобы онъ не видѣлъ этого, онъ ничего не ощущаетъ. Но въ то же время съ закрытыми глазами и безъ всякаго самоощупыванія онъ даетъ правильный отчетъ въ положеніи частей своего тѣла или вполнѣ точно производитъ любое движеніе, о которомъ его попросятъ. Отсюда можно заключить, что у него окончательно потеряны осязательныя ощущенія, но сохранились моторныя. Слѣд., осязательныя и моторныя ощущенія—далеко не одно и то же.

Во-вторыхъ, наблюдаются и обратные факты—потеря больными моторныхъ ощущеній при сохраненіи осязательныхъ. Это обнаруживается въ слѣдующемъ рядѣ явленій: всякое, даже самое легкое, прикосновеніе къ кожѣ, напр. — уколъ, температуру прикасающагося тѣла и т. п. такіе больные хорошо чувствуютъ; но безъ помощи глазъ и безъ помощи самоощупыванія они не могутъ дать отчета въ расположеніи частей своего тѣла. А когда такихъ больныхъ просятъ сдѣлать то или другое движеніе, не наблюдая за нимъ ни глазами, ни самоощупываніемъ, то они дѣлаютъ его не въ томъ видѣ, какъ ихъ просятъ, и ошибаются такъ грубо, какъ это никогда не наблюдается у здоровыхъ. Словомъ: по всему ихъ поведенію видно, что они не чувствуютъ или, по крайней мѣрѣ, слабо чувствуютъ, какъ дви-

гаются относительно другъ друга или какъ расположены разныя части ихъ тѣла.

Итакъ, на-ряду съ прежними пятью родами ощущеній надо допускать еще моторныя ощущенія, какъ особый, шестой родъ ощущеній. Но о какихъ же новыхъ качествахъ внѣшнихъ предметовъ сообщаютъ намъ моторныя ощущенія? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо сначала выяснить *чисто-осязательныя* ощущенія. Къ нимъ приходится теперь относить только такія ощущенія, которыя могутъ быть пережиты *безъ всякой помощи чувства движенія частей тѣла относительно другъ друга*, т.-е. безъ всякой помощи *моторныхъ* ощущеній. Если же такъ, то чисто-осязательныхъ ощущеній будетъ только четыре вида: 1) ощущенія *давленія на кожу*, 2) ощущенія *прикосновенія*, 3) ощущенія *тепла и холода* и 4) *болевыя* ощущенія отъ раздраженія кожи. Что же касается ощущеній твердости, шероховатости, тягучести, липкости, вязкости и тому подобныхъ качествъ, то знаніе о нихъ, очевидно, пріобрѣтается не одними осязательными ощущеніями, но черезъ соединеніе осязательныхъ съ моторными. Напр., ощущеніе твердости получается не только отъ одного лишь прикосновенія къ предмету, но черезъ соединеніе прикосновенія съ сжиманіемъ предмета, слѣдовательно, — чрезъ соединеніе осязательныхъ и моторныхъ ощущеній.

Что же касается физіологической стороны моторныхъ ощущеній, то въ настоящее время ихъ органомъ послѣ нѣкоторыхъ споровъ стали считать мускулы, суставы и сухожилья, именно: чувствующіе нервы, которые заканчиваются въ этихъ частяхъ организма, раздражаются вслѣдствіе сокращенія мускуловъ, тренія суставныхъ поверхностей другъ о друга и натяженія сухожилій; а эти раздраженія вызываютъ въ чувствующихъ нервахъ тѣ возбужденія, которыя, дойдя до головного мозга, отражаются въ сознаніи въ видѣ моторныхъ ощущеній. Въ связи съ этимъ моторныя ощущенія часто раздѣляютъ на три вида: на мускульныя, суставныя и сухожильныя ощущенія. Но это — такая частность, въ которой нѣтъ нужды при изученіи основной психологіи. Поэтому мы будемъ говорить только о моторныхъ ощущеніяхъ вообще, какъ о шестомъ родѣ ощущеній, не обращая никакого вниманія на его дальнѣйшія подраздѣленія.

Если же мы допустили моторныя ощущенія, какъ особый родъ ощущеній, то приходится причислить къ ощущеніямъ, какъ новый, по счету седьмой родъ, и тѣ душевныя переживанія, съ помощью которыхъ мы чувствуемъ, находится ли наше тѣло въ равновѣсіи или вышло изъ него, чувствуемъ его вращеніе, качаніе и т. п., пот. что *эти душевныя переживанія однородны съ моторными ощущеніями, взятыми въ ихъ чистомъ видѣ*, т.-е. безъ соединенія съ осязательными. Вѣдь съ помощью тѣхъ и другихъ мы чувствуемъ то, что̀ касается движеній или покоя нашего тѣла. Вся разница только въ томъ, что моторныя ощущенія даютъ чувствовать положенія *частей* тѣла относительно другъ друга, а тѣ душевныя переживанія, о которыхъ мы теперь говоримъ, даютъ чувствовать положенія тѣла *въ его цѣломъ*. Такимъ образомъ, у насъ получился еще новый, уже седь-

мой, родъ ощущеній—*ощущенія равновѣсія*, или, какъ ихъ иначе называютъ, *статическія ощущенія*. Способность же переживать ихъ называютъ, по аналогіи съ чувствомъ зрѣнія и т. п., *чувствомъ равновѣсія* или *статическимъ чувствомъ*.

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что ощущеніе равновѣсія нашего тѣла, взятаго *въ его цѣломъ*, или же ощущеніе выхода тѣла изъ состоянія равновѣсія, напримѣръ,—ощущеніе вращенія, качанія и т. п., получается при помощи моторныхъ ощущеній, но при внимательномъ разсмотрѣніи оказывается, что такія ощущенія составляютъ особаго рода душевныя переживанія. Въ самомъ дѣлѣ:

Во-первыхъ, ощущенія равновѣсія могутъ подвергнуться сильному разстройству, напр. — мы можемъ испытывать сильное головокруженіе въ то время, какъ отлично чувствуемъ взаимное расположеніе всѣхъ частей тѣла и ихъ движенія относительно другъ друга. Наоборотъ: у лицъ, страдающихъ сильнымъ разстройствомъ моторныхъ ощущеній, обыкновенно вовсе не замѣчается никакого разстройства въ чувствѣ равновѣсія.

Во-вторыхъ, въ то время, какъ органомъ моторныхъ ощущеній служатъ мускулы, суставы и сухожилія, *органомъ чувства равновѣсія тѣла служатъ три согнутыхъ трубки, называемыхъ полукружными каналами, наполненныхъ жидкостью и находящихся во внутреннихъ частяхъ уха.* Дѣйствительно, каждое поврежденіе этого органа вызываетъ у животнаго такія явленія, которыя показываютъ, что чувство равновѣсія у него нарушено: по его поведенію видно, что оно переживаетъ ощущенія вращенія пола, или шатанія своего тѣла, или головокруженія и т. п.

И легко понять, почему пригоденъ такой органъ для ощущеній равновѣсія: эти трубки, наполненныя жидкостью, представляютъ собою какъ бы систему трехъ нивеллировъ, *расположенныхъ въ трехъ взаимно-перпендикулярныхъ плоскостяхъ;* слѣдовательно, они являются органомъ, прекрасно приспособленнымъ къ тому, чтобы на немъ отражались всякія перемѣны въ равновѣсіи или вращеніи тѣла, взятаго въ его цѣломъ. Вѣдь перемѣщеніе положенія нашего тѣла отзывается на жидкости, которая производитъ давленіе на чувствующіе нервы, заканчивающіеся въ полукружныхъ каналахъ, и вызываетъ въ нихъ такія возбужденія, которыя по этимъ нервамъ доходятъ до головного мозга. Эти-то возбужденія и производятъ ощущенія головокруженія, шатанія и т. п.

Обратимъ теперь вниманіе, какія же черты оказываются настолько общими для *всѣхъ* ощущеній безъ исключенія, чтобы ихъ можно было считать отличительными признаками *всѣхъ* ощущеній сразу. Сюда принадлежитъ теперь только *одинаковая у всѣхъ ощущеній физіологическая сторона, именно: всякое ощущеніе возникаетъ лишь при томъ условіи, чтобы на периферію чувствующаго нерва подѣйствовалъ какой-либо раздражитель, состоящій либо въ физіологическихъ процессахъ, происходящихъ въ нашемъ тѣлѣ, либо въ матеріальныхъ процессахъ, происходящихъ внѣ тѣла (какъ-то: звуковыя и свѣтовыя волны, дѣйствіе кислотъ и дру-*

гихъ веществъ на нервныя окончанія и т. п.). Больше найденные нами семь родовъ ощущеній не имѣютъ ничего общаго для нихъ для всѣхъ сразу. Поэтому *и всѣ тѣ душевныя переживанія, въ которыхъ окажется эта отличительная черта найденныхъ нами ощущеній, тоже должны быть причислены къ ощущеніямъ. А эта отличительная черта присуща множеству разнообразнѣйшихъ душевныхъ переживаній, дающихъ чувствовать благосостояніе или неблагосостояніе разныхъ органовъ нашего тѣла, взятыхъ отдѣльно, а равно разныя степени напряженія ихъ дѣятельности, каковы, напримѣръ: чувство голода, сытости, пресыщенія, жажды, удушья, свободнаго дыханія, тошноты, утомленія мускуловъ, боли въ разныхъ органахъ и т. д.;* ибо всѣ эти переживанія возникаютъ отъ раздраженія периферіи чувствующихъ нервовъ различными физіологическими процессами, происходящими въ разныхъ органахъ нашего тѣла. Такимъ образомъ, мы получаемъ еще цѣлый рядъ ощущеній, которыя принято называть *органическими*. Ихъ примѣры были только-что приведены: голодъ, сытость, жажда, удушье и т. д.

Вслѣдствіе расширенія числа родовъ ощущеній, т.-е. вслѣдствіе присоединенія къ числу ощущеній моторныхъ, а также статическихъ и органическихъ, многія изъ ощущеній теперь уже не подходятъ подъ первоначальное опредѣленіе ощущеній. Таковы—статическія и органическія ощущенія: вѣдь они не даютъ чувствовать никакихъ качествъ внѣшнихъ предметовъ (сравн. выше, стр. 90). Слѣд., теперь необходимо такъ расширить прежнее опредѣленіе ощущеній, чтобы оно охватило всѣ ощущенія. И теперь мы обязаны опредѣлять *ощущенія*, какъ такія *душевныя переживанія, которыя возникаютъ вслѣдствіе дѣйствія на периферію чувствующаго нерва какихъ-нибудь раздражителей, лежащихъ внѣ или внутри нашего тѣла*, при чемъ эти раздражители производятъ въ чувствующемъ нервѣ особое возбужденіе, распространяющееся до головного мозга, достигнувъ котораго, оно вызываетъ это душевное переживаніе.

Всѣ *ощущенія* раздѣляются на два главныхъ класса: на *внѣшнія и внутреннія* (см. слѣд. стр.). *Разница между внутреннимми и внѣшнимми ощущеніями оказывается двоякой: и въ раздражителяхъ, и въ значеніи тѣхъ и другихъ ощущеній для общаго строя душевной жизни.* 1) Раздражителями для внѣшнихъ ощущеній служатъ процессы, происходящіе внѣ тѣла, какъ, напр., свѣтовыя волны. Для внутреннихъ же ощущеній раздражителями являются физіологическіе процессы, происходящіе внутри нашего тѣла, какъ, напримѣръ, движеніе жидкости въ полукружныхъ каналахъ. 2) Внѣшнія ощущенія даютъ чувствовать качества внѣшнихъ предметовъ или ихъ состояній, а внутреннія ощущенія могутъ играть такую роль только въ соединеніи съ внѣшними ощущеніями, и то не всѣ, а лишь моторныя. Сами же по себѣ они даютъ лишь чувствовать измѣненія въ состояніяхъ нашего тѣла, какъ, напримѣръ, ощущенія голода, статическія и т. д.

Каждый классъ ощущеній—и внѣшнія, и внутреннія—подраздѣляется на подчиненные ему роды: внѣшнія на пять старыхъ родовъ, а внутреннія

могутъ быть раздѣлены сперва на три группы—моторныя, статическія и органическія, такъ что получается *не меньше восьми родовъ ощущеній*. Но двѣ изъ указанныхъ группъ подраздѣляются еще дальше на подчиненные имъ виды. И такимъ образомъ можно насчитать всего до 14 видовъ ощущеній. И окончательная классификація всѣхъ полученныхъ нами ощущеній можетъ быть изображена въ видѣ слѣдующей таблицы, въ которой при нѣкоторыхъ родахъ ощущеній указаны ихъ виды, а при нѣкоторыхъ видахъ—раздраженія, вызывающія ихъ:

Ощущенія.

Внѣшнія.

1) Зрительныя.
- Свѣтотѣни.
- Цвѣта.

2) Слуховыя.
- Шума (отъ смѣшанныхъ колебаній воздуха).
- Звука (отъ періодическихъ колебаній частицъ воздуха).

3) Обонятельныя.

4) Вкусовыя.

5) Осязательныя.
- Давленія на кожу.
- Прикосновенія къ кожѣ.
- Боли отъ раздраженія кожи.
- Температуры прикасающагося къ кожѣ предмета (тепла и холода).

Внутреннія.

Моторныя.
1) Мускульныя (сокращеніе мускуловъ).
2) Сухожильныя (растяженіе или напряженіе сухожилья).
3) Суставныя (треніе или сближеніе поверхностей суставовъ).

Статическія.
4) Равновѣсія (отъ давленія жидкости въ полукружныхъ каналахъ).

Органическія.
5) Ощущенія пищепріемнаго канала (глоточныя, пищевода, желудка).
6) Кровообращательныя.
7) Дыхательныя.
8) Половыя.
9) Ощущенія отъ утомленія или заболѣванія разныхъ органовъ, не исключая и органовъ внѣшнихъ чувствъ.

По поводу этой таблицы необходимо замѣтить, что къ зрительнымъ ощущеніямъ надо, кромѣ ощущеній цвѣтовъ, относить еще ощущенія свѣтотѣни. Дѣло въ томъ, что подъ вліяніемъ знакомства съ физикой, учащей о темнотѣ и черномъ цвѣтѣ, какъ объ отсутствіи и свѣта, и цвѣта, у насъ невольно возникаетъ привычка разсматривать даже и *ощущеніе* чернаго цвѣта, какъ *отсутствіе* какого бы то ни было зрительнаго *ощущенія*. Но подобный взглядъ совершенно неправиленъ: *ощущеніе* чернаго цвѣта, а также—темноты, разсматриваемое съ *психологической* стороны, есть *такое же самостоятельное душевное переживаніе*, какъ и ощущеніе краснаго, зеленаго и другихъ цвѣтовъ, и представляется нашему сознанію *такимъ же качественно отличающимся ощущеніемъ*, какъ всякое другое зрительное ощущеніе. Убѣ-

диться въ справедливости этого положенія можно изъ того обстоятельства, что *мы легко сознаемъ разницу между ощущеніемъ чернаго цвѣта и отсутствіемъ всякаго зрительнаго ощущенія*. Напримѣръ, за спиной, дѣйствительно, отсутствуетъ всякое зрительное ощущеніе, а это, конечно, не все равно, что испытывать ощущенія темноты или чернаго цвѣта. Такимъ образомъ, черный цвѣтъ и темнота есть особое ощущеніе, а не отсутствіе ощущенія. Равнымъ образомъ, и степени чернаго цвѣта или темноты, т.-е. ощущенія свѣтотѣни, суть тоже особыя зрительныя ощущенія.

По поводу органическихъ ощущеній надо разсмотрѣть слѣдующее недоумѣніе: они возникаютъ подъ вліяніемъ любого физіологическаго процесса, происходящаго въ какомъ бы то ни было органѣ тѣла. А такъ какъ во всякомъ органѣ тѣла всегда совершается какой-либо физіологическій процессъ, способный дѣйствовать, какъ раздражитель, на чувствующіе нервы, заканчивающіеся въ этомъ органѣ, то каждое мгновенье мы должны были бы испытывать цѣлую массу самыхъ разнообразныхъ ограническихъ ощущеній. Въ дѣйствительности же мы или совсѣмъ не замѣчаемъ въ себѣ органическихъ ощущеній, или же у насъ одновременно бываетъ лишь одно, два ограническихъ ощущенія, но никогда наше сознаніе не бываетъ занято одновременно множествомъ различныхъ органическихъ ощущеній. Куда же дѣваются они? По всему видно, что всѣ эти ощущенія сливаются въ одно сложное органическое ощущеніе, показывающее общее благосостояніе или неблагосостояніе всего нашего тѣла въ его цѣломъ, при чемъ слова „сложное ощущеніе“ и „сливаются“ употребляются здѣсь не въ буквальномъ смыслѣ, а ради краткости выраженія. Мы здѣсь позволяемъ себѣ такую же вольность, какъ и въ томъ случаѣ, когда мы говоримъ, что ощущенія зеленаго и краснаго цвѣта сливаются въ сложное ощущеніе бѣлаго цвѣта: конечно, сложны лишь раздражители, а не само ощущеніе (сравн. стр. 97).

Для подтвержденія сказаннаго обратимъ вниманіе прежде всего на то обстоятельство, что мы всегда чувствуемъ фактъ связи съ нашимъ „я“ нашего тѣла, присутствіе послѣдняго при насъ, при нашемъ „я“. Мало того: мы чувствуемъ еще одновременно съ этимъ и общее благосостояніе всего своего организма въ его цѣломъ, что̀ сознается нами какъ бы какое-то тѣлесное настроеніе. Напримѣръ, всѣмъ извѣстно чувство общаго тѣлеснаго недомоганія или чувство хорошаго здоровья. Вотъ это-то ощущеніе различныхъ видоизмѣненій общаго благосостоянія и неблагосостоянія своего тѣла принято называть *самочувствіемъ*, иначе, *общимъ чувствомъ*, *чувствомъ жизни или ценестезіей*, при чемъ послѣдній терминъ (по-латыни coenaestesia) представляетъ собой облатынившееся греческое слово κοινὴ αἴσθησις, что̀ означаетъ общее чувство. И вотъ, про это-то самочувствіе мы утверждаемъ, что оно есть сложное органическое ощущеніе, возникающее путемъ сліянія всѣхъ единовременно возникающихъ въ насъ органическихъ ощущеній, пока нѣкоторыя изъ нихъ не сдѣлаются настолько сильными, что станутъ сознаваться и отдѣльно на-ряду съ самочувствіемъ.

Доказывается же это тѣмъ, что *тѣ самыя вліянія, которыя измѣняютъ*

отдѣльныя органическія ощущенія, измѣняютъ и наше самочувствіе. Дѣйствительно: а) всякій болѣзненный процессъ въ какой-либо части нашего организма, вызывая своеобразныя органическія ощущенія, одновременно съ этимъ дѣйствуетъ и на общій характеръ нашего самочувствія. Не трудно замѣтить, что даже при столь легкомъ заболѣваніи, какъ насморкъ, вмѣстѣ съ появленіемъ новыхъ органическихъ (болѣзненныхъ) ощущеній мѣняется нѣсколько и все наше самочувствіе. b) Далѣе: голодъ, жажда вызываютъ перемѣну въ самочувствіи. Мало того: можно замѣтить такой любопытный фактъ, что самочувствіе измѣняется при процессахъ пищеваренія и послѣ обѣда бываетъ инымъ, чѣмъ до него; оно зависитъ даже отъ того, была ли пища принята легко варимая или нѣтъ и т. п. Точно такъ же душный воздухъ, измѣняя органическія ощущенія, измѣняетъ вмѣстѣ съ этимъ и наше самочувствіе. c) Въ смѣнѣ нѣкоторыхъ органическихъ ощущеній и въ смѣнѣ самочувствія замѣчается одинаковое соотношеніе. Когда какое-либо отдѣльное непріятное органическое ощущеніе быстро прекращается, то съ нимъ не просто прекращается непріятное состояніе, т.-е. оно не замѣняется всего только простымъ отсутствіемъ прежняго ощущенія, но на смѣну ему появляется столь же реальное другое, но пріятное ощущеніе, напримѣръ, чувство облегченія и т. п. Такъ, утоленіе голода вызываетъ пріятное ощущеніе сытости, а не замѣняется простымъ лишь отсутствіемъ голода. Прекращеніе зубной боли замѣняется необычайно пріятнымъ чувствомъ облегченія, а не простымъ отсутствіемъ боли. Подобное же явленіе замѣчается и въ самочувствіи. Напримѣръ, когда больной быстро поправляется, онъ не просто утрачиваетъ тяжелое, болѣзненное самочувствіе, но еще переживаетъ особое пріятное чувство выздоровленія, такъ что прежнее непріятное самочувствіе не замѣняется простымъ лишь его отсутствіемъ, а новымъ пріятнымъ самочувствіемъ. d) Нѣкоторыя органическія ощущенія зависятъ отъ погоды, что особенно замѣтно у стариковъ и раненыхъ, которые въ дурную погоду чувствуютъ усиленіе болевыхъ ощущеній. Самочувствіе тоже измѣняется отъ состоянія погоды, какъ это каждый можетъ провѣрить на самомъ себѣ, и какъ это особенно ясно сказывается у дѣтей, стариковъ и нервныхъ субъектовъ: они въ дурную погоду или передъ грозой чувствуютъ рѣзко выраженное угнетенное самочувствіе.

Все это вмѣстѣ взятое подтверждаетъ, что *самочувствіе слагается изъ сліянія всѣхъ единовременныхъ органическихъ ощущеній, безпрестанно возникающихъ въ насъ* вслѣдствіе того, что въ каждомъ изъ органовъ тѣла безпрестанно происходятъ какіе-либо физіологическіе процессы, способные вызвать чрезъ посредство чувствующихъ нервовъ, заканчивающихся въ этомъ органѣ, органическія ощущенія, соотвѣтствующія этому органу. Объяснить же происхожденіе самочувствія какимъ-либо другимъ путемъ нѣтъ никакой возможности въ виду только-что указанныхъ фактовъ.

10. Количественная сторона ощущеній. Законы пороговъ, высшихъ точекъ, Вебера и Фехнера.

Изучая силу ощущеній, мы должны выяснить ея зависимость отъ разныхъ условій, именно: 1) ея зависимость отъ явленій душевныхъ и 2) зависимость отъ явленій матеріальныхъ.

Изъ всѣхъ явленій душевной жизни наибольшее вліяніе на силу ощущенія оказываетъ вниманіе. Уже самыя простыя самонаблюденія показываютъ, *что чѣмъ больше сосредоточивается вниманіе на данномъ ощущеніи, тѣмъ оно сознается сильнѣе, и чѣмъ больше отвлекается вниманіе отъ какого-нибудь ощущенія, тѣмъ слабѣе и слабѣе становится это послѣднее*, тѣмъ менѣе и менѣе оно сознается нами и иногда можетъ даже ослабѣть до нуля. Извѣстно, напримѣръ, что ощущеніе боли тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше мы обращаемъ на него вниманія, и тѣмъ слабѣе, чѣмъ меньше мы думаемъ о немъ. А что сильное отвлеченіе вниманія можетъ низвести ощущеніе до нуля, свидѣтельствуютъ слѣдующіе примѣры: Паскаль, чтобы избавиться отъ зубной боли, обращался къ рѣшенію геометрическихъ задачъ и такъ углублялся въ нихъ, что уже не чувствовалъ больше зубной боли. Кантъ, страдая ревматизмомъ, старался въ это время заниматься разрѣшеніемъ трудныхъ философскихъ вопросовъ и такъ отвлекалъ вниманіе отъ боли, что переставалъ чувствовать ее. Часто на полѣ битвы раненый солдатъ, увлеченный выполненіемъ своей обязанности, не чувствуетъ раны и падаетъ лишь тогда, когда кровоизліяніе совершенно ослабитъ его.

Что же касается матеріальныхъ условій, вліяющихъ на силу ощущеній, то среди нихъ есть и такія, которыя лишь изрѣдка дѣйствуютъ на насъ. Къ числу таковыхъ относятся нѣкоторыя болѣзненныя состоянія организма, а также нѣкоторыя лекарственныя вещества. Они вызываютъ или повышеніе чувствительности нѣкоторыхъ органовъ, что̀ называется *гиперэстезіей*, или же пониженіе чувствительности, т.-е. *анэстезію*, частный случай которой, извѣстный подъ именемъ *аналгезіи*, состоитъ въ пониженіи болевой чувствительности. Но такихъ вліяній, какъ относящихся къ медицинѣ, мы не будемъ разсматривать, а ограничимся лишь изученіемъ зависимости силы ощущенія отъ раздраженія.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что сила ощущенія находится въ прямой (хотя это еще не значитъ въ прямо пропорціональной) зависимости отъ силы раздраженія. И при изученіи связи силы ощущеній съ силой раздраженій возникаютъ два вопроса: 1) всякое ли раздраженіе способно вызвать ощущеніе, или же оно должно обладать для этого нѣкоторой опредѣленной силой? 2) Какъ измѣняется сила ощущенія въ зависимости отъ измѣненія силы раздраженія? Отвѣтомъ на первый вопросъ служитъ законъ пороговъ, а на второй законъ высшихъ точекъ и законъ Вебера.

Законъ пороговъ. Обратимся сначала къ первому вопросу. Уже тотъ

фактъ, что мы не замѣчаемъ слишкомъ слабаго свѣта, очень слабыхъ звуковъ, небольшихъ примѣсей вкусовыхъ веществъ, убѣждаетъ насъ, что не всякое раздраженіе вызываетъ ощущеніе и что для вызова ощущенія раздраженіе должно достичь извѣстной величины. Это составляетъ такъ называемый законъ пороговъ. *Та минимальная величина, которой должно достичь раздраженіе, чтобы вызвать ощущеніе, называется абсолютнымъ порогомъ раздраженія.* Каждое раздраженіе имѣетъ какъ бы свой порогъ, черезъ который оно должно переступить, чтобы проникнуть въ наше сознаніе, т.-е. чтобы вызвать ощущеніе; если же раздраженіе будетъ ниже своего порога, то оно не вызоветъ ощущенія. *Этотъ порогъ раздраженія называется абсолютнымъ, въ отличіе отъ порога разностнаго, показывающаго, какъ должно увеличиться раздраженіе, чтобы вызываемое имъ ощущеніе увеличилось на едва замѣтную величину.* О разностныхъ порогахъ мы подробнѣе будемъ говорить позднѣе, а теперь ограничимся разсмотрѣніемъ абсолютныхъ.

Для каждаго рода ощущеній существуютъ свои абсолютные пороги. Пороги эти очень малы. Такъ, зрительный порогъ настолько малъ, что если положить (ради контраста) листъ бѣлой бумаги на черный бархатъ и освѣтить его свѣтомъ въ триста разъ слабѣе луннаго свѣта, то все же мы будемъ различать этотъ листъ бумаги еще на разстояніи 5 метровъ. Да не только зрительный порогъ, а и всѣ другіе очень низки. Напримѣръ, нѣкоторыми частями кожи (губами) мы можемъ ощущать давленіе въ 0,002 грамма.

Въ связи съ только-что указанными порогами ощущеній умѣстно будетъ упомянуть здѣсь о такъ называемомъ порогѣ пространственной чувствительности кожи, хотя подъ этимъ терминомъ подразумѣвается что-то другое, чѣмъ пороги раздраженій, именно: *порогомъ пространственной чувствительности кожи называется то наименьшее разстояніе между двумя предметами, одновременно прикасающимися къ кожѣ, при которомъ оба прикосновенія ощущаются, какъ два отдѣльныхъ прикосновенія, а не какъ одно.* Напр., когда одновременно прикасаются затупленными (чтобы не развлекать вниманія болью) концами циркуля къ серединѣ ладони, то оба прикосновенія ощущаются, какъ два отдѣльныхъ прикосновенія, только въ томъ случаѣ, если разстояніе между концами циркуля будетъ не меньше 8 миллиметровъ. При меньшемъ же разстояніи оба прикосновенія сольются въ одно, т.-е. будутъ ощущаться такъ, какъ если бы мы прикасались только къ одной точкѣ ладони. И вотъ, 8 миллиметровъ называются порогомъ пространственной чувствительности кожи на серединѣ ладони.

Этотъ порогъ въ разныхъ мѣстахъ кожи имѣетъ разную величину. Наименьшая величина у него находится на кончикѣ языка, именно—1 миллиметръ. На концѣ пальцевъ онъ уже вдвое больше, даже два миллиметра слишкомъ. На лбу онъ превосходитъ 20 миллиметровъ, а наибольшей величины, почти 70 миллим., онъ достигаетъ между лопатокъ. Вообще *этотъ порогъ тѣмъ меньше, чѣмъ подвижнѣе то мѣсто, гдѣ мы его изслѣ-*

ряемъ. Самымъ подвижнымъ мѣстомъ служитъ кончикъ языка, затѣмъ идутъ концы пальцевъ и т. д. Поэтому, языкомъ мы въ состояніи ощущать на зубахъ такія трещины и бороздки, которыхъ не въ силахъ ощущать концами пальцевъ; а концами пальцевъ замѣчаемъ неровности на такихъ поверхностяхъ, которыя для ладони кажутся вполнѣ гладкими и т. д.

Законъ высшихъ точекъ. Помимо закона пороговъ, ощущенія еще подчиняются закону высшихъ точекъ. Онъ заключается въ слѣдующемъ: *коль скоро раздраженіе превыситъ нѣкоторую опредѣленную величину, называемую его высшей точкой, то вызываемое имъ ощущеніе перестаетъ усиливаться, и взамѣнъ его возникаетъ новое, болевое*, которое, усиливаясь, можетъ до такой степени заслонить собой прежнее ощущеніе, что послѣднее сдѣлается даже незамѣтнымъ. Напримѣръ, слишкомъ сильный свѣтъ перестаетъ усиливать ощущеніе свѣта, а взамѣнъ того вызываетъ болевое ощущеніе; также и сильный звукъ перестаетъ усиливаться, и вмѣсто того мы начинаемъ чувствовать боль. При обжогѣ же чувство тепла совсѣмъ исчезаетъ и поглощается болевымъ ощущеніемъ.

При изслѣдованіи высшихъ точекъ приходится наталкиваться на непреодолимыя затрудненія, и поэтому нѣтъ цифръ, характеризующихъ высшія точки. Мы знаемъ только, что для каждаго ощущенія существуетъ своя высшая точка, а какъ она велика — неизвѣстно. Затрудненія эти сводятся къ тому, что если для измѣренія высшихъ точекъ экспериментировать, то придется примѣнять къ дѣлу столь сильныя раздраженія, что можно повредить органъ ощущенія.

Теперь остается узнать, какъ именно измѣняется ощущеніе въ то время, когда раздраженіе измѣняется между порогомъ и высшей точкой, т.-е. не спускается ниже порога и не превышаетъ высшей точки. Но какъ правильнѣе всего поставить этотъ вопросъ?

Впрочемъ, сперва убѣдимся, нужно ли его ставить. Вѣдь обыкновенно думаютъ, что ощущеніе возрастаетъ *пропорціонально* раздраженію. Это мнѣніе существовало въ началѣ прошлаго столѣтія даже и въ наукѣ. И если бы оно было вѣрно, то намъ незачѣмъ было бы отыскивать постановку нашего вопроса: онъ былъ бы уже заранѣе рѣшенъ. Но такое мнѣніе невѣрно. *Ощущеніе растетъ не пропорціонально раздраженію. Это доказывается уже фактомъ существованія абсолютныхъ пороговъ*. Если бы ощущеніе измѣнялось пропорціонально раздраженію, то не было бы закона пороговъ. Въ самомъ дѣлѣ: если сила ощущенія пропорціональна силѣ раздраженія, то во сколько разъ мы ни уменьшили бы данное раздраженіе, вызывающее, положимъ, ощущеніе свѣта, мы никогда не дошли бы до такого малаго раздраженія, которое совсѣмъ не способно было бы вызвать ощущеніе. Сила ощущенія свѣта ослабѣла бы во столько же разъ, во сколько ослабѣла бы сила раздраженія, но никогда не достигла бы нуля, если бы раздраженіе не дошло до нуля. Въ дѣйствительности же бываетъ обратное: какъ только раздраженіе сдѣлается ниже своего абсолютнаго порога, ощущеніе совсѣмъ исчезаетъ, т.-е. доходитъ до нуля.

Если же ощущеніе не пропорціонально раздраженію, то мы должны привесть нашъ вопросъ въ форму, самую удобную для его рѣшенія. По-видимому, простѣйшей формой вопроса о связи силы ощущеній съ силой раздраженій будетъ слѣдующая: какъ должно увеличиться раздраженіе, чтобы ощущеніе усилилось въ 2, 3, 4 или *n* разъ?

Но такой вопросъ нельзя ставить, ибо онъ безсмысленный. Дѣйствительно: что̀ значитъ, что ощущеніе въ 2, 3, 4 раза больше другого? Если это сказать про линіи, то наши слова вполнѣ понятны: если одна линія больше другой въ три раза, значитъ въ первой линіи мы можемъ уложить вторую три раза. Относительно же ощущеній это выраженіе не имѣетъ никакого смысла, потому что мы не можемъ ни уложить три раза одно ощущеніе въ другомъ, ни вообще сознавать, во сколько разъ одно ощущеніе больше-другого.

Не имѣя возможности сознавать, во сколько разъ одно ощущеніе больше другого, мы, однако, легко можемъ сознавать въ ощущеніяхъ два обстоятельства: 1) будутъ ли данныя ощущенія равны между собой или различны; 2) рѣзко ли они отличаются другъ отъ друга или же на едва замѣтную величину. А отсюда слѣдуетъ, что *интересующій насъ вопросъ позволительно ставить только въ такой формѣ: какъ должно увеличиться раздраженіе, чтобы ощущеніе усилилось на едва замѣтную величину?*

Законъ Вебера. Въ только-что указанной формѣ нашъ вопросъ былъ поставленъ въ 30-хъ годахъ XIX столѣтія физіологомъ Эрнестомъ Веберомъ, установившимъ слѣдующій законъ: *для того, чтобы ощущеніе усилилось на едва замѣтную величину, раздраженіе должно увеличиться на строго опредѣленную и особую для каждаго вида ощущеній, часть своей первоначальной величины.* Эту часть первоначальной величины раздраженія принято называть *разностнымъ порогомъ*. Напр., для того, чтобы свѣтовое ощущеніе усилилось на едва замѣтную величину, свѣтовое раздраженіе должно увеличиться не иначе, какъ на одну сотую часть своей первоначальной величины. Если же оно увеличится на 2, на 3 сотыхъ, вообще больше, чѣмъ на одну сотую часть своей первоначальной величины, то это вызоветъ не едва замѣтное, но рѣзко замѣтное усиленіе ощущенія. Если же свѣтовое раздраженіе увеличится меньше, чѣмъ на $\frac{1}{100}$ часть своей первоначальной величины, то не произойдетъ никакого усиленія ощущенія. Такъ, если передъ нами зажжено 200 свѣчей, а мы хотимъ усилить испытываемое нами ощущеніе свѣта на едва замѣтную величину, то мы должны прибавить къ прежнему раздраженію, т.-е. къ 200 свѣчамъ, непремѣнно двѣ свѣчи, а не одну и не три; ибо $\frac{1}{100}$ часть двухсотъ свѣчей составляетъ двѣ свѣчи. Отъ прибавки же одной свѣчи наше ощущеніе вовсе не усилится, мы не замѣтимъ въ немъ никакой перемѣны. А чрезъ прибавленіе трехъ свѣчей къ 200 свѣчамъ свѣтовое ощущеніе усилится не на едва замѣтную, но на рѣзко замѣтную величину. Точно также при 300 свѣчахъ пришлось бы прибавить три свѣчи, а двухъ оказалось бы мало, четырехъ же много;

ибо $\frac{1}{100}$ часть 300 свѣчей равняется 3 свѣчамъ. При 400 свѣчахъ надо прибавить 4 свѣчи, при 500—5 и т. д. Поэтому $\frac{1}{100}$ называется разностнымъ порогомъ свѣтового раздраженія.

Замѣтимъ, впрочемъ, что разностный порогъ раздраженія можетъ быть выраженъ двоякимъ образомъ: въ видѣ правильной и неправильной дроби. Такъ, въ данномъ случаѣ разностный порогъ свѣтового раздраженія $^1/_{100}$ или $^{101}/_{100}$. Первая дробь обозначаетъ, какую часть первоначальной величины надо *прибавить* къ раздраженію, вторая — на какого множителя должна быть *умножена* первоначальная величина раздраженія, чтобы получилось едва замѣтное увеличеніе ощущенія, вызываемаго этимъ раздраженіемъ. Вѣдь прибавить къ какой-нибудь величинѣ $\frac{1}{100}$ часть, это то же самое, что умножить данную величину на $\frac{101}{100}$. Точно такъ же, если разностный порогъ какого-нибудь раздраженія составляетъ $\frac{1}{q}$, то его можно изображать и такой неправильной дробью: $1+\frac{1}{q}=\frac{q+1}{q}$. Въ самомъ дѣлѣ, если раздраженіе R мы увеличимъ на $\frac{1}{q}$ часть его первоначальной величины, то получится $R+\frac{1}{q}R$. Но та же самая величина получится и въ томъ случаѣ, если мы R умножимъ на $1+\frac{1}{q}$, т.-е. на $\frac{q+1}{q}$.

Для каждаго вида ощущеній существуетъ свой особый разностный порогъ. Такъ, для каждаго цвѣта онъ не таковъ, какъ для другого цвѣта, и не таковъ, какъ для безцвѣтнаго свѣта. Наибольшей величины онъ достигаетъ для краснаго цвѣта ($^1/_{70}$ или $^{71}/_{70}$), наименьшей для желтаго ($^1/_{286}$ или $^{287}/_{286}$), такъ что измѣненія силы желтаго цвѣта мы замѣчаемъ легче, чѣмъ краснаго. Для ощущеній давленія на кожу разностный порогъ составляетъ $^1/_3$ или $^4/_3$, для чувства тяжести $^1/_{17}$ или $^{18}/_{17}$ и т. д.

До 1860 г., именно до появленія книги Фехнера „Элементы психофизики“ (о которой намъ уже пришлось упомянуть на стр. 26, когда мы говорили о возникновеніи измѣрительнаго психологическаго экспериментированія) на законъ Вебера не обращали въ психологіи никакого вниманія. Даже физіологи и то не считали нужнымъ провѣрить, дѣйствительно ли онъ имѣетъ значеніе для всѣхъ ощущеній, хотя *самъ Веберъ изслѣдовалъ далеко не всѣ ощущенія* (а только три вида: свѣтовыя, давленія на кожу и тяжести). Но Фехнеръ привлекъ къ закону Вебера сильнѣйшее вниманіе и физіологовъ и психологовъ. Это потому удалось сдѣлать Фехнеру, что въ „Элементахъ психофизики“ онъ не ограничился изложеніемъ своей провѣрки закона Вебера, но вывелъ изъ него новый, да еще *математически формулированный* законъ, извѣстный съ той поры подъ именемъ *закона или формулы Фехнера.* При выводѣ своего закона Фехнеръ считалъ всѣ *едва замѣтныя усиленія даннаго* ощущенія величинами *равными между собою* (ибо, разсуждалъ онъ, всѣ они одинаково едва замѣтны). Это смѣлое пред-

положеніе дало ему возможность связать въ видѣ формулы количественныя измѣненія любого ощущенія съ количественными измѣненіями того раздраженія, которое вызываетъ это ощущеніе.

Чтобы вывесть свою формулу, Фехнеръ пользовался дифференціальнымъ и интегральнымъ исчисленіемъ, при помощи которыхъ она получается очень быстро. Но къ той же самой формулѣ можно, хотя и медленнѣе, придти посредствомъ слѣдующаго пріема элементарной математики, придуманнаго проф. А. И. Введенскимъ, именно:

Условимся обозначать раздраженіе буквой R, а вызываемое имъ ощущеніе буквой E. Возьмемъ такую величину R, которая составляетъ абсолютный порогъ нашего раздраженія, такъ что E будетъ величиной ощущенія, только-что возникающаго въ нашемъ сознаніи. Увеличимъ теперь R на его разностный порогъ, который условимся обозначать правильной дробью $\frac{1}{q}$. Тогда мы получимъ такое раздраженіе R_1, что

$$R_1 = R + \frac{1}{q}R = R\left(1 + \frac{1}{q}\right)$$

Послѣ того R_1 мы тоже увеличимъ на его разностный порогъ, такъ что оно сдѣлается R_2, при чемъ

$$R_2 = R_1 + \frac{1}{q}R_1 = R_1\left(1 + \frac{1}{q}\right) = R\left(1 + \frac{1}{q}\right)^2$$

ибо вмѣсто R_1 мы можемъ подставить въ это равенство его величину, указанную въ предшествующемъ равенствѣ.

Путемъ тѣхъ же самыхъ разсужденій, т.-е. предполагая, что раздраженіе R_2 мы увеличиваемъ на его разностный порогъ, вслѣдствіе чего оно становится R_3, а R_3, въ свою очередь, увеличиваемъ на разностный порогъ, вслѣдствіе чего оно становится R_4, и что мы поступаемъ такъ все дальше и дальше, мы получимъ рядъ слѣдующихъ равенствъ:

$$R_3 = R_2 + \frac{1}{q}R_2 = R_2\left(1 + \frac{1}{q}\right) = R\left(1 + \frac{1}{q}\right)^3$$
$$R_4 = R_3 + \frac{1}{q}R_3 = R_3\left(1 + \frac{1}{q}\right) = R\left(1 + \frac{1}{q}\right)^4$$
$$R_m = R_{m-1} + \frac{1}{q}R_{m-1} = . \quad . \quad . = R\left(1 + \frac{1}{q}\right)^m$$
$$R_n = R_{n-1} + \frac{1}{q}R_{n-1} = . \quad . \quad . = R\left(1 + \frac{1}{q}\right)^n$$

А что же происходитъ вслѣдствіе такихъ послѣдовательныхъ увеличеній раздраженія R съ вызываемымъ имъ ощущеніемъ E? Такъ какъ раздраженіе R каждый разъ увеличивается на свой разностный порогъ, то вызываемое имъ ощущеніе E при каждомъ изъ подобныхъ увеличеній должно усиливаться на едва замѣтную величину, относительно которой Фехнеръ допускаетъ, что она при всякой величинѣ измѣняющагося ощущенія бываетъ одинаковой. Усло-

вимся эту едва замѣтную прибавку въ прежней силѣ ощущенія обозначать черезъ d. Тогда:

раздраженіе	R	вызываетъ	ощущеніе	E
„	R_1	„	„	$E_1 = E + d = E + d$
„	R_2	„	„	$E_2 = E_1 + d = E + 2d$
„	R_3	„	„	$E_3 = E_2 + d = E + 3d$
„	R_m	„	„	$E_m = E_{m-1} + d = E + md$
„	R_n	„	„	$E_n = E_{n-1} + d = E + nd$

Если R есть абсолютный порогъ, то ощущеніе E будетъ едва отличаться отъ нуля, и мы можемъ принять его за нуль, такъ какъ едва замѣчаемъ его, а зачастую, при малѣйшемъ колебаніи вниманія, и вовсе не замѣчаемъ. Значитъ, принявъ E за нуль, мы сдѣлаемъ такую ошибку, отъ которой вообще не гарантированы въ экспериментальныхъ изслѣдованіяхъ и съ которой поэтому можно примириться. Тогда, руководствуясь всѣми этими равенствами, мы можемъ выразить въ математической формулѣ отношенія между ощущеніями какой бы то ни было величины. Возьмемъ два ощущенія E_m и E_n. Мы знаемъ изъ послѣднихъ равенствъ, что

$$E_m = E + md = md; \text{ ибо } E \text{ принято за нуль.}$$
$$E_n = E + nd = nd; \text{ ибо } E \text{ принято за нуль.}$$

Отсюда:

$$E_m : E_n = md : nd = m : n.$$

Величину же отношенія $m : n$ мы можемъ выяснить изъ прежнихъ равенствъ (говорящихъ о величинѣ раздраженій) однимъ изъ двухъ слѣдующихъ способовъ, приноровленныхъ къ различному уровню средняго образованія читателей:

1. *Для знающихъ логариѳмы* предлагается слѣдующій пріемъ: логариѳмируя величины R_m и R_n, указанныя въ равенствахъ, говорящихъ о раздраженіяхъ, мы получимъ два такихъ равенства:

$$lgR_m = lgR + mlg\ (1 + \frac{1}{q})$$
$$lgR_n = lgR + nlg\ (1 + \frac{1}{q})$$

Опредѣливъ отсюда m и n и раздѣливъ ихъ другъ на друга, найдемъ:

$$m : n = (lgR_m - lgR) : (lgR_n - lgR) = lg\left(\frac{Rm}{R}\right) : lg\ \left(\frac{Rn}{R}\right)$$

А отсюда, въ связи съ равенствомъ:

$$E_m : E_n = m : n$$

выходитъ:

$$E_m : E_n = lg\left(\frac{Rm}{R}\right) : lg\ \left(\frac{Rn}{R}\right)$$

т.-е. *два ощущенія относятся другъ къ другу, какъ логариѳмы ихъ раздраженій, раздѣленныхъ на величину абсолютнаго порога*, или—какъ логариѳмы раздраженій, измѣренныхъ абсолютнымъ порогомъ, какъ единицей мѣры. Этотъ выводъ называется *логариѳмическимъ закономъ Фехнера* или *логариѳмической формулой Фехнера*. Этотъ же выводъ высказываютъ и въ болѣе грубой формѣ, говоря, что ощущенія измѣняются въ ариѳметической прогрессіи, когда раздраженія измѣняются въ геометрической. Дѣло въ томъ, что когда числа (раздраженія) образуютъ геометрическую прогрессію, то ихъ логариѳмы (ощущенія) образуютъ ариѳметическую.

2. *Для незнающихъ логариѳмовъ* предлагается слѣдующій выводъ, взамѣнъ логариѳмическаго способа. Изъ равенствъ, говорящихъ о раздраженіяхъ, видно, что величины m и n суть показатели тѣхъ *степеней* выраженія: $1+\frac{1}{q}$, т.-е. разностнаго порога, выраженнаго въ видѣ неправильной дроби, на которыя надо умножить абсолютный порогъ R, чтобы получились раздраженія R_m и R_n, вызывающія ощущенія E_m и E_n. Дѣйствительно, изъ равенствъ, говорящихъ о раздраженіяхъ, видно, что

$$R_m = R\left(1+\frac{1}{q}\right)^m$$
$$R_n = R\left(1+\frac{1}{q}\right)^n$$

Слѣдовательно, *два ощущенія относятся другъ къ другу, какъ показатели тѣхъ степеней разностнаго порога, выраженнаго въ видѣ неправильной дроби, на которыя надо умножить абсолютный порогъ, чтобы получить раздраженія, вызывающія эти ощущенія.*

Законъ Фехнера обратилъ на себя всеобщее вниманіе, такъ какъ благодаря ему, повидимому, можно измѣрять силу ощущеній при помощи измѣренія величины раздраженія, иначе говоря — измѣрять *психическія* явленія посредствомъ измѣренія сопутствующихъ имъ *физическихъ*, а чрезъ это, повидимому, можно примѣнять вычисленія къ изученію душевныхъ явленій. Придавая своему закону именно такое значеніе, Фехнеръ озаглавилъ свое сочиненіе „Элементы *психофизики*“. Заинтересовавъ собой ученый міръ, „Элементы психофизики“ вызвали цѣлый рядъ изслѣдованій, направленныхъ на провѣрку какъ закона Вебера, такъ и математическаго вывода, сдѣланнаго Фехнеромъ изъ этого закона. Вмѣстѣ съ тѣмъ книга Фехнера пробудила желаніе и старанія примѣнять измѣрительное-экспериментированіе не только къ ощущеніямъ, а также и къ другимъ душевнымъ явленіямъ, что очень скоро привело къ возникновенію психометріи, а вслѣдъ за тѣмъ къ ряду другихъ измѣрительныхъ экспериментовъ (сравн. выше, стр. 26).

И несомнѣнная заслуга Фехнера троякая. Во-первыхъ, *онъ при-*

влекъ всеобщее вниманіе къ закону Вебера, о которомъ почти что забыли до появленія „Элементовъ психофизики“. Во-вторыхъ, Фехнеръ *изобрѣлъ новые пріемы экспериментированія надъ ощущеніями*, назначенные для точнаго сравненія величинъ тѣхъ раздраженій, которыя вызываютъ ощущенія, отличающіяся другъ отъ друга едва замѣтнымъ образомъ. Совокупность всѣхъ употреблявшихся имъ пріемовъ получила названіе *психофизическихъ методовъ*. Въ-третьихъ, наконецъ, Фихнеръ *далъ толчокъ къ возникновенію измѣрительной психологіи*. Обыкновенно говорятъ, что онъ далъ толчокъ къ возникновенію экспериментальной психологіи, т.-е. къ примѣненію экспериментированія въ психологіи. Но на стр. 50 и слѣд. мы видѣли, что это невѣрно: неизмѣрительное экспериментированіе издавна употреблялось въ психологіи; зато измѣрительное экспериментированіе возникло дѣйствительно подъ вліяніемъ Фехнера.

При вызванной Фехнеромъ провѣркѣ изслѣдованій Вебера обнаружилось, что *законъ Вебера вѣренъ для всѣхъ тѣхъ ощущеній, у которыхъ можно какъ-нибудь измѣрять величину раздраженій, вызывающихъ ощущенія, именно — для всѣхъ внѣшнихъ ощущеній и для моторныхъ, но вѣренъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда мы имѣемъ дѣло съ раздраженіями средней величины, т.-е. не стоящими близко ни къ своему абсолютному порогу, ни къ своей высшей точкѣ, и что онъ сильно нарушается вблизи этихъ предѣловъ*. Особенно сильны нарушенія закона Вебера вблизи абсолютнаго порога и высшей точки для *зрительныхъ* ощущеній. О примѣненіи же закона Вебера къ статическимъ и органическимъ ощущеніямъ потому не можетъ быть рѣчи, что нельзя измѣрять тѣ раздраженія, которыя вызываютъ эти ощущенія.

Что же касается собственнаго закона Фехнера, т.-е. того математическаго вывода, который онъ извлекъ изъ закона Вебера, то онъ страдаетъ двумя крупными недостатками, именно:

1. *Этотъ выводъ основанъ на произвольномъ предположеніи*, будто бы равны между собой тѣ едва замѣтныя усиленія, которыя возникаютъ въ ощущеніяхъ, когда раздраженія увеличиваются на разностный порогъ (сравн. стр. 111). Это предположеніе нельзя доказать. *Многіе психологи даже считаютъ его завѣдомо ложнымъ*, а не только что произвольнымъ. Напр., Джемсъ утверждаетъ, что если я поднимаю 100 фунтовъ, то едва замѣтное увеличеніе въ моемъ ощущеніи тяжести больше того едва замѣтнаго увеличенія ощущенія, которое я испытываю при подъемѣ одного фунта. Трудно судить, насколько правъ Джемсъ. Вѣдь высказанная имъ увѣренность можетъ возникать при опытахъ и подъ вліяніемъ самовнушенія: при подъемѣ бо́льшаго груза мы невольно ждемъ, что едва замѣтное усиленіе ощущенія тяжести должно быть больше, чѣмъ при подъемѣ меньшаго. Во всякомъ случаѣ, допущенное Фехнеромъ предположеніе не можетъ быть доказано прямымъ путемъ. Если же не считать равными между собой всѣ едва замѣтныя усиленія ощущенія, то изъ закона Вебера нельзя вывесть формулу Фехнера.

2. Присматриваясь къ тому, какъ Фехнеръ приходитъ къ своему за-

кону, мы видимъ *противорѣчіе между окончательнымъ выводомъ и исходнымъ пунктомъ его разсужденій*. Въ началѣ своихъ изслѣдованій Фехнеръ призналъ, что ставить вопросъ о величинѣ ощущеній такъ, чтобы узнать „при какихъ условіяхъ одно ощущеніе становится больше другого вдвое, втрое и вообще во столько-то разъ", не имѣетъ смысла. Вѣдь онъ *примкнулъ* къ изслѣдованіямъ Вебера, замѣнившаго этотъ вопросъ: „какъ безсмысленный, другимъ вопросомъ: „при какихъ условіяхъ ощущенія усиливаются едва замѣтнымъ образомъ?" Въ окончательномъ же выводѣ онъ пришелъ къ такой формулѣ, въ которой нѣтъ ни малѣйшаго намека на изслѣдованія Вебера, и которая отвѣчаетъ на безсмысленный вопросъ: *„во сколько разъ* увеличивается данное ощущеніе при опредѣленномъ увеличеніи раздраженія?" Вѣдь слова: „два ощущенія *относятся другъ къ другу*, какъ такая-то величина къ такой-то", означаютъ, что одно ощущеніе *во столько разъ больше* другого, во сколько такая-то величина больше такой-то.

Мы говоримъ, что въ формулѣ Фехнера нѣтъ никакого намека на изслѣдованія Вебера; ибо на основаніи ея можно думать, будто бы ощущенія усиливаются при *любомъ* усиленіи раздраженія. Въ дѣйствительности же, по изслѣдованіямъ Вебера, пока усиленіе раздраженія не достигнетъ разностнаго порога, ощущеніе еще не усиливается. Но изъ формулы Фехнера этого не видно.

Итакъ, формула Фехнера даетъ отвѣтъ на такой вопросъ, который самъ же онъ вмѣстѣ съ Веберомъ счелъ безсмысленнымъ. Но если мы предъявляемъ противъ нея такое обвиненіе, то мы должны какъ можно строже доказать, что вопросъ о томъ, во сколько разъ одно ощущеніе больше или меньше другого, безсмысленный. Это, кромѣ соображеній, уже изложенныхъ раньше (на стр. 110), доказывается еще слѣдующими фактами, показывающими, что выраженіе „вдвое, втрое... больше, чѣмъ другое", въ примѣненіи къ ощущеніямъ или остается совсѣмъ непонятнымъ, или же его понимаютъ не буквально, а въ переносномъ смыслѣ.

Дѣйствительно: если предложить кому-нибудь крикнуть вообще громче, чѣмъ это было сдѣлано, или же громче на едва замѣтную величину, либо предложить сдѣлать самое *ощущеніе*, а не одно лишь раздраженіе свѣта сильнѣе вообще, или на едва замѣтную величину, то насъ всѣ легко поймутъ и исполнятъ наше требованіе. Если же мы попросимъ усилить вдвое, втрое данное ощущеніе, то нашъ собесѣдникъ либо совсѣмъ откажется понимать, чего мы добиваемся (если отнесетъ наше требованіе къ самимъ ощущеніямъ, а не къ раздраженіямъ), либо взамѣнъ усиленія *ощущенія* будетъ усиливать только раздраженіе, напримѣръ, удвоитъ число свѣчей, т.-е. пойметъ наше требованіе не въ буквальномъ, а въ переносномъ значеніи [1]), либо, наконецъ, пойметъ наше желаніе въ какомъ-нибудь другомъ, но все-таки переносномъ

[1]) Говоря въ общежитіи о силѣ ощущенія, мы именно такъ, т.-е. переносно и понимаемъ это выраженіе: мы подразумѣваемъ подъ нимъ силу раздраженія, а поэтому и утверждаемъ, будто бы сила ощущенія пропорціональна силѣ раздраженія.

смыслѣ. Напримѣръ, онъ крикнетъ такъ, чтобы его было слышно на разстояніи вдвое, втрое большемъ, чѣмъ прежде.

Далѣе: если вызвать у кого-нибудь ощущеніе давленія на кожу отъ 100 гр. и предложить ему подобрать такой вѣсъ, который вызвалъ бы вдвое большее *ощущеніе* давленія, то это лицо, какъ оказалось при опытахъ въ психологическихъ лабораторіяхъ, подбираетъ 205 гр., т.-е. примѣрно вдвое большее *раздраженіе*, очевидно, понимая насъ въ переносномъ значеніи. (Вѣдь по формулѣ Фехнера для удвоенія *ощущенія* понадобилось бы не удвоить, а взять значительно большее раздраженіе).

Все это насъ убѣждаетъ, что или Фехнеровскую формулу надо считать безсмысленной, или же надо придавать ей не буквальное, а переносное значеніе, такъ какъ вопросъ о двойномъ, тройномъ и т. д. ощущеніи, исключительно на который она отвѣчаетъ, можетъ имѣть только переносное значеніе.

Но стоитъ ли употреблять ее въ переносномъ значеніи, если при ея выводѣ Фехнеръ опирался на недоказанное и прямымъ путемъ недоказуемое предположеніе, будто бы едва замѣтныя усиленія въ каждомъ ощущеніи равны между собой? (Сравн. выше стр. 111 и 115).

Хотя формула Фехнера и опирается на такое недоказанное и даже недоказуемое прямымъ путемъ предположеніе, все же она близко подходитъ къ какой-то истинѣ. Для подтвержденія сошлемся на слѣдующій экспериментъ. У испытуемаго субъекта вызываютъ поблизости другъ отъ друга (чтобы не имѣть дѣла съ такими участками кожи, у которыхъ разные пороги чувства давленія) два ощущенія давленія. Одно изъ нихъ вызывается раздраженіемъ въ 15 гр., а другое—раздраженіемъ въ 135 гр. Испытуемый долженъ подобрать, не зная вѣса давящихъ предметовъ, такое давленіе, которое вызвало бы ощущеніе средней величины между двумя прежними ощущеніями, т.-е. если 15 гр. вызываютъ ощущеніе E_1, а 135 гр. E_3, то онъ долженъ подобрать такое раздраженіе, чтобы вызываемое имъ ощущеніе E_2 удовлетворяло въ его глазахъ слѣдующей ариѳметической пропорціи:

$$E_3 - E_2 = E_2 - E_1$$

Оказывается, что для этой цѣли испытуемый подбираетъ раздраженіе, равное приблизительно 45 гр. Но 135 гр., 45 гр. и 15 гр. составляютъ, *какъ это и должно быть по закону Фехнера*, геометрическую пропорцію, въ то время, какъ вызываемыя ими ощущенія составляютъ ариѳметическую пропорцію [1]).

---

[1]) Крайне соблазнительно разсматривать только-что описанный экспериментъ какъ доказательство, что *при равныхъ ръзко замѣтныхъ* (по-нѣмецки übermerklicne) усиленіяхъ ощущенія соотвѣтственныя раздраженія увеличиваются *въ одно и то же число разъ*. Вѣдь E_2 вызывается здѣсь раздраженіемъ въ 45 граммъ, которое *въ три раза* больше, чѣмъ раздраженіе въ 15 граммъ, вызывающее ощущеніе E_1. Далѣе: E_3 (которое *настолько* же больше, чѣмъ E_2, *насколько* само E_2 больше, чѣмъ E_1) вызывается раздраженіемъ въ 135 граммъ, которое тоже *въ три раза* больше, чѣмъ 45 гр.

Этотъ фактъ, а равно и нѣкоторые другіе (распредѣленіе звѣздъ по величинѣ, принятое въ астрономіи, и т. п.) доказываютъ, что хотя формула Фехнера не можетъ быть принята въ прямомъ смыслѣ, все же она близка къ какой-то истинѣ, и поэтому можетъ оказаться полезной, если придать ей удачное переносное значеніе. Но какое именно переносное значеніе надо придать ей, чтобы пользоваться ею для дальнѣйшаго развитія науки, вотъ это-то пока и неизвѣстно.

При такомъ положеніи дѣлъ нисколько не удивительно, что среди современныхъ психологовъ господствуютъ два противоположныхъ взгляда на цѣнность закона Фихнера. Одни изъ нихъ считаютъ его настолько же безспорнымъ, какъ и законъ Вебера, иногда даже думаютъ, будто бы его незачѣмъ отличать отъ закона Вебера и поэтому называютъ веберофехнеровскимъ. Другіе же, напротивъ, считаютъ его настолько безсмысленнымъ, что въ своихъ курсахъ психологіи обходятъ его полнымъ молчаніемъ, а упоминаютъ

Нѣкоторые психологи, напримѣръ—Эббингаузъ, такъ и смотрятъ на этотъ экспериментъ. Отсюда они заключаютъ, что Фехнеръ былъ правъ, допуская, что *едва замѣтныя* (по-нѣмецки ebenmerkliche) усиленія ощущеній, происходящія при умноженіи раздраженія на $1+{}^1/q$ (т.-е. на разностный порогъ, выраженный въ видѣ неправильной дроби), будутъ равны между собой; ибо отъ такого умноженія раздраженіе постоянно увеличивается *въ одно и то же число разъ*. Поэтому Эббингаузъ считаетъ, какъ и Фехнеръ, возможнымъ точно измѣрять и вычислять величину ощущеній посредствомъ раздраженій.

Но другіе психологи, напримѣръ — искусный и осмотрительный психологъ-экспериментаторъ Мюнстербергъ, справедливо возражаютъ Эббингаузу и его единомышленникамъ, что мы не имѣемъ права въ этомъ экспериментѣ и во всѣхъ подобныхъ фактахъ (напримѣръ, при распредѣленіи звѣздъ на классы первой, второй и т. д. величины по ихъ блеску) принимать тѣ разницы между двумя ощущеніями, которыя намъ *кажутся* равными между собой, за дѣйствительно равныя. Такъ, въ описанномъ экспериментѣ мы еще не въ правѣ принимать остатокъ отъ вычитанія E_2 изъ E_3 за дѣйствительно равный остатку отъ вычитанія E_1 изъ E_2: вѣдь мы не можемъ въ *дѣйствительности произвесть эти вычитанія* и прямо сравнить между собой остатки, которые получатся при нихъ. О величинѣ каждаго изъ этихъ остатковъ мы лишь *гадаемъ* по силѣ того *перехода*, когда взамѣнъ E_2 возникаетъ ощущеніе E_3. Но такъ какъ *отправные пункты каждаго изъ этихъ переходовъ состояній сознанія различны между собой* (ибо E_1 слабѣе, чѣмъ E_2), то вполнѣ возможно, что эти *переходы* сознанія отъ одного состоянія къ другому и отъ другого къ третьему будутъ казаться намъ одинаковыми, между тѣмъ какъ дѣйствительный-то *остатокъ* отъ вычитанія E_2 изъ E_3 оказался бы больше, чѣмъ отъ вычитанія E_1 изъ E_2. Кромѣ того, Мюнстербергъ справедливо отмѣчаетъ, что сильное ощущеніе не есть *соединеніе* нѣсколькихъ слабыхъ, а напротивъ—оно есть единое, цѣльное, своеобразное ощущеніе, неразложимое на нѣсколько слабыхъ и поэтому *несравнимое* съ ними. То, что мы называемъ усиленіемъ или ослабленіемъ ощущенія, составляетъ какъ бы появленіе еще какого-то особаго качества въ ощущеніи на-ряду съ тѣмъ, изъ-за котораго и сильное, и слабое ощущеніе называются одинаковыми по качеству. Отсюда Мюнстербергъ заключаетъ, что мы поступаемъ непсихологично, когда усиленіе ощущенія разсматриваемъ, какъ *присоединеніе* какой-то прибавки къ прежнему ощущенію. По всему этому онъ считаетъ выводъ Фехнера основаннымъ на произвольномъ и непозволительномъ для психолога предположеніи и находитъ невозможнымъ измѣрять и вычислять ощущенія посредствомъ раздраженій.

только о законѣ Вебера, давая этимъ понять, что основаннымъ на немъ разсужденіямъ Фехнера придаютъ лишь чисто-историческое значеніе. Таковъ, напр., Гефдингъ. Сходнымъ образомъ относится къ этому вопросу и Джемсъ, который такъ отзывается о выводѣ Фехнера: „психофизическая формула Фехнера, какъ онъ назвалъ ее, была подвергнута критикѣ со всѣхъ сторонъ; и такъ какъ ничего дѣльнаго (practical) изъ нея не получилось, то мы не будемъ болѣе упоминать о ней. Главная заслуга книги Фехнера заключается въ томъ, что она представила экспериментальное подтвержденіе Веберовскаго закона (который имѣетъ дѣло съ едва ощутимыми разницами и ни слова не говоритъ объ измѣреніи цѣлаго ощущенія) и выдвинула на первый планъ вопросъ о статистическихъ методахъ“ (Психологія. Перев. И. И. Лапшина, изд. 4-ое, стр. 18).

Но тѣ психологи, которые закону Фехнера не придаютъ никакого другого значенія, кромѣ чисто-историческаго, упускаютъ изъ виду факты, доказывающіе близость этого закона къ какой-то истинѣ. Если же учесть эти факты, то *правильное отношеніе къ закону Фехнера будетъ такимъ: конечно, необходимо отличать этотъ законъ отъ закона Вебера, а не объединять ихъ вмѣстѣ подъ именемъ веберофехнеровскаго; но разница между ними не въ томъ, чтобы законъ Фехнера былъ завѣдомо безсмысленнымъ, а въ томъ, что законъ Вебера, какъ вѣрный въ извѣстныхъ границахъ, уже и теперь можетъ занять свое мѣсто въ наукѣ, а формула Фехнера еще должна подождать, пока ей придадутъ какое-либо удачное переносное значеніе.*

11. Субъективность всего состава воспріятій. Идеализмъ и философскій реализмъ съ ихъ видоизмѣненіями.

Вернемся теперь къ вопросу, возникшему передъ нами на стр. 93: можно ли ощущенія, которыя мы испытываемъ отъ внѣшнихъ предметовъ, считать, какъ это дѣлаетъ наивный реализмъ, такими изображеніями въ нашемъ сознаніи качествъ внѣшнихъ вещей или ихъ состояній, при которыхъ сознаніе остается вполнѣ пассивнымъ, ничего не вносящимъ въ эти качества?

Если наивный реализмъ разсматриваетъ качества внѣшнихъ ощущеній, напр. — цвѣта, запахи, вкусы и т. д., какъ *чисто-пассивныя* изображенія въ сознаніи качествъ внѣшнихъ предметовъ, то, значитъ, наивный реализмъ приписываетъ качествамъ внѣшнихъ ощущеній *объективное* или, какъ выражаются иначе, *транссубъективное значеніе*. Это означаетъ, что наивный реализмъ считаетъ качества внѣшнихъ ощущеній, напр.—цвѣта, звуки, запахи, вкусы, твердость и т. д. существующими въ самихъ ощущаемыхъ *объектахъ* (предметахъ), или иначе—*помимо* (trans) ощущающаго *субъекта*. Вѣдь только при этомъ условіи можно считать цвѣта, звуки, запахи и т. д. такими изображеніями качествъ внѣшнихъ предметовъ или

объектовъ въ сознаніи, при которыхъ оно остается чисто-пассивнымъ, ничего не вноситъ отъ себя въ эти изображенія, а *только* воспринимаетъ ихъ. *Вслѣдствіе же того, что наивный реализмъ придаетъ качествамъ внѣшнихъ ощущеній объективное или транссубъективное значеніе, онъ считаетъ ихъ существующими и тогда, когда ихъ никто не ощущаетъ.* Напр., краснота, по мнѣнію наивнаго реализма, существуетъ и тогда, когда ее никто не видитъ; звукъ звучитъ и тогда, когда его никто не слышитъ и т. п.

Мы же сейчасъ докажемъ слѣдующее положеніе: *хотя качества внѣшнихъ ощущеній—цвѣта, звуки и т. д.—объектируются нами, т.-е. невольнымъ образомъ сознаются, какъ бы существующія сами по себѣ, помимо душевной жизни, но въ дѣйствительности они субъективны; это значитъ, что они порождаются душевной жизнью* (ощущающимъ *субъектомъ*), *а не служатъ чисто-пассивными изображеніями качествъ внѣшнихъ предметовъ въ сознаніи, какъ это думаетъ наивный реализмъ.*

Болѣе того: изъ нашихъ доказательствъ будетъ ясно, что *качества внѣшнихъ ощущеній—цвѣта, звуки, запахи и т. д.—только субъективны, и имъ нельзя приписывать никакого объективнаго или транссубъективнаго значенія. Это значитъ, что они вовсе не существуютъ помимо той душевной жизни, которая ихъ порождаетъ.* Они только *кажутся* существующими сами по себѣ, вслѣдствіе того, что они объектируются, а на самомъ дѣлѣ ихъ вовсе нѣтъ помимо душевной жизни. Напр., нѣтъ никакого цвѣта помимо того или безъ того, кто его видитъ. Этотъ цвѣтъ существуетъ только тогда, когда порождается душевной жизнью того, кто его видитъ. Помимо же этого порожденія могутъ быть только эѳирныя волны, вызывающія ощущеніе цвѣта. Но въ нихъ самихъ нѣтъ никакого цвѣта, и для разныхъ цвѣтовъ онѣ отличаются другъ отъ друга вовсе не цвѣтомъ, но числомъ колебаній эѳира въ теченіе одной секунды: для краснаго цвѣта оно наименьшее, а для фіолетоваго наибольшее. Точно также нѣтъ звука помимо того, кто его слышитъ, въ комъ душевная жизнь рождаетъ этотъ звукъ. Помимо нея могутъ быть только воздушныя волны, вызывающія ощущеніе звука въ томъ, кто его слышитъ, разныя для разныхъ звуковъ. Но въ нихъ нѣтъ самого-то звука. Напр., въ нихъ нѣтъ его высоты. И для звуковъ разной высоты онѣ отличаются одна отъ другой только тѣмъ числомъ колебаній, которыя частицы воздуха успѣваютъ сдѣлать въ одну секунду: чѣмъ больше это число, тѣмъ выше звукъ, порождаемый душевной жизнью. Точно также нѣтъ запаха безъ обоняющаго, вкуса безъ вкушающаго, твердости и мягкости безъ ощупывающаго ихъ и т. п. Словомъ: нѣтъ никакого качества внѣшнихъ предметовъ безъ того или помимо того, кто ощущалъ бы это качество, т.-е. помимо той душевной жизни, которая породила бы это качество. Но всѣ эти качества потому кажутся существующими и помимо душевной жизни, что они объектируются въ самый моментъ ихъ порожденія душевной жизнью.

Одно терминологическое замѣчаніе: неправильно поступаютъ тѣ, кто говоритъ и пишетъ, что качества внѣшнихъ ощущеній объективируются (вставляя слогъ „*ви*“ послѣ „*объекти*“). Надо говорить „*объектировать*“

(т.-е. безъ слога „ви“), *а не „объективировать“*; ибо въ данномъ случаѣ идетъ рѣчь о словѣ, которое происходитъ отъ термина „объектъ“, а не „объективъ“. Объектировать значитъ относить къ объекту или опредмечивать, превращать въ объектъ; объективировать же значитъ относить къ объективу, превращать въ объективъ.

О субъективности качествъ внѣшнихъ ощущеній, напр.—цвѣтовъ, звуковъ, запаховъ и т. д., свидѣтельствуютъ прежде всего галлюцинаціи. Въ нихъ мы имѣемъ дѣло съ такими цвѣтами, звуками, запахами и т. д., которые завѣдомо субъективны, т.-е. завѣдомо порождены душевной жизнью; вѣдь галлюцинація не служитъ изображеніемъ дѣйствительнаго предмета въ сознаніи, не только—чисто-пассивнымъ изображеніемъ, а вообще никакимъ изображеніемъ. Но въ галлюцинаціяхъ мы встрѣчаемъ *точно такіе же* цвѣта, звуки, запахи, твердость, мягкость и т. д., какъ и въ дѣйствительныхъ предметахъ внѣшняго міра. Слѣд., если всѣ эти качества считаются субъективными, т.-е. порожденными душевной жизнью въ галлюцинаціяхъ, то и въ дѣйствительныхъ предметахъ они тоже должны считаться субъективными.

Но и помимо галлюцинацій есть рядъ доводовъ, доказывающихъ субъективность качествъ внѣшнихъ ощущеній. Изъ нихъ мы для сбереженія времени остановимся только на слѣдующемъ соображеніи: *если бы качества внѣшнихъ ощущеній существовали сами по себѣ, помимо нашей душевной жизни, то они не могли бы зависѣть ни отъ того, кто именно ихъ ощущаетъ, ни отъ временныхъ состояній ощущающаго лица.* Тогда каждое качество, ощущаемое нами въ какомъ-либо предметѣ, напр., цвѣтъ этого предмета, должно бы быть одинаковымъ для всѣхъ людей и не могло бы испытывать никакихъ перемѣнъ, зависящихъ отъ временныхъ состояній лица, ощущающаго это качество. *Но есть факты, показывающіе, что качества внѣшнихъ ощущеній зависятъ отъ того, кто именно ихъ ощущаетъ, а иногда даже отъ временныхъ состояній ощущающаго лица.* Начнемъ съ фактовъ, доказывающихъ, что эти качества не одинаковы для разныхъ лицъ, а зависятъ отъ того, кто именно ихъ ощущаетъ.

а) Таковъ, во-первыхъ, фактъ цвѣтовой слѣпоты, состоящій въ слѣдующемъ: есть лица, ощущающія какой-то одинаковый цвѣтъ тамъ, гдѣ другіе ощущаютъ два различныхъ цвѣта. Одинъ изъ самыхъ частыхъ случаевъ цвѣтовой слѣпоты носитъ названіе дальтонизма. Онъ характеризуется тѣмъ, что при немъ красный и зеленый цвѣтъ ощущаются одинаковыми, такъ что дальтонисту ягоды зрѣлой земляники и ея листья кажутся имѣющими какой-то одинаковый цвѣтъ. Дальтонизмъ впервые подмѣтили въ началѣ XIX вѣка на англійскомъ химикѣ Дальтонѣ, который однажды явился въ торжественное засѣданіе не въ положенной зеленой, а въ ярко-красной мантіи; отсюда и названіе этого вида цвѣтовой слѣпоты. Но бываютъ и другіе ея виды. Такъ, нѣкоторыя лица одинаково ощущаютъ желтый и голубой цвѣта. Самая крайняя и самая рѣдкая степень цвѣтовой слѣпоты состоитъ въ ощущеніи всѣхъ цвѣтовъ, какъ одинаковыхъ по *качеству*, такъ что весь внѣшній міръ воспринимается одноцвѣтнымъ, наподобіе фотографіи, отличаясь въ разныхъ

мѣстахъ лишь разной густотой одинаковой окраски. Вообще же страдающіе цвѣтовой слѣпотой встрѣчаются гораздо чаще, чѣмъ это думаютъ, именно: ихъ число превышаетъ 3%. Въ самомъ дѣлѣ: на желѣзныхъ дорогахъ и на пароходахъ, гдѣ различіе сигналовъ по красному и зеленому цвѣтамъ чрезвычайно важно, производится испытаніе всѣхъ вновь поступающихъ на службу. При этомъ выяснилось, что уже одно количество страдающихъ дальтонизмомъ доходитъ до 3%, а къ нимъ надо прибавить и другіе виды цвѣтовой слѣпоты. Замѣтимъ, что, вопреки словоупотребленію, распространившемуся среди большой публики, дальтонизмомъ слѣдуетъ называть не всякій случай цвѣтовой слѣпоты, но *только* слѣпоту на красный и зеленый цвѣтъ; всѣ же остальные случаи неразличенія цвѣтовъ носятъ названіе не дальтонизма, но цвѣтовой слѣпоты вообще.

b) Явленія, подобныя цвѣтовой слѣпотѣ, повторяются и въ другихъ родахъ ощущеній помимо зрительныхъ, именно: сюда относится общеизвѣстный фактъ, что запахъ и вкусъ однѣхъ и тѣхъ же вещей различными лицами ощущается различно. Далѣе: тамъ, гдѣ однимъ жарко, другимъ холодно и т. п.

Всѣ приведенные факты доказываютъ, что качества внѣшнихъ ощущеній зависятъ отъ того, кто ихъ ощущаетъ, что *они для разныхъ лицъ разныя, хотя эти лица воспринимаютъ одинъ и тотъ же предметъ*. А теперь приведемъ факты, доказывающіе, что эти качества могутъ измѣняться даже у одного и того же лица въ зависимости отъ нѣкоторыхъ временныхъ условій, въ которыхъ оно находится.

a) Введеніе нѣкоторыхъ веществъ въ организмъ измѣняетъ качества цвѣтовыхъ ощущеній. Напримѣръ, вслѣдствіе пріема сантонина (лекарство противъ глистовъ) все кажется окрашеннымъ въ желтый цвѣтъ.

b) Каждый можетъ ощущать одновременно одинъ и тотъ же предметъ и какъ холодный, и какъ теплый. Достигается это слѣдующимъ путемъ: сначала обѣ руки опускаются въ два сосуда съ водой различной температуры; послѣ того онѣ обѣ погружаются одновременно въ третій сосудъ, также наполненный водой, но съ температурой, промежуточной между температурами двухъ другихъ сосудовъ. И вотъ, та рука, которая была прежде въ болѣе теплой водѣ, получитъ теперь ощущеніе холода, а та, которая была въ холодной,— ощущеніе тепла, хотя она погружена въ ту же самую воду, какъ и первая рука.

Зависимость качествъ внѣшнихъ предметовъ отъ того, кто именно ихъ ощущаетъ, и ихъ зависимость отъ временныхъ состояній ощущающаго лица доказываютъ не только то, что эти качества надо считать субъективными, т.-е. порожденными душевной жизнью ощущающаго лица, но также и то, что имъ нельзя приписывать никакого объективнаго значенія (сравн. стр. 120). Именно: нельзя, напр., думать, что *ощущаемые* нами цвѣта, тепло, холодъ и т. д.— субъективны, порождаются душевною жизнью, но что вмѣстѣ съ тѣмъ помимо нея, въ самихъ вещахъ, тоже есть цвѣта, тепло, холодъ, соотвѣтствующіе ощущаемымъ нами. Въ самомъ дѣлѣ: развѣ одна и таже вода можетъ быть сразу теплой

и нетеплой, т.-е. холодной? А къ такому допущенію придется придти при объясненіи только-что описаннаго опыта, если мы скажемъ, что тому теплу и холоду, которые ощущаются и которые порождаются моею душевною жизнью, соотвѣтствуетъ тепло и холодъ въ самихъ внѣшнихъ вещахъ. Вѣдь, въ только-что описанномъ опытѣ одна и та же вода ощущается сразу и какъ теплая и какъ холодная. Точно также не можетъ же ягода или листъ земляники имѣть какой-либо цвѣтъ и въ то же самое время не имѣть его. А это придется допустить, если мы скажемъ, что каждому цвѣту, который ощущается кѣмъ-нибудь, соотвѣтствуетъ въ самихъ ощущаемыхъ вещахъ такой же цвѣтъ. Вѣдь дальтонистъ либо въ ягодѣ земляники, либо въ ея листьяхъ, либо и въ томъ и другомъ сразу видитъ вовсе не такой цвѣтъ, какъ остальные люди; ибо ягода и листъ земляники въ его глазахъ окрашены въ одинъ и тотъ же цвѣтъ. Такимъ образомъ, приписывать объективное значеніе цвѣтамъ и другимъ качествамъ внѣшнихъ ощущеній можно было бы только въ томъ случаѣ, если допустить, что внѣшній міръ неподчиненъ тому закону, который въ логикѣ для краткости называется „закономъ противорѣчія“, и который точнѣе было бы называть „закономъ неосуществимости противорѣчія“.

Но отрицаніе объективнаго существованія цвѣта можетъ вызвать такое недоумѣніе: „какъ же объяснить, что если не для всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, для большинства людей одинъ и тотъ же цвѣтъ оказывается одинаковымъ? Напр., почти всѣ, посмотрѣвъ на этотъ столъ, видятъ его желтымъ. Какъ объяснить эту одинаковость, хотя бы только для большинства лицъ, именно—для всѣхъ, кто не страдаетъ цвѣтовой слѣпотой“?

Прежде чѣмъ отвѣчать на этотъ вопросъ, посмотримъ, дѣйствительно ли существуетъ фактъ, вызывающій наше недоумѣніе. Какъ доказать, будто мы всѣ одинаковымъ образомъ видимъ то, что̀ называемъ желтымъ? Этого нельзя доказать. Этотъ фактъ—вымышленный. Единственно, что̀ въ немъ есть истиннаго, такъ это только то, что цвѣтъ одного и того же предмета всѣ люди *называютъ* одинаково; но нельзя доказать, что они и *видятъ* или *ощущаютъ* его одинаково.

Въ самомъ дѣлѣ: какъ *я* могу удостовѣриться въ томъ, что NN воспринимаетъ данный предметъ въ такой же окраскѣ, какъ и я? Прямымъ путемъ въ этомъ нельзя удостовѣриться, потому что ощущенія г-на NN доступны только его собственному самонаблюденію; а моему наблюденію доступно не чужое ощущеніе, а только мое собственное, такъ что прямымъ путемъ я не могу сравнить свое ощущеніе окраски даннаго предмета съ ощущеніемъ г-на NN. Слѣд., я долженъ разспросить NN, въ какой именно цвѣтъ онъ видитъ окрашеннымъ этотъ столъ. Онъ отвѣтитъ мнѣ — въ желтый, т.-е. такъ же, какъ отвѣчу и я на этотъ вопросъ. Но доказываетъ ли такой отвѣтъ, что NN видитъ этотъ столъ въ той же самой окраскѣ, какъ и я, т.-е. что качество его ощущенія такое же, какъ и моего? Нѣтъ, этотъ отвѣтъ доказываетъ только то, что окраскѣ этого стола и я, и онъ даемъ одинаковыя названія. Значитъ, намъ надо убѣдиться еще въ томъ, что одинаковыя названія ощущеній соотвѣтствуютъ одинаковымъ качествамъ. Какъ

въ этомъ убѣдиться? Попросить NN описать свое ощущеніе? Но описывать цвѣта нѣтъ никакой возможности; напр., слѣпорожденному никакими описаніями нельзя передать, что̀ такое желтый цвѣтъ. Остается для объясненія того, въ какой окраскѣ видитъ NN этотъ столъ, попросить его указать на другой предметъ, который онъ видитъ окрашеннымъ въ этотъ же цвѣтъ. Положимъ, онъ скажетъ, что цвѣтъ стола такой же, какъ и цвѣтъ ногъ этой скамейки. Но этимъ путемъ мы узнаемъ только то, что NN ощущаетъ цвѣтъ стола одинаково съ цвѣтомъ скамейки, а вовсе не то, что онъ ощущаетъ *оба* эти цвѣта такъ же, какъ *я*. Вѣдь и *я*, и NN можемъ видѣть двѣ вещи окрашенными одинаково одна съ другой, но *я* могу видѣть обѣ эти вещи окрашенными иначе, чѣмъ какъ ихъ видитъ NN. Значитъ, и этимъ путемъ мы не доказали, что большинство людей ощущаютъ желтый цвѣтъ одинаковымъ образомъ.

Но, спросятъ насъ, какъ же объяснить, что мы хотя бы только называемъ этотъ цвѣтъ одинаковымъ именемъ, если допустить, что мы ощущаемъ его неодинаковымъ образомъ? Очень просто: усвоеніе названія каждаго цвѣта происходитъ тѣмъ путемъ, что, слыша названіе даннаго цвѣта, мы вмѣстѣ съ тѣмъ подмѣчаемъ и вещь, которой приписываютъ этотъ цвѣтъ. Поэтому мы легко запоминаемъ, что окраска вотъ этого стола называется желтой, независимо отъ того, всѣ ли мы одинаково ее ощущаемъ. Такъ, слѣпорожденные не ощущаютъ никакихъ цвѣтовъ. Тѣмъ не менѣе они часто *вполнѣ правильно* называютъ одну мебель красной, а другую синей. И дальтонисты оттого подолгу, а многіе изъ нихъ и навсегда остаются незамѣченными со стороны окружающихъ, что они легко выучиваются *правильно называть* однѣ вещи красными, а другія зелеными, хотя видятъ ихъ одинаково окрашенными.

Изъ отрицанія объективнаго значенія у качествъ внѣшнихъ ощущеній вытекаетъ такое слѣдствіе: *внѣшній міръ данъ намъ въ опытѣ, т.-е воспринимается нами не въ томъ видѣ, какъ онъ существуетъ самъ по себѣ, но съ различными примѣсями чисто-субъективныхъ продуктовъ, слѣд. въ томъ видѣ, какимъ онъ намъ кажется вслѣдствіе устройства нашего сознанія.* Вѣдь онъ намъ данъ въ опытѣ съ цвѣтами, запахами, вкусами, звуками и т. д.; а все это чисто-субъективные продукты, и все это только кажется существующимъ въ внѣшнемъ мірѣ вслѣдствіе устройства нашего сознанія.

Послѣ того, какъ мы пришли къ только-что указанному заключенію, *мы обязаны различать въ внѣшнемъ мірѣ двѣ стороны: 1) субъективную*, т.-е. состоящую изъ совокупности объектированныхъ продуктовъ душевной жизни и 2) *объективную, иначе—транссубъективную*, т.-е. такую сторону, которая существуетъ сама по себѣ, независимо отъ душевной жизни. И теперь возникаетъ вопросъ: *что же именно въ внѣшнемъ мірѣ, взятомъ въ томъ видѣ, какъ онъ данъ въ опытѣ, т.-е. какъ онъ воспринимается нами, надо считать объективнымъ, иначе—транссубъективнымъ?*

Въ ощущаемыхъ нами качествахъ внѣшнихъ вещей нѣтъ ничего объективнаго. Если же изъ любой внѣшней вещи, взятой въ томъ видѣ, какъ она

дана въ опытѣ, напр., изъ стола, вычесть *всѣ* качества, которыя мы ощущаемъ въ ней: и цвѣтъ, и нагрѣтость, и твердость и т. д., то останется только пространство, занятое этими качествами. Не слѣдуетъ ли поэтому пространство считать объективной или транссубъективной частью внѣшняго міра, взятаго въ томъ видѣ, какъ онъ данъ въ опытѣ?. Но можно убѣдиться, что *даже и пространство, взятое въ томъ видѣ, какъ оно дано въ опытѣ, надо считать вещью субъективной*, т.-е. создаваемой сознаніемъ и попадающей въ наши воспріятія не извнѣ, путемъ такого изображенія въ сознаніи, при которомъ послѣднее оставалось бы чисто-пассивнымъ, а извнутри, изъ самого сознанія, какъ его продуктъ.

Вотъ два доказательства субъективности даннаго намъ въ опытѣ пространства:

Первое строится на томъ основаніи, что ни ощущенія неотдѣлимы отъ пространственной протяженности, ни пространство отъ ощущеній. *Внѣшнія ощущенія на дѣлѣ переживаются не иначе, какъ въ связи съ пространственной протяженностью.* Напримѣръ, ощущеніе желтизны переживается нами на дѣлѣ не иначе, какъ въ видѣ протяженной поверхности, занимающей опредѣленное мѣсто въ пространствѣ. Мы даже не въ состояніи и представить это ощущеніе иначе, какъ въ такомъ видѣ. Это только мы *въ абстракціи мыслимъ* желтизну, независимо отъ пространственной протяженности, произвольно сосредоточивая свое вниманіе на одномъ лишь качествѣ ощущенія. Но на дѣлѣ это качество никогда не обособляется отъ пространственной протяженности. Даже когда мы сосредоточиваемъ свое вниманіе на одномъ лишь качествѣ желтизны, связанная съ этимъ качествомъ, т.-е. съ желтизной, пространственная протяженность не отпадаетъ отъ него, а только отступаетъ на задній планъ сознанія. Такимъ образомъ, внѣшнія ощущенія на дѣлѣ неотдѣлимы отъ пространственной протяженности. Поэтому *пространственная протяженность должна считаться настолько же субъективной, насколько субъективны неотдѣлимыя отъ нея качества внѣшнихъ ощущеній.*

Допускать этотъ выводъ тѣмъ необходимѣе, что существуетъ и *обратный фактъ*: *само-то пространство, взятое въ томъ видѣ, какъ оно воспринимается нами, неотдѣлимо отъ ощущеній.* Дѣйствительно: мы не можемъ воспринимать пространство само по себѣ, помимо ощущеній. Мы всегда воспринимаемъ лишь разныя качества ощущеній, какъ имѣющія протяженность и расположенныя въ пространствѣ. Да даже и представляется-то нами пространство не иначе, какъ въ связи съ тѣми или другими ощущеніями. Такъ, представляя себѣ шаръ, кубъ и т. п., мы или представляемъ себѣ, что ощупываемъ ихъ или что обѣгаемъ глазами и т. п.; а у очень многихъ лицъ они представляются даже окрашенными. Итакъ, *пространство, взятое въ томъ видѣ, какъ оно воспринимается въ опытѣ, всегда связано съ ощущеніями, составляетъ неотдѣлимое отъ нихъ свойство.* А отсюда вытекаетъ, что *насколько субъективны тѣ качества ощущеній, безъ которыхъ не можетъ быть воспринято пространство, настолько же субъек-*

тивно и неотдѣлимое отъ нихъ пространство, въ которомъ располагаются эти качества при воспріятіяхъ внѣшняго міра.

Второе доказательство состоитъ въ томъ, что субъективность пространства мы обязаны признать и на основаніи каждой изъ тѣхъ двухъ теорій, которыя созданы въ психологіи для объясненія того факта, что наши воспріятія имѣютъ пространственно-протяженный характеръ, — *нативистической и генетической. Станемъ ли мы на сторону нативистовъ или генетистовъ, данное намъ въ опытѣ пространство оказывается и въ томъ и въ другомъ случаѣ субъективнымъ элементомъ нашихъ воспріятій, т.-е. создаваемымъ самимъ же сознаніемъ.* Объяснимъ сперва, въ чемъ состоятъ эти двѣ теоріи.

Нативизмъ сводится съ слѣдующему ученію: нашему сознанію съ перваго момента его существованія уже прирождена та особенность, что коль скоро оно порождаетъ внѣшнія ощущенія, то послѣднія невольнымъ образомъ сознаются, какъ протяженныя и расположенныя на различныхъ разстояніяхъ отъ насъ. Такимъ образомъ, и протяженность, и какое-нибудь разстояніе отъ насъ является неотдѣлимой принадлежностью нашихъ ощущеній, ихъ *прирожденнымъ* свойствомъ, откуда и получилось самое названіе этой теоріи. Конечно, въ виду фактовъ, изложенныхъ на стр. 91, нельзя допускать, будто бы съ самаго начала, воспринимая поверхности и ихъ разстоянія отъ насъ, мы умѣемъ уже въ точности оцѣнить величины тѣхъ и другихъ. Разумѣется, сначала тѣ и другія воспріятія бываютъ лишь крайне неопредѣленными, сбивчивыми, и только постепенно мы научаемся точно оцѣнивать величины воспринимаемыхъ поверхностей и ихъ разстоянія отъ насъ.

Генетическая теорія (или генетизмъ) говоритъ, что протяженность какого бы то ни было ощущенія *вырабатывается* въ нашихъ ощущеніяхъ постепенно. Первоначально наши ощущенія не имѣютъ ничего пространственнаго, ничего протяженнаго. Но, постепенно связываясь между собой, они вступаютъ въ прочныя соединенія другъ съ другомъ, и тогда у этихъ соединеній получаются (въ родѣ того, какъ это бываетъ при химическомъ соединеніи простыхъ тѣлъ) новыя свойства, которыхъ не было въ самихъ соединившихся частяхъ, именно — протяженность, а поэтому и разстояніе, словомъ—всѣ пространственныя отношенія. Это образованіе новыхъ свойствъ генетисты называютъ по аналогіи съ химическимъ синтезомъ *психическимъ синтезомъ* или *психическимъ химизмомъ*.

Разумѣется, и та, и другая теорія стараются оправдать себя самыми разнообразными доводами, черпая ихъ отчасти изъ наблюденій надъ поведеніемъ новорожденныхъ животныхъ и надъ поведеніемъ оперированныхъ слѣпорожденныхъ, отчасти изъ анализа фактовъ душевной жизни взрослаго нормальнаго человѣка, фактовъ, добытыхъ и самонаблюденіемъ, и экспериментированіемъ, которое въ значительной степени относится здѣсь къ психофизіологіи. Но слѣдить за споромъ генетизма съ нативизмомъ не входитъ въ нашу задачу, и мы вернемся къ вопросу о субъективности даннаго намъ въ опытѣ пространства.

Станемъ ли мы на сторону нативистовъ или генетистовъ, та пространственная протяженность, которая дана намъ въ опытѣ, оказывается и въ томъ и въ другомъ случаѣ факторомъ субъективнымъ. Въ самомъ дѣлѣ: если признать нативизмъ, то пространственная протяженность, очевидно, выходитъ настолько же субъективной, какъ и ощущенія. Вѣдь коль скоро субъективны ощущенія, то столь же субъективно (т.-е. идетъ извнутри душевной жизни) и всякое *прирожденное имъ и неотдѣлимое отъ нихъ свойство*. А нативизмъ такимъ прирожденнымъ ощущеніямъ свойствомъ считаетъ пространство. Если же мы держимся чисто-генетической теоріи, то и тогда выходитъ, что та пространственная протяженность, которая дана въ опытѣ, субъективна. Вѣдь, по ученію генетизма, она *вырабатывается самой же душевной жизнью*, да еще вырабатывается изъ ощущеній, т.-е. *изъ субъективныхъ продуктовъ*.

Итакъ, какой бы теоріи происхожденія пространственнаго воспріятія мы ни держались, выводъ получается одинъ и тотъ же: данное намъ въ опытѣ пространство—субъективный факторъ, но, какъ и качества внѣшнихъ ощущеній, оно подвергается объектированію. Это, конечно, еще не означаетъ, чтобы въ внѣшнемъ мірѣ, взятомъ или мыслимомъ въ томъ видѣ, какъ онъ существуетъ самъ по себѣ, помимо воспріятій, навѣрное не было ничего соотвѣтствующаго воспринимаемому нами пространству; но воспринимаемъ-то мы въ опытѣ лишь субъективное пространство, а не то, которое находится помимо сознанія. Здѣсь дѣло стоитъ иначе, чѣмъ съ цвѣтами, звуками и другими качествами внѣшнихъ ощущеній. Изъ доказательствъ субъективности этихъ качествъ вмѣстѣ съ тѣмъ вытекаетъ, что имъ нельзя приписывать никакого объективнаго значенія, что они не могутъ существовать, помимо душевной жизни, иначе какъ цѣной осуществленія противорѣчія. Изъ доказательствъ же субъективности пространства еще нельзя сдѣлать такого вывода. Поэтому остается вполнѣ возможнымъ, хотя еще вовсе не обязательно, что то пространство, которое образуетъ составную часть нашихъ воспріятій, субъективно, но что въ внѣшнемъ мірѣ, взятомъ въ томъ видѣ, какъ онъ существуетъ самъ по себѣ, тоже есть пространство, соотвѣтствующее этому субъективному пространству.

Какъ видимъ, вопреки мнѣнію наивнаго реализма, думающаго, будто бы при воспріятіяхъ сознаніе остается вполнѣ пассивнымъ, *все содержаніе нашихъ воспріятій оказывается сполна субъективнымъ, сполна создается душевною жизнью;* ибо субъективны качества, ощущаемыя нами въ внѣшнихъ вещахъ, субъективно и пространство, занятое этими качествами, субъективны и представленія, слитыя съ ощущеніями. Слѣд., весь внѣшній міръ, взятый въ томъ видѣ, какъ онъ данъ въ опытѣ, т.-е., какъ онъ *воспринимается* нами, состоитъ изъ объектированныхъ продуктовъ душевной жизни. Тотъ же его видъ, въ какомъ онъ существуетъ самъ по себѣ, помимо нашихъ воспріятій, остается скрытымъ или закутаннымъ отъ насъ объектированными продуктами душевной жизни.

Впрочемъ, эту жу самую мысль можно высказать еще иначе, если

употреблять общепринятые въ современной гносеологіи термины: *явленія* и *вещи въ себѣ*, при чемъ явленія называютъ иначе *феноменами*, а вещи въ себѣ *ноуменами*, откуда удобно образовать два прилагательныхъ: *феноменальный*, т.-е. относящійся къ явленіямъ, и *ноуменальный*—относящійся къ вещамъ въ себѣ. А рядомъ съ этимъ явленія называютъ также *кажущимся бытіемъ*, а вещи въ себѣ—*истиннымъ бытіемъ*. Объяснимъ же, что̀ называется явленіемъ и вещью въ себѣ. Со времени возникновенія критической теоріи познанія, т.-е. со времени Канта и подъ его вліяніемъ, *въ гносеологіи принято называть то, что̀ принадлежитъ къ душевной жизни, но ею объектируется, т.-е. невольно сознается, какъ бы находящееся помимо нея, явленіемъ (Erscheinung), а то, что̀ существуетъ помимо душевной жизни, независимо отъ нея—вещью въ себѣ (Ding an sich)*.

И говоря этимъ, принятымъ въ гносеологіи, языкомъ, мы должны сказать, что *весь внѣшній міръ, взятый въ томъ видѣ, какъ онъ намъ данъ въ опытѣ, есть явленіе, а не вещь въ себѣ;* ибо все содержаніе нашихъ воспріятій насквозь субъективно. Вещи же въ себѣ скрыты отъ насъ подъ пеленой явленій; и мы не можемъ воспринимать вещей въ себѣ, такъ что *вещи въ себѣ составляютъ трансцендентный предметъ. Имманентны же одни только явленія, а не вещи въ себѣ*.

Обратимъ вниманіе, что въ гносеологіи слову „явленіе“ придается не тотъ смыслъ, какъ въ химіи, физикѣ, психологіи и другихъ наукахъ: въ послѣднихъ явленіемъ называется пе́ремѣна или возникновеніе чего-нибудь новаго, а въ гносеологіи все то, что̀ субъективно, но кажется объективнымъ. Поэтому въ гносеологіи явленіями называются и *вещи*, взятыя въ томъ видѣ, какъ онѣ даны намъ или воспринимаются нами въ опытѣ; въ другихъ же наукахъ вещей никогда не называютъ явленіями.

Если же вещи въ себѣ составляютъ трансцендентный предметъ, то *вопросъ о транссубъективномъ или объективномъ существованіи внѣшняго міра, именно: существуетъ ли онъ самъ по себѣ или же всего только кажется существующимъ, есть вопросъ метафизическій*. И въ метафизикѣ въ отвѣтъ на него выработались два взгляда, которые все еще безплодно борются между собой. Каждый изъ нихъ всячески старается себя доказать, а другой опровергнуть; но до сей поры ни одному изъ нихъ не удалось достичь этой цѣли, и каждый доселѣ остается настолько же неопровержимымъ, зато и настолько же недоказуемымъ, какъ другой. Одинъ изъ нихъ называется *реализмомъ*, а для отличія отъ наивнаго реализма его часто называютъ *философскимъ реализмомъ*, а иногда *идеалреализмомъ*. Онъ состоитъ въ слѣдующемъ ученіи: хотя въ внѣшнемъ опытѣ мы имѣемъ дѣло только съ явленіями, только съ объектированными продуктами душевной жизни, но эти явленія все-таки служатъ знаками вещей въ себѣ. Послѣднія возбуждаютъ наши воспріятія, которыя, правда, не вполнѣ похожи на возбуждающія ихъ вещи въ себѣ, но и не похожи на галлюцинаціи, а имѣютъ подъ собой реальную подкладку въ видѣ этихъ вещей въ себѣ. Другой же отвѣтъ называется *идеализмомъ*. Онъ учитъ, что внѣшній

міръ всего только кажется существующимъ, а на самомъ дѣлѣ его вовсе нѣтъ; что наши воспріятія вполнѣ похожи на галлюцинаціи, ибо подъ ними нѣтъ никакой реальной подкладки. Отъ галлюцинацій же они отличаются только тѣмъ, что галлюцинаціи индивидуальны, переживаются всего лишь нѣкоторыми лицами, и то не всегда, а по временамъ, воспріятіе же внѣшняго міра образуетъ *постоянную* и *общечеловѣческую* галлюцинацію.

Это ученіе оттого называется идеализмомъ, что оно объявляетъ весь внѣшній міръ всего только совокупностью нашихъ *представленій*, тѣмъ, что только *представляется* существующимъ. Если же эту мысль высказать на англійскомъ языкѣ (а идеализмъ раньше всего появился у англичанъ), то придется сказать, что идеализмъ считаетъ весь внѣшній міръ всего только совокупностью *идей;* по его словамъ, внѣшній міръ существуетъ только, какъ объектированныя *идеи*, порождаемыя душевною жизнью, а самъ по себѣ онъ не существуетъ. Всякій же реализмъ оттого и называется реализмомъ, что онъ допускаетъ объективную *реальность* внѣшняго міра. Философскимъ же называютъ реализмъ тогда, когда онъ уже успѣлъ понять субъективность всего состава воспріятій. Но тогда въ его взглядахъ окажется то сходство съ идеализмомъ, что они оба считаютъ весь составъ воспріятій субъективнымъ. Поэтому иногда и называютъ философскій реализмъ идеалреализмомъ. Но это дѣлаютъ чаще всего нѣмцы, а въ русской литературѣ этотъ терминъ почти не употребляется.

Философскій реализмъ, глядя по тому, какъ онъ отнесется къ вопросу о существованіи души, можетъ быть: матеріализмомъ, дуализмомъ, панпсихизмомъ и психофизическимъ монизмомъ. (См. объясненія этихъ терминовъ на стр. 1—3). Относительно же идеализма не слѣдуетъ думать, будто бы онъ можетъ быть только спиритуалистическимъ. Напротивъ, онъ можетъ отвергнуть существованіе души, т.-е. существованіе того духовнаго носителя душевныхъ явленій, который порождаетъ ихъ изъ себя. Вмѣсто этого онъ можетъ разсматривать душевную жизнь, какъ такой потокъ душевныхъ явленій, въ которомъ послѣднія *сами* рождаютъ другъ друга, и который не принадлежитъ *никакому* носителю: ни матеріальному, ни духовному, ни состоящему изъ того нераздѣльнаго единства духовнаго и матеріальнаго начала, о которомъ говоритъ психофизическій монизмъ. При этомъ, скажетъ идеализмъ, одна часть такого потока душевныхъ явленій объектируется въ видѣ внѣшняго міра, т.-е. невольно сознается какъ бы существующая сама по себѣ, помимо душевной жизни, а другая сознается, какъ субъективная, какъ образующая міръ внутреннихъ явленій. Правда, такой, т.-е. неспиритуалистическій идеализмъ съ перваго взгляда кажется невозможнымъ, потому что мы всегда сильнѣйшимъ образомъ склоняемся къ тому мнѣнію, что каждый потокъ какихъ бы то ни было явленій долженъ принадлежать какому-нибудь носителю или, какъ обыкновенно выражаются, какой-нибудь *субстанціи*. Этотъ носитель или субстанція можетъ быть либо духовной, либо матеріальной, это другой вопросъ, а во всякомъ случаѣ онъ, какъ намъ кажется, долженъ существовать. Но упорная наклонность предполагать сзади

всякаго потока явленій какого-либо носителя этихъ явленій свидѣтельствуетъ только о томъ, какъ устроенъ нашъ *умъ*, а вовсе не объ устройствѣ самого истиннаго бытія. И изъ этой наклонности позволительно заключать лишь о томъ, какимъ вѣроятнѣе всего метафизики станутъ *считать* истинное бытіе, а вовсе не о томъ, какъ оно устроено на самомъ дѣлѣ. Такимъ образомъ, ничто не препятствуетъ идеализму существовать въ двухъ основныхъ видоизмѣненіяхъ: спиритуалистическаго и неспиритуалистическаго идеализма, т.-е. либо допускающаго духовныя субстанціи, либо отрицающаго всякія субстанціи, не только матеріальныя, но и духовныя.

Если же идеализмъ предпочтетъ быть неспиритуалистическимъ, то передъ нимъ открывается троякій путь. Во-первыхъ, онъ можетъ учить, что существуетъ только единое надъиндивидуальное сознаніе, которое содержитъ въ себѣ всѣ индивидуальныя сознанія, какъ свои временно существующія состоянія, такъ что эти сознанія или индивидуальныя душевныя жизни образуютъ только какъ бы временныя струйки или временныя волны въ томъ единомъ надъиндивидуальномъ потокѣ душевной жизни, который сохраняется навсегда. Во-вторыхъ, неспиритуалистическій идеализмъ можетъ отвергнуть надъиндивидуальное сознаніе и допускать вмѣсто него множество самостоятельныхъ индивидуальныхъ сознаній или потоковъ душевной жизни. При этомъ для него нѣтъ никакихъ препятствій считать каждый изъ этихъ потоковъ, сохраняющимся навсегда; но въ тотъ моментъ, когда данный человѣкъ умираетъ (точнѣе, когда кажется, что умираетъ его тѣло), потокъ его душевной жизни выступаетъ изъ всякаго взаимодѣйствія съ другими подобными потоками. Наконецъ, въ третьихъ, неспиритуалистическій идеалистъ можетъ воспользоваться тѣмъ, что нѣтъ никакихъ объективныхъ признаковъ чужой одушевленности. Поэтому неспиритуалистическій идеалистъ можетъ считать существующимъ только свой собственный потокъ душевной жизни. Первое изъ этихъ трехъ видоизмѣненій неспиритуалистическаго идеализма не только вообще возможно, но и на дѣлѣ встрѣчается у Фихте (умершаго въ 1814 г. и называемаго Фихте-старшимъ для отличія отъ его сына, тоже философа, но менѣе извѣстнаго, чѣмъ отецъ), а также у кое-кого изъ разныхъ позднѣйшихъ философовъ. При этомъ у нѣкоторыхъ изъ нихъ трудно разобрать, держатся ли они перваго или второго видоизмѣненія идеализма. Что же касается третьяго видоизмѣненія неспиритуалистическаго идеализма, то хотя оно логически возможно не менѣе всякаго другого, но до сей поры его никто никогда еще не исповѣдывалъ, да и врядъ ли вослѣдствіи онъ встрѣтится когда-либо. Врядъ ли найдутся люди, столь мало доступные вѣрѣ, что перестанутъ вѣровать въ чужую одушевленность изъ-за того, что ея существованіе недоказуемо безъ помощи метафизики. По крайней мѣрѣ, А. И. Введенскій, который самъ же и обнаружилъ эту недоказуемость, и который вдобавокъ отрицаетъ возможность метафизическаго знанія, не переставъ послѣ этого вѣрить даже въ одушевленность своей собаченки и по-прежнему искренно жалѣетъ ее, когда ей отдавятъ лапу. А Н. О. Лосскій, который боится мысли, что среди его убѣжденій есть не одно лишь знаніе,

а также и вѣра, когда узналъ о недоказуемости чужой одушевленности, все-таки предпочелъ приписать себѣ сверхъестественный даръ прямого или непосредственнаго усмотрѣнія чужихъ душевныхъ явленій, чѣмъ отказаться отъ допущенія чужой одушевленности (сравн. выше стр. 82). Впрочемъ, если нѣмцы дошли до увѣренности, что на всей землѣ цѣнны только они, то, чего добраго, среди нихъ появится такой субъектъ, который дойдетъ до увѣренности, что на всей землѣ одушевленъ только онъ.

Всякій идеализмъ и всякій реализмъ составляютъ метафизическія воззрѣнія; ибо каждый изъ нихъ говоритъ о вещахъ въ себѣ, т.-е. о трансцендентномъ предметѣ. Тотъ же взглядъ, котораго держались мы при изложеніи ученія, что наши воспріятія насквозь субъективны, составляетъ не метафизическое, а чисто-психологическое ученіе; ибо хотя мы и говоримъ, что въ опытѣ даны намъ одни лишь явленія, и что весь внѣшній міръ, взятый въ томъ видѣ, какъ онъ данъ въ опытѣ, есть явленіе, однако, мы этимъ еще нисколько не предрѣшаемъ метафизическаго вопроса объ объективной реальности внѣшняго міра, но *оставляемъ его открытымъ въ обѣ стороны.* А тѣмъ болѣе остается у насъ открытымъ вопросъ о существованіи какихъ бы то ни было субстанцій. Словомъ: *психологія оставляетъ возможность исповѣдывать любое видоизмѣненіе идеализма и философскаго реализма.* Она противорѣчитъ только обывательскому реализму.

12. Законъ объектированія воспріятій и его объясненія.

Исповѣдуемъ ли мы идеализмъ или реализмъ, или же вмѣсто этого воздерживаемся отъ всякой метафизики, и въ томъ и въ другомъ случаѣ мы должны допустить существованіе закона объектированія воспріятій, который гласитъ: *хотя все содержаніе нашихъ воспріятій — и ощущаемыя качества внѣшнихъ вещей, и воспринимаемое пространство, и представленія, слитыя съ ощущеніями, — субъективно, тѣмъ не менѣе оно невольно сознается нами, какъ что-то существующее само по себѣ, помимо душевной жизни.*

Какъ же объяснить существованіе закона объектированія? Другими словами: *почему нѣкоторые продукты душевной жизни должны подвергаться объектированію*, а дѣло стоитъ не такъ, чтобы *всѣ безъ исключенія* продукты сознанія и сознавались, какъ находящіеся въ сознаніи же?

При этомъ объясненіи мы, разумѣется, не въ правѣ обойти молчаніемъ два факта, подмѣчаемыхъ въ дѣйствіи закона объектированія. Во-первыхъ, *онъ дѣйствуетъ безпрерывно, даже во снѣ;* ибо сновидѣнія состоятъ, несомнѣнно, изъ объектированныхъ представленій; значитъ, и во время сна нѣкоторые продукты душевной жизни, именно — представленія, подвергаются объектированію. Во-вторыхъ, *самый процессъ или механизмъ, какимъ совершается объектированіе, недоступенъ нашему сознанію и самонаблюденію:* подвергающіеся объектированію продукты душевной жизни мы сознаемъ

уже объектированными, а не такъ, чтобы мы наблюдали процессъ ихъ объектированія. Давая объясненіе закону объектированія, мы обязаны объяснить и эти два факта.

Наилучшее объясненіе закона объектированія встрѣчается въ гносеологической литературѣ, именно въ сочиненіяхъ Канта (ум. въ 1804 г.) и Фихте старшаго (ум. въ 1814 г. Почему онъ называется старшимъ, это уже было сказано на стр. 130). Въ психологической же литературѣ это объясненіе не упоминается еще и до сихъ поръ. Оно разсматриваетъ объектированіе нѣкоторыхъ продуктовъ нашего сознанія, какъ неизбѣжное слѣдствіе, съ одной стороны, того обстоятельства, что мы не воспринимаемъ вещей въ себѣ, а съ другой — двухъ законовъ сознанія. Предъ изложеніемъ этого объясненія запомнимъ, что *самосознаніемъ называется сознаніе своего Я.*

Одинъ изъ упомянутыхъ законовъ гласитъ, что *нѣтъ сознанія безъ самосознанія.* Это вотъ что̀ значитъ: сознавая что бы то ни было, мы въ то же самое время сознаемъ, хотя бы крайне смутнымъ образомъ, и самихъ себя, т.-е. свое Я. Сознаніе самого себя, своего Я, присутствуетъ при каждомъ душевномъ переживаніи, хотя бы въ самомъ смутномъ видѣ. Переживается ли мной какое-либо чувство, хотѣніе, мысль, воспріятіе, я, сознавая ихъ, въ то же время всегда сознаю, что все это переживается *мной*, а не кѣмъ-нибудь другимъ; слѣд., я при этомъ сознаю, хотя бы смутнымъ образомъ, и свое Я, какъ переживающее это чувство, хотѣніе и т. п. Конечно, мое вниманіе можетъ сосредоточиться не на сознающемъ Я, а на содержаніи переживаемаго мной чувства, воспріятія и т. п.; и тогда присутствіе самосознанія сдѣлается почти незамѣтнымъ, хотя оно все-таки будетъ присутствовать при сознаніи этого переживанія.

Другой законъ сознанія, который въ связи съ предшествующимъ объясняетъ объектированіе воспріятій, условимся называть закономъ Фихте, потому что онъ впервые въ вполнѣ ясной формѣ встрѣчается у Фихте, хотя его можно подмѣтить уже у Канта, но не въ столь ясной формѣ, какъ у Фихте. *Законъ Фихте гласитъ: нѣтъ самосознанія безъ сознанія чего-нибудь, какъ своего не-Я,* т.-е. мы сознаемъ свое Я лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы въ то же самое время сознавать что-нибудь, какъ свое не-Я. Сознаніе своего Я и состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ противопоставленіи своего Я чему-нибудь, какъ своему не-Я. Безъ этого противопоставленія невозможно сознавать свое Я.

Въ нѣмецкой философской литературѣ часто этотъ законъ формулируютъ такими словами: „*нѣтъ субъекта безъ объекта*“. Но если ужъ употреблять эти выраженія, гораздо точнѣе будетъ такъ выражаться: „нѣтъ сознанія субъекта безъ сознанія объекта“ (т.-е. сознанія своего Я безъ сознанія чего-нибудь, какъ своего не-Я); ибо законъ Фихте говоритъ отнюдь не о вещахъ въ себѣ, не о субъектѣ въ себѣ и не объ объектѣ въ себѣ, но только о *сознаваемомъ* субъектѣ и *сознаваемомъ* объектѣ.

Вотъ эти-то два закона сознанія, въ соединеніи съ тѣмъ фактомъ,

что нами воспринимаются одни лишь явленія, а не сами вещи въ себѣ (см. стр. 128), *и объясняютъ, т.-е. дѣлаютъ неизбѣжнымъ, и объектированіе воспріятій, и все то, что замѣчается вмѣстѣ съ нимъ.* Въ самомъ дѣлѣ:

Коль скоро мы сознаемъ свое Я, то мы должны, по закону Фихте, въ то же время сознавать и что-нибудь, какъ свое не-Я. Но изъ чего будетъ состоять это не-Я? *Если бы* мы могли воспринимать вещи въ себѣ, но онѣ-то и составили бы это не-Я. Но *если* вещи въ себѣ и существуютъ, то во всякомъ случаѣ *воспринимаемъ-то мы не ихъ самихъ, а только* субъективные продукты, порождаемые нашимъ сознаніемъ подъ вліяніемъ вещей въ себѣ на него. Слѣдовательно, *коль скоро мы сознаемъ свое Я, а самосознаніе подчинено закону Фихте, то нѣкоторые изъ продуктовъ сознанія должны невольно сознаваться нами, какъ наше не-Я, т.-е. объектироваться.* А отсюда, въ свою очередь, слѣдуетъ, что если мы сознаемъ *что бы то ни было,* то должно быть и объектированіе нѣкоторыхъ продуктовъ сознанія; ибо, сознавая что бы то ни было, приходится (по закону: нѣтъ сознанія безъ самосознанія) сознавать и свое Я; а это, какъ сейчасъ сказано, не возможно безъ объектированія.

Въ силу этого объясненія становится совершенно понятнымъ, что объектируется и часть тѣхъ представленій, которыя возникаютъ въ сознаніи во время сна. Такъ оно и должно быть; ибо коль скоро мы сознаемъ представленія, возникающія во время сна, то должны сознавать и свое Я; сознавая же его, мы должны сознавать и что-нибудь какъ свое не-Я, т.-е. объектировать какіе-либо продукты сознанія. Но что же иное можетъ подвергнуться объектированію во время сна, какъ не одни лишь представленія? Вѣдь это одно изъ отличій сна, что при немъ прекращаются воспріятія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, на основаніи нашего объясненія закона объектированія, становится вполнѣ понятнымъ и другой фактъ, о которомъ мы упомянули на стр. 131, какъ о постоянно замѣчаемомъ при объектированіи, именно: *мы не въ состояніи подмѣтить, какъ именно совершается объектированіе нашихъ воспріятій.* Причины этого факта въ томъ, что для самонаблюденія нужно сознавать свои душевныя явленія, а это значитъ—надо уже сознавать свое Я; ибо сознаніе чего бы то ни было сопровождается и самосознаніемъ, т.-е. хотя бы самымъ смутнымъ сознаніемъ своего Я. Если же для самонаблюденія необходимо, чтобы во мнѣ уже было сознаніе своего Я, то, по закону Фихте, *въ то же самое время* во мнѣ уже должно быть и сознаніе чего-нибудь, какъ своего не-Я, т.-е. объектированіе *въ это время* должно быть *уже совершившимся* фактомъ, такъ что я не могу подглядѣть самаго процесса возникновенія этого факта.

Что же касается другихъ теорій, созданныхъ для объясненія объектированія воспріятій, то онѣ не въ состояніи объяснить ни объектированія сновидѣній, ни того факта, что механизмъ объектированія остается недоступнымъ самонаблюденію. Изъ этихъ теорій разсмотримъ только одну, какъ пользующуюся наибольшимъ успѣхомъ. Это — шопенгауеро-гельмгольцевская

теорія, которую иногда называютъ двусмысленнымъ именемъ теоріи умозаключенія.

Эта теорія создана Шопенгауеромъ (ум. въ 1860 г.); среди же психофизіологовъ, а за ними и—психологовъ, ее распространилъ, главнымъ образомъ, извѣстный физикъ и физіологъ Гельмгольцъ, находившійся подъ сильнымъ вліяніемъ Шопенгауера. *Она объясняетъ объектированіе, какъ результатъ быстраго умозаключенія, основаннаго на прирожденномъ намъ знаніи закона причинности и возникающаго оттого, что внѣшнія ощущенія не зависятъ отъ нашей воли.* Возьмемъ, напр., ощущеніе бѣлизны, которое я получаю отъ лежащей предо мной бумаги. На дѣлѣ, это ощущеніе субъективно, а не объективно; однако, я чувствую, что оно не зависитъ отъ моей воли; напр., оно не можетъ быть уничтожено мной, пока я смотрю на бумагу. То же самое нужно сказать о шумѣ, который я слышу, о запахѣ, который я обоняю, о вкусѣ, который я ощущаю, объ осязательныхъ ощущеніяхъ и т. д. Вотъ эта независимость ощущеній заставляетъ меня заключить, на основаніи прирожденнаго мнѣ закона причинности, что причина этихъ переживаній лежитъ не во мнѣ, а внѣ меня. Такимъ образомъ, у меня возникаетъ мысль о существованіи внѣ меня какого-то *объекта*, служащаго причиной возникновенія во мнѣ независящихъ отъ меня ощущеній. Этой-то внѣшней *объективной* причинѣ я и приписываю тѣ самыя качества, которыя свойственны данному ощущенію — цвѣтъ, запахъ, вкусъ и проч., т.-е. объектирую свои ощущенія. Теперь понятно, почему изложенное объясненіе называютъ иногда теоріей умозаключенія.

Противъ этой теоріи можно выставить два новыхъ возраженія, помимо того, что *она не можетъ объяснить ни объектированія сновидѣній, ни того, что описываемый ею механизмъ объектированія, именно—то умозаключеніе, съ помощью котораго совершается объектированіе, никакъ не поддается самонаблюденію.* Новыя же возраженія таковы:

1. Эта теорія для объясненія объектированія ощущеній указываетъ, какъ на причину, порождающую его, на такое обстоятельство, которое не можетъ породить объектированія. Именно: причиной объектированія, по словамъ разсматриваемой теоріи, служитъ то обстоятельство, что, подмѣтивъ независимость отъ меня внѣшняго ощущенія, напр., бѣлизны, я умозаключаю, что помимо моего сознанія есть причина, рождающая во мнѣ это ощущеніе. Но если я сдѣлаю такое умозаключеніе, то должно получиться вовсе не объектированіе даннаго ощущенія, напр., бѣлизны, а лишь такой результатъ: *на-ряду* съ сознаніемъ бѣлизны, какъ состоянія *субъективнаго*, но не зависящаго отъ меня, должна еще быть *во мнѣ же* всего только *мысль* о лежащей внѣ меня причинѣ моего ощущенія бѣлизны. Вѣдь когда я подмѣчаю въ себѣ гнѣвъ, возникающій независимо отъ моего желанія, и умозаключаю, что его причина лежитъ внѣ меня, то гнѣвъ отъ этого не объектируется, а по-прежнему сознается, какъ субъективный; но на-ряду

съ нимъ сознается еще, какъ находящаяся во мнѣ же, *мысль* о причинѣ моего гнѣва, лежащей внѣ меня. Такъ точно дѣло должно стоять и съ ощущеніями.

2. Эта теорія правильно учитъ, что объектированныя ощущенія всегда окажутся соединенными съ мыслью о причинѣ, дѣйствующей на меня извнѣ; но изъ ея посылокъ вытекаетъ, что эта мысль должна бы играть совсѣмъ иную роль, чѣмъ какую она играетъ въ дѣйствительности. Дѣло въ дѣйствительности стоитъ слѣдующимъ образомъ, какъ въ этомъ легко убѣдиться простымъ самонаблюденіемъ: *само же* объектированное *ощущеніе*, напримѣръ, *сама же бѣлизна*, неизбѣжно мыслится нами, какъ *причина*, дѣйствующая на меня извнѣ и этимъ дѣйствіемъ дающая мнѣ знать объ ея качествѣ; а вовсе—не такъ, чтобы это ощущеніе (напр.,—бѣлизна) мыслилось мною, какъ *дѣйствіе* на меня какой-то причины, находящейся внѣ меня. Напротивъ: если я сознаю бѣлизну, какъ объектъ, противостоящій моему сознанію, то это не означаетъ ничего иного, какъ то, что я невольнымъ и неизбѣжнымъ образомъ мыслю ее самоё, какъ существующую помимо меня и служащую *причиной* моего знанія о ней. *По теоріи же умозаключенія пришлось бы мыслить что-то другое, какъ причину моего знанія о бѣлизнѣ, а не самоё бѣлизну.* Точно такъ же, если я сознаю пространство, какъ объективное, т.-е. какъ бы существующее помимо сознанія и извнѣ дающее мнѣ знать о себѣ, то это значитъ, что я неизбѣжнымъ образомъ мыслю это пространство, какъ существующую помимо меня *причину* моего знанія о немъ. По теоріи же умозаключенія мнѣ пришлось бы мыслить, какъ причину моего знанія о пространствѣ, не само пространство, но что-то другое.

Здѣсь кстати отмѣтить слѣдующее обстоятельство: изъ сказаннаго сейчасъ видно, что *въ составъ объектированнаго воспріятія, кромѣ ощущеній и ихъ пространственной формы, входятъ еще нѣкоторыя мысли, напр., мысль о причинѣ, подъ которыя оказываются подведенными неизбѣжнымъ образомъ воспріятія. Тѣ мысли, подъ которыя оказываются неизбѣжнымъ образомъ подведенными объектированныя воспріятія, Кантъ назвалъ категоріями*, каковое названіе и укрѣпилось за ними. Въ своей „Критикѣ чистаго разума“ онъ дѣлаетъ попытку, правда, очень неудачную, систематически выяснить категоріи всѣ до одной, при чемъ онъ насчитываетъ 12 категорій, въ числѣ которыхъ находится и понятіе причины. Но психологіи нѣтъ никакой надобности въ перечнѣ категорій, а достаточно мимоходомъ отмѣтить ихъ существованіе.

13. Душевныя способности и мыслительные акты. Разумъ, разсудокъ, умъ, мышленіе, память и воображеніе.

Познавательныя явленія, какъ уже сказано на стр. 89, раздѣляются на два главныхъ класса: на воспріятія и мысли. Слѣд., послѣ воспріятій мы должны перейти къ разсмотрѣнію мыслей. И здѣсь прежде всего мы

сталкиваемся съ такимъ вопросомъ: *слѣдуетъ ли изучать мысли посредствомъ изученія тѣхъ душевныхъ способностей и душевныхъ актовъ, которымъ обыкновенно приписываютъ возникновеніе и всѣ особенности мыслей, или же, напротивъ, надо изучать ихъ прямо, независимо отъ этихъ способностей и актовъ?*

Дѣло въ томъ, что разнообразіе душевныхъ явленій внушаетъ намъ въ обыденной жизни мысль о существованіи разнообразныхъ способностей души. Напр.: воспоминанія внушаютъ мысль о памяти, желанія о волѣ, и т. д. Понятно, что и въ наукѣ, когда впервые стали разсматривать душевныя явленія, тотчасъ же, подъ вліяніемъ взглядовъ обыденной жизни, стали говорить о разныхъ душевныхъ способностяхъ. Такъ, уже Платонъ (ум. въ 347 г. до Р. Х.) считаетъ душу состоящей изъ трехъ, какъ онъ выражается, *частей души*, подразумѣвая подъ каждой частью особую душевную способность. Послѣ же Платона въ научной литературѣ очень долго, почти до нашихъ дней, встрѣчается ученіе о существованіи нѣсколькихъ душевныхъ способностей, которыя называли *то способностями души, то частями души, то силами души.* Далѣе: въ обыденной жизни мы любимъ *объяснять* особенности, подмѣчаемыя нами въ душевныхъ явленіяхъ, особенностями тѣхъ душевныхъ способностей, которымъ мы приписываемъ эти явленія. Напр.: мы подмѣчаемъ, что одни люди легче запоминаютъ числа, другіе же собственныя имена, третьи цвѣта и т. д., и *объясняемъ* это тѣмъ, что у одного память на числа гораздо сильнѣе, чѣмъ на имена и т. п. Такимъ образомъ, *если слѣдовать практикѣ обыденной жизни, то психологія должна бы быть не ученіемъ о самихъ душевныхъ явленіяхъ, а скорѣе ученіемъ о способностяхъ или о силахъ души.* Она должна бы посредствомъ предварительнаго наблюденія душевныхъ явленій установить, сколько слѣдуетъ допускать въ душѣ силъ или способностей, какъ характеризовать каждую изъ нихъ, и объяснять всѣ душевныя явленія съ помощью этихъ характеристикъ.

Прежняя психологія такъ и поступала почти до середины XIX вѣка съ того самаго времени, какъ только возникла. Но, начиная съ середины XIX вѣка, она постепенно превратилась въ такое ученіе о *самихъ* душевныхъ *явленіяхъ*, которое если и упоминаетъ о *нѣкоторыхъ* душевныхъ способностяхъ, то отнюдь не для того, чтобы объяснять ими душевныя явленія, но только для того, чтобы было удобнѣе говорить объ этихъ явленіяхъ. Слѣдуетъ ли и намъ такъ поступать, или, напротивъ, надо предпочесть старый способъ разработки психологіи? Выяснимъ прежде всего: составляютъ ли душевныя способности имманентный предметъ, или же онѣ трансцендентны?

Всякая душевная способность составляетъ трансцендентный предметъ, ибо: во-первыхъ, мы вовсе не наблюдаемъ въ себѣ самихъ душевныхъ способностей, напр.—самой памяти, а всегда только *примышляемъ* къ даннымъ въ опытѣ явленіямъ, напр.—къ воспоминаніямъ, ту способность (память), которой мы приписываемъ эти явленія. Во-вторыхъ, подъ душевной способностью подразумѣвается *навсегда скрытая* причина тѣхъ явленій, ко-

торыя приписываются этой причинѣ въ качествѣ ея дѣйствій. Отсюда слѣдуетъ, что *душевныя способности не могутъ быть предметомъ психологіи: послѣдняя должна быть ученіемъ о самихъ душевныхъ явленіяхъ, но не о душевныхъ способностяхъ*. Иначе мы *подмѣнимъ* ее метафизикой.

Но, конечно, психологія въ правѣ пользоваться душевными способностями, какъ вспомогательнымъ средствомъ, какъ *рабочей гипотезой*, если это будетъ для нея полезно (сравн. стр. 9). Поэтому спросимъ себя: какую пользу могутъ принесть психологіи душевныя способности?

Объясненіе различныхъ душевныхъ явленій тѣми способностями, которымъ мы припишемъ эти явленія, не въ состояніи оказывать намъ такія услуги, какія встрѣчаются въ наукѣ со стороны многихъ другихъ рабочихъ гипотезъ, напр.,—со стороны атомизма. Именно: въ то время, какъ атомизмъ служитъ для химіи превосходнымъ мнемоническимъ и эвристическимъ средствомъ [1]), *объясненія душевныхъ явленій душевными способностями слишкомъ безсодержательны, чтобы оказывать подобныя услуги психологіи*. Они настолько же безсодержательны, какъ и объясненіе засыпанія, наблюдаемаго послѣ пріема морфія, *усыпительной силой* морфія. Вѣдь въ понятіи данной душевной способности, равно какъ и въ понятіи усыпительной силы, не мыслится *ничего другого* кромѣ того, что она *производитъ* приписываемыя ей явленія. Поэтому, когда мы объясняемъ существованіе данной группы душевныхъ явленій, напр.,—воспоминаній, душевной способностью, именно—памятью, то наши объясненія сводятся исключительно къ такому, но замаскированному утвержденію: „воспоминанія существуютъ потому, что есть причина, производящая воспоминанія“. Вѣдь подъ памятью же не мыслится ничего *другого* кромѣ причины, производящей воспоминанія. При такой безсодержательности объясненія явленій съ помощью душевныхъ способностей, оно, разумѣется, не можетъ служить ни мнемоническимъ, ни эвристическимъ средствомъ. Слѣд., пользоваться душевными способностями, какъ рабочей гипотезой, для *объясненія* душевныхъ явленій будетъ дѣломъ совершенно безполезнымъ.

Но душевными способностями можно пользоваться, какъ средствомъ, помогающимъ намъ короче высказываться о душевныхъ явленіяхъ. Къ этой услугѣ онѣ вполнѣ пригодны; ибо *названіе каждой душевной способности обозначаетъ собой не только трансцендентную причину, которой мы приписываемъ опредѣленную группу явленій, но еще и родовое понятіе, подъ которое мы подводимъ всѣ явленія этой группы*. Напр., слово память обозначаетъ не только трансцендентную причину воспоминаній, но и всю совокупность воспоминаній; слово воля обозначаетъ не только трансцендентную причину волевыхъ явленій, но и всю совокупность этихъ явленій. Родовыя же названія, разумѣется, значительно сокращаютъ наши выраженія.

Но употребляя языкъ душевныхъ способностей, т.-е. называя группы

---

[1]) Мнемоническій—содѣйствующій запоминанію; эвристическій—содѣйствующій открытіямъ.

душевныхъ явленій именами тѣхъ или другихъ душевныхъ способностей, очень легко сбиться на старинный способъ изученія психологіи. Чтобы предохранить себя отъ этой ошибки, слѣдуетъ такъ поступать: *надо разсматривать душевныя явленія и управляющіе ими законы сначала безъ употребленія понятія душевныхъ способностей; а когда будетъ оконченъ какой-нибудь вопросъ, показать, какъ полученные результаты могутъ быть высказаны и на языкѣ душевныхъ способностей.* Такимъ должно быть отношеніе психологіи къ различнымъ душевнымъ способностямъ, коль скоро мы не хотимъ подмѣнять ее метафизикой.

Но есть названія и такихъ душевныхъ способностей, что отъ ихъ употребленія можетъ быть только вредъ, такъ что отъ нихъ надо отказаться въ наукѣ. Прежде всего это—*разумъ* и *разсудокъ*. Въ самомъ дѣлѣ: не только въ обыденной жизни, но даже и въ философской литературѣ эти названія стали столь неопредѣленными и многосмысленными, что ихъ употребленіе взамѣнъ удобства выраженій дѣлаетъ нашу рѣчь крайне сбивчивой и неясной. Невольно каждый сбивается, слыша эти слова, употребленныя въ одномъ опредѣленномъ значеніи, на другія, болѣе привычныя ему значенія; или даже сбивается между разными смыслами этихъ названій и тотъ, кто произноситъ ихъ. Этого мало: терминъ „разумъ“, а вслѣдъ за нимъ и „разсудокъ“, какъ-то срослся съ оцѣночной, т.-е. съ непсихологической точкой зрѣнія. Съ словомъ „разумъ“ неразрывно срослась мысль, что своей *цѣнностью* онъ превосходитъ всѣ душевныя способности. Его даже выставляютъ часто, какъ способность къ такимъ взглядамъ, съ которыми обязательно соглашаться уже по одному тому, что они требуются имъ: ссылка на требованія разума нерѣдко служитъ *единственнымъ* доводомъ въ пользу защищаемыхъ мнѣній. А такъ какъ почти каждый человѣкъ понимаетъ разумъ по-своему, то каждый приписываетъ разуму такія требованія, какія ему лично кажутся наивѣрнѣйшими взглядами, и пріобрѣтаетъ такимъ образомъ возможность проповѣдывать, какъ бы святую истину, всевозможныя произвольныя мнѣнія. По всему этому *слово „разумъ“ пригодно только для того, чтобы прикрывать имъ въ нашихъ мысляхъ неопредѣленность, туманность и произвольность, а отнюдь не для того, чтобы служить полезнымъ вспомогательнымъ средствомъ для науки.*

Съ словомъ же „разумъ“ находится въ тѣсной связи и значеніе слова „разсудокъ“, такъ что оно тоже становится какимъ-то неопредѣленнымъ и сбивчивымъ, вслѣдствіе чего оно вмѣстѣ съ разумомъ тоже должно быть изгнано изъ науки. Дѣло въ томъ, что за счетъ обѣихъ этихъ способностей, взятыхъ *вмѣстѣ*, ставится въ нашихъ мысляхъ то, чего нельзя приписать ни памяти, ни воображенію, такъ что *между разумомъ и разсудкомъ дѣлится несводимый на проявленія памяти и воображенія остатокъ въ нашихъ мысляхъ.* Отсюда ясно, что если слово „разумъ“ имѣетъ колеблющееся, сбивчивое значеніе, то его колебанія и сбивчивость должны отражаться также и на значеніи слова „разсудокъ“. Поэтому приходится выбросить за бортъ ихъ оба вмѣстѣ. Нѣкоторые выдающіеся психологи, напр.—

Джемсъ, Гефдингъ и др., давно уже такъ и поступаютъ: въ ихъ психологіяхъ вовсе не упоминается ни о разумѣ, ни о разсудкѣ.

Но какъ же намъ сокращеннымъ образомъ высказываться о душевныхъ явленіяхъ, если мы откажемся отъ употребленія словъ разумъ и разсудокъ? Очень просто: въ наукѣ выработался и сдѣлался общепринятымъ терминъ—*мышленіе*. Подъ нимъ подразумѣвается *переживаніе сужденій, а такъ какъ переживаніе умозаключеній состоитъ изъ переживанія сужденій, то мышленіемъ называется также и переживаніе умозаключеній*. Правда, относительно состава тѣхъ и другихъ переживаній существуютъ разныя теоріи, и каждая изъ нихъ по-своему опредѣляетъ, въ чемъ состоитъ сущность мышленія. Но это не бѣда; ибо *первоначально терминъ „мышленіе“ обозначаетъ неоспоримый фактъ, признаваемый всѣми теоріями безъ исключенія, именно—переживаніе сужденій и умозаключеній*. Вотъ, съ помощью этого термина, взятаго въ его *первоначальномъ* значеніи, и можно сокращенно выражаться по поводу душевныхъ явленій, не внося въ нашу рѣчь никакой сбивчивости, неотдѣлимой отъ словъ разумъ и разсудокъ; ибо первоначальный смыслъ слова „мышленіе“ не зависитъ ни отъ какихъ теорій и поэтому не содержитъ въ себѣ никакой сбивчивости.

Разумѣется, запрещеніе употреблять слова „разумъ“ и „разсудокъ“ не касается тѣхъ случаевъ, когда у насъ рѣчь идетъ объ *исторіи* психологическихъ и вообще философскихъ воззрѣній. Въ исторіи науки мы должны *прежде всего* брать всѣ научныя ученія въ томъ видѣ, какъ они были установлены самими ихъ авторами. Поэтому, если авторъ даннаго ученія при его построеніи пользуется понятіями разума и разсудка, то и мы, говоря объ этомъ ученіи, въ правѣ, а иногда даже обязаны употреблять эти понятія. Но тогда мы должны строго соблюдать такое правило: употреблять слова „разумъ“ и „разсудокъ“ не въ томъ смыслѣ, какой нравится намъ самимъ, но обязательно въ томъ самомъ значеніи, какое приписываетъ имъ авторъ разсматриваемаго ученія. Въ противномъ случаѣ мы будемъ имѣть дѣло не съ историческимъ фактомъ, а съ нашей выдумкой. *Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо быть насторожѣ, какъ только мы встрѣчаемъ у кого-нибудь слова „разумъ“ и „разсудокъ“, именно: надо остерегаться, не путается ли данный авторъ изъ-за нихъ въ какихъ-либо логически непозволительныхъ хитросплетеніяхъ.*

Кромѣ словъ „разумъ“ и „разсудокъ“, надо вышвырнуть еще и слово „умъ“ въ его *узкихъ* смыслахъ. *Умомъ въ широкомъ смыслѣ этого слова обыкновенно называютъ способность къ мыслямъ вообще*, такъ что за счетъ ума въ широкомъ смыслѣ ставятся всѣ мысли безъ исключенія. Поэтому въ составъ ума въ широкомъ смыслѣ входятъ и память, и воображеніе, и т. д. Напр., называютъ особенностями *„ума“* даннаго человѣка, если подмѣчаютъ въ немъ богатое воображеніе, прочную память и т. п. И *въ этомъ широкомъ смыслѣ слово „умъ“ не содержитъ въ себѣ никакой сбивчивости, такъ что имъ можно пользоваться въ этомъ смыслѣ*. Но рядомъ съ этимъ его употребляютъ еще въ двухъ узкихъ значеніяхъ. То умомъ называютъ

совокупность разума и разсудка, то, напротивъ, что-то отличающееся отъ каждаго изъ нихъ. И *въ этихъ узкихъ значеніяхъ слово „умъ“, конечно, становится столь же сбивчивымъ, какъ слова „разумъ“ и „разсудокъ“, такъ что надо вовсе не употреблять его въ этихъ значеніяхъ.*

Теперь изо всѣхъ душевныхъ способностей, которымъ приписываются какія бы то ни было мысли, остались только *память* и *воображеніе*. Здѣсь тоже есть нѣкоторая сбивчивость въ значеніи этихъ словъ; но она не велика и легко устраняется, такъ что этими терминами можно смѣло пользоваться послѣ устраненія означенной сбивчивости. Состоитъ же она вотъ въ чемъ: *воображеніе понимаютъ то пошире, то поуже, а вслѣдствіе этого памяти приписываютъ то меньше, то больше функцій.* Многіе подъ воображеніемъ понимаютъ способность къ переживанію образовъ вообще— какъ воспроизведенныхъ, такъ и воображаемыхъ, безразлично. Такое пониманіе внушаетъ этимологія слова „воображеніе“. Вѣдь воображеніе этимологически значитъ воплощеніе въ *образы*. И при такомъ пониманіи этого слова приходится говорить, что воображеніе бываетъ двухъ видовъ: *воспроизводящее или репродуктивное*, если оно приводитъ къ переживанію *воспроизведенныхъ*, т.-е. воспоминаемыхъ образовъ, и *творческое или продуктивное*, если переживаются *новые (воображаемые)*, а не воспроизведенные образы. Вмѣстѣ съ тѣмъ при такомъ пониманіи слова „воображеніе“ уже нельзя считать *воспроизведеніе* (репродукцію) образовъ функціей памяти, а приходится ограничивать дѣятельность послѣдней только *усвоеніемъ* образовъ, ихъ *сохраненіемъ* и *узнаваніемъ* ихъ, какъ знакомыхъ, какъ старыхъ, когда они будутъ воспроизведены воображеніемъ. Многіе же, особенно въ Россіи, подъ воображеніемъ подразумѣваютъ способность къ однимъ только новымъ (воображаемымъ) образамъ или представленіямъ, а *воспроизведеніе* старыхъ образовъ приписываютъ памяти, какъ одну изъ ея функцій, дѣйствующую въ ней рядомъ съ усвоеніемъ, сохраненіемъ образовъ и ихъ узнаваніемъ во время воспроизведенія. Поэтому выраженія „воспроизведенныя“ и „воспоминаемыя“ представленія или образы сдѣлались синонимными.

Но это разногласіе легко устранить, *условившись*, какой смыслъ мы будемъ приписывать слову „воображеніе“. Это не то, что слово „разумъ“, у котораго чуть не двадцать переливающихся другъ въ друга смысловъ, да еще связанныхъ исподтишка съ оцѣночными точками зрѣнія. И вотъ, *условимся разъ навсегда подъ воображеніемъ понимать способность къ переживанію не всякихъ, но однихъ только воображаемыхъ представленій или образовъ.* А тогда *воспроизведеніе* старыхъ представленій или образовъ намъ придется считать функціей памяти, а не воображенія.

Однако, въ правѣ ли мы заключить между собой такое условіе? Не долженъ ли опытъ указать намъ, что̀ понимать подъ памятью, а что̀ подъ воображеніемъ? Въ одномъ только случаѣ у насъ не было бы такого права, именно: если бы память и воображеніе не примышлялись нами самими къ даннымъ опыта, а прямо наблюдались въ немъ. Но коль скоро сами эти двѣ способности не наблюдаются нами, а только примышляются къ наблю-

даемымъ явленіямъ, да еще пользуемся-то мы ими, какъ всего лишь вспомогательнымъ средствомъ при изученіи явленій, то мы имѣемъ несомнѣнное право на условное пониманіе функцій этихъ способностей.

Разсмотримъ теперь вопросъ о душевныхъ дѣйствіяхъ или, какъ ихъ иначе называютъ, о душевныхъ актахъ. Обыденная жизнь приписываетъ душѣ разнообразныя дѣйствія или акты, порождающіе тѣ или другія перемѣны въ душевной жизни. Всѣ эти акты могутъ быть раздѣлены на волевые, обусловливающіе волевыя явленія, напр., сосредоточеніе вниманія на чемъ-нибудь, перемѣны въ его направленіи и т. п., и на мыслительные, обусловливающіе перемѣны въ мысляхъ. О волевыхъ актахъ, въ томъ числѣ и объ актахъ вниманія, мы будемъ говорить впослѣдствіи, при разсмотрѣніи волевыхъ явленій. Здѣсь же мы ограничимся только вопросомъ о чисто мыслительныхъ актахъ, т.-е. объ актахъ, порождающихъ перемѣны въ мысляхъ, а не въ волевыхъ явленіяхъ. Къ нимъ относятся: *актъ различенія*, который для пущей важности иногда называютъ латинскимъ словомъ *„дифференцированіе“*, *актъ уподобленія*, при чемъ уподобленіе и различеніе оба вмѣстѣ называютъ *актомъ сравненія*, ибо сравненіе приводитъ всегда либо къ уподобленію, т.-е. къ нахожденію сходства, либо къ различенію—къ нахожденію различія. Далѣе: къ мыслительнымъ актамъ относятъ еще *актъ умозаключенія*, *актъ припоминанія* и т. п. А когда обо всѣхъ этихъ актахъ упоминаютъ въ наукѣ, то *всю ихъ совокупность называютъ мыслительной активностью* для отличія отъ *волевой активности*, состоящей изъ совокупности волевыхъ актовъ.

Какъ же должна психологія относиться къ только-что упомянутымъ мыслительнымъ актамъ? Прежде всего необходимо выяснить, даны ли они намъ въ внутреннемъ опытѣ, т.-е., сознаются ли эти акты *прямо*, *непосредственно*, въ родѣ того, какъ мы непосредственно сознаемъ боль, тепло, холодъ, звукъ, цвѣтъ и т. п., или же они всего только невольно *примышляются* нами къ тому, что̀ дано въ опытѣ. И оказывается, что *непосредственно мы сознаемъ мыслительные акты столь же мало, какъ и тотъ притягательный актъ или дѣйствіе, которое мы приписываемъ магниту относительно желѣза.* Подобно тому, какъ на дѣлѣ мы видимъ только приближеніе желѣза къ магниту, а дѣйствіе или актъ притяженія, производимый магнитомъ, мы всего лишь примышляемъ къ тому, что̀ видимъ, такъ точно дѣло стоитъ и съ дѣйствіями или актами души: мы непосредственно наблюдаемъ или сознаемъ только то, что̀ мы приписываемъ этимъ актамъ; а самые акты мы всего лишь *примышляемъ* къ непосредственно наблюдаемымъ нами душевнымъ явленіямъ.

Впрочемъ, прежде чѣмъ доказывать только-что сказанное, надо предупредить объ одномъ недоразумѣніи: *нерѣдко смѣшиваютъ душевные акты съ душевными процессами.* Нами, конечно, сознаются прямо, непосредственно различные душевные процессы, напр., процессъ сравненія, т.-е., различенія или уподобленія, процессъ умозаключенія, процессъ припоминанія и т. п. Смѣшивая же акты съ процессами, думаютъ, будто бы нами непосредственно

сознаются душевные акты. Но *подъ словомъ „процессъ“ подразумѣвается опредѣленный рядъ перемѣнъ въ душевныхъ переживаніяхъ, образующій собой какъ бы отдѣльное цѣлое; и гдѣ нѣтъ никакихъ перемѣнъ, тамъ неумѣстно употреблять слово „процессъ“. Подъ словомъ же „актъ“ подразумѣвается такая особая или специфическая составная часть процесса, которая порождаетъ окончательный результатъ даннаго процесса.* Напр., подъ актомъ припоминанія подразумѣвается вовсе не процессъ припоминанія, но такая особая составная часть процесса припоминанія, которая порождаетъ возникновеніе воспоминанія. И вотъ, мы утверждаемъ, что прямо, непосредственно такія особыя или специфическія составныя части процессовъ душевной жизни нами не сознаются, но что они всего только примышляются нами къ сознаваемымъ частямъ этихъ процессовъ. Въ самомъ дѣлѣ:

Когда я переживаю *процессъ* различенія ромба и квадрата, то я не сознаю въ себѣ никакого специфическаго *акта* различенія. Я сознаю только, что мной переживаются воспріятія или представленія этихъ двухъ фигуръ, что я сосредоточиваю на нихъ свое вниманіе, и что замѣчаю въ нихъ такую-то разницу, именно—у квадрата всѣ углы и обѣ діагонали равны между собой, а у ромба этого нѣтъ. И такъ какъ сознаніе сосредоточенія вниманія сопровождается нѣкоторыми моторными ощущеніями (происходящими, напримѣръ, отъ удержанія взора неподвижнымъ, полузакрыванія глазъ и т. п.), то и они примѣшиваются къ сознанію различенія. Больше я не сознаю ровно ничего въ этомъ процессѣ—никакого *специфическаго* акта *различенія*.

Какъ мало мое сознаніе показываетъ мнѣ такой специфическій актъ, особенно ясно кидается въ глаза при слѣдующемъ экспериментѣ: сравнимъ что̀ непосредственно сознается нами во время нахожденія разницы между квадратомъ и ромбомъ съ тѣмъ, что̀ непосредственно сознается во время ихъ уподобленія, т.-е. при усмотрѣніи сходства между ними. Оказывается, что *сознаваемый* нами составъ второго переживанія буквально тотъ же самый, какъ и въ первомъ случаѣ, кромѣ одного пункта: прежде мы обращали вниманіе на разницу между квадратомъ и ромбомъ, именно на разницу въ ихъ углахъ и діагоналяхъ, а теперь мы обращаемъ вниманіе на сходство этихъ фигуръ, именно — на равенство сторонъ между собой у квадрата и ромба. Все, кромѣ этого, остается тѣмъ же самымъ. Между тѣмъ, если бы у насъ было непосредственное сознаніе *специфическихъ* актовъ различенія и уподобленія, то, въ силу ихъ противоположности, они рѣзко кинулись бы намъ въ глаза при сравненіи двухъ указанныхъ переживаній. Не ясно ли отсюда, что *акты* различенія и уподобленія вовсе не сознаются нами непосредственно, а всего лишь невольно примышляются къ нашимъ переживаніямъ, т.-е. къ тому, что̀ дѣйствительно сознается нами, невольно присоединяется мысль о существованіи этихъ актовъ?

Если же оказывается выдумкой, будто бы мы *непосредственно* сознаемъ эти акты, то такой же выдумкой выходитъ и непосредственное сознаніе *акта* сравненія, потому что послѣднее можетъ состоять только либо въ различеніи,

либо въ уподобленіи: сравненіе есть лишь общее названіе и для различенія, и для уподобленія.

Сходнымъ образомъ стоитъ дѣло и съ *актомъ* умозаключенія. Подъ этимъ именемъ подразумѣваютъ такой актъ, который порождаетъ выводъ, вытекающій изъ посылокъ. Но такого акта мы не сознаемъ. Во время процесса умозаключенія нами сознаются только тѣ *сужденія*, изъ которыхъ состоитъ данное умозаключеніе („ртуть упруга, потому что она жидкость, а всѣ жидкости упруги"), *порядокъ*, въ которомъ они возникаютъ одно за другимъ, *чувство необходимости* соглашаться съ выводомъ, коль скоро мы согласны съ посылками, да *обращеніе вниманія* на содержаніе всѣхъ этихъ сужденій, а вовсе не специфическій актъ, рождающій выводъ.

Разсмотримъ еще *процессъ* припоминанія. Напр.: я припоминаю, подписался ли я подъ письмомъ, которое только-что кончилъ и запечаталъ въ конвертъ. Что же я сознаю при этомъ процессѣ? Сосредоточеніе вниманія на представленіи конца письма, чтобы онъ представился мнѣ, какъ можно живѣе, и либо возникновеніе представленія моей подписи, стоящей на своемъ мѣстѣ, либо, наоборотъ, возникновеніе представленія этого мѣста, какъ оставшагося пустымъ. Никакого специфическаго *акта* припоминанія мной при этомъ не сознается.

Въ своемъ отрицаніи, будто бы мы прямо или непосредственно сознаемъ свою мыслительную активность, мы опирались на показанія *личнаго* самонаблюденія; но ихъ еще надо провѣрить коллективнымъ самонаблюденіемъ. Среди современныхъ психологовъ Джемсъ (умершій въ 1910 г.) пользовался общепризнанной славой наитончайшаго самонаблюдателя. Какъ же онъ отзывается по поводу сознанія этой активности? Вотъ его слова: „Утверждаютъ, что мы, при помощи сознанія, обладаемъ непосредственнымъ внутреннимъ знакомствомъ съ нашей мыслительной активностью, какъ таковой, съ сознаваніемъ, какъ съ чѣмъ-то внутреннимъ и противоположнымъ тѣмъ объектамъ, которые оно знаетъ. Но я долженъ признаться, что, поскольку дѣло касается меня, я не могу довѣрять такому мнѣнію. Всякій разъ, когда я пытаюсь подмѣтить мою мыслительную *активность, какъ таковую,* то все, что при этомъ мной улавливается, образуетъ какой-либо тѣлесный фактъ—впечатлѣніе, идущее отъ моихъ бровей, головы, горла и носа. Мнѣ кажется, что сознаніе, какъ внутренняя активность, составляетъ скорѣе *постулатъ*, чѣмъ ощутительно данный фактъ" [1]). Впечатлѣнія, идущія отъ бровей, головы и т. д., о которыхъ говоритъ Джемсъ, это — мускульныя или моторныя ощущенія,

---

[1]) Everyone assumes that we have *direct introspective acquaintance with our thinking activity as such* with our consciousness as something inward and contrasted with the outer objects which it knows. Yet I must confess that for my part I cannot feel sure of this conclusion. Whenever I try to become sensible of my thinking *activity* as such, what I catch is some bodily fact, an impression coming from my brow, or head, or throat, or nose. It seems as if consciousness as an inner *activity* were rather a *postulate* than a sensibly given fact.

сопровождающія напряженіе вниманія. Относительно же слово „постулатъ“ ясно изъ связи рѣчи, что подъ нимъ подразумѣвается примышленіе.

На-ряду съ Джемсомъ приведемъ отзывъ еще одного ученаго, именно—датскаго психолога Гефдинга. Его свидѣтельство тѣмъ поучительнѣе, что въ своей психологіи онъ настойчиво проводитъ мысль, что сознаніе есть активное начало, и что поэтому, какъ онъ выражается, „въ каждомъ состояніи сознанія есть активная сторона“. Слѣд., исповѣдуемая имъ теорія должна бы побуждать его усматривать въ содержаніи того, что̀ непосредственно сознается нами, душевную активность, хотя бы тамъ не было ничего похожаго на нее. Но онъ, напротивъ, говоритъ, что „активности *вообще* нельзя воспринимать непосредственно“, а это значитъ, что она примышляется нами.

Но въ обыденной жизни мы сжились съ мыслью, что существуютъ различные душевные акты. Поэтому, когда начинаютъ понемногу убѣждаться, что самонаблюденіе ихъ почему-то не улавливаетъ, стараются доказать, именно—*вывестъ* съ помощью разныхъ разсужденій, что ихъ все-таки необходимо допускать. Для этой цѣли такъ разсуждаютъ: если мы сознаемъ разницу между двумя предметами, то долженъ быть и актъ различенія или „дифференцированія“, устанавливающій сознаніе этой разницы. Если мы сознаемъ сходство, то долженъ быть и актъ уподобленія, устанавливающій сознаніе этого сходства. Если мы приходимъ къ какому-нибудь выводу, то долженъ быть актъ, который породилъ бы этотъ выводъ. Если мы припомнимъ что-нибудь, то долженъ быть актъ припоминанія и т. д. и т. д.

Но *въ психологіи нѣтъ никакой надобности разсматривать всѣ эти доказательства по существу: они могутъ имѣть значеніе только для метафизики*, а не для психологіи. Вѣдь *если* даже безъ всякаго спора согласиться съ ними (точнѣе съ ихъ подразумѣваемыми предпосылками), то изъ каждаго изъ нихъ вытекаетъ только слѣдующее заключеніе: *гдѣ-то* вообще долженъ совершаться тотъ актъ, о которомъ идетъ рѣчь въ такомъ доказательствѣ. Напримѣръ: коль скоро мы сознаемъ разницу между двумя предметами, то, на основаніи разсматриваемаго доказательства, *гдѣ-то* долженъ въ это время совершаться актъ различенія или дифференцированія этихъ предметовъ. Но изъ этого доказательства еще вовсе не вытекаетъ, чтобы этотъ актъ совершался въ границахъ сознанія, т.-е. чтобы мы *непосредственно* сознавали его. Вѣдь о томъ, гдѣ онъ происходитъ, въ разсматриваемомъ доказательствѣ вовсе не упоминается. Если же этотъ актъ въ силу нашего доказательства долженъ быть допущенъ, а прямо не сознается нами, то, значитъ, онъ совершается гдѣ-то за предѣлами сознанія, т.-е. въ трансцендентномъ мірѣ. Но такой выводъ интересенъ не для психологіи, не для описанія того, что̀ *дано* въ опытѣ, а для метафизики.

Итакъ, никакіе мыслительные акты нами не сознаются, не даны въ опытѣ, а всего лишь невольно примышляются къ даннымъ опыта. Слѣдовательно, сами *мыслительные акты могутъ служить предметомъ изученія только въ метафизикѣ, но отнюдь не въ психологіи.*

Конечно, это не упразднило бы права психологіи пользоваться ими,

какъ вспомогательнымъ средствомъ, т.-е. какъ рабочей гипотезой. Но какую пользу они могутъ принесть ей? Въ смыслѣ мнемоническаго и эвристическаго средства ровно никакой; ибо *объясненіе* явленій, наблюдаемыхъ въ мысляхъ, тѣми актами, которымъ можно приписать эти явленія, еще безсодержательнѣе и пустословнѣе, чѣмъ объясненіе явленій душевными способностями. Развѣ не явное пустословіе *объяснять* возникновеніе представленія *актомъ* представленія, возникновеніе сужденія *актомъ* сужденія и т. д.? Очевидно, *мыслительные акты могли бы годиться для психологіи только, какъ названія появленія въ сознаніи того переживанія, которое приписывается данному акту.* Напримѣръ: актъ воспоминанія — появленіе воспоминанія; актъ сужденія — появленіе сужденія; актъ различенія — появленіе сознанія разницы и т. д. Но много ли мы выиграемъ чрезъ замѣну словъ „появленіе воспоминанія“ словами „актъ воспоминанія“ и т. п.? Ровно ничего: эти два выраженія одинаково удобны. Такимъ образомъ *въ психологіи нѣтъ ни малѣйшей надобности толковать о душевныхъ актахъ. Иное дѣло въ метафизикѣ: если ей удастся когда-нибудь доказать существованіе души, то, можетъ быть, они пригодятся для подробной характеристики природы души.*

Теперь подведемъ окончательный итогъ всему сказанному о душевныхъ способностяхъ и душевныхъ актахъ. Онъ таковъ: если мы не хотимъ ни подмѣнивать психологіи метафизикой, ни вдаваться въ пустословныя объясненія, *мы должны изучать мысли съ полной независимостью отъ тѣхъ душевныхъ способностей и душевныхъ актовъ, которымъ обыденная жизнь приписываетъ возникновеніе разныхъ мыслей и различныя перемѣны въ нихъ.* Мы должны разсматривать прямо разныя мысли, въ томъ самомъ видѣ, какъ онѣ даны въ внутреннемъ опытѣ. Душевными же способностями (точнѣе ихъ названіями, пот. что послѣднія служатъ также и названіями классовъ душевныхъ явленій) позволительно пользоваться, какъ всего только средствомъ, помогающимъ короче высказываться о мысляхъ. Да и здѣсь нужно твердо помнить о двухъ ограниченіяхъ: во-первыхъ, къ этому средству лучше прибѣгать только по окончаніи такого разсмотрѣнія мыслей, которое производится безъ всякой помощи со стороны душевныхъ способностей; во-вторыхъ, отъ себя никогда не слѣдуетъ произносить слова—разумъ, разсудокъ и умъ въ узкомъ значеніи. Душевными же актами нѣтъ никакой надобности пользоваться при психологическомъ разсмотрѣніи мыслей. Они умѣстны только въ метафизикѣ, когда она сумѣетъ опровергнуть матеріализмъ.

14. Главныя задачи психологіи мыслей. Классификація мыслей вообще и классификація представленій.

Легко подмѣтить, что мысли отличаются крайней неустойчивостью въ сознаніи: онѣ безпрестанно смѣняютъ другъ друга. Поэтому *психологія должна разсмотрѣть мысли двоякимъ образомъ: во-первыхъ, разсмотрѣть ихъ не-*

зависимо отъ ихъ смѣны; во-вторыхъ, разсмотрѣть ихъ смѣну въ сознаніи. Разсматривая же мысли независимо отъ ихъ смѣны, мы, въ свою очередь, должны имѣть въ виду двѣ главныхъ задачи: *выяснить составъ переживанія каждаго класса мыслей и выяснить индивидуальныя особенности въ составѣ ихъ переживанія.*

Для систематическаго выполненія всей этой программы, разумѣется, нужно прежде всего установить классификацію мыслей. Легко подмѣтить, что *всѣ мысли раздѣляются на два главныхъ класса: на представленія и сужденія.*

Представленія вѣрнѣе всего опредѣлить слѣдующимъ образомъ: это такія мысли, при помощи которыхъ мы какъ бы *ставимъ предъ собой*, т.-е. какъ бы воспринимаемъ или какъ бы разсматриваемъ такіе предметы, которыхъ въ дѣйствительности нѣтъ передъ нами. Представленія очень часто опредѣляютъ, какъ *копіи прежде бывшихъ воспріятій.* Но нельзя согласиться съ такимъ опредѣленіемъ: подъ него не подойдутъ воображаемыя представленія, каковы, напр., представленія русалки, водяного и т. п. Вѣдь они не служатъ копіями прежнихъ воспріятій, ибо никто не воспринималъ ни русалки, ни водяного. Только воспроизведенныя, иначе—воспоминаемыя, представленія дѣйствительно составляютъ что-то въ родѣ копій съ прежнихъ воспріятій.

Что же касается сужденій, то *каждое сужденіе есть утвержденіе или отрицаніе чего-нибудь о чемъ-нибудь.* Такъ, словами „киты не рыбы“, „люди смертны“, „столъ стоитъ“, „цвѣтъ есть качество ощущенія“ и т. п. высказаны сужденія.

Итакъ, мысли раздѣляются на два класса: на представленія и сужденія. Правда, въ логикѣ, а подъ ея вліяніемъ и вообще въ философской литературѣ упоминаютъ еще о *понятіяхъ*, при чемъ значеніе этого слова у разныхъ авторовъ опредѣляется не одинаково, именно — двоякимъ образомъ. Но какъ бы ни опредѣляли его, *упоминаніе логикой о понятіяхъ отнюдь не упраздняетъ раздѣленія мыслей на представленія и сужденія; ибо понятіями всегда называютъ частные случаи представленій.* Именно: нѣкоторые авторы употребляютъ слова „понятіе“, какъ синонимъ общаго представленія, такъ что понятія могутъ быть только общими. Другіе же условливаются подъ понятіями подразумѣвать какъ единичныя, такъ и общія представленія, но такія, въ которыхъ на первый планъ выступаютъ существенные признаки представляемыхъ предметовъ, такъ что при такомъ словоупотребленіи понятія бываютъ единичными и общими.

Если же мысли раздѣляются на представленія и сужденія, то психологіи приходится разсмотрѣть отдѣльно тѣ и другія. И, какъ сейчасъ было сказано, она должна разсмотрѣть тѣ и другія мысли двоякимъ образомъ: во-первыхъ, сами по себѣ, независимо отъ ихъ смѣны въ сознаніи, именно— надо прежде всего выяснить составъ переживанія представленій и сужденій съ его индивидуальными особенностями; во-вторыхъ, надо разсмотрѣть смѣну мыслей, т.-е. смѣну представленій и сужденій.

Мы начнемъ дѣло съ разсмотрѣнія состава представленій и индивидуальныхъ особенностей въ ихъ переживаніи. Чтобы произвесть это разсмотрѣніе систематически, безъ всякихъ пропусковъ, нужно прежде всего классифицировать представленія, при чемъ ихъ классификацію можно производить съ различныхъ точекъ зрѣнія. Именно:

1. По разницѣ *предметовъ*, которые мы какъ бы разсматриваемъ съ помощью представленій, послѣднія дѣлятся на *внутреннія*, *внѣшнія* и *представленія чужой душевной жизни*. Въ первыхъ разсматриваемыми предметами служатъ наши собственныя душевныя состоянія, во вторыхъ—внѣшніе для насъ предметы, т.-е. предметы внѣшняго міра. Примѣры внѣшнихъ представленій—представленія Исаакіевскаго собора, Николаевскаго моста, любого цвѣта, любого звука и т. п. Примѣры внутреннихъ представленій—представленіе своего гнѣва, своей радости, своихъ будущихъ чувствъ и т. п. Но есть еще одинъ классъ представленій, которыя нельзя подвести ни подъ внутреннія, ни подъ внѣшнія; это—*представленія чужой душевной жизни*, напр., представленіе душевнаго состоянія Анны Карениной передъ моментомъ ея самоубійства.

2. Но можно раздѣлить представленія еще иначе—*по тѣмъ признакамъ, со стороны которыхъ разсматриваются предметы съ помощью представленій*. Признакъ есть все то, чѣмъ предметы могутъ оказаться сходными или различными другъ съ другомъ. Признаки могутъ быть общими и единичными. *Единичные—это тѣ, которые присущи одному опредѣленному предмету и составляютъ отличія этого предмета отъ всѣхъ остальныхъ. Общіе—тѣ, которые оказываются одинаковыми у цѣлой группы предметовъ*. Сообразно же съ тѣмъ, со стороны какихъ именно признаковъ мысленно разсматриваются предметы съ помощью представленій, и самыя представленія могутъ быть раздѣлены на *общія* и *единичныя*. Общія представленія суть такія, посредствомъ которыхъ мы какъ бы разсматриваемъ предметы со стороны однихъ лишь общихъ признаковъ. Не слѣдуетъ говорить, будто бы общія представленія это такія, которыя *состоятъ изъ представленій однихъ лишь общихъ признаковъ*. Мы скоро увидимъ, что это психологически невѣрно. Единичныя же представленія—такія, при помощи которыхъ мы какъ бы разсматриваемъ предметъ со стороны всѣхъ присущихъ ему признаковъ, какъ общихъ, такъ и единичныхъ. Примѣры: представленіе Ивана, Петра есть единичное, а представленіе человѣка вообще—общее; представленіе бѣлаго цвѣта вотъ этой самой книги, которая у меня въ рукахъ—единичное; представленіе бѣлаго цвѣта вообще—общее; представленіе цвѣта вообще—еще болѣе общее. Каждое изъ представленій трехъ предыдущихъ группъ (внутреннихъ, внѣшнихъ и представленій чужой душевной жизни) можетъ быть какъ единичнымъ, такъ и общимъ.

3. Наконецъ, единичныя (и только единичныя) представленія могутъ еще различаться по *своему отношенію къ нашему прежнему опыту*. При помощи однихъ единичныхъ представленій мы какъ бы разсматриваемъ то, что когда-либо нами воспринималось. Примѣры: представленія знакомыхъ

лицъ, видѣнныхъ нами зданій, того или другого цвѣта. Другія же единичныя представленія таковы, что при ихъ помощи нами мысленно разсматриваются предметы, которыхъ мы никогда не воспринимали: представленія русалки, построекъ въ чужихъ, не видѣнныхъ нами земляхъ, жителей Марса, и т. п. Первыя представленія принято называть *воспроизведенными*, а также *воспоминаемыми;* вторыя же—*воображаемыми.*

Въ заключеніе нашей классификаціи представленій замѣтимъ еще, что всѣ единичныя представленія очень часто называются *образами.* Прежде слово „образъ" употребляли только въ примѣненіи къ внѣшнимъ единичнымъ представленіямъ, относящимся къ предметамъ *зрительныхъ* воспріятій. Такое словоупотребленіе въ *этимологическомъ* отношеніи было самымъ точнымъ. Но постепенно стали придавать слову „образъ" болѣе широкое значеніе: распространили его на всѣ единичныя представленія, стали говорить объ образахъ звука, запаха, боли и т. д. А нѣкоторые теперь говорятъ даже объ общихъ образахъ. Мы же *условимся называть образами только единичныя представленія.*

15. Составъ единичныхъ представленій и индивидуальныя особенности въ ихъ переживаніи. Общій законъ состава единичныхъ представленій и объясненіе имъ состава сновидѣній, непредставимости своей полной смерти и ранняго возникновенія вѣры въ безсмертіе.

Начнемъ разсмотрѣніе состава представленій и индивидуальныхъ особенностей въ ихъ переживаніи съ внѣшнихъ единичныхъ представленій, т.-е. съ внѣшнихъ образовъ. Мы будемъ говорить сразу какъ о воспроизведенныхъ, такъ и о воображаемыхъ внѣшнихъ единичныхъ представленіяхъ или образахъ, потому что они качественно однородны, т.-е. состоятъ изъ одинаковаго матеріала.

Слѣдующихъ самонаблюденій уже достаточно, чтобы убѣдиться въ качественной однородности, т.-е. въ одинаковости матеріала воспроизведенныхъ и воображаемыхъ представленій: иногда мы принимаемъ воображаемыя представленія за воспроизведенныя. Напримѣръ, разсказывая о какомъ-нибудь видѣнномъ нами событіи, мы иногда прибавляемъ *безъ всякаго желанія обмануть* то, чего не было, т.-е. принимаемъ воображаемое представленіе за воспроизведенное. *А иногда, наоборотъ, мы или принимаемъ воспоминаемыя представленія за такія, которыя впервые созданы нами, т.-е. за воображаемыя, или же колеблемся, не можемъ разобраться, имѣемъ ли мы дѣло съ воспоминаемымъ или воображаемымъ представленіемъ.* Если же воображаемыя и воспроизведенныя представленія могутъ быть ошибочно приняты одни за другія, значитъ, они по своему матеріалу вполнѣ однородны: иначе нельзя было бы принимать ихъ одни за другія.

Но чѣмъ же отличается составъ воображаемыхъ и воспроизведенныхъ

представленій? *Всѣ отличія состава воображаемыхъ представленій отъ воспроизведенныхъ могутъ быть названы чисто-формальными:* они сводятся только къ тому, какъ скомбинированъ въ воображаемыхъ представленіяхъ такой же матеріалъ, какой встрѣчается и въ воспроизведенныхъ. Никакого же новаго матеріала, котораго не оказалось бы въ воспроизведенныхъ представленіяхъ, нельзя найти въ воображаемыхъ. Въ самомъ дѣлѣ:

Какія бы воображаемыя представленія мы ни разсматривали, мы найдемъ въ ихъ составѣ только слѣдующія отличія: 1) *воображаемыя представленія могутъ оказаться лишь простымъ соединеніемъ нѣсколькихъ воспроизведенныхъ въ одинъ цѣлый образъ.* Такими обыкновенно бываютъ воображаемыя представленія при чтеніи описанія какого-нибудь не видѣннаго нами зданія, новой мѣстности и т. п. 2) *Воображаемое представленіе можетъ состоять изъ соединенія частей, взятыхъ изъ двухъ или большаго числа образовъ,* какъ, напримѣръ, образъ центавра состоитъ изъ соединенія части образа человѣка съ частью образа лошади. 3) *Воображаемое представленіе можетъ состоять изъ воспроизведеннаго, въ которомъ нѣкоторыя черты либо усилены, либо ослаблены.* Таковы, напримѣръ, каррикатуры, усиленно подчеркивающія либо чрезмѣрное развитіе, либо чрезмѣрное уменьшеніе какого-нибудь свойства въ изображаемомъ лицѣ. 4) Наконецъ, *въ нѣкоторыхъ воображаемыхъ представленіяхъ оказываются сразу всѣ эти отличія.*

Замѣтимъ кстати: на ученіи о сходствѣ и разницѣ въ составѣ воспроизведенныхъ и воображаемыхъ представленій легко пояснить, какъ можно изучать душевныя явленія сами по себѣ, независимо отъ душевныхъ способностей, даже безъ всякаго упоминанія объ этихъ способностяхъ, а потомъ все, что мы узнаемъ такимъ путемъ, перевесть на языкъ душевныхъ способностей, какъ объ этомъ говорилось на стр. 138. Тамъ мы еще не могли привесть пояснительный примѣръ, а теперь это вполнѣ возможно. Такъ, все, что мы сейчасъ узнали о матеріалѣ воспроизведенныхъ и воображаемыхъ представленій, должно быть высказано слѣдующимъ образомъ на языкѣ душевныхъ способностей, когда воспроизведеніе считаютъ функціей памяти (о чемъ см. стр. 140): *воображеніе создаетъ только новыя формы, но отнюдь не новый матеріалъ. Послѣдній всегда доставляется ему памятью; дѣятельность же воображенія ограничивается лишь соединеніемъ, раздѣленіемъ, усиленіемъ и ослабленіемъ матеріала, доставляемаго памятью.* Напр.: самое богатое воображеніе не въ силахъ создать ощущенія, доставляемыя несуществующимъ у насъ шестымъ внѣшнимъ чувствомъ. Правда, подъ вліяніемъ такого языка обязательно возникаетъ ошибочная мысль, будто бы воображеніе служитъ какъ бы вторичной способностью, которая можетъ дѣйствовать лишь позднѣе памяти. Это—невѣрное мнѣніе, потому что въ дѣйствительности *ни одинъ воспроизведенный образъ никогда не повторяется точь-въ-точь въ прежнемъ видѣ и никогда не бываетъ чуждъ тѣхъ перемѣнъ въ его составѣ, которыя приписываются дѣятельности воображенія,* такъ что, если мы называемъ этотъ образъ воспроизведеннымъ, то только

потому, что въ немъ эти перемѣны мало замѣтны. Но когда подмѣтятъ это обстоятельство, то въ языкъ душевныхъ способностей вносятъ такую поправку: *между памятью и воображеніемъ разница-де только количественная, а не качественная*, такъ что представленіе приписывается нами памяти или воображенію лишь въ зависимости отъ того, въ какой степени въ немъ замѣчается нѣчто новое по сравненію съ пережитыми воспріятіями.

Что же касается взгляда, приписывающаго воспроизведеніе не памяти, а воображенію, и раздѣляющаго послѣднее на воспроизводящее и творческое, то для перевода всего сказаннаго объ единичныхъ представленіяхъ на языкъ этого взгляда, надо повсюду замѣнить слово „память“ выраженіемъ „воспроизводящее воображеніе“. Кромѣ того, тогда приходится говорить о количественной разницѣ не между памятью и воображеніемъ, но о количественной разницѣ *между воспроизводящимъ и творческимъ воображеніемъ: между тѣмъ и другимъ разница-де не качественная, а количественная.*

Но вернемся къ разсмотрѣнію состава внѣшнихъ единичныхъ представленій. Пока мы узнали только, что въ воображаемыхъ и воспроизведенныхъ представленіяхъ одинаковый матеріалъ. Но въ чемъ состоитъ этотъ матеріалъ? Если же онъ одинаковъ, какъ въ воспроизведенныхъ, такъ и въ воображаемыхъ представленіяхъ, то для его выясненія мы имѣемъ право разсматривать либо тѣ, либо другія, глядя по тому, какъ это намъ удобнѣе.

Если же мы вникнемъ во всѣ данныя личнаго и коллективнаго самонаблюденія относительно состава внѣшнихъ единичныхъ представленій, то выйдетъ, что они *съ качественной стороны, т.-е. по своему матеріалу, ничѣмъ не отличаются отъ соотвѣтствующихъ имъ воспріятій. Разница здѣсь оказывается только: А) во-первыхъ, въ томъ, какъ относится сознаніе къ воспріятіямъ и представленіямъ, и В) во-вторыхъ, чисто-количественной.*

А) *Разница въ отношеніи нашего сознанія къ воспріятіямъ и представленіямъ состоитъ въ томъ, что воспріятія, хотя они и субъективны, всегда объектируются, т.-е. невольно сознаются, какъ бы находящіяся помимо меня, а представленія сознаются мной, какъ чисто-субъективные продукты моего сознанія, т.-е. какъ находящіяся во мнѣ же самомъ, а не помимо меня.*

В) *Количественная разница между воспріятіями и образами оказывается двоякой*, именно:

1. Она состоитъ въ томъ, что образы *неизмѣримо блѣднѣе, слабѣе* воспріятій. Напр., представленіе солнца, какъ бы ни было оно живо, все-таки никогда не ослѣпляетъ, представленіе пушечнаго выстрѣла не оглушаетъ и т. п.

2. Представленія отличаются отъ воспріятій еще своей *быстротечностью*. Такъ, сколько бы мы ни старались *надолго* удержать въ сознаніи появившееся въ немъ представленіе, намъ это не удастся: данное представленіе непремѣнно быстро исчезнетъ изъ сознанія, замѣняясь другими, хотя потомъ можетъ снова появиться, затѣмъ опять исчезнуть, опять по-

явиться и т. д., но безъ всякаго перерыва надолго не остается въ сознаніи. Воспріятіе же можетъ продолжаться сколько угодно времени безъ подобнаго исчезанія и новаго появленія.

Что воспріятія могутъ подолгу продолжаться безъ перерыва, въ этомъ никто не сомнѣвается. Но нѣкоторые не умѣютъ подмѣтить прямо, что нельзя надолго удержать въ сознаніи одно и то же представленіе, что оно при подобныхъ стараніяхъ то исчезаетъ изъ сознанія, то возвращается въ него. Для такихъ лицъ полезенъ слѣдующій экспериментъ: пусть они разсматриваютъ такой рисунокъ, который съ одинаковой легкостью возбуждаетъ два разныхъ представленія о томъ, что̀ на немъ изображено; и пусть попробуютъ надолго удержать въ сознаніи одно изъ этихъ представленій. Тогда легко подмѣтить, что оно, вопреки ихъ стараніямъ, будетъ то исчезать изъ сознанія, замѣняясь другимъ изъ упомянутыхъ представленій, то снова возвращаться въ сознаніе. Такъ, рисунокъ 27 съ одинаковой легкостью внушаетъ два представленія: 1—что на немъ изображена наружная сторона усѣченной пирамиды (такъ что эта пирамида возвышается надъ поверхностью бумаги) и 2—что здѣсь изображена внутренняя сторона усѣченной пирамиды (такъ что пирамида находится подъ поверхностью бумаги). И вотъ, если внимательно смотрѣть на этотъ рисунокъ, стараясь видѣть на немъ только одно изъ этихъ изображеній, то мы замѣтимъ, что, вопреки нашимъ стараніямъ, рисунокъ будетъ казаться, то изображеніемъ наружной, то изображеніемъ внутренней стороны усѣченной пирамиды; ибо съ ощущеніями, которыя мы получаемъ отъ него, будетъ сливаться то одно, то другое представленіе (срав. выше, стр. 94), хотя мы стараемся удержать въ сознаніи только одно изъ нихъ.

Но если всѣ данныя самонаблюденія (и личнаго, и коллективнаго) говорятъ за *качественную* однородность внѣшнихъ единичныхъ представленій (какъ воспроизведенныхъ, такъ и воображаемыхъ) съ воспріятіями, то это не значитъ, чтобы легко было удостовѣриться въ ней *однимъ личнымъ* самонаблюденіемъ. *Личное* самонаблюденіе (см. о немъ выше, стр. 18 и сл.) сталкивается здѣсь съ серьезными препятствіями, которыя иногда *могутъ* ввести насъ въ столь сильное заблужденіе относительно качественной стороны образовъ, что съ перваго взгляда намъ покажется, будто внѣшніе образы по своему матеріалу совсѣмъ не похожи на воспріятія. Только принявъ въ разсчетъ эти препятствія, можно даже и посредствомъ личнаго самонаблюденія убѣдиться въ качественной однородности внѣшнихъ образовъ съ воспріятіями. Поэтому надо хорошо изучить эти препятствія. Нѣкоторыя же изъ нихъ узнаются только посредствомъ коллективнаго самонаблюденія, такъ что весь-то нашъ вопросъ въ его цѣломъ требуетъ и личнаго, и коллективнаго самонаблюденія.

Препятствія, о которыхъ мы говоримъ, двухъ родовъ: они *зависятъ или 1) отъ замѣны однихъ представленій другими или 2) отъ индивидуальныхъ особенностей въ переживаніи внѣшнихъ образовъ.*

Первое изъ этихъ препятствій, легко подмѣчаемое даже и однимъ

личнымъ самонаблюденіемъ, заключается въ слѣдующемъ: сплошь и рядомъ, когда мы разсуждаемъ о какомъ-нибудь предметѣ, у насъ *образъ этого предмета замѣняется образомъ чего-нибудь связаннаго съ нимъ, при чемъ эта замѣна совсѣмъ не вліяетъ на дальнѣйшій ходъ нашихъ разсужденій, такъ что мы ея обыкновенно даже и не замѣчаемъ.* Впослѣдствіи, именно въ гл. 17, мы объяснимъ, почему возможно такое, повидимому, невѣроятное явленіе. Теперь же мы возьмемъ его просто, какъ фактъ, безъ всякаго объясненія причинъ этого факта, и ознакомимся нѣсколько подробнѣе съ этой замѣной. Она бываетъ двоякой, именно:

1. *Образъ даннаго предмета во время разсужденій объ этомъ предметѣ можетъ замѣниться образомъ другого предмета, такъ или иначе связаннаго съ первымъ, даже вовсе непохожаго на первый.* Напр. вмѣсто представленія самого *звона* мы можемъ представить себѣ вовсе не *звонъ*, но *колоколъ*, который производитъ этотъ звонъ, или, наоборотъ, взамѣнъ представленія самого колокола, мы можемъ представить себѣ только его звонъ, а разсуждать будемъ все-таки про колоколъ. Другой примѣръ: разсуждая объ историческомъ лицѣ, мы иногда не представляемъ себѣ его самого, а вмѣсто того у насъ возникаетъ образъ того учебника, изъ котораго мы впервые съ нимъ познакомились. Мы даже иногда какъ бы видимъ опредѣленную страницу этого учебника, ея шрифтъ, загрязненность и т. п.

2. *Очень часто эта замѣна сводится къ тому, что мы представляемъ себѣ всего лишь названіе того предмета, о которомъ говоримъ:* напримѣръ, когда мы разсуждаемъ о такомъ историческомъ лицѣ (Франциске Ассизскомъ, папѣ Григоріи VII и т. д.), котораго мы никогда не видали ни въ дѣйствительности, ни на картинѣ, и описаніемъ наружности и личности котораго никогда не интересовались, то очень часто въ нашемъ сознаніи, взамѣнъ образа этого лица, оказывается всего лишь образъ его названія.

Названія же, замѣтимъ кстати, *могутъ представляться нами тремя способами*, именно: 1) какъ будто мы читаемъ глазами напечатанное или написанное названіе, т.-е. *посредствомъ зрительныхъ образовъ;* 2) какъ будто мы слышимъ данное названіе, т.-е. *путемъ слуховыхъ или звуковыхъ образовъ;* 3) какъ будто бы мы внутри себя произносимъ это названіе, т.-е. *путемъ образовъ моторныхъ.* Впрочемъ, надо имѣть въ виду, что не всякій человѣкъ способенъ представлять названія всѣми этими способами; для многихъ доступенъ только одинъ изъ нихъ, для нѣкоторыхъ два и только для немногихъ всѣ три.

Въ виду всего сказаннаго понятно, что если мы захотимъ провѣрить путемъ одного лишь личнаго самонаблюденія ученіе относительно качественной однородности внѣшнихъ единичныхъ представленій съ воспріятіями, то легко можемъ вдаться въ такую ошибку: говоря для этой провѣрки о какомъ-нибудь предметѣ и разсматривая то, что̀ вырисовывается въ это время въ нашемъ сознаніи, мы будемъ думать, что уже представили себѣ *этотъ самый* предметъ; но можетъ случиться, что въ это время у насъ явится

образъ вовсе *не этого самаго предмета*, а какого-нибудь другого, стоящаго съ этимъ предметомъ въ чисто внѣшней связи. Напр., вмѣсто образа того или другого историческаго лица, у насъ возникнетъ образъ его названія. Мы же, не отдавая себѣ отчета въ такой замѣнѣ, подумаемъ, что наше представленіе даннаго историческаго лица по качеству не имѣетъ ничего общаго съ соотвѣтствующимъ ему воспріятіемъ. Поэтому, чтобы провѣрить наше ученіе, мы должны обращать вниманіе *только* на то, что̀ нами *дѣйствительно* представляется, а не на тотъ предметъ, о которомъ мы говорили или разсуждали, желая узнать, каково будетъ его представленіе.

Если же мы будемъ соблюдать эту предосторожность, то намъ нетрудно будетъ даже и путемъ одного лишь личнаго самонаблюденія убѣдиться въ качественной однородности внѣшнихъ образовъ и воспріятій. Въ самомъ дѣлѣ: *если* намъ представится одинъ лишь звукъ, хотя бы мы разсуждали въ это время о колоколѣ, то мы замѣтимъ, что мы какъ бы слышимъ этотъ звукъ внутри уха. Далѣе: *если* намъ представится *самъ* цвѣтъ, а не то, что̀ такъ или иначе связано съ нимъ, мы подмѣтимъ въ себѣ слабое ощущеніе этого цвѣта. Точно такъ же, *если* намъ представится названіе, мы замѣтимъ, что это все равно, какъ если бы мы испытали очень слабыя дѣйствительныя ощущенія или отъ видѣнія, или отъ слышанія, или отъ произнесенія этого названія.

Но, кромѣ описаннаго препятствія, есть, какъ мы сказали на стр. 151, еще другое, заключающееся въ *нѣкоторыхъ изъ индивидуальныхъ особенностей въ переживаніи внѣшнихъ единичныхъ представленій*. Эти особенности сводятся къ двумъ родамъ: къ А) количественнымъ и В) качественнымъ особенностямъ.

А) Путемъ *коллективнаго* самонаблюденія легко убѣдиться въ томъ, что переживаніе образовъ у разныхъ лицъ отличается прежде всего количественно: у однихъ лицъ образы отличаются живостью, яркостью, у другихъ блѣдностью. Чаще всего они бываютъ очень блѣдны, но можно найти много примѣровъ поразительной живости образовъ. Такъ, одинъ физіологъ, по имени Brierre de Boismont, *пріучилъ* себя необыкновенно живо представлять себѣ образъ одного знакомаго проповѣдника. Путемъ упражненія онъ достигъ слѣдующаго: „этотъ образъ, говоритъ онъ, видимъ для меня, какъ при закрытыхъ глазахъ, такъ и при открытыхъ; онъ имѣетъ величину и свойства оригинала; я различаю его черты, форму его волосъ, выраженіе его взгляда, его костюмъ и всѣ подробности его особы. Я вижу, какъ онъ улыбается, говоритъ, проповѣдуетъ, я замѣчаю даже его обыкновенные жесты... *Образъ воздушный и иного свойства, чѣмъ подлинное воспріятіе, но точно очерченный и окрашенный*“. Далѣе, извѣстны шахматные игроки à l'aveugle, которые, не глядя на доску, играютъ заразъ три, четыре и даже десять партій въ одно время. Они, по ихъ словамъ, представляютъ себѣ шахматныя доски съ фигурами *такъ живо, какъ бы они видѣли ихъ передъ собой*. Примѣромъ изумительной живости звуковыхъ образовъ можетъ служить Бетховенъ. Подъ конецъ своей жизни онъ совершенно оглохъ, но продолжалъ

творить великія музыкальныя произведенія, потому что онъ *внутренне слышалъ* всѣ воображаемые имъ (во время творчества) звуки, т.-е. необычайно *живо представлялъ ихъ*.

В) Что же касается качественныхъ индивидуальныхъ особенностей въ переживаніи образовъ, то до 60-хъ годовъ XIX в. онѣ были совершенно неизвѣстны: до этого времени переживаніе образовъ считали у всѣхъ людей качественно одинаковымъ и допускали въ немъ только количественныя различія. Открытіемъ въ немъ качественныхъ видоизмѣненій у разныхъ лицъ психологія обязана врачамъ-психіатрамъ. Именно: Гальтонъ, американскій психіатръ, впервые подмѣтилъ и путемъ систематическихъ разспросовъ выяснилъ, что людей по характеру ихъ внѣшнихъ единичныхъ представленій можно раздѣлить на нѣсколько группъ, которыя стали называть *типами переживанія внѣшнихъ образовъ*. Такихъ типовъ насчитываютъ *обыкновенно* четыре: *зрительный, слуховой, моторный и уравновѣшенный или индифферентный*. Опишемъ каждый изъ нихъ.

1. Типъ *зрительный*. Здѣсь если не исключительно, то главнымъ образомъ господствуютъ зрительные образы; остальные же или совсѣмъ отсутствуютъ, или попадаются въ высшей степени рѣдко. Господствующіе же зрительные образы могутъ достигать различной степени живости. Сообразно съ господствомъ въ данномъ типѣ зрительныхъ образовъ, понятно, что и слова у лицъ этого типа будутъ представляться тоже зрительнымъ путемъ. А такъ какъ мыслить безъ словъ если и возможно, то неудобно,—во всякомъ случаѣ нельзя безъ нихъ мыслить отчетливо, — то ясно, что, думая о чемъ-либо трудномъ, представители зрительнаго типа какъ бы считываютъ свои мысли съ представляемыхъ ими написанныхъ или напечатанныхъ страницъ. Примѣромъ можетъ служить одинъ искусный парламентскій ораторъ, который, по его собственному свидѣтельству, какъ бы считывалъ произносимыя имъ рѣчи съ тѣхъ представляемыхъ имъ черновыхъ замѣтокъ, которыя онъ набрасывалъ дома, обдумывая предстоящую рѣчь.

2. Типъ *слуховой*. Сюда принадлежатъ тѣ люди, у которыхъ *сильно преобладаютъ* слуховыя представленія. Напр., таковы многіе музыканты и вообще люди, которымъ много приходится имѣть дѣла съ звуковыми воспріятіями. Одинъ французскій писатель драматургъ писалъ свои пьесы такимъ образомъ: онъ представлялъ себя сидящимъ въ театрѣ и какъ бы слушалъ то, что происходитъ на сценѣ. Коль скоро въ этомъ типѣ господствуютъ звуковые образы, то въ тѣхъ случаяхъ, когда мысль не можетъ обойтись безъ помощи представленія словъ, лица этого типа должны мыслить, какъ бы слушая чьи-то рѣчи. Свои же собственныя рѣчи они произносятъ, повторяя то, что они сперва какъ бы слышатъ внутри себя.

3. Типъ *моторный*—характеризуется тѣмъ, что лица, сюда принадлежащія, переживаютъ образы внѣшнихъ предметовъ въ видѣ моторныхъ ощущеній, сопровождающихъ тѣ движенія, которыя имъ нужно сдѣлать для пріобрѣтенія знакомства съ предметомъ, напр.—для его осмотра сверху до низу, для ощупыванія руками и т. п. Очень можетъ быть, именно вслѣд-

ствіе принадлежности къ этому типу многіе не вѣрятъ своимъ глазамъ, а хотятъ все потрогать руками. Одинъ американскій путешественникъ разсказываетъ объ индѣйцѣ, который по воздуху ножемъ вычерчивалъ контуры показанной ему картины, говоря, что ему хочется хорошенько запомнить ее. Очевидно, этотъ индѣецъ принадлежалъ къ моторному типу. Сообразно съ общимъ характеромъ своихъ представленій, лица моторнаго типа должны представлять себѣ слова, какъ бы произнося ихъ внутри себя, и понятно, что лица этого типа отличаются большой наклонностью думать вслухъ.

4. Но, помимо трехъ указанныхъ типовъ, которые всѣ *односторонніе*, есть еще одинъ типъ, который можетъ быть названъ *индифферентнымъ* или *уравновѣшеннымъ*. Здѣсь всѣ роды образовъ (и зрительные, и слуховые, и моторные) почти одинаково развиты, такъ что, думая о чемъ-нибудь трудномъ, лица этого типа представляютъ себѣ слова *любымъ* способомъ.

Путемъ же разспросовъ довольно значительнаго числа лицъ относительно переживанія внѣшнихъ образовъ можно удостовѣриться, что, кромѣ этихъ четырехъ типовъ, встрѣчаются и *двусторонніе типы*, какъ, напр.: зрительно-слуховой, моторно-слуховой и т. п., т.-е. типы, у которыхъ господствуютъ два рода образовъ.

Фактъ существованія лицъ, отличающихся, если не исключительнымъ господствомъ, то преобладаніемъ того или другого рода образовъ, т.-е. принадлежащихъ къ одностороннимъ типамъ переживанія внѣшнихъ образовъ, очень важенъ и въ теоретическомъ отношеніи, и въ практическомъ, именно:

Въ теоретическомъ отношеніи: этотъ фактъ указываетъ на одну изъ причинъ заблужденій, возникающихъ при поверхностномъ личномъ самонаблюденіи надъ составомъ внѣшнихъ образовъ. Напр., лицу, принадлежащему къ зрительному типу, будетъ казаться, что слуховое представленіе качественно разнородно съ воспріятіями звука, такъ какъ это лицо, будучи не въ состояніи вызвать въ своемъ сознаніи представленіе звука, будетъ, говоря о звукѣ, представлять себѣ зрительнымъ образомъ какой-нибудь связанный съ этимъ звукомъ предметъ. Лицо, принадлежащее къ моторному типу, имѣя способность къ представленіямъ одной лишь формы предметовъ, но не ихъ краски, разсуждая о зрительныхъ образахъ, будетъ говорить, что въ нихъ нѣтъ цвѣтовъ и т. д. Имѣя въ виду такого рода факты, *мы можемъ полагаться на данныя чьего-либо самонаблюденія относительно состава образовъ не раньше, чѣмъ узнаемъ, къ какому типу принадлежитъ производившій самонаблюденіе.*

Выясненный нами фактъ имѣетъ еще важное *практическое* значеніе, именно—въ педагогикѣ. Ясное дѣло, что если кто принадлежитъ къ слуховому типу, то сколько разъ ни заставятъ его *написать* табличку, которую надо выучить наизусть, толку для запоминанія будетъ мало, тогда какъ если дать ему нѣсколько разъ *прослушать* эту таблицу, то она будетъ имъ легко заучена. Среди учащихъ часто проявляется невѣрная точка зрѣнія на учащихся, будто бы имъ всѣмъ надо употреблять одинаковые пріемы, чтобы запомнить что-нибудь, вслѣдствіе чего одни учителя заставляютъ *всѣхъ*

учениковъ то, что̀ нужно заучить, повторять вслухъ нѣсколько разъ. Другіе же *всѣхъ* заставляютъ переписывать нѣсколько разъ то же самое, а учить вслухъ запрещаютъ, считая это дурной привычкой, и тѣмъ много тормозятъ дѣло. *Знаніе факта существованія качественныхъ индивидуальныхъ особенностей въ переживаніи представленій поможетъ избѣгать педагогическихъ ошибокъ подобнаго рода.*

Типы переживанія внѣшнихъ образовъ на языкѣ душевныхъ способностей обыкновенно называются *типами воображенія*. Но такъ какъ эти типы подмѣчаются въ переживаніи и воображаемыхъ, и воспроизведенныхъ внѣшнихъ представленій, то, называя ихъ типами *воображенія*, невольно становятся на ту точку зрѣнія, при которой воспроизведеніе представленій причисляется къ функціямъ воображенія. Если же кто хочетъ считать воспроизведеніе функціей памяти, долженъ называть эти типы *типами памяти и воображенія*. (Сравн. стр. 140). При этомъ надо будетъ добавить, что *типы памяти могутъ еще мѣняться въ зависимости и отъ предметовъ, воспроизведеніе которыхъ въ видѣ образовъ преобладаетъ въ памяти даннаго лица*. Такъ, бываетъ память, особенно сильная на слова, а среди нихъ, на собственныя имена, на числа и т. д.

Перейдемъ теперь къ внутреннимъ единичнымъ представленіямъ. Можно подмѣтить, что *всякое внутреннее единичное представленіе образуетъ собой не что иное, какъ слабое переживаніе соотвѣтствующаго душевнаго состоянія*. Напр., представить себѣ свой вчерашній гнѣвъ, это—то же, что почувствовать въ себѣ его слабое быстротечное повтореніе.

Правда, намъ могутъ возразить на это, что у насъ на самомъ дѣлѣ вовсе нѣтъ самого представленія того или другого душевнаго состоянія, напр., радости, гнѣва и т. д., а взамѣнъ этого мы представляемъ себѣ только тѣ внѣшнія событія, которыя вызвали или могли бы вызвать въ насъ данное душевное состояніе, и вслѣдствіе этого *дѣйствительно переживаемъ* это состояніе, а не только представляемъ его себѣ. Такимъ образомъ, то, что̀ мы сейчасъ *назвали* внутренними представленіями, *на самомъ дѣлѣ есть переживаніе тѣхъ или другихъ душевныхъ состояній, но переживаніе не по поводу воспріятій, а по поводу однихъ лишь представленій извѣстныхъ внѣшнихъ событій, которое поэтому всегда бываетъ слабымъ* сравнительно съ тѣмъ состояніемъ, какое возникаетъ по поводу воспріятій. Напр., то, что̀ мы *называемъ* представленіемъ гнѣва, образуетъ переживаніе гнѣва, но переживаніе слабое, пот. что оно возникаетъ вслѣдствіе всего лишь представленія, а не воспріятія гнѣвающаго предмета. Представленіе же гнѣва, строго говоря, вовсе не существуетъ.

Это возраженіе *по существу* вѣрно, но оно сводится исключительно къ спору о словахъ, о названіяхъ. Вѣдь если намъ дѣлаютъ это возраженіе, то уже этимъ самымъ соглашаются, что когда у насъ возникаетъ *такъ называемое внутреннее единичное представленіе*, то въ дѣйствительности нами переживается, но въ слабой степени, то самое душевное состояніе, которое *называется* въ это время *представляемымъ* состояніемъ,

т.-е. уже соглашаются, что *такъ называемое представленіе* этого состоянія и оно само качественно однородны между собой, что вся разница между ними только въ силѣ, а не въ матеріалѣ. Слѣд., выставлять разсматриваемое возраженіе можно только въ такой формѣ: зачѣмъ *называть* означенныя слабыя переживанія душевныхъ состояній представленіями? На это отвѣтъ будетъ очень простой: 1) Мы заботимся не столько о правильности названія, сколько о правильномъ взглядѣ на самую природу *такъ называемыхъ* внутреннихъ представленій. 2) Даже въ самомъ словоупотребленіи мы правы, ибо тѣ явленія, которыя обыкновенно *называютъ* внутренними представленіями, подчиняются тѣмъ же законамъ, какимъ подчинены всѣ представленія, что будетъ доказано при изученіи ассоціаціи представленій.

Но подмѣтить качественную однородность внутреннихъ представленій съ представляемыми душевными состояніями для многихъ даже еще труднѣе, чѣмъ подмѣтить однородность внѣшнихъ единичныхъ представленій съ воспріятіями. Трудность эта вызывается тѣми же причинами, какъ и при изученіи внѣшнихъ образовъ, т.-е. 1) замѣной внутренняго образа того душевнаго состоянія, о которомъ мы говоримъ, образомъ какого-нибудь другого предмета, напр., образомъ его названія или образомъ той обстановки, при которой переживалось это состояніе и т. п., и 2) индивидуальными особенностями въ переживаніи внутреннихъ образовъ у различныхъ лицъ. Поэтому при изученіи природы внутреннихъ образовъ надо соблюдать такія же предосторожности, какъ и при изученіи внѣшнихъ образовъ.

Индивидуальныя особенности внутреннихъ единичныхъ представленій долгое время оставались незамѣченными, но изслѣдованіе Рибо, озаглавленное: „Изслѣдованіе аффективной памяти“ [1]), съ полной очевидностью доказало ихъ существованіе. Путемъ анкентаго метода (см. о немъ выше, стр. 20), Рибо выяснилъ, что всѣхъ людей можно раздѣлить по характеру переживанія ими внутреннихъ единичныхъ представленій на два главныхъ класса. Каждый изъ нихъ онъ назвалъ *типомъ переживанія внутреннихъ образовъ*, именно: одинъ *аффективнымъ*, другой *интеллектуальнымъ*. Вмѣстѣ съ тѣмъ Рибо отмѣтилъ, что встрѣчается типъ *переходный* отъ одного изъ этихъ главныхъ типовъ къ другому. Впрочемъ, скажемъ обо всемъ этомъ нѣсколько подробнѣе.

Одинъ изъ главныхъ типовъ носитъ у Рибо названіе *аффективнаго*. Люди, принадлежащіе къ нему, легко и болѣе или менѣе живо представляютъ себѣ свои чувства, такъ что по произволу могутъ вызвать въ себѣ представленіе любого чувства (конечно, не иначе, какъ въ связи съ представленіемъ тѣхъ внѣшнихъ условій, которыя пробуждаютъ это чувство). Живость же ихъ представленій иногда доходитъ до того, что они при этомъ начинаютъ испытывать точь-въ-точь тѣ же самыя душевныя состоянія, какъ воспоминаемыя ими, хотя бы послѣ ихъ дѣйствительнаго переживанія прошло уже

---

[1]) Оно прежде было имъ напечатано въ Revue philosophique въ видѣ отдѣльной статьи. Потомъ эта статья составила XI-ю главу 1-ой части его „Психологіи чувствъ“.

много времени до воспоминанія о нихъ. Представленіе болевыхъ ощущеній у такихъ лицъ также отличается живостью: такъ, представляя себѣ головную или зубную боль, они снова испытываютъ ее со всѣми ея особенностями—подергиваніями, покалываніями и т. д.

Другому главному типу Рибо далъ названіе *интеллектуальнаго*. Лица этого типа не могутъ представлять себѣ ни одного внутренняго состоянія, а, взамѣнъ того, представляютъ себѣ *только тѣ внѣшнія условія, которыя вызываютъ это состояніе*. Поэтому, представляя себѣ гнѣвъ, радость и т. п., они представляютъ только тѣ внѣшнія обстоятельства, при которыхъ возникало у нихъ данное чувство, при чемъ это представленіе внѣшнихъ условій иногда сопровождается всего лишь слабымъ *оттѣнкомъ* даннаго чувства, иногда же не сопровождается даже и такимъ оттѣнкомъ. И Рибо думаетъ, что такъ называемые черствые люди суть не что иное, какъ лица чисто-интеллектуальнаго типа: отъ этого-то они и неспособны „*сочувствовать*“ другимъ вслѣдствіе одного лишь *представленія* чувствъ другихъ людей.

Конечно, между указанными двумя крайними типами есть типъ переходный. Равнымъ образомъ выяснено, что и самъ аффективный типъ содержитъ въ себѣ нѣкоторыя видоизмѣненія, а именно: одни лица съ большей легкостью представляютъ себѣ аффективнымъ путемъ одинъ родъ душевныхъ состояній, а другія лица—другой родъ. Рибо высказываетъ по этому поводу остроумную догадку, что отъ характера чувствъ, представляемыхъ легче другихъ, зависитъ раздѣленіе людей на пессимистовъ и оптимистовъ.

Меньше всего въ психологіи сдѣлано для изученія состава *представленій чужой душевной жизни*. Что у насъ есть переживанія, *называемыя* этимъ именемъ, никто не станетъ спорить, между тѣмъ психологія совершенно игнорируетъ ихъ составъ. Но если вопросъ о представленіяхъ чужой душевной жизни не замѣченъ психологами, то на него насъ наталкиваютъ гносеологическія изслѣдованія. Именно: вопросъ о составѣ представленій чужой душевной жизни имѣетъ нѣкоторое значеніе при рѣшеніи вопроса объ объективныхъ признакахъ одушевленности; поэтому онъ былъ разсмотрѣнъ въ книгѣ А. И. Введенскаго „О предѣлахъ и признакахъ одушевленія“. Это, кажется, единственное сочиненіе, въ которомъ обращено вниманіе на составъ представленій чужой душевной жизни. Но это сочиненіе гносеологическое, а не психологическое.

Представлять себѣ саму чужую душевную жизнь для насъ такъ же недоступно, какъ и прямо наблюдать ее. А такъ называемое представленіе чужой душевной жизни переживается нами слѣдующимъ путемъ: представляя себѣ чужую душевную жизнь, мы на самомъ дѣлѣ представляемъ себѣ не ее, а *свою собственную, но поставленную* на мѣсто душевной жизни другого лица, т.-е. поставленную въ тѣ условія, въ какихъ протекаетъ эта послѣдняя. Такъ, представляя себѣ душевную жизнь любого героя или героини романа, напримѣръ—Анны Карениной передъ моментомъ ея самоубійства, мы обыкновенно мысленно ставимъ самихъ себя въ тѣ условія, въ какихъ находилась Анна, и такимъ образомъ болѣе или менѣе живо представляемъ себѣ то ду-

шевное состояніе, которое должны были бы пережить *мы сами* при этихъ условіяхъ. И вотъ этотъ-то процессъ *называется* представленіемъ *чужой* душевной жизни.

Впрочемъ, къ сказанному надо прибавить слѣдующее замѣчаніе: А. И. Введенскій, который первый обратилъ вниманіе на составъ представленій чужой душевной жизни, не замѣчаетъ въ себѣ никакого другого способа переживанія этихъ представленій. Поэтому въ упомянутомъ сочиненіи „О предѣлахъ и признакахъ и т. д.“ онъ говоритъ о только-что указанномъ способѣ, какъ объ единственно существующемъ. Но въ полемикѣ по поводу этого сочиненія (см. о ней выше стр. 80) покойнымъ московскимъ профессоромъ философіи Н. Я. Гротомъ былъ указанъ еще другой способъ. Онъ обходится *безъ подстановки самого себя на мѣсто другого лица*, а мы представляемъ себѣ не свою душевную жизнь, поставленную на мѣсто душевной жизни другого лица, но одно лишь *воплощеніе даннаго душевнаго состоянія во внѣшнемъ образѣ этого лица*. При этомъ мы переживаемъ бо́льшую или меньшую степень *сочувствія* чужому душевному состоянію, т.-е. чувствуемъ, что какъ будто бы и въ насъ самихъ отразилось это душевное состояніе. Напр., представляя себѣ ревность Отелло, мы представляемъ себѣ образъ Отелло, какимъ мы его видѣли на сценѣ, и въ то же самое время переживаемъ сочувствіе къ его ревности. Но А. И. Введенскій никогда не замѣчалъ въ себѣ ничего подобнаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ, хотя онъ съ той поры на своихъ лекціяхъ всегда упоминаетъ объ указаніи Н. Я. Грота, еще никто изъ его слушателей не заявилъ ему о своемъ согласіи съ Н. Я. Гротомъ. Напротивъ, многіе говорили ему, что у нихъ тоже дѣло никогда не обходится безъ подстановки самого себя на мѣсто другого, и спрашивали: ошибся ли Н. Я. Гротъ, или же онъ принадлежитъ къ какому-то особому и рѣдкому типу переживанія представленій чужой душевной жизни?

Узнавъ матеріалъ всѣхъ образовъ, посмотримъ, не подчиняются ли они какому-нибудь закому, общему для всѣхъ трехъ родовъ образовъ.

Всѣ единичныя представленія подчинены слѣдующему общему закону: *всякое единичное представленіе состоитъ изъ представленія насъ самихъ, т.-е. нашего Я, какъ воспринимающаго предметъ даннаго представленія (или внѣ, или внутри насъ), такъ что представленіе нашего Я неотдѣлимо ни отъ одного изъ переживаемыхъ нами представленій.*

Провѣрить этотъ законъ и убѣдиться въ его постоянномъ исполненіи очень легко. Всѣ роды единичныхъ представленій уже пересмотрѣны нами, такъ что стоитъ лишь перебрать ихъ по порядку и посмотрѣть, дѣйствуетъ ли въ каждомъ изъ нихъ этотъ законъ. Что же оказывается?

Легко замѣтить, что *при внѣшнихъ образахъ мы невольно представляемъ себя, и при томъ, какъ бы воспринимающими предметъ даннаго образа.* Напр., представляя себѣ Гостиный дворъ, я невольно представляю себя разсматривающимъ это зданіе; или при слуховыхъ образахъ мы невольно представляемъ себя слышащими звуки, и т. д.

Для внутреннихъ же образовъ обязательность нашего закона еще за-

мѣтнѣе. Представляя себѣ свой гнѣвъ, свою радость и т. п., мы переживаемъ ихъ заново, какъ *свои;* слѣдовательно, эти представленія *непремѣнно сопровождаются представленіемъ насъ самихъ, какъ сознающихъ въ себѣ данныя чувства.*

Что же касается представленій чужой душевной жизни, то они вѣдь слагаются изъ особыхъ комбинацій *внѣшнихъ* и *внутреннихъ* единичныхъ представленій, именно: мы представляемъ себѣ и *внѣшнія* условія чужой душевной жизни, и вмѣстѣ съ тѣмъ представляемъ, что было бы въ нашей собственной *душевной* жизни при этихъ условіяхъ. А такъ какъ и внѣшнія, и внутреннія представленія, какъ сейчасъ показано нами, подчинены нашему закону, то ясно, что ему подчинены и представленія чужой душевной жизни.

На этотъ законъ въ психологическихъ сочиненіяхъ не обращаютъ никакого вниманія. Но его значеніе довольно-таки велико. Напримѣръ: онъ прекрасно объясняетъ такіе факты, которые безъ него остались бы совершенно необъяснимыми. Такъ, возьмемъ два слѣдующихъ факта:

a) *Наши сновидѣнія отличаются той особенностью, что мы всегда оказываемся въ нихъ участниками:* если мы не играемъ дѣятельной роли, то, *по крайней мѣрѣ, являемся зрителями того, что намъ снится.* Обстоятельство это, какъ слишкомъ привычное, пропускается нами безъ вниманія, и мы не ищемъ для него объясненія. Но какъ объяснить его? Очень просто: сновидѣнія суть не что иное, какъ *представленія,* которыя въ силу особыхъ условій, въ какихъ мы находимся во время сна, принимаютъ характеръ реальныхъ воспріятій. А мы знаемъ, что каждое представленіе составляетъ представленіе *насъ же самихъ, какъ бы воспринимающихъ предметъ этого представленія*; слѣд., при каждомъ сновидѣніи мы должны видѣть во снѣ и самихъ себя.

b) Точно такъ же объясняется тотъ фактъ, который можетъ быть названъ *непредставимостью своей полной смерти.* Онъ состоитъ въ томъ, что, несмотря на всѣ наши усилія, мы никогда не можемъ вообразить наше духовное существованіе, т.-е. существованіе нашей духовной личности, самого нашего Я, *вполнѣ* прекратившимся. Попробуемъ представить самихъ себя умершими. Конечно, каждый легко можетъ представить себѣ, что онъ лежитъ въ видѣ неподвижнаго, похолодѣвшаго трупа, что надъ этимъ трупомъ одни искренне горюютъ, другіе лишь дѣлаютъ прилично печальную мину, третьи шушукаются и сплетничаютъ, четвертые творятъ похоронные обряды и т. д. Все это очень легко представить себѣ. Но представляя себѣ такую картину, я въ то же время всегда невольно представляю себѣ, что самъ-то я потихоньку все это вижу изъ какого-то потаеннаго уголка. Иногда же намъ представляется даже, что мы, лежа въ видѣ трупа, не только будемъ видѣть изъ какого-то потаеннаго уголка все, что дѣлается вокругъ насъ, а сверхъ того будемъ еще испытывать желаніе вмѣшаться въ окружающую жизнь, напр.—однихъ утѣшить, другихъ попрекнуть и т. п., но не найдемъ въ себѣ силы ни двинуться, ни сказать чего-нибудь, въ родѣ того, какъ объ этомъ повѣствуютъ пережившіе летар-

гическій сонъ. Чѣмъ же объяснить непредставимость своей полной смерти? Явное дѣло, тѣмъ же закономъ, по которому всякое представленіе сводится къ представленію нашего Я, какъ воспринимающаго представляемый предметъ. Вѣдь представить свой трупъ и то, что происходитъ вокругъ него, это значитъ представить себѣ также и свое Я *воспринимающимъ*, т.-е. видящимъ этотъ трупъ и все, что окружаетъ его. Слѣд., мы должны въ это время представлять себѣ свое Я, какъ продолжающее существовать.

Замѣтимъ кстати: философы иногда сильно затрудняются, какъ объяснить столь раннее возникновеніе вѣры въ безсмертіе души, что эта вѣра подмѣчается даже у самыхъ грубыхъ дикарей. Что служитъ причиной ея возникновенія? *Очень раннее возникновеніе вѣры въ безсмертіе легко объясняется только-что описанной непредставимостью своей полной смерти въ соединеніи съ нашей постоянной наклонностью считать все непредставимое неосуществимымъ.* Какъ сильна въ насъ эта наклонность, видно хотя бы изъ слѣдующаго факта: даже образованные люди не рѣдко считаютъ явно нелѣпымъ говорить о четырехмѣрномъ пространствѣ. Четырехмѣрнымъ пространствомъ, въ отличіе отъ трехмѣрнаго, называется такое пространство, въ которомъ черезъ каждую точку можно провесть *четыре* взаимноперпендикулярныхъ линіи, т.-е. четыре такихъ линіи, что *каждая* изъ нихъ выйдетъ перпендикулярной *сразу* къ тремъ остальнымъ; въ трехмѣрномъ же пространствѣ, съ какимъ мы имѣемъ дѣло въ опытѣ, черезъ точку можно провесть только *три* взаимноперпендикулярныхъ линіи. И вотъ многіе *только потому* считаютъ четырехмѣрное пространство неосуществимымъ, что оно непредставимо. Нужно не малое развитіе критицизма, чтобы не поддаваться наклонности смѣшивать непредставимое съ неосуществимымъ. Если же дикарь подмѣтитъ, что онъ не въ силахъ представить себя вполнѣ умершимъ, то вслѣдствіе только-что указанной наклонности онъ долженъ пропитаться увѣренностью, что онъ никогда не умретъ вполнѣ; и онъ станетъ думать, что какая-то его часть, составляющая, въ отличіе отъ его тѣла, его самого, т.-е. то самое, что въ немъ видитъ, слышитъ, чувствуетъ, хочетъ и т. п., сохранится и послѣ смерти его тѣла.

16. Составъ общихъ представленій: концептуализмъ, номинализмъ и теорія чистой мысли. Участіе чистой мысли въ единичныхъ представленіяхъ. Индивидуальныя особенности въ переживаніи общихъ представленій.

Общія представленія—это такія представленія, при помощи которыхъ мы какъ бы разсматриваемъ предметы со стороны однихъ лишь ихъ общихъ признаковъ (сравн. стр. 147). Выяснимъ прежде всего, въ чемъ состоитъ переживаніе такихъ представленій. Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ возникло нѣсколько теорій; нѣкоторыя изъ нихъ еще и до сихъ поръ борются между собой. И намъ необходимо ознакомиться съ ними.

Уже давно, въ XI вѣкѣ, возникло ученіе, называемое концептуализмомъ и утверждающее, что *общія представленія состоятъ изъ представленія однихъ лишь общихъ признаковъ безъ примѣси единичныхъ*. И концептуалисты думали, что необходимое для возникновенія такихъ представленій *отдѣленіе* общихъ признаковъ отъ единичныхъ является слѣдствіемъ *абстракціи* или *отвлеченія*. Путемъ сравненія ряда предметовъ мы-де подмѣчаемъ сперва, что̀ въ нихъ сходнаго, т.-е. общаго, а потомъ абстрагируемъ, т.-е. *отдѣляемъ* отъ единичныхъ признаковъ это общее, и такимъ путемъ получается представленіе, состоящее изъ представленія одного лишь того, что̀ служитъ общимъ для этихъ предметовъ. Названіе свое концептуализмъ получилъ отъ слова „*концептъ*“; ибо онъ называлъ этимъ именемъ *представленія, состоящія изъ представленія однихъ только общихъ признаковъ, безъ примѣси единичныхъ*.

Какъ видимъ, концептуализмъ содержитъ въ себѣ двѣ части: одна изъ нихъ состоитъ въ ученіи о составѣ общихъ представленій, а другая—въ ученіи о сущности того процесса, который называется абстракціей или отвлеченіемъ. Именно: *концептуализмъ утверждаетъ, будто бы абстракція состоитъ въ такомъ отдѣленіи абстрагируемыхъ или отвлекаемыхъ признаковъ, послѣ котораго они представляются уже сами по себѣ, безъ соединенія съ тѣми признаками, отъ которыхъ они отвлечены или абстрагированы*. И эти двѣ части такъ тѣсно связаны въ концептуализмѣ, что при его разборѣ приходится говорить о каждой изъ нихъ. Но прежде, чѣмъ оцѣнивать концептуализмъ, поясникъ нѣсколько подробнѣе, что̀ значитъ самое слово „абстракція“.

Абстракціей, иначе—отвлеченіемъ, называется мысленное выдѣленіе того, что̀ въ дѣйствительности не только слито съ чѣмъ-нибудь другимъ, но и не можетъ существовать отдѣльно, само по себѣ. Слѣд., не всякое мысленное выдѣленіе можетъ быть названо абстракціей или отвлеченіемъ, а только выдѣленіе того, что̀ въ дѣйствительности не можетъ существовать отдѣльно, само по себѣ. Такъ, если мы представимъ себѣ стулъ безъ спинки, то это еще не то, что́ условлено называть абстракціей. Вотъ цвѣтъ безъ вещи въ дѣйствительности не можетъ существовать самъ по себѣ, т.-е. отдѣльно отъ всякой вещи, но мы можемъ мысленно выдѣлить его; тогда дѣйствительно будетъ абстракція, или отвлеченіе. Абстракціей будетъ и мысленное выдѣленіе общихъ признаковъ изъ единичныхъ; ибо первые на дѣлѣ никогда не существуютъ безъ примѣси единичныхъ.—Теперь обратимся къ провѣркѣ концептуализма.

Концептуализмъ—ошибочная теорія, и абстракцію, вопреки его словамъ, надо понимать не какъ дѣйствительное отдѣленіе въ нашихъ представленіяхъ однихъ признаковъ отъ другихъ такъ, чтобы первые представлялись нами сами по себѣ, безъ соединенія съ другими, *а какъ всего лишь сосредоточеніе вниманія на нѣкоторой части признаковъ*, напр.—на общихъ: вслѣдствіе этого они становятся болѣе замѣтными, какъ бы выступаютъ на первый планъ сознанія, и только въ *этомъ* смыслѣ *выдѣляются*

изъ остальныхъ, но вовсе не *отдѣляются* вполнѣ отъ нихъ. Напротивъ, послѣдніе по-прежнему остаются соединенными съ первыми, но какъ бы отступаютъ на задній планъ сознанія, т.-е. представляются нами не столь ясно, какъ первые. Въ самомъ дѣлѣ, концептуализмъ двоякимъ образомъ погрѣшаетъ противъ истины, именно:

1. *Онъ противорѣчитъ даннымъ внимательнаго самонаблюденія. Мы не можемъ подмѣтить въ своемъ сознаніи такія представленія, которыя состояли бы изъ представленія однихъ лишь общихъ признаковъ.* Если, говоря о цвѣтѣ вообще, мы дѣйствительно представляемъ себѣ цвѣтъ, а не что-нибудь другое, въ родѣ слова „цвѣтъ", то мы представляемъ себѣ отнюдь не цвѣтъ вообще, т.-е. не цвѣтъ, состоящій изъ однихъ только признаковъ, общихъ всѣмъ отдѣльнымъ цвѣтамъ, а всегда какой-нибудь единичный цвѣтъ, но въ немъ вниманіе обращено на одни лишь общіе признаки. Также, если, говоря о человѣкѣ вообще, мы дѣйствительно представляемъ человѣка, а не что-нибудь другое, связанное съ человѣкомъ (сравн. выше, стр. 152), то мы представляемъ себѣ отнюдь не человѣка, состоящаго только изъ общихъ признаковъ и неимѣющаго никакихъ единичныхъ: напротивъ—въ этихъ случаяхъ всегда въ сознаніи оказывается единичный образъ человѣка, только въ этомъ образѣ вниманіе обращено на общечеловѣческіе признаки.

2. *Концептуализмъ логически невозможенъ.* Онъ утверждаетъ, будто бы мы представляемъ себѣ предметы, состоящіе изъ однихъ лишь общихъ признаковъ. Такъ, концептъ линіи состоитъ-де изъ представленія однихъ лишь признаковъ общихъ для *всѣхъ* линій, такъ что представляемая линія не выйдетъ ни прямой, ни непрямой. Но вѣдь это логически невозможно; ибо если она не будетъ прямой, то *должна* быть, не можетъ не быть непрямой, и наоборотъ—если не будетъ непрямой, то *должна* быть прямой. Здѣсь же требуется, чтобы она не выходила ни той, ни другой.

Этими двумя доводами концептуализмъ былъ опровергнутъ въ половинѣ XVIII вѣка англійскимъ философомъ Беркли, и въ настоящее время врядъ ли можно найти психолога, поддерживающаго эту теорію въ ея прежнемъ видѣ.

Новый концептуализмъ, или теорія сборныхъ образовъ. У современныхъ психологовъ иногда встрѣчается видоизмѣненіе концептуализма, утверждающее, будто бы общія представленія образуютъ явленія, аналогичныя сборнымъ фотографическимъ снимкамъ. Если на одну и ту же фотографическую пластинку такъ снимать лицъ, принадлежащихъ къ одному и тому же семейству, чтобы соотвѣтственныя части этихъ лицъ, напримѣръ—головы, носы, уши и т. д., попадали на тѣ же самыя мѣста пластинки, то послѣ ея проявленія получается, конечно, всего лишь одинъ снимокъ, который и называется сборнымъ. Въ немъ черты, общія всѣмъ снятымъ лицамъ, усиливаютъ другъ друга, а черты, отличающія ихъ одинъ отъ другого, взаимно ослабляются, такъ что въ такомъ снимкѣ выступаютъ на видъ лишь черты, общія всѣмъ членамъ снимаемаго семейства, т.-е. ихъ семейное сходство, а все индивидуальное настолько сглаживается, становится туманнымъ, неяс-

нымъ, что его не различишь. И вотъ, *новый концептуализмъ думаетъ, будто бы общія представленія состоятъ изъ наслоенія другъ на друга всѣхъ образовъ отдѣльныхъ предметовъ даннаго класса, вслѣдствіе чего получается одинъ сборный образъ всѣхъ предметовъ этого класса, въ которомъ ихъ единичные признаки сглаживаются, а общіе усиливаютъ другъ друга и выступаютъ на видъ.*

Многое можно возразить противъ этой теоріи. Но мы отмѣтимъ лишь одно обстоятельство, которое сразу опровергаетъ ее. Если бы она была вѣрна, то у насъ не было бы *единичныхъ* воспроизведенныхъ представленій, а были бы только общія, т.-е. сборныя; ибо всѣ воспріятія предметовъ, принадлежащихъ къ какому-либо классу, наслаивались бы другъ на друга и составили бы эти сборные образы. Но въ дѣйствительности легко подмѣтить въ себѣ ясные единичные образы отдѣльныхъ воспринятыхъ нами предметовъ одного и того же класса, напримѣръ,—разныхъ людей, а ихъ не должно бы быть, и они должны бы слиться всѣ въ одинъ сборный образъ человѣка вообще, но не сознаваться нами порознь.

Одновременно съ концептуализмомъ, т.-е. въ XI вѣкѣ, возникло еще одно ученіе о составѣ общихъ представленій, называющееся *номинализмомъ*. Отъ психологическаго значенія этого термина надо отличать значеніе *метафизическое*, а именно: въ XI вѣкѣ возникъ *метафизическій* споръ между *реалистами* и *номиналистами*. Реалисты допускали существованіе особыхъ *реальностей*, соотвѣтствующихъ общимъ представленіямъ, такъ что, по ихъ словамъ, кромѣ Ивана, Петра и т. д., есть еще реальность, соотвѣтствующая представленію человѣка вообще. Номиналисты же отрицали эти реальности, говоря, что въ бытіи общимъ представленіямъ ничего не соотвѣтствуетъ, кромѣ звуковъ, служащихъ *nomina*—названіями этихъ представленій. Мы, разумѣется, будемъ говорить только о психологическомъ номинализмѣ [1]).

Въ психологіи слово „номинализмъ“ обозначаетъ два ученія о составѣ переживанія общихъ представленій, независимо отъ того, каково истинное бытіе,—входятъ ли въ составъ послѣдняго особыя реальности, соотвѣтствующія общимъ представленіямъ, или же не входятъ. Названіе же „номинализмъ“ эти ученія получили оттого, что оба они были выставлены метафизическими номиналистами, при чемъ старѣйшее изъ нихъ, вдобавокъ, выработалось (какъ, впрочемъ, и концептуализмъ) подъ вліяніемъ спора

[1]) Замѣтимъ, что когда рѣчь идетъ о средневѣковомъ реализмѣ, то не слѣдуетъ подразумѣвать подъ этимъ терминомъ противоположность идеализму: въ средніе вѣка еще не возникалъ вопросъ о транссубъективной реальности внѣшняго міра, и ее допускали всѣ средневѣковые философы. Идеализмъ впервые возникъ въ лицѣ англійскаго философа Беркли (1685 — 1753 г.). Подъ средневѣковымъ реализмомъ всегда подразумѣвается противоположность метафизическому номинализму. А въ новой философіи потому стали обозначать словомъ „реализмъ“ противоположность идеализму, т.-е. допущеніе транссубъективной *реальности* внѣшняго міра, что споръ о существованіи реальностей, соотвѣтствующихъ общимъ представленіямъ, пересталъ интересовать метафизиковъ, и терминъ „реализмъ“ остался безъ употребленія. Его и пристроили къ дѣлу для обозначенія противоположности идеализму.

реализма съ номинализмомъ. Но психологическій номинализмъ (равно какъ и концептуализмъ) можно разсмотрѣть совершенно независимо отъ этого метафизическаго спора. *И нужно различать два вида психологическаго номинализма: 1) крайній или старый номинализмъ, возникшій въ XI вѣкѣ, и 2) новый или умѣренный, возникшій въ XVII вѣкѣ и называемый также теоріей Беркли.*

Крайній или старый номинализмъ утверждаетъ, что каждое общее представленіе, напр.,—общее представленіе треугольниковъ, *цѣликомъ* сводится *только* къ образу общаго *названія* (nomen) представляемыхъ предметовъ, напр.—къ образу слова „треугольникъ". Почему же образъ названія, т.-е. образъ всего лишь слова, служитъ общимъ представленіемъ? Оттого, что это названіе обозначаетъ собой, т.-е. *представляетъ* собой всѣ предметы какого-либо класса, напр.—*всѣ* треугольники, такъ что съ помощью этого названія мы разсуждаемъ обо *всѣхъ* этихъ предметахъ сразу, хотя у насъ нѣтъ въ сознаніи образа ни одного изъ нихъ. Съ перваго взгляда многимъ читателямъ все это кажется невозможнымъ, но на стр. 153 мы уже видѣли, что нерѣдко мы разсуждаемъ о какихъ-либо предметахъ, вовсе не представляя себѣ ихъ самихъ, а имѣя въ сознаніи только образъ ихъ названія; въ 17 же главѣ мы объяснимъ, почему этотъ странный фактъ оказывается возможнымъ.

Въ крайнемъ номинализмѣ, конечно, есть та доля истины, что часто, хотя не всегда, при переживаніи общаго представленія у насъ въ сознаніи дѣйствительно нѣтъ никакого образа самихъ предметовъ, подходящихъ подъ это представленіе, а появляется только образъ ихъ названія, напр.—никакого образа треугольника, а только образъ слова „треугольникъ". Но крайній номинализмъ ошибается, думая, что въ этихъ случаяхъ все переживаніе общаго представленія *исчерпывается* образомъ общаго названія. Напротивъ, съ этимъ образомъ соединено еще что-то, именно—то самое, что̀ составляетъ *пониманіе значенія* этого названія. Такъ, въ нашемъ примѣрѣ съ образомъ слова „треугольникъ" соединено пониманіе значенія этого слова.

Мало того: не трудно доказать, что *такой образъ слова, который не сопровождается образомъ ни одного изъ предметовъ, обозначаемыхъ этимъ словомъ, только тогда и чувствуется, какъ общее представленіе, когда онъ соединенъ съ пониманіемъ значенія этого слова. Если же образъ слова переживается безъ соединенія съ нимъ пониманія его значенія, то въ такомъ переживаніи нѣтъ ничего сходнаго съ общимъ представленіемъ.* Для доказательства произведемъ два слѣдующихъ эксперимента:

1. Возьмемъ слово „абракадабра", или же какое-нибудь другое слово, значеніе котораго намъ было бы непонятно, и при самонаблюденіи мы тотчасъ же убѣждаемся, что въ переживаніи образа этого слова нѣтъ ничего похожаго на переживаніе общаго представленія.

2. Возьмемъ теперь опять слово „треугольникъ", но при переживаніи образа этого слова постараемся *забыть* объ его значеніи, именно: представляя

себѣ это слово, сосредоточимъ вниманіе не на его смыслѣ, а на его грамматической сторонѣ, напр.—на числѣ гласныхъ буквъ въ немъ. Тогда мы тотчасъ же замѣтимъ, что переживаніе образа этого слова *утрачиваетъ* всякое сходство съ переживаніемъ общаго представленія треугольника, хотя прежде, пока мы не производили только-что описаннаго эксперимента, при переживаніи общаго представленія треугольника очень часто дѣло происходило такъ, что у насъ не было никакого другого образа, кромѣ образа слова „треугольникъ".

Если же всякій разъ, когда переживаніе образа слова чувствуется, какъ переживаніе общаго представленія, обязательно присутствуетъ въ сознаніи пониманіе значенія этого слова, а когда нѣтъ такого пониманія, образъ слова уже не чувствуется, какъ переживаніе общаго представленія, то отсюда вытекаетъ слѣдующій выводъ: *въ тѣхъ случаяхъ, когда при переживаніи общаго представленія не бываетъ никакого образа самихъ представляемыхъ предметовъ, а присутствуетъ въ сознаніи только образъ ихъ общаго названія, важнѣйшимъ элементомъ общаго представленія оказывается вовсе не самъ этотъ образъ, но соединенное съ нимъ пониманіе его значенія.* Вотъ этого-то обстоятельства не доглядѣлъ старый номинализмъ, такъ что его анализъ состава общихъ представленій не доведенъ до конца даже и для тѣхъ случаевъ, когда при переживаніи общаго представленія въ сознаніи бываетъ только образъ общаго названія.

Что же именно составляетъ пониманіе значенія слова, т.-е. что̀ именно соединено съ образомъ слова въ тѣхъ случаяхъ, когда мы переживаемъ общее представленіе, а между тѣмъ въ сознаніи находится *только* образъ слова? На этотъ вопросъ намъ легче отвѣтить, когда мы разсмотримъ теорію англійскаго философа Беркли, называемую иначе *новымъ или умѣреннымъ номинализмомъ*.

Беркли (1685—1753) выясняетъ составъ переживанія общихъ представленій съ помощью слѣдующаго пріема: станемъ доказывать какую-нибудь теорему, говорящую обо *всѣхъ* треугольникахъ. Тогда намъ придется имѣть дѣло съ треугольникомъ вообще, т.-е. съ *общимъ* представленіемъ треугольника. Будемъ же наблюдать тѣ переживанія, которыя происходятъ при этомъ доказательствѣ. Что же? Мы вовсе не замѣчаемъ, чтобы въ нашемъ сознаніи было такое представленіе, которое состояло бы только изъ представленія признаковъ, общихъ всѣмъ треугольникамъ. Напротивъ, при упомянутыхъ доказательствахъ мы всегда беремъ какой-нибудь *единичный* треугольникъ, иногда даже рисуемъ его на доскѣ, или, по крайней мѣрѣ, *представляемъ* себѣ нарисованнымъ, и *на немъ* доказываемъ нашу теорему. Но этотъ единичный треугольникъ служитъ для насъ во время доказательства *замѣстителемъ всѣхъ безъ исключенія треугольниковъ. Это значитъ, что все доказанное для него мы относимъ и ко всѣмъ треугольникамъ.* Слѣд., заключаетъ Беркли, *переживаніе*, которое мы *называемъ* общимъ представленіемъ, въ дѣйствительности состоитъ изъ *единичнаго образа, но послѣдній служитъ замѣстителемъ всѣхъ однородныхъ съ нимъ образовъ.*

Но какимъ путемъ осуществляется такое замѣстительство? Почему *одинъ* треугольникъ замѣщаетъ въ нашемъ доказательствѣ *всѣ* треугольники? При самонаблюденіи мы находимъ, что, доказывая при помощи *единичнаго* треугольника теорему относительно *всѣхъ* треугольниковъ, мы въ своемъ доказательствѣ опираемся только на тѣ признаки взятаго треугольника, которые служатъ *общими* для всѣхъ треугольниковъ, единичные же оставляемъ безъ вниманія, нисколько не пользуемся ими для доказательства нашей теоремы: это и даетъ намъ право считать общимъ для всѣхъ треугольниковъ все, что мы докажемъ для взятаго нами единичнаго треугольника. Итакъ, *вторая особенность общихъ представленій слѣдующая: единичный образъ замѣщаетъ всѣ однородные съ нимъ образы тѣмъ путемъ, что при доказательствахъ, которыя мы ведемъ съ помощью этого образа, мы опираемся на одни лишь его общіе признаки.*

Хотя анализъ общихъ представленій, произведенный Беркли, и очень убѣдителенъ, все-таки нельзя имъ удовлетвориться. *Въ теоріи Беркли есть только та доля истины, что когда при переживаніи общаго представленія возникаетъ образъ одного изъ предметовъ, подходящихъ подъ это представленіе, то такой образъ дѣйствительно служитъ замѣстителемъ всѣхъ однородныхъ съ нимъ образовъ, при чемъ Беркли правильно указалъ, какимъ путемъ осуществляется это замѣстительство.* Но въ теоріи Беркли есть два недочета: 1) не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что во время переживанія общаго представленія у насъ часто бываетъ не единичный образъ предмета, но всего только образъ *названія* или *слова*, имѣющаго общее значеніе, какъ это правильно подмѣтили старые номиналисты. 2) Пусть даже дѣло всегда стоитъ такъ, какъ описываетъ Беркли, т.-е. пусть всегда въ этихъ случаяхъ бываетъ въ сознаніи образъ одного изъ тѣхъ предметовъ, которые подходятъ подъ переживаемое общее представленіе, все-таки *анализъ Беркли еще не доведенъ до конца*, именно:

Беркли упустилъ изъ виду слѣдующее обстоятельство: когда мы съ помощью *единичнаго* треугольника доказываемъ теорему, говорящую обо *всѣхъ* треугольникахъ, то въ это время у насъ всегда бываетъ *увѣренность* въ томъ, что тѣ признаки, на которые мы опираемся въ своемъ доказательствѣ, дѣйствительно *общіе* для всѣхъ треугольниковъ. *Вмѣстѣ съ тѣмъ Беркли упустилъ изъ виду, что эта увѣренность составляетъ наиважнѣйшій элементъ того переживанія, которое онъ разсматривалъ.* Ея важность доказывается двумя слѣдующими фактами:

1. Никто не рѣшится приписывать *всѣмъ* треугольникамъ такое свойство, которое онъ для взятаго имъ единичнаго треугольника докажетъ съ помощью признаковъ, считаемыхъ имъ же самимъ не за общіе, а за единичные.

2. Наоборотъ, если я увѣренъ, что тотъ признакъ, съ помощью котораго я доказалъ какое-либо свойство для взятаго мной единичнаго треугольника, служитъ признакомъ, *общимъ* для всѣхъ треугольниковъ, то я смѣло приписываю это свойство *всѣмъ* треугольникамъ, даже и въ томъ

случаѣ, если я *ошибочнымъ* образомъ увѣренъ въ общности означеннаго признака. Гимназисты, напр., при изученіи геометріи сплошь да рядомъ впадаютъ въ ту ошибку, что они примутъ какое-нибудь *единичное* свойство нарисованной ими фигуры за *общее* для всѣхъ фигуръ даннаго рода и смѣло опираются на него въ своихъ *общихъ* доказательствахъ.

А изъ всего этого слѣдуетъ, что въ тѣхъ случаяхъ переживанія общихъ представленій, которые разсмотрѣлъ Беркли, т.-е. *въ тѣхъ случаяхъ, когда при переживаніи общаго представленія возникаетъ образъ одного изъ представляемыхъ предметовъ, главнымъ элементомъ такого переживанія служитъ вовсе не самъ этотъ образъ, даже не то обстоятельство, что при своихъ доказательствахъ мы опираемся только на общіе признаки этого образа, но увѣренность, хотя бы и ошибочная, въ общности этихъ признаковъ.*

Но въ чемъ состоитъ эта увѣренность? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ прежде всего надо отмѣтить, что *означенная увѣренность отнюдь не чувственнаго характера, т.-е. ее нельзя разложить на слабыя ощущенія, какъ это можно сдѣлать съ любымъ образомъ.* Дѣйствительно: при самомъ тщательномъ самонаблюденіи въ ней нельзя подмѣтить никакихъ ощущеній. Но говоря, что увѣренность, о которой идетъ рѣчь, не чувственнаго характера, мы указываемъ только, въ чемъ она не состоитъ. А въ чемъ же она состоитъ? Напр., какъ ее описать? Коль скоро она не состоитъ изъ ощущеній, то, значитъ, *она составляетъ столь же самостоятельный элементъ душевной жизни, какъ и любое ощущеніе*, какъ, напр., красный цвѣтъ. Поэтому описать ее въ точномъ смыслѣ слова столь же невозможно, какъ и описать красный цвѣтъ. Познакомить кого-либо съ ней, какъ и съ цвѣтомъ, можно только путемъ *указанія* на нее, т.-е. тѣмъ путемъ, чтобы заставить пережить ее и въ то же время привлечь къ ней вниманіе. Все это и было сдѣлано нами сейчасъ, посредствомъ изложенія и критики теоріи Беркли.

Но если ее нельзя описать, то можно, по крайн. мѣрѣ, ее классифицировать и подыскать для нея подходящее названіе. *Означенная увѣренность должна называться мыслью*, потому что она составляетъ, какъ мы видѣли, главный элементъ тѣхъ *мыслей*, которыя называются общими представленіями. Но *эта мысль, въ отличіе отъ образовъ, должна называться чистой мыслью*, т.-е. мыслью, свободной отъ всякой примѣси ощущеній, безъ которыхъ между тѣмъ не обходится ни одинъ образъ. *Содержаніемъ же ея служитъ общность нѣкоторыхъ признаковъ тѣхъ предметовъ, которые подходятъ подъ данное общее представленіе.* Она какъ бы говоритъ, что „у всѣхъ этихъ предметовъ есть такіе-то и такіе-то признаки, какъ и у того образа, съ которымъ соединена эта чистая мысль“. Такъ, въ примѣрѣ, разсмотрѣнномъ при изложеніи теоріи Беркли, она какъ бы говоритъ намъ: „у всѣхъ треугольниковъ тоже по три угла“, „у всѣхъ нихъ тоже по три стороны“ и т. п.

Такимъ образомъ, *въ тѣхъ случаяхъ, когда при переживаніи общаго представленія возникаетъ образъ одного изъ представляемыхъ предметовъ,*

главнымъ элементомъ такого переживанія служитъ не самъ этотъ образъ, но соединенная съ нимъ чистая мысль объ общности нѣкоторыхъ признаковъ этого образа. При этомъ совершенно безразлично, будетъ ли эта мысль правильной или ошибочной: и въ томъ, и въ другомъ случаѣ этотъ образъ чувствуется, какъ общее представленіе.

А теперь намъ легче отвѣтить на вопросъ, которымъ мы закончили критику стараго номинализма (см. стр. 166). Теперь уже легче подмѣтить, что *та прибавка къ образу слова, вслѣдствіе которой послѣдній переживается съ пониманіемъ значенія этого слова, хотя въ сознаніи нѣтъ ни одного образа обозначаемыхъ имъ предметовъ, тоже состоитъ изъ чистой мысли объ общности нѣкоторыхъ признаковъ, принадлежащихъ этимъ предметамъ.* Напр., при такомъ возникновеніи въ сознаніи образа слова „треугольникъ", которое *соединено съ пониманіемъ* его значенія, между тѣмъ какъ въ сознаніи вовсе нѣтъ ни одного образа самихъ треугольниковъ, можно ясно подмѣтить въ себѣ *увѣренность*, которая какъ бы говоритъ: „это—то, у чего *всегда* по три угла", и „то, у чего *всегда* по три стороны", и т. п. И эта увѣренность, конечно, не имѣетъ и не можетъ имѣть въ себѣ ничего чувственнаго, ибо: во-первыхъ, при самомъ тщательномъ самонаблюденіи въ ней все-таки нельзя подмѣтить никакихъ ощущеній; во-вторыхъ, въ сознаніи въ это время нѣтъ ни одного образа самихъ треугольниковъ, а присутствуетъ только образъ ихъ общаго названія, между тѣмъ какъ эта увѣренность говоритъ о самихъ треугольникахъ. Такимъ образомъ, та прибавка къ образу слова, о которой у насъ идетъ рѣчь, во всѣхъ отношеніяхъ совпадаетъ съ только-что описанной чистой мыслью.

А изъ сказаннаго вытекаетъ такой *окончательный выводъ* относительно состава общихъ представленій: *всякое общее представленіе состоитъ изъ единичнаго образа, именно—либо изъ образа одного изъ предметовъ, подходящихъ подъ это общее представленіе, либо изъ образа слова, обозначающаго всѣ эти предметы. Но въ каждомъ изъ этихъ случаевъ означенный единичный образъ соединенъ съ чистой мыслью объ общности нѣкоторыхъ признаковъ, принадлежащихъ предметамъ, подходящимъ подъ переживаемое общее представленіе.*

Этотъ выводъ, въ отличіе отъ всѣхъ видоизмѣненій концептуализма и номинализма, долженъ называться *теоріей чистой мысли*; ибо эта теорія считаетъ главнымъ элементомъ общихъ представленій чистую мысль. Остальныя же теоріи не доглядѣли этого элемента въ составѣ общихъ представленій.

Хотя мы подмѣтили существованіе чистой мысли чрезъ разсмотрѣніе общихъ представленій, но она входитъ также и въ составъ единичныхъ представленій, именно—какъ мысль о постоянствѣ нѣкоторыхъ признаковъ представляемаго предмета. Для доказательства разсмотримъ хотя бы представленіе стола, за которымъ мы обѣдаемъ. У этого стола, равно какъ и *у всякаго предмета, кромѣ постоянныхъ признаковъ, есть еще масса временныхъ, даже мгновенныхъ.* Напр., обѣденный столъ мы видимъ

съ разныхъ точекъ зрѣнія, съ разныхъ разстояній, съ разными степенями освѣщенія, заставленнымъ различными вещами и т. п. *Посредствомъ же единичнаго представленія мы мысленно разсматриваемъ этотъ столъ со стороны однихъ лишь постоянныхъ признаковъ этого предмета, при чемъ бываемъ увѣрены въ ихъ постоянствѣ, т.-е. въ ихъ всегдашней принадлежности ему.* А эта увѣренность въ постоянствѣ нѣкоторыхъ признаковъ — то же самое, что увѣренность въ общности признаковъ: вѣдь *постоянные* признаки суть признаки, *общіе* для *всѣхъ* моментовъ существованія даннаго предмета. Такимъ образомъ, чистая мысль должна быть допущена и въ составѣ каждаго единичнаго представленія, *именно — какъ мысль о постоянствѣ нѣкоторыхъ признаковъ представляемаго предмета* [1]).

И тѣмъ обстоятельствомъ, что въ составъ переживанія единичныхъ представленій тоже входитъ чистая мысль, легко объясняется одинъ изъ самообмановъ, въ которые впадаетъ поверхностное самонаблюденіе. Обыкновенно думаютъ, будто бы единичныя представленія *всегда* составляютъ *цѣльные* образы предметовъ, какъ бы цѣльныя картинки, возникающія въ нашемъ сознаніи. Въ дѣйствительности же, при внимательномъ самонаблюденіи, оказывается, что такъ бываетъ далеко не всегда, а едва-ли не *чаще всего мы имѣемъ дѣло лишь съ частичными образами, которые съ перваго взгляда принимаемъ за цѣльные.* Напр.: часто мы имѣемъ въ сознаніи лишь образъ головы даннаго человѣка, но принимаемъ его съ перваго взгляда за цѣльный образъ этого человѣка. Или: разсуждая о треугольникѣ и представляя себѣ на дѣлѣ лишь основаніе послѣдняго съ двумя прилегающими углами, мы съ перваго взгляда принимаемъ такой частичный образъ за цѣльный образъ треугольника. Чѣмъ же объясняется этотъ самообманъ? Тѣмъ, что чистая мысль, соединенная съ такимъ частичнымъ образомъ, относится къ цѣльному *предмету* этого образа, и вотъ эта цѣльность *предмета* принимается за цѣльность *образа* этого предмета.

Итакъ, чистая мысль входитъ въ составъ *всѣхъ* представленій, будутъ ли они общими или единичными, безразлично. Вся разница только въ томъ, что въ однихъ случаяхъ, именно — при переживаніи общихъ представленій, ее легче подмѣтить, въ другихъ же, именно — въ единичныхъ представленіяхъ, труднѣе. Въ общемъ же итогѣ ея участіе при переживаніи какихъ бы то ни было представленій очень слабо кидается въ глаза: ее слишкомъ сильно заслоняютъ чувственные элементы, входящіе въ составъ каждаго представленія.

Такимъ образомъ, неправъ сенсуализмъ, думая, будто бы всѣ мысли сполна разлагаются на одни лишь ощущенія. *Но неправъ и интеллектуа-*

---

[1]) *При воображаемыхъ представленіяхъ мы тоже увѣрены въ постоянствѣ нѣкоторыхъ признаковъ, которые приписываемъ предмету, созданному нашимъ воображеніемъ.* Напримѣръ, мы можемъ воображать русалку въ разныхъ позахъ, съ разными выраженіями лица и т. п., но при всемъ томъ нѣкоторые изъ приписываемыхъ ей нами признаковъ считаемъ постоянными для нея. Увѣренность же въ постоянствѣ признаковъ того или другого единичнаго предмета, какъ мы сейчасъ видѣли, сводится къ чистой мысли.

лизмъ, утверждавшій, будто бы все сводится къ видоизмѣненіямъ мышленія. (Сравн. стр. 85 и 86). *Напротивъ, мысли состоятъ изъ соединенія двухъ разнородныхъ и несводимыхъ другъ на друга элементовъ, именно: изъ неразложимыхъ на ощущенія, т.-е. не имѣющихъ въ себѣ ничего чувственнаго, чистыхъ мыслей и большей или меньшей примѣси тѣхъ ощущеній, которыя подмѣчаются въ образахъ предметовъ и ихъ названій, и въ которыя чистая мысль какъ бы воплощается.* Это значитъ, что она переживается нами въ соединеніи съ означенными ощущеніями, а не сама по себѣ. Вопросъ же, переживается ли она когда-нибудь сама по себѣ, безъ всякаго воплощенія въ ощущенія, будетъ разсмотрѣнъ дальше, на стр. 182.

Теперь перейдемъ къ вопросу, нѣтъ ли индивидуальныхъ особенностей въ переживаніи общихъ представленій. Заранѣе видно, что онѣ существуютъ: иначе нечѣмъ объяснить, что крайніе номиналисты были увѣрены, будто бы это переживаніе у всѣхъ людей обходится съ помощью однихъ только образовъ словъ, а концептуалисты и Беркли думали, наоборотъ, что у всѣхъ людей въ это время бываютъ образы представляемыхъ предметовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ заранѣе видно, въ чемъ должны состоять эти индивидуальныя особенности. Такъ какъ главнымъ элементомъ общихъ представленій служитъ чистая мысль, то эти особенности должны сводиться только къ тому, во что она воплотится. Такъ все это и выходитъ на основаніи изслѣдованія Рибо объ индивидуальныхъ особенностяхъ переживанія общихъ представленій.

Это изслѣдованіе, по двумъ причинамъ, очень поучительно и заслуживаетъ большого вниманія, именно:

1. Изъ разныхъ замѣчаній Рибо видно, что онъ приступилъ къ своему изслѣдованію съ общераспространеннымъ предвзятымъ взглядомъ, будто бы при переживаніи общихъ представленій непремѣнно должны быть образы предметовъ, подходящихъ подъ эти представленія; и онъ былъ сильно пораженъ, когда столкнулся съ обратными фактами.

2. Кромѣ того, изъ этого изслѣдованія вытекаетъ одно новое обстоятельство относительно воплощенія чистой мысли. Оказывается, что *иногда чистая мысль воплощается не въ образы словъ и не въ образы предметовъ, подходящихъ подъ переживаемое общее представленіе, но въ образы такихъ предметовъ, которые или наглядно символизируютъ собой представляемые предметы, или же какъ-нибудь иначе связаны съ этими предметами*, т.-е. съ подходящими подъ переживаемое общее представленіе. Напр. при переживаніи представленія „правосудіе“ иногда возникаетъ образъ вѣсовъ Ѳемиды, т.-е. здѣсь чистая мысль воплощается въ образъ предмета, наглядно символизирующій представляемый. Представленіе „доброта“ вызываетъ иногда образъ особы, отличающейся добротой, такъ что чистая мысль воплощается здѣсь въ образъ предмета, хотя и не символизирующаго представляемый, но такъ или иначе связаннаго съ представляемымъ. То же самое надо сказать про тѣ случаи, когда представленіе „форма“ вызываетъ образъ женскаго плеча и т. п.

Пріемъ, который употребилъ Рибо при изслѣдованіи индивидуальныхъ

особенностей въ переживаніи общихъ представленій, былъ таковъ: онъ спрашивалъ около сотни лицъ, различныхъ по своему возрасту, полу и профессіи, *что возникаетъ у нихъ въ сознаніи тотчасъ же, безъ умысла и размышленія, коль скоро они услышатъ названія, имѣющія общее значеніе.* Такихъ названій онъ бралъ 14, начиная съ самыхъ конкретныхъ и кончая самыми абстрактными, напримѣръ: собака, вода, цвѣтъ, форма, доброта, красота, число, время, безконечность, причина и т. п. Запаздываніе отвѣтовъ болѣе чѣмъ на 7 секундъ, Рибо считалъ показателемъ того, что такой отвѣтъ сомнителенъ, и не принималъ его во вниманіе. Вѣдь при столь долгомъ колебаніи могли давать отвѣты не на основаніи простого самонаблюденія, но по теоретическимъ соображеніямъ о томъ, какими *слѣдуетъ* быть общимъ представленіямъ. Въ результатѣ же своихъ изслѣдованій *Рибо пришелъ къ заключенію, что всѣхъ людей надо раздѣлить на три типа, отличающихся другъ отъ друга индивидуальными особенностями въ переживаніи общихъ представленій, именно: конкретный, слуховой и зрительно-типографическій.* Опишемъ ихъ особенности.

Въ томъ типѣ, который Рибо назвалъ *конкретнымъ*, если не всѣ, то почти всѣ (у нѣкоторыхъ—всѣ) названія, имѣющія общее значеніе, вызываютъ въ сознаніи опрашиваемаго образы самихъ предметовъ: слово собака вызываетъ образъ этого животнаго, вода—образъ прозрачной жидкости и т. п. Въ случаѣ же абстрактныхъ названій возникаетъ или образъ предмета, стоящаго въ какой-либо связи съ называемымъ (напримѣръ, слово „доброта“ вызываетъ образъ знакомой особы, отличающейся добротой, „форма“ вызываетъ образъ женскаго плеча, а иногда — чурбана, и т. п.), или же образъ предмета, наглядно символизирующаго названный (напр., слово „правосудіе“ вызываетъ образъ вѣсовъ, слово „число“—образъ нѣсколькихъ свѣтящихся точекъ и т. п.).

Въ типѣ, который Рибо назвалъ *слуховымъ*, образы самихъ предметовъ при услышаніи названія рѣдко возникаютъ въ сознаніи услышавшаго, а взамѣнъ того представляются только тѣ же самыя слова, точно ихъ кто-нибудь еще разъ тихо произноситъ надъ ухомъ опрашиваемаго лица. Среди этого типа Рибо *съ величайшимъ недоумѣніемъ* наткнулся на одного врача-полиглота (знающаго много языковъ), у котораго *ни одно общее названіе не сопровождалось никакимъ образомъ самихъ предметовъ*, а всѣ слова просто казались еще разъ услышанными.

Что же касается *зрительно-типографическаго* типа, то принадлежащія къ нему лица отличаются тѣмъ, что у нихъ общія названія не возбуждаютъ въ ихъ сознаніи образовъ самихъ предметовъ, а вызываютъ лишь образъ этого же самаго названія, но *какъ бы напечатанный*, при чемъ нѣкоторые (особенно—наборщики) могутъ даже опредѣлить шрифтъ, какимъ напечатано это слово. Въ этой группѣ одинъ извѣстный физіологъ (парижанинъ) *поразилъ* Рибо тѣмъ, что *даже наиболѣе конкретныя названія, напримѣръ, собака, вода и т. п., не возбуждали въ немъ никакого образа самихъ предметовъ.* Но зато онъ *видѣлъ* эти названія напечатанными съ

такой ясностью, что точнымъ образомъ указывалъ ихъ шрифтъ. Рибо пробовалъ называть ему химическія вещества, какъ вещи, наиболѣе привычныя для физіолога; но и они не возбуждали въ его сознаніи никакихъ образовъ самихъ предметовъ, а лишь образы ихъ химическихъ знаковъ (даже въ томъ случаѣ, если вещество было видимое, осязаемое, какъ, напримѣръ, мышьякъ). Такъ, при словѣ „мышьякъ“ возникаетъ образъ знака Ars, при словѣ „водородъ“ образъ латинской буквы H и т. п.

Подводя же общій итогъ только-что изложенному изслѣдованію Рибо, мы находимъ, что *индивидуальныя особенности въ переживаніи общихъ представленій ограничиваются, какъ это и слѣдовало ожидать, только тѣмъ, въ какіе образы воплощается чистая мысль*, именно: у однихъ лицъ она воплощается въ образы самихъ представляемыхъ предметовъ или, по крайней мѣрѣ, въ образы предметовъ, либо наглядно символизирующихъ представляемые, либо какъ-нибудь иначе связанные съ представляемыми (это, по терминологіи Рибо, конкретный типъ); у другихъ же она воплощается въ образы словъ, служащихъ названіями представляемыхъ предметовъ (это — зрительно-типографическій и слуховой типъ). И если она воплощается въ образы названій, то принадлежность даннаго лица къ тому или другому типу переживанія общихъ представленій (именно — къ слуховому или зрительно-типографическому), конечно, зависитъ отъ того, какимъ способомъ это лицо переживаетъ образы словъ. См. о нихъ выше стр. 152 [1]).

---

[1]) По поводу подведеннаго нами итога изслѣдованію Рибо у насъ можетъ возникнуть слѣдующее недоумѣніе: образы словъ могутъ переживаться троякимъ путемъ — зрительнымъ, слуховымъ и *моторнымъ*; почему же въ изслѣдованіи Рибо не встрѣчается воплощеніе чистой мысли въ *моторные* образы словъ? Но оказывается, что у Рибо можно усмотрѣть въ нѣкоторыхъ отвѣтахъ на его разспросы и такое воплощеніе, именно: нѣкоторыя лица *иногда* заявляли ему, что у нихъ услышанныя ими названія *ничего* не пробудили въ ихъ сознаніи. Рибо, задумавшись надъ этимъ фактомъ, рѣшилъ, что такія лица все-таки представляли себѣ *образы самихъ предметовъ*, но *безсознательно*; ибо, разсуждаетъ Рибо, они *поняли* значеніе услышанныхъ словъ, а его, по ошибочному мнѣнію Рибо, нельзя понимать, если не возникнутъ у насъ образы предметовъ, обозначаемыхъ этими словами. Однако, можно найти для разсматриваемыхъ показаній гораздо болѣе естественное объясненіе. При разспросахъ Рибо нѣкоторымъ лицамъ должно было казаться, будто бы услышанныя ими слова *ничего* не вызвали въ ихъ сознаніи, хотя на дѣлѣ они вызвали *моторные* образы словъ, т.-е. эти лица сознавали, что какъ бы пытаются произнести про себя эти названія. Но въ обыденной жизни никому не придетъ въ голову считать эти какъ бы попытки *произнести* услышанное названіе за *представленія*: обыкновенно ихъ причисляютъ къ задержанному *желанію* произнести услышанное слово. Итакъ, можно допустить, что въ изслѣдованіи Рибо проявлялось также и воплощеніе чистой мысли въ моторные образы словъ.

Но если даже допустить, что всѣ лица, которыхъ опрашивалъ Рибо, умѣли подмѣчать моторные образы, то это еще нисколько не доказываетъ, чтобы Рибо встрѣтился съ безсознательнымъ переживаніемъ образовъ. Вѣдь кромѣ того объясненія отвѣтовъ „ничего“, которое мы сейчасъ указали, возможно еще другое, взамѣнъ даннаго самимъ Рибо, именно: *можетъ быть*, въ этихъ случаяхъ чистая мысль переживалась сама по себѣ, безъ всякаго воплощенія въ какіе бы то ни было образы. Такое объясненіе все-таки лучше, чѣмъ данное самимъ Рибо.

17. Составъ понятій и сужденій и индивидуальныя особенности въ ихъ переживаніи. Вопросъ о прирожденныхъ мысляхъ.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о составѣ такъ называемыхъ понятій. Онъ ясенъ уже изъ всего предшествующаго. Въ самомъ дѣлѣ: если слово „понятіе“ употребляютъ, какъ синонимъ общаго представленія, то передъ нами нѣтъ никакого новаго вопроса. (О двухъ значеніяхъ слова „понятіе“ см. выше стр. 146). Если же подъ понятіями подразумѣваютъ какъ единичныя, такъ и общія представленія, но такія, съ помощью которыхъ мы разсматриваемъ представляемые предметы *только* со стороны ихъ *существенныхъ* признаковъ, то отвѣтъ о составѣ переживанія понятій тоже готовъ: надо только вспомнить, что́ такое существенные признаки. Существенными признаками называются такіе признаки, каждый изъ которыхъ необходимъ, а всѣ вмѣстѣ достаточны, чтобы отличить данный предметъ или данный классъ предметовъ отъ всѣхъ остальныхъ (сравн. стр. 56 „Логики, какъ части теоріи познанія“, А. И. Введенскаго, 3-е изд.). И въ общихъ понятіяхъ существенные признаки, конечно, должны быть *общими*, хотя не всякій общій признакъ будетъ непремѣнно существеннымъ, въ единичныхъ же — *постоянными*, а не мимолетными, хотя еще не каждый постоянный признакъ будетъ существеннымъ. А отсюда, въ связи съ сказаннымъ объ участіи чистой мысли въ переживаніи общихъ и единичныхъ представленій, ясно, что *всякое представленіе выходитъ общимъ или единичнымъ понятіемъ, если чистая мысль, входящая въ составъ переживанія этого представленія, относится не къ какимъ попало общимъ или постояннымъ признакамъ, а только къ существеннымъ*. Во всемъ же остальномъ не можетъ быть никакой разницы въ переживаніи понятій и представленій вообще, именно: *въ понятіяхъ, какъ и въ представленіяхъ, главнымъ элементомъ ихъ переживанія должна служить чистая мысль, а вовсе не тотъ образъ, въ который она воплотится; и въ переживаніи понятій должны быть тѣ же самыя индивидуальныя особенности, какъ въ переживаніи общихъ и единичныхъ представленій*.

Не мѣшаетъ прибавить сюда три слѣдующихъ замѣчанія:

1. Когда понятіями называютъ тѣ представленія, съ помощью которыхъ мы мысленно разсматриваемъ предметы со стороны однихъ лишь существенныхъ признаковъ, то *понятія образуютъ собой такой частный случай представленій, который заслуживаетъ особаго вниманія только съ логической, а не съ психологической точки зрѣнія*. Это для логики, науки, изучающей правила расширенія знанія, важно, беремъ ли мы какіе попало общіе и постоянные признаки или же одни только существенные; а для психологіи это вовсе не важно, пот. что она безоцѣночная наука и разсматриваетъ всѣ душевныя явленія, независимо отъ ихъ годности или негодности для расширенія знанія (сравн. выше, стр. 4). Этимъ и объясняется

тотъ фактъ, что логика постоянно говоритъ не о представленіяхъ вообще, но только о понятіяхъ, психологія же, наоборотъ, почти не упоминаетъ о понятіяхъ.

2. При этомъ современная логика употребляетъ слово „понятіе“ во второмъ изъ вышеупомянутыхъ значеній, *какъ наиболѣе удобномъ для нея.* Другими словами: современная логика подъ понятіями подразумѣваетъ представленія, съ помощью которыхъ мы мысленно разсматриваемъ предметы со стороны только существенныхъ признаковъ, такъ что на ея языкѣ понятія бываютъ и общими и единичными. Она потому предпочитаетъ такую терминологію, что для расширенія знанія могутъ оказаться годными не только общія, а также и единичныя представленія. Мы тоже *условимся во всемъ дальнѣйшемъ изложеніи употреблять слово „понятіе“ въ смыслѣ современной логики*, такъ что понятія, если говорить нашимъ языкомъ, могутъ быть не только общими, а также и единичными [1]).

3. У всѣхъ ученыхъ выработалась привычка говорить про понятія, что мы ихъ *мыслимъ*. Напр., никогда не говорятъ „представить себѣ понятіе квадрата“, но всегда „мыслить понятіе квадрата“. Эта привычка потому возникла, что логика изучаетъ правила *мышленія*, а говоритъ только о понятіяхъ. Мало того: она называетъ понятія частями сужденій; а про сужденіе всѣ принуждены говорить, что мы ихъ *мыслимъ*, коль скоро переживаніе сужденій называется *мышленіемъ* (сравн. выше, стр. 139).

Кромѣ представленій, намъ нужно разсмотрѣть еще сужденія (сравн. стр. 146). Конечно, они уже изучаются въ логикѣ; но нельзя довольствоваться однимъ лишь тѣмъ, что говорится относительно нихъ логикой; ибо они разсматриваются ею совсѣмъ съ другой точки зрѣнія, чѣмъ нужно для

---

[1]) Для логики, говоримъ мы, удобнѣе употреблять слово „понятіе“ въ этомъ смыслѣ. Однако, это не значитъ, чтобы у авторовъ, имѣющихъ классическое значеніе, не встрѣчалось употребленіе слова „понятіе“ въ смыслѣ синонима общаго представленія. Напр., въ такомъ смыслѣ оно употребляется у Канта. Оттого-то онъ и не хочетъ считать представленія пространства и времени понятіями, такъ какъ-де каждое изъ этихъ представленій относится лишь къ *одному* предмету (т.-е. единичное). Кромѣ же двухъ уже указанныхъ нами смысловъ, слово „понятіе“ у Гегеля пріобрѣло еще новое, метафизическое значеніе. Но въ психологіи, излагаемой безъ всякой метафизики, нѣтъ никакой надобности объяснять это значеніе. Вмѣсто того замѣтимъ, что крайне ошибочно (именно совершаютъ ошибку, которая называется *„вдаваться въ вербализмъ“*) поступаютъ тѣ, кто на основаніи *этимологіи* слова „понятіе“ хотятъ рѣшить вопросъ, въ какомъ изъ трехъ упомянутыхъ смысловъ *слѣдуетъ* употреблять его, и начинаютъ съ этой цѣлью резонерствовать о томъ, что „понятіе“ происходитъ отъ славянскаго глагола „пояти“, т.-е. схватывать, брать и т. д. Слово „понятіе“, какъ и всѣ научные термины, имѣетъ чисто-условный смыслъ. И если бы всѣ классическіе авторы употребляли его въ одинаковомъ значеніи, то послѣднее и было бы общеобязательнымъ, независимо отъ того, соотвѣтствуетъ ли оно этимологическому смыслу этого слова, или нѣтъ. А коль скоро означенные авторы употребляютъ его неодинаково, то выборъ между тѣми значеніями, которыя они связываютъ съ нимъ, долженъ быть сдѣланъ по соображеніямъ объ *удобствѣ* для той или другой науки употреблять его въ такомъ или иномъ смыслѣ.

психологіи. Вѣдь логика разсматриваетъ сужденія *независимо* отъ того, изъ какихъ элементовъ душевной жизни состоитъ переживаніе сужденій. Задача же психологіи состоитъ именно въ томъ, чтобы выяснить этотъ составъ. Поэтому логическое и психологическое ученіе о сужденіяхъ никоимъ образомъ не могутъ замѣнять другъ друга, и у того, кто узнаетъ только одно изъ нихъ, еще не будетъ никакого понятія о другомъ. (Сравн. выше стр. 4, а также стр. 8 „Логики, какъ части теоріи познанія", А. И. Введенскаго, 3-е изд.).

Каждое сужденіе состоитъ изъ утвержденія или отрицанія чего-нибудь о чемъ-нибудь (примѣры см. выше на стр. 146), *и гдѣ нѣтъ ни утвержденія ни отрицанія, тамъ нѣтъ сужденія.* Поэтому психологія прежде всего должна обратить вниманіе на эту часть сужденія. Что такое утвержденіе и отрицаніе въ сужденіи? Описать ихъ—вещь совершенно невозможная, и познакомить съ ними кого бы то ни было можно только путемъ *указанія* на нихъ, т.-е. тѣмъ путемъ, чтобы заставить пережить ихъ и привлечь вниманіе къ ихъ переживанію. А для этого, въ свою очередь, цѣлесообразнѣе всего вызвать въ сознаніи хотя бы пару такихъ сужденій, которыя во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ были бы вполнѣ одинаковыми, но одно изъ нихъ было бы утвердительнымъ, а другое отрицательнымъ, въ родѣ, наприм., слѣдующихъ: „столъ стоитъ" и „столъ не стоитъ", или: „киты—рыбы" и „киты—не рыбы" и т. п. При такихъ условіяхъ, т.-е. при одинаковости взятой пары сужденій во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ, конечно, сильнѣе всего кинутся въ глаза находящіяся въ нихъ утвержденіе и отрицаніе. Узнавши же этимъ путемъ, что̀ такое въ сужденіи утвержденіе и отрицаніе, приходится согласиться, что *при самомъ тщательномъ самонаблюденіи ни въ утвержденіи, ни въ отрицаніи нельзя подмѣтить никакихъ чувственныхъ элементовъ, т.-е. никакихъ ощущеній, такъ что ихъ надо причислить къ переживаніямъ чистой мысли:* къ переживаніямъ *мысли,* потому что они образуютъ одинъ изъ элементовъ мыслей, именно—сужденій, и къ переживаніямъ *чистой* мысли, потому что въ нихъ нѣтъ никакихъ чувственныхъ элементовъ (сравн. выше, стр. 168).

Чистая мысль, переживаемая въ видѣ утвержденія или отрицанія, конечно, не то же самое, что̀ чистая мысль, входящая въ составъ представленій, а что-то другое. Однако, нельзя требовать, чтобы мы описали разницу обоихъ переживаній чистой мысли; ибо, коль скоро нельзя описать ни одного изъ самихъ этихъ переживаній, то нельзя описать и разницы между ними. Здѣсь дѣло стоитъ совершенно такъ же, какъ и съ разницей цвѣтовъ; если нельзя описать ни краснаго, ни желтаго цвѣта, то нельзя описать и ихъ разницы, а надо знакомиться съ ней не иначе, какъ путемъ самонаблюденія надъ переживаніемъ ощущеній того и другого цвѣта. Такъ точно *узнать разницу между чистой мыслью, называемой утвержденіемъ и отрицаніемъ, и той чистой мыслью, которая входитъ въ составъ представленій, можно только путемъ самонаблюденія надъ тѣмъ и другимъ переживаніемъ чистой мысли.* Какъ вызвать переживанія утвержденія и отрицанія, входящихъ въ составъ сужденія, это было указано

сейчасъ; а какъ вызвать переживаніе чистой мысли, входящей въ составъ представленій, указано выше, на стр. 166—169.

Если же суть каждаго сужденія въ утвержденіи или отрицаніи чего-нибудь о чемъ-нибудь, то *въ каждомъ сужденіи должно быть то, о чемъ что-либо утверждается или отрицается, а также и то, что именно утверждается или отрицается.* Первое называется въ логикѣ „подлежащимъ *сужденія*", а второе „сказуемымъ *сужденія*". Тѣ же самыя названія вслѣдъ за логикой усвоила для этихъ частей сужденія и психологія. При этомъ логика предупреждаетъ, что не слѣдуетъ смѣшивать подлежащее и сказуемое *сужденія* съ подлежащимъ и сказуемымъ *предложенія*. (Подробнѣе объ этомъ см. стр. 49 — 54 „Логики, какъ части теоріи познанія" А. И. Введенскаго, 3-е изд.). Наипростѣйшимъ же доказательствомъ непозволительности такого смѣшенія служатъ два слѣдующихъ факта. Во-первыхъ, *въ предложеніи* „древніе персы поклонялись солнцу" подлежащимъ служитъ только слово „персы", а сказуемымъ только слово „поклонялись"; въ *сужденіи* же подлежащимъ служатъ „древніе персы" (ибо здѣсь только о нихъ утверждается поклоненіе солнцу, а не о персахъ вообще), а сказуемымъ „поклонялись солнцу" (ибо все это *вмѣстѣ* утверждается о древнихъ персахъ, а не то, чтобы они поклонялись неизвѣстно чему). Во-вторыхъ, нерѣдко бываетъ, что подлежащее (или сказуемое) *сужденія* высказано вовсе не подлежащимъ (или сказуемымъ) *предложенія*, но какой-либо другою частью предложенія, напр., однимъ лишь дополненіемъ. Такъ, въ томъ же самомъ предложеніи посредствомъ логическаго ударенія словомъ, обозначающимъ сказуемое *сужденія*, можно сдѣлать „солнцу", между тѣмъ какъ въ *предложеніи* это слово служитъ всегда дополненіемъ. Именно, если мы скажемъ: „древніе персы поклонялись *солнцу*" (съ ударенiемъ на словѣ „солнцу"), то мы уже выскажемъ такую мысль: „то, чему поклонялись древніе персы (это—подлежащее сужденія), есть солнце" (сказуемое сужденія). Теперь мы говоримъ о предметѣ поклоненія древнихъ персовъ, что онъ есть солнце. Прежде же, когда мы брали то же самое предложеніе, но иначе читали его, мы говорили о древнихъ персахъ (именно, что они—солнцепоклонники), а не о предметѣ ихъ поклоненія [1]).

Къ чему же относятся въ сужденіяхъ утвержденіе и отрицаніе? Здѣсь нужно различать два случая: во-первыхъ, когда мы судимъ о такомъ пред-

[1]) Нѣкоторые авторы для устраненія смѣшенія подлежащаго и сказуемаго *сужденія* съ подлежащимъ и сказуемымъ *предложенія* называютъ первыя „субъектомъ" и „предикатомъ", а названія „подлежащее" и „сказуемое" употребляютъ только для частей *предложенія*. Но изъ этого не выходитъ никакого толку; ибо всякій знаетъ и невольно вспоминаетъ, что „субъектъ" по-русски значитъ „подлежащее", а „предикатъ"—„сказуемое". Поэтому либо по-прежнему происходитъ то самое смѣшеніе, отъ котораго хотятъ предохранить эти авторы, либо отъ него спасаются тѣмъ, что начинаютъ говорить не просто „субъектъ и предикатъ" съ одной стороны, и „подлежащее и сказуемое"—съ другой, но слѣдующимъ образомъ: „субъектъ и предикатъ *сужденія*", „субъектъ и предикатъ *предложенія*". А это значитъ, что, кромѣ замѣны русскихъ названій иностранными, все остается по-старому.

метѣ, съ которымъ впервые сталкиваемся въ своихъ воспріятіяхъ, такъ что у насъ еще нѣтъ понятія этого предмета; и, во-вторыхъ, когда мы судимъ при помощи готовыхъ понятій.

Конечно, *когда мы впервые сталкиваемся съ какимъ-либо предметомъ, то всѣ наши утвержденія и отрицанія объ этомъ предметѣ могутъ относиться только къ чувственнымъ элементамъ, именно къ воспріятію этого предмета. Вѣдь въ этихъ случаяхъ подлежащимъ сужденія можетъ служить только воспріятіе предмета, а сказуемымъ какой-либо признакъ воспринимаемаго предмета* (простой или сложный, это безразлично), *который мы выдѣлимъ въ воспріятіи, сосредоточивъ почему-либо наше вниманіе на этомъ признакѣ.*

Замѣтимъ кстати, что нѣкоторые психологи отожествляютъ это выдѣленіе какого-либо признака въ воспріятіи вниманіемъ съ самимъ сужденіемъ. Но это выдѣленіе всего только *сопровождаетъ* сужденіе, а его самого еще не составляетъ, потому что въ этомъ выдѣленіи еще нѣтъ ни утвержденія, ни отрицанія, а въ нихъ-то и заключается вся суть сужденія (сравн. выше стр. 176).

Но какъ стоитъ дѣло, когда мы судимъ о какомъ-либо предметѣ при помощи понятія, т.-е. *представленія* этого предмета? Вѣдь каждое понятіе, если его разсматривать съ *психологической* точки зрѣнія, есть представленіе (см. стр. 174). Съ перваго взгляда кажется, что при переживаніи такого сужденія долженъ происходить точно такой же процессъ, какъ и при сужденіи съ помощью воспріятія, съ той только разницей, что здѣсь роль воспріятія играетъ *образъ* того предмета, о которомъ мы судимъ. Повидимому, при переживаніи такого сужденія мы выдѣляемъ въ этомъ образѣ какой-либо признакъ, который служитъ сказуемымъ сужденія, такъ что утвержденіе и отрицаніе, повидимому, относятся къ чувственнымъ элементамъ понятія, именно — къ образу предмета, о которомъ мы судимъ. Многіе психологи именно такъ и описываютъ разсматриваемое переживаніе сужденія.

Въ дѣйствительности же, *когда мы судимъ при помощи понятій, то утвержденіе и отрицаніе относятся въ такихъ сужденіяхъ къ тѣмъ чистымъ мыслямъ, которыя составляютъ главный элементъ этихъ понятій, а вовсе не къ образамъ предметовъ, о которыхъ мы судимъ.* Въ самомъ дѣлѣ: если бы они относились не къ чистымъ мыслямъ, а къ образамъ тѣхъ предметовъ, о которыхъ мы судимъ, то было бы невозможно *мышленіе, т.-е. переживаніе сужденій, о непредставимыхъ или, какъ ихъ называютъ иначе, о невообразимыхъ предметахъ. Непредставимыми, иначе — невообразимыми, называются такіе предметы, что образы ихъ самихъ никому недоступны, къ какому бы типу переживанія образовъ мы ни принадлежали, хотя бы къ вполнѣ уравновѣшенному* (см. объ этихъ типахъ выше, стр. 154).

Существованіе же мышленія о непредставимыхъ предметахъ — несомнѣнный фактъ. Такъ, мы можемъ легко мыслить, т.-е. переживать сужденія и умозаключенія о четырехмѣрномъ пространствѣ, настолько легко,

что можемъ доказывать различныя теоремы о немъ, между тѣмъ всякій въ состояніи переживать только образы трехмѣрнаго пространства. (А что такое четырехмѣрное пространство, см. выше, стр. 161). Другой примѣръ: греческій философъ Платонъ училъ, что кромѣ индивидуальныхъ предметовъ, воспринимаемыхъ нашими чувствами, напр.—кромѣ Ивана, Петра и т. д., есть еще особыя реальности, соотвѣтствующія *общимъ* представленіямъ, напр.—общему представленію человѣка. Эти реальности онъ называлъ идеями и училъ о нихъ, что въ нихъ нѣтъ ничего чувственнаго, и что онѣ поэтому совершенно непредставимы. Но это не мѣшало ему создать относительно нихъ обширное ученіе, которое, разумѣется, какъ и всякое ученіе, состояло изъ ряда сужденій, т.-е. изъ мышленія объ этихъ непредставимыхъ реальностяхъ. Далѣе: мы можемъ мыслить, т.-е. переживать сужденія даже и о такихъ предметахъ, которые явно непредставимы вслѣдствіе нарушенія въ нихъ закона противорѣчія, какъ, напр., круглый квадратъ. Мы мыслимъ, т.-е. переживаемъ сужденія, что онъ круглъ и *вмѣстѣ съ тѣмъ* четырехуголенъ; что въ немъ всѣ линіи, проходящія черезъ его центръ, равны между собой, потому что онъ круглый, и *вмѣстѣ съ тѣмъ*, не всѣ равны, потому что онъ квадратъ, и т. д. Но нельзя пережить образа подобнаго предмета, потому что не можетъ быть такого образа, въ которомъ былъ бы нарушенъ законъ иротиворѣчія [1]).

По поводу непредставимыхъ предметовъ у насъ возникаетъ такое недоумѣніе: мышленіе о непредставимомъ предметѣ возможно только въ томъ случаѣ, если у насъ есть понятіе этого предмета. Напр., мышленіе о четырехмѣрномъ пространствѣ возможно только въ томъ случаѣ, если у насъ есть понятіе четырехмѣрнаго пространства. Но какъ возможно существованіе понятія, т.-е. *представленія* какого-либо *непредставимаго* предмета? (Говоримъ: „т.-е. представленія“, потому что каждое понятіе, разсматриваемое съ *психологической* точки зрѣнія, есть частный случай представленія, о чемъ см. выше стр. 174). Въ этомъ нѣтъ никакой нелѣпости, коль скоро главнымъ элементомъ понятія служитъ вовсе не образъ предмета, подходя-

[1]) Обыкновенно психологи не разсматриваютъ мышленія о непредставимыхъ или невообразимыхъ предметахъ, вслѣдствіе чего когда кто-либо почему-нибудь обратитъ на него свое вниманіе, то оно кажется сначала чѣмъ-то страннымъ, загадочнымъ. Такъ точно охарактеризовалъ его И. И. Лапшинъ въ своей гносеологической работѣ „Законы мышленія и формы познанія“ и назвалъ его „сумеречнымъ“. Но въ этомъ мышленіи, какъ мы сейчасъ увидимъ, столь же мало непонятнаго, какъ и въ томъ фактѣ, указанномъ на стр. 152, что образъ предмета, о которомъ мы разсуждаемъ, можетъ во время разсужденія замѣниться въ сознаніи образомъ другого предмета (образъ звука образомъ колокола и т. п.), при чемъ такая замѣна нисколько не вліяетъ на дальнѣйшій ходъ разсужденій. Называть же мышленіе о непредставимыхъ предметахъ „сумеречнымъ“ не совсѣмъ удачно: „сумеречный“ значитъ „неясный“, но мышленіе о непредставимыхъ предметахъ можетъ быть безукоризненно яснымъ, какъ это видно изъ доказательствъ теоремъ о четырехмѣрномъ проетранствѣ. И вообще ясность и неясность мышленія зависятъ вовсе не отъ того, о какихъ предметахъ мы мыслимъ, о представимыхъ или непредставимыхъ, но исключительно отъ нашего умѣнья обращаться съ сужденіями и понятіями.

щаго подъ это понятіе, но чистая мысль, воплощенная въ этотъ образъ, и коль скоро она можетъ воплощаться не только въ образъ самого предмета, къ которому относится понятіе, а также и въ другіе образы, въ томъ числѣ въ образы словъ. А нужно замѣтить, что *при возникновеніи въ сознаніи понятія непредставимаго предмета все-таки обязательно возникаетъ какой-либо образъ, но, конечно, не образъ самого этого предмета, такъ что чистая мысль, служащая главнымъ элементомъ этого понятія, всегда переживается воплощенной въ какой-либо образъ.* Такъ, у нѣкоторыхъ (напр., у проф. А. И. Введенскаго) мысль о четырехмѣрномъ пространствѣ воплощается либо въ образъ его названія (въ слова „четырехмѣрное пространство"), либо въ образъ четырехъ линій, такъ расположенныхъ въ одной плоскости, что всѣ онѣ выходятъ изъ одной точки, при чемъ двѣ изъ нихъ сплошныя и взаимноперпендикулярны, а двѣ остальныхъ пунктирныя и расположены подъ острыми углами къ первымъ. Мысль о кругломъ квадратѣ воплощается или въ образъ его названія, или же въ образъ вписаннаго въ кругъ квадрата. (Такъ, по крайней мѣрѣ, стоитъ дѣло у проф. А. И. Введенскаго). Мысль же объ идеяхъ Платона воплощается у нѣкоторыхъ лицъ (напр., у проф. А. И. Введ.) только въ образъ ихъ названія.

Еще одно замѣчаніе по поводу сказаннаго: теперь легко объяснить тотъ странный фактъ, о которомъ мы упомянули на стр. 152, сославшись на него безъ всякаго объясненія, почему онъ существуетъ. Мы имѣемъ въ виду то обстоятельство, что *когда мы разсуждаемъ о какомъ-нибудь предметѣ, то нерѣдко его образъ замѣняется въ сознаніи образомъ какого-либо другого предмета, иногда даже образомъ всего лишь названія нашего предмета, при чемъ, однако, такая замѣна нисколько не вліяетъ на дальнѣйшій ходъ нашихъ разсужденій объ этомъ предметѣ.* Такъ, мы упоминали, что образъ колокольнаго звона нерѣдко замѣняется образомъ колокола, образъ историческаго лица образомъ учебника исторіи, или же— образомъ имени этого лица и т. п., а все это, однако, нисколько не вліяетъ на дальнѣйшій ходъ разсужденій о томъ предметѣ, образъ котораго подвергся такой замѣнѣ. Этотъ фактъ объясняется тѣмъ, что утвержденіе и отрицаніе относятся въ сужденіи къ той чистой мысли, которая образуетъ главный элементъ даннаго единичнаго понятія, а вовсе не къ самому образу предмета, подходящаго подъ это понятіе. Слѣдов., *образъ даннаго предмета можетъ замѣниться какимъ-нибудь другимъ образомъ, въ который воплотится та же самая чистая мысль, а это нисколько не повліяетъ на смыслъ нашего сужденія, какъ зависящій не отъ образа, но отъ воплощенной въ него чистой мысли, а поэтому нисколько не повліяетъ и на дальнѣйшій ходъ разсужденій.*

Итакъ, *всякое сужденіе, которое переживается нами съ помощью понятій, а не воспріятій, насквозь состоитъ изъ чистыхъ мыслей*; ибо мыслимое въ немъ утвержденіе или отрицаніе принадлежитъ къ переживаніямъ чистой мысли (см. стр. 176), а относится оно, какъ мы сейчасъ видѣли, тоже къ чистой мысли. Однако, не слѣдуетъ заключать отсюда, чтобы

подобныя сужденія переживались безъ всякихъ чувственныхъ элементовъ. Напротивъ, *каждое сужденіе, которое переживается съ помощью понятій, если не безусловно всегда, то почти всегда переживается не иначе, какъ въ связи съ какими-нибудь образами, какъ бы воплощеннымъ въ образы. Но эти образы не всегда бываютъ образами предметовъ, а часто—всего лишь образами словъ.* Дѣйствительно: при подобномъ переживаніи сужденій всегда ясно подмѣчаются либо образы, полные или частичные, какихъ-нибудь предметовъ, либо, по крайней мѣрѣ, образы словъ, изъ которыхъ слагается явленіе, называемое *внутренней рѣчью, т.-е. намъ представляются слова, образующія тѣ предложенія, какими высказываются наши сужденія.* И часто *бываетъ даже такъ, что переживаніе сужденія сопровождается и образами тѣхъ предметовъ, къ которымъ относится переживаемое сужденіе, и той внутренней рѣчью, которая высказываетъ это сужденіе.* При этомъ нерѣдко образъ того предмета, о которомъ мы судимъ, замѣняется образомъ какого-либо другого предмета, напр.—наглядно символизирующаго первый, или стоящаго въ какой-нибудь другой связи съ первымъ. Напр.: возникаетъ образъ вѣсовъ Ѳемиды при сужденіяхъ о правосудіи, образъ старца при сужденіяхъ о Богѣ, образъ учебника исторіи при сужденіяхъ объ историческомъ лицѣ, и т. п.

Не мѣшаетъ отмѣтить, что относительно внутренней рѣчи мы часто впадаемъ въ самообманъ, вполнѣ однородный съ тѣмъ, который мы объяснили выше, на стр. 170, относительно образовъ разныхъ предметовъ. *Подобно тому, какъ подъ вліяніемъ чистой мысли тотъ частичный образъ предмета, въ который воплощена эта мысль, принимается за цѣльный образъ, такъ точно подъ вліяніемъ сужденій, воплощенныхъ въ внутреннюю рѣчь, послѣдняя кажется гораздо полнѣе, чѣмъ она переживается въ дѣйствительности,* именно: полнота сужденій, воплощенныхъ въ внутреннюю рѣчь, заставляетъ и послѣднюю казаться съ перваго взгляда полной, состоящей не только изъ такого же числа предложеній, сколько мыслится сужденій, но еще такихъ предложеній, въ которыхъ сполна высказываются всѣ части соотвѣтствующихъ сужденій. Въ дѣйствительности же, при болѣе внимательномъ самонаблюденіи, почти всегда оказывается, что въ сознаніи проходятъ только отрывки этихъ предложеній, при чемъ *даже никакъ нельзя поручиться, чтобы число предложеній (точнѣе—число ихъ отрывковъ) вполнѣ соотвѣтствовало числу переживаемыхъ сужденій, а не было меньше послѣдняго.*

Неполнота внутренней рѣчи подтверждается не только прямо, путемъ тщательнаго самонаблюденія надъ ней, но еще слѣдующимъ фактомъ: нерѣдко мы сполна, *во всѣхъ мелочахъ,* обдумаемъ все, что̀ собираемся сказать, напр.—предстоящій отвѣтъ на экзаменѣ или рѣчь въ какомъ-либо засѣданіи, и т. п., а когда начнемъ это высказывать на дѣлѣ, то оказывается, что у насъ не хватаетъ подходящихъ словъ для точнаго выраженія всѣхъ обдуманныхъ нами сужденій, хотя намъ казалось, что во время ихъ обдумыванія мы про себя, т.-е. во *внутренней* рѣчи, точнымъ

образомъ редактировали каждое изъ нихъ. И не то, чтобы во время ихъ дѣйствительнаго высказыванія намъ пришли въ голову какія-нибудь новыя, еще необдуманныя частности, а не удается высказать полнымъ предложеніемъ тѣ же самыя сужденія, про которыя мы хорошо помнимъ, что тщательно обдумали ихъ. Не ясно ли изъ этого, что при ихъ обдумываніи они воплощались, самое большее, лишь въ частичные образы тѣхъ предложеній, которыми они могутъ быть высказаны, а казались воплощенными въ полное предложеніе? А нѣкоторыя изъ нихъ, *можетъ быть*, были обдуманы и безъ воплощенія въ образы словъ, а воплощались только въ образы предметовъ, или—даже мыслились *безъ всякаго* воплощенія?

Теперь вполнѣ умѣстно разсмотрѣть слѣдующій вопросъ: не бываетъ ли мышленіе, т.-е. переживаніе сужденій, и безъ всякихъ образовъ, даже безъ образовъ словъ, такъ чтобы мы имѣли дѣло только съ чистой мыслью? Отвѣтъ долженъ быть таковъ: *у насъ пока еще нѣтъ данныхъ опыта, которыя неоспоримымъ образомъ обнаруживали бы, что бываетъ мышленіе безъ всякихъ образовъ, даже безъ образовъ словъ.* Такой формулой мы ничего не предрѣшаемъ относительно будущаго, а просто описываемъ, въ какомъ положеніи находится вопросъ въ настоящее время. А къ такой осторожности насъ обязываетъ то обстоятельство, что въ послѣднее время стали раздаваться въ научной литературѣ голоса, утверждающіе, будто бы встрѣчается мышленіе и безъ всякихъ образовъ, и число ихъ увеличивается. Первымъ, кто рѣшительно высказалъ это мнѣніе, кажется, былъ Бине (Binet), напечатавшій съ этой цѣлью въ 1902 г. въ Revue Philosophique статью „Мышленіе безъ образовъ“, которая составила одну изъ главъ его книги „L'étude expérimentale de l'intelligence“, выпущенной имъ въ 1903 г. Еще рѣшительнѣе это мнѣніе было высказано Мессеромъ (Messer) въ статьѣ Experimentell psychologische Untersuchungen über das Denken (помѣщенной въ Archiv f. d. gesammte Psychologie за 1906 г.), а также въ его книгѣ Empfindung und Denken, 1908 г. То же самое мнѣніе повторяется у Бюлера (Bühler) въ его статьѣ „Thatsachen und Probleme zu einer Psychologie der Denkvorgänge“ въ IX томѣ Archiv f. d. gesammte Psychologie. Всѣ эти авторы обращались къ изслѣдуемымъ ими лицамъ съ какими-либо вопросами, задачами и т. п. и требовали, чтобы они, *давая отвѣтъ по существу, вмѣстѣ съ тѣмъ описывали, что они подмѣчали въ своемъ сознаніи.* И на основаніи этихъ описаній выходитъ, что иногда мышленіе переживается безъ *всякихъ* образовъ, даже словесныхъ. Если бы можно было считать всѣ эти изслѣдованія безспорными, то мы имѣли бы въ нихъ и блестящее опроверженіе сенсуализма, и превосходное подтвержденіе, что само сужденіе, т.-е. взятое независимо отъ своего воплощенія въ образы, насквозь состоитъ только изъ чистыхъ мыслей. Но *въ изслѣдованіяхъ этихъ авторовъ крайне затруднено самонаблюденіе допрашиваемыхъ лицъ: они должны устремить свое вниманіе на содержаніе отвѣта по поводу предложеннаго имъ вопроса и въ то же время наблюдать, какъ именно переживается ими отвѣтная мысль.* Ясно, что рискованно полагаться на

ихъ показанія. По всему этому надо такъ отвѣчать на вопросъ, бываетъ ли мышленіе безъ всякихъ образовъ (даже и словесныхъ), чтобы ничего не предрѣшать относительно будущаго, а лишь высказаться объ *отсутствіи въ настоящее время права отвѣчать утвердительнымъ образомъ* на этотъ вопросъ: можетъ быть, дальнѣйшія изслѣдованія и принудятъ допускать существованіе мышленія безъ всякихъ образовъ. Вотъ по этой самой причинѣ и на стр. 181 мы высказались съ оговоркой: „*если не безусловно всегда, то почти всегда*“, что сужденіе, переживаемое съ помощью понятій, переживается не иначе, какъ въ связи съ образами.

Разсмотримъ теперь *индивидуальныя особенности переживанія сужденій. Онѣ могутъ быть названы также индивидуальными особенностями мышленія*, пот. что переживаніе сужденій называется мышленіемъ (см. выше, стр. 139). *Заранѣе видно, что эти особенности могутъ сказываться только въ тѣхъ сужденіяхъ, которыя переживаются съ помощью понятій, а не воспріятій, и что онѣ ограничиваются только разницей способовъ воплощенія сужденій, а не могутъ касаться самой чистой мысли, образующей сужденіе.*

И если пользоваться сочиненіями разныхъ философовъ, какъ психологическими документами, то можно установить *три типа индивидуальныхъ особенностей въ переживаніи сужденій, именно: образный, словесный и смѣшанный.* Образный типъ состоитъ въ томъ, что всѣ, или почти всѣ сужденія воплощаются въ образы предметовъ, хотя бы даже не тѣхъ самыхъ, о которыхъ мы судимъ, но напр. въ образы тѣхъ, которые ихъ наглядно символизируютъ и т. п. Словесный типъ, напротивъ, состоитъ въ томъ, что переживаемыя сужденія воплощаются въ образы словъ, образы же предметовъ либо вовсе не возникаютъ въ сознаніи во время переживанія сужденій, либо рѣдко возникаютъ. Смѣшанный же типъ отличается тѣмъ, что сужденія воплощаются то въ образы предметовъ, то въ образы словъ.

Въ самомъ дѣлѣ: *въ философской литературѣ встрѣчаются столь противорѣчивыя мнѣнія о мышленіи, т.-е. о переживаніи сужденій, что нельзя объяснить этой разноголосицы иначе, какъ допустивъ принадлежность авторовъ означенныхъ мнѣній къ разнымъ типамъ переживанія сужденій*, при чемъ каждый изъ этихъ авторовъ судитъ о всѣхъ людяхъ по самому себѣ. Такъ, напр., Аристотель высказался въ томъ смыслѣ, что мышленіе безъ образовъ, именно — безъ образовъ *самихъ предметовъ*, о которыхъ мы мыслимъ, не бываетъ. Но въ средніе вѣка (въ XI в.) возникло, какъ мы упоминали, ученіе крайнихъ номиналистовъ; если же вникнуть во всѣ его подробности, то выходитъ, что мышленіе, т.-е. переживаніе сужденій, уже *исчерпывается* всего лишь внутренней рѣчью. И если отсюда сдѣлать выводъ о томъ, что̀ наблюдали въ самихъ себѣ номиналисты, то надо допустить, что̀ ихъ собственное мышленіе обходилось безъ образовъ самихъ предметовъ; а подмѣчая это въ себѣ, они то же самое утверждали и о другихъ. Идя дальше въ новое время, мы видимъ мыслителей, которые утверждали, что бываетъ мышленіе и съ образами и безъ образовъ самихъ

предметовъ. Такъ, Лейбницъ (1646 — 1716) утверждаетъ, что наше мышленіе не всегда воплощается въ образы самихъ предметовъ. Напримѣръ, въ алгебрѣ мы количества замѣняемъ ихъ символами — буквами и совершаемъ надъ этими символами разныя дѣйствія, совсѣмъ не представляя себѣ самихъ количествъ. Мышленіе, сопровождающееся образами самихъ предметовъ, самъ Лейбницъ назвалъ *интуитивнымъ*, а противоположное ему, т.-е. совершающееся безъ образовъ самихъ предметовъ, *символическимъ*. Но болѣе удобными названіями, по нашему мнѣнію, будутъ такія: *образное* и *словесное*, потому что символами, замѣняющими образы самихъ предметовъ, *почти всегда* служатъ слова. Но чѣмъ же объяснить все это разногласіе, какъ не тѣмъ, что Аристотель принадлежалъ къ образному типу мышленія, крайніе номиналисты—къ словесному, а Лейбницъ къ смѣшанному?

Замѣтимъ кстати, что французы образное и словесное мышленіе обыкновенно называютъ „*конкретнымъ*“ и „*абстрактнымъ*“ мышленіемъ. Оттого-то Рибо и назвалъ одинъ изъ найденныхъ имъ типовъ переживанія общихъ представленій „конкретнымъ“, хотя, очевидно, лучше было бы назвать его „образнымъ“ (сравн. стр. 172). Но названія, принятыя у французовъ, неудобны, какъ двусмысленныя: вѣдь выраженіе „абстрактное мышленіе“ обозначаетъ также и мышленіе объ абстрактныхъ предметахъ, а такое мышленіе можетъ быть образнымъ по способу своего воплощенія. Напримѣръ: мысля о правосудіи, мы можемъ имѣть въ сознаніи образъ вѣсовъ Ѳемиды, такъ что наше мышленіе будетъ образнымъ, по способу своего воплощенія, хотя и абстрактнымъ по содержанію. Точно также выраженіе „конкретное мышленіе“ издавна употребляется въ смыслѣ мышленія о конкретныхъ предметахъ, а придется вмѣстѣ съ тѣмъ называть этимъ именемъ и способъ воплощенія мышленія, хотя бы послѣднее было абстрактнымъ по своему содержанію, т.-е. по предметамъ, о которыхъ мы мыслимъ.

Заканчивая ученіе о составѣ переживанія мыслей, не лишнимъ будетъ упомянуть о попыткахъ множества авторовъ описать, въ какомъ порядкѣ и по какимъ причинамъ появляются у насъ разныя мысли, начиная съ *перваго момента* душевной жизни, т.-е. съ момента ея *возникновенія*. Авторы подобныхъ попытокъ все еще не могутъ столковаться между собой, въ какомъ видѣ надо представлять себѣ этотъ первый моментъ душевной жизни. Одни говорятъ, что тогда сознаніе образуетъ tabulam rasam, т.-е. чистую, еще ничѣмъ неисписанную таблицу, что въ это время въ немъ еще нѣтъ никакихъ мыслей, такъ какъ-де еще не было пережито никакихъ воспріятій. Другіе же, напротивъ, думаютъ, что уже и въ этотъ моментъ существуютъ нѣкоторыя мысли, и называютъ *такія* мысли, т.-е. *мысли, существующія раньше всякихъ воспріятій, прирожденными или, иначе, врожденными* (ideae innatae). И эти авторы, въ свою очередь, тоже не вполнѣ согласны между собой, существуютъ ли прирожденныя мысли въ первый моментъ душевной жизни въ вполнѣ готовомъ видѣ или какъ-нибудь иначе.

Но для психологіи безъ всякой метафизики всѣ эти попытки совершенно непозволительны; ибо онѣ предполагаютъ, что душевная жизнь ка-

ждаго одушевленнаго существа *возникла* въ опредѣленный моментъ времени, а не существовала искони. *Психологія же безъ всякой метафизики не въ состояніи доказать ни того, чтобы душевная жизнь даннаго существа когда-либо возникла, ни того, чтобы она существовала искони.* Въ самомъ дѣлѣ: если психологія воздерживается отъ всякой связи съ метафизикой, то какимъ путемъ могла бы она узнать, возникла ли когда-либо душевная жизнь даннаго существа или же существовала искони, даже и въ то время, когда еще не сформировалось тѣло этого существа?

Разумѣется, либо путемъ самонаблюденія, либо путемъ объективнаго наблюденія. Но самонаблюденію доступна только *уже существующая* душевная жизнь, а отнюдь не ея возникновеніе. Что же касается объективнаго наблюденія, то, конечно, съ его помощью мы *могли бы* рѣшить нашъ вопросъ, *если бы* у насъ въ рукахъ были объективные признаки чужой одушевленности: тогда я могъ бы подмѣтить въ другихъ существахъ, всегда ли у нихъ была душевная жизнь, или же она началась только въ опредѣленный моментъ времени. Но ничего этого нельзя подмѣтить, если нѣтъ объективныхъ признаковъ чужой одушевленности, и если, вслѣдствіе этого, можно безъ всякаго противорѣчія съ логикой и данными въ опытѣ фактами какъ допускать, такъ и отрицать одушевленность любого существа, кромѣ самого себя (см. выше, стр. 78). Такимъ образомъ, если добросовѣстно воздерживаться отъ всякой метафизики, то (въ силу психофизіологическаго закона А. И. Введенскаго) вопросъ, возникла ли когда-либо душевная жизнь какого-нибудь существа, или же она существовала искони, оказывается неразрѣшимымъ.

Но иначе выйдетъ, если мы подойдемъ къ этому вопросу съ какой-либо метафизической теоріей: послѣдняя можетъ принудить насъ къ тому или другому рѣшенію нашего вопроса. Напр.: матеріализмъ, допуская, что душевная жизнь *порождается* организованной матеріей, разумѣется, долженъ считать эту жизнь *возникшей* не раньше, чѣмъ возникла необходимая для ея порожденія организація матеріи. Спиритуализмъ же долженъ считать каждую душевную жизнь возникшей одновременно съ тѣмъ, какъ Богъ сотворилъ ту душу, которая порождаетъ эту жизнь. Если же спиритуализмъ учитъ, что всѣ души были сотворены Богомъ искони, при самомъ сотвореніи вселенной, какъ объ этомъ училъ Лейбницъ, то ему приходится утверждать, что каждая душевная жизнь тоже существуетъ искони, съ самаго перваго момента существованія міра, какъ это и утверждалъ Лейбницъ.

Психологія безъ всякой метафизики не имѣетъ права также ни допускать, ни отрицать существованія такого сознанія, въ которомъ еще нѣтъ никакихъ воспріятій, будутъ ли они истинными или ложными, въ родѣ сновидѣній, это безразлично. Метафизическія ученія *могутъ* принудить къ одному изъ этихъ взглядовъ; но психологія безъ всякой метафизики должна опираться въ своихъ приговорахъ на показанія опыта. Правда, въ опытѣ мы встрѣчаемся только съ такимъ сознаніемъ, которое неотдѣлимо

отъ переживанія воспріятій, будутъ ли они истинными или ложными, это безразлично; ибо оно неотдѣлимо отъ самосознанія, а послѣднее неотдѣлимо отъ сознанія чего-нибудь, какъ своего не-Я (см. выше стр. 129). Но вѣдь это доказываетъ вовсе не то, чтобы было абсолютно невозможно существованіе сознанія, въ которомъ еще нѣтъ никакихъ воспріятій, а только то, что остается неизвѣстнымъ, возможно ли за предѣлами опыта такое сознаніе или нѣтъ. Если же такъ, то *психологія безъ всякой метафизики не имѣетъ права ни допускать, ни отрицать существованіе прирожденныхъ мыслей, коль скоро подъ прирожденными подразумѣваются такія мысли, которыя существуютъ раньше всякаго воспріятія.*

Сказаннымъ сейчасъ, конечно, еще нисколько не упраздняется право психологіи допускать прирожденныя мысли, *если* подъ ихъ прирожденностью подразумѣвается *что-нибудь другое*, а не существованіе раньше всякаго воспріятія. Напр.: можно категоріи считать прирожденными мыслями (а что такое категорія, см. выше стр. 135), *если* подъ прирожденностью мы условимся подразумѣвать *неотдѣлимость отъ нашей душевной жизни.* Вѣдь для послѣдней неизбѣжно объектированіе воспріятій, будутъ ли они истинными или ложными, въ родѣ сновидѣній, это безразлично; а категоріи входятъ въ составъ всякаго объектированнаго воспріятія (см. стр. 131—135).

Но бѣда въ томъ, что вышеупомянутые споры о первомъ моментѣ нашей душевной жизни едва-ли не всѣхъ пріучили подразумѣвать подъ прирожденностью мыслей непремѣнно ихъ существованіе раньше всякаго воспріятія; а это обстоятельство возбуждаетъ сильныя недоразумѣнія, когда говорятъ о прирожденныхъ мысляхъ, подразумѣвая подъ прирожденностью мысли вовсе не ея существованіе раньше всякаго воспріятія, а что-нибудь другое, напр.—ея неотдѣлимость отъ сознанія [1]). Поэтому *для психологіи безъ всякой метафизики полезнѣе всего никогда не употреблять термина „прирожденныя мысли“.* О прирожденности чего-нибудь другого, напр.—наклонностей, стремленій и т. п. можно говорить безъ всякаго опасенія остаться непонятымъ, но только не о прирожденности мыслей.

Въ заключеніе упомянемъ, что *въ научной литературѣ существуетъ почти столько же теорій мышленія, сколько психологовъ,*—обстоятельство, въ высшей степени поучительное для тѣхъ, кто мечтаетъ обосновать всю

[1]) Напр., въ первомъ изданіи этой книги категоріи были названы прирожденными мыслями, при чемъ было пояснено, что подъ прирожденностью здѣсь подразумѣвается только неотдѣлимость отъ нашей душевной жизни, какъ подчиненной закону объектированія воспріятій. Тѣмъ не менѣе Э. Л. Радловъ въ своей рецензіи на эту книгу, помѣщенной имъ въ № 10 Журн. М. Нар. Просв., 1914 г., упрекнулъ меня, что, допуская прирожденность, я этимъ самымъ нарушилъ свое рѣшеніе дать изложеніе психологіи безъ всякой метафизики. Очевидно, онъ понялъ „прирожденность“ въ смыслѣ существованія раньше всякаго воспріятія. А если человѣкъ большой учености, профессіональный философъ, да еще въ рецензіи, составленной имъ безъ всякаго враждебнаго отношенія къ моей книгѣ, даже съ большимъ сочувствіемъ къ ней, впадаетъ въ такое недоразумѣніе по поводу термина „прирожденныя мысли“, то чего же ждать отъ множества другихъ читателей?

практику педагоговъ на *современной* психологіи (сравн. стр. 12—13). Но, къ сожалѣнію, почти всѣ эти теоріи говорятъ не столько о томъ, что̀ непосредственно сознается нами въ переживаніи сужденій и умозаключеній, сколько о томъ, изъ какихъ именно *актовъ должна* состоять *дѣятельность*, называемая мышленіемъ, чтобы можно было *объяснить ею* фактъ переживанія сужденій и умозаключеній. Такъ, напр., одна изъ этихъ теорій (самая старая) утверждаетъ, что мышленіе-де есть дѣятельность сравнивающая, соотносящая, расчленяющая и объединяющая. Теорія же Вундта сводитъ мышленіе къ актамъ особой дѣятельности, которую онъ называетъ *апперцепціей*. А теорія такъ называемой вюрцбургской психологической школы (къ которой, кромѣ другихъ, принадлежатъ уже упомянутые нами на стр. 182 Мессеръ и Бюлеръ) главной частью мышленія считаетъ особые акты, которые представители этой школы чаще всего называютъ *интенціями* (устремленіями). Но въ виду того, что никакіе мыслительные акты нами прямо, непосредственно не сознаются, т.-е. не принадлежатъ къ числу данныхъ опыта, а всего только примышляются нами къ тому, что̀ дано въ опытѣ (см. выше, стр. 144), всѣ эти теоріи должны считаться не психологическими, а метафизическими, какъ учащія объ явно трансцендентныхъ предметахъ. Поэтому мы не будемъ больше говорить о нихъ, и мы по-прежнему будемъ употреблять слово „мышленіе“ не въ смыслѣ той метафизической *дѣятельности*, которой можно было бы *объяснить* фактъ переживанія сужденій и умозаключеній, но только въ смыслѣ самого переживанія сужденій и умозаключеній (сравн. стр. 139), такъ что мы по прежнему будемъ психологію обособлять и очищать отъ всякой метафизики.

18. Смѣна мыслей: ассоціаціи представленій; вопросъ о сведеніи ихъ къ ассоціаціи смежности, а послѣдней къ ассоціаціи близости.

Покончивъ съ разсмотрѣніемъ мыслей самихъ по себѣ, независимо отъ ихъ движенія или смѣны въ сознаніи, мы должны, какъ уже сказано на стр. 145, разсмотрѣть ихъ смѣну.

Въ виду того, что мысли раздѣляются на представленія и сужденія, въ ученіи о смѣнѣ мы́слей надо разсмотрѣть отдѣльно смѣну тѣхъ и другихъ. При этомъ ученіе о смѣнѣ представленій, въ свою очередь, должно бы имѣть въ виду двѣ задачи, такъ какъ вновь возникающее представленіе можетъ оказаться либо воображаемымъ, либо воспроизведеннымъ. Но условія, при которыхъ возникаетъ непремѣнно воображаемое, а не воспроизведенное представленіе, а равно законы зависимости содержанія этого воображаемаго представленія отъ обстоятельствъ, при которыхъ и послѣ которыхъ оно возникнетъ, еще неизвѣстны современной психологіи. Все это, если говорить языкомъ душевныхъ способностей, должно бы относиться къ *психологіи воображенія*. Но этотъ отдѣлъ психологіи пока еще занимается не столько указанными сейчасъ вопросами, сколько выясненіемъ роли воображаемыхъ пред-

ставленій (или, какъ говорятъ на языкѣ способностей, роли воображенія) въ разныхъ случаяхъ душевной жизни, классификаціей этихъ представленій съ разныхъ точекъ зрѣнія и описаніемъ общихъ отличій воображаемыхъ представленій отъ воспроизведенныхъ. (Это описаніе уже было сдѣлано выше на стр. 149; другіе же два вопроса не столь важны, чтобы останавливаться на нихъ). Говоря же о *смѣнѣ* представленій, психологія пока еще сосредоточивается лишь на ученіи о возникновеніи *воспроизведенныхъ* представленій. Такъ точно поступимъ и мы.

Это — наиболѣе разработанный отдѣлъ основной психологіи, если не считать ея ученія о воспріятіяхъ, гдѣ ей такъ много помогаетъ физіологія. Ученіе же о воспроизведеніи представленій—чисто-психологическое. Правда, возникло оно впервые не въ психологіи, а въ гносеологической литературѣ: терминъ „ассоціація“ уже встрѣчается у Локка, ум. въ 1704 г., основателемъ же современнаго ученія объ „ассоціаціи представленій“ надо считать Юма, ум. въ 1776 г., съ его гносеологическими трудами, — „Трактатъ о человѣческой природѣ“ и „Изслѣдованіе человѣческаго разумѣнія“. Но, подхваченное психологіей, это ученіе было подробно разработано уже ею самой. И это—ея лучшее достояніе, хотя и здѣсь еще такъ много недодѣланнаго и спорнаго, что даже и здѣсь еще нельзя съ спокойной душой совѣтовать педагогамъ основывать *всю* свою школьную практику на *современной* психологіи (сравн. выше, стр. 12).

Говоря о воспроизведеніи представленій, прежде всего нужно отмѣтить *законъ неодинаковости повторно воспроизводимаго представленія, который таковъ: хотя намъ и кажется съ перваго взгляда, будто бы неоднократно воспроизводится то же самое представленіе, но при ближайшемъ самонаблюденіи оказывается, что мы ошибочно принимаемъ за то же самое представленіе другія, которыя лишь очень мало отличаются какъ отъ прежняго, такъ и другъ отъ друга.* Одинъ и тотъ же предметъ всякій разъ представляется нами такъ, что въ его представленіи встрѣчается какая-нибудь перемѣна сравнительно со всѣми прежними представленіями этого предмета; но подобно тому, какъ мы ошибочно принимаемъ частичный образъ предмета за цѣльный образъ, оттого что чистая мысль, воплощенная въ этотъ образъ, относится къ цѣльному предмету даннаго образа (стр. 170), такъ точно и почти по той же причинѣ *мы рядъ очень сходныхъ между собой, но вовсе не тожественныхъ представленій принимаемъ за повторенія того же самаго представленія.* Возникнетъ ли во мнѣ образъ моего стола, разсматриваемаго прямо, или образъ того же стола, разсматриваемаго нѣсколько сбоку, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ чистая мысль, воплощенная въ образъ этого стола, относится къ *тому же самому* столу; поэтому я эти *разные* образы съ перваго взгляда ошибочно считаю *тѣмъ же* представленіемъ.

Для коллективнаго же подтвержденія нашихъ словъ, что то же самое представленіе въ дѣйствительности никогда не повторяется у насъ въ неизмѣненномъ видѣ, мы сошлемся на уже цитированныя нами (стр. 55) слова

Джемса, что „каждая отдѣльная мысль о какомъ-нибудь предметѣ, строго говоря, есть *„inicum“*, и на Вундта, котораго этотъ фактъ поразилъ при его экспериментальныхъ изслѣдованіяхъ. Вотъ его подлинныя слова, правда, высказанныя на языкѣ душ. способностей и душ. актовъ, но отъ этого суть дѣла не мѣняется: „при экспериментальномъ изученіи процессовъ памяти, говоритъ онъ, оказывается, что *воспроизведенія* представленій (курсивъ самого Вундта) въ собственномъ смыслѣ слова, т.-е. оживанія въ томъ же неизмѣненномъ видѣ прежняго представленія, вообще не бываетъ; что представленіе, заново вступающее въ сознаніе при актѣ воспоминанія, всегда отличается отъ прежняго, съ которымъ его отожествляютъ“.

А изъ всего этого вытекаетъ, что приписываемыя памяти функціи *усвоенія* и *сохраненія* представленій не могутъ быть понимаемы буквально. Представленія не какія-либо застывшія вещи, которыя можно было бы присвоить и хранить въ какой-то кладовой, находящейся за порогомъ сознанія. Это—переживанія, которыя существуютъ лишь тогда, когда переживаются, при чемъ, *строго говоря, каждое представленіе переживается только однажды.* Такимъ образомъ, *съ выраженіями „усвоеніе“ и „сохраненіе“ представленій позволительно связывать только слѣдующій смыслъ: послѣ всякаго воспріятія возникаетъ при благопріятныхъ условіяхъ такое представленіе, которое очень похоже на это воспріятіе, но которое снова никогда не повторяется, а замѣняется другимъ, тоже очень похожимъ на это воспріятіе, слѣд.,—и на первое представленіе. Вотъ такія-то представленія и принято называть воспроизведенными* (а также воспоминаемыми), хотя это не вполнѣ точное названіе.

Разсмотримъ прежде всего *законъ, указывающій, при какихъ условіяхъ возникаетъ каждое воспроизведенное представленіе въ только-что указанномъ смыслѣ слова „воспроизведенный“*. Въ самой общей формѣ этотъ законъ можетъ быть высказанъ слѣдующимъ образомъ: *возникновеніе воспроизведеннаго представленія обусловлено связью его содержанія съ содержаніемъ тѣхъ представленій, которыя были въ сознаніи предъ этимъ представленіемъ.* И такъ какъ въ психологіи принято называть ту связь между представленіями, вслѣдствіе которой воспроизводится одно изъ нихъ, когда въ сознаніи находится другое, *ассоціаціей* представленій, то только-что изложенный законъ называется *„закономъ ассоціаціи представленій“*. Докажемъ этотъ законъ.

Что воспроизведенныя представленія не возникаютъ безъ всякой связи съ прежними представленіями, видно уже изъ слѣдующихъ фактовъ: а) когда мы замѣтимъ, что возникло такое воспроизведенное представленіе, которое, повидимому, не имѣетъ никакой связи съ предыдущими, мы всегда *поражаемся* этимъ, т.-е. относимся къ нему, какъ къ явленію неестественному. И если мы попытаемся выяснить себѣ связь даннаго представленія съ тѣми, которыя передъ этимъ были въ сознаніи, то намъ обыкновенно удается послѣ нѣкоторыхъ усилій найти эту связь. b) Если же мы хотимъ, чтобы кто-нибудь не вспоминалъ извѣстнаго представленія, т.-е.—чтобы оно не возникало

у него, то мы отстраняемъ отъ него такія представленія, содержаніе которыхъ находится въ связи съ этимъ представленіемъ.

Примѣры того и другого: а) Въ психологическихъ сочиненіяхъ часто приводится (со словъ Гоббеса) такой примѣръ: въ одномъ обществѣ шелъ разговоръ о междоусобной войнѣ въ Англіи при Карлѣ I, во время котораго одинъ изъ присутствовавшихъ задалъ вопросъ, повидимому, не имѣвшій никакой связи съ предметомъ разговора — „сколько стоитъ на англійскія деньги динарій временъ Тиверія“. Кажущееся отсутствіе всякой связи съ предыдущими представленіями, т.-е. съ содержаніемъ разговора, обратило всеобщее вниманіе на этотъ вопросъ, какъ на совершенно неожиданный. На самомъ же дѣлѣ выяснилось, что у того, кто его задалъ, такая связь была, а именно: разговоръ о войнѣ напомнилъ ему выдачу Карла I-го шотландцами за 200.000 фунтовъ стерлинговъ. Это напомнило ему о другой выдачѣ—о выдачѣ Іисуса Христа Іудой за 30 серебренниковъ, и у спрашивающаго явилось желаніе узнать, за кого и насколько дороже заплатили, что̀ и вызвало вопросъ, поразившій собесѣдниковъ. b) Если же хотятъ, чтобы человѣкъ, перенесшій тяжелую утрату, не вспоминалъ объ ней, то тщательно отстраняютъ отъ него все, что̀ такъ или иначе связано съ этой утратой: удаляютъ его изъ прежней обстановки, избѣгаютъ говорить о различныхъ подробностяхъ прошлаго и т. п.

Но чтобы вполнѣ ознакомиться съ закономъ ассоціаціи представленій, конечно, недостаточно указать его въ столь общей формѣ, какъ онъ уже изложенъ нами, а слѣдуетъ еще узнать, *въ какихъ видахъ осуществляется связь, или ассоціація содержанія воспроизведеннаго представленія съ содержаніемъ тѣхъ представленій, благодаря которымъ совершается воспроизведеніе.* Чтобы подмѣтить эти виды ассоціаціи, проще всего отдаться теченію своихъ представленій, вызванныхъ какимъ-либо представленіемъ, нисколько не вмѣшиваясь въ это теченіе, и записывать, какія представленія возникнутъ при такомъ условіи. И уже давно (въ концѣ XVIII вѣка) раздѣлили всѣ случаи связи между воспроизводящимъ и воспроизведеннымъ представленіемъ на три вида, такъ что получилось *три частныхъ закона ассоціаціи представленій,* указывающихъ, при какихъ связяхъ въ ихъ содержаніи одно представленіе воспроизводитъ другое. Это слѣдующіе законы:

1. Законъ ассоціаціи *смежности,* состоящій въ томъ, что *если содержаніе одного представленія связано съ содержаніемъ другого смежностью въ пространствѣ или во времени, то одно изъ этихъ представленій воспроизводитъ другое.* Напр., представленіе одного дома воспроизводитъ представленіе сосѣдняго дома; представленіе одной сцены пьесы воспроизводитъ представленіе той, которая тотчасъ же слѣдуетъ за ней, и т. д.

2. Законъ ассоціаціи *сходства,* состоящій въ томъ, что *всякое представленіе воспроизводитъ такія, которыя по своему содержанію съ нимъ сходны.* Такъ, въ приведенномъ выше примѣрѣ представленіе выдачи Карла I-го вызвало по сходству представленіе выдачи Іисуса Христа.

3. Законъ ассоціаціи *контраста,* состоящій въ томъ, что *всякое пред-*

ставленіе воспроизводитъ такое другое, которое по своему содержанію съ нимъ контрастируетъ, какъ-то: бѣлый—черный, верхъ—низъ, голодъ—сытость, богатый—бѣдный и т. д.

При этомъ надо запомнить, что *общій смыслъ этихъ трехъ законовъ сводится къ слѣдующему положенію: „предъ возникновеніемъ всякаго воспроизведеннаго представленія въ нашемъ сознаніи непремѣнно бываетъ такое представленіе, которое связано съ первымъ либо смежностью, либо сходствомъ, либо контрастомъ ихъ содержанія“*. Ошибочно понимать эти законы въ томъ смыслѣ, что если у двухъ представленій есть какая-нибудь изъ тѣхъ связей, о которыхъ говорится въ этихъ законахъ, и одно изъ нихъ находится въ сознаніи, то обязательно появится другое. Напр., ошибочно думать, что если два представленія ассоціированы другъ съ другомъ по смежности и одно изъ нихъ находится въ сознаніи, то вслѣдъ за нимъ обязательно появится другое. Этого можетъ и не случиться; и для того, чтобы это дѣйствительно произошло, нужны еще разныя добавочныя условія. Точно также ошибочно думать, что если въ сознаніи находится одно изъ двухъ сходныхъ или противоположныхъ представленій, то обязательно возникнетъ и другое. Такимъ образомъ, *эти три частныхъ закона ассоціацій неправильно называются законами: ихъ слѣдовало бы называть тремя видами или формами ассоціацій*. Но психологи и сами привыкли и большую публику пріучили называть ихъ законами. Поэтому и мы позволимъ себѣ такое, всѣмъ привычное, хотя и неточное, словоупотребленіе.

Законы ассоціацій раньше всего были установлены для связи представленій съ представленіями. Отъ этого они получили названіе законовъ ассоціаціи *представленій. Но законы ассоціацій дѣйствуютъ не только на связь представленій между собою, а гораздо шире*. Такъ, напр.:

Какъ представленіе воспроизводитъ другія представленія, ассоціированныя съ нимъ смежностью, сходствомъ или контрастомъ содержанія, такъ то же самое дѣлаетъ и воспріятіе, да еще гораздо сильнѣе (вслѣдствіе большей живости воспріятій по сравненію съ представленіями). Напримѣръ, если *представленіе* родины ассоціировано у насъ съ воспоминаніями дѣтства, то *воспріятіе* родной мѣстности еще гораздо живѣе и скорѣй напомнитъ намъ наши дѣтскіе годы. Такимъ образомъ, мы имѣемъ въ данномъ случаѣ проявленіе дѣйствія закона ассоціаціи смежности въ видѣ связи представленія съ *воспріятіями*. Такъ точно *воспріятіе* какого-нибудь зданія вызываетъ *представленіе* другого зданія, похожаго на первое, а *воспріятіе* человѣка, задавленнаго нищетой, *представленіе* выдающагося богача и т. п. Слѣд., въ первомъ случаѣ проявляется дѣйствіе закона ассоціаціи сходства въ видѣ связи представленія съ *воспріятіемъ*, а во второмъ случаѣ такое же точно дѣйствіе закона ассоціаціи контраста.

Замѣтимъ кстати, что *вопросъ*, затронутый нами раньше, на стр. 156, именно: *въ правѣ ли мы называть воспроизведенныя чувства представленіями*, теперь можетъ быть рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ. Еще тогда мы сказали, забѣгая впередъ, что они подчиняются тѣмъ же законамъ, какъ

и представленія. Дѣйствительно: *воспроизведенныя чувства, подобно представленіямъ, тоже вступаютъ въ ассоціацію съ внѣшними предметами, т.-е. съ воспріятіями, такъ что играютъ ту же самую роль, какъ и представленія. Видно же это изъ того, что чувства могутъ возбуждаться даже и такими предметами, которые сами по себѣ безразличны, т.-е. сами по себѣ еще неспособны возбуждать этихъ чувствъ, но начинаютъ возбуждать ихъ вслѣдствіе того, что эти чувства ассоціировались съ ними.* Напр., пусть любимое лицо подаритъ намъ такую вещь, которая сама по себѣ не можетъ возбуждать никакой нѣжности. Но эта вещь напоминаетъ намъ о подарившемъ ее лицѣ, при чемъ мы испытываемъ нѣжность къ нему, такъ что это чувство переживается нами одновременно съ воспріятіемъ означенной вещи. А вслѣдствіе этого часто дѣло доходитъ до того, что воспріятіе этой вещи возбуждаетъ чувство нѣжности еще *раньше*, чѣмъ возникнетъ воспоминаніе о подарившемъ ее лицѣ. Слѣд., здѣсь чувство вступаетъ въ ассоціацію прямо съ внѣшнимъ предметомъ, т.-е. играетъ такую же роль, какъ и представленіе. Путемъ сходнаго процесса, т.-е. посредствомъ ассоціированія чувства прямо съ такимъ внѣшнимъ предметомъ, который *самъ по себѣ* еще неспособенъ возбуждать это чувство, вырабатывается и то наслажденіе, которое переживаетъ скупецъ отъ одного лишь воспріятія принадлежащихъ ему денегъ, и которое такъ наглядно описано Пушкинымъ въ его „Скупомъ рыцарѣ“ (см. сцену въ подвалѣ предъ сундуками съ золотомъ). Сперва у скупца при воспріятіи денегъ возникало представленіе того наслажденія, которое онъ будетъ испытывать, *тратя* эти деньги на то, что̀ ему нравится, при чемъ это представленіе будущаго наслажденія уже и само переживалась, какъ наслажденіе (о причинѣ этого см. стр. 156). Послѣднее поэтому ассоціировалось съ воспріятіемъ денегъ, между тѣмъ какъ мысль объ ихъ расходованіи постепенно забыта скупцомъ, такъ что онъ сталъ переживать наслажденіе отъ одного лишь вида денегъ. Такимъ же путемъ вырабатывается почтеніе предъ самимъ мундиромъ, передъ самимъ знаменемъ и т. п. Сперва это чувство переживалось лишь передъ тѣмъ, кто носитъ этотъ мундиръ, кто идетъ за этимъ знаменемъ, и о комъ всегда напоминали воспріятія этихъ вещей. Впослѣдствіи же чувство почтенія ассоціировалось уже прямо съ этими вещами, независимо отъ того, напоминаютъ ли онѣ о какихъ-либо людяхъ.

Итакъ, легко подмѣтить три частныхъ закона или, точнѣе, три формы ассоціаціи представленій. Но среди психологовъ возникло сильное стремленіе уменьшить число этихъ законовъ, и появилось ученіе, что ихъ вовсе не три, а меньше. При этомъ одни изъ психологовъ стали утверждать, что въ дѣйствительности существуетъ только законъ ассоціаціи смежности, а два другихъ всего лишь кажутся существующими. Другіе же психологи говорятъ, что на-ряду съ закономъ ассоціаціи смежности существуетъ дѣйствительнымъ, а не кажущимся образомъ еще законъ ассоціаціи сходства. Что же касается закона ассоціаціи контраста, то его отрицаютъ почти всѣ современные психологи. И намъ предстоитъ теперь критически разсмотрѣть всѣ эти ученія.

Тѣ психологи, которые думаютъ, что законъ ассоціаціи контраста только кажется существующимъ, доказываютъ свой взглядъ слѣдующими соображеніями: *если разсмотрѣть разнообразные случаи дѣйствія закона ассоціаціи контраста, то они могутъ быть раздѣлены на три вида; и каждый видъ легко объяснить, какъ результатъ дѣйствія другихъ законовъ, при чемъ этотъ результатъ будетъ совершенно такимъ, какъ если бы дѣйствовалъ законъ ассоціаціи контраста.* Въ самомъ дѣлѣ:

1—Многіе случаи кажущагося дѣйствія закона ассоціаціи контраста объясняются тѣмъ, что *контрастирующія представленія вызываютъ другъ друга черезъ посредствующій членъ, связанный съ ними обоими смежностью содержанія.* Напр., представленіе голода дѣйствительно часто вызываетъ представленіе сытости, но это происходитъ не вслѣдствіе ихъ контраста, а слѣдующимъ путемъ: сперва представленіе голода вызываетъ ассоціированное съ нимъ *смежностью* представленіе ѣды, т.-е. пріема пищи (потому что когда мы голодны, то начинаемъ ѣсть), а оно, въ свою очередь, въ силу *смежности* же вызываетъ представленіе сытости (потому что послѣ ѣды мы становимся сыты). *Но этотъ промежуточный членъ, т.-е. представленіе ѣды такъ быстро мелькаетъ въ сознаніи, что мы не успѣваемъ его подмѣтить;* поэтому намъ кажется, будто бы здѣсь дѣйствуетъ законъ ассоціаціи контраста, т.-е. будто бы представленіе голода вызываетъ представленіе сытости прямо, безъ помощи представленія ѣды.

2—*Во-вторыхъ, между многими контрастирующими представленіями существуютъ переходныя представленія, которыя сходны съ каждымъ изъ двухъ контрастирующихъ, и послѣднія вызываютъ другъ друга чрезъ посредство переходнаго въ силу закона ассоціаціи сходства.* Напр.: между представленіями чернаго и бѣлаго есть переходное представленіе сѣраго, которое до извѣстной степени сходно съ обоими представленіями. И вотъ, представленіе чернаго вызываетъ сначала въ силу закона ассоціаціи *сходства* представленіе сѣраго, а оно въ свою очередь, въ силу *того же* закона, вызываетъ представленіе бѣлаго. Но намъ кажется, будто бы представленіе чернаго вызываетъ представленіе бѣлаго въ силу закона ассоціаціи *контраста*, а не сходства, потому что *мы не успѣваемъ замѣтить переходнаго между ними представленія*, т.-е. представленія сѣраго.

3—Наконецъ, *есть такія контрастирующія представленія, которыя связаны между собой соотносительностью*, т.-е. такія, что они предполагаютъ одно другое и поэтому *другъ безъ друга непредставимы.* Такъ, напримѣръ, невозможно представить себѣ верхъ безъ низа, потому что они предполагаютъ другъ друга. И вотъ, когда у насъ возникаетъ представленіе верха, то оно, конечно, вызываетъ представленіе низа, но вовсе не въ силу дѣйствія закона ассоціаціи контраста, а вслѣдствіе соотносительности этихъ представленій. По этой же причинѣ, а вовсе не въ силу закона ассоціаціи контраста, представленіе мужа вызываетъ соотносительное съ нимъ представленіе жены, представленіе предковъ—представленіе потомковъ и т. п.

Такимъ путемъ и оказывается *возможнымъ* считать законъ ассоціаціи

контраста всего лишь кажущимся. Но если три закона ассоціацій свелись къ двумъ, то нельзя ли свести и два оставшихся къ одному? И вотъ, многіе психологи стали утверждать, что законъ ассоціаціи сходства тоже только кажется существующимъ, въ дѣйствительности же, когда представленіе X вызываетъ *сходное* съ нимъ представленіе Y, то это всегда происходитъ вслѣдствіе дѣйствія закона ассоціаціи смежности.

Но прежде чѣмъ излагать доказательства этой группы психологовъ, оцѣнимъ только-что изложенные доводы: *доказательства, съ помощью которыхъ отрицаютъ подлинное или самостоятельное существованіе закона ассоціаціи контраста, образуютъ игру въ одни лишь возможности: изъ нихъ вытекаетъ всего только возможность, но отнюдь не необходимость такого отрицанія.* На основаніи этихъ доказательствъ еще нельзя поручиться, что въ тѣхъ случаяхъ, когда вслѣдъ за какимъ-нибудь представленіемъ возникаетъ противоположное, дѣло *дѣйствительно* происходитъ такъ, какъ говорятъ отрицатели закона ассоціаціи контраста. Напротивъ, *можетъ быть*, онъ-то именно и дѣйствуетъ, если не во всѣхъ, то въ множествѣ изъ этихъ случаевъ. *Можетъ быть*, напр., представленіе голода вызываетъ представленіе сытости прямо, безъ всякой помощи со стороны *незамѣчаемаго* нами представленія ѣды. Точно такъ же, *можетъ быть*, представленіе чернаго цвѣта вызываетъ представленіе бѣлаго не посредствомъ переходнаго между ними представленія, котораго мы не замѣчаемъ, а прямо, т.-е. въ силу закона ассоціаціи контраста. Правда, психологи почти поголовно считаютъ существованіе закона ассоціаціи контраста всего лишь кажущимся. Но въ наукѣ большинство голосовъ не имѣетъ никакого значенія, а все зависитъ отъ силы доводовъ. *Доводы же отрицателей закона ассоціаціи контраста исходятъ изъ такихъ предположеній, которыя еще сами требуютъ доказательства: еще нужно подтвердить, что тѣ незамѣчаемые нами процессы душевной жизни, которые предполагаются въ этихъ доводахъ, не только могутъ существовать, но дѣйствительно происходятъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда вслѣдъ за даннымъ представленіемъ возникаетъ контрастирующее съ нимъ. Такимъ образомъ, вопросъ о самостоятельномъ существованіи закона ассоціаціи контраста пока еще долженъ считаться открытымъ.*

Теперь разсмотримъ доводы той группы психологовъ, которые говорятъ, что даже и законъ ассоціаціи сходства всего только кажется существующимъ, а на самомъ дѣлѣ повсюду дѣйствуетъ только законъ ассоціаціи смежности. При отрицаніи закона ассоціаціи контраста они повторяютъ только-что разобранные доводы, а свое отрицаніе закона ассоціаціи сходства они доказываютъ слѣдующими соображеніями:

Сходство двухъ данныхъ представленій, говорятъ означенные психологи, состоитъ въ томъ, что въ каждомъ изъ нихъ *есть одни и тѣ же* элементы, но соединенные *смежностью* въ одномъ изъ нихъ не съ такими, какъ въ другомъ. Напр., если два представленія X и Y сходны другъ съ другомъ, то это значитъ, что въ каждомъ изъ нихъ есть элементы A и B,

но въ первомъ они соединены *смежностью* съ C, такъ что X состоитъ изъ ABC, а во второмъ они соединены, и опять-таки *смежностью*, съ D, такъ что Y состоитъ изъ ABD. Поэтому, когда въ сознаніи находится представленіе X, т.-е. ABC, то элементы AB вызываютъ ассоціированный съ ними *смежностью* элементъ D, который вытѣсняетъ изъ сознанія C и становится на его мѣсто, такъ что взамѣнъ представленія ABC, т.-е. X, получается въ сознаніи представленіе ABD, т.-е. Y. Такимъ образомъ, конечно, должно *казаться*, будто бы здѣсь дѣйствуетъ законъ ассоціаціи сходства, потому что вслѣдъ за представленіемъ X возникаетъ *сходное* съ нимъ представленіе Y; въ дѣйствительности же возникновеніе послѣдняго обусловлено закономъ ассоціаціи смежности.

Но здѣсь встрѣчается слѣдующее затрудненіе: такой способъ разсужденія примѣнимъ лишь къ представленіямъ *сложнымъ*. Къ представленіямъ же простымъ, которыхъ разложить на составные элементы нельзя, онъ не можетъ быть примѣненъ. Напримѣръ, изложенное разсужденіе непримѣнимо, когда представленіе желтаго цвѣта вызываетъ представленіе оранжеваго, или представленіе синяго—представленіе голубого. Спрашивается: какъ же намъ объяснить подобные случаи? На такое возраженіе защитники той теоріи, которая отрицаетъ самостоятельность ассоціаціи сходства, говорятъ, что возможно объяснить и эти случаи, какъ дѣйствіе ассоціаціи смежности, именно: иногда представленіе желтаго цвѣта вызываетъ представленіе оранжеваго оттого, что намъ нерѣдко приходилось видѣть оба эти цвѣта *рядомъ*, напр.—въ спектрѣ, въ радугѣ и т. п. Иногда же это можетъ происходить чрезъ посредство третьяго представленія, напр.—чрезъ посредство слова „цвѣтъ“, которое *смежностью* ассоціировано съ каждымъ изъ нихъ, такъ что одно изъ нихъ вызываетъ его вслѣдствіе смежности, а оно, въ свою очередь, тоже вслѣдствіе смежности, вызываетъ другое, но все это происходитъ такъ быстро, что мы успѣваемъ замѣтить только, что вслѣдъ за представленіемъ желтаго цвѣта явилось представленіе оранжеваго и т. п.

Что же касается силы этихъ доказательствъ, то здѣсь дѣло стоитъ такъ же, какъ и съ отрицаніемъ закона ассоціаціи контраста; ибо въ настоящее время еще нельзя рѣшить, происходитъ ли все, и въ простыхъ и въ сложныхъ представленіяхъ, такъ, какъ говорятъ отрицатели самостоятельности ассоціаціи сходства, или же все это только *могло бы* быть, въ дѣйствительности же не бываетъ, а дѣйствуетъ, вмѣсто того, самостоятельная ассоціація сходства. Слѣд., *вопросъ о дѣйствительномъ существованіи закона ассоціаціи сходства надо считать настолько же открытымъ, какъ и о законѣ ассоціаціи контраста.*

Но въ критикѣ попытокъ свести всѣ законы ассоціацій къ закону смежности нужно идти еще дальше сказаннаго; ибо со времени экспериментовъ Эббингауза (о которомъ см. выше, стр. 30) явилась возможность доказать, что *если мы отрицаемъ самостоятельное, т.-е. подлинное существованіе закона ассоціаціи сходства, то единственнымъ закономъ ассоціацій надо считать вовсе не законъ смежности, а другой, болѣе*

общій законъ, именно—законъ ассоціаціи близости. Законъ же смежности приходится разсматривать, какъ частный случай закона близости; ибо самато смежность есть частный случай близости, именно наивысшая степень близости. *Законъ же ассоціаціи близости состоитъ въ томъ, что воспроизводятъ другъ друга даже два такихъ представленія, содержанія которыхъ переживались не какъ смежныя, но какъ всего только близкія другъ къ другу во времени.* Напр., если нами былъ пережитъ рядъ послѣдовательныхъ воспріятій *A*, *B*, *C*, *D*, то по закону ассоціаціи смежности представленіе *A* можетъ воспроизвести только представленіе *B*; по закону же ассоціаціи близости представленіе *A* можетъ воспроизвести не только *B*, но и *C*, и даже *D*, при чемъ его воспроизводящее дѣйствіе будетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ въ большей близости къ нему находилось то представленіе, которое воспроизводится имъ, такъ что сильнѣе всего *A* будетъ воспроизводить то, что̀ съ нимъ смежно, т.-е. *B*.

Доказательство же существованія закона ассоціаціи близости, и при томъ такое доказательство, что врядъ ли можно его оспаривать, *если мы отрицаемъ существованіе закона ассоціаціи сходства*, встрѣчается въ экспериментахъ Эббингауза.

Эббингаузъ производилъ между прочимъ слѣдующіе эксперименты: заучивалось нѣсколько такихъ рядовъ, что каждый изъ нихъ состоялъ изъ совершенно безсмысленныхъ сочетаній слоговъ, при чемъ число слоговъ въ каждомъ ряду было одинаковымъ, а всѣ слоги состояли изъ одинаковаго числа буквъ. При этомъ замѣчалось, сколько времени нужно употребить на такое заучиваніе подобнаго ряда, чтобы можно было два раза сказать его наизусть безъ всякихъ ошибокъ. Какъ и слѣдовало ожидать, на каждый подобный рядъ нужно было одинаковое время. Послѣ же заучиванія всякій рядъ подвергался такому преобразованію, производимому посредствомъ *одной лишь перестановки* его слоговъ, чтобы каждый его слогъ оказался смежнымъ не съ тѣми слогами, какъ прежде, а съ новыми, хотя и взятыми изъ того же самаго ряда. И этотъ преобразованный рядъ заучивался такъ же, какъ и прежній, до того, чтобы можно было безъ ошибокъ сказать его два раза наизусть [1]). При этомъ оказалось, что *время, которое тратится на заучиваніе преобразованнаго ряда, всегда бываетъ меньше, чѣмъ время, которое было истрачено на заучиваніе первоначальнаго ряда, и тѣмъ меньше, чѣмъ слабѣе преобразованіе, произведенное въ первоначальномъ ряду.* Такъ, пусть одинъ изъ нашихъ первоначальныхъ рядовъ будетъ $A_1\ A_2\ A_3\ \ldots\ A_{16}$, гдѣ буква A съ стоящей при ней цифрой означаетъ слогъ, соотвѣтствующій этой цифрѣ, т.-е. A_1 есть первый слогъ, A_2 второй и т. д., и пусть этотъ рядъ подвергнется наименьшему преобразованію. Наименьшее же преобразованіе первоначальнаго ряда состояло у Эббингауза въ томъ, что всѣ четные слоги

[1]) Разумѣется, заучиваніе каждаго ряда, какъ первоначальнаго, такъ и преобразованнаго, производилось *одинаковымъ образомъ*, именно: заучиваемый рядъ прочитывался разъ за разомъ цѣликомъ и съ наивысшимъ напряженіемъ вниманія. Чтеніе же всегда было равномѣрнымъ, что̀ контролировалось метрономомъ.

были поставлены, хотя и въ прежнемъ порядкѣ, но послѣ нечетныхъ, порядокъ которыхъ тоже оставался прежнимъ, такъ что первоначальный рядъ превратился въ такой: $A_1\ A_3\ A_5\ \ldots\ A_{15}\ A_2\ A_4\ A_6\ \ldots\ A_{16}$. При этомъ для заучиванія такого преобразованнаго ряда нужно было времени на 11 процентовъ меньше, чѣмъ для заучиванія первоначальнаго. Наибольшее же преобразованіе первоначальнаго ряда состояло въ наисильнѣйшей перемѣнѣ и мѣстъ, и порядка всѣхъ слоговъ, кромѣ перваго и послѣдняго. Напр., если первоначальный рядъ состоялъ изъ слоговъ M_1, M_2, $M_3\ \ldots\ M_{15}$, M_{16}, то оставались на старыхъ мѣстахъ только M_1 и M_{16}. Для изучиванія же такого производнаго ряда все-таки нужно было времени меньше, чѣмъ для заучиванія первоначальнаго, но меньше всего только на одинъ процентъ. При остальныхъ же преобразованіяхъ сбереженіе времени было больше одного, но меньше 11 процентовъ.

Вотъ все это и доказываетъ существованіе закона ассоціаціи близости, *если* мы отрицаемъ существованіе закона ассоціаціи сходства. Въ самомъ дѣлѣ: если бы не было ни закона ассоціаціи сходства, ни закона ассоціаціи близости, то на заучиваніе производнаго ряда надо было бы употребить столько же времени, какъ и на заучиваніе первоначальнаго. Вѣдь тѣ ассоціаціи по смежности, которыя установились между смежными слогами первоначальнаго ряда во время его заучиванія, не могли оказывать никакой помощи при заучиваніи преобразованнаго ряда, потому что въ немъ эти слоги перестали быть смежными: съ точки зрѣнія ассоціаціи смежности преобразованный рядъ для заучиванія все равно что новый. *Если же время, необходимое для заучиванія преобразованнаго ряда, всегда выходитъ меньшимъ, чѣмъ при заучиваніи первоначальнаго ряда, то, значитъ, оно потому уменьшается, что при заучиваніи первоначальнаго ряда вступили въ ассоціацію между собой не только смежные слоги, но даже и не смежные, а всего лишь близкіе другъ къ другу; и эта ассоціація оказывается тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ближе другъ къ другу соединенные ею слоги.* Вѣдь время, необходимое для заучиванія преобразованнаго ряда, оказывается тѣмъ короче, чѣмъ слабѣе преобразованіе, произведенное въ первоначальномъ ряду; а при слабомъ преобразованіи приходится имѣть дѣло съ ассоціаціей болѣе близкихъ слоговъ.

Такимъ образомъ, *если* мы отрицаемъ существованіе закона ассоціаціи сходства, то *необходимо* допускать существованіе закона ассоціаціи близости, а законъ ассоціаціи смежности разсматривать, какъ его частный случай, именно какъ наивысшую степень его дѣйствія. Но иначе выйдетъ, если мы считаемъ самостоятельно существующимъ закономъ ассоціаціи сходства: тогда только-что описанные эксперименты Эббингауза *можно* объяснить и какъ результатъ дѣйствія этого закона. Вѣдь всякій преобразованный рядъ *сходенъ* съ первоначальнымъ; ибо оба они состоятъ изъ *одинаковыхъ* элементовъ (т.-е. изъ одинаковыхъ слоговъ), расположенныхъ въ разномъ порядкѣ. И ихъ сходство тѣмъ сильнѣе, чѣмъ меньше преобразованіе, которому подвергся первоначальный рядъ. Поэтому *сбереженіе вре-*

мени при заучиваніи производнаго ряда, можетъ быть, обусловливается вовсе не закономъ ассоціаціи близости, но закономъ ассоціаціи сходства.

Слѣд., окончательный выводъ изъ всего сказаннаго долженъ быть таковъ: *нельзя считать единственно существующимъ закономъ ассоціаціи законъ смежности, но либо такимъ закономъ служитъ законъ ассоціаціи близости, либо существуетъ не одинъ только вполнѣ самостоятельный законъ ассоціаціи представленій, а больше одного.*

Но какое изъ этихъ двухъ предположеній вѣрнѣе другого, это совершенно неясно при современномъ состояніи психологіи.

Немалыхъ услугъ можно ждать здѣсь отъ дальнѣйшаго развитія измѣрительнаго экспериментированія надъ *воспроизведеніемъ представленій.* Но пока оно еще не въ силахъ рѣшить нашъ вопросъ. Ознакомиться же съ его современнымъ положеніемъ легче всего по одной изъ двухъ слѣдующихъ книгъ: во-первыхъ, изъ книги уже неоднократно упомянутаго нами родоначальника экспериментальныхъ изслѣдованій памяти—Эббингауза, озаглавленной „Основы психологіи“ (русск. перев. Котляра подъ редакціей В. С. Серебреникова и Э. Л. Радлова, Спб. 1911 г.). Въ ней, хотя и въ сжатой формѣ, излагаются всѣ важнѣйшія экспериментальныя изслѣдованія, произведенныя приблизительно до 1905 г. Во-вторыхъ, изъ книги Меймана „Экономія и техника памяти“ (русск. перев. Самсонова, Москва 1913 г.). Въ ней экспериментальныя изслѣдованія о памяти излагаются гораздо подробнѣе, чѣмъ у Эббингауза, при чемъ разсматриваются и болѣе новыя. Вмѣстѣ съ тѣмъ указывается, какія педагогическія заключенія вытекаютъ изъ нихъ по мнѣнію Меймана. Къ сожалѣнію, они страдаютъ излишней поспѣшностью, и къ нимъ надо относиться съ большой осторожностью.

19. Смѣна мыслей: количественные законы воспроизведенія представленій.

Легко замѣтить, что найденныхъ законовъ для полнаго объясненія воспроизведенія представленій недостаточно. Дѣйствительно: какъ объяснить, что каждое представленіе изо всѣхъ ассоціированныхъ съ нимъ вызываетъ въ данный моментъ именно такое, а не другое представленіе? Напр., представленіе синяго цвѣта ассоціировано съ представленіями и василька, и неба, и цѣлой массы другихъ вещей. Но когда оно въ насъ возникаетъ, то въ данное время вызываетъ именно представленіе неба, а не какое-либо другое, напр., не представленіе василька, хотя послѣднее тоже ассоціировано съ нимъ. Очевидно, на-ряду съ найденными законами дѣйствуютъ еще другіе законы, отъ которыхъ зависитъ, какія изъ всѣхъ представленій, *возможныхъ* по законамъ ассоціаціи представленій, *должны* возникнуть въ данное время. Эти законы, въ отличіе отъ законовъ ассоціаціи, должны называться „*количественными* законами воспроизведенія представленій“, потому что они говорятъ не о качественныхъ, но о количественныхъ усло-

віяхъ воспроизведенія представленій. А въ такомъ случаѣ законы ассоціацій, въ отличіе отъ количественныхъ законовъ, должны называться *качественными* законами воспроизведенія представленій.

Количественные законы воспроизведенія представленій раздѣляются на двѣ группы: 1) на законы, обусловливающіе разницу въ степени *воспроизводимости* представленій, ассоціированныхъ *съ однимъ и тѣмъ же* находящимся въ сознаніи, и 2) на законы, обусловливающіе разницу *воспроизводящей силы или воспроизводящаго вліянія* разныхъ представленій, которыя находятся въ сознаніи *одновременно* и вызываютъ въ немъ другія представленія. Въ детали мы входить не будемъ и ограничимся только указаніемъ дѣйствій *нѣкоторыхъ* законовъ, именно такихъ, которые имѣютъ наибольшее значеніе.

Къ числу законовъ первой группы, т.-е. законовъ, показывающихъ, отъ какихъ условій зависитъ *воспроизводимость* представленій, ассоціированныхъ *съ однимъ и тѣмъ же* представленіемъ, находящимся въ сознаніи, относятся шесть слѣдующихъ:

1—*При равенствѣ прочихъ условій, изъ всѣхъ представленій, ассоціированныхъ съ однимъ и тѣмъ же находящимся въ сознаніи, наибольшей воспроизводимостью отличается то, которое соотвѣтствуетъ наиболѣе сильному воспріятію.* Схематически этотъ законъ можно изобразить такъ: допустимъ, что въ сознаніи находится представленіе A, а съ нимъ ассоціировано нѣсколько другихъ: M, N, P, Q. Тогда при равенствѣ прочихъ условій, подъ вліяніемъ A возникнетъ только такое представленіе, напр.—M, которое соотвѣтствуетъ наиболѣе сильному воспріятію. Дѣйствительно, что̀ изъ воспринятаго нами легче всего воспроизводится? Конечно, то, что̀ было воспринято съ большей силой. И этотъ законъ уже настолько извѣстенъ въ обыденной жизни, что его издавна примѣняютъ на практикѣ; всегда дѣлаютъ болѣе сильнымъ воспріятіе того, чему хотятъ придать наибольшую воспроизводимость. Для этого, напримѣръ, всякій педагогъ произноситъ болѣе важныя мѣста громче, чѣмъ другія, и т. п. Подъ вліяніемъ этого закона и вырабатывается у многихъ людей привычка отдавать свои приказанія, выкрикивая ихъ, и тѣмъ громче, чѣмъ важнѣе приказаніе.

2—*При равенствѣ прочихъ условій, изъ всѣхъ представленій, ассоціированныхъ съ однимъ и тѣмъ же находящимся въ сознаніи, наибольшей воспроизводимостью отличается то, которое во время его воспріятія привлекло къ себѣ наибольшее вниманіе.* Примѣнивъ сюда нашу схему, мы можемъ сказать: если съ A ассоціировано 4 представленія—M, N, P, Q, и если, когда мы воспринимали ихъ, наибольшее вниманіе привлекло къ себѣ N, то изъ этихъ четырехъ представленій, при равенствѣ прочихъ условій, напр.—при равной силѣ воспріятій, возникаетъ подъ вліяніемъ A именно представленіе N, а не M, P и т. д. Напр., если при чтеніи біографіи Сократа мы обратили особое вниманіе на какую-нибудь подробность, то она-то и

воспроизводится при мысли о Сократѣ раньше и легче всѣхъ другихъ подробностей.

3—*При равенствѣ прочихъ условій, изъ всѣхъ представленій, ассоціированныхъ съ однимъ и тѣмъ же находящимся въ сознаніи, наибольшей воспроизводимостью отличается то, которое ассоціировалось съ нимъ позднѣе другихъ.* Если въ нашей схемѣ *P* было ассоціировано съ *A* позднѣе, чѣмъ *M*, *N* и *Q*, то, при равенствѣ прочихъ условій, *A* вызоветъ въ сознаніи *P*, а не *M*, *N*, *Q*. Напримѣръ, при имени кого-нибудь изъ нашихъ знакомыхъ мы вѣроятнѣе всего вспомнимъ его такимъ, какимъ мы его видѣли въ *послѣдній* разъ. Изъ всѣхъ прослушанныхъ лекцій легче всего вспоминается *послѣдняя* и т. д.

4—*При равенствѣ прочихъ условій, изъ всѣхъ представленій, ассоціированныхъ съ однимъ и тѣмъ же находящимся въ сознаніи, наибольшей воспроизводимостью отличается то, которое чаще другихъ повторялось въ связи съ нимъ.* Положимъ, что въ нашей схемѣ *M* повторялось въ связи съ *A* только одинъ разъ, *N*—два раза, *P*—три раза, *Q*—пять разъ. Тогда, при равенствѣ прочихъ условій, вслѣдъ за представленіемъ *A* возникнетъ именно представленіе *Q*, а не *M* и *N*. Этотъ законъ общеизвѣстенъ: на немъ основано всякое заучиваніе посредствомъ повторенія представленій въ связи другъ съ другомъ. Напр., если мы хотимъ добиться, чтобы первыя слова какой-либо цитаты обязательно воспроизводили слѣдующія за ними, а не тѣ, съ которыми они уже ассоціированы въ другихъ знакомыхъ намъ выраженіяхъ, то мы многократно повторяемъ эту цитату и такимъ путемъ настолько усиливаемъ воспроизводимость ея послѣдующихъ словъ, что они-то именно и возникаютъ въ сознаніи вслѣдъ за ея первыми словами, а тѣ, которыя ассоціированы съ этими же самыми первыми словами въ другихъ знакомыхъ намъ выраженіяхъ, уже не возникаютъ безъ помощи какого-либо особаго обстоятельства.

5—*При равенствѣ прочихъ условій, наибольшей воспроизводимостью отличается то представленіе, которое ассоціировано съ наибольшимъ числомъ представленій изъ всѣхъ одновременно находящихся въ сознаніи.* Такъ, пусть въ сознаніи находятся *одновременно* представленія A, B и C, и пусть съ A ассоціированы представленія *M* и *N*, съ *B*—представленія *M* и *K*, а съ *C*—представленія *M* и *L*. Тогда, при равенствѣ прочихъ условій, послѣ *A*, *B* и *C* возникнетъ представленіе *M;* ибо его тянутъ сразу всѣ три представленія *A*, *B*, *C*. Что этотъ законъ въ насъ дѣйствуетъ, доказать просто: когда намъ нужно кому-нибудь о чемъ-нибудь напомнить, мы начинаемъ возбуждать въ его сознаніи одно за другимъ цѣлую массу такихъ представленій, которыя всѣ ассоціированы съ напоминаемымъ. А это показываетъ, что, пока оно вызывается только однимъ представленіемъ, оно не воспроизводится; а когда мы его заставимъ вызываться сразу нѣсколькими представленіями, то они, соединивъ свою воспроизводящую дѣятельность, заставляютъ его возникнуть въ сознаніи.

6—*При равенствѣ прочихъ условій, наибольшей воспроизводимостью*

отличаются тѣ представленія, которыя по своему содержанію болѣе другихъ способны поддерживать охватившее насъ чувство. Такъ, во время страха особенно легко возникаютъ представленія устрашающаго содержанія: даже каждый шорохъ напоминаетъ о какой-нибудь опасности. Во время гнѣва легче другихъ возникаютъ представленія, поддерживающія гнѣвъ. Иногда дѣло доходитъ даже до того, что намъ искренно, хотя и ошибочно, кажется, будто бы человѣкъ, на котораго мы сердимся, *всегда* причинялъ намъ *однѣ только* непріятности. Во время же нѣжности къ нему, наоборотъ, столь же искренно кажется, что тотъ же самый человѣкъ *никогда* не дѣлалъ ничего другого, какъ только радовалъ насъ, и т. п.

Объяснимъ теперь, почему каждый законъ мы высказываемъ съ оговоркой, что его дѣйствіе обнаруживается *„при равенствѣ прочихъ условій“*. Это потому, что дѣйствіе каждаго закона можетъ осложниться дѣйствіемъ другого, и тогда мы замѣтимъ не такой результатъ, какъ если бы дѣйствовалъ только одинъ изъ этихъ законовъ. Напр., если въ силу перваго закона изо всѣхъ представленій, ассоціированныхъ съ даннымъ, наибольшей воспроизводимостью отличается соотвѣтствующее самому сильному воспріятію, то слова „свѣтъ“ и „звукъ“ должны бы всегда намъ напоминать сильнѣйшее воспріятіе этихъ явленій, т.-е. наисильнѣйшій свѣтъ, наисильнѣйшій звукъ. Но часто этого не бываетъ: такъ, слово „свѣтъ“ вмѣсто того, чтобы вызвать въ насъ представленіе солнца, т.-е. сильнѣйшаго свѣтового воспріятія, ассоціированнаго съ этимъ словомъ, вызываетъ часто представленіе свѣта сальнаго огарка или свѣта лучины и т. п. И это легко объясняется тѣмъ, что дѣйствіе перваго закона осложнилось дѣйствіемъ второго. Если свѣтъ сальнаго огарка, при воспріятіи его, показался намъ необычайнымъ, поразительнымъ и заставилъ поэтому обратить на него *особенное* вниманіе, то вполнѣ естественно, что при словѣ „свѣтъ“ мы вспоминаемъ именно о немъ, хотя, судя по одному первому закону, мы должны были бы вспоминать о солнцѣ. Такимъ образомъ, дѣйствіе перваго закона, хотя и никогда не прекращается, можетъ сдѣлаться замѣтнымъ только при равенствѣ прочихъ условій, т.-е. когда, напр., всѣ воспріятія, ассоціированныя съ словомъ „свѣтъ“, переживались съ *равнымъ*, а не съ различнымъ вниманіемъ; когда каждое изъ нихъ повторялось въ сознаніи въ связи съ этимъ словомъ *одинаковое*, а не различное число разъ; когда они ассоціировались съ нимъ *одинаковое* время назадъ и т. п.

Перейдемъ теперь къ законамъ второй группы—показывающимъ, отъ какихъ условій зависитъ разница *воспроизводящей силы* тѣхъ представленій, которыя *одновременно* находятся въ сознаніи. Изъ нихъ упомянемъ только два слѣдующихъ закона, какъ важнѣйшіе:

1—*Если въ сознаніи одновременно находится нѣсколько представленій, то, при равенствѣ прочихъ условій, наибольшей воспроизводящей силой отличается изъ нихъ то, которое живѣе другихъ*, т.-е. оно-то (а не другія одновременно съ нимъ находящіяся въ сознаніи) и вызоветъ ассоціированныя съ нимъ представленія. Возьмемъ такую схему: пусть въ

сознаніи находятся одновременно представленія *A*, *B* и *C*, при чемъ съ *A* ассоціировано представленіе *M*, а съ *B* ассоціировано *N*, съ *C* же — *K*. Тогда, если представленіе *A* живѣе, чѣмъ представленія *B* и *C*, то оно-то и вытянетъ въ сознаніи *M*, т.-е. ассоціированное *съ нимъ*, а *N* или *K*, т.-е. ассоціированныя съ *B* и *C* не возникнутъ. Напр.: если мы припоминаемъ какую-либо сцену, видѣнную нами въ театрѣ, и въ этомъ воспоминаніи почему-нибудь одна часть сдѣлалась наиболѣе живой, то эта-то часть и повлечетъ за собой ассоціированныя съ ней представленія. Другой примѣръ: если намъ представится прочитанная нами страница, и мы живѣе всего вспомнимъ слова посрединѣ ея, то вѣрнѣе всего, что вслѣдъ за тѣмъ мы вспомнимъ и находящееся около средины. Третій примѣръ: представленія и воспріятія однородны; воспріятія—это какъ бы самыя яркія представленія, и они же отличаются значительно большей воспроизводящей силой, чѣмъ представленія (сравн. стр. 191).

2—*При равенствѣ прочихъ условій, изъ всѣхъ представленій, которыя одновременно находятся въ нашемъ сознаніи, наибольшей воспроизводящей силой отличается то, на которое обращено наибольшее вниманіе.* Такъ, если въ нашей схемѣ на *A* обращено большее вниманіе, чѣмъ на *B* и *C*, тогда вслѣдъ за этими тремя представленіями возникнетъ представленіе *M*, т.-е. ассоціированное съ *A*, а вовсе не тѣ, которыя ассоціированы съ *B* и *C*. Напр., желая вспомнить какое-нибудь представленіе, мы сосредоточиваемъ вниманіе на томъ, что́ съ нимъ ассоціировано, и этимъ путемъ достигаемъ своей цѣли: такъ, зная, что текстъ, который мы хотимъ вспомнить, стоитъ въ книгѣ возлѣ рисунка, мы обращаемъ особенное вниманіе на представленіе рисунка, и отъ этого вспоминаемъ означенный текстъ.

Замѣтимъ попутно: *данный законъ особенно важенъ тѣмъ, что объясняетъ, какимъ путемъ можно умышленно измѣнять ходъ воспроизведенія представленій. Это осуществляется вовсе не такъ, чтобы мы нарушали законы, управляющіе воспроизведеніемъ представленій, но тѣмъ путемъ, что мы ими же самими и пользуемся для своихъ цѣлей. Именно: мы только заставляемъ наше вниманіе сосредоточиться на одномъ изъ представленій, находящихся въ сознаніи*, а законы воспроизведенія представленій уже сами собой дѣлаютъ все остальное; ибо *все, что́ ассоціировано съ этимъ представленіемъ, начинаетъ само собой воспроизводиться сравнительно легко, а все, что́ ассоціировано съ другими представленіями, которыя находятся въ нашемъ сознаніи одновременно съ первымъ, и отъ которыхъ мы отвлекли свое вниманіе, въ это время уже не воспроизводится.* Этимъ-то путемъ мы и заставляемъ ходъ представленій принять другое направленіе, чѣмъ у него было бы безъ нашего вмѣшательства въ него.

Теперь, когда мы нѣсколько ознакомились съ количественными законами воспроизведенія представленій, становится вполнѣ понятнымъ, почему ходъ воспроизведенныхъ представленій бываетъ въ высшей степени разнообразнымъ. Это оттого, что въ силу этихъ законовъ каждый случай вос-

произведенія зависитъ отъ массы условій, и стóитъ имъ лишь немного измѣниться, чтобы вмѣсто одного представленія оказалось воспроизведеннымъ совсѣмъ другое. Такъ, достаточно хотя бы незначительной разницы во вниманіи, въ силѣ прежняго воспріятія, въ степени недавности ассоціаціи и т. п., чтобы одно и то же представленіе вызвало даже у одного и того же лица въ различные моменты разныя представленія, а тѣмъ болѣе у разныхъ лицъ.

Нѣкоторые изъ указанныхъ нами количественныхъ законовъ воспроизведенія представленій имѣютъ еще особое значеніе. Таковъ пятый законъ первой группы, гласящій, что наибольшей воспроизводимостью отличается то представленіе, которое ассоціировано съ наибольшимъ числомъ представленій, одновременно находящихся въ сознаніи. Именно: изъ него вытекаетъ одно важное слѣдствіе, проливающее свѣтъ на многія странныя съ перваго взгляда явленія. Такъ какъ законы ассоціацій распространяются и на чувства (см. выше стр. 191), то, конечно, они устанавливаютъ и ассоціаціи представленій съ самочувствіемъ: послѣднее тоже должно дѣйствовать на ходъ воспроизведенія представленій, какъ бы одно изъ представленій, находящихся въ сознаніи *одновременно* съ другими воспроизводящими представленіями. Отсюда слѣдуетъ, что *тѣ представленія, которыя были пріобрѣтены при извѣстномъ самочувствіи, будутъ легче воспроизводиться при немъ же и гораздо труднѣе при другомъ самочувствіи, непохожемъ на прежнее, такъ что если самочувствіе рѣзко измѣнится, то эти представленія могутъ и совсѣмъ не воспроизводиться.* Этимъ объясняется, что мы почти всегда забываемъ наши сновидѣнія, при чемъ можно наблюдать, что они легче вспоминаются только въ первый моментъ послѣ пробужденія, пока мы еще не совсѣмъ очнулись. Но чѣмъ мы становимся бодрѣе, тѣмъ труднѣе ихъ вспомнить. Съ перваго взгляда все это кажется очень страннымъ, но ссылкой на рѣзкія перемѣны самочувствія объясняется очень легко: во время сна самочувствіе, конечно, совсѣмъ иное, чѣмъ при бодрствованіи, и съ тѣмъ большимъ трудомъ во время бодрствованія должно воспроизводиться все, что ассоціировано съ соннымъ самочувствіемъ. Совершенно такъ же объясняется и слѣдующій фактъ: при нѣкоторыхъ состояніяхъ самочувствія ненормальнаго характера, вызванныхъ естественными причинами или искусственными напр., — при опьяненіи, при гипнозѣ, многія вещи переживаются, но не воспроизводятся при нормальномъ самочувствіи, а вспоминаются при возвращеніи ненормальнаго самочувствія. Напр., часто цитируется въ психологіи разсказъ про посыльнаго, который, будучи пьянъ, спряталъ въ надежномъ мѣстѣ ввѣренный ему цѣнный пакетъ и, протрезвившись, никакъ не могъ найти его, напившись же съ горя снова, легко нашелъ его. Въ виду этого еще нельзя ручаться, что въ обморокѣ, во время глубокаго сна и т. п. люди ничего не сознаютъ: можетъ быть, вслѣдствіе сильной перемѣны самочувствія, они, очнувшись, только ничего не помнятъ о томъ, что сознавалось ими во время обморока и того сна, который, повидимому, не сопровождался никакими сновидѣніями.

Очень важное значеніе имѣетъ еще четвертый законъ первой группы,

именно: ассоціація между двумя представленіями *можетъ* вслѣдствіе ихъ частаго повторенія другъ съ другомъ дойти до того, что сдѣлается *неразрывной, т.-е. столь сильной, что какъ только возникнетъ одно представленіе, такъ тотчасъ при всякихъ условіяхъ возникнетъ и другое.* Неразрывныя ассоціаціи образуются иногда еще и другими путями, именно: или потому, что одно изъ представленій было необычайно живо, или потому, что къ нему было привлечено чрезмѣрное вниманіе и т. п. Напр., если какое-нибудь событіе было необычайно важно для нашей жизни или вызвало сильныя эмоціи, то оно *обязательно* вспоминается по поводу тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ оно произошло. Но первый способъ образованія неразрывной ассоціаціи, т.-е. вслѣдствіе многократнаго повторенія двухъ представленій вмѣстѣ, оказывается особенно важнымъ по слѣдующей причинѣ:

Если вслѣдствіе многократнаго повторенія какого-либо сужденія связь его подлежащаго съ сказуемымъ сдѣлалась неразрывной, то она начинаетъ казаться связью необходимой даже и въ томъ случаѣ, если эта связь ошибочная, т.-е. это сужденіе начинаетъ казаться несомнѣнной истиной даже и въ томъ случаѣ, если оно на дѣлѣ ошибочно. Что это дѣйствительно такъ, подтвердить при помощи самонаблюденія въ высшей степени трудно. Вѣдь всякому кажется, что во всѣхъ его собственныхъ сужденіяхъ, которыя часто повторялись въ его сознаніи, есть необходимая связь между подлежащимъ и сказуемымъ, такъ что онъ считаетъ ихъ завѣдомо истинными и негодными для того, чтобы служить поясните льнымъ примѣромъ сказаннаго: всякій начнетъ спорить и защищать ихъ истинность. Поэтому для избѣжанія лишнихъ споровъ надо ссылаться, въ видѣ подтверждающихъ примѣровъ, раньше всего на такіе факты, которые переживаются не нами самими. Такъ, одинъ изъ сіамскихъ королей посадилъ датскаго консула въ тюрьму за явную, какъ казалось королю, ложь, состоявшую въ томъ, что, по словамъ консула, зимой на его родинѣ по замерзшимъ рѣкамъ можно переѣзжать на лошадяхъ. Очевидно, у сіамскаго короля, жителя жаркой страны, въ которой рѣки никогда не замерзаютъ, представленіе рѣки такъ неразрывно ассоціировалось съ представленіемъ ея жидкаго состоянія, что ему казалось явно невозможнымъ ѣздить по рѣкѣ на лошадяхъ: ему, вслѣдствіе частаго повторенія соотвѣтственнаго сужденія, казалось завѣдомой истиной, что рѣка бываетъ только жидкой. Другой примѣръ: считается непозволительнымъ, чтобы женщина первой объяснилась въ любви, т.-е. заявила раньше мужчины о своей любви къ нему, или—чтобы она сама предложила вступить съ ней въ бракъ. Она должна дождаться всего этого со стороны мужчины и только тогда можетъ высказаться, какъ бы ни терзалась она неопредѣленностью своихъ отношеній къ нему, и какъ бы ни было важно для всей ея жизни немедленно рѣшить вопросъ, есть ли надежда на ея бракъ съ нимъ. И все это считается должнымъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда она настолько состоятельна, что, выйдя замужъ за любимаго мужчину, не попадетъ ни въ малѣйшую матеріальную зависимость отъ него. Врядъ ли все это можно объяснить иначе, чѣмъ неразрывными ассоціаціями, установившимися еще въ тѣ

времена, когда женщины не сами *выходили*, но ихъ *выдавали* замужъ, даже не спрашивая объ ихъ любви къ выбранному для нихъ жениху. Врядъ ли, напр., надо объяснять это тѣмъ, что женщины болѣе самолюбивы, чѣмъ мужчины, и поэтому сильнѣе боятся не встрѣтить сочувствія на свое признаніе въ любви или получить отказъ на свое предложеніе брака. По крайней мѣрѣ, ни въ чемъ другомъ незамѣтно, чтобы въ среднемъ выводѣ у женщинъ было больше самолюбія, чѣмъ у мужчинъ.

Если же таково дѣйствіе неразрывныхъ ассоціацій на наши сужденія, то *при научныхъ изслѣдованіяхъ надо не упускать изъ виду, что убѣжденіе въ неоспоримой истинности научнаго сужденія тоже можетъ иной разъ оказаться всего лишь слѣдствіемъ неразрывной ассоціаціи, установившейся въ этомъ сужденіи между подлежащимъ и сказуемымъ.*

Повидимому, на-ряду съ только-что указанными количественными законами воспроизведенія представленія и разными другими, которые мы обошли молчаніемъ, существуетъ еще слѣдующій своеобразный законъ, который не упоминается въ психологической литературѣ: *если въ сознаніи недавно было представленіе А, съ которымъ ассоціировано М, то уже отъ одного этого на нѣкоторое время значительно усиливается воспроизводимость представленія М, хотя бы оно и не появилось въ сознаніи въ то время, когда въ немъ было представленіе А.* Другими словами: *сознаніе всегда предрасположено не только къ болѣе легкому воспроизведенію такихъ представленій, которыя недавно были въ немъ, но даже и такихъ, которыя въ немъ не были, а всего лишь ассоціированы съ недавно бывшими въ немъ.*

По крайней мѣрѣ, встрѣчаются факты, которые, *по всей видимости*, подтверждаютъ существованіе такого закона. Такъ, напримѣръ, однажды проф. А. И. Введенскій, торопясь ѣхать на лекцію, въ послѣднюю минуту вздумалъ навесть кое-какую справку въ „Логикѣ“ Милля, но по ошибкѣ взялъ въ руки „Письма“ Спинозы. Онъ *тотчасъ же* поставилъ ихъ на мѣсто съ *единственной*, какъ онъ твердо убѣжденъ, мыслью, мелькнувшей по поводу нихъ: „недурно бы прочесть какъ-нибудь на лекціяхъ текстъ отлученія Спинозы параллельно съ отлученіемъ Толстого, чтобы видно было, насколько тяжелѣе приходилось Спинозѣ изъ-за его отлученія“. Дѣло въ томъ, что къ „Письмамъ“ этотъ текстъ приложенъ, и книга раскрылась какъ разъ на немъ. Дорогой и передъ лекціей голова профессора была занята не Спинозой и не предстоящей лекціей логики, а разными текущими университетскими дѣлами (грозившими въ это время крупными безпорядками). Во время же лекціи, къ его удивленію, вдругъ у него возникло въ очень живомъ видѣ представленіе, съ котораго Льюисъ начинаетъ біографію Спинозы:—маленькаго еврейскаго мальчика, весело играющаго на улицѣ съ своими сестрами, а вслѣдъ за тѣмъ одна сцена изъ романа Ауербаха „Спиноза“ (собесѣдница Спинозы по поводу его упоминанія о „свободной необходимости“ съ насмѣшкой восклицаетъ, взглянувъ въ окно: „пролетѣлъ бѣлый воронъ!“). Біографія Спинозы, а тѣмъ болѣе такія вымышленныя мелочи изъ нея не находятся ни въ какой связи съ логикой. Связующимъ звеномъ лекціи со

Спинозой послужило только упоминаніе объ онтологическомъ аргументѣ, сопровождавшееся оговоркой, что въ разныхъ видоизмѣненіяхъ онъ встрѣчается у всѣхъ раціоналистовъ безъ исключенія. И вдругъ, послѣ того возникли эти двѣ мелочи изъ біографіи Спинозы! Повидимому, причина ихъ воспроизведенія—въ томъ, что сознаніе предрасположилось къ нимъ еще раньше мыслью о тягости послѣдствій отлученія Спинозы отъ синагоги, т.-е. воспоминаніемъ объ одномъ изъ эпизодовъ его *біографіи:* вслѣдствіе этого, онтологическій аргументъ, который встрѣчается и у Спинозы, напомнилъ другіе эпизоды изъ его *біографіи.*

Вполнѣ понятно, какъ трудно подбирать такіе примѣры, которые не были бы переполнены подробностями изъ личной жизни проф. А. И. Введенскаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ глазахъ его *читателей* были бы *явно* необъяснимы *никакимъ* инымъ путемъ, кромѣ только-что указаннаго закона. Одно лишь это обстоятельство и препятствуетъ проф. А. И. Введенскому настаивать рѣшительнымъ образомъ на существованіи упомянутаго закона. Про себя же онъ твердо убѣжденъ въ его существованіи, потому что *нерѣдко* подмѣчалъ въ себѣ явленія, которыя очень легко объясняются съ помощью этого закона, а безъ него выходятъ какими-то неестественными, необъяснимыми.

Здѣсь кстати. упомянуть еще *о такъ называемомъ самопроизвольномъ возникновеніи представленій.* Подъ этимъ именемъ подразумѣваются случаи, когда возникаетъ въ сознаніи, а иногда даже упорно преслѣдуетъ насъ, обращается какъ бы въ своего рода навязчивую мысль (въ навязчивую идею), воспоминаніе какого-нибудь двустишія, поговорки, музыкальной фразы, образъ какого-нибудь знакомаго и т. п., между тѣмъ какъ, имѣя въ виду ассоціированіе по смежности, сходству и контрасту, мы не въ состояніи объяснить ни перваго возникновенія такого воспоминанія, ни его навязчивыхъ повтореній. Впрочемъ, относительно этихъ случаевъ между психологами нѣтъ единогласія, считать ли ихъ совершенно необъяснимыми съ помощью уже извѣстныхъ психологіи законовъ воспроизведенія представленій, или же ихъ необъяснимость *этимъ путемъ* приписывать лишь тому, что въ быстромъ потокѣ душевныхъ явленій мы не умѣемъ выслѣдить всѣ тѣ обстоятельства, которыя, въ силу качественныхъ и количественныхъ законовъ воспроизведенія представленій, обусловливаютъ этотъ фактъ. Вѣдь надо не упускать изъ виду, что каждое мгновеніе наше вниманіе бываетъ сосредоточено только на частицѣ этого потока, такъ что, когда мы заднимъ числомъ хотимъ дать себѣ отчетъ въ его составѣ, то мы не въ состояніи припомнить послѣдняго въ полномъ видѣ: воспоминается изъ него лишь то, что̀ переживалось сравнительно съ бо̀льшимъ вниманіемъ (сравн. выше, стр. 199). Если же на-ряду съ другими законами воспроизведенія представленій допустить и тотъ законъ, по которому воспроизводимость представленія на нѣкоторое время повышается отъ одного лишь пребыванія въ сознаніи ассоціированнаго съ нимъ представленія (хотя бы послѣднее не успѣло его вызвать), то объясненіе

такъ называемаго самопроизвольнаго возникновенія представленій, конечно, сдѣлается гораздо легче.

20. Смѣна мыслей: ассоціаціи сужденій; значеніе ассоціаціи сужденій для знанія; знаніе безъ пониманія.

Кромѣ смѣны представленій, мы должны разсмотрѣть еще смѣну сужденій (сравн. стр. 187). *Психологи ошибочно думаютъ и пріучили большую публику къ ошибочной мысли, будто бы смѣна сужденій происходитъ только однимъ изъ двухъ слѣдующихъ путей: или путемъ переживанія умозаключеній, или же тѣмъ путемъ, что смѣняются представленія и воспріятія, а мы по поводу тѣхъ и другихъ составляемъ сужденія.* Послѣднія, конечно, могутъ быть по своему *содержанію* и старыми, уже пережитыми когда-либо, и новыми, еще никогда не переживавшимися до той поры; но даже и старыя по своему содержанію сужденія составляются здѣсь, какъ бы впервые, т.-е. заново, а не возникаютъ сами собой вслѣдствіе того, что они уже были пережиты раньше.

Въ дѣйствительности же, кромѣ этихъ двухъ путей, смѣна сужденій осуществляется еще тѣмъ путемъ, что пережитыя сужденія вступаютъ въ ассоціаціи смежности, какъ съ другими сужденіями, такъ съ представленіями и воспріятіями, при чемъ подъ вліяніемъ этихъ ассоціацій означенныя сужденія возникаютъ сами собой, когда повторяются въ сознаніи тѣ познавательныя переживанія, съ которыми они ассоціировались. Мы говоримъ, что означенныя сужденія возникаютъ „*сами собой*“. Это значитъ, что они не составляются заново, но *воспроизводятся* въ сознаніи совершенно такъ же, какъ воспроизводится, а не составляется заново представленіе, ассоціированное съ тѣмъ познавательнымъ переживаніемъ (съ воспріятіемъ или другимъ представленіемъ), которое находится въ сознаніи. Далѣе: мы говоримъ, что сужденія вступаютъ съ воспріятіями, представленіями и другими сужденіями въ ассоціаціи *смежности*. Это потому, что, кромѣ, можетъ быть, ассоціаціи близости, нельзя подмѣтить никакихъ другихъ ассоціацій сужденій съ воспріятіями, представленіями и сужденіями.

Приведемъ примѣры воспроизведенія сужденій вслѣдствіе ихъ ассоціацій съ другими познавательными переживаніями. *Такъ, если мы внимательно разсматривали какой-нибудь предметъ и вмѣстѣ съ тѣмъ судили о немъ, то при повтореніи воспріятія означеннаго предмета воспроизводятся тѣ сужденія объ этомъ предметѣ, которыя были пережиты при его разсматриваніи.* Напр., если мы убѣдились при разсмотрѣніи прямоугольнаго треугольника, что квадратъ его гипотенузы равенъ суммѣ квадратовъ его катетовъ, то при повтореніи воспріятія этого треугольника воспроизводится и сужденіе о квадратѣ его гипотенузы. Оно возникаетъ у насъ само собой, вовсе не потому, чтобы мы снова составляли его, но потому, что его вызываетъ ассоціированное съ нимъ воспріятіе треугольника. Другой примѣръ:

врачъ при видѣ какой-либо язвы *вспоминаетъ*, т.-е. въ его сознаніи *воспроизводятся*, тѣ сужденія по поводу этой язвы, которыя были имъ пережиты при разсматриваніи подобныхъ же язвъ, когда онъ еще учился распознавать ихъ. Какъ видимъ, въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ такимъ воспроизведеніемъ сужденій, которое обусловлено ихъ ассоціаціей съ *воспріятіемъ*.

Но сужденія, ассоціированныя съ какимъ-либо воспріятіемъ, воспроизводятся и при возникновеніи представленія этого воспріятія. Такъ, вышеупомянутое сужденіе о величинѣ квадрата гипотенузы часто воспроизводится не только по поводу воспріятія, но и по поводу *представленія* прямоугольнаго треугольника, при чемъ оно можетъ воспроизводиться даже и въ томъ случаѣ, когда въ сознаніи нѣтъ образа какого бы то ни было треугольника, а онъ замѣненъ образомъ слова „прямоугольный треугольникъ".

Наконецъ, *сужденія ассоціируются и другъ съ другомъ.* Въ самомъ дѣлѣ, *мы можемъ такъ заучить рядъ сужденій, что они будутъ воспроизводить другъ друга въ томъ же самомъ порядкѣ, какъ мы ихъ заучили, т.-е. какъ мы ихъ ассоціировали одно съ другимъ.* Исключительно къ такому ассоціированію сужденій между собой сводится, напр., заучиваніе разныхъ ошибочныхъ доказательствъ, которыя мы встрѣчаемъ у изучаемыхъ нами авторовъ, а также заучиваніе изложеній тѣхъ философскихъ системъ, въ которыхъ мы не понимаемъ внутренней, т.-е. логической связи ихъ частей. Вѣдь коль скоро сами мы не усматриваемъ никакой логической связи во всѣхъ подобныхъ доказательствахъ и изложеніяхъ, то соединеніе тѣхъ сужденій, изъ которыхъ составлены тѣ и другія, можно усвоить отнюдь не съ помощью ихъ логической связи (ибо мы не усматриваемъ ея, если даже она и существуетъ), но только путемъ механическаго ассоціированія между собой этихъ сужденій въ томъ же самомъ порядкѣ, въ которомъ они приводятся въ заучиваемыхъ доказательствахъ и изложеніяхъ философскихъ системъ. Напр.: развѣ не ясно, что слѣдующее доказательство, будто бы четыре равно двумъ, можно заучить не иначе, какъ съ помощью механическаго ассоціированія между собой тѣхъ сужденій, изъ которыхъ оно состоитъ, ассоціируя ихъ въ томъ же самомъ порядкѣ, какъ они изложены въ заучиваемомъ доказательствѣ? Именно: „обозначимъ $1+1$ буквой a и 2 буквой b, такъ что $a=b$. Тогда чрезъ умноженіе обѣихъ частей равенства на a получимъ:

1) $a^2 = ab$, отсюда же чрезъ вычитаніе b^2 получимъ:
2) $a^2 - b^2 = ab - b^2$, отсюда чрезъ разложеніе на множителей:
3) $(a+b)\ (a-b) = b\ (a-b)$, отсюда чрезъ дѣленія на $a-b$:
4) $(a+b) = b$.

А это значитъ, что $1+1+2$, т.-е. 4, равно 2".

Послѣ же того, какъ мы подмѣтили, что сужденія вступаютъ въ ассоціаціи съ воспріятіями, представленіями и другими сужденіями, уже совсѣмъ легко удостовѣриться, что *воспроизведеніе сужденій подчиняется большей части тѣхъ количественныхъ законовъ, которые управляютъ воспроизве-*

деніемъ представленій (и о которыхъ мы говорили выше на стр. 199—206). *Но нѣкоторые изъ нихъ, конечно, непримѣнимы къ воспроизведенію сужденій.* Таковъ, напр., первый упомянутый нами законъ, гласящій, что изо всѣхъ представленій, ассоціированныхъ съ однимъ и тѣмъ же находящимся въ сознаніи представленіемъ, наибольшею воспроизводимостью отличается то, которое соотвѣтствуетъ самому сильному воспріятію (см. стр. 199). Онъ, конечно, непримѣнимъ къ воспроизведенію сужденій, потому что къ нимъ непримѣнимо понятіе силы. Зато никто не станетъ спорить, что изо всѣхъ сужденій, ассоціированныхъ съ какимъ-либо воспроизводящимъ переживаніемъ, будетъ ли послѣднее воспріятіемъ, представленіемъ или другимъ сужденіемъ, наибольшей воспроизводимостью будетъ отличаться то, которое ассоціировано съ наибольшимъ вниманіемъ къ нему, или же—которое при равенствѣ вниманія ассоціировано позднѣе другихъ, или же—при равенствѣ прочихъ условій, чаще другихъ повторялось въ связи съ этимъ переживаніемъ и т. д. Настолько же безспорно, что изо всѣхъ воспріятій, представленій и сужденій, одновременно находящихся въ сознаніи и ассоціированныхъ съ какимъ-либо сужденіемъ, наибольшей воспроизводящей силой относительно него будетъ отличаться то переживаніе, къ которому привлечено наибольшее вниманіе, или же то воспріятіе и представленіе (но, конечно, не сужденіе), которое сильнѣе другихъ. Словомъ: воспроизведеніе сужденій подчиняется тѣмъ же самымъ количественнымъ законамъ, какъ и воспроизведеніе представленій, съ тѣмъ только отличіемъ, что понятія, упоминаемыя въ нѣкоторыхъ законахъ воспроизведенія представленій, оказываются непримѣнимыми къ сужденіямъ, такъ что *количественные законы, управляющіе воспроизведеніемъ сужденій, образуютъ всего лишь часть тѣхъ законовъ, которые управляютъ воспроизведеніемъ представленій.*

Ассоціаціи сужденій очень важны съ педагогической точки зрѣнія. Вѣдь всякое знаніе, какъ это доказывается въ логикѣ, *состоитъ не изъ отдѣльно взятыхъ понятій (или представленій), но изъ сужденій* (см. „Логика, какъ часть теоріи познанія“ А. И. Введенскаго, 3-е изд., стр. 7). Доказывается это тѣмъ, что знаніе должно состоять не иначе, какъ изъ *истинныхъ* мыслей; *истинными же и ложными могутъ быть только сужденія, а не отдѣльно взятыя понятія* (или представленія). Каково бы ни было по своему содержанію отдѣльно взятое понятіе, въ немъ еще нѣтъ ни истины, ни лжи, а та и другая появляются лишь съ того момента, когда мы сдѣлаемъ это понятіе частью какого-нибудь сужденія. Напр.: возьмемъ понятіе *завѣдомо несуществующаго* предмета, именно—трехголоваго человѣка. Въ немъ самомъ по себѣ еще нѣтъ никакой лжи, равно какъ и никакой истины. Но непремѣнно получится либо та, либо другая, если мы сдѣлаемъ это понятіе частью слѣдующихъ сужденій: „трехголовый человѣкъ существуетъ“ (ложь); „трехголовыхъ людей нѣтъ“ (истина). „Адамъ былъ трехголовымъ человѣкомъ“ (ложь); „онъ не былъ трехголовымъ человѣкомъ“ (истина). Возьмемъ теперь, наоборотъ, понятіе предмета, *завѣдомо существующаго*, хотя бы луны. Въ немъ самомъ по себѣ нѣтъ никакой истины,

равно какъ и никакой лжи. Но та или другая окажется только въ тѣхъ сужденіяхъ, частью которыхъ будетъ служить это понятіе, напр., въ такихъ сужденіяхъ: „луна вращается вокругъ земли“ (истина); „луна больше солнца“ (ложь) и т. п. Если же знаніе состоитъ не изъ отдѣльно взятыхъ представленій, но изъ сужденій, то *усвоеніе знанія сводится не къ ассоціированію отдѣльно взятыхъ представленій, какъ это обыкновенно думаютъ, но къ ассоціированію сужденій.* Вотъ этимъ и обусловлена важность (въ педагогическомъ отношеніи) того факта, что, кромѣ ассоціаціи представленій, существуетъ еще ассоціація сужденій.

И онъ тѣмъ важнѣе, что отъ него зависитъ *возможность подмѣны знанія самого изучаемаго предмета знаніемъ однихъ лишь чужихъ сужденій о немъ. Обыкновенно такое подмѣненное знаніе называется знаніемъ безъ пониманія*, и оно нерѣдко наблюдается даже на университетскихъ экзаменахъ. А при той торопливости, съ какой они происходятъ, знаніе безъ пониманія бываетъ на дѣлѣ гораздо чаще, чѣмъ его успѣваютъ подмѣтить экзаменаторы. По окончаніи экзамена многіе учащіеся сами сознаютъ, сами убѣждены, что хотя они отлично выдержали экзаменъ, но рѣшительно ничего не понимаютъ въ выученномъ ими предметѣ, напр.—въ изложеніи разныхъ философскихъ системъ. При этомъ важно, что они понимаютъ значеніе всѣхъ словъ, употребляемыхъ при изложеніи этого предмета, а вовсе не ограничиваются заучиваніемъ однихъ лишь словъ и рѣчей, которыми онъ изложенъ. Напротивъ, они легко и правильно передаютъ его собственными словами и даже хорошо отвѣчаютъ на разные вопросы, предлагаемые имъ въ разбивку, между тѣмъ, по ихъ же собственному убѣжденію, вовсе не понимаютъ выученнаго ими.

Въ чемъ же состоитъ знаніе безъ пониманія, т.-е. подмѣна знанія предмета знаніемъ чужихъ сужденій о немъ? Въ ассоціированіи послѣднихъ между собой безъ всякаго собственноличнаго разсмотрѣнія этого предмета, такъ что эти сужденія окажутся ассоціированными только другъ съ другомъ, а не съ самимъ предметомъ, о которомъ говорится въ нихъ. Знаніе каждаго предмета должно такъ пріобрѣтаться, чтобы мы сами разсматривали этотъ предметъ или, по крайней мѣрѣ, его живой образъ, и чтобы именно такимъ путемъ мы заставляли возникать въ насъ тѣ сужденія, изъ которыхъ состоитъ знаніе этого предмета. Вѣдь при такихъ условіяхъ эти сужденія будутъ ассоціированы не только между собой, но также, и даже гораздо сильнѣе, съ тѣмъ предметомъ, о которомъ они говорятъ, такъ что при встрѣчѣ съ нимъ онъ непремѣнно будетъ воспроизводить въ нашемъ сознаніи эти сужденія, и мы будемъ *знать*, что̀ надо ждать отъ этого *предмета*, и какъ слѣдуетъ поступать съ *нимъ*. Чужія же сужденія объ изучаемомъ предметѣ, напр.—сужденія, образующія учебникъ или профессорскія лекціи, должны служить при правильномъ пріобрѣтеніи знанія всего только указаніемъ, на что̀ и въ какомъ порядкѣ надо обращать вниманіе при собственноличномъ разсмотрѣніи этого *предмета*. Поэтому, всѣ эти сужденія вполнѣ основательно называются *руководствомъ*: они только *руководятъ* нами при

пріобрѣтеніи подлиннаго знанія, но его самого еще не составляютъ. Если же мы ограничимся всего лишь запоминаніемъ этихъ сужденій, ассоціируя ихъ другъ съ другомъ въ надлежащимъ порядкѣ, такъ что въ состояніи будемъ воспроизводить ихъ въ этомъ порядкѣ и даже высказывать ихъ своими собственными словами, но достигнемъ всего этого, вовсе не разсматривая самого предмета, о которомъ они говорятъ, или, по крайней мѣрѣ, живого образа этого предмета, то мы произведемъ подмѣну знанія предмета знаніемъ чужихъ сужденій о немъ, т.-е. пріобрѣтемъ знаніе безъ пониманія. Вѣдь усвоенныя нами сужденія будутъ ассоціированы только между собой, такъ что каждое изъ нихъ будетъ воспроизводиться въ насъ только другимъ *сужденіемъ*, а не тѣмъ *предметомъ*, о которомъ говорится въ нихъ. Слѣд., при встрѣчѣ съ этимъ предметомъ мы будемъ чувствовать себя такъ, какъ если бы никогда не изучали его: мы не будемъ знать ни того, чего надо ждать отъ него, ни того, какъ слѣдуетъ обращаться съ нимъ; ибо самъ онъ не воспроизводитъ въ насъ никакихъ сужденій о немъ, хотя они и выучены нами.

И разсматриваемая подмѣна знанія, т.-е. знаніе безъ пониманія, встрѣчается въ двоякой формѣ. Первая форма встрѣчается въ тѣхъ случаяхъ, когда заучиваемыя сужденія образуютъ рядъ умозаключеній, какъ это бываетъ, напр., при доказательствѣ геометрическихъ теоремъ. Здѣсь подмѣна знанія предмета знаніемъ чужихъ сужденій о немъ состоитъ въ томъ, что учащійся никогда не додумывался до *собственнаго усмотрѣнія* логической связи между ассоціированными имъ сужденіями, *никогда не переживалъ* этой связи въ *собственномъ* мышленіи; вмѣсто того онъ ограничился запоминаніемъ *чужой* мысли о существованіи этой связи да надлежащаго порядка и содержанія тѣхъ сужденій, между которыми она существуетъ. Именно: хотя онъ и высказываетъ то или другое сужденіе, какъ выводъ, и приводитъ рядомъ съ нимъ нѣсколько другихъ сужденій, какъ бы посылки, изъ которыхъ вытекаетъ этотъ выводъ, но на дѣлѣ самъ онъ никогда не удостовѣрялся, что такой выводъ дѣйствительно вытекаетъ изъ приводимыхъ имъ посылокъ. Онъ это принялъ на вѣру, какъ чужое сужденіе, которое онъ ассоціировалъ съ упомянутыми сужденіями, и съ помощью котораго онъ во время своего отвѣта ставитъ на подобающемъ мѣстѣ союзъ, показывающій зависимость вывода отъ посылокъ, въ родѣ — „слѣдовательно, потому что“ и т. д. И путемъ подобнаго ассоціированія сужденій, служащихъ другъ для друга посылками и выводомъ, съ чужимъ сужденіемъ о томъ, что именно служитъ въ первыхъ посылками и что выводомъ, получается знаніе, вполнѣ пригодное для удачнаго, торопливо производимаго экзамена, напр.— знаніе доказательства теоремы, но безъ всякаго пониманія выученнаго предмета.

И надо замѣтить, что такой способъ заучиванія умозаключеній составляетъ, къ сожалѣнію, нерѣдкое явленіе. Далеко не всѣ любятъ сами умозаключать или, какъ обыкновенно выражаются, ломать свою голову. Множество людей гораздо охотнѣе предоставляютъ продѣлывать эту работу другимъ, авторитету которыхъ они довѣряютъ, сами же ограничиваются простымъ запоминаніемъ сужденій, служащихъ посылками и выводомъ, вмѣстѣ

съ *чужими* сужденіями о томъ, что первыя дѣйствительно служатъ другъ для друга посылками и выводами. Нѣкоторые учащіеся увѣрены даже (по крайней мѣрѣ, въ началѣ своего обученія въ высшей школѣ), будто бы изученіе науки вообще сводится всего лишь къ запоминанію *чужихъ* мыслей, выработанныхъ въ ней, а не къ возбужденію по ихъ образцу въ своемъ умѣ своихъ собственныхъ мыслей, не къ собственноличной подробной провѣркѣ всѣхъ узнанныхъ чужихъ сужденій и чужихъ умозаключеній.

Другая же форма разсматриваемой подмѣны знанія встрѣчается, когда чужія сужденія образуютъ не умозаключенія, но либо описаніе, либо повѣствованіе. И въ каждомъ изъ этихъ случаевъ подмѣна знанія предмета знаніемъ чужихъ сужденій о немъ сводится къ тому, что эти сужденія ассоціируются нами одно съ другимъ прямо, безъ всякой собственноличной провѣрки, какъ правильности содержанія каждаго изъ нихъ, такъ и правильности того порядка, въ которомъ надо присоединять ихъ одно къ другому. Мы, напр., сами вовсе не разсматриваемъ ни того предмета, который описываютъ чужія сужденія, ни образа этого предмета, а просто запоминаемъ описаніе послѣдняго, т.-е. чужія сужденія о данномъ предметѣ, безъ всякой собственноличной провѣрки этого описанія. Такъ, пусть у насъ идетъ рѣчь о составѣ общихъ представленій; и вотъ, многіе учащіеся вовсе не разсматриваютъ въ самихъ себѣ, т.-е. путемъ собственнаго самонаблюденія этого состава, а просто заучиваютъ его описаніе безъ всякой провѣрки заучиваемаго. Такимъ образомъ, они подмѣниваютъ знаніе самихъ общихъ представленій всего лишь знаніемъ чужихъ сужденій объ этихъ представленіяхъ.

Замѣтимъ кстати, что преподавателямъ психологіи особенно часто приходится сталкиваться съ подобной подмѣной. Дѣло въ томъ, что ни съ однимъ изъ тѣхъ предметовъ, о которыхъ говорится въ психологіи, нельзя поступить, какъ съ какой-либо машиной или съ скелетомъ животнаго и т. п., т.-е. нельзя поставить его передъ учащимися и, показывая пальцемъ, говорить: „вотъ, сперва смотрите сюда, а потомъ сюда и т. д.“, а самому вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдить, куда именно смотрятъ они. Напротивъ, въ психологіи приходится ограничиваться только тѣмъ, чтобы разсказать, какъ слѣдуетъ учащимся производить самонаблюденіе, а нельзя слѣдить, производятъ ли они его на самомъ дѣлѣ или нѣтъ, и такъ ли производятъ, какъ нужно. Между тѣмъ не только не всѣ имѣютъ наклонность къ психологическому самонаблюденію, но даже далеко не всѣ способны къ нему. Поэтому многіе учащіеся вмѣсто того, чтобы пользоваться преподавательскими словами или словами учебника, всего лишь какъ руководствомъ къ психологическому самонаблюденію, ограничиваются однимъ только запоминаніемъ сужденій, высказанныхъ этими словами, безъ всякой собственной провѣрки такихъ сужденій [1]).

[1]) Вслѣдствіе этого нерѣдко возникаетъ и такое явленіе: когда что-нибудь натолкнетъ учащагося на самонаблюденіе надъ своими переживаніями, напр.—надъ общими представленіями, то онъ относится къ тому, что онъ самъ подмѣтитъ въ нихъ, какъ къ чему-то новому, совершенно неизвѣстному ему до сихъ поръ, хотя бы онъ отлично выучилъ и твердо помнилъ все психологическое ученіе объ этихъ представленіяхъ; но

И здѣсь передъ нами одна изъ тѣхъ причинъ, по которымъ не слѣдовало бы преподавать психологію въ средней школѣ. Она совсѣмъ не пригодна для того, чтобы служить средствомъ, съ помощью котораго ученики отвыкали бы отъ наклонности подмѣнивать изученіе самого предмета изученіемъ чужихъ мыслей о немъ, т.-е. отъ наклонности усванвать знаніе безъ пониманія. Напротивъ, преподаваніе психологіи должно еще болѣе укрѣплять въ этой наклонности почти всѣхъ учениковъ средней школы.

Наконецъ, замѣтимъ, что съ подмѣной знанія душевныхъ явленій знаніемъ чужихъ мыслей объ этихъ явленіяхъ мы сталкиваемся не только въ школахъ. Не мало такихъ психологическихъ сочиненій, изъ которыхъ ясно видно, что ихъ авторы вовсе не знаютъ самихъ тѣхъ душевныхъ явленій, о которыхъ они пишутъ, что сами они ихъ никогда не разсматривали, а всѣ ихъ свѣдѣнія ограничиваются только знаніемъ чужихъ сужденій объ этихъ явленіяхъ, именно — сужденій генераловъ отъ психологіи. Да и въ другихъ наукахъ, такъ называемыя, компиляціи нерѣдко обнаруживаютъ, что ихъ авторы ограничиваются только знаніемъ чужихъ мыслей о томъ предметѣ, о которомъ они пишутъ, а его самого никогда не изучали.

Психологи не говорятъ объ ассоціаціяхъ сужденій, какъ объ особомъ случаѣ ассоціаціи мыслей. Этимъ путемъ психологи поддерживаютъ въ большой публикѣ ошибочное мнѣніе, будто бы существуетъ только одинъ видъ непониманія, именно — *непониманіе рѣчи, т.-е. значенія словъ*. Въ дѣйствительности же существуетъ еще, какъ мы видѣли, *знаніе безъ пониманія*, т.-е. непониманіе *знанія*, хотя рѣчь, которой высказывается это знаніе, часто понимается съ такой ясностью, что мы въ состояніи вполнѣ правильно высказать его собственными словами. И состоитъ такое непониманіе, какъ мы сейчасъ видѣли, въ подмѣнѣ знанія самого изучаемаго предмета знаніемъ однѣхъ лишь чужихъ мыслей о немъ. Здѣсь педагогика вмѣсто того, чтобы основываться на современной психологіи, значительно опередила ее; ибо педагогика давно уже настойчиво утверждаетъ, что правильное преподаваніе должно быть *наглядньмъ. Наглядность же преподаванія состоитъ въ томъ, что мы заставляемъ учениковъ усванвать знаніе путемъ собственноличнаго разсмотрѣнія изучаемаго предмета или, по крайней мѣрѣ, живого образа этого предмета.* Слѣд., требуя наглядности въ преподаваніи, педа-

---

ни одно изъ образующихъ его сужденій не приходитъ ему теперь въ голову. Это — оттого, что всѣ эти сужденія усвоены имъ, какъ чужія, ассоціированы только между собой, а не съ самимъ предметомъ, который описывается этими сужденіями, напр., не съ самими общими представленіями. Другими словами: у такихъ людей при разсмотрѣніи предмета, описаніе котораго заучено ими въ видѣ ряда чужихъ сужденій объ этомъ предметѣ, иногда возникаетъ такое *собственное* сужденіе о немъ, которое вполнѣ совпадаетъ съ однимъ изъ заученныхъ ими, но они не замѣчаютъ этого и относятся къ такому сужденію, какъ бы къ знанію *впервые* пріобрѣтенному ими. И они правы: знаніе самого разсматриваемаго ими предмета дѣйствительно пріобрѣтено ими лишь теперь. Вѣдь оно впервые возникло у нихъ въ головѣ въ видѣ *собственнаго* сужденія, вызваннаго наблюденіемъ этого предмета; а до сихъ поръ они знали всего лишь *чужія* сужденія о немъ.

гогика тѣмъ самымъ требуетъ такихъ мѣръ, которыя противодѣйствуютъ наклонности учащихся подмѣнивать знаніе предмета знаніемъ чужихъ мыслей о немъ, т.-е. наклонности усваивать знаніе безъ пониманія.

21. Смѣна мыслей: умозаключенія; разница между логической и психологической точкой зрѣнія на нихъ; основныя задачи и современное положеніе психологіи умозаключеній.

Къ ученію о смѣнѣ мыслей, кромѣ уже разсмотрѣнныхъ нами вопросовъ, относится еще переживаніе умозаключеній, потому что оно тоже состоитъ изъ смѣны мыслей. Терминъ „умозаключеніе“, равно какъ и всѣ названія частей умозаключенія, установлены логикой, которая тщательно изучала умозаключенія гораздо раньше, чѣмъ психологія, но, конечно, съ своей особой точки зрѣнія. Всѣ эти названія были усвоены и психологіей. Поэтому прежде всего надо еще ознакомиться съ ними.

Умозаключеніемъ въ логикѣ называется такое соединеніе двухъ или бо́льшаго числа сужденій, относительно котораго намъ, по крайней мѣрѣ, кажется, что съ однимъ изъ нихъ насъ принуждаютъ согласиться остальныя, если мы согласны съ каждымъ изъ нихъ. Напр., два слѣдующихъ соединенія сужденій составляютъ умозаключенія: 1) „собака животное; слѣд., голова собаки есть голова животнаго“; 2) „ртуть жидкость, а всѣ жидкости упруги; слѣд., и ртуть упруга“. Въ каждомъ умозаключеніи то сужденіе, соглашаться съ которымъ насъ принуждаютъ или, по крайней мѣрѣ, кажется, что принуждаютъ, остальныя, называется *выводомъ* или *заключеніемъ*. Въ первомъ примѣрѣ выводомъ или заключеніемъ служитъ сужденіе „голова собаки есть голова животнаго“, а во второмъ примѣрѣ—„ртуть упруга“. Сужденія же, которыя принуждаютъ или, по крайней мѣрѣ, кажутся принуждающими соглашаться съ выводомъ, называются *посылками*. Въ первомъ примѣрѣ одна посылка „собака—животное“, а во второмъ ихъ двѣ: „ртуть—жидкость“ и „всѣ жидкости упруги“.

Въ нѣкоторыхъ умозаключеніяхъ намъ только съ перваго взгляда кажется, что ихъ посылки принуждаютъ соглашаться съ выводомъ, а при ближайшемъ разсмотрѣніи обнаруживается, что въ дѣйствительности нѣтъ такого принужденія. Всѣ подобныя умозаключенія логика называетъ *неправильными* или *ошибочными*. Тѣ же умозаключенія, въ которыхъ посылки дѣйствительно принуждаютъ соглашаться съ выводомъ, логика называетъ *правильными*. Про выводъ правильныхъ умозаключеній въ логикѣ принято говорить, что онъ въ нихъ *вытекаетъ* или *слѣдуетъ*, или *получается* изъ посылокъ. Про выводъ же неправильныхъ принято говорить, что въ нихъ выводъ не вытекаетъ, не слѣдуетъ, не получается изъ посылокъ, а также, что онъ ошибочно выведенъ или ошибочно полученъ.

Итакъ, умозаключенія разсматриваются и въ логикѣ, и въ психологіи, но въ каждой изъ нихъ съ особой точки зрѣнія. Именно: *логика разсма-*

триваетъ готовыя умозаключенія, т.-е. готовыя соединенія сужденій въ видѣ выводовъ и посылокъ, и разсматриваетъ ихъ только со стороны ихъ правильности и ошибочности, не обращая никакого вниманія на тѣ душевныя переживанія, благодаря которымъ впервые возникаютъ эти соединенія. Логика ограничивается только тѣмъ, что, всматриваясь въ *готовыя* умозаключенія, подмѣчаетъ, какимъ правиламъ подчинены ихъ составныя части (т.-е. посылки и выводы) въ тѣхъ случаяхъ, когда посылки дѣйствительно принуждаютъ соглашаться съ выводомъ. Далѣе: съ помощью этихъ правилъ логика выясняетъ, въ чемъ состоятъ тѣ ошибки, т.-е. тѣ нарушенія только-что упомянутыхъ правилъ, которыя по временамъ встрѣчаются въ умозаключеніяхъ. Но и здѣсь логика описываетъ только составъ ошибокъ, а вовсе не тѣ душевныя переживанія, которыя приводятъ къ возникновенію ошибочныхъ умозаключеній. Такимъ образомъ, какъ въ правильныхъ, такъ и въ ошибочныхъ умозаключеніяхъ, логика игнорируетъ тѣ душевныя переживанія, которыя происходятъ при возникновеніи умозаключеній, а сосредоточиваетъ все свое вниманіе только на составѣ и правилахъ *готовыхъ* умозаключеній. Въ этомъ и состоитъ особенность точки зрѣнія логики на умозаключенія.

До какой степени логика игнорируетъ тѣ душевныя переживанія, которыя происходятъ при умозаключеніяхъ, а сосредоточиваетъ все свое вниманіе исключительно на составѣ и правилахъ *готовыхъ* умозаключеній, съ особенной ясностью видно изъ слѣдующаго факта. Логика иногда называетъ *сложными* умозаключеніями, иначе—*соединеніями* умозаключеній, такія, относительно которыхъ вполнѣ ясно, что ихъ переживаніе вовсе не состоитъ изъ соединенія переживаній нѣсколькихъ умозаключеній. Напр., именно такъ логика поступаетъ съ умозаключеніемъ: „всѣ металлы простыя (т.-е. несложныя) тѣла; значитъ, ни одно сложное тѣло не составляетъ металла“. Она говоритъ, что это умозаключеніе состоитъ изъ *соединенія* двухъ слѣдующихъ: 1) „всѣ металлы—простыя (т.-е. несложныя) тѣла; слѣд., ни одинъ металлъ не составляетъ сложнаго тѣла“; 2) „ни одинъ металлъ не составляетъ сложнаго тѣла; слѣд., ни одно сложное тѣло не составляетъ металла“. Но вполнѣ очевидно, что когда мы изъ посылки „всѣ металлы простыя (т.-е. несложныя) тѣла“ заключаемъ, что „ни одно сложное тѣло не составляетъ металла“, то у насъ не происходитъ такого переживанія, которое состояло бы изъ только-что указаннаго *соединенія* двухъ умозаключеній. Напротивъ, въ этомъ случаѣ происходитъ переживаніе всего лишь *одного* умозаключенія: вѣдь изъ посылки „всѣ металлы простыя (т.-е. несложныя) тѣла“ мы *прямо* заключаемъ, что „ни одно сложное тѣло не составляетъ металла“. Почему же логика называетъ это умозаключеніе *сложнымъ*, состоящимъ изъ *соединенія* двухъ умозаключеній? Это объясняется тѣмъ, что она разсматриваетъ его и называетъ сложнымъ *независимо* отъ того, какія душевныя переживанія или процессы мышленія происходятъ при этомъ умозаключеніи; ибо ее интересуютъ вовсе не эти переживанія или процессы, а только составъ *готоваго* умозаключенія. И она потому *условливается* называть это умозаключеніе

сложнымъ, что тѣ правила, какимъ долженъ подчиняться составъ такого *готоваго* умозаключенія, легче установить, если разсматривать его, какъ соединеніе двухъ вышеуказанныхъ умозаключеній.

Теперь мы знаемъ, въ чемъ состоятъ задачи логики относительно умозаключеній, и въ чемъ особенность ея точки зрѣнія на нихъ. Что же касается психологіи, то она сообразно съ своими общими задачами (о нихъ см. стр. 3—5) должна изучить: *во-первыхъ, тѣ душевныя переживанія, иначе — тѣ процессы мышленія, которые происходятъ, когда сужденія еще только присоединяются одно къ другому въ видѣ вывода и посылокъ; во-вторыхъ, тѣ переживанія, которыя происходятъ, когда мы, вглядываясь въ готовое умозаключеніе, рѣшаемъ, слѣдуетъ ли его считать правильнымъ или ошибочнымъ.* Такимъ образомъ, психологіи приходится изучать въ умозаключеніяхъ то, что въ нихъ игнорируется логикой, а логикѣ то, что игнорируется психологіей. Поэтому логическое и психологическое ученія объ умозаключеніяхъ не могутъ замѣнить другъ друга, и если кто узнаетъ только одно изъ нихъ, у того еще не будетъ ни малѣйшаго понятія о другомъ.

Но прежде чѣмъ излагать психологію умозаключеній, отмѣтимъ, что въ то время, какъ съ логической точки зрѣнія умозаключенія уже давно изучены самымъ подробнымъ образомъ, психологическое ученіе объ нихъ совершенно не разработано и переполнено либо разнообразными выдумками, обусловленными смѣшеніемъ логической точки зрѣнія съ психологической, либо подмѣной психологіи метафизикой.

Смѣшеніе логической точки зрѣнія съ психологической нерѣдко доходитъ до того, что думаютъ, будто бы при существованіи логики уже нѣтъ никакой надобности въ особомъ психологическомъ ученіи объ умозаключеніяхъ. Въ самомъ дѣлѣ: во многихъ курсахъ психологіи даже вовсе не упоминаютъ объ умозаключеніяхъ, а въ другихъ очень часто ограничиваются только тѣмъ, что повторяютъ въ сжатомъ видѣ логическое ученіе о нихъ. Зато не рѣдкость встрѣтить не въ психологіи, но въ логикѣ попытки описывать переживанія умозаключеній, фактъ—тоже свидѣтельствующій о смѣшеніи логической точки зрѣнія на умозаключенія съ психологической. Но эти попытки почти всегда страдаютъ слѣдующей ошибкой: *за описаніе означенныхъ переживаній принимаются, и при томъ безъ всякой провѣрки посредствомъ самонаблюденія надъ этими переживаніями, тѣ мнѣнія по поводу нихъ, которыя приходятъ въ голову при разсмотрѣніи состава готовыхъ умозаключеній.* А такія мнѣнія, разумѣется, могутъ оказаться далеко не соотвѣтствующими дѣйствительности. Напр., если кто вообразитъ, будто бы то душевное переживаніе, которое происходитъ при умозаключеніи „металлы простыя тѣла; слѣд., ни одно сложное тѣло не составляетъ металла“ состоитъ изъ соединенія переживанія двухъ умозаключеній, указанныхъ выше, на стр. 215, тотъ составитъ себѣ совершенно ложное мнѣніе объ этомъ переживаніи. А вообразить это очень легко, потому что логика называетъ такое умозаключеніе *сложнымъ, состоящимъ изъ соединенія двухъ* простыхъ (сравн. выше,

стр. 215). И вотъ, подобными выдумками переполнена современная психологія умозаключеній.

Что же касается подмѣны психологіи метафизикой, то она сказывается въ томъ, что часто *описываютъ* процессы возникновенія умозаключеній, какъ проявленія разныхъ *актовъ* души, съ самымъ серьезнымъ видомъ *объясняютъ* эти процессы такими актами. Но мы уже говорили выше на стр. 141—145, что мы никогда не наблюдаемъ въ себѣ непосредственно никакихъ подобныхъ актовъ, что они всего только примышляются нами къ тому, что̀ дѣйствительно наблюдается въ нашихъ душевныхъ переживаніяхъ. Стало быть, въ упомянутыхъ описаніяхъ и объясненіяхъ мы имѣемъ дѣло съ явной подмѣной психологіи метафизикой.

Въ виду полнѣйшей неразработанности психологіи умозаключеній, мы изложимъ ее только въ общихъ чертахъ, при чемъ *главная цѣль нашего изложенія—сдѣлать наглядным, что̀ такое психологія умозаключеній, если ея не смѣшиваютъ съ логикой и не подмѣниваютъ метафизикой.* При рѣшеніи же двухъ вышеуказанныхъ (на стр. 216) задачъ психологіи умозаключеній мы всегда будемъ имѣть въ виду одни только *подлинныя умозаключенія.*

Объяснимъ, что это значитъ, и почему мы будемъ ограничиваться одними подлинными умозаключеніями. Есть такія соединенія *предложеній*, которыя очень похожи на умозаключенія, но въ дѣйствительности ихъ не составляютъ. Таково, напримѣръ, слѣдующее соединеніе двухъ предложеній: „древніе персы поклонялись *солнцу* (ударѐніе на словѣ солнцу); слѣд., то, чему поклонялись древніе персы, есть солнце“. Здѣсь то предложеніе, которое кажется выводомъ, въ дѣйствительности не обозначаетъ никакого *новаго сужденія*, а служитъ лишь другимъ словеснымъ выраженіемъ того же самаго сужденія, которое кажется посылкой (сравн. выше, стр. 177). *Вотъ всѣ такія соединенія предложеній, которыя кажутся умозаключеніями, но въ которыхъ то, что̀ кажется выводомъ, служитъ лишь повтореніемъ, въ полномъ или частичномъ видѣ, того же самаго, что̀ говорится въ кажущихся посылкахъ, называются кажущимися умозаключеніями. Въ подлинныхъ же умозаключеніяхъ выводомъ служитъ всегда сужденіе новое сравнительно съ посылками.* Такъ, напр., дѣло стоитъ въ умозаключеніяхъ: „собака животное; слѣд., голова собаки есть голова животнаго“; или— „ртуть жидкость, а всѣ жидкости упруги; значитъ, и ртуть упруга“. Въ каждомъ изъ этихъ умозаключеній выводомъ служитъ такое сужденіе, которое отнюдь не составляетъ простого повторенія сказаннаго въ посылкахъ. Причина же, по которой мы будемъ имѣть въ виду одни только подлинныя умозаключенія, состоитъ въ томъ, что переживанія, которыя происходятъ при кажущихся умозаключеніяхъ, составляютъ не смѣну сужденій, но всего лишь повтореніе прежнихъ сужденій въ полномъ или частичномъ видѣ. Психологія же разсматриваетъ умозаключенія, какъ частный случай смѣны сужденій (сравн. выше стр. 214).

Подлинныя же умозаключенія логика раздѣляетъ на: пригодныя для

доказательствъ, неполную индукцію и заключенія по аналогіи. Что же касается упоминаемой въ логикѣ полной индукціи, то она принадлежитъ къ кажущимся умозаключеніямъ (о чемъ см. А. И. Введенскаго „Логика, какъ часть теоріи познанія“, 3-е изд., стр. 148). Такимъ образомъ, психологіи умозаключеній приходится имѣть въ виду, по крайней мѣрѣ, четыре задачи: 1—выяснить тѣ душевныя переживанія, которыя происходятъ, когда мы, вглядываясь въ готовое умозаключеніе, рѣшаемъ вопросъ, принадлежитъ ли оно къ правильнымъ или ошибочнымъ; 2—выяснить душевныя переживанія, которыя происходятъ при возникновеніи умозаключеній, пригодныхъ для доказательствъ; 3—выяснить душевныя переживанія, которыя происходятъ при возникновеніи вывода въ неполной индукціи; 4—выяснить душевныя переживанія, которыя происходятъ при возникновеніи заключеній по аналогіи. Въ этомъ порядкѣ мы и будемъ разсматривать всѣ упомянутыя душевныя переживанія. Но сперва ознакомимся, въ чемъ разница между умозаключеніями, пригодными для доказательствъ, неполной индукціей и заключеніями по аналогіи.

Подъ пригодными для доказательствъ подразумѣваются такія умозаключенія, которыя служатъ вполнѣ строгимъ доказательствомъ истинности ихъ вывода, *если только* они правильныя и состоятъ изъ истинныхъ посылокъ. Таково, напр., умозаключеніе: „ртуть жидкость, а всѣ жидкости упруги; значитъ, и ртуть упруга“. Это умозаключеніе правильное, и оно состоитъ изъ истинныхъ посылокъ; поэтому оно служитъ вполнѣ строгимъ доказательствомъ, что „ртуть упруга“. Сюда же принадлежатъ слѣдующія умозаключенія: „киты не дышатъ жабрами, а рыбы дышатъ жабрами; слѣд., киты не рыбы“; „собака животное; слѣд., голова собаки есть голова животнаго“ и т. п. Каждое изъ нихъ служитъ доказательствомъ вывода, коль скоро у него истинныя посылки; ибо каждое изъ этихъ умозаключеній правильное, т.-е. въ немъ посылки дѣйствительно принуждаютъ соглашаться съ выводомъ, коль скоро мы согласимся съ посылками.

Что же касается неполной индукціи и заключеній по аналогіи, то хотя во время ихъ возникновенія у насъ обязательно бываетъ бо́льшая или меньшая увѣренность въ истинности ихъ выводовъ, тѣмъ не менѣе они никакъ не могутъ служить доказательствомъ послѣдняго, какъ бы ни были достовѣрны посылки, изъ которыхъ они составлены, и какъ бы ни была сильна упомянутая увѣренность. Поэтому они называются въ логикѣ непригодными для доказательствъ. А ихъ непригодность служить доказательствомъ видна изъ ихъ описанія.

Неполная (иначе—популярная) индукція состоитъ, если ее взять въ готовомъ видѣ, въ томъ, что *на основаніи посылокъ, указывающихъ что-нибудь, какъ вѣрное относительно всего лишь нѣсколькихъ случаевъ или примѣровъ одного и того же рода, въ выводѣ это же самое объявляется вѣрнымъ относительно всѣхъ случаевъ этого рода.* Напр.: „золото металлъ и вмѣстѣ съ тѣмъ хорошій проводникъ электричества; серебро тоже металлъ и вмѣстѣ съ тѣмъ хорошій проводникъ; желѣзо металлъ и тоже хорошій

проводникъ; мѣдь металлъ и тоже хорошій проводникъ; слѣд., всѣ металлы хорошіе проводники электричества". Здѣсь на основаніи посылокъ, говорящихъ всего лишь о четырехъ металлахъ, что каждый изъ нихъ служитъ хорошимъ проводникомъ электричества, мы заключаемъ, что и *всѣ* металлы хорошіе проводники.

Разумѣется, въ то время, когда у насъ впервые возникаетъ подобное умозаключеніе, появляется и бо̀льшая или меньшая увѣренность въ истинности его вывода, напр., въ томъ, что всѣ металлы хорошіе проводники электричества. Если бы она не появлялась, то мы не дѣлали бы нашего вывода, напр., не стали бы утверждать на основаніи только-что приведенныхъ посылокъ, будто бы всѣ металлы хорошіе проводники электричества. Но вмѣстѣ съ тѣмъ легко понять, что такое умозаключеніе еще не можетъ служить доказательствомъ, что здѣсь выводъ еще не вытекаетъ изъ посылокъ; ибо такое умозаключеніе оставляетъ открытой ту возможность, что хорошими проводниками окажутся далеко не всѣ металлы, а, можетъ быть, только тѣ, о которыхъ мы упомянули въ своихъ посылкахъ. Вѣдь если *нѣсколько* взятыхъ нами предметовъ одного и того же рода обладаютъ какимъ-либо свойствомъ, то это еще не значитъ, что то же самое свойство непремѣнно будетъ у *всѣхъ* предметовъ того же рода: можетъ быть и такъ, а можетъ быть и иначе. Напр.: если нѣсколько взятыхъ нами людей оказываются черноволосыми, то это еще не значитъ, что всѣ люди будутъ черноволосыми. Если же неосторожные люди и употребляютъ неполную индукцію, какъ доказательство, при чемъ вовсе не заботятся о подкрѣпленіи ея вывода какими-либо другими доводами, то это объясняется тѣмъ, что здѣсь возникновеніе вывода всегда сопровождается появленіемъ увѣренности въ его истинности; а неосторожные люди упускаютъ изъ виду, что даже наисильнѣйшая увѣренность въ истинности какой-нибудь мысли еще не можетъ служить свидѣтельствомъ доказанности этой мысли.

Для объясненія неполной индукціи мы сейчасъ брали такіе предметы, которые образуютъ самостоятельно существующія вещи; но этими предметами могли бы быть и свойства или дѣйствія вещей, разныя событія и т. п. Такъ, на основаніи наблюденія нѣсколькихъ *поступковъ* какого-либо человѣка, совершенныхъ имъ при опредѣленныхъ обстоятельствахъ, у насъ часто возникаетъ увѣренность, что онъ всегда будетъ поступать при этихъ обстоятельствахъ въ томъ же духѣ, какъ и прежде, напр., всегда будетъ горячо отзываться на чужую бѣду, или — дѣятельно бороться противъ беззаконій и т. п. Здѣсь, конечно, передъ нами одно изъ проявленій неполной индукціи; ибо на основаніи посылокъ, говорящихъ лишь о *нѣсколькихъ* поступкахъ даннаго человѣка при извѣстныхъ обстоятельствахъ, мы дѣлаемъ выводъ о характерѣ *всѣхъ* его поступковъ, возникающихъ при этихъ обстоятельствахъ.

Отмѣтимъ еще слѣдующее: *то, что̀ называется жизненной опытностью, здравымъ смысломъ и т. п., сводится, главнымъ образомъ, къ тѣмъ увѣренностямъ, которыя накопились въ теченіе жизни съ помощью*

неполной индукціи. Дѣло въ томъ, что хотя выводы неполной индукціи вовсе не вытекаютъ изъ своихъ посылокъ, но это еще не значитъ, чтобы они были всегда ошибочными по существу. Напротивъ, они часто, хотя не всегда, оказываются при провѣркѣ ихъ разными другими путями, которые имѣются у насъ въ распоряженіи, вполнѣ истинными по своему содержанію. Оттого-то логика и совѣтуетъ относиться къ нимъ, какъ къ догадкамъ, заслуживающимъ серьезнаго вниманія и тщательной провѣрки.

Заключенія по аналогіи (иначе—по сходству) можно описать, если ихъ брать въ готовомъ видѣ, слѣдующимъ образомъ: *на основаніи посылокъ, указывающихъ, во-первыхъ, сходство между двумя предметами въ томъ, что у одного изъ нихъ есть извѣстныя свойства, повторяющіяся и въ другомъ, и, во-вторыхъ, что у одного изъ нихъ есть еще такое свойство, котораго мы прямо не замѣчаемъ въ другомъ, въ выводѣ утверждается, что это свойство есть также и въ другомъ*. Напр., разсматривая Землю и планету Марсъ, мы замѣчаемъ, что у нихъ очень много сходныхъ свойствъ, какъ-то: вращеніе вокругъ своей оси съ запада на востокъ почти въ одинаковое время, что̀ обусловливаетъ почти одинаковую продолжительность дня и ночи; далѣе—почти одинаковый наклонъ оси къ плоскостямъ, въ которыхъ находятся ихъ орбиты, что̀ обусловливаетъ почти одинаковое распредѣленіе климатическихъ поясовъ на той и другой планетѣ и приблизительно одинаковую смѣну временъ года и тамъ, и здѣсь; присутствіе атмосферы, состоящей изъ воздуха, и т. д. Въ то же время мы видимъ, что на Землѣ есть жизнь, чего на Марсѣ мы, конечно, прямо не замѣчаемъ. И вотъ, на основаніи сходства между Землей и Марсомъ въ указанныхъ отношеніяхъ мы заключаемъ, что жизнь есть и на Марсѣ.

Въ этомъ умозаключеніи дѣло стоитъ такъ же, какъ въ неполной индукціи: при его возникновеніи у насъ тоже появляется увѣренность въ истинности вывода. Оттого-то неосторожные люди и употребляютъ эти умозаключенія уже какъ доказательства, т.-е. не подкрѣпляютъ больше никакими другими доводами истинности своего вывода. Въ дѣйствительности же заключенія по аналогіи не имѣютъ права считаться доказательствомъ. Напр.: пока заключеніе о существованіи жизни на Марсѣ основывается только на сходствѣ Марса съ Землей да на томъ, что послѣдняя обитаема, еще нельзя полагаться на этотъ выводъ. Вѣдь нѣтъ ничего невозможнаго, что между предметами, сходными въ извѣстномъ отношеніи, вовсе нѣтъ никакого дальнѣйшаго сходства. А можетъ быть, оно и есть, да идетъ не въ томъ направленіи, въ какомъ мы его ждемъ въ своемъ заключеніи.

Такъ же, какъ и выводы неполной индукціи, заключенія по аналогіи могутъ возникать у насъ не только по поводу предметовъ, образующихъ собою самостоятельно существующія вещи, каковы Марсъ и Земля, но и по поводу различныхъ свойствъ и дѣйствій вещей, разныхъ событій и т. п. И, подобно выводамъ неполной индукціи, заключенія по аналогіи тоже, хотя еще не вытекаютъ изъ своихъ посылокъ, т.-е. еще не доказываются ими, все-таки очень часто выходятъ вполнѣ истинными по содержанію:

множество научныхъ открытій было сдѣлано благодаря догадкамъ, возникшимъ въ видѣ заключеній по аналогіи. Оттого-то логика рекомендуетъ относиться къ этимъ заключеніямъ такъ же, какъ къ выводамъ неполной индукціи, т.-е. какъ къ догадкамъ, заслуживающимъ серьезнаго вниманія и тщательной провѣрки. И такъ называемая *проницательность очень часто состоитъ ни въ чемъ иномъ, какъ въ способности приходить къ удачнымъ по своему содержанію заключеніямъ по аналогіи.* Проницательнымъ называется человѣкъ, который легко и удачно проникаетъ въ скрытыя стороны только-что встрѣтившагося предмета, т.-е. легко и удачно угадываетъ такое свойство послѣдняго, которое остается скрытымъ отъ его прямого наблюденія. И такая проницательность часто оказывается ни чѣмъ инымъ, какъ возникновеніемъ удачной увѣренности въ существованіи этого свойства, увѣренности, порождаемой только тѣмъ, что такое же свойство было когда-то подмѣчено въ другомъ предметѣ, сходномъ съ только-что встрѣтившимся.

22. Смѣна мыслей: процессы отличенія правильныхъ умозаключеній отъ ошибочныхъ; процессы возникновенія выводовъ въ умозаключеніяхъ, пригодныхъ для доказательствъ; психологическая сторона обоихъ видовъ логической связи; творчество мышленія и цѣлесообразность душевной организаціи человѣка.

Начнемъ съ вопроса: въ чемъ состоитъ душевное переживаніе, съ помощью котораго мы отличаемъ среди готовыхъ умозаключеній правильныя отъ ошибочныхъ? Разумѣется, не въ томъ, чтобы мы разсматривали, соблюдены ли въ встрѣтившемся умозаключеніи установленныя логикой правила или нѣтъ, ибо: во-первыхъ, *отличать готовыя правильныя умозаключенія отъ ошибочныхъ хорошо умѣютъ и тѣ, кто никогда не изучалъ логики.* Во-вторыхъ, *тѣ, кто ее изучилъ, пользуются ея правилами только для того, чтобы выяснить, въ чемъ именно состоитъ ошибка умозаключенія, которое они объявляютъ неправильнымъ. Самый же вопросъ, правильно ли оно или нѣтъ, рѣшается ими тоже безъ всякой помощи со стороны правилъ логики* [1]).

---

[1]) По всему этому сильно ошибаются тѣ учебники логики, которые говорятъ, будто бы послѣдняя научаетъ насъ *отличать* правильныя доказательства, слѣд.—и правильныя умозаключенія (ибо доказательства, по ея же собственнымъ словамъ, состоятъ изъ умозаключеній) отъ ошибочныхъ. Напротивъ, логика предполагаетъ, что это умѣнье уже существуетъ: *умѣнье отличать правильныя умозаключенія отъ ошибочныхъ необходимо уже для того, чтобы изучать самоё-то логику, чтобы удостовѣриться въ истинности ея словъ.* Въ самомъ дѣлѣ: если она *доказываетъ*, выводитъ изъ логическихъ законовъ мышленія свои правила умозаключеній, то эти доказательства тоже состоятъ изъ умозаключеній; ибо, по ея же собственнымъ словамъ, всякое доказательство состоитъ изъ умозаключеній. Слѣдовательно, удостовѣриться въ правильности этихъ доказательствъ можно только въ томъ случаѣ, если мы уже заранѣе, еще до изученія логики, умѣемъ отличать правильныя умозаключенія отъ ошибочныхъ. Если же она не

Если же мы станемъ наблюдать то переживаніе, съ помощью котораго мы отличаемъ среди готовыхъ умозаключеній правильныя отъ ошибочныхъ, то замѣтимъ слѣдующее: *оно состоитъ въ томъ, что мы пробуемъ, возникнетъ ли въ насъ самихъ изъ посылокъ даннаго умозаключенія такой же выводъ, какой указанъ въ этомъ умозаключеніи. Если возникнетъ, то мы считаемъ послѣднее правильнымъ, въ противномъ же случаѣ ошибочнымъ.* Напр., мы потому считаемъ правильнымъ умозаключеніе „ртуть жидкость, а всѣ жидкости упруги; значитъ, ртуть упруга", что мы и сами приходимъ на основаніи этихъ посылокъ къ выводу объ упругости ртути. Умозаключеніе же „ртуть жидкость, а нѣкоторыя жидкости прозрачны; значитъ, и ртуть прозрачна", мы потому объявляемъ ошибочнымъ, что у самихъ насъ не возникаетъ заключеніе о прозрачности ртути изъ того, что она жидкость, а нѣкоторыя жидкости прозрачны [1]).

доказываетъ правилъ умозаключеній, а всего только разъясняетъ и подтверждаетъ ихъ примѣрами правильныхъ и ошибочныхъ умозаключеній, то для пониманія этихъ примѣровъ тоже необходимо умѣть отличать правильныя умозаключенія отъ ошибочныхъ. Поэтому *логика всего только изощряетъ наше умѣнье отличать правильныя умозаключенія отъ ошибочныхъ, именно—дѣлаетъ насъ болѣе чуткими къ ошибкамъ въ умозаключеніяхъ, а отнюдь не создаетъ его впервые.* Дѣлать же насъ болѣе чуткими къ ошибкамъ она потому можетъ, что разсматриваетъ и описываетъ составъ всѣхъ встрѣчающихся на дѣлѣ ошибокъ (см. стр. 215); а послѣ этого, т.-е. хорошо ознакомившись съ ними, конечно, мы будемъ быстрѣе замѣчать ихъ. *Другая же услуга логики сводится къ тому, что своимъ описаніемъ всѣхъ встрѣчающихся на дѣлѣ ошибокъ она позволяетъ намъ легче объяснять ихъ, когда мы замѣтимъ какую-нибудь изъ нихъ.* Если, напр., тотъ, кому мы объясняемъ, что такое-то научное произведеніе страдаетъ замѣченной нами ошибкой, уже знаетъ логику, то намъ достаточно указать установленное ею названіе этой ошибки и привесть то мѣсто, гдѣ мы ее замѣтили. Если же онъ не знаетъ логики, то мы поясникъ ему составъ этой ошибки съ помощью тѣхъ легкихъ примѣровъ правильныхъ и ошибочныхъ умозаключеній, которые приводятся логикой при разсмотрѣніи этой ошибки. Этимъ и ограничиваются тѣ услуги логическаго ученія объ умозаключеніяхъ, какія логика въ состояніи оказать намъ, когда она изучается сама по себѣ, безъ связи съ теоріей познанія; ибо всѣ остальныя ея услуги имѣютъ уже гносеологическое значеніе и сводятся къ тому, что на основаніи ея ученій мы рѣшаемъ вопросъ о границахъ знанія.

[1]) *Иногда къ только-что указанному переживанію присоединяется еще другое, дополнительное*, именно: оно присоединяется лишь въ томъ случаѣ, если мы сталкиваемся съ какими-либо возраженіями (своими собственными или чужими, это безразлично) противъ рѣшенія, основаннаго на только-что описанномъ переживаніи. И это *дополнительное переживаніе бываетъ двоякимъ*, глядя по тому, защищаемъ ли мы мнѣніе о томъ, что данное умозаключеніе правильно, т.-е. что всякій придетъ къ тому же самому выводу изъ его посылокъ, какъ и мы, или же, наоборотъ, что оно ошибочное, т.-е. что при внимательномъ отношеніи къ дѣлу никто не рѣшится разсуждать такъ, какъ въ данномъ умозаключеніи.

Въ первомъ случаѣ мы показываемъ, что если мы согласимся съ посылками разсматриваемаго умозаключенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ станемъ отрицать его выводъ, то получится явное противорѣчіе въ нашихъ мысляхъ, и что поэтому провѣряемое умозаключеніе надо считать безспорно правильнымъ. Напр., для защиты своего мнѣнія о правильности умозаключенія „ртуть жидкость, а всѣ жидкости упруги, значитъ, и ртуть упруга", мы показываемъ, что если здѣсь согласиться съ посылками, а вмѣстѣ

Но почему описанное переживаніе внушаетъ къ себѣ столько довѣрія, что мы постоянно пользуемся имъ при различеніи правильныхъ и ошибочныхъ умозаключеній? Причина такого довѣрчиваго отношенія къ нему выяснится въ концѣ этой главы: тамъ обнаружится, что логическая связь между *сужденіями* (не понятіями, но сужденіями), а это значитъ связь правильнаго вывода съ посылками, сознается или чувствуется нами, какъ связь совсѣмъ другого рода, чѣмъ ассоціаціонная. Ихъ разнородность чувствуется или сознается съ такой силой, что при самомалѣйшемъ вниманіи къ своимъ переживаніямъ нѣтъ никакой возможности принять ассоціаціонную связь между сужденіями за логическую связь. Это значитъ, что нѣтъ никакой возможности принять воспроизведеніе какого-либо сужденія, появляющагося вслѣдъ за другими сужденіями подъ вліяніемъ его ассоціаціонной связи съ ними, за возникновеніе вывода, вытекающаго изъ этихъ сужденій. Поэтому, когда мы мыслимъ данныя намъ сужденія, и вслѣдствіе этого у насъ возникаетъ новое сужденіе, то мы легко различаемъ, возникло ли оно подъ вліяніемъ его ассоціаціонной связи съ ними, или же потому, что оно находится съ ними въ другой, т.-е. въ логической связи; ибо между сужденіями только и встрѣчается, что или логическая или ассоціаціонная связь.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію душевныхъ переживаній, происходящихъ при возникновеніи тѣхъ умозаключеній, которыя пригодны служить доказательствами. Здѣсь надо имѣть въ виду два вопроса: 1 — какое душевное переживаніе происходитъ въ то время, когда мы *къ данному намъ сужденію подыскиваемъ такія посылки, изъ которыхъ вытекаетъ это сужденіе?* 2—каковы душевныя переживанія обратнаго характера, т.-е. происходящія въ то время, когда *подъ вліяніемъ данныхъ* (уже существующихъ) *посылокъ впервые возникаетъ сужденіе, вытекающее изъ этихъ посылокъ.* (Тамъ мы подыскиваемъ къ выводу посылки, а здѣсь, наоборотъ,—выводъ къ посылкамъ). Конечно, *и въ томъ, и въ другомъ случаѣ дѣло обходится безъ всякой помощи со стороны правилъ логики; ибо оба эти процесса происходятъ и у тѣхъ, кто ея никогда не изучалъ.*

съ тѣмъ отрицать выводъ, т.-е. если такъ разсуждать: „хотя ртуть и жидкость, а всѣ жидкости дѣйствительно упруги, но ртуть не упруга“, то это содержитъ въ себѣ явное противорѣчіе; ибо выходитъ, что ртуть, будучи жидкостью, все-таки оказывается неупругой, между тѣмъ какъ мы согласились, что *всѣ* жидкости упруги.

Во второмъ же случаѣ, когда мы защищаемъ свое мнѣніе объ ошибочности даннаго намъ умозаключенія, мы пытаемся какъ-нибудь объяснить, почему именно надо считать его ошибочнымъ, при чемъ, глядя по обстоятельствамъ, дѣлаемъ это различнымъ образомъ: то указываемъ на двусмысленность какого-либо выраженія, какъ на причину ошибочности вывода; то показываемъ, что такой способъ разсужденія, какъ въ данномъ умозаключеніи, приводитъ къ явной нелѣпости и т. п. Напр., для защиты своего мнѣнія объ ошибочности умозаключенія „гимназисты, конечно, должны изучать латинскій языкъ, но кадеты-то вѣдь не гимназисты; слѣд., они не должны изучать его“ мы показываемъ, что при такомъ способѣ разсужденія выходитъ, будто бы кадеты не должны изучать ни ариѳметики, ни закона Божія, ни русскаго языка и т. д., словомъ—ничего такого, что изучаютъ гимназисты.

Начнемъ съ вопроса о душевныхъ переживаніяхъ, происходящихъ въ то время, *когда мы къ данному сужденію подыскиваемъ такія посылки, изъ которыхъ вытекаетъ это сужденіе.* Пусть почему-нибудь требуется подыскать къ сужденію „киты не рыбы“ такія сужденія, изъ которыхъ вытекаетъ первое. Въ чемъ же состоитъ душевное переживаніе, съ помощью котораго достигается эта цѣль? Въ немъ *двѣ части, которыя переплетаются другъ съ другомъ*, а не то чтобы одна изъ нихъ возникала, когда закончится другая.

Первая часть сводится къ воспроизведенію ряда сужденій, изъ которыхъ одни ассоціированы съ подлежащимъ даннаго намъ сужденія, а другія съ его сказуемымъ. (Объ ассоціированіи сужденій см. выше стр. 207 и слѣд.). Такъ, съ одной стороны, воспроизводятся тѣ сужденія, которыя образуютъ наше знаніе о китахъ, т.-е. ассоціированы съ понятіемъ китовъ, каковы— напр.: „киты живутъ въ водѣ; они обладаютъ значительными размѣрами; они не имѣютъ ясно выраженныхъ конечностей; они похожи по внѣшней формѣ на рыбъ; но они дышатъ легкими, а не жабрами“ и т. д. Съ другой же стороны, рядомъ съ этими сужденіями воспроизводятся еще тѣ, которыя образуютъ наше знаніе о рыбахъ, т.-е. ассоціированы съ понятіемъ рыбъ, каковы, напр.: „рыбы тоже живутъ въ водѣ; онѣ бываютъ разныхъ размѣровъ; нѣкоторыя изъ нихъ похожи на китовъ; но онѣ дышатъ жабрами, а не легкими“ и т. д. При этомъ замѣтимъ, что тѣ сужденія, которыя ассоціированы съ подлежащимъ и сказуемымъ даннаго намъ сужденія, воспроизводятся въ это время не только сами собою, и даже не столько сами собою, сколько при нашемъ умышленномъ содѣйствіи ихъ воспроизведенію. Но, конечно, это содѣйствіе осуществляется вовсе не такъ, чтобы мы нарушали законы, управляющіе воспроизведеніемъ сужденій, а только тѣмъ путемъ, что мы сосредоточиваемъ вниманіе на подлежащемъ и сказуемомъ даннаго сужденія: вѣдь черезъ это увеличивается ихъ воспроизводящая сила, и изъ всѣхъ сужденій, которыя могли бы возникнуть въ сознаніи подъ вліяніемъ одновременно находящихся въ немъ мыслей, воспроизводятся именно тѣ, которыя ассоціированы съ означенными частями даннаго намъ сужденія. (Сравн. выше, стр. 202 и 209).

Вторая же часть разсматриваемаго процесса *состоитъ въ томъ, что изъ всѣхъ сужденій, воспроизведенныхъ означенными путями, мы пробуемъ брать въ видѣ посылокъ тѣ, какія кажутся наиболѣе подходящими для нашей цѣли, и, присоединяя къ нимъ въ видѣ вывода данное намъ сужденіе* (именно: „киты не рыбы“), *смотримъ, получится ли у насъ правильное или ошибочное умозаключеніе.* А въ чемъ состоитъ душевное переживаніе, съ помощью котораго мы отличаемъ готовое правильное умозаключеніе отъ ошибочныхъ, объ этомъ мы уже говорили (на стр. 222). И вотъ, такимъ-то образомъ мы поступаемъ до тѣхъ поръ, пока или не выбьемся изъ силъ, или натолкнемся на сужденія, вполнѣ подходящія для нашей цѣли, именно—въ нашемъ примѣрѣ на сужденія: „киты дышатъ легкими“,

„рыбы же не дышатъ легкими". Вѣдь эти сужденія вполнѣ подходятъ для нашихъ цѣлей; ибо изъ нихъ вытекаетъ, что „киты не рыбы".

Какъ видимъ, *возможность подыскивать къ данному сужденію такія посылки, изъ которыхъ вытекаетъ это сужденіе, обусловлена воспроизведеніемъ сужденій, совершающимся подъ вліяніемъ ихъ ассоціацій съ понятіями.* Отсюда еще разъ видна непозволительность для психологіи пропускать ассоціаціи сужденій. Онѣ не менѣе важны, чѣмъ и ассоціаціи представленій: не зная ассоціаціи сужденій, нельзя правильно подмѣтить тотъ процессъ, который мы только-что описали. А онъ играетъ немаловажную роль въ общемъ ходѣ душевной жизни. *Чаще всего знаніе начинается съ догадки*, т.-е. съ такой мысли, которая почему-либо внушаетъ бо́льшую или меньшую увѣренность въ ея истинности. *Дальнѣйшая же ступень въ развитіи знанія состоитъ въ провѣркѣ этой догадки. Для этой цѣли мы пробуемъ ее доказать*, а если это не удастся, то опровергнуть. Для доказательства же догадки мы стараемся подобрать среди уже извѣстныхъ намъ истинныхъ сужденій такія, изъ которыхъ она вытекала бы, какъ выводъ. Слѣд., *при расширеніи знанія намъ очень часто приходится имѣть дѣло съ душевнымъ переживаніемъ, которое мы только-что описали.* Въ этомъ-то и состоитъ его важность; а она, въ свою очередь, служитъ одной изъ причинъ, обусловливающихъ важность ассоціаціи сужденій. (Другія же причины важности ассоціаціи сужденій см. выше, стр. 209 и слѣд).

Впрочемъ, къ сказанному надо прибавить, что *тѣ сужденія, изъ которыхъ вытекало бы данное намъ сужденіе, иногда выбираются нами не только изъ числа воспроизведенныхъ, но также и изъ тѣхъ, которыя въ это время впервые составляются нами*, умышленно или неумышленно, это все равно. Но въ томъ процессѣ, которымъ мы сейчасъ заняты, главную роль играютъ отнюдь не новыя сужденія, а воспроизведенныя. Въ самомъ дѣлѣ: никто не станетъ спорить, что когда намъ нужно подыскать посылки, изъ которыхъ вытекало бы данное намъ сужденіе, то мы ихъ ищемъ прежде всего и главнымъ образомъ среди тѣхъ сужденій, которыя образуютъ имѣющееся у насъ *знаніе*, касающееся подлежащаго и сказуемаго даннаго сужденія. А это значитъ, что мы ихъ ищемъ прежде всего и главнымъ образомъ среди сужденій, *ассоціированныхъ* съ подлежащимъ и сказуемымъ даннаго намъ сужденія. (Вѣдь знаніе состоитъ изъ сужденій, ассоціированныхъ съ какими-либо познавательными переживаніями. См. выше, стр. 209). И лишь во время этихъ поисковъ возникаютъ такія новыя сужденія по поводу той или другой части даннаго сужденія, которыя тоже годятся для нашей цѣли. Поэтому *разсмотрѣнный процессъ прежде всего и главнымъ образомъ обусловленъ все-таки ассоціаціей сужденій съ понятіями.*

Займемся теперь вопросомъ, *въ чемъ состоитъ то душевное переживаніе, когда подъ вліяніемъ данныхъ посылокъ впервые возникаетъ сужденіе, вытекающее изъ этихъ посылокъ.* Съ перваго взгляда кажется, что здѣсь возможны два случая: въ первомъ изъ нихъ могли бы быть даны только посылки, о выводѣ же еще ровно ничего не было бы извѣстно,

такъ что оставалось бы неизвѣстнымъ не только, *что́* говорится въ немъ, а даже и *о чемъ* говорится въ немъ, т.-е.—неизвѣстно даже его подлежащее. Во второмъ же случаѣ, кромѣ посылокъ, намъ уже можетъ быть извѣстно, о чемъ долженъ говорить выводъ, т.-е. извѣстно его подлежащее, а надо только узнать, что̀ именно говорится о немъ въ выводѣ. На самомъ же дѣлѣ изъ этихъ двухъ случаевъ первый никогда не встрѣчается въ дѣйствительной жизни, напр.—при научныхъ изслѣдованіяхъ. Наоборотъ, мы всегда знаемъ, *о чемъ* долженъ говорить нашъ выводъ, т.-е. уже заранѣе знаемъ его подлежащее, а стараемся выяснить только, *что́ именно* онъ долженъ говорить объ этомъ подлежащемъ [1]). Отсюда ясно, что это только съ перваго взгляда кажется, будто бы при разсмотрѣніи душевнаго переживанія, съ помощью котораго возникаетъ выводъ, вытекающій изъ данныхъ намъ посылокъ, приходится имѣть дѣло съ двумя вышеупомянутыми случаями; въ дѣйствительности же изъ нихъ возможенъ одинъ только второй случай. Поэтому *изъ двухъ вышеуказанныхъ случаевъ достаточно разсмотрѣть только одинъ, именно: въ чемъ состоитъ душевное переживаніе, съ помощью котораго подъ вліяніемъ данныхъ посылокъ впервые возникаетъ такой выводъ, что его подлежащее намъ уже извѣстно*, т.-е. мы уже знаемъ, о чемъ долженъ говорить этотъ выводъ, а надо узнать только, что̀ именно онъ долженъ говорить.

При наблюденіи (вѣрнѣе—при самонаблюденіи) надъ тѣми душевными переживаніями, которыя происходятъ въ насъ, когда изъ данныхъ намъ посылокъ мы дѣлаемъ такой выводъ, что его подлежащее уже извѣстно намъ, прежде всего подмѣчается слѣдующее обстоятельство: *этотъ выводъ возникаетъ въ сознаніи только въ томъ случаѣ, когда наше вниманіе сосредоточится и на содержаніи посылокъ, и на томъ понятіи, относительно котораго мы хотимъ узнать, что́ можно заключить о немъ изъ*

---

[1]) Это только въ логическихъ задачахъ встрѣчаются вопросы, какой выводъ можно сдѣлать изъ данныхъ посылокъ безъ всякаго указанія, о чемъ долженъ говорить этотъ выводъ, т.-е. безъ всякаго указанія, что̀ должно служить его подлежащимъ. И что̀ же оказывается? Мы не въ состояніи отвѣтить на такой вопросъ до тѣхъ поръ, пока намъ не придетъ въ голову сдѣлать какое-нибудь опредѣленное понятіе подлежащимъ вывода. Напр., въ задачѣ спрашиваютъ: какой выводъ можно сдѣлать изъ сужденія „театръ составляетъ удовольствіе“, а подлежащее вывода, т.-е. то, о чемъ онъ долженъ говорить, не указывается. При такомъ условіи мы сначала не въ состояніи отвѣтить на этотъ вопросъ; сначала намъ кажется, будто бы отсюда нельзя сдѣлать ровно никакого вывода. И это кажется до тѣхъ поръ, пока намъ не придетъ въ голову употребить какое-нибудь опредѣленное понятіе въ смыслѣ подлежащаго вывода, напр., понятіе расхода на театръ. Тогда легко возникаетъ слѣдующій выводъ: „расходъ на театръ составляетъ расходъ на удовольствіе“. Итакъ, *ни въ научныхъ изслѣдованіяхъ, ни вообще въ дѣйствительной жизни никогда не бываетъ, чтобы искали такой выводъ, вытекающій изъ данныхъ намъ сужденій, подлежащее котораго оставалось бы неизвѣстнымъ. А въ тѣхъ искусственныхъ случаяхъ* (именно — *при рѣшеніи нѣкоторыхъ логическихъ задачъ*), *когда мы сталкиваемся съ подобнымъ требованіемъ, оно оказывается неисполнимымъ до тѣхъ поръ, пока мы не примемъ какого-нибудь понятія за подлежащее искомаго вывода.*

нашихъ посылокъ, т.-е. и на содержаніи посылокъ, и на подлежащемъ искомаго вывода. Напр., если мы хотимъ узнать, что можно заключить о древнихъ персахъ изъ посылокъ „древніе персы поклонялись солнцу, а солнце неодушевленный предметъ“, то выводъ, именно—„древніе персы поклонялись неодушевленному предмету“, возникнетъ въ сознаніи только въ томъ случаѣ, когда наше вниманіе сосредоточится и на содержаніи обѣихъ посылокъ, и на понятіи „древніе персы“. Если же эти мысли промелькнутъ у насъ безъ всякаго вниманія къ нимъ, то не возникнетъ никакого вывода.

При этомъ *необходимо, чтобы вниманіе сосредоточилось съ достаточной силой* на содержаніи посылокъ и на томъ понятіи, о которомъ мы хотимъ узнать, что можно заключить о немъ изъ этихъ посылокъ, именно: *вниманіе должно сосредоточиться на всемъ этомъ съ такой силой, чтобы сдѣлалось вполнѣ яснымъ, какъ содержаніе посылокъ, такъ и то обстоятельство, входитъ ли въ ихъ составъ то понятіе, или же часть того понятія, о которомъ мы хотимъ узнать, что можно заключить о немъ изъ этихъ посылокъ.* Такъ, если въ только-что разсмотрѣнномъ примѣрѣ не сдѣлается вполнѣ яснымъ либо содержаніе посылокъ, либо то обстоятельство, что въ нихъ упоминается о древнихъ персахъ, то выводъ, что древніе персы поклонялись солнцу, не можетъ возникнуть. Точно также выводъ „голова собаки есть голова животнаго“ возникнетъ только въ томъ случаѣ, если сдѣлается вполнѣ яснымъ, какъ содержаніе посылки „собака животное“, такъ и то обстоятельство, что въ ея составъ входитъ часть понятія „головы собаки“, т.-е. часть того понятія, о которомъ мы хотимъ узнать, что можно заключить о немъ изъ этой посылки.

Итакъ, при переживаніи умозаключеній, пригодныхъ для доказательствъ, выводъ возникаетъ только въ томъ случаѣ, если наше вниманіе съ достаточной силой сосредоточится и на содержаніи данныхъ намъ посылокъ, и на томъ понятіи, которое должно служить подлежащимъ вывода. *А когда это условіе уже исполнено, то дальнѣйшій процессъ зависитъ отъ того, какія посылки намъ даны:* такія ли, что изъ нихъ дѣйствительно можетъ быть сдѣланъ правильный выводъ объ упомянутомъ понятіи, или же это невозможно.

Въ первомъ случаѣ, т.-е. *когда изъ данныхъ посылокъ дѣйствительно можетъ быть сдѣланъ правильный выводъ о томъ понятіи, о которомъ мы хотимъ узнать, что можно заключить о немъ изъ нихъ, этотъ выводъ возникаетъ уже самъ собою, безъ всякихъ дальнѣйшихъ усилій съ нашей стороны. При этомъ наблюдается еще одно обстоятельство: возникшій выводъ сопровождается какимъ-то своеобразнымъ чувствомъ необходимости соглашаться съ нимъ, коль скоро мы согласны съ посылками.* Напр., пусть намъ дана посылка „квадраты обладаютъ всѣми свойствами параллелограммовъ“, и спрашивается: что можно заключить отсюда о *діагоналяхъ квадрата?* Какъ только мы съ достаточной силой сосредоточимъ вниманіе на содержаніи нашей посылки и на понятіи діагоналей квадрата, то уже безъ всякихъ дальнѣйшихъ усилій, но самъ собой, возникаетъ выводъ, говорящій: „діагонали квадрата обладаютъ всѣми свойствами діагоналей парал-

лелограмма". При этомъ онъ сопровождается чувствомъ необходимости соглашаться съ нимъ, если мы согласны съ посылкой, которая породила его. Такъ же дѣло стоитъ и въ томъ случаѣ, если насъ спрашиваютъ: что можно заключить о *простыхъ тѣлахъ* изъ сужденія „всѣ металлы простыя тѣла"? При достаточномъ сосредоточеніи вниманія на этой посылкѣ и на понятіи простыхъ тѣлъ, уже безъ всякихъ дальнѣйшихъ усилій съ нашей стороны возникаетъ сужденіе „нѣкоторыя простыя тѣла принадлежатъ къ металламъ", сопровождаемое чувствомъ необходимости соглашаться съ нимъ, коль скоро мы согласны съ данной намъ посылкой. Наконецъ, такъ же дѣло стоитъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда намъ даны сразу двѣ посылки, какъ, напр., когда спрашивается: какой выводъ относительно *ртути* вытекаетъ изъ посылокъ: „ртуть жидкость, а всѣ жидкости упруги"? Или — какой выводъ относительно *древнихъ персовъ* вытекаетъ изъ посылокъ: „древніе персы поклонялись солнцу, а солнце неодушевленный предметъ"? Здѣсь вся разница съ первыми примѣрами только въ томъ, что здѣсь приходится сосредоточивать вниманіе, кромѣ понятія ртути или древнихъ персовъ, еще на содержаніи двухъ посылокъ вмѣсто одной. Но если только вниманіе сосредоточится на всемъ этомъ съ достаточной силой, то выводъ возникаетъ уже самъ собой, безъ всякихъ дальнѣйшихъ усилій съ нашей стороны. И его возникновеніе сопровождается своеобразнымъ чувствомъ необходимости соглашаться съ нимъ, если мы согласны съ посылками.

Обратимся теперь къ тому случаю, когда намъ даны такія посылки, что изъ нихъ нельзя сдѣлать никакого вывода относительно даннаго намъ понятія. *Если намъ даны такія посылки, изъ которыхъ о понятіи, указанномъ рядомъ съ ними, нельзя сдѣлать никакого правильнаго вывода, то при сосредоточеніи вниманія на этомъ понятіи и на содержаніи данныхъ посылокъ сначала происходитъ нѣкоторая задержка въ смѣнѣ мыслей, а вслѣдъ затѣмъ возникаютъ разныя сужденія объ этомъ понятіи, обыкновенно — изъ числа ассоціированныхъ съ нимъ, но ни одно изъ нихъ не сопровождается чувствомъ необходимости соглашаться съ нимъ*, если мы согласны съ данными посылками. Напр., такъ стоитъ дѣло, если насъ спрашиваютъ: что можно заключить о *ртути* изъ посылокъ „ртуть жидкость, а *нѣкоторыя* жидкости прозрачны"? При сосредоточеніи вниманія на содержаніи этихъ посылокъ и на понятіи ртути сначала происходитъ кратковременная пріостановка смѣны мыслей, а послѣ того возникаютъ сужденія, ассоціированныя съ понятіемъ ртути, въ родѣ: „ртуть блестяща; ртуть металлъ; ртуть вовсе не прозрачна" и т. п. Но ни одно изъ нихъ не сопровождается чувствомъ необходимости соглашаться съ нимъ, если мы согласны съ посылками. Напротивъ, чѣмъ сильнѣе сосредоточиваемъ мы вниманіе на понятіи ртути и на содержаніи обоихъ данныхъ намъ сужденій, тѣмъ яснѣе, что возникающія въ это время сужденія не сопровождаются означеннымъ чувствомъ.

Однако, изъ только-что изложеннаго описанія смѣны сужденій вытекаетъ такой удивительный законъ: *при всякой смѣнѣ сужденій либо вовсе*

не возникаетъ никакихъ выводовъ по типу умозаключеній, пригодныхъ для доказательствъ, либо возникаютъ одни только правильные выводы. Въ самомъ дѣлѣ: когда намъ даны такія посылки, изъ которыхъ нельзя сдѣлать никакого вывода относительно того понятія, о которомъ спрашивается, что̀ вытекаетъ изъ нихъ объ этомъ понятіи, то, какъ мы сейчасъ видѣли, не возникаетъ никакого сужденія, сопровождаемаго чувствомъ необходимости соглашаться съ нимъ, если мы согласны съ посылками, слѣд., не возникаетъ никакого вывода. Если же намъ даны такія посылки, что изъ нихъ *вытекаетъ* опредѣленный выводъ о томъ понятіи, о которомъ спрашивается, что̀ именно можно заключить о немъ изъ нашихъ посылокъ, то, какъ мы видѣли выше, на стр. 227—228, въ нашемъ сознаніи возникаетъ этотъ самый выводъ, т.-е. *правильный* выводъ.

Мы назвали только-что указанный законъ смѣны сужденій *удивительнымъ*, и это вотъ почему: повидимому, такой законъ противорѣчитъ факту существованія *неумышленныхъ* ошибочныхъ умозаключеній. И, повидимому, это противорѣчіе тѣмъ сильнѣе, что *при неумышленныхъ ошибочныхъ умозаключеніяхъ выводъ сопровождается такимъ же точно чувствомъ необходимости соглашаться съ нимъ, какъ и при вполнѣ правильныхъ.* Въ самомъ дѣлѣ: всякое *неумышленное* ошибочное умозаключеніе оттого и называется неумышленнымъ, что мы бываемъ увѣрены въ *правильности* сдѣланнаго нами вывода; а такая увѣренность, конечно, была бы совершенно невозможной, если бы нашъ ошибочный выводъ не сопровождался точно такимъ же чувствомъ, какъ и вполнѣ правильный. Отсутствіе такого чувства сразу показало бы намъ, что передъ нами нѣтъ правильнаго вывода. Но всѣ эти противорѣчія чисто кажущіяся и нисколько не подрываютъ правильности нашего описанія смѣны сужденій. Дѣло въ томъ, что *когда нами высказываются неумышленныя ошибочныя умозаключенія, то и въ это время въ нашихъ мысляхъ возникаютъ одни только правильные выводы. Ошибки въ умозаключеніяхъ возникаютъ только изъ за того, что мы имѣемъ дѣло не съ чистыми мыслями, но съ мыслями, которыя высказываются словами* [1]).

Дѣйствительно: если разсматривать *неумышленныя ошибочныя умозаключенія* не съ логической, а съ психологической точки зрѣнія (т.-е. обра-

[1]) Такимъ образомъ, Липпсъ и Н. О. Лосскій, утверждающіе, будто бы „мы всегда правильно мыслимъ, поскольку мыслимъ“ (см. Lipps, Grundzüge der Logik § 1 и Н. О. Лосскій „Основательно ли новое и легкое доказательство философскаго критицизма“ въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1909 г. № 7), оба близко подходятъ къ истинѣ, только они не въ состояніи уловить ее въ точномъ видѣ. Оба они судятъ о мышленіи не по наблюденіямъ надъ фактическимъ переживаніемъ сужденій и умозаключеній, а на основаніи предвзятаго взгляда о сущности мышленія: подъ мышленіемъ они заранѣе подразумѣваютъ такую душевную дѣятельность, которая приводила бы только къ знанію, а отнюдь не къ заблужденію, т.-е., которая была бы только правильной. Н. О. Лосскій дошелъ даже до убѣжденія, будто бы не всякое утвердительное или отрицательное предложеніе (или, какъ онъ выражается, „не всякое высказываніе“) обозначаетъ сужденіе. Напр., предложеніе „слонъ есть треугольникъ“, по его мнѣнію, еще не составляетъ сужденія. Сужденіями, по его мнѣнію, служатъ одни только истинныя, но отнюдь не ложныя предложенія.

щая вниманіе не на тѣ правила, которыя нарушены въ нихъ, но на тѣ душевныя переживанія, которыя происходятъ при возникновеніи такихъ умозаключеній), то они *распадаются на два класса. Въ одномъ изъ нихъ возникаетъ вполнѣ правильный выводъ, только не изъ тѣхъ посылокъ, которыя нами высказываются, какъ бы приводящія къ этому выводу, а изъ тѣхъ, которыми мы въ своихъ мысляхъ неумышленно подмѣнили высказываемыя, оттого что не досмотрѣли разницы между тѣми и другими.* И такъ какъ этотъ выводъ на самомъ дѣлѣ оказывается правильнымъ, то понятно, что онъ сопровождается увѣренностью въ его правильности, т.-е. чувствомъ необходимости соглашаться съ нимъ. Вѣдь мы въ это время ошибочно, по недосмотру, принимаемъ въ своихъ мысляхъ за высказанныя нами посылки другія, и притомъ такія, которыя дѣйствительно принуждаютъ соглашаться съ этимъ выводомъ, если мы согласны съ ними. *Въ другомъ же классѣ* неумышленныхъ ошибочныхъ умозаключеній *тоже возникаетъ вполнѣ правильный выводъ и даже изъ тѣхъ самыхъ посылокъ, которыя высказываются нами; но когда мы высказываемъ этотъ выводъ, то по недосмотру облекаемъ его въ неправильную словесную форму, т.-е. въ своей рѣчи подмѣниваемъ тотъ правильный выводъ, который возникъ у насъ въ мысляхъ, другимъ, всего лишь похожимъ на первый.* А коль скоро мы не замѣчаемъ этого несоотвѣтствія высказаннаго вывода съ мыслимымъ, то понятно, что у насъ появляется увѣренность въ правильности сдѣланнаго нами вывода: вѣдь онъ ошибоченъ только въ нашей рѣчи, на словахъ, а въ мысляхъ-то онъ вполнѣ правильный. Такимъ образомъ, если мы докажемъ только-что изложенное объясненіе происхожденія неумышленныхъ ошибочныхъ умозаключеній, то этимъ самымъ будетъ доказано, что въ нашемъ изложеніи законовъ смѣны сужденій нѣтъ никакихъ противорѣчій съ фактомъ существованія такихъ умозаключеній.

Доказывается же наше объясненіе происхожденія ошибочныхъ умозаключеній двумя слѣдующими фактами: во-первыхъ, какія бы мы ни взяли ошибки въ умозаключеніяхъ, указываемыя логикой, какъ встрѣчающіяся на дѣлѣ, всѣ онѣ легко объясняются одной изъ только-что указанныхъ подмѣнъ. А вѣдь въ *неумышленныхъ* ошибочныхъ умозаключеніяхъ, разумѣется, могутъ быть только такія ошибки, которыя встрѣчаются и на дѣлѣ, а не то, чтобы придумывались въ видѣ такихъ нарушеній правилъ логики, которыхъ въ силу ихъ грубости на дѣлѣ никто не совершаетъ. Поэтому намъ достаточно объяснить только встрѣчающіяся на дѣлѣ ошибки въ умозаключеніяхъ. *Во-вторыхъ, увѣренность въ правильности неумышленнаго ошибочнаго умозаключенія, т.-е. чувство необходимости соглашаться съ его выводомъ, коль скоро мы согласились съ посылками, тотчасъ же исчезаетъ, какъ только мы поймемъ допущенную нами подмѣну той мысли, которая осталась невысказанной, высказанной мыслью.*

Такъ, возьмемъ слѣдующее ошибочное умозаключеніе, которое логикой указывается, какъ встрѣчающееся на дѣлѣ: „неповиновеніе требованію законной власти всегда должно быть чѣмъ-нибудь наказано; отказъ же дать

взятку составляетъ неповиновеніе требованію законной власти; слѣд., онъ всегда долженъ быть чѣмъ-нибудь наказанъ". Здѣсь въ *высказанной* первой посылкѣ выраженіе „неповиновеніе требованію законной власти" обозначаетъ „неповиновеніе *законному* требованію законной власти"; ибо только такое неповиновеніе властямъ заслуживаетъ наказанія. Мы же въ своихъ *мысляхъ* на мѣстѣ высказываемой первой посылки воображаемъ другую всего лишь похожую на нее, именно — говорящую: „неповиновеніе *всякому* требованію законной власти всегда должно быть чѣмъ-нибудь наказано". А при такой посылкѣ разсматриваемый выводъ оказывается вполнѣ правильнымъ, вслѣдствіе чего онъ и сопровождается чувствомъ необходимости соглашаться съ нимъ, т.-е. увѣренностью въ его правильности. Но эта увѣренность тотчасъ же исчезаетъ, какъ только мы поймемъ допущенную нами подмѣну одной изъ посылокъ: тогда мы тотчасъ же замѣчаемъ, что изъ *высказанныхъ* нами посылокъ нашъ выводъ вовсе не вытекаетъ. Какъ видимъ, здѣсь появленіе ошибочнаго умозаключенія зависитъ отъ того, что мы въ своихъ мысляхъ по недосмотру подмѣниваемъ одну изъ высказываемыхъ *посылокъ* другой, всего лишь похожей на нее.

А вотъ примѣръ, когда ошибочное умозаключеніе, указываемое логикой, какъ встрѣчающееся на дѣлѣ, возникаетъ изъ-за того, что неумышленно подмѣнивается, вѣрнѣй — неправильно высказывается, вполнѣ правильный *выводъ*: „металлы простыя тѣла; слѣд., простыя тѣла суть металлы". Здѣсь въ мысляхъ у насъ тоже возникаетъ вполнѣ правильный выводъ, состоящій въ томъ, что „хоть нѣкоторыя простыя тѣла суть металлы"; но мы по недосмотру высказываемъ этотъ *частный* правильный выводъ въ *общей* формѣ. И, разумѣется, пока мы не замѣчаемъ допущенной нами подмѣны выраженія, мы бываемъ увѣрены въ правильности высказаннаго вывода. Но эта увѣренность тотчасъ же исчезаетъ, какъ только мы поймемъ, что высказали вовсе не тотъ самый выводъ, какой возникъ въ нашихъ *мысляхъ*, а всего только похожій на него.

Такимъ образомъ *возникновеніе неумышленныхъ ошибочныхъ умозаключеній обусловлено исключительно высказываніемъ умозаключеній, именно — невнимательнымъ отношеніемъ къ той рѣчи, какой мы ихъ высказываемъ. Въ законахъ же, управляющихъ смѣной сужденій, нѣтъ никакихъ причинъ для возникновенія ошибочныхъ умозаключеній.*

Но, конечно, неумышленныя ошибочныя умозаключенія могутъ возникать не только въ томъ случаѣ, когда сужденія высказываются внѣшней рѣчью, а также и въ томъ случаѣ, когда они высказываются внутренней рѣчью; ибо и здѣсь невнимательное отношеніе къ рѣчи можетъ сбить насъ съ толку. И это тѣмъ возможнѣе, что внутренняя рѣчь почти всегда бываетъ отрывочной, а не полной (см. выше, стр. 181), такъ что въ ней еще легче запутаться, чѣмъ въ внѣшней рѣчи. Оттого-то и бываетъ иногда, что, пока мы обдумываемъ свои разсужденія, они намъ кажутся правильными, а какъ только начнемъ ихъ излагать на бумагѣ или устно, убѣждаемся, что они ошибочны: при ихъ воплощеніи въ отрывочную

внутреннюю рѣчь было труднѣе замѣтить допускаемую нами подмѣну посылокъ или выводовъ. *А если бы мы могли имѣть дѣло съ чистымъ мышленіемъ, т.-е. съ такимъ переживаніемъ умозаключеній, чтобы они не воплощались ни въ какую рѣчь, ни въ внѣшнюю, ни въ внутреннюю, то не было бы неумышленныхъ ошибочныхъ умозаключеній;* ибо не было бы никакихъ причинъ для ихъ возникновенія.

Укажемъ кстати слѣдующее педагогическое правило, вытекающее изъ нашего объясненія ошибочныхъ умозаключеній: *однимъ изъ важнѣйшихъ элементовъ всякаго образованія должно считаться умѣнье ясно и точно высказывать свои мысли въ соединеніи съ привычкой давать себѣ точный отчетъ въ смыслѣ каждаго произносимаго слова;* ибо все это служитъ наивѣрнѣйшимъ средствомъ, чтобы предохранить наши разсужденія отъ появленія въ нихъ ошибочныхъ умозаключеній. У того, кто говоритъ вполнѣ точнымъ и яснымъ языкомъ и даетъ себѣ точный отчетъ въ каждомъ произносимомъ имъ словѣ, нѣтъ причинъ для возникновенія неумышленныхъ ошибочныхъ умозаключеній; и, наоборотъ, они должны безпрестанно возникать въ разсужденіяхъ тѣхъ людей, которые ясности и точности предпочитаютъ витіеватость и краснобайство. Поэтому педагогика вполнѣ права, когда требуетъ, чтобы всѣ научные уроки были вмѣстѣ съ тѣмъ и уроками языка, чтобы всѣ учителя пріучали учениковъ къ точной и ясной рѣчи, и чтобы они всегда давали себѣ отчетъ въ значеніи и умѣстности каждаго произносимаго ими слова.

На стр. 227 мы отмѣтили, что при возникновеніи вывода, вытекающаго изъ данныхъ намъ посылокъ, переживается чувство необходимости соглашаться съ этимъ выводомъ, если мы согласны съ посылками; слѣд., дальнѣйшая наша задача должна состоять въ изученіи этого чувства. Вѣдь до сихъ поръ мы знаемъ только то *условіе, при которомъ переживается чувство необходимости, именно—при достаточно сильномъ сосредоточеніи вниманія на подлежащемъ вывода и на содержаніи такихъ посылокъ, изъ которыхъ вытекаетъ этотъ выводъ.* А нужно узнать еще составъ этого чувства. Будемъ же вглядываться въ него.

Что же мы замѣтимъ? Ничего другого, кромѣ *сознанія, что выводъ находится въ какой-то тѣсной связи съ породившими его сужденіями, и что это какая-то другая связь, чѣмъ ассоціаціонная*, т.-е. чѣмъ связь сужденія, ассоціированнаго съ какимъ-либо понятіемъ или другимъ сужденіемъ. Конечно, нельзя описать, чѣмъ именно по своему *качеству* отличается означенная связь вывода съ посылками отъ ассоціаціонной. Ознакомиться съ этимъ ея отличіемъ можно исключительно посредствомъ привлеченія вниманія къ переживанію чувства необходимости. А при такомъ самонаблюденіи сознается только, что это какая-то *своеобразная* связь, совсѣмъ другая, чѣмъ ассоціаціонная. Самое большее, что можно прибавить сюда, это то, что она *гораздо тѣснѣе, болѣе внутренняго характера, чѣмъ ассоціаціонная.* Это видно хотя бы изъ того, что выводъ не только оттѣсняетъ на задній планъ всякое другое сужденіе, которое всплыветъ вслѣдствіе его ассоціаціи съ под-

лежащимъ этого вывода, но чаще всего остается даже единственнымъ сужденіемъ, удерживающимся въ сознаніи рядомъ съ посылками. Въ самомъ дѣлѣ: пока намъ удается удерживать наше вниманіе сосредоточеннымъ на понятіи ртути и на содержаніи посылокъ „ртуть жидкость, а всѣ жидкости упруги“, рядомъ съ этими посылками гораздо легче мыслить сужденіе „ртуть упруга“, чѣмъ „ртуть металлъ“, „ртуть тяжела“ и т. п. Сужденіе „ртуть упруга“ при такихъ условіяхъ чаще всего оказывается единственнымъ сужденіемъ о ртути, которое удерживается въ сознаніи рядомъ съ посылками, или, по крайней мѣрѣ, оно оттѣсняетъ на задній планъ сужденія „ртуть металлъ“ и т. п., если они всплывутъ. *Кромѣ же этой своеобразной связи вывода съ посылками ничего другого не сознается нами въ составѣ чувства необходимости соглашаться съ выводомъ, если мы согласны съ посылками* [1]).

[1]) Но если въ составѣ этого чувства нѣтъ никакихъ другихъ элементовъ, то какъ же объяснить появленіе того дополнительнаго переживанія, съ помощью котораго мы иногда подтверждаемъ наше мнѣніе о правильности встрѣченнаго умозаключенія, и о которомъ мы говорили выше, на стр. 222? Не указываетъ ли возникновеніе этого переживанія, что въ составъ чувства необходимости входитъ еще усмотрѣніе того обстоятельства, что отрицаніе вывода при согласіи съ посылками приводитъ насъ къ противорѣчію съ ними? Конечно, нельзя считать такое усмотрѣніе вполнѣ яснымъ; напротивъ, оно должно быть столь смутнымъ, что мы не подмѣчаемъ его. Но безъ его помощи, повидимому, нельзя объяснить возникновеніе вышеупомянутаго дополнительнаго переживанія. Правда, логика выставляетъ на видъ ту особенность правильныхъ умозаключеній, что въ нихъ нельзя безъ появленія противорѣчія въ нашихъ мысляхъ отрицать выводъ, если мы согласны съ посылками; ибо *логика въ концѣ концовъ только тогда и называетъ умозаключеніе правильнымъ, когда въ немъ есть эта особенность.* Вотъ это-то, говоритъ она, и значитъ, что его посылки *дѣйствительно* принуждаютъ соглашаться съ выводомъ. Но откуда же знаютъ объ этой особенности правильныхъ умозаключеній и тѣ, кто не изучалъ логики? А когда у нихъ возникаетъ упомянутое дополнительное переживаніе, то они какъ-разъ пользуются этой особенностью. Откуда же они знаютъ о ней, если никогда не изучали логики?

На это мы дадимъ двоякій отвѣтъ. Во-первыхъ, если бы мы и не сумѣли объяснить возникновеніе упомянутаго дополнительнаго переживанія безъ помощи смутнаго усмотрѣнія только-что указанной особенности правильныхъ умозаключеній, то это все-таки еще не означало бы, будто бы мы должны допустить это усмотрѣніе, какъ составную часть чувства необходимости. Вѣдь мы не сознаемъ прямо, непосредственно такого усмотрѣнія. Какъ же въ такомъ случаѣ говорить, будто бы оно служитъ составною частью того, что сознается нами? Во-вторыхъ, возникновеніе вышеупомянутаго дополнительнаго переживанія объясняется очень легко и безъ этого усмотрѣнія. *Тѣ люди, которые не изучали логики, о только-что указанной особенности каждаго разсматриваемаго ими правильнаго умозаключенія узнаютъ лишь послѣ того, какъ встрѣтятъ возраженіе противъ ихъ вѣрнаго мнѣнія о правильности этого умозаключенія, и узнаютъ, именно, подъ вліяніемъ такого возраженія.* Вѣдь послѣднее говоритъ, будто бы посылки разсматриваемаго умозаключенія еще не принуждаютъ соглашаться съ его выводомъ; а это значитъ, что выводъ *можно* отрицать при полномъ согласіи съ посылками. Если же попробовать осуществить на дѣлѣ такое отрицаніе вывода при согласіи съ посылками даннаго *правильнаго* умозаключенія, то тутъ-то и обнаруживается, что въ нашихъ мысляхъ возникаетъ противорѣчіе. Такъ, возьмемъ правильное умозаключеніе: „ртуть жидкость, а всѣ жидкости упруги; значитъ, и ртуть упруга“. Если мы считаемъ его правильнымъ, а намъ возражаютъ противъ такого взгляда на него, то этимъ самымъ говорятъ, будто бы можно считать ртуть неупругой даже и въ томъ

Хотя и нельзя описать, чѣмъ связь правильнаго вывода съ посылками отличается по своему качеству отъ ассоціаціонной связи, тѣмъ не менѣе ихъ разница такъ ясно сознается, что ихъ нельзя смѣшать между собой. Доказательствомъ служитъ слѣдующій фактъ: *какъ бы ни было прочно ассоціировано какое-либо сужденіе съ другими, оно никогда не кажется намъ выводомъ, вытекающимъ изъ этихъ сужденій, а всегда сознается, какъ всего лишь ассоціированное съ ними, даже въ томъ случаѣ, если эта ассоціація сдѣлалась неразрывной.* Напр.: прошенія Молитвы Господней вслѣдствіе ея частаго повторенія давно неразрывно ассоціировались между собой, и какъ только мыслится одно изъ нихъ (скажемъ: „да святится имя Твое“), такъ тотчасъ же вслѣдъ за нимъ *обязательно* возникаетъ въ сознаніи и другое („да пріидетъ царствіе Твое“ и т. д.). Тѣмъ не менѣе ни одно изъ нихъ не кажется намъ выводомъ, вытекающимъ изъ предшествующихъ прошеній. Напротивъ, связь каждаго изъ нихъ съ предшествующими ясно сознается, какъ всего лишь ассоціаціонная.

Связь правильнаго вывода съ посылками, изъ которыхъ онъ вытекаетъ, образуетъ одинъ изъ случаевъ логической связи. Слѣд., только-что сказанное приводитъ насъ къ такому заключенію: *логическая связь вывода съ посылками ясно сознается нами, какъ своеобразная связь, какъ связь, настолько рѣзко отличающаяся по своему качеству отъ ассоціаціонной, что ихъ никто никогда не смѣшиваетъ между собой.* Замѣтимъ, какъ мы выразились сейчасъ. Мы не говоримъ просто: „логическая связь сознается и т. д.“, но слѣдующимъ образомъ: „логическая связь *вывода съ посылками* сознается и т. д.“. И оговорку, что сказанное относится только къ логической связи *вывода съ посылками* (а не ко всякой логической связи), мы дѣлаемъ по слѣдующей причинѣ: логической связью бываетъ также и связь сказуемаго съ подлежащимъ въ *нѣкоторыхъ* сужденіяхъ [1]). Напр., въ сужденіяхъ: „квадраты прямоугольны“, „тѣла протяженны“ и въ нѣкоторыхъ

случаѣ, когда мы согласны, что она жидкость, а всѣ жидкости упруги. Но какъ только мы попробуемъ ее считать при этихъ условіяхъ неупругой, тотчасъ же легко подмѣчаемъ, что въ нашихъ мысляхъ возникаетъ противорѣчіе, именно: ртуть, будучи жидкостью, оказывается неупругою, между тѣмъ какъ мы согласились, что *всѣ* жидкости упруги. Такимъ образомъ, о возникновеніи этого противорѣчія мы узнаёмъ лишь послѣ того, какъ мы встрѣтимъ возраженіе, будто бы наше мнѣніе о правильности разсматриваемаго умозаключенія невѣрно. А когда мы уже узнали о возникновеніи этого противорѣчія, то мы и пользуемся имъ для защиты своего мнѣнія о правильности даннаго умозаключенія. Слѣд., нѣтъ никакой надобности думать, будто бы въ составъ чувства необходимости соглашаться съ выводомъ, если мы согласны съ посылками, входитъ также усмотрѣніе того противорѣчія, которое *когда-то* еще возникнетъ въ нашихъ мысляхъ, коль скоро мы, соглашаясь съ посылками, станемъ отрицать вытекающій изъ нихъ выводъ. Такое противорѣчіе усматривается лишь *послѣ* того, какъ кто-нибудь попробуетъ осуществить подобное отрицаніе вывода, и *вслѣдствіе* такой попытки, а отнюдь не раньше ея.

[1]) Логическая связь сказуемаго съ подлежащимъ встрѣчается только въ тѣхъ сужденіяхъ, которыя логика называетъ *аналитическими*, въ отличіе отъ *синтетическихъ*. Въ послѣднихъ нѣтъ логической связи сказуемаго съ подлежащимъ.

другихъ сказуемое находится въ логической связи съ своимъ подлежащимъ. Но *логическая связь сказуемаго съ подлежащимъ сознается или чувствуется нами совершенно такъ же, какъ и ассоціаціонная связь, когда она вслѣдствіе многократнаго повторенія сдѣлается неразрывной.* Вѣдь, когда вслѣдствіе многократнаго повторенія связь подлежащаго и сказуемаго сдѣлается неразрывной, то она кажется намъ необходимой, даже въ томъ случаѣ, если она произвольна или прямо-таки ошибочна. Намъ начинаетъ казаться, будто бы и нельзя мыслить это подлежащее иначе, чѣмъ въ соединеніи съ его сказуемымъ (сравн. стр. 204). Такимъ образомъ, не всякая логическая связь сознается или чувствуется нами, какъ отличающаяся по своему качеству отъ ассоціаціонной, но только логическая связь вывода съ посылками.

Но это обстоятельство вызываетъ слѣдующее недоумѣніе: выходитъ, что логическая связь вывода съ посылками и встрѣчающаяся въ нѣкоторыхъ сужденіяхъ логическая связь сказуемаго съ подлежащимъ принадлежатъ къ разнороднымъ связямъ. По какому же праву обѣ онѣ называются *логическими* связями? Вѣдь это названіе указываетъ на ихъ однородность? Дѣло объясняется очень просто. *Эти двѣ связи разнородны съ психологической точки зрѣнія*, т.-е. когда мы разсматриваемъ составъ тѣхъ переживаній, которыя происходятъ при возникновеніи умозаключеній и сужденій. *Но онѣ однородны, когда мы разсматриваемъ умозаключенія и сужденія съ логической точки зрѣнія*, т.-е. разсматриваемъ ихъ въ *готовомъ* видѣ, отвлекаясь отъ того, изъ какихъ элементовъ душевной жизни состоятъ тѣ и другія переживанія.

Что обѣ эти связи разнородны съ психологической точки зрѣнія, въ этомъ мы сейчасъ убѣдились; ибо одна изъ нихъ чувствуется какъ ассоціаціонная, а другая—какъ-то иначе, но не какъ ассоціаціонная. А въ ихъ однородности съ логической точки зрѣнія можно убѣдиться, если мы вспомнимъ, *что логика называетъ логической связью. Такую связь, которой нельзя отрицать иначе, какъ цѣной противорѣчія въ нашихъ мысляхъ.* И связь правильнаго вывода съ посылками потому называется логической, что если мы, соглашаясь съ посылками, станемъ отрицать выводъ, то въ нашихъ мысляхъ возникнетъ противорѣчіе. Напр., если мы согласимся, что ртуть жидкость, и что всѣ жидкости упруги, а вмѣстѣ съ тѣмъ будемъ отрицать упругость ртути, т.-е. будемъ допускать, что она неупруга, то у насъ получится слѣдующее противорѣчіе: ртуть, будучи *жидкостью*, окажется неупругой, хотя мы уже согласились, что *всѣ* жидкости упруги. Связь же прямоугольности съ понятіемъ квадрата въ сужденіи „квадраты прямоугольны“ потому называется логической, что если мы станемъ ее отрицать, т.-е. если мы скажемъ, что „квадраты не прямоугольны“, то получится явное противорѣчіе съ понятіемъ квадрата; ибо въ немъ подразумѣвается прямоугольность. Такимъ образомъ, логическая связь вывода съ посылками и логическая связь сказуемаго съ подлежащимъ оказываются *логически* однородными между собой въ томъ отношеніи, что *каковъ бы ни былъ составъ душевныхъ переживаній въ*

томъ и другомъ случаѣ, все-таки, этихъ двухъ связей нельзя отрицать безъ появленія противорѣчія въ нашихъ мысляхъ.

Отмѣтимъ теперь, что *въ тѣхъ душевныхъ переживаніяхъ, которыя происходятъ при возникновеніи умозаключеній, пригодныхъ для доказательствъ, мы встрѣчаемся съ творчествомъ мышленія.* Въ самомъ дѣлѣ: эти переживанія приводятъ къ возникновенію такого сужденія, которое не было скопировано съ воспріятій и ассоціировано съ посылками, но возникаетъ здѣсь впервые. Напр., сужденіе „ртуть упруга“ возникаетъ во время переживанія умозаключенія „ртуть жидкость, а всѣ жидкости упруги; слѣд., ртуть упруга“, вовсе не потому, что оно когда-то было скопировано нами съ воспріятія ртути и ассоціировано съ посылками „ртуть жидкость, а всѣ жидкости упруги“. Напротивъ, сужденіе „ртуть упруга“ возникаетъ здѣсь впервые: оно впервые порождается при благопріятныхъ условіяхъ переживаніемъ посылокъ, а вовсе не копируется заблаговременно съ воспріятія ртути [1]). Такимъ образомъ, *возникновеніе вывода, происходящее при переживаніи умозаключеній, пригодныхъ для доказательствъ, вполнѣ аналогично съ тѣмъ, какъ впервые возникаетъ какое-либо воображаемое представленіе:* вѣдь послѣднее тоже возникаетъ не потому, чтобы оно было когда-то скопировано съ воспріятія воображаемаго предмета и ассоціировано съ тѣми мыслями, которыя заставили его возникнуть, но впервые порождается ими. Если же подобное возникновеніе представленія называется творчествомъ, именно — творчествомъ воображенія, то описанное нами возникновеніе вывода тоже должно называться творчествомъ, но творчествомъ мышленія.

Отмѣтимъ еще сильно распространенный ошибочный взглядъ относительно состава переживанія только-что разсмотрѣнныхъ умозаключеній. Часто думаютъ, будто бы это переживаніе состоитъ въ томъ, что мы съ помощью разныхъ соображеній *умышленно выбираемъ* въ посылкахъ какую-либо часть и *умышленно составляемъ* выводъ, *комбинируя* эту часть съ тѣмъ понятіемъ, о которомъ спрашивается, что́ можно вывесть о немъ изъ данныхъ посылокъ. Напр., если мы хотимъ узнать, что̀ можно вывесть о ртути изъ посылокъ „ртуть жидкость, а всѣ жидкости упруги“, то думаютъ, будто бы мы съ помощью разныхъ соображеній *выбираемъ* изъ посылокъ понятіе „упругаго“, потомъ рѣшаемъ, что его надо *скомбинировать* съ понятіемъ ртути утвердительнымъ, а не отрицательнымъ способомъ, и такимъ путемъ умышленно *составляемъ* выводъ „ртуть упруга“ [2]). Въ дѣйствительности же при само-

[1]) И если бы оно при переживаніи означеннаго умозаключенія оттого возникало, что оно было когда-то скопировано съ воспріятія ртути и ассоціировано съ посылками этого умозаключенія, то его возникновеніе не сопровождалось бы чувствомъ необходимости соглашаться съ нимъ, если мы согласны съ посылками; ибо ассоціаціонная связь сужденія съ другими сужденіями не чувствуется, какъ логическая связь (см. выше, стр. 234).

[2]) Не мѣшаетъ прибавить, что этотъ процессъ умышленнаго составленія вывода въ разныхъ умозаключеніяхъ считается неодинаковымъ. Напр., въ умозаключеніи „металлы простыя тѣла; слѣд., нѣкоторыя простыя тѣла суть металлы“ означенный процессъ состоитъ въ томъ, что мы-де *умышленно перестанавливаемъ* подлежащее и

наблюденіи надъ переживаніемъ умозаключеній, пригодныхъ для доказательствъ, мы не замѣчаемъ въ себѣ ничего похожаго ни на какое умышленное составленіе вывода. Напротивъ, можно подмѣтить, что не мы умышленно составляемъ его, но онъ самъ возникаетъ: онъ не умышленно строится нами, но *порождается* посылками при достаточно сильномъ сосредоточеніи вниманія на нихъ и на томъ понятіи, о которомъ мы хотимъ узнать, что вытекаетъ изъ нихъ о немъ. Кромѣ этого сосредоточенія вниманія, отъ насъ не требуется никакихъ другихъ усилій для возникновенія вывода. *И вся умышленность переживанія умозаключеній ограничивается только умышленностью сосредоточенія вниманія на содержаніи посылокъ и подлежащаго вывода. Когда оно здѣсь сосредоточивается умышленнымъ образомъ, то и переживаніе умозаключенія чувствуется нами, какъ умышленный процессъ. Если же это сосредоточеніе вниманія произойдетъ почему-нибудь неумышленнымъ образомъ, то въ переживаніи умозаключеній не остается ничего похожаго на умыселъ.*

Мы не только никогда не замѣчаемъ въ себѣ умышленнаго составленія вывода, но предположеніе, будто бы мы такъ поступаемъ, противорѣчитъ и

сказуемое посылки, хотя при самонаблюденіи надъ переживаніемъ этого умозаключенія мы не замѣчаемъ въ себѣ ничего похожаго на *умышленную* перестановку подлежащаго и сказуемаго. При достаточно сильномъ сосредоточеніи вниманія на нашей посылкѣ и на понятіи простыхъ тѣлъ выводъ возникаетъ самъ собой и самъ же собой выходитъ такимъ, что въ немъ подлежащее и сказуемое оказываются переставленными, если его сравнить съ посылкой. Въ умозаключеніяхъ же „ртуть жидкость, а всѣ жидкости упруги; слѣд., ртуть упруга“ и „ртуть жидкость, а жидкости не обладаютъ устойчивой формой; слѣд., ртуть не обладаетъ устойчивой формой“ означенный процессъ состоитъ-де изъ двухъ частей. Изъ нихъ первая сводится къ выясненію, что въ одной изъ посылокъ, именно—въ посылкѣ „ртуть жидкость“, подлежащее искомаго вывода оказывается подведеннымъ подъ такое понятіе, которое служитъ общимъ для обѣихъ посылокъ элементомъ, т.-е. повторяется въ каждой изъ нихъ (въ нашемъ примѣрѣ—подъ понятіе жидкости), и что въ другой посылкѣ это общее понятіе, т.-е. понятіе жидкости оказывается либо подведеннымъ подъ опредѣленное третье понятіе, либо исключеннымъ изъ-подъ него. Такъ, первое встрѣчается въ сужденіи „жидкости упруги“, а второе въ сужденіи „жидкости не обладаютъ устойчивой формой“. Вторая же часть разсматриваемаго процесса состоитъ-де въ томъ, что на основаніи найденнаго нами въ посылкахъ взаимоотношенія трехъ понятій мы рѣшаемъ, слѣдуетъ ли подлежащее вывода подвести подъ только-что упомянутое третье понятіе, или же исключить изъ-подъ него, и на основаніи этого рѣшенія *составляемъ* искомый выводъ. Напр., только-что описаннымъ путемъ мы рѣшаемъ, что въ первомъ случаѣ понятіе ртути должно быть подведено подъ понятіе упругаго, т.-е. выводъ долженъ составить сужденіе „ртуть упруга“; а во второмъ случаѣ это понятіе должно быть исключено изъ-подъ понятія обладанія устойчивой формой, и выводъ составитъ сужденіе „ртуть не обладаетъ устойчивой формой“. На самомъ же дѣлѣ, когда мы дѣйствительно наблюдаемъ свои переживанія, происходящія при возникновеніи того или другого изъ этихъ выводовъ, мы отнюдь не замѣчаемъ, чтобы онъ возникалъ у насъ, какъ результатъ соображеній, слѣдуетъ ли понятіе ртути на основаніи найденнаго въ посылкахъ взаимоотношенія трехъ понятій подвести подъ одно изъ упоминаемыхъ тамъ понятій, или же, наоборотъ, надо исключить изъ-подъ него. Напротивъ, *выводъ всегда появляется прямо непосредственно, а не какъ результатъ означенныхъ соображеній.*

другимъ фактамъ, наблюдаемымъ въ жизни умозаключеній. Именно: *если бы мы умышленно составляли выводъ, то, во-первыхъ, никогда не встрѣчалось бы неумышленнаго переживанія умозаключеній, и, во-вторыхъ, всякое переживаніе умозаключенія было бы дѣломъ довольно продолжительнымъ.* Вѣдь намъ пришлось бы выбрать изъ посылокъ то понятіе, которое надо присоединить къ подлежащему вывода, и сообразить, во-первыхъ, какъ его присоединить къ подлежащему, утвердительнымъ или отрицательнымъ образомъ, и, во-вторыхъ, придать ли выводу общую или частную форму; а все это требовало бы не мало времени. Въ дѣйствительности же *нерѣдко*, напр.— когда мы сильно заинтересуемся какимъ-либо вопросомъ, *нами овладѣваетъ цѣлый потокъ умозаключеній, несущихся съ такой быстротой, что она исключаетъ всякую возможность умышленнаго составленія выводовъ, при чемъ этотъ потокъ и возникаетъ, и продолжается не только безъ всякаго умысла съ нашей стороны, но иногда даже противъ нашей воли.* Иногда его независимость отъ нашего умысла доходитъ до того, что мы и хотѣли бы прервать его, да это намъ не удается. Напр., мы хотѣли бы поскорѣе заснуть, чтобы на другой день во-время встать и быть бодрыми, но этотъ потокъ продолжается противъ нашей воли и лишаетъ насъ сна. Вотъ такой, невольно возникающій и невольно продолжающійся, потокъ умозаключеній чаще всего служитъ причиной тѣхъ внезапныхъ припадковъ разсѣянности, которыми страдаютъ нѣкоторые люди, особенно же ученые. Какое-нибудь обстоятельство натолкнетъ ихъ на вопросъ, который ихъ сильно заинтересуетъ, и они внезапно бываютъ настолько поглощены своими разсужденіями, т.-е. неумышленнымъ быстрымъ потокомъ умозаключеній, что не въ состояніи отвлечь отъ нихъ свое вниманіе.

Но чѣмъ же объяснить происхожденіе ложнаго мнѣнія, будто бы мы умышленно комбинируемъ выводъ какимъ бы то ни было способомъ, мнѣнія, которое очень часто встрѣчается въ *логической* литературѣ. Тѣмъ, что о составѣ переживанія умозаключеній хотятъ догадаться путемъ одного лишь разсмотрѣнія состава готовыхъ умозаключеній, при чемъ своихъ догадокъ вовсе не провѣряютъ съ помощью самонаблюденія надъ дѣйствительнымъ переживаніемъ умозаключеній (сравн. выше, стр. 216). Въ готовыхъ же правильныхъ умозаключеніяхъ выводъ состоитъ изъ *соединенія* или *комбинаціи* такихъ элементовъ, которые входятъ въ составъ посылокъ. Напр., въ умозаключеніи „ртуть жидкость, а всѣ жидкости упруги; слѣд., ртуть упруга“ выводъ состоитъ изъ соединенія только такихъ понятій, которыя уже встрѣчаются въ посылкахъ. И вотъ, тѣ логическія правила, которымъ подчиненъ составъ вывода *готовыхъ* умозаключеній, принимаютъ за изображеніе того *переживанія*, съ помощью котораго возникаетъ выводъ.

Наконецъ, послѣднее замѣчаніе: можетъ быть, насъ попрекнутъ, что своимъ описаніемъ переживанія умозаключеній, пригодныхъ для доказательствъ, мы вносимъ въ организацію душевной жизни человѣка какую-то изумительную цѣлесообразность. Знаніе составляетъ необходимое орудіе въ борьбѣ человѣчества за существованіе, а расширяется знаніе главнымъ обра-

зомъ съ помощью умозаключеній, пригодныхъ для доказательствъ. Логика даже утверждаетъ, что наука только тамъ, гдѣ есть умозаключенія; данныя же опыта, взятыя въ ихъ чистомъ видѣ—безъ всякихъ опирающихся на нихъ умозаключеній, составляютъ всего лишь сырой матеріалъ для науки, но еще не самоё науку (ср. стр. 106 и слѣд. 3-го изд. „Логики, какъ части теоріи познанія“ А. И. Введенскаго). И вотъ, по нашимъ словамъ, душевная жизнь человѣка такъ организована, что стоитъ только вниманію сосредоточиться (умышленно или неумышленно, это все равно) съ достаточной силой на опредѣленныхъ мысляхъ, какъ сами собой, уже безъ всякихъ дальнѣйшихъ усилій съ нашей стороны, переживаются умозаключенія, пригодныя для доказательствъ. Да развѣ это не означаетъ изумительной цѣлесообразности въ организаціи нашей душевной жизни, ея изумительнаго приспособленія къ расширенію знанія?

На этотъ упрекъ мы принуждены отвѣтить, что вполнѣ заслужили его. Болѣе того: въ 24-ой главѣ эта изумительная цѣлесообразность, это благодѣтельное облегченіе путей къ расширенію человѣческаго знанія, выступитъ передъ нами еще ярче. Въ этой главѣ обнаружится, что очень часто вполнѣ правильные выводы возникаютъ даже при переживаніи не всѣхъ, а только части тѣхъ посылокъ, изъ которыхъ они вытекаютъ. Правда, такіе выводы еще не могутъ считаться доказанными, пока мы не подберемъ къ нимъ всѣхъ тѣхъ посылокъ, изъ которыхъ они вытекаютъ, а до той поры къ нимъ приходится относиться, какъ всего лишь къ догадкамъ, требующимъ провѣрки. Все-таки переживаніе такихъ сокращенныхъ умозаключеній значительно облегчаетъ возможность расширенія знанія, именно — тѣмъ путемъ, что безпрестанно наталкиваетъ насъ на новыя догадки, изъ коихъ многія, если не большинство, оказываются при провѣркѣ вполнѣ истинными. Однако, слѣдуетъ ли пугаться допущенія цѣлесообразности въ душевной организаціи? Если она обнаруживается во всѣхъ живыхъ существахъ, и въ животныхъ и въ растеніяхъ, въ тѣлесной организаціи, то почему ей не существовать и въ организаціи душевной жизни человѣка? Къ тому же цѣлесообразность душевной организаціи встрѣчается еще и въ другомъ видѣ, именно—въ видѣ инстинктовъ: они всѣ отличаются величайшей цѣлесообразностью. Правда, инстинкты представляютъ собой не чисто-психологическіе, но психо-физіологическіе факты, пот. что въ составъ каждаго инстинкта входятъ цѣлесообразныя *движенія*. Однако, и переживаніе умозаключеній тоже составляетъ психо-физіологическій фактъ, пот. что сопровождается нѣкоторыми процессами въ головномъ мозгу (см. выше, стр. 59), и мы только отвлекаемся въ психологіи отъ этихъ процессовъ; поэтому оно намъ и кажется чисто-психологическимъ фактомъ.

23. Смѣна мыслей: процессы возникновенія неполной индукціи и заключеній по аналогіи.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію тѣхъ душевныхъ переживаній, которыя происходятъ при неполной индукціи и при заключеніяхъ по аналогіи.

Они очень сходны между собой, но рѣзко отличаются отъ только-что разсмотрѣнныхъ процессовъ. И возникновеніе выводовъ неполной индукціи а также и заключеній по аналогіи, обусловлено не творчествомъ мышленія, но количественными законами воспроизведенія представленій.

Въ чемъ состоитъ душевный процессъ, происходящій при возникновеніи неполной индукціи? Нерѣдко говорятъ, будто бы онъ сводится къ подыскиванію такого сужденія, которому подчинялись бы наши посылки. Такъ, въ примѣрѣ, приведенномъ на стр. 218, этотъ процессъ сводится будто бы къ подыскиванію сужденія „всѣ металлы хорошіе проводники электричества“, т.-е. такого сужденія, что ему подчиняются, или — оказываются его частными случаями, четыре слѣдующихъ сужденія: „золото хорошій проводникъ, серебро хорошій проводникъ, тоже и желѣзо, тоже и мѣдь“. Въ дѣйствительности же мы не подмѣчаемъ въ себѣ ничего похожаго на подыскиваніе такого сужденія. Въ самомъ дѣлѣ: если бы оно происходило, то мы пробовали бы брать въ видѣ вывода то одно, то другое сужденіе для того, чтобы путемъ сравненія его съ посылками выяснить, подчиняются ли онѣ ему или нѣтъ. А ничего подобнаго мы не замѣчаемъ въ себѣ. Но какъ же могло сложиться это ложное мнѣніе о подыскиваніи? Путемъ соображеній, основанныхъ не на самонаблюденіи надъ тѣмъ переживаніемъ, съ помощью котораго возникаетъ наше умозаключеніе, но на разсмотрѣніи послѣдняго въ готовомъ видѣ. Въ готовой неполной индукціи выводъ подчиняетъ себѣ посылки; отсюда и заключаютъ безъ всякой провѣрки своего мнѣнія съ помощью самонаблюденія, будто бы при томъ переживаніи, посредствомъ котораго возникаетъ это умозаключеніе, подыскивается въ видѣ вывода такое сужденіе, чтобы оно подчиняло себѣ посылки (сравн. выше, стр. 216).

Но въ чемъ же состоитъ то душевное переживаніе, которое происходитъ при возникновеніи неполной индукціи? Прежде всего выяснимъ, какимъ методомъ надо пользоваться, чтобы найти отвѣтъ на нашъ вопросъ. Отнюдь не методомъ *прямого* личнаго самонаблюденія, т.-е. отнюдь не путемъ разсмотрѣнія этого переживанія въ то самое время, когда оно происходитъ. (О прямомъ и непрямомъ личномъ самонаблюденіи см. выше, стр. 18). Въ самомъ дѣлѣ: здѣсь суть дѣла состоитъ въ объясненіи, почему при переживаніи неполной индукціи возникаетъ увѣренность въ истинности ея вывода, хотя на самомъ дѣлѣ онъ еще не вытекаетъ изъ своихъ посылокъ. Вѣдь изъ-за этой увѣренности неполная индукція и причисляется къ умозаключеніямъ. Но *нельзя умышленно, т.-е. съ пониманіемъ того, что дѣлаешь, поставить себя въ такія условія, чтобы процессъ возникновенія вывода неполной индукціи сопровождался искренней увѣренностью въ истинности этого вывода.* Мы, конечно, сумѣемъ съ помощью извѣстнаго уже намъ шаблона неполной индукціи подыскать надлежащій выводъ къ тѣмъ посылкамъ, которыя возьмемъ въ видѣ примѣра. Но у насъ не будетъ *искренней* увѣренности въ истинности этого вывода, *если ея не было раньше.* Такъ, если мы возьмемъ въ видѣ посылокъ сужденія, говорящія, что „чехи, поляки, русскіе, болгары суть славяне, а каждый изъ этихъ народовъ нахо-

дился большее или меньшее время подъ властью другого народа", то, конечно, мы сумѣемъ присоединить сюда выводъ: „каждому славянскому народу приходится нѣкоторое время быть подъ властью другого народа". Но у насъ теперь уже не явится искренней увѣренности въ его истинности, если ея не было раньше. Возникновенію *такой* увѣренности препятствуетъ теперь наше знаніе, что въ неполной индукціи выводъ на самомъ дѣлѣ вовсе не вытекаетъ изъ посылокъ, что онѣ еще не доказываютъ его,—знаніе, о которомъ мы упомянули на стр. 219. Поэтому *искренняя увѣренность въ истинности вывода неполной индукціи можетъ возникать только тогда, когда мы еще не даемъ себѣ отчета, что переживаемое нами умозаключеніе образуетъ неполную индукцію. Слѣд., судить о процессѣ возникновенія увѣренности въ истинности вывода при этихъ умозаключеніяхъ надо на основаніи воспоминаній, какъ они нами переживались, когда мы еще не успѣвали дать себѣ отчета въ томъ, что они образуютъ неполную индукцію.* Мы должны взять такое убѣжденіе, относительно котораго намъ извѣстно, что оно внушено неполной индукціей, и вмѣстѣ съ тѣмъ надо припомнить, что происходило при этомъ внушеніи.

И вотъ, оказывается, что *при неполной индукціи увѣренность въ истинности вывода возникаетъ не иначе, какъ при соблюденіи двухъ слѣдующихъ условій: во-первыхъ, обязательно сравниваются между собой нѣсколько предметовъ, и, во-вторыхъ, этимъ путемъ мы удостовѣряемся, что о каждомъ изъ нихъ приходится мыслить то самое сужденіе, только взятое въ единичной формѣ, которое впослѣдствіи оказывается выводомъ.* Такъ, въ нашемъ первомъ примѣрѣ подвергаются сравненію золото, серебро, желѣзо и мѣдь, и этимъ путемъ мы удостовѣряемся, что о каждомъ изъ этихъ предметовъ приходится мыслить сужденіе, говорящее: „здѣсь металлъ хорошій проводникъ электричества". А это сужденіе то же самое, что и выводъ, только взятый въ его единичной формѣ вмѣсто общей: вѣдь выводъ гласитъ, что „металлъ *всегда*, а не только здѣсь, хорошій проводникъ электричества", т.-е., что „*всѣ* металлы хорошіе проводники". А если бы мы не сравнивали между собой золота, серебра, желѣза и мѣди, то, конечно, они не внушили бы намъ никакой увѣренности въ томъ, что всѣ металлы хорошіе проводники электричества. Не внушили бы они намъ ея и въ томъ случаѣ, если бы при ихъ сравненіи мы не замѣтили въ каждомъ изъ нихъ отдѣльно того обстоятельства, что *этотъ* предметъ, будучи *металломъ*, вмѣстѣ съ тѣмъ *и хорошій проводникъ*.

Вспомнивши же все сказанное, легко понять процессъ возникновенія выводовъ неполной индукціи. *Увѣренность въ истинности вывода порождается здѣсь прежде всего многократнымъ повтореніемъ подлежащаго этого вывода въ соединеніи съ его сказуемымъ.* Вѣдь во время сравненія предметовъ, упоминаемыхъ въ посылкахъ, о каждомъ изъ нихъ приходится снова и снова мыслить этотъ же самый выводъ, только взятый въ единичной формѣ. Такъ, и о золотѣ, и о серебрѣ и т. д. приходится мыслить: „здѣсь металлъ—хорошій проводникъ". А вслѣдствіе этого *по мѣрѣ*

того, какъ сравненіе означенныхъ предметовъ подвигается все дальше и дальше, все чаще и чаще повторяется въ нашемъ сознаніи соединеніе подлежащаго вывода съ его сказуемымъ, такъ что это соединеніе все больше и больше приближается къ превращенію въ неразрывную ассоціацію. Если же подлежащее и сказуемое какого-либо сужденія, вслѣдствіе многократнаго повторенія послѣдняго въ сознаніи, неразрывно ассоціируются между собой, то, какъ мы уже знаемъ, непремѣнно кажется, будто бы наше подлежащее и нельзя мыслить иначе, какъ въ связи съ этимъ сказуемымъ (см. выше, стр. 204). Слѣд., непремѣнно кажется, будто бы понятіе металла нельзя мыслить иначе, какъ хорошимъ проводникомъ электричества. А это и значитъ, что является увѣренность въ истинности сужденія, говорящаго: „металлъ *всегда* хорошій проводникъ“.

Конечно, того небольшого числа предметовъ, сравненіемъ которыхъ обыкновенно довольствуются при переживаніи неполной индукціи, еще не достаточно, чтобы соединеніе сказуемаго вывода съ его подлежащимъ уже успѣло сдѣлаться неразрывной ассоціаціей; но *на помощь многократности повторенія такого соединенія присоединяются еще два обстоятельства, усиливающихъ прочность означеннаго соединенія*, вслѣдствіе чего оно все-таки пріобрѣтаетъ упомянутое свойство неразрывной ассоціаціи.

Однимъ изъ этихъ обстоятельствъ служитъ *свѣжесть или недавность этого соединенія*. Вѣдь послѣднее *только-что* многократно повторялось въ нашемъ сознаніи. Напр., мы только-что многократно мыслили сужденіе „здѣсь металлъ хорошій проводникъ“, именно: это происходило во время сравненія золота, серебра и т. д. А по закону, говорящему, что изъ всѣхъ представленій, ассоціированныхъ съ однимъ и тѣмъ же находящимся въ сознаніи, наибольшей воспроизводимостью отличается то, которое ассоціировано съ нимъ позднѣе другихъ (см. выше, стр. 200), понятіе хорошаго проводника, т.-е. сказуемое вывода, должно сдѣлаться наиболѣе воспроизводимымъ со стороны понятія металла, т.-е. со стороны подлежащаго вывода.

Другимъ же обстоятельствомъ, дѣйствующимъ въ томъ же самомъ направленіи, служитъ то неизбѣжное *сосредоточиваніе вниманія на понятіи хорошаго проводника*, которое появляется, когда мы сравниваемъ предметы, упоминаемые въ нашихъ посылкахъ, и удостовѣряемся этимъ путемъ, что о каждомъ изъ нихъ приходится мыслить сужденіе „здѣсь металлъ хорошій проводникъ“. Вѣдь отъ этого тоже усиливается воспроизводимость понятія хорошаго проводника понятіемъ металла; ибо изо всѣхъ представленій, ассоціированныхъ съ однимъ и тѣмъ же находящимся въ сознаніи, наибольшей воспроизводимостью отличается то, на которое во время ассоціированія было обращено наибольшее вниманіе (сравн. выше, стр. 199). Вотъ все это вмѣстѣ и придаетъ соединенію сказуемаго вывода съ его подлежащимъ вышеупомянутое свойство неразрывной ассоціаціи, т.-е. увѣренность въ истинности вывода.

Что же касается заключеній по аналогіи, то при изученіи процесса, какимъ они возникаютъ, мы находимся въ томъ же положеніи, какъ и при

неполной индукціи. Здѣсь тоже нельзя умышленно, т.-е. съ пониманіемъ того, что̀ дѣлаешь, поставить себя въ такія условія, чтобы возникла искренняя увѣренность въ истинности вывода: такъ же, какъ и при неполной индукціи, этому препятствуетъ знаніе, что здѣсь выводъ на самомъ дѣлѣ не вытекаетъ изъ посылокъ (сравн. стр. 220 и 241). Слѣд., и здѣсь о процессѣ возникновенія означенной увѣренности нужно судить лишь по воспоминанію о томъ, какъ мы переживали такія умозаключенія, еще не давая себѣ отчета, что они образуютъ заключенія по аналогіи.

И вотъ, намъ прежде всего вспоминается, что *здѣсь выводъ возникаетъ не иначе, какъ при томъ условіи, чтобы сходство между тѣми предметами, о которыхъ говорится въ посылкахъ, не ограничивалось только одной какой-либо чертой, а шло гораздо дальше; и чѣмъ больше сходства между этими предметами, тѣмъ вѣроятнѣе, что по поводу нихъ возникнетъ какое-нибудь заключеніе по аналогіи.* Напр.: для возникновенія заключенія о существованіи жизни на Марсѣ еще далеко не достаточно сходства только въ томъ, что и Земля, и Марсъ вращаются вокругъ солнца.

Другимъ же условіемъ возникновенія заключеній по аналогіи служитъ то обстоятельство, чтобы черты, которыми окажутся сходными оба сравниваемыхъ предмета, какъ-нибудь да касались того свойства, которое мы, подмѣчая въ одномъ изъ нихъ, припишемъ по аналогіи другому, чтобы онѣ какъ-нибудь напоминали объ этомъ свойствѣ. Такъ, увѣренность въ существованіи жизни на Марсѣ обусловлена сходствомъ Марса съ Землею въ такихъ свойствахъ, которыя всѣ болѣе или менѣе касаются существованія жизни, какъ-нибудь да напоминаютъ о немъ, именно: присутствіе воздуха, смѣна временъ года, смѣна дня и ночи и т. п. Все это сколько-нибудь связано съ существованіемъ жизни, *напоминаетъ* о немъ.

Въ виду этихъ условій, *возникновеніе заключеній по аналогіи можно объяснить слѣдующимъ процессомъ: когда мы постепенно подмѣчаемъ въ одномъ предметѣ,* напр., въ Марсѣ, *черты такія же, какъ и въ другомъ,* т.-е. въ Землѣ, *при чемъ всѣ онѣ какъ-нибудь напоминаютъ о томъ свойствѣ, котораго мы прямо не замѣчаемъ въ первомъ предметѣ* (именно—о существованіи жизни), *то мысль о первомъ предметѣ* (о Марсѣ) *многократно ассоціируется съ мыслью объ этомъ свойствѣ* (о существованіи жизни). Слѣд., по мѣрѣ того, какъ мы все дальше и дальше подвигаемся въ своемъ сравненіи этихъ двухъ предметовъ, соединеніе двухъ только-что указанныхъ мыслей (о Марсѣ и о существованіи жизни) *все болѣе и болѣе приближается къ превращенію въ неразрывную ассоціацію.* Конечно, до полнаго превращенія въ нее это соединеніе не можетъ дойти однимъ лишь этимъ путемъ; но, какъ и при неполной индукціи, оно все-таки можетъ пріобрѣсть то свойство неразрывной ассоціаціи, чтобы намъ казалось, будто бы одна изъ этихъ мыслей неотдѣлима отъ другой. Вѣдь *этому содѣйствуетъ*, во-первыхъ, *недавность упомянутаго ассоціированія* и, во-вторыхъ, *обращеніе особаго вниманія на то свойство, которое въ одномъ изъ этихъ предметовъ существуетъ рядомъ*

съ чертами, дѣлающими его сходнымъ съ другимъ (въ нашемъ примѣрѣ обращеніе вниманія на существованіе жизни).

24. Смѣна мыслей: интуитивное мышленіе; его отличія отъ дискурсивнаго; условія его удачности; терминъ „интуиція“ въ психологіи и въ интуитивизмѣ; психологическая однородность интуитивнаго мышленія съ дискурсивнымъ.

Логика разсматриваетъ только тѣ три рода подлинныхъ умозаключеній, о которыхъ мы упомянули на стр. 218, т.-е.: пригодныя для доказательствъ, неполную индукцію и заключенія по аналогіи. Поэтому обыкновенно думаютъ, будто бы и съ психологической точки зрѣнія можетъ быть всего лишь три рода умозаключеній. Только тѣ, кто впервые знакомятся съ логикой, напр.—нѣкоторые гимназисты, сначала горячо оспариваютъ этотъ взглядъ и говорятъ, что часто нами переживаются совсѣмъ другія умозаключенія, чѣмъ упоминаемыя логикой. Но обыкновенно гимназическіе преподаватели логики, которые почти поголовно смѣшиваютъ логическую точку зрѣнія на мышленіе съ психологической, въ концѣ концовъ даже и такимъ скептикамъ вбиваютъ въ голову, будто бы въ логикѣ разсматриваются *всѣ до одного* переживаемыя нами умозаключенія. Въ дѣйствительности же эти юные скептики вполнѣ правы: *есть еще четвертый родъ умозаключеній, который съ психологической точки зрѣнія, т.-е. по способу своего переживанія, отличается отъ всѣхъ упоминаемыхъ въ логикѣ.* Но психологическое ученіе объ умозаключеніяхъ настолько не разработано, что въ учебникахъ психологіи, даже въ самыхъ подробныхъ, эти переживанія еще не разсматриваются, хотя упоминанія о нихъ уже давно встрѣчаются въ философской литературѣ, и гимназическіе преподаватели не замѣчаютъ этихъ переживаній.

Если эти умозаключенія высказать въ готовомъ видѣ, то сразу видно, что они непригодны для доказательствъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они совершенно непохожи на неполную индукцію и на заключенія по аналогіи. Они ближе всего стоятъ къ умозаключеніямъ, пригоднымъ для доказательствъ, только въ нихъ не хватаетъ бо́льшей или меньшей части тѣхъ посылокъ, которыя необходимы для дѣйствительнаго принужденія соглашаться съ выводомъ. Они представляютъ собой сокращенное, посредствомъ пропуска части посылокъ, переживаніе умозаключеній, пригодныхъ для доказательствъ. Но оттого, что здѣсь пропускается часть посылокъ, необходимыхъ для принужденія соглашаться съ выводомъ, эти умозаключенія выходятъ непригодными для доказательствъ.

Условимся называть переживанія тѣхъ умозаключеній, о которыхъ у насъ идетъ рѣчь, *интуитивнымъ мышленіемъ*, а переживаніе умозаключеній, пригодныхъ для доказательствъ, *дискурсивнымъ мышленіемъ*. Такимъ образомъ, подъ этими двумя названіями мы подразумѣваемъ отнюдь не умозаключенія, взятыя въ готовомъ видѣ, но переживанія умозаклю-

ченій, т.-е. умозаключенія, разсматриваемыя не съ логической, а съ психологической точки зрѣнія. Причины же, по которымъ мы выбираемъ названія „интуитивный“ и „дискурсивный“, удобнѣе пояснить, когда мы узнаемъ поближе, въ чемъ состоитъ интуитивное мышленіе, и чѣмъ оно отличается отъ дискурсивнаго. Интуитивное мышленіе можно описать слѣдующимъ образомъ:

Интуитивное мышленіе состоитъ въ возникновеніи такихъ новыхъ сужденій, которыя обладаютъ слѣдующей особенностью: они во время своего возникновенія уже чувствуются нами, какъ выводы, къ которымъ мы должны придти, когда присоединимъ къ тѣмъ посылкамъ, какія заставили возникнуть въ насъ эти сужденія, нѣсколько другихъ, еще не бывшихъ въ сознаніи предъ возникновеніемъ этихъ сужденій. Далѣе: эти новыя сужденія сопровождаются увѣренностью въ ихъ истинности, хотя и соединенной съ пониманіемъ, что они еще не вытекаютъ изъ однѣхъ лишь тѣхъ посылокъ, какія мыслились нами предъ ихъ возникновеніемъ и заставили ихъ возникнуть. При этомъ въ интуитивномъ мышленіи замѣчается еще двѣ слѣдующихъ черты: 1—Интуитивные выводы очень часто, а у нѣкоторыхъ, болѣе одаренныхъ, людей почти всегда оказываются и на дѣлѣ истинными, но, конечно, вытекающими не изъ тѣхъ только посылокъ, которыя дѣйствительно мыслились нами и заставили возникнуть эти выводы, а изъ ихъ соединенія съ разными другими, которыхъ мы не мыслили. 2—Эти добавочныя посылки подыскиваются съ немалымъ трудомъ, и нерѣдко наши поиски вовсе не удаются намъ; а иногда во время подобныхъ поисковъ даже обнаруживается, что наша увѣренность въ истинности интуитивнаго вывода была обманчивой.

Разница же между интуитивнымъ и дискурсивнымъ мышленіемъ двоякая, именно: 1—Интуитивное мышленіе отличается отъ дискурсивнаго сокращеннымъ характеромъ, пропускомъ нѣкоторыхъ посылокъ, необходимыхъ для того, чтобы заставить соглашаться съ выводомъ. 2—Оно отличается еще быстротой или внезапностью, съ какой возникаютъ выводы; они у насъ появляются, какъ бы вспышки молніи, которыя среди тьмы внезапно освѣщаютъ отыскиваемую нами дорогу.

Что же касается причинъ, по которымъ мы употребляемъ выраженія „интуитивное“ и „дискурсивное“ мышленіе, то онѣ таковы: съ одной стороны, эти выраженія уже встрѣчаются у нѣкоторыхъ авторовъ въ смыслѣ, либо вполнѣ совпадающемъ, либо очень сходномъ съ тѣмъ, какой мы придали имъ. Съ другой стороны, мы руководствуемся также и этимологіей этихъ терминовъ. Слово „интуитивный“ происходитъ отъ латинскаго intueri, т.-е. *созерцать* или *усматривать;* а въ интуитивномъ мышленіи выводъ какъ бы заранѣе *созерцается* нами, еще раньше, чѣмъ у насъ будутъ въ рукахъ всѣ посылки, принуждающія соглашаться съ нимъ. Дискурсивное же мышленіе (отъ латинскаго discurrere—пробѣгать) отличается тѣмъ, что оно *пробѣгаетъ* черезъ всѣ посылки, необходимыя для дѣйствительнаго принужденія соглашаться съ выводомъ.

Въ существованіи интуитивнаго мышленія можно удостовѣриться прежде всего путемъ личнаго самонаблюденія. Такъ, каждому приходилось переживать, что мы сперва только чувствуемъ, *какъ цѣлесообразнѣе поступить* при извѣстныхъ условіяхъ, но еще не можемъ доказать истинность того, что̀ мы уже почувствовали, хотя очень часто впослѣдствіи оказывается, что это своеобразное чувство насъ не обманывало. Самое большее, что̀ мы можемъ сразу сдѣлать, это привести *кое-какія* сужденія въ пользу нашего рѣшенія, недостаточность которыхъ мы сами же понимаемъ. И лишь впослѣдствіи и не безъ труда, и притомъ не всегда, мы приведемъ всѣ (уже достаточные) доводы для подтвержденія нашего первоначальнаго рѣшенія, при чемъ во время попытокъ доказать его, конечно, нерѣдко и отказываемся отъ него, какъ отъ ошибочнаго. Подобныя явленія переживаются нами, хотя бы при отысканіи способа рѣшенія данной задачи. Мы часто *чувствуемъ*, какъ приняться за рѣшеніе и какъ вести его, кое-чѣмъ мотивируемъ это, но еще не въ силахъ дать полное доказательство, что надо поступать именно такъ, а не иначе. Такое же явленіе почти всегда переживается при рѣшеніи вопросовъ, какой поступокъ изъ всѣхъ возможныхъ будетъ болѣе нравственнымъ. Мы сперва чувствуемъ, какъ нравственнѣе поступить, и послѣ того стараемся доказать свой взглядъ. Даже когда дѣло идетъ о чисто-теоретическихъ положеніяхъ, и то мы сперва чувствуемъ, какъ вѣрнѣе смотрѣть на дѣло, а уже послѣ стараемся доказать свое мнѣніе. Когда же оно существуетъ всего лишь въ видѣ чувства его истинности, у насъ бываютъ только кое-какія, еще не достаточныя для его доказательства, основанія.

Но для подтвержденія существованія интуитивнаго мышленія не слѣдуетъ ограничиваться методомъ личнаго самонаблюденія, а надо обратиться также и къ помощи коллективнаго самонаблюденія. Матеріалъ для такого подтвержденія можно найти у *нѣмца* Гартмана въ „Философіи безсознательнаго“, у *англичанина* Карпентера въ „Физіологіи ума“ и у *француза* Фонсегрива въ „Généralisation et induction“ (первыя двѣ книги есть и въ русскомъ переводѣ, а третьей нѣтъ). Къ ихъ отзывамъ мы прибавимъ еще выписку изъ „Психологіи“ англичанина Спенсера, указавшаго на интуитивное переживаніе такъ называемыхъ силлогизмовъ.

По поводу нашей выписки изъ Гартмана надо сдѣлать слѣдующую оговорку: *иногда* мы замѣняемъ въ ней нѣкоторыя выраженія своими *(ставя рядомъ и собственныя слова Гартмана въ скобкахъ)*. Это полезно не только вслѣдствіе своеобразной и не всегда точной терминологіи Гартмана, но еще и потому, что онъ интуитивное мышленіе считаетъ сознательной частью безсознательнаго мышленія, а дискурсивное сплошь сознательнымъ. Именно: онъ думаетъ, что за предѣлами сознанія тоже переживаются умозаключенія, но изъ этого безсознательнаго мышленія, происходящаго, какъ онъ думаетъ, крайне быстро, прямо-таки моментально, въ сознаніе попадаютъ только кое-какіе обрывки, въ томъ числѣ и окончательный выводъ. Такъ-то и происходитъ, по мнѣнію Гартмана, интуитивное мышленіе: пропущенныя нами посылки,

все-таки, думаетъ онъ, мыслятся, и при томъ съ необычайной быстротой, но мыслятся не нами, а гдѣ-то за предѣлами сознанія, и порождаютъ выводъ въ соединеніи съ тѣми посылками, которыя мыслятся нами. Дискурсивное же мышленіе, по мнѣнію Гартмана, все сплошь проходитъ въ сознаніи. Конечно, безсознательное мышленіе служитъ однимъ изъ трансцендентныхъ предметовъ, потому что оно недоступно ни самонаблюденію, ни объективному наблюденію. Какъ безсознательное, оно недоступно самонаблюденію; а какъ мышленіе, т.-е. какъ душевное переживаніе, оно недоступно и объективному наблюденію. Поэтому оставимъ въ сторонѣ эту явно метафизическую гипотезу о существованіи безсознательнаго мышленія и возьмемъ интуитивное мышленіе такимъ, какимъ оно, по словамъ Гартмана, попадаетъ въ сознаніе: вѣдь наша задача состоитъ въ изученіи психологіи, а не метафизики. Что же касается терминологіи Гартмана, то онъ дискурсивное мышленіе называетъ *и дискурсивнымъ, и дедуктивнымъ, и сознательнымъ*, а интуитивное—*то интуитивнымъ, то безсознательнымъ*. Но термину „дедуктивный“ обыкновенно придается другое значеніе, чѣмъ у Гартмана, а названія „сознательный“ и „безсознательный“ находятся въ связи съ метафизикой Гартмана. Все это и заставляетъ насъ поправить кое-гдѣ выраженія Гартмана, чтобы вышелушить изъ его метафизики одно лишь психологическое описаніе данныхъ въ опытѣ фактовъ.

Вотъ какъ онъ описываетъ эти два вида мышленія: „укажемъ, говоритъ онъ, прежде всего на математику, чрезъ которую проходятъ два вида мышленія, дискурсивный (дедуктивный) и интуитивный. Первый выводитъ свои доказательства постепенно, черезъ рядъ умозаключеній изъ данныхъ посылокъ по закону противорѣчія, слѣдовательно, вообще соотвѣтствуетъ дискурсивной природѣ сознательной логики. Этотъ видъ исключительно господствуетъ въ научной математикѣ, ибо одинъ лишь онъ имѣетъ право претендовать на методичность и доказательность. Другой отказывается отъ этихъ притязаній, но тѣмъ не менѣе представляетъ форму обоснованія, слѣд., есть тоже видъ мышленія... Несомнѣнно, что при знаніи очень немногихъ положеній геометріи, можно пріобрѣсть многія познанія однимъ созерцаніемъ, если мы подкрѣпимъ его преобразованіемъ геометрическихъ фигуръ, ихъ раздѣленіемъ, наложеніемъ и другими способами построенія; но мы все-таки дойдемъ до такого пункта, гдѣ и самая свѣтлая голова должна прибѣгнуть къ дискурсивному (дедуктивному) мышленію. Это зависитъ исключительно отъ степени дарованія, какъ далеко можетъ идти изученіе математики путемъ интуиціи. Что касается алгебры и анализа, то здѣсь трудность интуиціи заявляетъ себя очень скоро; и только чудовищные таланты, въ родѣ Дагзе, приводятъ дѣло въ этой области къ созерцанію, въ которомъ можно большія числа разсматривать, какъ одно цѣлое, и въ такомъ смыслѣ поступать съ ними. Гораздо чаще у математиковъ встрѣчается способность дѣлать интуитивные *прыжки* въ стройной цѣпи умозаключеній и выпускать нѣкоторое количество ея членовъ, такъ что изъ посылокъ перваго умозаключенія тотчасъ въ сознаніи выскакиваетъ заключеніе, которое должно бы слѣдовать третьимъ или пятымъ“.

Перейдемъ къ Карпентеру. Хотя онъ и не употребляетъ термина „интуитивное мышленіе“, тѣмъ не менѣе описываетъ такіе факты, которые вполнѣ подходятъ подъ то, что̀ мы условились называть этимъ именемъ. Самъ же Карпентеръ вездѣ называетъ ихъ здравымъ смысломъ. „Геній математика, говоритъ онъ, т.-е. его спеціальная способность, развившаяся вслѣдствіе спеціальной культуры, часто даетъ ему возможность *угадывать* истину, которую онъ, можетъ быть, и въ состояніи доказать, но для подтвержденія которой ни онъ и никто другой не можетъ въ данное время предоставить логическое доказательство. Въ этой *способности угадывать* мы имѣемъ очевидное доказательство существованія такого свойства человѣческаго ума, которое не можетъ быть объяснено простой координаціей предшествующихъ знаній. Хорошую иллюстрацію этого наблюденія, продолжаетъ Карпентеръ, мы имѣемъ въ совѣтѣ, который одинъ извѣстный и опытный судья, именно — лордъ Монсфильдъ, далъ, говорятъ, своему младшему товарищу, назначенному судьей въ колоніи: „никогда не ищите основаній для вашихъ рѣшеній; сужденія ваши, по всей вѣроятности, будутъ правильны, но основанія почти всегда будутъ ошибочны“. Значеніе этого совѣта на нашъ (карпентеровскій) языкъ можно перевести такъ: „вашъ юридическій инстинктъ, или спеціально культивированный здравый смыслъ (на нашемъ же языкѣ эти слова Карпентера слѣдуетъ замѣнить такими: „ваше спеціально культивированное интуитивное мышленіе“), основанный на общемъ знаніи законовъ и руководимый честностью вашихъ намѣреній, по всей вѣроятности, *будетъ приводить васъ къ правильнымъ выводамъ. Но ваше знаніе технической стороны* законовѣдѣнія не настолько велико, чтобы вы могли *обосновать* ваши выводы, которые, вѣроятно, выдержатъ самую строгую, даже враждебную критику“. Далѣе: опытный сыщикъ часто, какимъ-то даромъ *провидѣнія*, приходитъ къ убѣжденію въ виновности или невиновности подозрѣваемаго лица; и убѣжденіе его, въ концѣ концовъ, оказывается правильнымъ. Тѣмъ не менѣе, онъ *не могъ бы дать достаточнаго основанія* для своего убѣжденія, зависящаго отъ впечатлѣнія на его сознаніе такихъ мелочей, какъ: взглядъ, тонъ, жесты, манера, имѣющихъ очень мало или совсѣмъ не имѣющихъ значенія для обыкновеннаго наблюдателя, но инстинктивно понятныхъ его спеціально культивированному здравому смыслу“ (на нашемъ языкѣ: „его спеціально культивированному интуитивному мышленію“).

А вотъ отзывъ Фонсегрива: „замѣчательно, говоритъ онъ, что когда ученые разсказываютъ о своихъ открытіяхъ, то употребляютъ выраженія въ родѣ слѣдующихъ: „мнѣ пришла въ голову мысль, я былъ внезапно пораженъ, во мнѣ произошло какое-то внезапное озареніе“. Вмѣстѣ съ тѣмъ они отмѣчаютъ, что открытіе было сдѣлано не медленнымъ путемъ, не путемъ накопленія данныхъ опыта, а вдругъ, неожиданно и внезапно: какъ будто бы разорвалась какая-то завѣса, поднялся покровъ, блеснула молнія“. А все это, прибавимъ отъ себя, черты, характеризующія возникновеніе выводовъ интуитивнаго мышленія (сравн. выше, стр. 245).

Что же касается Спенсера, то онъ отмѣтилъ, что такъ называемые

силлогизмы часто мыслятся интуитивно. Прежде, чѣмъ приводить его слова, объяснимъ слѣдующее: тѣ пригодныя для доказательствъ умозаключенія, въ которыхъ къ согласію съ выводомъ принуждаютъ двѣ посылки, взятыя вмѣстѣ, логика называетъ *силлогизмами*. Напр., умозаключеніе „ртуть жидкость, а всѣ жидкости упруги; слѣд., ртуть упруга“ называется силлогизмомъ, пот. ч. здѣсь къ согласію съ выводомъ принуждаютъ двѣ посылки („ртуть жидкость“ и „всѣ жидкости упруги“), взятыя вмѣстѣ. Если же взять только одну изъ этихъ посылокъ, напр., если взять одну только посылку „ртуть жидкость“, то ея еще недостаточно для принужденія къ согласію съ выводомъ. Однако, мы сплошь да рядомъ высказываемъ такія умозаключенія, которыя содержатъ только одну посылку, при чемъ ея одной еще недостаточно для принужденія къ согласію съ выводомъ, а мы все-таки рядомъ съ ней высказываемъ и этотъ выводъ, *какъ бы вытекающій изъ нея*. Напр., очень часто мы такъ выражаемся: „ртуть жидкость; слѣд., она упруга“, или „всѣ люди умираютъ; слѣд., господинъ такой-то тоже умретъ“ и т. п. Логика говоритъ, что во всѣхъ этихъ примѣрахъ другая посылка *подразумѣвается*. И такъ какъ логика разсматриваетъ умозаключенія въ *готовомъ* видѣ, *отвлекаясь* отъ тѣхъ душевныхъ переживаній, которыя происходятъ, когда сужденія впервые соединяются въ видѣ вывода и посылокъ, то *слѣдовало бы* слово „подразумѣвается“ понимать только въ томъ смыслѣ, что къ высказанной посылкѣ *надо* про себя, въ умѣ, прибавить еще другую, что безъ нея нашъ выводъ останется недоказаннымъ. Но обыкновенно логическую точку зрѣнія смѣшиваютъ съ психологической и поэтому думаютъ, что слово „подразумѣвается“ обозначаетъ то душевное переживаніе, съ помощью котораго возникаетъ выводъ, т.-е. обыкновенно думаютъ, будто бы въ только-что указанныхъ примѣрахъ мы во время *возникновенія* вывода дѣйствительно *мыслимъ* обѣ посылки, но *высказываемъ* только одну изъ нихъ, вслѣдствіе чего другая и называется „подразумѣваемой“. Спенсеръ же утверждаетъ, что когда въ только-что приведенныхъ примѣрахъ *возникаетъ* выводъ, то въ это время мы часто мыслимъ только одну посылку, другая же присоединяется нами даже и про себя, въ умѣ, только *позднѣе*, когда намъ нужно будетъ провѣрить, т.-е. оправдать нашъ выводъ. Вотъ слова Спенсера:

„Тотъ процессъ мысли, который старается описать силлогизмъ, *есть не тотъ процессъ, посредствомъ котораго возникаетъ выводъ, но тотъ, посредствомъ котораго онъ оправдывается*. И этотъ процессъ вовсе не выполняется во всей своей цѣлости, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда намъ кажется необходимымъ оправданіе или подтвержденіе вывода. Всякій можетъ сразу убѣдиться въ этомъ самъ, наблюдая, какъ зачинается какой-либо изъ наиболѣе знакомыхъ ему выводовъ. Вамъ разсказываютъ, что господинъ такой-то, которому уже около 90 лѣтъ, собирается строить себѣ новый домъ. Вы мгновенно начинаете смѣяться надъ этой нелѣпостью: человѣкъ, такъ близко стоящій къ смерти, дѣлаетъ такія приготовленія для жизни. Но вслѣдствіе чего вамъ пришло въ голову думать о господинѣ такомъ-то, какъ объ умирающемъ? Повторяли ли вы сначала въ умѣ предложеніе — „всѣ люди

смертны"? Ничуть не бывало. Нѣкоторыя предшествующія обстоятельства привели васъ къ мысли о смерти, какъ объ одномъ изъ его свойствъ, безъ того, чтобы вы предварительно думали о ней, какъ о свойствѣ человѣческаго рода вообще. Если бы кто-нибудь находилъ недостаточно очевидной ту глупость, которую дѣлаетъ господинъ такой-то, вы, вѣроятно, сказали бы ему: „онъ долженъ умереть и притомъ очень скоро", даже не находя нужнымъ аппеллировать къ общему факту, что всѣ люди смертны. И только будучи допрашиваемы, *почему* онъ долженъ умереть, вы прибѣгли бы, мысленно или на словахъ, какъ къ аргументу: „всѣ люди умираютъ; слѣд., и господинъ такой-то долженъ умереть". А не значитъ ли все это, что, по словамъ Спенсера, силлогизмы часто переживаются нами въ видѣ интуитивнаго мышленія?

Теперь уже врядъ ли можно сомнѣваться въ существованіи интуитивнаго мышленія. Напротивъ, приходится признать его самымъ частымъ видомъ переживанія умозаключеній: всякое рѣшеніе вопроса, какъ поступать при тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ, всякое знаніе дѣйствительности, всякое открытіе чаще всего возникаетъ сперва въ видѣ интуитивнаго вывода, послѣ чего мы пробуемъ доказать свой выводъ уже съ помощью дискурсивнаго мышленія. Дѣло въ томъ, что *интуитивные выводы* не всегда бываютъ вѣрны: они нерѣдко насъ обманываютъ, такъ что *всегда нуждаются въ провѣркѣ*. Къ тому же истинность интуитивныхъ выводовъ, какъ бы сильно ни чувствовалась она нами самими, нельзя показать другимъ иначе, какъ получивъ тотъ же самый выводъ путемъ дискурсивнаго мышленія. *Интуитивное мышленіе тѣмъ и важно, что оно приводитъ насъ къ открытіямъ новыхъ знаній или къ догадкамъ; провѣрять же и доказывать эти открытія или догадки приходится съ помощью дискурсивнаго мышленія.* Поэтому мы всегда такъ поступаемъ, что, придя къ какому-нибудь интуитивному выводу, начинаемъ подыскивать всѣ тѣ посылки, изъ которыхъ вытекалъ бы этотъ выводъ. А какія душевныя переживанія происходятъ во время такого подыскиванія, уже было описано выше, на стр. 224.

Но при какихъ условіяхъ интуитивные выводы бываютъ наиболѣе удачными, чаще всего соотвѣтствующими дѣйствительности? Есть три такихъ условія. Одно изъ нихъ не зависитъ отъ нашей воли. Это — та *прирожденная одаренность*, различныя степени которой принято обозначать словами: *даровитость*, *талантливость*, *геніальность*. Но кромѣ одаренности, есть еще два условія, зависящихъ отъ насъ самихъ; это — *во-первыхъ, обширное знакомство съ той областью знанія, къ которой относятся наши интуитивные выводы, и, во-вторыхъ, честность мышленія*. Въ самомъ дѣлѣ: нельзя представить, чтобы въ математикѣ приходили къ удачнымъ интуитивнымъ выводамъ тѣ, кто съ нею совсѣмъ не знакомъ. Наоборотъ, чѣмъ глубже и ближе знакомъ человѣкъ съ какой-либо наукой, тѣмъ вѣроятнѣе, что относящіеся къ ней его интуитивные выводы будутъ гораздо чаще удачными, чѣмъ неудачными. На этомъ наблюденіи и основано то довѣріе къ мнѣніямъ и отзывамъ спеціалистовъ, которое оказываютъ имъ даже безъ

всякихъ справокъ, сумѣютъ ли они доказать свои мнѣнія. Вмѣстѣ съ тѣмъ общеизвѣстно, что *успѣшно* служить истинѣ можно только чистыми руками; что научныя открытія бываютъ наиболѣе успѣшными, когда не только не поступаются истиной ни для какихъ выгодъ, но когда и стремятся-то къ ней ради нея самой, независимо отъ того, будетъ ли она намъ пріятна или тягостна, возвыситъ ли она нашъ духъ въ нашихъ глазахъ или принизитъ его, а тѣмъ болѣе — независимо отъ того, совпадаетъ ли она съ господствующими въ обществѣ теченіями или рѣзко расходится съ ними. Даже трудно представить себѣ, чтобы *геніальныя* научныя открытія дѣлались мерзавцами. *Геніальный* мерзавецъ — вещь, мыслимая въ какой-нибудь другой области, напр., въ искусствахъ, въ художественной литературѣ, въ политикѣ, въ публицистикѣ и т. д., но не тамъ, гдѣ ищутъ истину, не въ наукѣ. Даровитые, даже талантливые мерзавцы вполнѣ возможны и среди ученыхъ, но *геніальныхъ* ученыхъ исторія встрѣчала исключительно среди людей, не только неподкупно, но еще безкорыстно преданныхъ истинѣ. И кто мѣняетъ бога истины на другихъ боговъ, будь то даже богъ добра, а тѣмъ паче богъ красоты, не говоря уже о мамонѣ и принюхиваніи къ общественнымъ теченіямъ, тотъ этимъ самымъ повреждаетъ въ себѣ свою интуицію: съ этого момента его интуитивные выводы будутъ уже не столь удачны, какъ прежде.

Мы употребили сейчасъ слово „интуиція“; оно часто употребляется и въ тѣхъ метафизическихъ ученіяхъ, которыя въ послѣднее время стали называть интуитивизмомъ; но не слѣдуетъ думать, будто бы оно въ психологіи и въ интуитивизмѣ обозначаетъ одно и то же. *Въ психологіи слово „интуиція“ обозначаетъ способность къ возникновенію интуитивныхъ* **ВЫВОДОВЪ**, *т.-е. такихъ сужденій, которыя порождаются другими сужденіями, какъ* **ПОСЫЛКАМИ.** *Въ интуитивизмѣ же подъ интуиціей подразумѣвается особое чувство, съ помощью котораго мы усматриваемъ кое-что настолько же прямо и непосредственно, т.-е. настолько же безъ помощи всякихъ* **ПОСЫЛОКЪ**, *насколько прямо и непосредственно усматриваются нами цвѣта, звуки, запахи, наши хотѣнія, наши мысли и т. п. Но это чувство отличается отъ всякаго другого, и отъ внутренняго чувства или способности къ самонаблюденію, и отъ внѣшнихъ чувствъ, слѣдующей особенностью: предметами, усматриваемыми съ помощью этого чувства, всегда служитъ только то, что не имѣетъ въ себѣ ничего чувственнаго, и что, однако, еще не составляетъ нашихъ душевныхъ переживаній.* Въ чемъ, именно, состоятъ такіе предметы, объ этомъ разные интуитивисты высказываются различно; но всѣ они согласны въ томъ, что въ предметахъ интуиціи нѣтъ ничего чувственнаго. Напр., если кто-либо изъ интуитивистовъ считаетъ однимъ изъ предметовъ, непосредственно усматриваемыхъ съ помощью интуиціи, внѣшній міръ, то при этомъ подразумѣвается внѣшній міръ, очищенный отъ всего чувственнаго, какъ-то: отъ цвѣтовъ, звуковъ, запаховъ и т. д. Если же предметомъ интуиціи считается Богъ, душа, то въ нихъ и подавно, уже по самому ихъ понятію,

нѣтъ ничего чувственнаго. *Вмѣстѣ съ тѣмъ интуитивизмъ называетъ интуиціей и самое усмотрѣніе, производимое съ помощью означеннаго чувства.*

Изъ сказаннаго ясно, что между психологическимъ значеніемъ слова „интуиція“ и тѣмъ, какое оно имѣетъ въ интуитивизмѣ, нѣтъ ничего общаго. Кромѣ того, это видно также изъ слѣдующаго обстоятельства: чтобы удостовѣриться въ существованіи интуиціи въ психологическомъ смыслѣ слова, не требуется никакихъ опредѣленныхъ метафизическихъ убѣжденій. Достаточно лишь вглядываться въ тѣ факты, которые даны въ опытѣ, и мы подмѣтимъ, что переживаніе всего лишь части посылокъ нерѣдко порождаетъ такой выводъ, который возникъ бы, если бы къ этимъ посылкамъ были присоединены еще другія, непережитыя нами. Къ мысли же о существованіи интуиціи въ смыслѣ упомянутаго особаго чувства приходятъ слѣдующимъ путемъ: сперва пропитываются увѣренностью, будто бы нѣкоторыя опредѣленныя метафизическія положенія, напр., транссубъективное существованіе внѣшняго міра, существованіе Бога и т. п., уже составляютъ не вѣру, а *знаніе*, т.-е. будто бы они образуютъ такія мысли, истинность которыхъ уже *провѣрена* нами. А вмѣстѣ съ тѣмъ понимаютъ недоказуемость этихъ положеній. И вотъ, чтобы примирить ихъ недоказуемость съ увѣренностью въ томъ, что они все-таки образуютъ *знаніе*, а не одну лишь вѣру, интуитивизмъ постулируетъ (т.-е. требуетъ допустить) особое чувство, съ помощью котораго мы-де *прямо*, *непосредственно*, безъ всякихъ посылокъ и разсужденій, *усматриваемъ* предметы этихъ положеній, и называетъ это постулируемое имъ чувство интуиціей. Напр., Н. О. Лосскій, какъ мы уже упомянули на стр. 82, не хочетъ считать свое убѣжденіе въ существованіи чужой одушевленности всего только вѣрой, но вмѣстѣ съ тѣмъ ясно понимаетъ всю недоказуемость этого убѣжденія. Поэтому онъ думаетъ, что у насъ есть интуиція, т.-е. прямое, непосредственное усмотрѣніе чужой душевной жизни.

Впрочемъ, надо оговориться, что интуитивисты не просто *требуютъ* допущенія метафизической интуиціи, но еще пишутъ довольно толстыя книги, чтобы *доказать* ея существованіе. Таковы, напр., „Обоснованіе интуитивизма“ Н. О. Лосскаго и „Предметъ знанія“ С. Л. Франка, двѣ книги русскихъ ученыхъ, посвященныя доказательству существованія метафизической интуиціи. Но бѣда въ томъ, что если бы люди обладали такой интуиціей, то незачѣмъ было бы передъ ними *доказывать*, т.-е. *выводить* съ помощью разныхъ разсужденій, ея существованіе. Оно было бы извѣстно имъ съ такой же непосредственностью, т.-е. съ такой же независимостью отъ всякихъ выводовъ и доказательствъ, какъ и существованіе у насъ зрѣнія, слуха, сознанія, переживанія представленій, сужденій и т. п. На самомъ же дѣлѣ никто не можетъ прямо, непосредственно подмѣтить въ себѣ метафизическую интуицію, даже послѣ изученія означенныхъ книгъ. Поэтому мы и говоримъ, что интуитивисты всего только *постулируютъ* (т.-е. требуютъ) ее. Къ тому же всѣ ихъ доказательства сводятся только къ выясненію, что нельзя нѣкоторыя изъ общераспространенныхъ убѣжденій считать знаніемъ, если не

допускать существованія метафизической интуиціи. А это еще нисколько не доказываетъ ея существованія, но только выставляетъ на видъ такое *требованіе* (*постулатъ*): или помирись съ тѣмъ, чтобы считать эти убѣжденія всего лишь вѣрой, или же допускай существованіе метафизической интуиціи. А почему не считать ихъ вѣрой (иногда—даже нескоренимой), коль скоро они недоказуемы, остается неизвѣстнымъ.

Итакъ, интуитивизмъ порождается соединеніемъ предвзятой увѣренности, будто бы исповѣдуемыя нами опредѣленныя метафизическія убѣжденія составляютъ уже *знаніе*, а не одну лишь вѣру, съ пониманіемъ, что они все-таки недоказуемы. Психологическое же ученіе объ интуитивномъ мышленіи не стоитъ ни въ малѣйшей связи съ какими бы то ни было взглядами на метафизику. Поэтому оно одинаково пріемлемо и для интуитивистовъ, и для тѣхъ, кто отрицаетъ всякую возможность для метафизики быть знаніемъ, и для тѣхъ, наконецъ, кто думаетъ, что хоть нѣкоторыя изъ ея ученій могутъ быть когда-нибудь *доказаны*, а не подкрѣплены всего только ссылкой интуитивизма на постулируемую имъ, именно—ради этой ссылки, но прямо никѣмъ не замѣчаемую метафизическую интуицію.

Въ заключеніе замѣтимъ, что *съ перваго взгляда интуитивное мышленіе кажется чѣмъ-то страннымъ, загадочнымъ. Въ дѣйствительности же оно загадочно ничуть не въ большей степени, чѣмъ дискурсивное мышленіе. Съ психологической точки зрѣнія они однородны между собой. Вѣдь и тамъ и здѣсь мы встрѣчаемся съ проявленіемъ творчества сужденій, производимаго переживаніемъ другихъ сужденій.* Именно: и тамъ, и здѣсь мы встрѣчаемся съ порожденіемъ въ видѣ вывода вполнѣ *новыхъ*, а отнюдь не воспроизведенныхъ сужденій, т.-е. сужденій, которыя не скопированы съ предметовъ, о какихъ они говорятъ, но впервые порождаются переживаніемъ другихъ сужденій, *при чемъ истинность этихъ новыхъ сужденій зависитъ отъ истинности породившихъ сужденій.* (Сравн. выше стр. 236). Вся разница между дискурсивными и интуитивными выводами лишь въ томъ, что при дискурсивномъ мышленіи не только истинность вывода *зависитъ* отъ истинности породившихъ его сужденій, но онъ *всегда* обладаетъ *точно такой же истинностью*, какъ и породившія сужденія; интуитивные же выводы не всегда бываютъ настолько же истинными, какъ породившія сужденія. Вѣдь интуитивные выводы нерѣдко выходятъ ложными, хотя породившія ихъ посылки будутъ вполнѣ истинными. И вполнѣ естественно, что существуетъ такая разница; ибо при переживаніи умозаключеній, пригодныхъ для доказательствъ, нами мыслятся *всѣ* тѣ посылки, которыя принуждаютъ соглашаться съ возникающимъ выводомъ, при интуитивномъ же мышленіи *не всѣ*, а только *нѣкоторыя* изъ нихъ. Но и въ томъ, и другомъ случаѣ мы встрѣчаемся съ тѣмъ *творчествомъ сужденій*, которое производится переживаніемъ другихъ сужденій, т.-е. мышленіемъ. *И съ этой точки зрѣнія интуитивное мышленіе вполнѣ однородно съ дискурсивнымъ*, такъ что если послѣднее не считается страннымъ и загадочнымъ, то нѣтъ основаній считать такимъ интуи-

тивное мышленіе. Эти два вида мышленія разнородны только логически, потому что интуитивное мышленіе не годится для доказательства, психологически же, какъ творческіе процессы, они вполнѣ однородны между собой.

Если же интуитивное мышленіе съ перваго взгляда кажется страннымъ и загадочнымъ, то это обусловлено двумя причинами: во-первыхъ, дискурсивное мышленіе кидается въ глаза гораздо сильнѣе, чѣмъ интуитивное, такъ что мы успѣваемъ свыкнуться съ первымъ на много раньше, чѣмъ подмѣтимъ второе. А все, съ чѣмъ мы уже свыклись, кажется чѣмъ-то само собою понятнымъ, необходимымъ, все же новое, неожиданное—чѣмъ-то страннымъ, загадочнымъ. Во-вторыхъ, вслѣдствіе смѣшенія логической точки зрѣнія на умозаключенія съ психологической, у насъ легко возникаютъ и вкореняются въ насъ такія выдумки относительно дискурсивнаго мышленія, которыя сводятъ его къ процессамъ, чуждымъ всякаго творчества и ограничивающимся только простой передѣлкой или комбинированіемъ того, что уже существуетъ раньше. Сравн. выше, стр. 236—237. Въ интуитивномъ же мышленіи сразу кидается въ глаза, что это творческій процессъ.

25. Смѣна мыслей: узнаваніе воспроизведенныхъ представленій и внѣшнихъ предметовъ, какъ знакомыхъ.

Наше ученіе о смѣнѣ мыслей еще не можетъ считаться оконченнымъ, потому что при этой смѣнѣ встрѣчаются еще кое-какія крупныя явленія, требующія своего особаго разсмотрѣнія. Такъ, *нѣкоторыя изъ воспроизведенныхъ представленій отличаются отъ остальныхъ той особенностью, что сопровождаются чувствомъ знакомости, именно: они узнаются нами, какъ воспроизведенныя. Но бываетъ и такъ, что хотя нами переживается воспроизведенное представленіе, оно все-таки не узнается, какъ воспроизведенное, не чувствуется, какъ знакомое.* Напр.: французскій психіатръ Мори въ своей книгѣ „Сонъ и сновидѣнія“ разсказываетъ, что онъ однажды заблаговременно приготовилъ статью, обѣщанную имъ для одного журнала, но такъ запряталъ ее, что когда приблизился срокъ ея отсылки, онъ не могъ ее найти и сталъ снова писать. Когда онъ писалъ ее во второй разъ, то ему казалось, что у него явилась совсѣмъ новая точка зрѣнія на предметъ, такъ что статья, по его мнѣнію, вышла совсѣмъ новой. Но, найдя по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ свою прежнюю работу и сравнивъ ее съ новой, онъ убѣдился, что послѣдняя была дословнымъ повтореніемъ прежней. Слѣд., когда Мори писалъ во второй разъ свою статью, то у него возникали такія воспроизведенныя представленія, которыя не сопровождались чувствомъ знакомости, не узнавались имъ, какъ воспроизведенныя. И вотъ, намъ нужно разсмотрѣть, въ чемъ состоитъ узнаваніе воспроизведенныхъ представленій.

Замѣтимъ кстати: *хотя въ обыденной рѣчи всякое воспроизведенное представленіе называется воспоминаніемъ, психологи, однако, чаще всего*

поступаютъ иначе и условливаются называть воспоминаніемъ только такія воспроизведенныя представленія, которыя сопровождаются чувствомъ знакомости, т.-е. узнаются, какъ воспроизведенныя. Но преподавательскій опытъ убѣдилъ проф. А. И. Введенскаго, что подобное насиліе надъ привычной рѣчью не только не доставляетъ ни малѣйшихъ удобствъ, а даже причиняетъ вредъ. Во-первыхъ, оттѣнить разницу между воспроизведенными представленіями, сопровождающимися и несопровождающимися чувствомъ знакомости, всегда легко и безъ помощи такого насилія: кромѣ этихъ самыхъ выраженій (сопровождающіяся и несопровождающіяся чувствомъ знакомости) и кромѣ выраженія „узнанныя и неузнанныя, какъ воспроизведенныя", у насъ въ запасѣ есть еще очень короткое и выразительное названіе—„опознанное и неопознанное воспоминаніе". Во-вторыхъ, большинство учащихся, хотя и затвердятъ, что воспоминаніемъ условлено называть не всѣ воспроизведенныя представленія, а только нѣкоторыя, все-таки, вслѣдствіе вкоренившейся привычки къ обыденной рѣчи, сказанное объ однихъ лишь воспоминаніяхъ примѣняютъ ко всякому воспроизведенному представленію. А чрезъ это, разумѣется, въ ихъ головахъ возникаетъ сумбуръ. Поэтому *будемъ употреблять слово „воспоминаніе" въ смыслѣ обыденной рѣчи, т.-е. какъ синонимъ всякаго воспроизведеннаго представленія.*

Узнаваніе воспроизведенныхъ представленій, какъ воспроизведенныхъ, состоитъ въ возникновеніи такихъ сужденій о содержаніи этихъ представленій, съ помощью которыхъ послѣднія локализуются въ нашемъ прошломъ, т.-е. мыслятся нами, какъ относящіяся къ нашему прошлому. Въ самомъ дѣлѣ: когда мы узнаёмъ какое-либо представленіе, какъ воспроизведенное, то это значитъ, что мы *судимъ* объ его содержаніи, какъ объ относящемся къ нашему прошлому. Замѣтимъ, что при узнаваніи локализуется, конечно, *содержаніе* представленія, но ради краткости принято выражаться: „локализація *представленія*", „локализація *воспоминанія*". Означенная локализація представленій, разумѣется, можетъ быть и очень точной, когда мы относимъ содержаніе представленія къ точно опредѣленному моменту или, по крайней мѣрѣ, къ опредѣленному періоду нашего прошлаго; и самой грубой, когда наше сужденіе о представленіи ограничивается только тѣмъ, что представленіе относится вообще къ прошлому нашей жизни, но безъ всякаго указанія, къ какому же именно моменту или періоду прошлаго. Но если я отношу грубо или точно, это все равно, содержаніе представленія къ своему прошлому, то, конечно, тѣмъ самымъ я чувствую данное представленіе, какъ знакомое. Такимъ образомъ, *изученіе узнаванія воспроизведенныхъ представленій, какъ воспроизведенныхъ, сводится къ изученію ихъ локализаціи въ нашемъ прошломъ.*

При изученіи этой локализаціи представленій можно не ограничиваться только одними субъективными наблюденіями, а пополнять ихъ и объективными. Первыя показываютъ, а вторыя подтверждаютъ, что общій характеръ того, какимъ путемъ локализуются воспоминанія въ прошломъ, слѣдующій: мы помнимъ порядокъ наиболѣе крупныхъ событій нашей жизни, а по нимъ

уже размѣщаемъ остальныя, указывая для нихъ чаще всего два болѣе крупныхъ, между которыми произошло локализуемое, напр.: „это, говоримъ мы, произошло послѣ того, какъ я болѣлъ дифтеритомъ, но еще до окончанія гимназіи“. Для нѣкоторыхъ же событій мы указываемъ лишь то, раньше котораго было локализуемое событіе. Напр.: „это-де было, когда я еще не успѣлъ кончить гимназію“, или: „это было когда-то, но не въ послѣдніе дни“, стало быть, въ *неопредѣленномъ* прошломъ. Иногда, конечно, вмѣсто этого мы запоминаемъ хронологическія даты крупныхъ событій и чрезъ посредство такихъ дать распредѣляемъ уже другія событія. Напр., мы говоримъ: „это произошло между такимъ-то и такимъ-то годомъ“. Но большинство людей обыкновенно обходится безъ помощи хронологическихъ датъ, а локализуютъ воспоминанія прямо по крупнымъ событіямъ: по эпидеміямъ, по смѣнамъ властей и т. п. А у остальныхъ и года-то пріурочиваются все-таки къ крупнымъ событіямъ. Такимъ образомъ, крупныя событія нашего прошлаго служатъ *опорными пунктами* для локализаціи всѣхъ остальныхъ нашихъ воспоминаній въ прошломъ. Пусть такъ они и называются нами. Понятно, что эти опорные пункты вещь чисто-индивидуальная: для однихъ это — школьныя событія, для другихъ холера, наводненіе, пріѣздъ новаго губернатора и т. п. Итакъ, *событія, болѣе или менѣе второстепенныя съ точки зрѣнія локализирующаго, всегда локализируются съ помощью опорныхъ пунктовъ, при чемъ у нѣкоторыхъ лицъ воспоминанія о самихъ-то опорныхъ пунктахъ связываются съ соотвѣтствующими имъ хронологическими датами. Но у большинства опорные пункты остаются безъ всякой связи съ какими-либо хронологическими датами.*

Но какъ происходитъ локализація самихъ-то опорныхъ пунктовъ? Ея механизмъ не поддается самонаблюденію, и всѣ попытки разъяснить его запутываются въ заколдованный кругъ. Когда онѣ объясняютъ загадку этого механизма, послѣдняя снова возникаетъ передъ нами, такъ что въ концѣ концовъ приходится оставить ее безъ всякаго объясненія. Поэтому мы принуждены примириться съ тѣмъ, чтобы допустить, какъ одинъ изъ законовъ душевной жизни, слѣдующее положеніе, которое условимся называть *закономъ локализаціи опорныхъ пунктовъ: нѣкоторыя изъ представленій неизбѣжнымъ образомъ являются въ нашихъ глазахъ, какъ воспроизведенныя и уже локализованныя въ прошломъ въ опредѣленномъ порядкѣ, что создаетъ возможность для локализаціи множества другихъ представленій.* Единственно, что можно сюда прибавить, это объяснить другими болѣе общими законами неизбѣжность, какъ существованія только-что указаннаго закона, такъ и недоступности для самонаблюденія того механизма, которымъ онъ осуществляется. Для подтвержденія сказаннаго разсмотримъ сперва попытки выяснить механизмъ локализаціи опорныхъ пунктовъ.

Наиболѣе распространенная попытка объясненія механизма локализаціи опорныхъ пунктовъ *ограничивается* предположеніемъ, будто бы *воспоминанія объ опорныхъ пунктахъ проходятъ чрезъ сознаніе въ томъ же самомъ порядкѣ, въ какомъ шли событія, служащія опорными пунктами, и о*

порядкѣ такихъ событій мы судимъ по тому порядку, въ какомъ прошли черезъ сознаніе воспоминанія объ нихъ. Допустимъ безъ всякаго спора, будто бы воспоминанія о событіяхъ, служащихъ опорными пунктами, *всегда* проходятъ черезъ сознаніе въ томъ же самомъ порядкѣ, въ какомъ происходили эти событія. Хотя въ дѣйствительности такое предположеніе вовсе не подтверждается самонаблюденіемъ, но допустимъ, что оно вѣрно. Тогда загадка, которую мы хотимъ разъяснить, съ помощью этого предположенія, снова возникаетъ передъ нами. Въ самомъ дѣлѣ, теперь возникаетъ такой вопросъ: а какъ же мы узнаёмъ о томъ порядкѣ, въ которомъ шли наши воспоминанія объ опорныхъ пунктахъ? Вѣдь его нельзя прямо подмѣтить; ибо когда вспоминается опорный пунктъ *B*, то мы уже перестали вспоминать *A*, а когда вспоминается *C*, то уже перестали вспоминать *B*. Слѣд., загадка, которую мы взялись разъяснить съ помощью вышеуказаннаго предположенія, опять возникла передъ нами, только въ другой формѣ. Вмѣсто того, чтобы спрашивать себя, какъ мы узнаёмъ, въ какомъ порядкѣ шли сами воспоминаемыя *событія*, служащія опорными пунктами, мы должны спросить себя: какъ мы узнаёмъ впослѣдствіи, въ какомъ порядкѣ шли *воспоминанія* о нихъ.

Поэтому Рибо и еще кое-кто изъ психологовъ дѣлаютъ другую попытку, состоящую въ томъ, что они дополняютъ разсмотрѣнное предположеніе еще новымъ. Они говорятъ, что всякое возникшее въ насъ предсавленіе оставляетъ послѣ себя какъ бы остатокъ или слѣдъ, который *продолжаетъ находиться въ сознаніи, когда уже возникло слѣдующее представленіе.* Такъ, представленіе опорнаго пункта *A* оставляетъ послѣ себя слѣдъ *a*, и этотъ слѣдъ еще *продолжаетъ* быть въ сознаніи, когда уже возникло слѣдующее за *A* представленіе опорнаго пункта *B*. По этому-то слѣду мы и догадываемся, что передъ *B* было *A*.

Но, во-1-хъ, въ чемъ состоитъ этотъ слѣдъ? Вѣдь его никто не можетъ подмѣтить въ своемъ сознаніи посредствомъ самонаблюденія. Допущеніе подобныхъ слѣдовъ есть не что иное, какъ приписываніе такихъ переживаній нашему сознанію, которыхъ никто не сознаетъ, т.-е. явная выдумка.

Во-2-хъ, если бы и существовали подобные слѣды, то въ нихъ мало толку. Назовемъ воспоминанія объ опорныхъ пунктахъ прописными буквами *A*, *B*, *C*, а ихъ слѣды—тѣми же малыми буквами. Тогда въ первое мгновеніе у насъ пройдетъ въ сознаніи представленіе *A*, во второе — представленія *Ba* (т.-е. *B* и *a*, служащее слѣдомъ отъ *A*), дальше *Cb* (т.-е. *C* и слѣдъ отъ *B*) и т. д.; и вотъ, *если* мы *уже* знаемъ, что *a* есть слѣдъ, который остался *послѣ A*, то, видя въ сознаніи *Ba*, мы, конечно, *можемъ* сообразить, что передъ нимъ было *A*. Но какъ же мы узнаемъ, что передъ *a* было *A*, а не *C* и *D* и т. д., коль скоро *еще нѣтъ* средства опредѣлить, какія представленія были раньше, какія позже, а оно еще должно возникнуть при помощи подобнаго знанія? Слѣдовательно, мы снова натолкнулись на прежнюю же загадку, съ той только разницей, что прежде мы спра-

шивали: „какъ мы узнаёмъ, что было передъ представленіемъ *B*?“, а теперь спрашиваемъ: „какъ мы узнаёмъ, что было передъ слѣдомъ *a*?“

Такимъ образомъ, приходится оставить безъ всякаго объясненія тотъ механизмъ, съ помощью котораго осуществляется локализація опорныхъ пунктовъ. Приходится прямо допустить, какъ одинъ изъ законовъ душевной жизни, законъ локализаціи опорныхъ пунктовъ, т.-е. тотъ законъ, что нѣкоторыя представленія *должны* сознаваться нами, какъ воспроизведенныя и локализованныя въ опредѣленномъ порядкѣ въ нашемъ прошломъ. Объяснить же его можно, какъ слѣдствіе двухъ слѣдующихъ законовъ, существованіе которыхъ вполнѣ очевидно: 1—*Наше сознаніе подчинено формѣ времени*, т.-е. мы въ состояніи сознавать что бы то ни было не иначе, какъ находящимся во времени. 2—*Мы въ состояніи сознавать время не само по себѣ, не помимо происходящихъ въ немъ событій, а не иначе, какъ сознавая происходящія въ немъ событія:* если бы нами не сознавались никакія перемѣны, никакія событія, то у насъ не было бы и никакой мысли о времени. А что законъ локализаціи опорныхъ пунктовъ дѣйствительно требуется только-что указанными двумя законами, это видно изъ слѣдующихъ соображеній.

Время сознается не иначе, какъ тѣмъ путемъ, чтобы мы сознавали какія-либо событія. А это, въ свою очередь, осуществимо только тѣмъ путемъ, чтобы мы представляли себѣ какія-либо событія, какъ относящіяся къ прошлому. Въ самомъ дѣлѣ: событія будущія мы не можемъ сознавать, потому что они еще не наступили. Мы можемъ ихъ только ожидать на основаніи нашихъ *воспоминаній* о прошломъ. Такъ, того восхода солнца, которое наступитъ завтра, мы еще не можемъ сознавать, а можемъ только ожидать его на основаніи воспоминаній о прежнихъ восходахъ солнца. Такимъ образомъ, *если бы у насъ не было никакихъ представленій, которыя сознаются нами, какъ воспоминанія о прошломъ, то не было бы и никакой мысли о будущемъ. А тогда не было бы также и никакой мысли о настоящемъ:* ибо настоящее образуетъ всего лишь границу между прошлымъ и будущимъ, и о немъ не можетъ быть никакой мысли тамъ, гдѣ нѣтъ мысли ни о прошломъ, ни о будущемъ. Слѣд., *если бы у насъ не было никакихъ представленій, которыя сознаются нами, какъ локализованныя въ прошломъ, то не было бы вообще никакой мысли о времени:* ни о прошломъ, ни о будущемъ, ни о настоящемъ. А отсюда слѣдуетъ, что *коль скоро мы должны все сознавать не иначе, какъ во времени, то это осуществимо только тѣмъ путемъ, чтобы у насъ были такія представленія, которыя сознавались бы нами, какъ локализованныя въ прошломъ, хотя бы это были даже чисто иллюзорныя представленія, не соотвѣтствующія ничему дѣйствительному.* Важно не то, соотвѣтствуютъ ли они или не соотвѣтствуютъ дѣйствительнымъ событіямъ прошлаго, а только то, чтобы они сознавались нами, какъ относящіяся къ прошлому, т.-е. чтобы они сопровождались ихъ узнаваніемъ, какъ воспроизведеннымъ. У душевно-больныхъ всѣ

воспоминанія могутъ сдѣлаться иллюзорными, но они оказываютъ имъ такія же услуги для сознанія времени, какъ вполнѣ правильныя воспоминанія.

Если же существованіе только-что указанныхъ представленій неизбѣжно для сознанія, подчиненнаго формѣ времени, то *подглядѣть механизмъ, которымъ осуществляется локализація этихъ представленій, значитъ то же самое, что подглядѣть тотъ механизмъ, которымъ осуществляется подчиненіе сознанія формѣ времени.* Но подглядѣть послѣдній механизмъ, разумѣется, нельзя, потому что *при каждомъ наблюденіи сознаніе уже должно быть подчинено формѣ времени, такъ что нельзя наблюдать, какъ осуществляется это подчиненіе.* А поэтому нельзя подмѣтить, какъ осуществляется локализація тѣхъ воспоминаній, правильныхъ или иллюзорныхъ, это все равно, которыя служатъ опорными пунктами для локализаціи всѣхъ другихъ воспоминаній.

Узнаваніе или чувство знакомости сопровождаетъ собою не только многія представленія, но также и многія воспріятія. Если мы воспринимаемъ какой-либо предметъ не въ первый разъ, то чаще всего онъ дѣйствуетъ на ходъ нашихъ мыслей иначе, чѣмъ предметъ, встрѣчаемый нами впервые, именно: онъ *узнается* нами, какъ уже знакомый, т.-е. какъ уже воспринимавшійся нами прежде. Вотъ это *чувство знакомости, возникающее при новомъ воспріятіи того же самаго предмета, который былъ воспринятъ прежде, называется узнаваніемъ, а также воспризнаніемъ этого предмета.* Въ чемъ же состоитъ душевный процессъ, образующій чувство знакомости, т.-е. образующій узнаваніе внѣшняго предмета? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ выработалось въ психологіи нѣсколько теорій. Изъ нихъ наиболѣе вѣроятной можно считать слѣдующую.

Чувство знакомости внѣшняго предмета состоитъ въ сознаніи, что онъ пробуждаетъ въ насъ такія воспоминанія, которыя ассоціированы съ нимъ по смежности и узнаются нами, какъ воспоминанія. При этомъ безразлично, возникнутъ ли такія воспоминанія въ видѣ образовъ или въ видѣ ассоціированныхъ съ этимъ предметомъ сужденій. Иногда эти воспоминанія бываютъ столь смутными, что еще нельзя разобраться, въ чемъ они состоятъ: чувствуется только, что данный предметъ *что-то* напоминаетъ намъ, а что именно, никакъ не уловишь. Въ этомъ случаѣ и узнаваніе предмета бываетъ настолько смутнымъ, что мы всего лишь чувствуемъ предметъ, какъ знакомый намъ, но не въ силахъ сказать о немъ больше ровно ничего. Если же воспоминанія, пробуждаемыя воспринимаемымъ предметомъ, будутъ отчетливыми, то и узнаваніе тоже становится отчетливымъ; и нерѣдко его отчетливость доходитъ до того, что мы въ точности вспоминаемъ, когда именно и гдѣ именно встрѣчались съ этимъ предметомъ. Доказывается же эта теорія слѣдующими фактами:

1. *При каждомъ отчетливомъ узнаваніи непремѣнно наблюдается возникновеніе какихъ-либо воспоминаній, ассоціированныхъ по смежности съ узнаваемымъ предметомъ и узнанныхъ нами какъ воспоминанія.* Содержаніемъ этихъ воспоминаній можетъ быть все, что угодно, напр.: или соб-

ственное имя узнаннаго нами предмета; или тѣ предметы, въ связи съ которыми былъ воспринятъ узнанный предметъ; или тѣ чувства, которыя онъ когда-то пробудилъ въ насъ, и т. п. Такъ, отчетливое узнаваніе встрѣтившагося человѣка, какъ знакомаго намъ, нерѣдко только въ томъ и состоитъ, что мы вспоминаемъ его имя. Иногда же это узнаваніе сводится къ воспоминанію той сцены, гдѣ былъ этотъ человѣкъ дѣйствующимъ лицомъ; иногда же—къ воспоминанію о томъ мѣстѣ, въ которомъ мы его видѣли прежде; или же—о томъ, какъ онъ когда-то насмѣшилъ насъ, и т. п. Но при каждомъ отчетливомъ узнаваніи обязательно вспоминается что-нибудь, ассоціированное съ узнаннымъ предметомъ по смежности, и вмѣстѣ съ тѣмъ это ассоціированное съ нимъ воспоминаніе узнаётся, какъ воспоминаніе.

2. *Въ тѣхъ же случаяхъ, когда узнаваніе не переживается нами*, оттого ли, что данный предметъ воспринимается впервые, или оттого, что мы его основательно забыли, *воспринимаемый предметъ не возбуждаетъ въ насъ ровно никакихъ воспоминаній, ассоціированныхъ съ нимъ по смежности.* Такъ, человѣкъ, котораго мы никогда не встрѣчали, если и пробуждаетъ въ насъ какія-либо воспоминанія, то только о тѣхъ людяхъ, которые похожи на него или же контрастируютъ чѣмъ-нибудь съ нимъ, но отнюдь не такія воспоминанія, которыя ассоціированы съ нимъ по смежности. То же самое бываетъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда мы встрѣчаемся съ человѣкомъ, котораго когда-то видѣли, но не узнаёмъ его даже самымъ смутнымъ образомъ.

3. *Наконецъ, все, что облегчаетъ возбужденіе даннымъ предметомъ воспоминаній, ассоціированныхъ съ нимъ по смежности, облегчаетъ и узнаваніе этого предмета.* Напримѣръ:

а) Легче узнается человѣкъ, когда мы не только видимъ его, но и слышимъ, потому что соединеніе воспроизводящихъ силъ зрительнаго и слухового воспріятій повышаетъ воспроизводимость воспоминаній, ассоціированныхъ съ этимъ человѣкомъ. Легче онъ узнается въ той же обстановкѣ, въ которой мы съ нимъ познакомились, именно—вслѣдствіе соединенія воспроизводящихъ силъ его самого и этой обстановки и т. п.

b) Сосредоточеніе вниманія на разсматриваемомъ предметѣ вызываетъ узнаваніе этого предмета, между тѣмъ какъ не было и намека на это явленіе, пока мы смотрѣли на него безъ вниманія. Это оттого, что чрезъ сосредоточеніе вниманія увеличивается воспроизводящая сила даннаго предмета.

с) Чѣмъ меньше прошло времени между первымъ и нынѣшнимъ воспріятіемъ предмета; чѣмъ внимательнѣе мы были къ нему при первомъ воспріятіи; чѣмъ сильнѣе было послѣднее и т. п., тѣмъ легче узнается этотъ предметъ, потому что все это облегчаетъ возбужденіе имъ въ насъ воспоминаній, ассоціированныхъ съ нимъ по смежности.

Вмѣстѣ съ тѣмъ теперь понятно, *что иной разъ я отнесусь, какъ къ знакомому, и къ такому предмету, который вовсе мнѣ не знакомъ, но настолько похожъ на одинъ изъ прежде воспринятыхъ мной предметовъ, что въ силу этого сходства будетъ дѣйствовать на мои воспоми-*

нанія такъ же, какъ и этотъ послѣдній. Напр.: если мой экземпляръ книги подмѣнятъ мнѣ другимъ, вполнѣ похожимъ на мой и по переплету, и по истрепанности и т. п., то я легко могу принять его за свой собственный, потому что онъ станетъ будить во мнѣ тѣ же самыя воспоминанія, какія возникаютъ и при моемъ экземплярѣ. Этимъ объясняются также тѣ, нерѣдко встрѣчающіяся, иллюзіи памяти, когда намъ кажется, что событіе, совершающееся впервые, уже было когда-то: вслѣдствіе своего сходства съ бывшимъ событіемъ оно пробуждаетъ въ насъ такія же воспоминанія, какъ и бывшее, а поэтому и чувствуется, какъ знакомое.

Если же дѣло стоитъ такъ, что при каждомъ отчетливомъ узнаваніи наблюдается непремѣнно возникновеніе воспоминаній, ассоціированныхъ по смежности съ узнаваемымъ предметомъ, и они не возникаютъ, когда нѣтъ узнаванія, а все, что облегчаетъ ихъ возникновеніе, облегчаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и узнаваніе, то мы имѣемъ полное право допустить, что *смутное узнаваніе тоже состоитъ въ сознаніи возникновенія воспоминаній, ассоціированныхъ по смежности съ узнаваемымъ предметомъ, но воспоминаній столь смутныхъ, что мы только чувствуемъ ихъ возникновеніе, а не въ состояніи дать себѣ точный отчетъ въ ихъ содержаніи.*

Но чѣмъ объяснить, что пробужденіе воспринимаемымъ предметомъ такихъ воспоминаній, которыя ассоціированы съ нимъ *по смежности, и узнаются, какъ воспроизведенныя*, заставляетъ насъ чувствовать этотъ предметъ, какъ знакомый? Тѣмъ, что *содержаніе такихъ воспоминаній всегда бываетъ связано съ этимъ предметомъ, такъ что если это содержаніе чувствуется нами, какъ знакомое намъ, какъ относящееся къ нашему прошлому, то и предметъ, пробудившій эти воспоминанія, тоже долженъ чувствоваться, какъ относящійся къ нашему прошлому; ибо онъ связанъ съ ихъ содержаніемъ.* Это не то, что воспоминанія, которыя пробуждаются внѣшнимъ предметомъ по сходству или по контрасту: ихъ содержаніе нисколько не связано съ этимъ предметомъ, нисколько не касается его. Напр.: при взглядѣ на карту Италіи по сходству вспоминается кавалерійскій сапогъ; какое же касательство у него къ самой-то картѣ? Поэтому, если я и узнаю представленіе кавалерійскаго сапога, какъ знакомое мнѣ, т.-е. какъ относящееся къ моему прошлому, то это обстоятельство еще не заставитъ меня чувствовать карту Италіи, какъ тоже знакомую мнѣ. Но иначе стоитъ дѣло съ воспоминаніями, которыя пробуждаетъ въ насъ внѣшній предметъ по смежности: *содержаніе* такихъ воспоминаній всегда бываетъ *связано* съ этимъ предметомъ, всегда какъ-нибудь *касается* его. Напр.: если я встрѣчаю сегодня человѣка, котораго вчера видѣлъ въ первый разъ за всю свою жизнь, то *по смежности* онъ пробуждаетъ во мнѣ только такія воспоминанія, которыя какъ-нибудь да касаются его, связаны съ нимъ. Это—либо то, что *онъ* говорилъ вчера; либо то, какъ *онъ* былъ вчера одѣтъ; либо та обстановка, въ которой *онъ же* и находился; либо то чувство, которое *онъ же*, а не кто другой, вызвалъ во мнѣ своимъ видомъ, и т. д. Поэтому естественно, что сужденіе, локализирующее въ моемъ

прошломъ содержаніе воспоминаній, пробужденныхъ во мнѣ по смежности внѣшнимъ предметомъ, *захватываетъ и его самого, т.-е. локализируетъ и его въ моемъ прошломъ*, другими словами—дѣлаетъ его знакомымъ мнѣ.

Въ старыхъ курсахъ психологіи часто встрѣчается *теорія узнаванія чрезъ сравненіе*, которая теперь все болѣе и болѣе исчезаетъ. Она утверждаетъ, будто бы узнаваніе каждаго внѣшняго предмета происходитъ не иначе, какъ путемъ его сравненія съ воспоминаемымъ образомъ этого предмета, именно: *воспринимаемый предметъ A вызываетъ въ насъ образъ этого же самаго предмета A_1, который былъ пріобрѣтенъ нами при прежнемъ воспріятіи этого предмета, и который теперь узнается нами, какъ воспроизведенный. И если означенный предметъ A оказывается при сравненіи его съ этимъ образомъ одинаковымъ, то такой предметъ, т.-е. A, тоже узнается нами, какъ знакомый.* Но противъ этой теоріи можно сдѣлать два возраженія:

1. *Если бы она была вѣрна, то люди, принадлежащіе къ зрительному или къ моторному типу переживанія внѣшнихъ образовъ* (см. объ этихъ типахъ выше, стр. 154), *не могли бы узнавать звуковъ, потому что у нихъ нѣтъ звуковыхъ образовъ. Люди же, принадлежащіе къ слуховому типу, не могли бы узнавать ни своей улицы, ни своего дома*, ни своихъ знакомыхъ и семейныхъ, потому что у нихъ нѣтъ зрительныхъ образовъ и т. п. Но всѣ, къ какому бы типу кто ни принадлежалъ, умѣютъ узнавать всевозможные внѣшніе предметы: и звуки, и предметы, воспринимаемые зрѣніемъ, и т. д.

2. Въ послѣднее же время *накопилось нѣсколько экспериментовъ*, произведеннымъ различными психологами и *показывающихъ, что узнаваніе внѣшнихъ предметовъ во всякомъ случаѣ бываетъ и тамъ, гдѣ нѣтъ никакого сравненія узнаваемаго предмета съ воспоминаніемъ о немъ.* Напр.: даютъ испытуемому лицу вглядѣться въ карточку, окрашенную въ опредѣленный оттѣнокъ какого-нибудь цвѣта, хотя бы сѣраго. Чрезъ *небольшой* промежутокъ времени ему предъявляютъ сразу нѣсколько, напр.—пять, *такихъ же точно* по своей формѣ и величинѣ карточекъ, изъ которыхъ каждая окрашена въ особый оттѣнокъ того же самаго цвѣта и среди которыхъ находится показанная ему прежде. И вотъ, испытуемое лицо, хотя узнаетъ среди данныхъ ему карточекъ ту, которую онъ видѣлъ прежде, но при самомъ тщательномъ самонаблюденіи надъ процессомъ своего узнаванія не подмѣчаетъ въ себѣ никакого сравненія узнаваемой карточки съ воспоминаніемъ о ней. Напротивъ, она просто, безъ всякаго подобнаго сравненія, *выглядываетъ*, какъ уже знакомая. Точно такъ же въ ряду звучащихъ звуковъ узнается прямо, безъ помощи означеннаго сравненія, тотъ звукъ, который мы слышали нѣсколько времени раньше. Или: прежде видѣнный геометрическій рисунокъ тоже узнается среди другихъ рисунковъ прямо, безъ помощи сравненія, какъ съ его образомъ, такъ и съ описывающими его сужденіями.

Въ разсматриваемой теоріи есть только та доля истины, что *при узна-*

ваніи иногда происходитъ и сравненіе, но оно играетъ совсѣмъ другую роль, чѣмъ ему приписывается разсматриваемой теоріей. На самомъ дѣлѣ *оно служитъ средствомъ вовсе не для возникновенія узнаванія, а только для провѣрки уже возникшаго узнаванія. Кромѣ того, воспринимаемый предметъ можетъ при этомъ сравниваться не съ его образомъ, а съ тѣми сужденіями, которыя описываютъ этотъ предметъ и воспроизводятся имъ.* Напр., мы видимъ человѣка съ правой стороны и уже узнаёмъ его, но еще сомнѣваемся, дѣйствительно ли онъ то самое лицо, за которое мы его принимаемъ. Тогда нерѣдко мы вспоминаемъ, что у него на лѣвой щекѣ есть какая-нибудь особенная черта, скажемъ—родинка; и когда замѣтимъ ее, удостовѣряемся въ правильности своего узнаванія. Здѣсь, конечно, было сравненіе нашего *воспоминанія* о томъ, какъ выглядитъ данный человѣкъ съ лѣвой стороны, съ встрѣтившимся человѣкомъ. Но, во-первыхъ, это сравненіе произошло лишь оттого, что мы уже *начали* узнавать этого человѣка, когда еще видѣли его съ правой стороны: только оттого и пришло намъ въ голову справиться объ его родинкѣ, что онъ уже показался намъ знакомымъ. Здѣсь сравненіе не вызвало узнаванія впервые, а только сдѣлало болѣе точнымъ, болѣе увѣреннымъ то узнаваніе, которое уже возникло безъ сравненія. *Во-вторыхъ, узнаваемый предметъ можетъ сравниваться здѣсь вовсе не съ воспоминаемымъ образомъ предмета, но съ такимъ воспоминаніемъ, которое возникаетъ у насъ въ видѣ сужденій о данномъ предметѣ.*

Наконецъ, упомянемъ о довольно распространенной въ настоящее время теоріи, которой держатся Вундтъ, Гефдингъ и другіе авторы. Они объясняютъ узнаваніе внѣшняго предмета тѣмъ, что здѣсь происходитъ *уподобленіе* узнаваемаго предмета образомъ этого предмета, усвоеннымъ при прежнемъ воспріятіи предмета и *слившимся* съ его новымъ воспріятіемъ. Такъ, если мы чистое воспріятіе, которое бываетъ при первой встрѣчѣ съ предметомъ, обозначимъ чрезъ A, а его прежде воспринятый образъ чрезъ A_1, то воспріятіе при узнаваніи будетъ уже не A, но X, который состоитъ изъ $A+A_1$, т.-е. изъ сліянія вновь переживаемаго чистаго воспріятія съ образомъ его прежняго переживанія, при чемъ A_1 уподобляетъ себѣ слитое съ нимъ A. И такъ какъ A_1 чувствуется нами, какъ знакомый образъ, то это обстоятельство заставляетъ и X чувствоваться, какъ знакомый предметъ.

Впрочемъ, не слѣдуетъ думать, будто бы, по мнѣнію Гефдинга и Вундта, при узнаваніи воспріятіе переживается сперва въ неуподобленномъ, т.-е. въ чистомъ видѣ, напр.—въ видѣ A, а послѣ того вызываетъ представленіе A_1, которое на нѣсколько мгновеній сознается отдѣльно отъ A, а потомъ сливается съ нимъ, и ужъ только тогда изъ A получается X. Нѣтъ, воспріятіе *сразу* переживается въ уподобленномъ видѣ, т.-е. въ видѣ X. Вундтъ даже относитъ это уподобленіе къ числу *одновременныхъ* ассоціацій, которыя онъ отличаетъ отъ *послѣдовательныхъ*. При послѣдовательныхъ ассоціаціяхъ мы сознаемъ *отдѣльно* два переживанія, напримѣръ—два представленія, изъ которыхъ одно по ассоціаціи вызываетъ другое. Всѣ тѣ ассоціаціи, о которыхъ говорили мы до сихъ поръ, по терминологіи

Вундта, относятся къ послѣдовательнымъ ассоціаціямъ. Одновременными же ассоціаціями онъ называетъ такія, гдѣ мы въ состояніи только *угадать*, что онѣ составленъ изъ сліянія разныхъ элементовъ, а самого процесса сліянія отдѣльно сознаваемыхъ элементовъ не наблюдаемъ. И о фактѣ ихъ сліянія, и о сливающихся элементахъ приходится только догадываться.

Но только-что изложенное объясненіе узнаванія не достигаетъ своей цѣли. Объясняя узнаваніе, необходимо имѣть въ виду такой вопросъ: чѣмъ узнанный предметъ отличается не въ глазахъ *психолога*, а въ глазахъ того, кто узналъ его, отъ предмета, который воспринимается впервые? Мнѣніе же Гефдинга и Вундта не даетъ никакого отвѣта на указанный вопросъ. Конечно, *если бы* тотъ, кто переживаетъ явленіе узнаванія, *сознавалъ* присутствіе образа въ воспріятіи предмета, то, узнавъ этотъ образъ, онъ съ его помощью легко узналъ бы и предметъ, съ воспріятіемъ котораго слитъ этотъ образъ. Но вѣдь самъ-то этотъ человѣкъ *не сознаетъ* присутствія такого образа въ составѣ воспріятія: это только *психологъ*, и то окольными путями, *догадывается*, что тамъ есть прежде воспринятый образъ того же самаго предмета. Слѣдовательно, *въ глазахъ того, что переживаетъ узнаваніе, этотъ образъ, слитый съ воспріятіемъ, не создаетъ еще никакого отличія въ предметѣ, воспринимаемомъ во второй разъ, сравнительно съ предметомъ, воспринимаемымъ впервые*, такъ что къ каждому изъ нихъ *самъ* онъ, въ отличіе отъ психолога, долженъ относиться совершенно одинаково.

Однако, если мы отрицаемъ теорію сліянія воспріятій съ образомъ воспроизведеннаго предмета, какъ пригодную для объясненія узнаванія внѣшнихъ предметовъ, то это еще не означаетъ, будто бы мы отрицаемъ въ составѣ воспріятія того предмета, который воспринимается не въ первый разъ, образъ, слитый съ тѣми ощущеніями, какія возбуждаетъ въ насъ этотъ предметъ. Напротивъ, говоря выше, на стр. 92—96, о составѣ иллюзій и правильныхъ воспріятій, мы уже удостовѣрились въ томъ, что какъ иллюзіи, такъ и правильныя воспріятія состоятъ изъ ощущеній, возбуждаемыхъ воспринимаемымъ предметомъ, слитыхъ съ какимъ-либо образомъ, именно: при иллюзіи — съ образомъ, не соотвѣтствующимъ воспринимаемому предмету, а при правильномъ воспріятіи — съ образомъ, соотвѣтствующимъ этому предмету. Только это обстоятельство нисколько не объясняетъ узнаванія внѣшнихъ предметовъ, какъ знакомыхъ.

26. Смѣна мыслей: забвеніе; абсолютное и относительное забвеніе: объяснимость всякаго забвенія законами воспроизведенія мыслей; забывчивость новорожденныхъ дѣтей.

Къ ученію о смѣнѣ мыслей должно относиться и ученіе объ ихъ забвеніи, потому что оно вліяетъ на ихъ смѣну. *Забвеніе бываетъ двухъ родовъ: забвеніемъ мыслей и забвеніемъ внѣшнихъ предметовъ.* Забвеніе мы-

слей, будутъ ли онѣ представленіями или сужденіями, это все равно, состоитъ въ томъ, что онѣ утрачиваютъ свою воспроизводимость, не могутъ быть воспроизведены, несмотря ни на какія усилія. Забвеніе же внѣшнихъ предметовъ состоитъ въ томъ, что они больше не узнаются нами: они ничѣмъ не напоминаютъ намъ, что воспринимаются уже не въ первый разъ. Но *хотя и существуютъ эти два рода забвенія, тѣмъ не менѣе главное вниманіе надо обратить на забвеніе мыслей;* ибо какой бы теоріи узнаванія внѣшнихъ предметовъ ни держались мы, оно всегда обусловлено воспроизведеніемъ мыслей, такъ что *забвеніе внѣшнихъ предметовъ сводится къ утратѣ воспроизводимости тѣхъ мыслей, которыя обусловливаютъ ихъ узнаваніе.* Говоря же о забвеніи мыслей, мы подъ словомъ „мысль“ будемъ подразумѣвать какъ представленія, такъ и сужденія (сравн. выше, стр. 146).

Обыденная жизнь допускаетъ, что нѣкоторыя мысли *вполнѣ* утрачиваютъ свою воспроизводимость, такъ что перестаютъ воспроизводиться *при всякихъ условіяхъ*, а внѣшніе предметы *вполнѣ* забываются, такъ что перестаютъ узнаваться *при какихъ бы то ни было условіяхъ*. Вотъ такое *забвеніе, состоящее въ полной потерѣ возможности воспроизводиться или узнаваться при какихъ бы то ни было условіяхъ, пусть называется у насъ абсолютнымъ*. На-ряду съ нимъ обыденная жизнь допускаетъ еще *относительное или временное забвеніе*, состоящее въ томъ, что, несмотря на всѣ наши усилія, *мысль перестаетъ воспроизводиться, или же предметъ перестаетъ узнаваться лишь на время, впредь до наступленія благопріятныхъ условій.* Напр.: спрятавъ вещь и тщетно ее разыскивая, т.-е. тщетно стараясь вызвать въ себѣ правильное воспоминаніе о томъ, гдѣ ее положили, мы выбиваемся изъ силъ и бросаемъ поиски, а спустя нѣкоторое время внезапно правильно вспоминаемъ, гдѣ она находится. Или: вдругъ забывается *на время* фамилія знакомаго лица, названіе той или другой безпрестанно употребляемой вещи и т. п.

Въ обыденной жизни мы относимся къ этимъ двумъ видамъ забвенія, какъ къ совершенно разнороднымъ, и нисколько не задумываемся, не могутъ ли они быть сведены къ одному роду явленій. Въ психологіи же мы, конечно, прежде всего должны разобраться въ этомъ вопросѣ. И оказывается, что, *по всей вѣроятности, абсолютнаго забвенія нѣтъ, а мы принимаемъ за него продолжительное относительное забвеніе.* По крайней мѣрѣ, оказывается: что 1) нельзя доказать существованіе абсолютнаго забвенія; 2) что нельзя указать причины, которыя заставляли бы мысли забываться абсолютно, т.-е. *потерять возможность воспроизводиться при какихъ бы то ни было условіяхъ;* 3) что есть множество фактовъ, почти явно противорѣчащихъ существованію абсолютнаго забвенія. Покажемъ же все это.

1) Если бы кто-нибудь захотѣлъ доказать существованіе абсолютнаго забвенія, то онъ оказался бы въ безпомощномъ положеніи. Дѣйствительно: коль скоро онъ считаетъ какую-нибудь мысль забытой *абсолютно*, то, по его мнѣнію, она уже не можетъ быть воспроизведена *ни при какихъ усло-*

віяхъ. Слѣд., для доказательства своего мнѣнія ему надо было бы перепробовать воспроизводить эту мысль при *всякихъ* условіяхъ безъ исключенія. Но осуществить подобную попытку на дѣлѣ, разумѣется, нельзя; ибо эти условія могутъ измѣняться и разнообразиться до безконечности.

2) Далѣе: попробуемъ указать причины, которыя *должны* лишить какую-либо мысль возможности воспроизводиться *при какихъ бы то ни было* условіяхъ. Оказывается, что такихъ причинъ нельзя найти. Дѣйствительно:

a) Съ перваго взгляда наиболѣе пригоднымъ средствомъ для этой цѣли, на которое и ссылались очень охотно прежніе психологи, употреблявшіе понятіе памяти даже для объясненія, а не только для называнія явленій, служитъ *тѣснота памяти*. Память, говорили они, ограничена и поэтому не можетъ вмѣстить всѣхъ пережитыхъ нами мыслей. Слѣд., *нѣкоторыя изъ пережитыхъ мыслей должны утрачиваться памятью, по мѣрѣ пріобрѣтенія новыхъ*. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи эта ссылка на тѣсноту памяти оказывается дѣтски наивной. Дѣйствительно: разсуждая такъ, представляютъ память чѣмъ-то въ родѣ ящика, а мысли какими-то протяженными вещами, напр.—шариками и т. п. И, конечно, новые шарики могутъ умѣститься въ наполненномъ ящикѣ не иначе, какъ цѣной вытѣсненія старыхъ. *Мысли же* суть *состоянія* нашего сознанія, существующія *лишь тогда*, когда онѣ переживаются. А какъ же, спрашивается, состоянія, возникающія въ разное время, могутъ *тѣснить* другъ друга? Говорить это—все равно, что утверждать, будто бы вслѣдствіе тѣсноты комнаты въ концѣ концовъ дѣло дойдетъ до того, что новый звукъ не можетъ раздаваться въ ней, если тамъ прежде раздавалось много другихъ звуковъ. Такимъ образомъ, словамъ „узость и тѣснота памяти“ можно придавать только *значеніе образнаго описанія того факта, что изъ всѣхъ усвоенныхъ когда-либо мыслей на дѣлѣ воспроизводится только нѣкоторая часть, но отнюдь не значеніе указанія причинъ этого факта*.

b) Иногда пытаются разсуждать еще такъ: „мы знаемъ, что *воспроизводимость мыслей уменьшается* по мѣрѣ того, какъ проходитъ время отъ момента ихъ усвоенія. И если времени пройдетъ довольно много, то ихъ воспроизводимость должна дойти до нуля, т.-е. онѣ, наконецъ, вполнѣ утратятъ свою воспроизводимость“. Но при такомъ разсужденіи упускаютъ изъ виду, что для доказательства существованія абсолютнаго забвенія недостаточно сослаться на зависящее отъ времени уменьшеніе воспроизводимости мыслей, а надо еще удостовѣриться, что это уменьшеніе совершается по такому закону, при которомъ воспроизводимость мыслей въ *конечный* промежутокъ времени дѣйствительно дойдетъ до нуля. Вѣдь она можетъ и такъ безпрерывно уменьшаться, что не дойдетъ до нуля ни въ какой *конечный*, т.-е. доступный измѣренію, промежутокъ времени. Другими словами: она можетъ достигать нуля и чрезъ *безконечно* большой промежутокъ времени. Но при современномъ состояніи психологіи у насъ въ рукахъ нѣтъ ни одного количественнаго закона воспроизведенія мыслей, изъ котораго можно было бы

вывесть, что ихъ воспроизводимость въ конечный промежутокъ времени доходитъ до нуля. Напротивъ, намъ извѣстенъ изъ опытовъ Эббинггауза такой фактъ, который свидѣтельствуетъ какъ разъ объ обратномъ, именно — что воспроизводимость мыслей уменьшается до нуля лишь чрезъ *безконечно* большой промежутокъ времени, т.-е. на дѣлѣ никогда не достигаетъ нуля, а только становится все меньше и меньше. Именно:

Эббинггаузъ, разумѣется, уже заранѣе могъ предвидѣть, но на всякій случай провѣрилъ самымъ тщательнымъ образомъ, что время, употребляемое для заучиванія *разныхъ* рядовъ безсмысленно связанныхъ слоговъ, выходитъ *одинаковымъ*, если только эти ряды состоятъ изъ *одинаковаго* числа слоговъ. Точно такъ же одинаковымъ выходитъ и время, необходимое для *вторичнаго* заучиванія каждаго изъ этихъ рядовъ, если только каждый рядъ во второй разъ заучивается чрезъ одинаковый промежутокъ времени послѣ перваго заучиванія, при чемъ на вторичное заучиваніе, конечно, тратится времени нѣсколько меньше, чѣмъ на первое заучиваніе того же ряда. А это значитъ, что воспроизводимость всѣхъ рядовъ, которые состоятъ изъ *одинаковаго* числа слоговъ, ослабѣваетъ съ теченіемъ времени, прошедшаго послѣ перваго заучиванія каждаго изъ этихъ рядовъ, по одинаковому закону. Слѣд., для выясненія этого закона можно разсматривать ослабѣваніе воспроизводимости любого изъ этихъ рядовъ. Доказавши все это своими предварительными опытами, Эббинггаузъ заучивалъ нѣсколько рядовъ, хотя и разныхъ, но каждый въ 13 слоговъ. Потомъ одинъ изъ нихъ онъ снова заучивалъ черезъ 20 минутъ послѣ перваго заучиванія, другой же — черезъ часъ, третій — черезъ два часа и доходилъ даже при вторичномъ заучиваніи до 30 дней, такъ что промежутки отъ перваго заучиванія до вторичнаго измѣрялись и минутами, и часами, и сутками, вплоть до мѣсяца. При этомъ онъ разсматривалъ, какимъ образомъ въ зависимости отъ времени, прошедшаго отъ перваго заучиванія до вторичнаго, измѣняется работа, какую надо потратить на вторичное заучиваніе. Оказалось, что эти перемѣны подчинены подысканной имъ математической формулѣ, которую мы сейчасъ приведемъ.

Условимся черезъ b обозначать *сокращеніе работы, выраженное въ процентахъ первоначальной работы.* Напр., если при первомъ заучиваніи нужно было 600 секундъ, а при второмъ 510, то сокращеніе первоначальной работы $b=15\%$. *Эта величина, т.-е. b, разумѣется, можетъ служить мѣрой той воспроизводимости, которая еще сохранилась въ заученномъ ряду до наступленія вторичнаго заучиванія этого ряда:* вѣдь чѣмъ больше сократилась работа, необходимая для вторичнаго заучиванія нашего ряда, сравнительно съ той работой, которая была затрачена на первое заучиваніе этого ряда, тѣмъ, значитъ, больше воспроизводимости сохранилось въ этомъ ряду послѣ его перваго заучиванія. Далѣе: черезъ t обозначимъ время, выраженное въ минутахъ и прошедшее отъ конца перваго до начала вторичнаго заучиванія того же самаго ряда. И вотъ, Эббингаузъ подмѣтилъ, что зависимость b, т.-е. сокращенія работы при вторич-

номъ заучиваніи даннаго ряда, отъ t, т.-е. отъ времени, прошедшаго между первымъ и вторичнымъ заучиваніемъ этого ряда, выражается всегда такой формулой:

$$b = \frac{184}{lg\ (t-1)^{1,25} + 1,84}$$

Для незнающихъ логариѳмовъ она можетъ быть выражена такъ: $b = \frac{184}{x^{1,25} + 1,84}$, гдѣ величина x опредѣляется изъ уравненія: $10^x = t - 1$.

Эта формула показываетъ ту степень воспроизводимости, которая еще сохраняется въ заученномъ ряду черезъ t минутъ послѣ его заучиванія, и она обращается въ нуль только въ томъ случаѣ, если ея знаменатель сдѣлается безконечно большой величиной. А это, въ свою очередь, возможно только въ томъ случаѣ, если время, прошедшее послѣ заучиванія упомянутаго ряда до второго, сдѣлается *безконечно* большимъ. Такимъ образомъ, всякое заучиваніе дѣлаетъ заученную мысль хоть сколько-нибудь воспроизводимой *на безконечно большое время*, т.-е. *однажды заученная мысль на дѣлѣ никогда не утрачиваетъ вполнѣ своей воспроизводимости* [1]).

Если же заучивались ряды словъ, имѣющихъ смыслъ, то пріобрѣтенная ими воспроизводимость, обнаруживающаяся въ сбереженіи работы при второмъ заучиваніи тѣхъ же словъ наизусть, ослабѣвала еще медленнѣе, при чемъ по способу ея убыванія тоже было видно, по словамъ Эббингауза, что она никогда не дойдетъ до нуля. Для изслѣдованія ея убыванія въ осмысленныхъ рядахъ словъ онъ заучивалъ стансы Байрона. При этомъ очень интересно слѣдующее обстоятельство: всѣ эти изслѣдованія были произведены Эббингаузомъ еще въ началѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Они обнародованы имъ въ книгѣ „Ueber das Gedächtniss“, вышедшей въ 1885 г. А вотъ что онъ пишетъ въ I томѣ своей „Grundzüge der Psychologie“

---

[1]) Это можетъ показаться совершенно невѣроятнымъ; ибо изъ опыта обыденной жизни мы знаемъ, какъ быстро испаряется изъ головы, что̀ зазубрено безъ всякаго смысла. Но дѣло въ томъ, что это испареніе, которое обнаруживается въ *уменьшеніи* сбереженной работы при повторительномъ заучиваніи того же ряда, только сначала происходитъ очень быстро, а послѣ совершается все медленнѣе и медленнѣе, какъ это ясно видно изъ слѣдующей таблицы, гдѣ въ первой строкѣ показано время, по истеченіи котораго происходило второе заучиваніе того же ряда, а во второй строкѣ сбереженіе работы сравнительно съ той, какая требовалась для перваго заучиванія этого ряда.

20 мин.	1 часъ.	9 час.	24 час.	2 сутокъ.	6 сутокъ.	30 сутокъ.
58%	44%	36%	34%	28%	25%	21%

Правда, многочисленные опыты, произведенные разными лицами для провѣрки опытовъ Эббингауза, обнаружили въ прогрессированіи забвенія нѣкоторыя уклоненія отъ этой таблицы. (См. напр., сопоставленія провѣрочныхъ опытовъ съ таблицей Эббингауза у Меймана „Экономія и техника памяти“, перев. Самсонова, Москва 1913, стр. 214). Но эти уклоненія вовсе не свидѣтельствуютъ о существованіи абсолютнаго забвенія.

(стр. 681), вышедшей въ 1905 г.: „недавно я снова заучилъ довольно большое число упомянутыхъ стансовъ Байрона, которые я *двадцать два* года назадъ заучивалъ наизусть до перваго безошибочнаго воспроизведенія, и которыхъ съ той поры никогда не видалъ. Время, которое потребовалось для этого заучиванія, все-таки оказалось на 7% меньше, сравнительно съ тѣмъ, какое необходимо мнѣ *теперь* для заучиванія другихъ, еще не выученныхъ прежде стансовъ той же поэмы".

Слѣд., никакъ не найти причинъ, которыя вызывали бы существованіе абсолютнаго забвенія. Наконецъ:

3) Можно указать цѣлый рядъ фактовъ, почти явно противорѣчащихъ существованію абсолютнаго забвенія. Такъ, во время сильныхъ болѣзней люди вспоминаютъ иногда тотъ языкъ, которымъ владѣли только въ раннемъ дѣтствѣ, а въ зрѣломъ возрастѣ даже не подозрѣвали, что когда-нибудь знали его. Напр., одинъ больной, 40-лѣтній мужчина, въ бреду заговорилъ на нарѣчіи, которымъ говорилъ лишь до пяти-или шестилѣтняго возраста, и о которомъ онъ даже не подозрѣвалъ, что когда-либо владѣлъ имъ. А одна взрослая женщина *безграмотная* произносила во время болѣзни огромныя цитаты по-латыни и по-гречески. Объяснилось это тѣмъ, что въ дѣтствѣ, лѣтъ семи, она жила нѣкоторое время въ домѣ одного пастора, имѣвшаго привычку, прохаживаясь по комнатамъ, декламировать наизусть вслухъ отрывки изъ древнихъ писателей. Можно, пожалуй, возразить на подобные примѣры, что они относятся лишь къ воспроизведенію (хотя и черезъ большой промежутокъ времени) *повторныхъ* воспріятій. Но есть факты, показывающіе, что и *однократно воспринятыя впечатлѣнія* воспроизводились такъ, что отъ времени ихъ пріобрѣтенія до момента воспроизведенія они казались абсолютно забытыми. Напр., одна дама, войдя въ одну изъ комнатъ замка, въ которомъ, по ея прежнему мнѣнію, она никогда не бывала раньше, вдругъ вспомнила и описала въ точности происшедшую тамъ когда-то въ ея присутствіи сцену. При провѣркѣ оказалось, что въ этой комнатѣ пришлось умереть ея матери, и означенная дама, которой въ то время было всего лишь два года, была привезена къ умирающей, чтобы проститься съ ней. Послѣ же ей всегда казалось, что она не помнитъ ни своей матери, ни ея смерти. Есть еще надежное свѣдѣніе объ одномъ господинѣ, директорѣ школы, обладавшемъ большими способностями къ живописи. Подъѣзжая во время одного путешествія къ замку, въ который онъ ѣхалъ, по его убѣжденію, въ первый разъ въ жизни, онъ вдругъ заявилъ своимъ спутникамъ, что онъ уже былъ когда-то здѣсь, и что въ то время на площадкѣ надъ воротами замка сидѣло вотъ столько-то мужчинъ и женщинъ, а внизу передъ воротами стояло нѣсколькоословъ со своими погонщиками. По возвращеніи домой онъ обратился за разъясненіемъ дѣла къ своей матери. И послѣдняя ему сообщила, что когда ему было *шесть мѣсяцевъ* (sic!), она въ обществѣ нѣсколькихъ знакомыхъ, состоящемъ изъ указаннаго имъ числа дамъ и мужчинъ, совершила на ослахъ экскурсію въ означенный замокъ, при чемъ взяла съ собой и сына, помѣстивъ его въ корзинѣ, привязанной къ одному изъ

словъ. Все общество экскурсантовъ отправилось завтракать на площадку надъ воротами замка, а ребенка оставили въ его корзинѣ подъ надзоромъ проводниковъ. Всѣ эти факты почти явно противорѣчатъ существованію абсолютнаго забвенія.

А можно привести такіе факты, гдѣ забвеніе, имѣющее *завѣдомо относительный* характеръ, кажется абсолютнымъ. Такъ, одна дѣвушка, которая чуть не утонула, совершенно забыла послѣ этого случая все, что̀ ею было раньше пережито и усвоено, такъ что она должна была всему заново учиться, со всѣми знакомиться и т. д. Если бы она умерла въ этомъ состояніи, то, конечно, мы могли бы предположить тутъ абсолютное забвеніе. Но послѣ новаго сильнаго потрясенія она внезапно возвратилась къ прежнему состоянію, забывъ все, что̀ усвоила въ новомъ, т.-е. она вспомнила все, что̀ знала до того времени, когда тонула; слѣд., на самомъ дѣлѣ ея забвеніе было всего лишь относительнымъ, а пока оно продолжалось, казалось абсолютнымъ.

Такимъ образомъ, вѣроятнѣе всего, что абсолютнаго забвенія нѣтъ. По крайней мѣрѣ, у насъ еще нѣтъ *психологическихъ* (а не метафизическихъ) основаній допускать его существованіе; и *вѣроятнѣе всего, что тѣ случаи, когда намъ кажется, будто мы сталкиваемся съ абсолютнымъ забвеніемъ, образуютъ всего лишь упорное относительное забвеніе.*

Но какъ объяснить временное или относительное забвеніе? Тѣ, кто позволяетъ себѣ пользоваться душевными способностями не только для названія, но и для объясненія душевныхъ явленій, обыкновенно объясняютъ относительное забвеніе, какъ временную задержку въ дѣятельности памяти, не замѣчая, что взамѣнъ *объясненія* забвенія даютъ ему лишь другое *названіе*: забвеніе называютъ теперь *задержкой* въ дѣятельности памяти. Но мы тогда спросимъ: чѣмъ объясняется эта задержка, и почему она касается одной только забытой мысли? Вѣдь надъ остальными мыслями память работаетъ по-прежнему. Очевидно, что задержку въ дѣятельности памяти можно понимать только, какъ образное названіе забвенія, но отнюдь не какъ его объясненіе. *Объяснять же забвеніе мы должны не иначе, какъ законами воспроизведенія мыслей.*

Съ перваго взгляда можно подумать, что мы попали въ безвыходное положеніе, что передъ нами обязанность рѣшить такую задачу, въ самой постановкѣ которой содержится внутреннее противорѣчіе: объяснять *забвеніе*, т.-е. *потерю* мыслями ихъ *воспроизводимости*, тѣми самыми законами, которые обусловливаютъ *воспроизведеніе* мыслей! Но здѣсь нѣтъ никакого противорѣчія. Вѣдь по этимъ законамъ при каждомъ данномъ условіи, входящемъ въ составъ нашей душевной жизни, могутъ воспроизводиться не какія попало, а только строго опредѣленныя мысли; никакія же другія въ это время не могутъ возникнуть въ сознаніи. Поэтому, нѣтъ ничего невозможнаго, напротивъ—вполнѣ естественно, что въ сознаніи могутъ скопляться и упрочиваться на большій или меньшій промежутокъ времени такія условія, вслѣдствіе которыхъ большей воспроизводимостью будетъ обладать не та мысль, которую хотѣлось бы намъ вызвать, а другія, такъ что при *этихъ*

условіяхъ она окажется забытой, т.-е. не можетъ быть воспроизведена никакими усиліями. Такимъ образомъ, *забвеніе данной мысли объясняется упроченіемъ въ сознаніи, на большее или меньшее время, скопленія такихъ условій, при которыхъ по законамъ воспроизведенія мыслей во все это время должны возникать какія-нибудь другія мысли, только не данная.* Не нужно при этомъ ни потери мыслей памятью, ни задержки въ дѣятельности памяти и т. п.

Весь вопросъ только въ томъ, могутъ ли упрочиваться въ сознаніи скопленія подобныхъ условій? Если мы подтвердимъ эту возможность хотя бы парой примѣровъ, то тѣмъ самымъ подтвердимъ, что всѣ явленія относительнаго забвенія при достаточномъ развитіи психологіи *могутъ* быть объяснены тѣми же самыми законами, которые управляютъ *воспроизведеніемъ* представленій.

Съ однимъ изъ примѣровъ упроченія подобныхъ условій мы уже знакомы: мы уже знаемъ, что все усвоенное при самочувствіи, рѣзко отличающемся отъ того, въ которомъ мы находимся теперь, не можетъ воспроизводиться до возобновленія перваго самочувствія, т.-е. оказывается забытымъ (см. стр. 203). Но забыто оно въ это время не оттого, чтобы выпало изъ памяти, и не вслѣдствіе задержки въ ея дѣятельности; вѣдь память въ это время работаетъ самымъ исправнымъ образомъ, только надъ *другими мыслями*, а не надъ данной. Забвеніе же этой мысли составляетъ прямое слѣдствіе тѣхъ же самыхъ законовъ, которые управляютъ *воспроизведеніемъ* представленій: они требуютъ, чтобы при *нынѣшнихъ* условіяхъ, т.-е. при самочувствіи, рѣзко отличающемся отъ того, при которомъ была усвоена наша мысль, возникали какія-нибудь другія мысли, а не та, о которой идетъ рѣчь.

Но могутъ быть еще и другія скопленія условій, препятствующихъ возникновенію данной мысли, такъ что во все то время, пока сохраняются эти условія, она окажется забытой. Напр.: это можетъ произойти и тѣмъ путемъ, что *тотъ ходъ мыслей, въ составъ котораго входитъ забытая мысль, будетъ заслоненъ другимъ ходомъ мыслей.* А такое заслоненіе легко можетъ случиться: ибо мы видѣли (стр. 202), что воспроизводимость той или другой мысли зависитъ отъ *множества* условій и отъ характера ихъ комбинацій, такъ что *при данныхъ условіяхъ* легко можетъ выйти, что воспроизводящія мысли будутъ вызывать изъ всѣхъ ассоціированныхъ съ ними разные другіе ряды мыслей, а не тѣ ряды, среди которыхъ находится наша временно забытая мысль. Такъ, иногда мы засунемъ куда-нибудь вещь и чѣмъ усиленнѣе ищемъ ее, тѣмъ вѣрнѣе, что не вспомнимъ, куда мы ее спрятали. Но если мы отвлечемся на время отъ всякихъ поисковъ и припоминаній, то какъ-то само собой правильно вспоминается, куда мы ее положили, такъ что въ подобныхъ случаяхъ наилучшее средство помочь своей памяти—это умышленно направить свое вниманіе въ сторону отъ всякихъ поисковъ и приняться за нихъ лишь спустя нѣсколько времени послѣ прежнихъ неудачъ. Все это легко объясняется слѣдующимъ образомъ: у насъ прежде, т.-е. при первыхъ поискахъ, скопились неблагопріятныя условія для появленія воспоминанія о

мѣстонахожденіи спрятанной вещи. Продолженіе поисковъ не только не поможетъ намъ, но, напротивъ, еще помѣшаетъ; ибо отъ недавности и повторенія *нежелательный* для насъ ходъ нашихъ мыслей закрѣпляется въ насъ и заслоняетъ собой тотъ ходъ мыслей, въ составъ котораго входитъ припоминаемая мысль, такъ что мы вертимся среди однѣхъ и тѣхъ же нежелательныхъ ассоціацій. Когда же мы бросаемъ поиски и успокаиваемся, то недавность прежняго, неприводящаго къ нашей цѣли, хода мыслей ослабѣваетъ, возникаетъ другой ходъ мыслей, который и приводитъ къ возникновенію временно забытаго воспоминанія.

Только-что изложенная теорія забвенія возбуждаетъ слѣдующее недоумѣніе: тѣ условія, которыя вызываютъ относительное забвеніе, могутъ легко скопляться въ зрѣломъ возрастѣ. Тогда, напр., легко можетъ одинъ ходъ воспроизведенныхъ мыслей заслонять собой другой ходъ и т. п. Но, повидимому, скопленію такихъ условій еще нѣтъ мѣста въ жизни новорожденныхъ дѣтей. Въ дѣйствительности же они подолгу не въ силахъ научиться узнавать окружающіе ихъ предметы, т.-е. продолжительное время тотчасъ же забываютъ воспринятые предметы. Такъ, даже кормящую ихъ мать или кормилицу они и то выучиваются узнавать лишь черезъ 5—6 недѣль послѣ своего рожденія, а нѣкоторыя дѣти даже черезъ 3—4 мѣсяца. Какъ же объяснить у нихъ такую забывчивость? Повидимому, они должны бы сразу же научиться узнавать всѣ окружающіе ихъ предметы; ибо еще нѣтъ никакихъ причинъ, чтобы въ ихъ сознаніи скоплялись условія, безпрестанно вызывающія забвеніе только-что воспринятыхъ предметовъ.

Эта забывчивость происходитъ отъ того, что *видъ внѣшняго міра въ глазахъ новорожденнаго ребенка безпрерывно мѣняется въ теченіе нѣкотораго времени*, такъ что ребенокъ въ это время еще не можетъ разобраться въ внѣшнихъ предметахъ и подмѣтить, каковъ каждый изъ нихъ. *Перемѣны, о которыхъ мы говоримъ, двоякаго рода. Во-первыхъ, съ новорожденными дѣтьми происходитъ то же самое, что съ оперированными слѣпорожденными.* Послѣдніе первое время послѣ операціи, дающей имъ зрѣніе, не умѣютъ воспринимать разстоянія и величины предметовъ. Напр.: удаленные предметы кажутся имъ чуть не касающимися ихъ глазъ, не отличающимися отъ плоскихъ предметовъ и т. п. (сравн. выше, стр. 91). Точно также и новорожденныя дѣти должны еще *выучиваться* оцѣнивать разстояніе, величину предметовъ и т. п. А пока они этому учатся, *для нихъ картина внѣшняго міра безпрерывно мѣняется; наблюдаемые предметы имъ кажутся то бо́льшими, то меньшими, то болѣе, то менѣе выпуклыми и т. д.* Это первая причина, почему имъ трудно бываетъ узнавать даже мать или кормилицу. *Во-вторыхъ, новорожденныя дѣти лишь постепенно пріобрѣтаютъ способность различать цвѣта.* Первые дни они даже, можетъ быть, не различаютъ ничего, кромѣ свѣта и тѣни. Затѣмъ они начинаютъ воспринимать цвѣта въ такомъ порядкѣ: желтый, красный, синій и т. д. Всѣхъ позже воспринимается фіолетовый, лишь на 4-мъ году

жизни. И, конечно, пока еще развивается способность различенія цвѣтовъ, *окраска разныхъ предметовъ внѣшняго міра мѣняется для дѣтскихъ глазъ.*

Правда, противъ заключенія о воспріимчивости дѣтей къ различнымъ цвѣтамъ было сдѣлано слѣдующее возраженіе: о степени цвѣтовой воспріимчивости дѣтей мы должны судить по ихъ общему поведенію, а также по пониманію ими *названій* цвѣтовъ, именно—насколько они вѣрно понимаютъ эти названія, напр.—насколько правильно они изъ одинаковыхъ мячиковъ, окрашенныхъ въ разные цвѣта, выбираютъ тотъ, цвѣтъ котораго имъ называютъ. Но по ихъ общему поведенію нельзя навѣрняка судить о различеніи ими цвѣтовъ. Ошибки же относительно названій, можетъ быть, указываютъ не на порядокъ *распознаванія* цвѣтовъ, а на порядокъ *запоминанія ихъ названій.*

Такое возраженіе было бы очень вѣскимъ, если бы упомянутыя наблюденія производились надъ дѣтьми только одной націи. Но въ томъ-то и дѣло, что они производились надъ дѣтьми *различныхъ* народностей, и нѣтъ никакихъ основаній думать, что названіе краснаго цвѣта *на всѣхъ языкахъ* дѣтьми запоминается позднѣе, чѣмъ названіе желтаго и т. д.; а *порядокъ, въ которомъ дѣти научаются воспринимать цвѣта, оказался у разныхъ народовъ одинаковымъ.*

27. Волевыя явленія: рефлективныя, инстинктивныя и импульсивныя движенія; специфическій волевой элементъ; составъ желаній и хотѣній; волюнтарная, гедоническая и патематическая теорія волевыхъ явленій.

Волевыми явленіями называются умышленно производимыя нами перемѣны. Гдѣ нѣтъ никакой перемѣны, не можетъ быть рѣчи о волевыхъ явленіяхъ, такъ же, какъ и въ томъ случаѣ, если перемѣна возникаетъ независимо отъ нашего умысла. Напр.: умышленно производимыя движенія, умышленно вызываемыя перемѣны въ ходѣ мыслей принадлежатъ къ волевымъ явленіямъ; движенія же, возникающія безъ всякаго умысла съ нашей стороны, равно какъ и смѣна мыслей, совершающаяся сама собой, независимо отъ нашего умысла, не принадлежатъ къ числу волевыхъ явленій. Волевыя явленія бываютъ или *внѣшними*, или *внутренними*, глядя по тому, входитъ ли въ составъ даннаго волевого явленія внѣшняя перемѣна въ насъ, или же внутренняя. Внѣшнія перемѣны, входящія въ составъ волевыхъ явленій, сводятся къ движеніямъ, а это значитъ—къ *мускульнымъ сокращеніямъ* (сравн. выше стр. 64); внутреннія же—*къ перемѣнамъ въ вниманіи.* Волевыя явленія называются также *волевыми дѣйствіями.* А волевыя дѣйствія, въ виду того, что они всегда бываютъ умышленными, называются также *произвольными*, такъ что выраженія „волевое дѣйствіе“, „произвольное дѣйствіе“ и „умышленное дѣйствіе“ служатъ синонимами. Слово „дѣйствіе“ во всѣхъ этихъ выраженіяхъ часто замѣняется терминомъ „актъ“, такъ что часто говорятъ: „волевой, умышленный и т. д. актъ“.

Сперва мы разсмотримъ внѣшнія волевыя явленія, т.-е. произвольныя движенія. Психологія, разумѣется, должна изучить только тѣ душевныя переживанія, которыя происходятъ при этихъ явленіяхъ. А для того, чтобы при самонаблюденіи сдѣлался понятнѣе составъ этихъ переживаній, раньше всего мы разсмотримъ тѣ движенія одушевленныхъ существъ, которыя, хотя и похожи на произвольныя, на самомъ дѣлѣ не принадлежатъ къ нимъ. Есть три группы движеній, похожихъ на произвольныя, но не принадлежащихъ къ нимъ; это: 1—*рефлективныя*, 2—*инстинктивныя* и 3—*импульсивныя движенія*. Ими-то мы и займемся сперва, при чемъ мы постараемся выяснить составъ тѣхъ душевныхъ переживаній, которыя происходятъ при означенныхъ движеніяхъ, чтобы можно было легче понять тѣ переживанія, какія бываютъ при произвольныхъ движеніяхъ.

Рефлективныя движенія или рефлексы намъ уже нѣсколько знакомы: о нихъ уже была рѣчь на стр. 69. *Это—движенія, возникающія вслѣдствіе дѣйствія какого-либо раздражителя на чувствующій нервъ, при чемъ возбужденіе, вызываемое этимъ раздражителемъ, передается безъ всякаго умысла съ нашей стороны на двигательный нервъ и вызываетъ сокращеніе тѣхъ мускуловъ, которыми заканчивается этотъ двигательный нервъ.* Таковы, напр., слѣдующія движенія: отдергиваніе ноги при прикосновеніи къ ея подошвѣ; миганіе, точнѣе—смыканіе вѣкъ, при быстромъ приближеніи какого-либо предмета къ глазу; сокращеніе зрачка при усиленіи свѣта и т. п. Рефлективныя движенія очень похожи на волевыя, т.-е. на умышленныя, потому что они всегда оказываются цѣлесообразными, именно: они всегда приноровлены къ освобожденію чувствующаго нерва отъ того раздраженія, которое вызываетъ данный рефлексъ. Напр.: нога такъ отдергивается, чтобы прекратить прикосновеніе щекочущаго предмета къ ея подошвѣ; или—вѣки, смыкаясь, закрываютъ глазъ и этимъ путемъ прекращаютъ раздраженіе, причиняемое зрительному нерву предметомъ, который приближается къ глазу; зрачокъ сокращается и этимъ путемъ уменьшаетъ доступъ свѣта къ сѣтчатой оболочкѣ глаза; невольное чиханіе и невольный кашель устраняютъ то, что́ дѣйствуетъ раздражающимъ образомъ на слизистыя оболочки носа и горла и т. п. Поэтому, если наблюдать рефлективныя движенія только извнѣ, только объективнымъ путемъ, то они тѣмъ, кто раньше не былъ съ ними знакомъ, всегда кажутся волевыми дѣйствіями. Но при наблюденіи ихъ изнутри, т.-е. при самонаблюденіи, ясно обнаруживается, что они не принадлежатъ къ волевымъ явленіямъ; ибо они наступаютъ не только независимо отъ нашего желанія, но часто даже вопреки нашимъ усиліямъ удержаться отъ нихъ. Напр.: мы хотѣли бы не мигать глазами, когда приближается предметъ къ глазу, но невольно мигаемъ; часто намъ хотѣлось бы не чихать, а невольно чихаемъ и т. п. Слѣд., рефлективныя движенія завѣдомо не имѣютъ волевого характера. *Душевныя же переживанія, которыя происходятъ при нихъ, никоимъ образомъ не идутъ дальше ощущенія тѣхъ раздраженій, которыя вызываютъ рефлексы, да ощущенія тѣхъ движеній, которыя образуютъ эти рефлексы.* Напр.: при рефлексѣ

отдергиванія ноги отъ предмета, щекочущаго подошву, наше душевное переживаніе ограничивается только ощущеніемъ щекотанія да ощущеніемъ движенія ноги, и ничего другого нѣтъ въ этомъ переживаніи.

Инстинктивными движеніями называются такія сложныя движенія животныхъ, которыя отличаются явно цѣлесообразнымъ характеромъ, вслѣдствіе чего они крайне похожи на произвольныя движенія; но ихъ нельзя считать умышленными движеніями, потому что, во-первыхъ, ихъ цѣль остается совершенно неизвѣстной животному, такъ что оно не можетъ умышленно приноравливать ихъ къ этой цѣли, и, во-вторыхъ, оно не обучалось этимъ движеніямъ. Напр.: боберъ, родившійся въ неволѣ, выросшій въ одиночествѣ и не видавшій никогда зимы, при ея приближеніи все-таки начинаетъ собирать матеріалы для постройки зимняго жилища. Точно такъ же и птица, выросшая въ неволѣ и въ одиночествѣ, начинаетъ строить гнѣздо, когда для птицъ, живущихъ на свободѣ, наступаетъ время носки яицъ. Въ обоихъ этихъ случаяхъ животное совершаетъ сложное движеніе, явно направленное къ опредѣленной цѣли, каковой *ближайшимъ* образомъ служитъ постройка зимняго жилья или гнѣзда, такъ что эти движенія кажутся умышленными; но въ нихъ не можетъ быть никакого умысла, потому что они приноровлены къ такой цѣли, которая совсѣмъ неизвѣстна животному. Нашъ боберъ еще не знаетъ зимы и не могъ научиться постройкѣ зимняго жилья отъ другихъ бобровъ. Также и упомянутая птица еще не знаетъ о необходимости гнѣзда для высидки яицъ и не могла научиться постройкѣ его отъ другихъ птицъ. Слѣд., здѣсь передъ нами вовсе не волевыя дѣйствія, а только похожія на нихъ. Инстинктивныя дѣйствія встрѣчаются и у людей. Такъ, когда только-что родившемуся ребенку вкладываютъ въ ротъ грудь матери, то онъ вполнѣ правильно продѣлываетъ рядъ сосательныхъ движеній, которымъ, однако, его никогда не обучали, и которымъ самъ онъ тоже не могъ научиться. Вмѣстѣ съ тѣмъ это вполнѣ цѣлесообразныя движенія, именно: *ближайшимъ* образомъ они направлены къ насыщенію материнскимъ молокомъ. Однако, цѣль этихъ движеній не можетъ быть извѣстна новорожденному ребенку. Такимъ образомъ, въ сосательныхъ движеніяхъ новорожденнаго мы встрѣчаемъ всѣ признаки инстинктивныхъ: сложность, цѣлесообразность и независимость отъ умысла.

Инстинктивныя движенія троякимъ образомъ отличаются отъ рефлективныхъ. Во-первыхъ, они *гораздо сложнѣе*, чѣмъ рефлективныя. Во-вторыхъ, *они приноровлены вовсе не къ освобожденію чувствующаго нерва отъ того раздраженія, которое вызываетъ ихъ, а совсѣмъ къ другимъ цѣлямъ.* И можно утверждать, что *ихъ окончательной* (но не ближайшей) *цѣлью служитъ сохраненіе либо индивидуума, который совершаетъ эти движенія, либо того рода, къ которому принадлежитъ этотъ индивидуумъ, т.-е. размноженіе послѣдняго въ видѣ потомства.* Такъ, сосательныя движенія ребенка приноровлены не къ освобожденію его рта отъ прикосновенія материнской груди, но къ питанію ребенка, слѣдовательно—къ сохраненію его индивидуальнаго существованія. Постройка зимняго жилья бобромъ

приноровлена къ предохраненію его отъ замерзанія. Постройка же гнѣзда птицей для высидки яицъ приноровлена къ сохраненію ея рода, т.-е. къ ея размноженію въ видѣ потомства. Въ-третьихъ, *инстинктивныя движенія, въ отличіе отъ рефлективныхъ, не всегда повторяются при повтореніи тѣхъ же внѣшнихъ обстоятельствъ, но только въ томъ случаѣ, если сверхъ повторенія этихъ обстоятельствъ наступаютъ еще нѣкоторыя добавочныя условія.* Такъ, ребенокъ не всегда производитъ сосательныя движенія, если ему вложена грудь въ ротъ, а только тогда, когда онъ голоденъ. Также и птица не всегда строитъ гнѣздо, когда встрѣчаетъ подходящій для этой цѣли матеріалъ, но только тогда, когда приближается время нести яйца, и т. д. Въ возникновеніи же рефлексовъ нельзя замѣтить никакой зависимости отъ временно дѣйствующихъ условій. И *два послѣднихъ отличія инстинктивныхъ движеній отъ рефлексовъ доказываютъ, что инстинктивныя движенія нельзя считать всего лишь сложными рефлексами*, хотя съ перваго взгляда такое мнѣніе легко приходитъ въ голову. Напротивъ, это особая группа непроизвольныхъ движеній, совершенно самостоятельная сравнительно съ рефлексами.

Въ чемъ же состоятъ *душевныя переживанія, которыя происходятъ при инстинктивныхъ движеніяхъ?* Конечно, здѣсь *дѣло не обходится безъ ощущеній отъ того внѣшняго предмета, надъ которымъ продѣлываются эти движенія.* Такъ, новорожденный ребенокъ не производитъ сосательныхъ движеній до тѣхъ поръ, пока у него нѣтъ осязательнаго ощущенія отъ какого-либо предмета, вложеннаго въ его ротъ. Также и птица переживаетъ ощущенія отъ тѣхъ предметовъ, изъ которыхъ вьетъ гнѣздо. Но дѣло, конечно, не ограничивается одними лишь указанными ощущеніями, потому что они вѣдь не всегда возбуждаютъ инстинктивныя движенія. На-ряду съ этими ощущеніями происходитъ еще какое-то другое переживаніе. Каково же оно? У новорожденнаго ребенка, производящаго сосательныя движенія, оно, очевидно, состоитъ въ такомъ непріятномъ чувствѣ, которое постепенно устраняется, когда достигается *ближайшая* цѣль сосательныхъ движеній, т.-е. когда ребенокъ глотаетъ высасываемое молоко; это—чувство голода. По поведенію же птицы, инстинктивно строящей гнѣздо, замѣтно, что и она переживаетъ какое-то непріятное чувство, которое устраняется при достиженіи ближайшей цѣли ея инстинктивныхъ движеній: она какъ будто бы тоскуетъ, когда не можетъ строить гнѣзда, и становится веселѣе по мѣрѣ его постройки. Такимъ образомъ, *на-ряду съ ощущеніями отъ того предмета, надъ которымъ продѣлываются инстинктивныя движенія, бываетъ всегда еще такое непріятное чувство, которое прекращается, когда достигается ближайшая цѣль этихъ движеній.* Прекращеніе означеннаго непріятнаго чувства, разумѣется, можетъ сопровождаться, да обыкновенно и сопровождается возникновеніемъ своеобразнаго удовольствія. Такъ, ребенокъ, сосущій грудь, испытываетъ не только прекращеніе голода, но и двоякое удовольствіе: отъ вкуса молока и отъ появленія ощущенія сытости. Птица тоже испытываетъ какое-то своеобразное удовольствіе по мѣрѣ постройки гнѣзда и т. п. Но все это

уже *слѣдствія* инстинктивныхъ движеній, а не тѣ переживанія, которыя бываютъ при ихъ возникновеніи.

Заключеніе же о составѣ этихъ переживаній подтверждается по крайней мѣрѣ—для нѣкоторыхъ лицъ, и путемъ самонаблюденія, пот. что *инстинктивныя движенія встрѣчаются не только у новорожденныхъ, а также и у взрослыхъ людей, да еще такія, переживаніе которыхъ производитъ сильное впечатлѣніе и поэтому довольно ясно запоминается. Это—движенія, осуществляющія интимное сближеніе лицъ разнаго пола, когда они производятся впервые и безъ всякаго предварительнаго знанія о нихъ.* Они тоже вызываются соединеніемъ ощущеній отъ того предмета, надъ которымъ продѣлываются эти движенія, съ какимъ-то непріятнымъ, томящимъ чувствомъ, которое исчезаетъ при достиженіи *ближайшей* цѣли этихъ движеній и замѣняется своеобразнымъ наслажденіемъ. Точно такъ же, если бы женщина, родившая въ первый разъ, совсѣмъ не знала, нужно ли и какъ нужно кормить ребенка, даже не подозрѣвала бы о появленіи у нея молока при родахъ, то можно смѣло сказать, она все-таки вполнѣ правильно накормила бы своего первенца путемъ инстинктивныхъ движеній, при чемъ послѣднія были бы вызваны тяжелымъ чувствомъ, возникающимъ при крикѣ голоднаго ребенка, которое исчезло бы вслѣдствіе кормленія и замѣнилось бы даже своеобразнымъ удовольствіемъ.

Импульсивныя движенія рѣзко отличаются какъ отъ рефлективныхъ, такъ и отъ инстинктивныхъ тѣмъ, что при ихъ наблюденіи извнѣ, т.-е. чисто объективнымъ путемъ, они кажутся совершенно лишенными цѣлесообразности, и все ихъ сходство съ умышленными движеніями ограничивается только тѣмъ, что ихъ возникновеніе нисколько не зависитъ отъ внѣшняго міра. Примѣромъ могутъ служить движенія, которыя часто наблюдаются у новорожденныхъ дѣтей: они часто двигаютъ руками, ногами въ разныя стороны или издаютъ такіе звуки, что во всѣхъ этихъ движеніяхъ нельзя подмѣтить никакой внѣшней цѣли, но зато и никакой зависимости отъ внѣшнихъ предметовъ. Другой примѣръ: молодыя собаки, хорошо выспавшись, начинаютъ безъ всякой внѣшней причины подпрыгивать, перебѣгать съ мѣста на мѣсто, неизвѣстно почему тявкать и т. п. Словомъ: онѣ производятъ разнообразныя движенія, въ которыхъ нельзя усмотрѣть никакой внѣшней цѣли, но зато и никакой зависимости отъ внѣшнихъ предметовъ. *Физіологически импульсивныя движенія объясняютъ тѣмъ, что въ нервныхъ центрахъ, управляющихъ этими движеніями, скопляется излишекъ энергіи, такъ что послѣдняя должна быть какъ-нибудь израсходована; а когда для этого нѣтъ никакихъ внѣшнихъ поводовъ, то она сама собой, т.-е. безъ всякаго умысла со стороны животнаго, тратится на указанныя безпорядочныя движенія.*

Но для насъ важна не физіологическая, а психологическая сторона импульсивныхъ движеній, т.-е. тѣ душевныя переживанія, которыя происходятъ при возникновеніи этихъ движеній. *Узнать означенныя переживанія можно посредствомъ самонаблюденія, пот. что импульсивныя движенія встрѣ-*

чаются и у взрослыхъ людей. Такъ, когда мы засидимся, то послѣ этого нерѣдко совершенно непроизвольно потягиваемся, либо дѣлаемъ нѣсколько круговыхъ движеній руками, либо быстро сгибаемъ и разгибаемъ ступню, похрустываемъ пальцами и т. п. Всѣ эти движенія вполнѣ однородны съ импульсивными; ибо они столь же нецѣлесообразны, если ихъ наблюдать только извнѣ, и возникаютъ при условіяхъ одинаковыхъ съ импульсивными, именно — тогда, когда должно было произойти скопленіе излишка нервной энергіи въ тѣхъ центрахъ, которые управляютъ этими движеніями. *Что же касается ихъ психологической стороны, то она сводится къ такому непріятному чувству, которое исчезаетъ или, по крайней мѣрѣ, значительно ослабѣваетъ подъ вліяніемъ этихъ движеній.* Такъ, когда мы поймаемъ себя на непроизвольномъ похрустываніи пальцами, то замѣчаемъ, что оно вызвано непріятнымъ чувствомъ въ суставахъ пальцевъ, при чемъ это чувство исчезаетъ подъ вліяніемъ тѣхъ движеній, которыя производятся при похрустываніи пальцами. Поймавъ же себя на непроизвольномъ выгибаніи позвоночника, мы подмѣчаемъ какое-то непріятное чувство въ позвоночникѣ, которое исчезаетъ подъ вліяніемъ этихъ выгибаній. Такимъ образомъ, *при разсмотрѣніи импульсивныхъ движеній съ внутренней стороны они оказываются тоже цѣлесообразными, какъ и инстинктивныя, но съ тѣмъ лишь отличіемъ отъ инстинктивныхъ, что они совершенно не зависятъ отъ внѣшнихъ ощущеній и вызываются* поэтому не соединеніемъ внѣшнихъ ощущеній съ непріятнымъ чувствомъ, какъ это бываетъ при инстинктивныхъ движеніяхъ, но *однимъ лишь нарастаніемъ какого-нибудь непріятнаго чувства. Цѣль же ихъ состоитъ въ устраненіи этого чувства.*

Теперь обратимся къ произвольнымъ движеніямъ. Намъ, конечно, кажется, будто бы въ составъ переживаній, происходящихъ при этихъ движеніяхъ, непремѣнно долженъ входить какой-то особый, *специфическій волевой элементъ душевной жизни, т.-е такой элементъ, который неразложимъ ни на какія сочетанія чувствъ, мыслей и ощущеній, но отличается отъ каждаго изъ этихъ элементовъ.* Наклонность къ такому предвзятому взгляду — предвзятому, ибо онъ возникаетъ еще раньше изученія волевыхъ явленій — объясняется слѣдующимъ образомъ: въ обыденной жизни мы привыкаемъ судить о характерѣ душевныхъ явленій не столько путемъ разсмотрѣнія ихъ самихъ, сколько посредствомъ резонерствованій, исходящихъ изъ взглядовъ на ту способность, которой мы приписываемъ эти явленія (объ этомъ мы уже говорили выше, на стр. 136). Произвольныя же движенія приписываются нами способности, *особой* сравнительно со всѣми тѣми душевными способностями, которымъ мы приписываемъ чувства, мысли и ощущенія. А отсюда и возникаетъ увѣренность, будто бы въ составъ произвольныхъ движеній долженъ входить *особый* элементъ душевной жизни, т.-е. такой элементъ, *который отличается отъ всякихъ чувствъ, мыслей и ощущеній,* ибо онъ порождается *особой* способностью, именно — волей. Но такъ какъ въ психологіи, изучаемой безъ всякой метафизики, мы обязаны судить о составѣ душевныхъ явленій, основываясь только на нашихъ на-

блюденіяхъ надъ ними, и независимо отъ того, какимъ душевнымъ способностямъ приписываются эти явленія (см. стр. 137 и слѣд.), то *наша главная задача должна состоять въ выясненіи вопроса: дань ли въ опытѣ специфическій волевой элементъ*, или же тѣ душевныя переживанія, которыя бываютъ при волевыхъ явленіяхъ, будутъ ли послѣднія внутренними или внѣшними, это все равно, сводятся только къ своеобразнымъ сочетаніямъ чувствъ, мыслей и ощущеній?

Тѣ, кто впервые знакомится съ психологіей, нерѣдко возражаютъ противъ самой постановки такого вопроса, находя его совершенно излишнимъ: ибо, говорятъ они, если бы мы стали отрицать въ душевной жизни специфическій волевой элементъ, то это значило бы, что мы отрицаемъ волю, т.-е. отрицаемъ существованіе волевыхъ явленій, но такое отрицаніе было бы явной нелѣпостью. Въ дѣйствительности же *отрицаніе специфическаго волевого элемента еще не составляетъ отрицанія существованія волевыхъ явленій, но ограничивается лишь ученіемъ, что они состоятъ изъ своеобразныхъ сочетаній однихъ лишь чувствъ, мыслей и ощущеній*. Здѣсь дѣло стоитъ сходнымъ образомъ съ тѣмъ, какъ современная физика отрицаетъ существованіе особой жидкости, изъ-перераспредѣленія которой состояли бы тепловыя явленія, и которую допускала старая физика, называя ее теплородомъ. Отрицаніе теплорода еще не означаетъ отрицанія существованія самихъ тепловыхъ явленій, а ограничивается утвержденіемъ, что эти явленія состоятъ вовсе не въ перемѣнахъ распредѣленія теплорода, а исключительно въ перемѣнахъ молекулярныхъ движеній, происходящихъ въ нагрѣваемыхъ и охлаждаемыхъ тѣлахъ. Такъ точно и отрицаніе специфическаго волевого элемента еще не отрицаетъ существованія самихъ волевыхъ явленій, *а поэтому не отрицаетъ даже и той метафизической причины этихъ явленій, которую называютъ волей, но говоритъ только, что послѣднюю надо считать не способностью, порождающей въ сознаніи какой-то особый, специфическій элементъ душевной жизни, а способностью, порождающей всего лишь особыя сочетанія другихъ элементовъ, именно — чувствъ, мыслей и ощущеній.*

Тѣ душевныя переживанія, которыя вызываютъ произвольныя движенія, называются желаніями или хотѣніями. Конечно, душевныя переживанія, которыя бываютъ при возникновеніи произвольныхъ движеній, часто не ограничиваются желаніями, но безъ желаній они не могутъ обойтись, потому что желаніями-то и вызываются произвольныя движенія. Безъ желаній или хотѣній происходятъ одни лишь непроизвольныя движенія.

Слова „желаніе“ и „хотѣніе“ чаще всего употребляются, какъ синонимныя; иногда же ихъ употребляютъ такъ, что желанія отличаютъ отъ хотѣній, какъ особый видъ хотѣній. Но это отличіе не имѣетъ никакого значенія для нашей задачи, а поэтому *мы будемъ пользоваться означенными словами, какъ синонимами*. Въ самомъ дѣлѣ: *когда желанія отличаютъ отъ хотѣній, то подъ первыми подразумѣваютъ такія хотѣнія, которыя сопровождаются мыслью о томъ, что они останутся неосуществленными,*—

почему неосуществленными, потому ли, что ихъ осуществленіе противорѣчило бы другимъ болѣе сильнымъ хотѣніямъ, или же потому, что есть внѣшнія непреодолимыя препятствія для ихъ осуществленія, это все равно. Такъ, напр., говорятъ, что мы можемъ только *желать*, а не хотѣть полетѣть на луну, пот. что такое хотѣніе явно неосуществимо. Далѣе: когда мы находимся въ концертномъ залѣ и хотимъ оставаться до конца концерта, то въ это время мы можемъ только *желать*, а не хотѣть курить, пот. что хотѣніе остаться въ залѣ до конца концерта дѣлаетъ неосуществимымъ хотѣніе курить сейчасъ.

Но сопровождаются ли наши хотѣнія мыслію, что они останутся неосуществленными, или же не сопровождаются, отъ этого составъ самихъ хотѣній нисколько не мѣняется, такъ что для нашего изслѣдованія безразлично, называть ли ихъ желаніями или хотѣніями. Между тѣмъ привычный намъ языкъ очень часто замѣняетъ слово „желаніе“ словомъ „хотѣніе“. Напр., въ концертномъ залѣ мы часто говоримъ такъ: „мнѣ *хочется* курить“, или: „ужасно, какъ *хочу* курить“. Такимъ образомъ, привычный языкъ даетъ право употреблять слова „желаніе“ и „хотѣніе“, какъ синонимы. Да такъ поступаютъ и многіе психологи. Конечно, можно *условиться* употреблять эти два слова не какъ синонимы, а такъ, чтобы желанія считались частнымъ случаемъ хотѣній, но повторяемъ, для нашихъ изслѣдованій, т.-е. для поисковъ специфическаго волевого элемента, нѣтъ никакой нужны въ подобномъ насиліи надъ привычнымъ языкомъ.

Обыкновенно хотѣнія или желанія и считаютъ тѣмъ специфическимъ волевымъ элементомъ, о которомъ у насъ идетъ рѣчь. Поэтому наша ближайшая задача состоитъ въ разсмотрѣніи хотѣній. *Необходимой составной частью всякаго хотѣнія служитъ какое-либо непріятное чувство, именно— такое чувство, которое устранятся тѣмъ, чего мы хотимъ.* Это ясно уже изъ того, что общеупотребительный языкъ, который, конечно, сложился не безъ вліянія коллективнаго самонаблюденія, даже *приравниваетъ* другъ къ другу по ихъ значенію слова „хотѣть“ и „испытывать какое-либо подобное чувство“. Напр., выраженіе: „хочу,—или мнѣ хочется ѣсть“ означаетъ „я голоденъ“; или: „хотѣть пить“ значитъ „испытывать жажду“; „хотѣть спать“ означаетъ „испытывать тягостное чувство неосуществляющагося засыпанія“ и т. п. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда мы хотимъ какого-либо опредѣленнаго *удовольствія*, въ родѣ доставляемаго куреніемъ, виномъ, музыкой, спектаклемъ и т. п., и то въ составъ хотѣнія входитъ непремѣнно какое-либо непріятное чувство, которое устраняется тѣмъ, чего мы хотимъ, и устраненіе котораго сопровождается этимъ удовольствіемъ. Такъ, если мнѣ хочется курить, то это значитъ, что мною переживается непріятное чувство, которое хорошо знакомо курильщикамъ, и которое можно уподобить своеобразному голоду, при чемъ это чувство можетъ быть устранено только куреніемъ, а его устраненіе сопровождается удовольствіемъ. Точно такъ же, если мнѣ хочется непремѣнно вина, а не вообще пить что бы то ни было, то это значитъ, что у меня есть непріятное чувство, которое можетъ быть

устранено только виномъ, при чемъ его устраненіе съ помощью вина сопровождается удовольствіемъ. Даже хотѣніе слушать музыку или смотрѣть спектакль и т. п. существуетъ только тогда, когда есть, хотя бы въ слабой степени, то непріятное чувство, которое устранялось бы слушаніемъ музыки, созерцаніемъ спектакля и т. п.

Такимъ образомъ, *ни одно хотѣніе не обходится безъ такого непріятнаго чувства, которое устранялось бы тѣмъ, чего мы хотимъ.* Это чувство можетъ быть крайне разнообразнымъ: голодомъ, жаждой, иногда же какимъ-то менѣе опредѣленнымъ чувствомъ, которое называютъ недовольствомъ; но *гдѣ нѣтъ никакого непріятнаго чувства, тамъ нѣтъ и хотѣнія.* Вмѣстѣ съ тѣмъ оказывается, что *чѣмъ сильнѣе хотѣніе, тѣмъ замѣтнѣе переживаніе нами какого-либо непріятнаго чувства.* Напр., чѣмъ сильнѣе намъ хочется ѣсть, пить, курить, пойти въ театръ, тѣмъ замѣтнѣе голодъ, жажда, то недовольство, которое можно устранить только посѣщеніемъ театра, и т. п. А все это доказываетъ, что *переживаніе непріятнаго чувства либо исчерпываетъ весь составъ хотѣнія, либо образуетъ главную часть хотѣнія.*

Но хотѣніе состоитъ не только изъ непріятнаго чувства: *въ составъ хотѣнія всегда входитъ еще мысль о томъ, что́ устраняетъ непріятное чувство, образующее данное хотѣніе.* Такъ, если у меня есть хотѣніе курить, то на-ряду съ непріятнымъ чувствомъ, похожимъ на голодъ, у меня есть еще мысль, что оно устраняется вдыханіемъ табачнаго дыма. Если мнѣ хочется вина, то на-ряду съ непріятнымъ чувствомъ, образующимъ это желаніе, у меня есть еще мысль о томъ, что это чувство устраняется виномъ. Особенно же легко замѣтить въ хотѣніи присутствіе мысли о томъ, что́ устраняетъ непріятное чувство, если сравнить два вполнѣ одинаковыхъ движенія, изъ которыхъ одно произвольное, а другое непроизвольное. Напр., потягивающее распрямленіе спины бываетъ и непроизвольнымъ, чисто-импульсивнымъ, когда мы долго сидимъ, согнувшись надъ какой-либо работой. Но оно же можетъ быть и произвольнымъ, именно: иногда мы успѣваемъ замѣтить, что отъ согнутаго положенія позвоночника въ немъ возникло непріятное чувство, и вмѣстѣ съ тѣмъ вспоминаемъ, что такое чувство устраняется посредствомъ потягивающаго движенія, которое и продѣлываемъ умышленно. Такимъ образомъ, при произвольномъ распрямляющемъ потягиваніи у насъ есть воспоминаніе, слѣд.—мысль о томъ, чѣмъ устраняется непріятное чувство въ позвоночникѣ. Когда же потягиваніе совершается непроизвольно, т.-е. когда оно бываетъ чисто-импульсивнымъ движеніемъ, то мы не замѣчаемъ въ себѣ подобной мысли: при непроизвольномъ распрямляющемъ потягиваніи движеніе возникаетъ прямо, безъ всякой мысли объ его послѣдствіяхъ.

Итакъ, *всякое желаніе или хотѣніе состоитъ изъ соединенія какого-либо непріятнаго чувства съ мыслью о томъ, чѣмъ устраняется это чувство, или иначе—съ мыслью о предметѣ, устраняющемъ это чувство;* ибо то, чѣмъ устраняется непріятное чувство, образующее существенную часть

какого-либо желанія, принято называть *предметомъ*, устраняющимъ это чувство. А такъ какъ его называютъ еще *предметомъ желанія*, или *желаемымъ предметомъ*, а также *предметомъ, удовлетворяющимъ желаніе*, то указанную сейчасъ формулу состава хотѣній можно еще и такъ редактировать: *всякое желаніе или хотѣніе состоитъ изъ соединенія какого-либо непріятнаго чувства съ мыслью о предметѣ желанія, или иначе — съ мыслью о желаемомъ предметѣ, или, наконецъ, съ мыслью о предметѣ, удовлетворяющемъ это желаніе.* Конечно, если бы мы не пояснили раньше, что такое предметъ желанія и т. п., то послѣдняя формула никуда не годилась бы, какъ содержащая въ себѣ заколдованный кругъ. Но послѣ нашихъ поясненій этотъ кругъ только кажется существующимъ, въ дѣйствительности же его нѣтъ, такъ что, гдѣ это удобнѣе, мы въ правѣ пользоваться и этой формулой.

Но *какой бы изъ упомянутыхъ формулъ мы ни пользовались, не слѣдуетъ подъ словомъ „предметъ“ подразумѣвать непремѣнно вещь, а надо брать это слово въ болѣе широкомъ смыслѣ.* Такъ, предметомъ желанія курить служитъ не просто вещь, не просто табачный дымъ, но *вдыханіе* этого дыма. Предметомъ же хотѣнія, вызывающаго произвольныя потягивающія движенія, служитъ то, чего уже никакъ нельзя назвать вещью, именно, сами потягивающія движенія, какъ средство для устраненія непріятнаго чувства, образующаго данное хотѣніе.

Что же касается состава мысли о предметѣ желанія, то, конечно, онъ зависитъ отъ индивидуальныхъ особенностей въ переживаніи мыслей: у однихъ лицъ этой мыслью будетъ образъ предмета желанія, у другихъ же — комплексъ сужденій, описывающихъ этотъ предметъ и т. д. Но все это не важно для главной цѣли нашего анализа, для поисковъ специфическаго волевого элемента.

Прежде чѣмъ идти дальше въ разсмотрѣніи состава хотѣній, упомянемъ еще о такъ называемыхъ *безпредметныхъ желаніяхъ*, которыя иногда называютъ также *неопредѣленными* или *смутными* желаніями. *Это — такія желанія, при которыхъ намъ чего-то хочется, но чего именно, мы не въ состояніи сказать: мы еще сами не знаемъ этого, еще не въ состояніи опредѣлить предметъ своего желанія.* Повидимому, существованіе такихъ желаній противорѣчитъ нашему описанію состава желаній, потому что, повидимому, здѣсь нѣтъ мысли о предметѣ желанія. На самомъ же дѣлѣ въ безпредметныхъ желаніяхъ тоже есть такая мысль, только не вполнѣ опредѣленная: эта мысль не о какомъ-нибудь опредѣленномъ предметѣ, но вообще о такомъ предметѣ, который устранилъ бы переживаемое нами непріятное чувство. Когда же нѣтъ такой мысли, то никто не назоветъ переживаемаго имъ непріятнаго чувства безпредметнымъ желаніемъ, а будетъ просто называть его чувствомъ. Такимъ образомъ, *составъ безпредметныхъ желаній совершенно такой же, какъ и вполнѣ опредѣленныхъ желаній, съ тѣмъ лишь неважнымъ для нашего анализа отличіемъ, что въ нихъ мысль о предметѣ желанія еще не дошла до полной опредѣленности.*

Что́ же еще можно подмѣтить въ составѣ желанія? *Когда желаніе задерживается въ своемъ осуществленіи, то въ немъ довольно ясно, и тѣмъ яснѣе, чѣмъ сильнѣе оно, подмѣчаются еще моторныя ощущенія, дающія намъ чувствовать начинающіяся сокращенія, т.-е. напряженія тѣхъ мускуловъ, съ помощью которыхъ осуществляется движеніе, вызываемое этимъ желаніемъ.* Такъ, когда намъ сильно хочется ѣсть, но мы не можемъ почему-нибудь тотчасъ же приняться за ѣду, то возникаетъ очень ясное ощущеніе, показывающее, что мускулы рта совсѣмъ готовы къ ѣдѣ, настолько напряжены, что́, стоитъ только не мѣшать имъ, и они начнутъ производить жевательныя движенія. Иногда эти движенія даже прямо-таки начинаются, хотя мы и стараемся удержаться отъ нихъ. Такимъ образомъ, въ задержанномъ желаніи присутствуетъ еще только-что указанный элементъ. Въ желаніи же, которое немедленно осуществляется, разумѣется, его не можетъ быть, потому что тамъ, взамѣнъ зачаточнаго сокращенія мускуловъ, мы будемъ имѣть дѣло съ такимъ сокращеніемъ мускуловъ, которое сполна производитъ движеніе, вызываемое этимъ желаніемъ. Напр., если мы станемъ ѣсть тотчасъ же, какъ только захотимъ, то къ чувству голода и къ мысли о предметѣ, который его устраняетъ, присоединятся не ощущенія всего лишь *начинающихся* мускульныхъ сокращеній, но тѣ моторныя ощущенія, съ помощью которыхъ мы чувствуемъ движенія, уже *производимыя* нами во время ѣды. При задержанномъ же желаніи ѣсть вмѣсто этихъ движеній мы будемъ чувствовать одну лишь *готовность* мускуловъ произвести ихъ, т.-е. одни лишь *напряженія*, иначе — *начинающіяся* сокращенія мускуловъ, производящихъ эти движенія.

Только-что упомянутый элементъ оказывается послѣднимъ, который встрѣчается въ составѣ желанія. Больше же мы ровно ничего не подмѣчаемъ въ желаніи, никакого элемента, который не былъ бы ни чувствомъ, ни мыслью, ни ощущеніемъ, т.-е. никакого специфическаго волевого элемента. Какъ бы ни было сильно наше желаніе, мы все-таки не замѣчаемъ въ немъ такого элемента. Напротивъ, *чѣмъ сильнѣе разсматриваемое желаніе, тѣмъ яснѣе видно, что оно состоитъ только изъ сочетанія чувствъ, мыслей и ощущеній*, именно: изъ какого-либо непріятнаго чувства, изъ мысли о предметѣ, устраняющемъ это чувство, и иногда еще изъ ощущенія напряженности мускуловъ. А вѣдь въ сильномъ желаніи съ особенной ясностью должны кидаться въ глаза всѣ составные элементы желанія.

Если же въ составѣ желанія нѣтъ специфическаго волевого элемента, то приходится искать его въ другихъ составныхъ частяхъ того душевнаго переживанія, которое бываетъ при возникновеніи произвольныхъ движеній, такъ что мы должны разсмотрѣть *весь* составъ такого переживанія. До сихъ поръ мы узнали составъ однихъ лишь желаній или хотѣній. Но тѣ душевныя переживанія, которыя происходятъ при произвольныхъ движеніяхъ, не всегда исчерпываются одними лишь хотѣніями. Слѣд., если въ составѣ хотѣній нѣтъ специфическаго волевого элемента, то это еще не значитъ, чтобы его вовсе не было.

Но упомянемъ сперва, для предупрежденія нѣкоторыхъ недоразумѣній, объ отличіяхъ нашей теоріи волевыхъ явленій отъ другихъ. Ту теорію, которая допускаетъ въ составѣ этихъ явленій специфическій волевой элементъ, *условимся* называть *волюнтарной*, отъ латинскаго слова voluntas — воля. Мы отвергаемъ эту теорію, и доказательствомъ ея ошибочности служитъ все наше изложеніе ученія о волевыхъ явленіяхъ, взятое въ его цѣломъ: оно покажетъ намъ, чтотакой элементъ душевной жизни нигдѣ не данъ въ опытѣ. Обыкновенно тѣ психологи, которые, какъ и мы, отвергаютъ волюнтарную теорію, строятъ вмѣсто нея такую теорію волевыхъ явленій, которую удобно назвать *гедонической* отъ греческаго слова ἡδονή—удовольстіе, наслажденіе. Однако, не слѣдуетъ смѣшивать нашу теорію съ гедонической. *Гедоническая теорія считаетъ важнѣйшимъ элементомъ всякаго желанія представленіе того удовольствія или наслажденія, которое мы получимъ черезъ осуществленіе своего желанія: это представленіе, по ея словамъ, и вызываетъ въ насъ произвольныя движенія, такъ что ихъ цѣлью всегда служитъ какое-нибудь удовольствіе. Наша же теорія учитъ, что сущностью желанія служитъ какое-нибудь непріятное чувство или страданіе, а вовсе не представленіе будущаго удовольствія.* Удовольствія, конечно, почти всегда наступаютъ при устраненіи непріятныхъ чувствъ, образующихъ наши желанія, и поэтому очень часто въ составъ душевнаго переживанія, происходящаго при произвольномъ движеніи, входитъ представленіе будущаго удовольствія, какъ цѣли этого движенія. Но, во-первыхъ, бываютъ и такія желанія, что ихъ удовлетвореніе ограничивается только устраненіемъ непріятнаго чувства. Напр.: такими часто бываютъ желанія, состоящія изъ чувствъ голода, жажды, боли и т. д. Во-вторыхъ, если даже мы хотимъ какого-нибудь удовольствія и поэтому представляемъ его себѣ, то главнѣйшій элементъ такого желанія, по нашей теоріи, состоитъ все-таки не въ представленіи этого удовольствія, но въ непріятномъ чувствѣ недовольства или горечи, возбуждаемомъ тѣмъ, что мы еще не испытываемъ представляемаго удовольствія. И причиною произвольныхъ движеній служитъ, по нашей теоріи, не само представленіе удовольствія, а связанное съ этимъ представленіемъ непріятное чувство. Поэтому, *если бы не было ровно никакихъ непріятныхъ чувствъ, то съ точки зрѣнія гедонической теоріи все-таки могли бы существовать произвольныя движенія; съ точки же зрѣнія нашей теоріи это невозможно.* И нашу теорію волевыхъ явленій, для отличія отъ гедонической, слѣдуетъ называть *патематической* отъ греческаго слова πάθημα, что́ означаетъ страданіе, непріятность.

Защитники волюнтарной теоріи обыкновенно упускаютъ изъ виду разницу между гедонической и патематической теоріей. Поэтому они выставляютъ противъ *всѣхъ* отрицателей существованія специфическаго волевого элемента два такихъ возраженія, которыя опровергаютъ одну только гедоническую теорію и нисколько не затрогиваютъ патематической. Первое изъ нихъ правильно указываетъ, что *всякое удовольствіе только тогда и чувствуется, какъ удовольствіе, когда мы его хотимъ, а не равнодушны*

къ нему, и правильно заключаетъ отсюда, что само-то хотѣніе не можетъ состоять въ представленіи будущаго удовольствія, а должно быть чѣмъ-то другимъ, чѣмъ-то отличающимся отъ этого представленія. Но авторы этого возраженія ошибочно думаютъ, будто бы этимъ „чѣмъ-то другимъ“ служитъ специфическій волевой элементъ. На самомъ дѣлѣ этимъ „чѣмъ-то другимъ“ служитъ то недовольство, то непріятное чувство, которое мы испытываемъ, представляя себѣ удовольствіе, какого сейчасъ нѣтъ, но какое мы чувствовали бы, какъ удовольствіе. Второе же возраженіе правильно указываетъ, что *далеко не всѣ наши произвольныя движенія имѣютъ своею цѣлью удовольствіе*. Напр.: часто мы ѣдимъ вовсе не ради удовольствія, доставляемаго ѣдой, а просто потому, что мы хотимъ ѣсть. Иногда даже мы ѣдимъ не только безъ удовольствія, но съ большимъ неудовольствіемъ, съ отвращеніемъ, именно—если у насъ нѣтъ никакой другой пищи, кромѣ отвратительной. *Но все это доказываетъ только одно: сущностью хотѣнія служитъ вовсе не то, что́ ею считаетъ гедоническая теорія, вовсе не представленіе удовольствія, а что-то другое*. Что́ же именно, это надо выяснить путемъ самонаблюденія надъ составомъ хотѣній. И, какъ мы уже видѣли, сущностью хотѣнія ѣсть служитъ одно изъ непріятныхъ чувствъ: мы потому ѣдимъ, что мы переживаемъ непріятное чувство, устраняемое ѣдой, т.-е. потому, что мы голодны, а вовсе не потому, чтобы появлялся въ нашемъ сознаніи такой элементъ душевной жизни, который отличался бы отъ всѣхъ чувствъ, мыслей и ощущеній. Въ виду же столь распространеннаго ошибочнаго мнѣнія, будто бы отрицаніе существованія такого элемента непремѣнно составитъ гедоническую теорію волевыхъ явленій, и необходимо тщательно отличать отъ нея патематическую теорію.

Но почему мы отвергаемъ на ряду съ волюнтарной также и гедоническую теорію? По двумъ причинамъ. Во-первыхъ, *гедоническая теорія совершенно безпомощна передъ двумя только-что указанными возраженіями*. Во-вторыхъ, *для нея крайне трудно, врядъ ли даже возможно объяснить, какъ вырабатываются произвольныя движенія*. Несомнѣнно, что такія движенія существуютъ у насъ не съ первыхъ дней нашей жизни, но постепенно вырабатываются подъ вліяніемъ пережитаго опыта. Вѣдь *такія движенія предполагаютъ, съ одной стороны, знаніе предмета хотѣнія, а съ другой—знаніе, какими они должны быть для достиженія этого предмета. Но и то, и другое знаніе можетъ быть пріобрѣтено нами только подъ вліяніемъ пережитаго опыта;* и, спрашивается, какъ же гедоническая теорія объяснитъ происхожденіе произвольныхъ движеній? *Произвольныя движенія, конечно, могутъ вырабатываться, по крайней мѣрѣ—въ самомъ началѣ жизни, только изъ непроизвольныхъ движеній, именно: изъ импульсивныхъ и инстинктивныхъ*. Допустимъ же, что новорожденный ребенокъ, инстинктивно проглотивъ молоко матери, уже чувствуетъ удовольствіе? Но что́ заставитъ его узнать, какими движеніями достигается это удовольствіе. Гедонической теоріи крайне трудно, даже врядъ ли возможно дать удовлетворительный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Вѣдь когда наступитъ означенное

удовольствіе, то тѣ непроизвольныя движенія, которыя привели къ нему, уже совершились; слѣд., нѣтъ причинъ, чтобы означенное удовольствіе вступило въ ассоціацію съ представленіемъ этихъ движеній, какъ средства для достиженія молока. Точно также трудно гедонической теоріи удовлетворительно отвѣтить и на вопросъ: какимъ образомъ импульсивное потягиваніе съ теченіемъ времени превратится въ произвольное? Для нея отвѣтъ на такой вопросъ тѣмъ затруднительнѣе, что дѣйствіе потягиванія ограничивается только устраненіемъ непріятнаго чувства, а не причиняетъ никакого положительнаго удовольствія.

Съ патематической же точки зрѣнія на волевыя явленія превращеніе импульсивныхъ и инстинктивныхъ движеній въ произвольныя объясняется въ высшей степени просто. Напр.: инстинктивныя сосательныя движенія производятся ребенкомъ *одновременно* съ испытываемымъ имъ чувствомъ голода, а не раньше его наступленія. Поэтому послѣ многократнаго повторенія такихъ движеній чувство голода вступитъ въ прочную ассоціацію съ представленіемъ или знаніемъ этихъ движеній. Въ составъ же послѣднихъ входитъ, между прочимъ, проглатываніе *молока*, что̀ приводитъ къ уменьшенію и даже полному устраненію чувства голода. Поэтому чувство голода вступаетъ въ ассоціацію также и съ мыслью о молокѣ, какъ о предметѣ, устраняющемъ это чувство. И когда прочно установятся всѣ эти ассоціаціи, то инстинктивныя движенія ребенка превратятся въ произвольныя, пот. что предъ ихъ наступленіемъ у него будетъ появляться полный составъ хотѣнія пить молоко, именно—чувство голода, соединенное съ мыслью о молокѣ, какъ о предметѣ, устраняющемъ это чувство,—при чемъ это хотѣніе будетъ сопровождаться знаніемъ или мыслью о тѣхъ движеніяхъ, съ помощью которыхъ удовлетворяется хотѣніе. Почти такъ же объясняется и превращеніе импульсивныхъ потягивающихъ движеній въ произвольныя: эти движенія совершаются *одновременно* съ переживаніемъ вызывающаго ихъ непріятнаго чувства. Поэтому послѣднее рано или поздно можетъ вступить въ ассоціацію съ знаніемъ или мыслью, какъ о томъ, каковы эти движенія, такъ и о томъ, что они приводятъ къ устраненію вызывающаго ихъ чувства. И если установятся такія ассоціаціи, то означенныя движенія могутъ превратиться въ произвольныя.

Замѣтимъ кстати, что *превращеніе непроизвольныхъ движеній въ произвольныя составляетъ крайне трудную задачу и для волюнтарной теоріи. Послѣдняя не въ состояніи указать тѣ причины, по которымъ вслѣдствіе многократнаго повторенія непроизвольныхъ движеній къ нимъ присоединится специфическій волевой элементъ.* А безъ такого присоединенія они, конечно, не могутъ, съ точки зрѣнія волюнтарной теоріи, называться *волевыми* явленіями.

Отъ этого затрудненія защитники волюнтарной теоріи *иногда спасаются тѣмъ, что непроизвольныя движенія тоже причисляютъ къ волевымъ явленіямъ, говоря, что такія движенія тоже вызываются хотѣніями, только безсознательными, при чемъ, однако, въ этихъ хотѣніяхъ*

уже есть специфическій волевой элементъ; а послѣ неоднократнаго совершенія непроизвольныхъ движеній эти хотѣнія вмѣстѣ съ ихъ специфическимъ волевымъ элементомъ становятся сознательными, и движенія, возбуждаемыя ими, уже дѣлаются произвольными.

Но при этомъ мы встрѣчаемся съ прежней же загадкой, только въ измѣненномъ видѣ. Прежде мы не могли указать причинъ, по которымъ многократное повтореніе непроизвольнаго движенія заставитъ къ нему присоединиться специфическій волевой элементъ и превратитъ его такимъ путемъ въ волевое явленіе; а теперь *мы не въ состояніи указать, почему многократное повтореніе безсознательнаго хотѣнія заставитъ его превратиться въ сознательное.*

Да и что́ такое *безсознательное* хотѣніе? Вѣдь хотѣніе, какъ и всякое душевное переживаніе, есть состояніе сознанія, такъ что безсознательное хотѣніе есть *безсознательное* состояніе *сознанія*. Называть душевныя переживанія безсознательными позволительно только въ томъ случаѣ, когда подъ словомъ „безсознательный“ подразумѣваютъ не „лишенный сознательности“, а что-нибудь другое (а надо имѣть въ виду, что это слово имѣетъ нѣсколько значеній). Но не такъ стоитъ дѣло, когда непроизвольныя движенія объясняютъ безсознательными хотѣніями; *здѣсь подъ безсознательнымъ подразумѣваютъ „лишенное сознательности“.*

28. Волевыя явленія: простой и сложный внѣшній волевой актъ; чувство усилія; мотивы; творческое „fiat“ или „да будетъ“.

Въ предшествующей главѣ мы разсматривали только составъ желаній или хотѣній, и въ нихъ нѣтъ никакого специфическаго волевого элемента. Обратимся теперь, какъ это было рѣшено на стр. 283, къ разсмотрѣнію *всѣхъ* душевныхъ переживаній, какія бываютъ при произвольныхъ движеніяхъ. Эти переживанія часто не ограничиваются одними лишь хотѣніями; такъ нѣтъ ли въ нихъ на-ряду съ хотѣніями специфическаго волевого элемента въ какомъ-нибудь другомъ видѣ, чѣмъ хотѣнія?

Всякое произвольное движеніе, взятое въ связи съ тѣмъ душевнымъ переживаніемъ, которое бываетъ при его возникновеніи, принято въ психологіи называть внѣшнимъ волевымъ актомъ. Однако, употребляя это выраженіе, не слѣдуетъ подразумѣвать подъ нимъ непремѣнно *душевный* актъ; ибо въ составъ внѣшняго волевого акта входитъ также и *движеніе*.

Внѣшніе волевые акты раздѣляются на простые и сложные. Разница между ними слѣдующая: *въ простомъ волевомъ актѣ желаніе вызываетъ движеніе безъ всякаго противодѣйствія со стороны другихъ желаній; въ сложномъ же волевомъ актѣ желаніе борется съ другими противодѣйствующими желаніями и вызываетъ движеніе только въ томъ случаѣ, если побѣдитъ ихъ.* Такимъ образомъ, разница между простымъ и сложнымъ волевымъ актомъ состоитъ вовсе не въ большей сложности движенія,

но въ большей сложности душевнаго переживанія, именно: въ сложномъ волевомъ актѣ бываетъ борьба желаній, а въ простомъ ея нѣтъ. Движеніе же можетъ быть и въ томъ, и въ другомъ случаѣ тѣмъ же самымъ, будетъ ли оно простымъ или сложнымъ, это все равно.

Разсмотримъ сперва составъ тѣхъ душевныхъ переживаній, которыя бываютъ при простыхъ волевыхъ актахъ.

Если наблюдать душевное переживаніе при такомъ простомъ волевомъ актѣ, въ составъ котораго входятъ одни лишь привычныя движенія, то мы не замѣтимъ въ немъ ничего другого, кромѣ желанія, вызывающаго эти движенія, и ощущенія этихъ движеній, слѣд., никакого специфическаго волевого элемента. Напр.: когда я сейчасъ сижу за столомъ и хочу исправить какую-либо опечатку въ книгѣ, которую я сейчасъ читаю, а мое желаніе не встрѣчаетъ никакихъ препятствій со стороны другихъ желаній, то какъ только возникнетъ означенное желаніе, я привычными движеніями беру карандашъ и дѣлаю желаемую поправку. Въ этомъ примѣрѣ я имѣю дѣло, конечно, съ простымъ волевымъ актомъ. И что же? Наблюдая его, я не замѣчаю въ себѣ ничего другого, кромѣ желанія сдѣлать поправку въ книгѣ и тѣхъ моторныхъ ощущеній, съ помощью которыхъ я чувствую привычныя движенія, вызванныя этимъ желаніемъ. Другой примѣръ: пусть мнѣ хочется пить, а въ другихъ желаніяхъ нѣтъ препятствій для осуществленія этого хотѣнія, напр., пусть для этого мнѣ не надо покидать той комнаты, въ которой я нахожусь и въ которой мнѣ хочется почему-нибудь оставаться; пусть я также не опасаюсь помѣшать кому-нибудь своими движеніями и т. п. Слѣд., когда я пью при такихъ условіяхъ, то совершаю простой волевой актъ. И вотъ, при немъ я тоже не замѣчаю въ себѣ ровно ничего другого, кромѣ желанія пить и тѣхъ моторныхъ ощущеній, съ помощью которыхъ я чувствую привычныя движенія, вызванныя во мнѣ этимъ желаніемъ.

Нѣсколько иначе стоитъ дѣло, если въ составъ наблюдаемаго простого волевого акта входятъ непривычныя движенія. Однако, и здѣсь не замѣчается никакого специфическаго волевого элемента. Здѣсь мы замѣчаемъ, между прочимъ, тѣ же переживанія, какъ и при томъ простомъ волевомъ актѣ, въ составъ котораго входятъ одни лишь привычныя движенія, съ той лишь особенностью, что моторныя ощущенія, съ помощью которыхъ мы сознаемъ непривычныя движенія, достигаютъ значительной силы, чувствуются даже, какъ *мускульное усиліе*, направленное къ осуществленію этихъ движеній. *Но къ этимъ переживаніямъ присоединяется еще мысль о томъ, какими должны быть совершаемыя нами непривычныя движенія, при чемъ мы руководствуемся этою мыслью при совершеніи означенныхъ движеній.* Въ чемъ именно состоитъ эта мысль, въ образѣ ли движеній или въ описывающемъ ихъ комплексѣ сужденій, это для насъ не важно. Но она должна непремѣнно присутствовать въ сознаніи во всѣхъ разсматриваемыхъ случаяхъ. Вѣдь *безъ этой мысли мы не могли бы направлять совершаемыя нами движенія къ достиженію желае-*

мало предмета, а какъ непривычныя для насъ они не могутъ направляться къ нему сами собой. Напр., пока мы еще не привыкли писать буквы изучаемаго нами языка, а только еще пріучаемся къ этому, то душевное переживаніе, происходящее при писаніи, состоитъ: во-первыхъ, изъ желанія написать данную букву; во-вторыхъ, изъ мысли о томъ, какими должны быть движенія, необходимыя для ея написанія, при чемъ она руководитъ насъ въ совершеніи этихъ движеній; и, въ-третьихъ, изъ ощущеній, съ помощью которыхъ мы чувствуемъ, совершаются ли нами тѣ самыя движенія, какія мы хотимъ сдѣлать, или же ошибочныя. При этомъ означенныя ощущенія достигаютъ значительно большей силы, чѣмъ при привычныхъ движеніяхъ, даже чувствуются, какъ утомляющее насъ *мускульное усиліе.* Такъ же точно стоитъ дѣло, если мы станемъ разсматривать любой другой простой волевой актъ, въ составъ котораго входили бы непривычныя движенія; напр., употребленіе какого-либо новаго аппарата, инструмента и т. п. И здѣсь мы замѣчаемъ такой же составъ душевнаго переживанія, какъ въ первомъ примѣрѣ.

По мѣрѣ же того, какъ непривычныя движенія, входящія въ составъ простого волевого акта, становятся, вслѣдствіе ихъ многократнаго повторенія, все болѣе и болѣе привычными, моторныя ощущенія, съ помощью которыхъ чувствуются эти движенія, становятся все слабѣе и слабѣе. Мысль же о томъ, какими должны быть эти движенія, постепенно отпадаетъ, такъ что душевное переживаніе, происходящее при этомъ актѣ, въ концѣ концовъ ограничивается однимъ лишь желаніемъ да тѣми слабыми моторными ощущеніями, съ помощью которыхъ чувствуются привычныя движенія. Напр.: когда мы уже вполнѣ привыкли писать буквы какого-либо языка, то при простомъ волевомъ актѣ, осуществляющемъ написаніе этихъ буквъ, уже не замѣчается ничего другого, кромѣ желанія написать данную букву и тѣхъ слабыхъ моторныхъ ощущеній, съ помощью которыхъ чувствуются привычныя движенія, исполняющія это желаніе. По мѣрѣ же того, какъ мы *привыкали* писать эти буквы, мысль о томъ, какими должны быть движенія, необходимыя для ихъ написанія, хотя и появлялась въ сознаніи, но все рѣже и рѣже; а моторныя ощущенія, съ помощью которыхъ чувствуются эти движенія, дѣлались все слабѣе и слабѣе.

Какъ видимъ, *въ тѣхъ душевныхъ переживаніяхъ, которыя бываютъ при простыхъ волевыхъ актахъ, нигдѣ нѣтъ специфическаго волевого элемента, а все дѣло ограничивается только своеобразнымъ сочетаніемъ чувствъ, мыслей и ощущеній.* Слѣд., приходится искать этотъ элементъ въ тѣхъ переживаніяхъ, которыя бываютъ при сложныхъ волевыхъ актахъ. И не рѣдко защитники существованія этого элемента здѣсь-то его и указываютъ. Поэтому познакомимся нѣсколько ближе съ составомъ сложныхъ волевыхъ актовъ.

Въ сложномъ волевомъ актѣ приходится различать три момента: 1 — борьбу желаній или обсужденіе, какъ намъ поступить въ виду ихъ

борьбы, 2—рѣшеніе или выборъ и 3—исполненіе рѣшенія. Для подтвержденія нашихъ словъ разсмотримъ слѣдующій примѣръ. Мнѣ предлагаютъ купить билетъ на интересный спектакль, а у меня денегъ лишь столько, что, истратившись на билетъ, я долженъ буду дня два-три сидѣть впроголодь, именно—не обѣдать, да еще лишиться веселой застольной бесѣды съ своими сосѣдями по столовкѣ, потому что придется питаться дома усиленными порціями хлѣба за чаемъ и т. п. Тогда естественно у меня сперва начнется *борьба желаній, т.-е. обсужденіе*, какъ мнѣ поступить. Это обсужденіе можетъ быть болѣе или менѣе продолжительнымъ, но непремѣнно должно быть, чтобы мой волевой актъ назывался сложнымъ: вѣдь гдѣ нѣтъ борьбы желаній, тамъ не можетъ быть рѣчи о сложномъ волевомъ актѣ (см. стр. 287). Обсужденіе же, конечно, приведетъ рано или поздно къ какому-либо *рѣшенію, т.-е. къ побѣдѣ одного изъ борющихся желаній.* Но рѣшеніемъ сложный волевой актъ еще не заканчивается: нужно еще рѣшеніе привести въ *исполненіе.* Между рѣшеніемъ и исполненіемъ есть существенное различіе; это—два безспорно различныхъ момента. Напр.: когда мы утромъ просыпаемся и видимъ, что уже восемь часовъ, то мы часто *рѣшаемъ* вставать, но всякій по горькому опыту знаетъ, что за этимъ должно еще *наступить* исполненіе рѣшенія, при чемъ иногда оно откладывается, хотя рѣшеніе уже принято. Дѣло иной разъ заканчивается даже тѣмъ, что мы, вопреки своему рѣшенію, снова засыпаемъ. Если рѣшеніе еще не приведено въ исполненіе, то такое состояніе называется намѣреніемъ. Такимъ образомъ, *обсужденіе или борьба желаній всегда заканчивается либо исполненіемъ, либо намѣреніемъ. Внѣшній же сложный волевой актъ, конечно, будетъ передъ нами только въ первомъ случаѣ*, такъ что мы должны теперь разсмотрѣть и процессъ обсужденія вмѣстѣ съ возникновеніемъ рѣшенія, и процессъ исполненія рѣшенія.

При самонаблюденіи же оказывается, что *процессъ борьбы желаній, иначе—обсужденія, состоитъ въ слѣдующемъ: мы стараемся, какъ можно живѣе, представить себѣ всѣ слѣдствія осуществленія каждаго борющагося желанія, для чего сосредоточиваемъ вниманіе на этихъ слѣдствіяхъ, а черезъ это заставляемъ каждое изъ борющихся желаній выступить въ сознаніи съ возможно большею силой того непріятнаго чувства, которое образуетъ это желаніе; и какое изъ желаній окажется сильнѣе, т.-е. мучительнѣе по образующему его непріятному чувству, то и беретъ верхъ надъ другими. При этомъ, конечно, желанія, приводящія къ одному и тому же дѣйствію или движенію, помогаютъ другъ другу*, хотя противодѣйствующее имъ желаніе можетъ иной разъ быть настолько сильнымъ, т.-е. настолько мучительнымъ по образующему его непріятному чувству, что оно возьметъ верхъ надъ *всѣми* желаніями, помогающими другъ другу. Далѣе: *если немедленное исполненіе побѣдившаго желанія не встрѣчаетъ никакого внѣшняго препятствія и вмѣстѣ съ тѣмъ не грозитъ возникновеніемъ непріятностей, превышающихъ ту, которая присуща чувству, образующему побѣдившее желаніе, то оно тотчасъ же исполняется. Въ про-*

тивномъ же случаѣ оно останется у насъ въ видѣ напряженія. Вотъ и весь процессъ обсужденія. Такъ, въ нашемъ примѣрѣ онъ состоитъ въ томъ, что мы стараемся какъ можно живѣе представить себѣ, съ одной стороны, слѣдствія, которыя наступятъ, если я истрачусь на предлагаемый мнѣ билетъ, а съ другой стороны, слѣдствія, если я откажусь отъ его покупки. Съ этой цѣлью я сосредоточиваю вниманіе то на тѣхъ, то на другихъ представленіяхъ; вслѣдствіе же усиленія ихъ живости, чрезъ сосредоточеніе вниманія на нихъ, они съ особой ясностью заставляютъ меня почувствовать непріятныя стороны и того, и другого поступка. При этомъ покупка билета грозитъ мнѣ двоякой непріятностью: и проголодью, и скукой, которую я испытаю вслѣдствіе непосѣщенія моей привычной столовки, такъ что здѣсь два желанія помогаютъ другъ другу въ борьбѣ противъ желанія купить билетъ. Рѣшеніе же будетъ зависѣть отъ того, что я въ данное время почувствую, какъ бо́льшую непріятность: лишеніе ли спектакля или лишеніе достаточной пищи и застольной бесѣды.

Изъ разсмотрѣнія процесса обсужденія и возникновенія рѣшенія ясно, что если здѣсь и можетъ встрѣтиться специфическій волевой элементъ, то только въ сосредоточеніи вниманія на представленіи слѣдствій того или другого поступка. Но явленія вниманія мы будемъ разсматривать особо, какъ относящіяся къ внутреннимъ волевымъ явленіямъ. Слѣд., въ *внѣшнемъ* сложномъ волевомъ актѣ или нигдѣ нѣтъ означеннаго элемента, или же его надо искать не въ обсужденіи съ рѣшеніемъ, а въ исполненіи этого акта. И нѣкоторые изъ защитниковъ волюнтарной теоріи утверждаютъ, что онъ дѣйствительно появляется въ сознаніи во время исполненія рѣшенія, именно: *специфическимъ волевымъ элементомъ иногда считаютъ то чувство усилія, которое часто подмѣчается при исполненіи рѣшенія.* Такъ, если во мнѣ борются противоположныя желанія купить предлагаемый мнѣ билетъ на спектакль и сберечь деньги на обѣды, то при исполненіи принятаго мною рѣшенія часто подмѣчается чувство нѣкотораго усилія.

Но можно ли считать его специфическимъ волевымъ элементомъ, т.-е. элементомъ, отличающимися отъ всѣхъ чувствъ, мыслей и ощущеній? Станемъ хорошенько *наблюдать*, въ чемъ состоитъ это чувство. Разумѣется, чтобы легче подмѣтить его составъ, слѣдуетъ его наблюдать въ тѣхъ случаяхъ, когда оно бываетъ болѣе сильнымъ, пот. что тогда яснѣе выступитъ на видъ его природа.

Чувство усилія тѣмъ замѣтнѣе, чѣмъ сильнѣе тѣ желанія, которыя противодѣйствуютъ исполняемому рѣшенію. Если же исполняемое желаніе не встрѣчаетъ ровно никакого противодѣйствія со стороны другихъ желаній, какъ это бываетъ *при простыхъ волевыхъ актахъ, то мы чаще всего вовсе не замѣчаемъ чувства усилія* при осуществленіи своихъ желаній. Такъ, по крайней мѣрѣ, дѣло стоитъ въ тѣхъ случаяхъ, когда въ составъ наблюдаемаго нами простого волевого акта входятъ одни лишь привычныя движенія; ибо *если въ простомъ волевомъ актѣ участвуютъ непривычныя движенія, то тоже замѣчается нѣкоторое чувство усилія*

(сравн. выше, стр. 288). Напр., если мы станемъ писать, ставя слова и буквы одну послѣ другой не слѣва направо, какъ это мы привыкли дѣлать, а справа налѣво, то, хотя у насъ не будетъ никакого противодѣйствія со стороны другихъ желаній, мы, все-таки, подмѣтимъ въ себѣ нѣкоторое чувство усилія.

Возьмемъ же слѣдующій примѣръ исполненія рѣшенія, встрѣчающаго очень сильное противодѣйствіе со стороны другихъ желаній. Когда утромъ еще очень сильно хочется спать, а мы все-таки рѣшимъ, что надо вставать, то при исполненіи этого рѣшенія мы ясно подмѣчаемъ въ себѣ чувство усилія. Но тутъ-то и становится особенно замѣтнымъ, что это *чувство усилія состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ только въ моторныхъ ощущеніяхъ, сопровождающихъ собою тѣ движенія, которыя составляютъ исполненіе принятаго рѣшенія.* Слѣд., это чувство никоимъ образомъ не составляетъ отыскиваемаго нами специфическаго волевого элемента.

И такое показаніе самонаблюденія подтверждается еще тѣмъ, что *если чувство усилія дѣйствительно состоитъ изъ моторныхъ ощущеній, то легко объяснить: почему оно бываетъ сильнѣе при исполненіи такихъ рѣшеній, которыя встрѣчаютъ болѣе сильное противодѣйствіе со стороны другихъ желаній; почему оно вовсе не замѣтно при такихъ простыхъ волевыхъ актахъ, въ составъ которыхъ входятъ одни лишь привычныя движенія; и почему, наконецъ, оно снова становится замѣтнымъ, когда въ составъ простого волевого акта входятъ непривычныя движенія.* Дѣйствительно:

Если мы имѣемъ дѣло съ сложнымъ волевымъ актомъ, то всякое желаніе, противодѣйствующее исполненію принятаго рѣшенія, сопровождается начинающимся сокращеніемъ или напряженіемъ такихъ мускуловъ, которые осуществили бы это желаніе, и при исполненіи рѣшенія приходится *преодолѣть* эти мускульныя сокращенія. Такъ, въ нашемъ примѣрѣ: когда намъ сильно хочется спать, то вѣки глазъ сами собой смыкаются, т.-е. сами собой происходятъ соотвѣтственныя мускульныя сокращенія; голова клонится къ подушкѣ; все тѣло направляется къ лежанію и т. д. Происходитъ же все это отъ того, что, какъ мы видѣли на стр. 283, всякое задержанное желаніе, слѣд.,—и всякое желаніе, противодѣйствующее исполненію принятаго рѣшенія (ибо такое желаніе остается задержаннымъ), сопровождается напряженіемъ тѣхъ мускуловъ, которые осуществили бы движеніе, вызываемое этимъ желаніемъ. И, разумѣется, эти мускульныя напряженія тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сильнѣе задержанныя желанія; поэтому для ихъ преодолѣнія нужно нѣкоторое усиліе мускуловъ, производящихъ тѣ движенія, которыя исполняютъ принятыя рѣшенія, и тѣмъ бо́льшія усилія, чѣмъ сильнѣе противодѣйствующія желанія. Оттого-то при сложномъ волевомъ актѣ должно всегда чувствоваться мускульное усиліе, т.-е. моторныя ощущенія, и тѣмъ въ большей степени, чѣмъ сильнѣе желанія, противодѣйствующія исполненію рѣшенія.

Если же мы имѣемъ дѣло съ такимъ простымъ волевымъ актомъ, въ

составъ котораго входятъ одни лишь привычныя движенія, то мускуламъ, производящимъ эти движенія, не приходится преодолѣвать сокращенія другихъ мускуловъ, пот. что здѣсь нѣтъ никакихъ причинъ для сокращенія этихъ другихъ мускуловъ. Здѣсь мускулы, производящіе желаемыя движенія, осуществляютъ его вполнѣ свободно; и поэтому здѣсь вовсе не замѣтно никакого чувства усилія.

Но иначе стоитъ дѣло, если въ составъ простого волевого акта входятъ непривычныя движенія: тогда мускуламъ, осуществляющимъ эти движенія, приходится *преодолѣвать* тѣ мускульныя сокращенія, которыя *сами собой* возникаютъ вслѣдствіе нашей привычки исполнять при этихъ условіяхъ другія движенія. И преодолѣвать ихъ приходится съ тѣмъ большимъ усиліемъ, чѣмъ непривычнѣе тѣ движенія, которыя входятъ въ составъ нашего простого волевого акта. Поэтому здѣсь тоже должно переживаться чувство мускульнаго усилія, т.-е. моторныя ощущенія; и оно должно быть тѣмъ сильнѣе, чѣмъ непривычнѣе наши движенія. Напр.: если мы станемъ писать, располагая слова и буквы справа налѣво, то мускуламъ, производящимъ соотвѣтственныя движенія, приходится преодолѣвать тѣ невольныя сокращенія, которыя мы привыкли совершать при писаніи этихъ самыхъ словъ слѣва направо. Такъ, во время писанія слова ЯСНОСТЬ, написавъ букву Я, мы привыкли писать *справа* отъ нея букву С; и наша рука сама собой *начинаетъ* писать послѣднюю справа отъ первой тотчасъ же, какъ только закончитъ писаніе первой буквы. Теперь же мы должны *преодолѣть* эти привычныя движенія; а тѣ мускульныя сокращенія, которыя требуются для этого преодолѣнія, конечно, должны замѣчаться нами, какъ чувство мускульнаго усилія, т.-е. какъ моторныя ощущенія. И еще замѣтнѣе будутъ эти мускульныя сокращенія и это чувство, если мы станемъ писать, располагая буквы не только въ обратномъ порядкѣ, но даже въ обратномъ положеніи, напр., такъ, чтобы буква Я приняла форму R. Вѣдь при такомъ условіи наши движенія сдѣлаются еще непривычнѣе для насъ, такъ что для преодолѣнія привычныхъ мускульныхъ сокращеній понадобится еще большее напряженіе мускуловъ, производящихъ эти непривычныя движенія.

Какъ видимъ, всѣ перемѣны въ степени чувства усилія дѣйствительно легко объясняются, если оно состоитъ изъ моторныхъ ощущеній. Но ихъ не чѣмъ объяснить, если это чувство образуетъ какой-то специфическій волевой элементъ, *присоединяющійся къ рѣшенію въ моментъ его исполненія*. Болѣе того: при такомъ условіи чувство усилія должно бы наблюдаться только въ сложномъ волевомъ актѣ, а отнюдь не въ простыхъ, какъ бы ни были непривычны тѣ движенія, которыя входятъ въ составъ простыхъ волевыхъ актовъ. Однако, оно наблюдается, хотя не всегда, и здѣсь, а это уже явно противорѣчитъ разсматриваемой гипотезѣ.

Къ всему сказанному о сложныхъ волевыхъ актахъ прибавимъ еще одно замѣчаніе, именно — по поводу процесса обсужденія. Психологи обыкновенно называютъ его не борьбой желаній, а *борьбой мотивовъ* и при его описаніи постоянно пользуются *терминомъ „мотивъ“*, который *заимствованъ ими*

изъ обыденной жизни. Но, какъ мы видѣли сейчасъ, вполнѣ возможно описать означенный процессъ и безъ всякой помощи со стороны этого иностраннаго слова, которое вдобавокъ употребляется психологами въ разнообразныхъ значеніяхъ и сдѣлалось по этому крайне сбивчивымъ.

Однако, небезполезно ознакомиться съ нимъ чтобы правильно пользоваться психологической литературой. И необходимо запомнить, что, *встрѣтивъ въ психологическомъ сочиненіи слово „мотивъ", обязательно точно выяснить, въ какомъ именно смыслѣ употребляетъ авторъ это слово, дабы не подсовывать подъ него какихъ-либо другихъ значеній, чѣмъ нужно автору, и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо тщательно слѣдить, не сбивается ли онъ между разнообразными значеніями этого слова.* А какъ велико разнообразіе его значеній, видно хотя бы изъ слѣдующихъ примѣровъ.

Бенъ опредѣляетъ мотивы какъ представленія *будущихъ удовольствій.* Гефдингъ же говоритъ, что мотивами бываютъ только тѣ чувства, которыя возбуждаются *теперь* предметомъ, служащимъ цѣлью дѣйствія, но не чувства, вызываемыя представленіемъ, что мы, достигнувъ цѣли, *будемъ* чувствовать удовольствіе. Г. И. Челпановъ называетъ мотивомъ представленіе окончательной цѣли дѣйствія, подразумѣвая подъ цѣлью только производимую нашимъ дѣйствіемъ перемѣну въ *внѣшнемъ* мірѣ, но не будущія чувства; послѣднія же онъ называетъ *побужденіями.* Напр.: у мальчика, обсуждающаго, не пойти ли ему вмѣсто класса поиграть въ полѣ, и принимающаго послѣднее рѣшеніе, мотивомъ служитъ представленіе игры въ полѣ, а побужденіемъ то удовольствіе, которое *доставитъ* ему эта игра. Въ то время, какъ Г. И. Челпановъ *отличаетъ* мотивы отъ побужденій, какъ что-то другое, чѣмъ побужденія, Вундтъ называетъ мотивомъ *соединеніе* представленія внѣшняго предмета съ побужденіемъ, подразумѣвая подъ послѣднимъ уже существующее чувство. Въ мотивѣ, говоритъ Вундтъ, надо различать двѣ части, изъ которыхъ одна состоитъ изъ представленій и можетъ быть названа *основаніемъ*, а другая изъ чувства и можетъ быть названа *побужденіемъ.* Но изъ какихъ же представленій и изъ какихъ чувствъ состоятъ эти двѣ части? Лучше всего отвѣтить на это разсмотрѣніемъ поясни тельныхъ примѣровъ, приводимыхъ самимъ Вундтомъ, при чемъ для ихъ правильнаго пониманія надо имѣть въ виду, что Вундтъ воспріятія считаетъ частнымъ случаемъ представленій. „Когда хищный звѣрь, говоритъ Вундтъ, нападаетъ на добычу, то основаніемъ является зрительное представленіе добычи, побужденіемъ же чувство неудовольствія, обусловленное голодомъ или ненавистью къ данному виду животныхъ. Основаніемъ преступнаго убійства могутъ быть присвоеніе чужого имущества, устраненіе врага и т. п., побужденіями же чувство нужды, ненависти, мести, зависти и т. п.". Такимъ образомъ, у Вундта подъ представленіями, которыя служатъ въ мотивѣ основаніемъ, подразумѣвается либо воспріятіе предмета, надъ которымъ продѣлываются произвольныя движенія (напр., зрительное воспріятіе добычи), либо представленіе внѣшнихъ перемѣнъ, образующихъ цѣль дѣйствія (напр., присвоеніе чужого имущества, устраненіе врага и т. п.). Что же касается

побужденій, то у Вундта ими называются отнюдь не будущія чувства, какъ у Г. И. Челпанова, но существующія уже теперь.

Этихъ примѣровъ достаточно не только для подтвержденія разнообразія значеній, въ которыхъ психологи употребляютъ слово „мотивъ", но и для подтвержденія того, что при описаніи процесса обсужденія безопаснѣй обходиться безъ помощи этого сбивчиваго слова.

Въ заключеніе упомянемъ, что *нѣкоторые защитники волюнтарной теоріи утверждаютъ*, будто бы душевныя переживанія, происходящія при внѣшнихъ волевыхъ актахъ, не ограничиваются только тѣми составными частями, которыя были указаны нами, и *будто бы при каждомъ внѣшнемъ волевомъ актѣ появляется еще одно душевное переживаніе.* Хотѣніе, говорятъ эти защитники, *изъ чего бы оно ни состояло*, еще не въ силахъ вызвать никакого движенія до тѣхъ поръ, пока не присоединится къ нему особое душевное переживаніе, *которое сводится къ тому, что сознаніе какъ бы говоритъ по поводу желаемаго движенія „fiat", т.-е. „да будетъ"*. И для пущей важности это „fiat" или „да будетъ" нерѣдко величаютъ *„творческимъ fiat"*, такъ какъ оно-то-де и *творитъ* новое явленіе, состоящее въ движеніи: въ хотѣніи же содержится одинъ лишь замыселъ движенія, но еще нѣтъ творческой силы для его осуществленія. Вотъ это-то „fiat" или „да будетъ", появляющееся въ нашемъ сознаніи при каждомъ внѣшнемъ волевомъ актѣ, и составляетъ-де специфическій волевой элементъ; послѣдній состоитъ вовсе не въ хотѣніи, гдѣ его усматриваетъ большая публика, и не въ чувствѣ усилія, какъ это думаютъ другіе волюнтаристы, но только въ означенномъ „fiat".

Но провѣримъ: сознается ли нами при волевыхъ актахъ *хоть что-нибудь похожее* на переживаніе, обозначаемое выраженіемъ „fiat" или „да будетъ". Оказывается, что если имѣть въ виду *простые* волевые акты, то при нихъ не переживается ничего похожаго на „fiat". Для возникновенія движенія при простомъ волевомъ актѣ, не требуется ничего другого, кромѣ хотѣнія да иногда еще мысли о томъ, какимъ должно быть это движеніе. (Сравн. выше, на стр. 288, разсмотрѣніе состава простыхъ волевыхъ актовъ). Что-то похожее на „fiat" появляется въ сознаніи только при сложномъ волевомъ актѣ, именно въ видѣ рѣшенія. Возникновеніе окончательнаго рѣшенія, дѣйствительно, похоже (но только похоже) на то, какъ если бы мы сказали сами себѣ по поводу одного изъ борющихся желаній: *„да будетъ* оно осуществлено". Но мы видѣли (на стр. 290), въ чемъ состоитъ возникновеніе рѣшенія. Конечно, не въ своеобразномъ соединеніи чувствъ, мыслей и ощущеній, но и *не въ самостоятельномъ* элементѣ душевной жизни, а въ *прекращеніи* борьбы желаній, въ такомъ *усиленіи* одного изъ борющихся желаній, что оно побѣждаетъ другія. Такимъ образомъ, ошибочно думать, будто бы „fiat" появляется при *каждомъ* волевомъ актѣ, равно какъ ошибочно думать, будто бы тамъ, гдѣ мы дѣйствительно встрѣчаемся съ *„чѣмъ-то похожимъ"* на „fiat", это „что-то похожее на него" образуетъ *самостоятельный* элементъ душевной жизни.

Да и напрасно представители этого мнѣнія считаютъ хотѣніе, „*изъ чего бы оно ни состояло*“, безсильнымъ вызвать движеніе, пока не появится какое-то „fiat“. *Инстинктивныя и импульсивныя движенія служатъ наглядньмъ доказательствомъ, что непріятныя чувства способны вызывать движенія* (сравн. стр. 276 и слѣд.) *безъ всякой помощи со стороны „fiat“*; ибо появленіе послѣдняго должно служить отличительной чертой произвольныхъ движеній. (Поэтому если „fiat“ величаютъ „творческимъ“ за то, что оно вызываетъ движеніе, то и непріятныя чувства тоже надо величать „творческими чувствами“). *Слѣд., если главной частью хотѣнія служатъ непріятныя чувства*, какъ объ этомъ учитъ патематическая теорія, *то уже по одному этому хотѣнія должны быть способны вызывать движенія. А эта способность должна значительно усилиться въ хотѣніяхъ оттого, что въ ихъ составъ, кромѣ непріятнаго чувства, входитъ еще мысль о предметѣ хотѣнія, т.-е. о предметѣ, устраняющемъ это чувство* (сравн. выше, стр. 281). Эта мысль, какъ мы убѣдились при разсмотрѣніи простого волевого акта, ассоціирована либо съ представленіемъ того движенія, которое *нужно* производить для достиженія означеннаго предмета, либо прямо съ тѣмъ *уже привычнымъ* движеніемъ, какимъ достигается этотъ предметъ. (Сравн. выше, стр. 288 и 289). И въ томъ и въ другомъ случаѣ мысль о предметѣ, устраняющемъ непріятное чувство, должна усиливать способность послѣдняго вызывать движенія. Въ самомъ дѣлѣ: на стр. 61 мы видѣли, что представленіе движенія уже само собой, безъ всякаго хотѣнія, стремится воплотиться въ представляемое движеніе. Что же касается привычныхъ движеній, т.-е. движеній многократно повторявшихся, то они вслѣдствіе этого повторенія вступаютъ съ познавательными переживаніями въ столь тѣсную ассоціацію, что при новомъ возникновеніи означенныхъ переживаній возникаютъ сами собой, безъ всякаго желанія производить ихъ. Напр.: прежде въ Россіи, когда еще не было всеобщей воинской повинности, а крестьяне и мѣщане, забранные въ солдаты, должны были тянуть солдатскую лямку не меньше 25 лѣтъ, испытывая, вдобавокъ, крайне жестокое обращеніе со стороны властей, всегда было много дезертировъ. Чтобы скрыться отъ поимки, они становились бродягами, въ числѣ которыхъ было много и не принадлежащихъ къ дезертирамъ, а, напр., бѣглыхъ крѣпостныхъ и т. п. Большинство же бродягъ, когда ихъ арестовывали за бродяжничество, объявляли себя, чтобы скрыть свое происхожденіе, „непомнящими родства“. Но при допросѣ „непомнящихъ родства“ почти всегда легко распознавали дезертира. Для этого во время допроса внезапно и тономъ командующаго офицера произносили какую-либо воинскую команду. Тогда дезертиръ *невольно* совершалъ движеніе, требуемое этой командой: такъ тѣсно ассоціировалось оно съ ней. Не ясно ли, что появленіе мысли о предметѣ хотѣнія должно содѣйствовать возникновенію того движенія, которое вслѣдствіе многократнаго повторенія сдѣлалось привычнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ассоціировалось съ этой мыслью?

29. Волевыя явленія: стремленія; влеченія; волевая активность; нравственный долгъ и специфическій волевой элементъ.

Съ помощью самонаблюденія мы убѣдились, что если отвлечься отъ явленій вниманія, то всѣ душевныя переживанія, которыя бываютъ при внѣшнихъ волевыхъ явленіяхъ, сводятся только къ своеобразнымъ сочетаніямъ чувствъ, мыслей и ощущеній. Но иногда защитники волюнтарной теоріи начинаютъ доказывать, выводить изъ разныхъ основаній, будто мы *должны сознавать* специфическій волевой элементъ, какъ составную часть означенныхъ переживаній. Разсмотримъ же эти доказательства.

Одно изъ нихъ основано на томъ, что *нельзя отрицать у насъ существованія разнообразныхъ стремленій и влеченій*. А они-то-де и указываютъ на переживаніе нами специфическаго волевого элемента. Но дадимъ себѣ отчетъ, что̀ означаютъ эти названія, и тогда станетъ яснымъ, что *изъ факта существованія у насъ какихъ бы то ни было стремленій и влеченій нельзя дѣлать ровно никакихъ заключеній относительно специфическаго волевого элемента: ни того, что онъ существуетъ, ни того, что его нѣтъ*.

Слово „стремленіе“ обозначаетъ тѣ условія, которыя ближайшимъ образомъ оставляются невыясненными, и про которыя мы мыслимъ всего лишь то, что они непремѣнно вызовутъ движеніе, какъ только устранятся задерживающія его препятствія, при чемъ составъ послѣднихъ можетъ оставаться неизвѣстнымъ. Напр.: согнутой пружинѣ мы приписываемъ „стремленіе“ выпрямиться. Это вотъ что значитъ: въ ней есть какія-то условія, про которыя мы мыслимъ лишь то, что они непремѣнно вызовутъ выпрямляющее движеніе пружины, какъ только устранятся препятствія такому движенію; при этомъ мы можемъ и не знать, въ чемъ состоятъ эти препятствія. Въ этомъ же смыслѣ мы говоримъ, что подвѣшенная къ потолку люстра хотя и не падаетъ, но имѣетъ „стремленіе“ къ паденію. Такимъ образомъ, подъ стремленіемъ мы прежде всего подразумѣваемъ что-то ближайшимъ образомъ невыясненное. А поэтому, именно — въ силу невыясненности тѣхъ условій, которыя обозначаются словомъ стремленіе, приписывая какому-нибудь предмету стремленіе къ чему-нибудь, нельзя отсюда дѣлать ровно никакихъ заключеній о специфическомъ волевомъ элементѣ: переживаетъ ли его этотъ предметъ, или же нѣтъ. И невозможность подобнаго заключенія тѣмъ очевиднѣе, что стремленія мы приписываемъ не только такимъ предметамъ, которые считаемъ одушевленными, а даже и тѣмъ, которые считаемъ (правильно или ошибочно — это все равно) завѣдомо неодушевленными, въ родѣ подвѣшенной къ потолку люстры, согнутой пружины и т. п. Значитъ, стремленія бываютъ и тамъ, гдѣ не можетъ быть никакой рѣчи о специфическомъ волевомъ элементѣ.

Что же касается влеченій, то они образуютъ частный случай стремле-

ній, именно: *влеченія, это — тѣ стремленія, которыя приписываются исключительно одушевленнымъ существамъ.* Въ самомъ дѣлѣ: мы никогда не приписываемъ влеченій тѣмъ существамъ, которыя считаемъ завѣдомо неодушевленными. Мы имъ приписываемъ только стремленія, а не влеченія. Если же мы приписываемъ одушевленному существу какое-либо влеченіе, то оно всегда оказывается однимъ изъ стремленій. Напр.: влеченіе къ наукѣ, это — стремленіе къ занятіямъ наукой; влеченіе къ спиртнымъ напиткамъ, это — стремленіе пить эти напитки; влеченіе къ сценѣ есть стремленіе къ сценической дѣятельности и т. д. Отъ этого и происходитъ, что мы слово „влеченіе“ часто замѣняемъ словомъ „стремленіе“, какъ родовымъ названіемъ.

И *какъ подъ стремленіями, такъ и подъ влеченіями подразумѣваются такія условія, которыя ближайшимъ образомъ оставляются невыясненными, и про которыя мы мыслимъ только, что при отсутствіи препятствій они обязательно вызовутъ тѣ дѣйствія, къ которымъ у насъ есть влеченіе.* А въ силу оставленія этихъ условій невыясненными, неопредѣленными, разумѣется, нельзя дѣлать ровно никакихъ заключеній: переживаетъ ли существо, которое обнаруживаетъ данное влеченіе, специфическій волевой элементъ или же нѣтъ. Если же эти условія будутъ выяснены, то ихъ уже нельзя называть влеченіемъ, пот. что въ послѣднемъ мыслится именно оставленіе ихъ невыясненными. Тогда эти условія вмѣсто влеченія будутъ называться причиной влеченія. Напр.: если врачу удается выяснить тѣ условія, вслѣдствіе которыхъ его паціентъ тотчасъ же пьянствуетъ, какъ только устранятся препятствія къ пьянству, т.-е. страдаетъ влеченіемъ къ пьянству, то врачъ уже называетъ эти условія не влеченіемъ къ пьянству, но причиной этого влеченія. Такимъ образомъ, само-то влеченіе еще нисколько не принуждаетъ насъ ни къ допущенію, ни къ отрицанію специфическаго волевого элемента, и существованіе такого элемента надо доказывать какъ-нибудь иначе, а не ссылкой на существованіе у насъ тѣхъ или другихъ влеченій.

Другое же доказательство существованія означеннаго элемента утверждаетъ, *что желаніе не можетъ служить причиной возбуждаемаго имъ движенія, если оно состоитъ только изъ соединенія непріятнаго чувства съ мыслью о предметѣ, устраняющемъ это чувство.* Вѣдь совершенно непонятно, т.-е. невыводимо изъ понятія какого бы то ни было чувства, чтобы оно вызывало движеніе. То же самое надо сказать и о тѣхъ мысляхъ, которыя входятъ въ составъ желанія на-ряду съ непріятнымъ чувствомъ: изъ нихъ тоже не вытекаетъ возникновеніе движеній, вызываемыхъ желаніемъ. Слѣд., когда желаніе вызываетъ движеніе, то въ это время должна дѣйствовать такая *причина, въ которой логически подразумѣвается возникновеніе этого движенія.* Многіе защитники волюнтарной теоріи называютъ эту причину *волевой активностью;* условимся и мы называть ее этимъ именемъ. Она-то, говорятъ защитники волюнтарной теоріи, и составляетъ отыскиваемый нами специфическій волевой элементъ. Вѣдь она *отличается* отъ всѣхъ чувствъ, мыслей и ощущеній; ибо ни изъ одного изъ этихъ элементовъ не

вытекаетъ возникновеніе никакого движенія, изъ волевой же активности вытекаетъ возникновеніе подразумѣваемаго въ ней движенія.

Но *это доказательство* не достигаетъ цѣли. Прежде всего, оно *исходитъ изъ подразумѣваемой предпосылки, будто бы дѣйствіе должно подразумѣваться въ своей причинѣ, логически вытекать изъ нея.* А такая предпосылка совершенно ошибочна, какъ это уже доказано въ „Логикѣ, какъ части теоріи познанія“ А. И. Введенскаго.

Далѣе: *если и допустить только-что указанную предпосылку, то изъ разсматриваемаго доказательства можно сдѣлать лишь то заключеніе, что гдѣ-то существуетъ волевая активность, но въ сознаніи ли, какъ составная часть душевныхъ переживаній, или же за предѣлами сознанія, какъ трансцендентная причина нашихъ произвольныхъ движеній, это остается еще неизвѣстнымъ* и должно быть выяснено путемъ тщательнаго наблюденія надъ составомъ тѣхъ душевныхъ переживаній, которыя бываютъ при произвольныхъ движеніяхъ. Но мы разсмотрѣли всѣ эти переживанія и нигдѣ не встрѣтили тамъ волевой активности: вездѣ наблюдаются одни лишь чувства, мысли и ощущенія. Слѣд., если изъ разсматриваемаго доказательства и можно сдѣлать заключеніе о существованіи волевой активности, то только, какъ о *трансцендентномъ* предметѣ. Именно: согласившись съ подразумѣваемой предпосылкой этого доказательства, приходится утверждать, что когда вслѣдъ за желаніемъ произвести какое-либо движеніе возникаетъ это движеніе, то оно на дѣлѣ вызывается не самимъ желаніемъ, т.-е. не тѣмъ непріятнымъ чувствомъ, которое составляетъ сущность желанія, и не соединенной съ нимъ мыслью о предметѣ, устраняющемъ это чувство, но скрытой отъ нашего сознанія волевой активностью; желаніе же только кажется причиной этого движенія. Однако, такое заключеніе относится уже не къ психологіи, а къ метафизикѣ; ибо задача психологіи ограничивается разсмотрѣніемъ того, что̀ дано въ опытѣ, т.-е. что̀ сознается нами, а не остается скрытымъ за предѣлами опыта.

Провѣримъ, впрочемъ, свои самонаблюденія коллективнымъ методомъ. Для этой цѣли мы прежде всего сошлемся на раціоналистовъ семнадцатаго вѣка, каковы: Спиноза, Лейбницъ и др. Они были убѣждены, будто бы всѣ реальныя, т.-е. существующія въ бытіи, связи и отношенія сполна разлагаются на чисто-логическія связи и отношенія. А вслѣдствіе этого они были убѣждены, что причинная связь составляетъ логическую связь, т.-е. будто-бы дѣйствіе настолько же подразумѣвается въ своей *подлинной* причинѣ, насколько слѣдствіе подразумѣвается въ основаніи, изъ котораго оно вытекаетъ. И это убѣжденіе доходило у нихъ до того, что они прямо-таки отожествляли понятіе причины—causa и основанія—ratio. Они, напр., обыкновенно выражались слѣдующимъ образомъ: causa *sive* ratio, т.-е. причина *или* основаніе. (Подробнѣе о раціонализмѣ см. „Логику, какъ часть теоріи познанія“ А. И. Введенскаго). При такихъ условіяхъ *раціоналисты семнадцатаго вѣка, конечно, были предрасположены усмотрѣть въ нашихъ хотѣніяхъ волевую активность, даже и въ томъ случаѣ, если бы ея тамъ не было.*

Тѣмъ не менѣе они не могли ея подмѣтить въ своихъ душевныхъ переживаніяхъ. Поэтому они рѣшили, что наши хотѣнія служатъ не подлинной, а всего лишь кажущейся причиною возникновенія движеній, подлинная же причина остается скрытой за предѣлами опыта.

Но при коллективной провѣркѣ своихъ самонаблюденій не будемъ ограничиваться одними лишь старинными учеными, а рядомъ съ ними возьмемъ нашего современника, датскаго психолога Гефдинга. Послѣдній утверждаетъ (приводимъ его подлинныя слова), что вообще „въ *каждомъ* состояніи сознанія есть воля, есть активная сторона“. Слѣд., онъ долженъ быть предрасположенъ подмѣчать волевую активность даже и помимо волевыхъ явленій. Но факты принуждаютъ его высказаться слѣдующимъ образомъ, при чемъ курсивъ здѣсь принадлежитъ ему же самому, такъ что въ словахъ, отмѣченныхъ курсивомъ, не можетъ быть никакой обмолвки, никакого недосмотра: *„то, что́ мы испытываемъ въ своемъ сознаніи въ моментъ хотѣнія, можно при ближайшемъ изслѣдованіи свести къ элементамъ познанія и чувства.* Нашу волю мы сознаемъ не вполнѣ непосредственно. Активности вообще нельзя воспринимать непосредственно; это уже доказалъ Давидъ Юмъ“ [1]).

Наконецъ, какъ упоминаетъ Гефдингъ, *Юмъ (1711—1776) превосходно обнаружилъ всю нелѣпость мнѣнія, будто бы мы сознаемъ волевую активность, какъ составную часть нашихъ душевныхъ переживаній.* Объ его доводахъ защитники этого мнѣнія какъ-то забываютъ и всегда обходятъ ихъ полнымъ молчаніемъ, между тѣмъ какъ они заслуживаютъ серьезнаго вниманія, особенно же два изъ нихъ, которыми мы и ограничимся въ своемъ изложеніи [2]).

Въ первомъ доводѣ Юмъ имѣетъ въ виду тотъ безспорный фактъ, что всѣ наши движенія сводятся къ сокращеніямъ мускуловъ, которыя, въ свою очередь, вызываются возбужденіемъ двигательнаго нерва, такъ что если въ волевой активности подразумѣвается возникновеніе какого-либо движенія, то это значитъ, что въ ней подразумѣвается возникновеніе возбужденія въ тѣхъ двигательныхъ нервахъ, которые вызываютъ сокращенія мускуловъ, производящихъ эти движенія. Поэтому, говоритъ Юмъ, если бы мы непосредственно сознавали волевую активность, а не сами примышляли ее въ добавленіе къ тому, что́ сознается нами, то мы прямо не-

---

[1]) Замѣтимъ кстати: выходитъ, что если по Гефдингу „въ каждомъ состояніи сознанія есть воля, есть активная сторона“, то это значитъ только то, что всѣ душевныя явленія *можно* подогнать подъ такую точку зрѣнія, чтобы *сзади* каждаго душевнаго явленія предполагалась волевая активность, но не какъ непосредственно сознаваемый элементъ душевной жизни, а какъ всего лишь *мыслимая* нами *трансцендентная причина.* Но это для психологіи безразлично; ибо ея задача состоитъ не въ изслѣдованіи того, что́ скрывается *сзади* душевныхъ явленій, оставаясь *несознаваемымъ*, но въ изученіи *законосообразныхъ связей самихъ явленій* и прежде всего въ точномъ указаніи, что́ именно сознается нами въ составѣ душевныхъ переживаній.

[2]) Всѣ эти доводы изложены Юмомъ въ его маленькой и очень легкой, но крайне поучительной книжкѣ, озаглавленной: „Изслѣдованіе о человѣческомъ разумѣніи“, переведенной на русскій языкъ С. И. Церетели.

посредственно сознавали бы, что при движеніи сокращаются мускулы и возбуждаются двигательные нервы; ибо все это подразумѣвается въ волевой активности. Въ дѣйствительности же все это становится извѣстнымъ намъ вовсе не путемъ непосредственнаго сознанія, но только окольнымъ путемъ, чрезъ изученіе анатоміи и физіологіи.

Что же касается второго довода Юма, то онъ опирается на тотъ фактъ, что есть мускулы произвольные и непроизвольные. Сокращеніе первыхъ подчинено нашему желанію. Таковы мускулы, производящіе движенія рукъ, ногъ и т. п. Непроизвольные же мускулы не подчиняются нашему желанію. Какъ бы мы ни хотѣли вызвать ихъ сокращенія, это намъ не удается. Они сокращаются и перестаютъ сокращаться подъ вліяніемъ разныхъ физіологическихъ причинъ, совершенно независимо отъ нашихъ желаній. Таковы, напр., мускулы, образующіе сердце. Мы не можемъ произвольно ни ускорить, ни замедлить сердцебіенія; слѣд., сокращенія этихъ мускуловъ происходятъ совершенно независимо отъ нашихъ желаній. И вотъ, Юмъ основательно указываетъ, что *если бы мы непосредственно сознавали волевую активность, то этимъ самымъ мы сознавали бы прямо, непосредственно, какіе мускулы произвольные, а какіе непроизвольные, потому что сокращеніе первыхъ подразумѣвается въ волевой активности, а сокращеніе вторыхъ не подразумѣвается.* Въ дѣйствительности же мы узнаемъ, принадлежитъ ли данный мускулъ къ числу произвольныхъ или нѣтъ, съ помощью удачной или неудачной попытки вызвать сокращеніе даннаго мускула, а вовсе не путемъ непосредственнаго сознанія. Напр.: мы только тогда узнаемъ о принадлежности мускуловъ, образующихъ сердце, къ числу непроизвольныхъ, когда испытаемъ неудачу попытки подѣйствовать своимъ желаніемъ на сердцебіеніе. И только тогда мы узнаемъ о принадлежности мускуловъ, производящихъ движеніе ноздрей, къ числу произвольныхъ, когда удостовѣримся, что можемъ по своему желанію производить сокращеніе этихъ мускуловъ. Наше знаніе о принадлежности того или другого мускула къ числу произвольныхъ или непроизвольныхъ есть *выводъ*, *заключеніе* изъ данныхъ опыта, а вовсе не то, что непосредственно сознается нами. Но оно должно бы быть содержаніемъ того, что непосредственно сознается нами, если бы мы сознавали волевую активность.

Изъ ученыхъ, думающихъ, будто бы мы непосредственно сознаемъ волевую активность, какъ одинъ изъ элементовъ душевной жизни, съ наибольшей настойчивостью защищаетъ это мнѣніе Н. О. Лосскій, и о немъ нужно упомянуть особо.

Хотя у Н. О. Лосскаго тоже между строкъ сквозитъ мысль, будто бы въ волевой активности подразумѣвается возникновеніе того или иного движенія, но прямо онъ не высказываетъ этой мысли, какъ опредѣленія понятія волевой активности, а характеризуетъ послѣднюю, какъ *творческую энергію*, какъ *силу*, *активно создающую новое явленіе*, и тому подобными не вполнѣ ясными выраженіями. И вотъ, про *такую-то* активность Н. О. Лосскій говоритъ, будто бы онъ сознаетъ ее прямо, непосредственно, какъ составную часть

своей душевной жизни. Но это показаніе Н. О. Лосскаго не заслуживаетъ ни малѣйшаго довѣрія; ибо онъ ясно обнаружилъ, что какъ только рѣчь зайдетъ о какой бы то ни было активности, онъ съ необычайной легкостью поддается наклонности смѣшивать мысли, приходящія ему въ голову по поводу данныхъ опыта и обусловленныя его метафизической теоріей, съ самими данными опыта, т.-е. съ ихъ *непосредственно* сознаваемымъ содержаніемъ. Онъ начинаетъ прямо-таки галлюцинировать, какъ только заговоритъ объ активности. Въ самомъ дѣлѣ:

Н. О. Лосскій дошелъ до утвержденія, будто бы даже и въ внѣшнемъ мірѣ мы *непосредственно* сознаемъ активность, *однородную* съ подмѣчаемой въ волевыхъ явленіяхъ. „Воспринимая, говоритъ онъ, такой рядъ событій, какъ порывъ бушующаго вѣтра и паденіе сломаннаго вѣтромъ дерева, мы *сознаемъ* не только ощущеніе холода и т. п. отъ вѣтра и получаемъ не только рядъ зрительныхъ и слуховыхъ ощущеній падающаго дерева, но и *живо чувствуемъ*, что между этими явленіями существуетъ какая-то особенная, тѣсная связь; это связь, болѣе глубокая, болѣе интимная, чѣмъ послѣдовательность или сосуществованіе во времени“. Далѣе видно, что здѣсь рѣчь идетъ о томъ, „какъ въ этомъ случаѣ затрачивается какая-то *энергія*, была пущена въ ходъ какая-то *сила*, породившая, *активно создавшая* новое явленіе“. (А такую же функцію Н. О. Лосскій приписываетъ волевому стремленію). И одновременно говорится, будто бы эта сила служитъ „элементомъ воспріятія“, сознаваемымъ особо отъ ощущеній, образующихъ данное воспріятіе; „этотъ *элементъ воспріятія* (пишетъ Н. О. Лосскій), сознаваніе причинной связи, сознаваніе силы стоитъ особнякомъ отъ ощущеній, хотя и можетъ примѣшиваться къ самымъ разнообразнымъ ощущеніямъ“ (См. „Обоснованіе интуитивизма“, 1-е изд. Спб. 1906 г. стр. 18, 2-е изд. Спб. 1908 г. стр. 17).

Только-что описанныя силы, вполнѣ однородныя съ волевой активностью, конечно, *должны быть допущены* въ внѣшнемъ мірѣ, буде мы исповѣдуемъ метафизическую теорію (т.-е. интуитивизмъ) Н. О. Лосскаго; но слишкомъ очевидно, что *если* онѣ и существуютъ въ внѣшнихъ вещахъ, то отнюдь не воспринимаются нами, т.-е. вовсе не сознаются непосредственно, а всего только примышляются къ тому, что̀ воспринимается въ внѣшнемъ мірѣ. Слишкомъ очевидно, что въ внѣшнемъ мірѣ мы не воспринимаемъ, т.-е. не сознаемъ непосредственно ничего другого, кромѣ послѣдовательности и единовременности разныхъ явленій, состоящихъ каждое изъ комплекса ощущеній; о томъ же, что одно изъ этихъ явленій служитъ причиной такого-то другого, мы всего лишь *заключаемъ*, всего лишь *мыслимъ*. (Оттого-то и приходится съ такимъ трудомъ разбирать, какое же именно явленіе природы слѣдуетъ считать причиной другого). Напр., если движущійся камень разбиваетъ стекло, то мы не воспринимаемъ, не сознаемъ непосредственно ровно ничего другого, кромѣ движенія камня, его соприкосновенія съ стекломъ, образованія на послѣднемъ трещинъ, сопровождающагося особымъ звукомъ, и движеній отдѣльныхъ частей

стекла [1]). Можетъ быть, во всемъ этомъ, кромѣ послѣдовательности и единовременности явленій, и есть какая-нибудь болѣе внутренняя, интимная связь, т.-е. какая-нибудь активность, но она, очевидно, остается *скрытой* отъ нашего непосредственнаго воспріятія, и мы о ней можемъ всего только *заключать*, а нельзя прямо воспринимать ее.

Такимъ образомъ, когда рѣчь идетъ объ активности, Н. О. Лосскій даже въ внѣшнемъ мірѣ принимаетъ мысли, внушаемыя его метафизической теоріей, за данныя опыта. А такое смѣшеніе своихъ мыслей по поводу данныхъ опыта съ самими данными опыта еще возможнѣе при самонаблюденіи. Поэтому, когда рѣчь идетъ объ активности, его увѣренія, будто бы онъ, въ отличіе отъ Гефдинга, Джемса, Юма и другихъ самонаблюдателей, *непосредственно* сознаетъ ее въ себѣ, не заслуживаютъ довѣрія.

Съ перваго взгляда кажется, будто бы можно доказать существованіе специфическаго волевого элемента (хотя бы и не въ формѣ волевой активности), *выведя его, какъ слѣдствіе убѣжденія въ безусловной обязательности нравственнаго долга.*

На характеръ обязательности нравственнаго долга возможны два основныхъ взгляда. Одинъ изъ нихъ состоитъ въ томъ, что требованія нравственнаго долга, т.-е. нравственныя обязанности считаются безусловно (или абсолютно) обязательными. Это значитъ, что они должны быть исполняемы *независимо* отъ того, принесетъ ли ихъ исполненіе пользу или вредъ, счастье или несчастье тому, кто ихъ исполняетъ, слѣд.:—*независимо* отъ того, принесетъ ли оно для него увеличеніе переживаемыхъ имъ пріятныхъ чувствъ или, по крайней мѣрѣ, уменьшеніе непріятныхъ. Требованія нравственнаго долга считаются здѣсь обязательными *сами по себѣ*, а вовсе *необусловлен-*

---

[1]) Въ примѣрѣ же, приведенномъ самимъ Н. О. Лосскимъ *(порывъ вѣтра ломаетъ дерево)*, мы даже не воспринимаемъ, не сознаемъ непосредственно самой-то причины, о которой онъ говоритъ (порыва вѣтра), а всего лишь *заключаемъ*, что она возникла и существуетъ въ данное мгновенье. Вѣдь самого вѣтра и его порыва, т.-е. потока воздуха, несущагося съ внезапно увеличившеюся скоростью, мы не видимъ, но всего лишь *заключаемъ* о немъ на основаніи внезапно испытываемаго охлажденія тѣла и давленія на него съ той же стороны, съ какой почувствовали охлажденіе, или же на основаніи движеній разныхъ предметовъ (гонимыхъ, какъ мы *догадываемся*, вѣтромъ): нагибаніе вѣтвей, цѣлыхъ деревьевъ и т. п. Возможно ли, спрашивается, „*сознавать*“, „*живо чувствовать*“, „*воспринимать*“ затрату какой-то энергіи (пусканіе въ ходъ силы, активно создающей новое явленіе) такимъ предметомъ (вѣтромъ), который самъ-то не воспринимается, и о которомъ мы только заключаемъ? Простолюдинъ заключаетъ во время дождя, что это Илья пророкъ съ неба поливаетъ землю. Можетъ ли онъ, не видя самого Ильи, „живо чувствовать“, „воспринимать“, какъ послѣдній *затрачиваетъ* свою энергію, *пускаетъ въ ходъ свою силу* на эту поливку? Если же это невозможно, то, вопреки мнѣнію Н. О. Лосскаго, столь же невозможно прямо сознавать или живо чувствовать во время порыва вѣтра, ломающаго дерево, какую-либо другую, болѣе интимную связь явленій, кромѣ ихъ послѣдовательности и сосуществованія во времени. Слѣдовательно, замѣнивъ въ главномъ текстѣ примѣръ, приводимый самимъ Н. О. Лосскимъ, другимъ, болѣе простымъ, мы не только упрощаемъ вопросъ, но еще ставимъ Н. О. Лосскаго въ условія, болѣе благопріятныя для защиты его мнѣнія.

ными въ своей обязательности пріятными или непріятными послѣдствіями исполненія этихъ требованій. Другой же взглядъ отрицаетъ безусловную обязательность нравственнаго долга. Напротивъ, онъ считаетъ нравственныя обязанности всего только выраженіемъ тѣхъ *условій*, при соблюденіи которыхъ увеличивается счастье или, по крайней мѣрѣ, уменьшается несчастье того, кто исполняетъ эти обязанности, т.-е. ихъ исполненіе гарантируетъ ему либо увеличеніе переживаемыхъ имъ пріятныхъ чувствъ, либо, по крайней мѣрѣ, уменьшеніе непріятныхъ. И какъ бы ни были разнообразны наши нравственныя воззрѣнія, они непремѣнно подойдутъ подъ тотъ или другой изъ этихъ двухъ взглядовъ, потому что можно только либо допускать, либо отрицать безусловную обязательность нравственнаго долга. А изъ этихъ двухъ взглядовъ, разумѣется, охотнѣе отдаютъ предпочтеніе первому, пот. что понятія „нравственно обязательнаго“ и „нравственно непозволительнаго“ (нравственнаго и безнравственнаго) становятся излишними, ненужными, коль скоро подъ ними подразумѣваются въ концѣ концовъ польза и вредъ, пріятность и непріятность.

Впрочемъ, вопросъ о предпочтительности того или другого взгляда на характеръ обязательности нравственнаго долга самъ по себѣ не важенъ для психологіи: это вопросъ этики, а не психологіи. Поэтому обратимъ вниманіе только на слѣдующее обстоятельство: очевидно, что для взгляда, отрицающаго безусловную обязательность нравственнаго долга, безразлично, существуетъ ли специфическій волевой элементъ или нѣтъ; но, повидимому, иначе стоитъ дѣло, если мы убѣждены въ безусловной обязательности нравственнаго долга. Вѣдь при этомъ убѣжденіи мы считаемъ нравственно обязательными для себя поступки, возникающіе *независимо* отъ тѣхъ пріятныхъ или непріятныхъ чувствъ, которыя мы сейчасъ испытываемъ или будемъ испытывать позже въ видѣ слѣдствій, порожденныхъ нашими поступками. Но, повидимому, такіе поступки будутъ завѣдомо неосуществимыми, если главной частью каждаго хотѣнія служитъ то непріятное чувство, которое устраняется съ достиженіемъ предмета хотѣнія. Слѣд., повидимому, убѣжденіе въ безусловной обязательности нравственнаго долга противорѣчитъ не только гедонической, но и патематической теоріи волевыхъ явленій, а примиримо съ одной лишь волюнтарной теоріей. Вѣдь нельзя же считать нравственно обязательнымъ то, что завѣдомо неосуществимо. Напр., нельзя считать нравственно обязательнымъ находиться одновременно въ двухъ мѣстахъ. Напротивъ, нравственно обязательно, чтобы нравственныя обязанности человѣка были осуществимы для него. Вотъ по всему этому и кажется, будто бы убѣжденіе въ безусловной обязательности нравственнаго долга возможно только подъ условіемъ существованія специфическаго волевого элемента. Въ дѣйствительности же это ошибочное мнѣніе.

Конечно, если *всѣ* наши дѣйствія могутъ возникать не иначе, какъ только подъ вліяніемъ тѣхъ непріятныхъ чувствъ, которыя составляютъ главную часть хотѣній, то нѣтъ мѣста для такихъ поступковъ, которые совершались бы *независимо* отъ всякой пріятности или непріятности. Но оши-

бочно думать, будто бы безусловную обязательность нравственнаго долга можно допускать только въ томъ случаѣ, если существуетъ специфическій волевой элементъ. Напротивъ, *вполнѣ достаточно, чтобы на-ряду съ тѣми движеніями, которыя вызываются соединеніемъ непріятнаго чувства съ мыслью о предметѣ, устраняющемъ это чувство, человѣкъ былъ способенъ къ такимъ движеніямъ, которыя вызываются только мыслью объ ихъ безусловной обязательности.* Тогда поступки, возникающіе подъ вліяніемъ непріятнаго чувства, будутъ либо безразличными въ нравственномъ отношеніи, либо прямо безнравственными; поступки же, возникающіе *независимо* отъ всякаго чувства, а подъ вліяніемъ *мысли объ ихъ безусловной обязательности*, будутъ чисто нравственными. Такимъ образомъ, существованіе и несуществованіе специфическаго волевого элемента настолько же безразлично для убѣжденія въ безусловной обязательности нравственнаго долга, какъ и для отрицанія таковой обязательности.

Въ заключеніе упомянемъ объ одномъ требованіи, которое основательно выставилъ предъ защитниками специфическаго волевого элемента американскій психологъ Тиченеръ: *защитникамъ волюнтарной теоріи волевыхъ явленій слѣдовало бы не выводить откуда-нибудь необходимость допускать специфическій волевой элементъ, но припомнить или же придумать для самонаблюденія такія условія, при осуществленіи которыхъ каждый самонаблюдатель навѣрное подмѣтитъ въ себѣ появленіе этого элемента.*

30. Волевыя явленія: внутреннія волевыя явленія; вниманіе; апперцепція.

Обратимся теперь къ внутреннимъ волевымъ явленіямъ. Не встрѣчается ли здѣсь специфическій волевой элементъ? *Внутреннія волевыя явленія сводятся къ перемѣнамъ въ вниманіи.* Въ самомъ дѣлѣ: *всякая другая произвольная внутренняя перемѣна осуществляется не иначе, какъ съ помощью произвольнаго сосредоточиванія вниманія на томъ или другомъ душевномъ переживаніи.* Напр.: на смѣну мыслей мы можемъ произвольно вліять только тѣмъ путемъ, чтобы произвольно сосредоточить вниманіе на одной изъ мыслей; а все прочее дѣлается уже само собой, независимо отъ нашего желанія, но исключительно въ силу законовъ, управляющихъ смѣной мыслей. См. объ этомъ выше, стр. 202. Поэтому наша задача сводится къ разсмотрѣнію явленій вниманія.

При этомъ разсмотрѣніи большую пользу приноситъ аналогія между сознаніемъ и зрѣніемъ. Совокупность всѣхъ предметовъ, которые мы видимъ одновременно въ данное мгновеніе, принято называть *полемъ зрѣнія*. По аналогіи съ нимъ можно назвать *полемъ сознанія* совокупность душевныхъ явленій (каковы бы они ни были — мысли, ощущенія, чувства, это все равно), сознаваемыхъ одновременно въ данное мгновеніе. Въ полѣ зрѣнія есть такой

пунктъ, что предметъ, находящійся въ немъ, виденъ яснѣе, чѣмъ всѣ остальные, занимающіе одновременно съ нимъ поле зрѣнія. Онъ называется *фиксаціонной точкой поля зрѣнія*. Чѣмъ ближе предметъ помѣщенъ въ полѣ зрѣнія къ этой точкѣ, тѣмъ яснѣе онъ виденъ; чѣмъ дальше, тѣмъ неяснѣй. Нѣчто подобное замѣчается и въ полѣ сознанія, съ тѣмъ лишь отличіемъ, что поле зрѣнія протяженно, а поле сознанія непротяженно, такъ что слова: „точка“, „ближе“ и „дальше“, взятыя въ ихъ буквальномъ смыслѣ, не примѣнимы къ полю сознанія. Но въ полѣ сознанія тоже есть какъ бы фиксаціонная точка, потому что изо всѣхъ одновременно сознаваемыхъ душевныхъ явленій одно сознается яснѣе другихъ, остальныя же все съ меньшей и меньшей ясностью, какъ будто бы они расположены все дальше и дальше отъ фиксаціонной точки поля сознанія. Вступленіе душевнаго явленія въ фиксаціонную точку поля сознанія и образуетъ собой то, что называется *усиленіемъ вниманія* къ данному явленію.

Отсюда видно, что *характерной чертой усиленія вниманія къ какому-либо душевному явленію служитъ усиленіе ясности, съ какой сознается нами это явленіе сравнительно съ другими, находящимися вмѣстѣ съ нимъ въ полѣ сознанія*. Впрочемъ, это не единственная особенность явленія, привлекшаго къ себѣ вниманіе: *одновременно съ этимъ увеличивается и его воспроизводимость, и его воспроизводящая сила* сравнительно съ тѣми душевными переживаніями, которыя находятся вмѣстѣ съ нимъ въ полѣ сознанія, но лежатъ внѣ его фиксаціонной точки. При этомъ въ каждомъ изъ нихъ тѣмъ меньше ясности, воспроизводимости и воспроизводящей силы, чѣмъ они, такъ сказать, дальше лежатъ отъ фиксаціонной точки поля сознанія, или иначе—чѣмъ ближе помѣщены они къ периферіи поля сознанія. (Сравн. стр. 199 и 202). *Вотъ совокупность всѣхъ указанныхъ перемѣнъ и отличаетъ то усиленіе ясности даннаго душевнаго переживанія, которое называется вниманіемъ, отъ того усиленія ясности этого переживанія, которое происходитъ независимо отъ вниманія. Слѣд., усиленіе ясности только входитъ въ составъ явленія вниманія, но еще не исчерпываетъ его собой.*

Усиленіе вниманія переживается нами въ двоякой формѣ: или какъ *вниманіе непроизвольное, неумышленное*, называемое иначе *пассивнымъ*, или же какъ вниманіе *произвольное, умышленное*, называемое иначе *активнымъ* вниманіемъ. Первое состоитъ въ такомъ усиленіи вниманія, которое зависитъ не отъ нашего желанія, но отъ самихъ сознаваемыхъ предметовъ, напр., отъ внезапности впечатлѣнія, отъ его силы, отъ его новизны сравнительно съ всѣми прежде испытанными впечатлѣніями, отъ того трудно опредѣлимаго отношенія къ нашимъ чувствамъ, которое называется интересностью впечатлѣнія, и т. п. Произвольное же вниманіе возникаетъ вслѣдствіе нашего желанія. Напр.: если мы захотимъ, то можемъ внимательно слушать самую скучную рѣчь, внимательно разсматривать предметъ, въ которомъ нѣтъ никакихъ условій непроизвольнаго вниманія: ни новизны, ни силы производимаго имъ впечатлѣнія и т. п.

Произвольное, иначе—активное, вниманіе въ жизни какъ-то рѣзче кидается въ глаза, чѣмъ непроизвольное или пассивное. Вмѣстѣ съ тѣмъ произвольное вниманіе гораздо важнѣе въ жизни, чѣмъ непроизвольное. Все это привело къ тому, что *подъ словомъ „вниманіе“, сказаннымъ безъ всякаго прилагательнаго, обыкновенно подразумѣваютъ произвольное вниманіе.* При выраженіяхъ: „относиться съ вниманіемъ“, „внимательно слушать“ и т. п., постоянно имѣется въ виду произвольное вниманіе. Поэтому отсутствіе *произвольнаго* вниманія привыкли называть прямо „отсутствіемъ вниманія“, „невнимательностью“, „невниманіемъ“, „разсѣянностью“ и т. п. А такъ какъ люди очень склонны судить о вещахъ по ихъ названіямъ, то и выработалось *ложное мнѣніе, будто бы въ душевной жизни бываютъ такіе промежутки времени, когда вовсе нѣтъ вниманія.* Это мнѣніе вѣрно только относительно произвольнаго вниманія, но оно ошибочно, если подъ словомъ „вниманіе“ подразумѣвать вниманіе вообще, какъ произвольное, такъ и непроизвольное: *никогда не бываетъ такого момента, чтобы у насъ не было вообще никакого вниманія.* Напротивъ, величайшая разсѣянность, которую мы такъ охотно называемъ невнимательностью, невниманіемъ и т. п., очень часто служитъ проявленіемъ сильнѣйшаго, но непроизвольнаго сосредоточенія вниманія на одномъ и томъ же предметѣ. Такова, напр., упоминаемая во множествѣ анекдотовъ разсѣянность нѣкоторыхъ ученыхъ: они оттого необычайно разсѣянны, что все ихъ вниманіе поглощено заинтересовавшимъ ихъ научнымъ вопросомъ. А когда учитель жалуется, что у его ученика нѣтъ ни малѣйшаго вниманія, то это вѣрно только относительно такого вниманія, которое нужно учителю, т.-е. относительно вниманія, которое было бы направлено на содержаніе урока. Его, дѣйствительно, нѣтъ у невнимательнаго ученика. Но у послѣдняго все-таки въ это время есть вниманіе, только оно непроизвольнымъ образомъ направлено на разныя мелочи, не имѣющія никакого отношенія къ уроку, напр.: на то, что у учителя почти отвалилась пуговица отъ сюртука, или на то, какъ у него шевелятся губы, какъ летаютъ мухи по классу и т. п. Это *непроизвольное вниманіе иногда можетъ быть и устойчивымъ*, т.-е. продолжительное время сосредоточеннымъ на одномъ и томъ же предметѣ, напр., на полетѣ и дальнѣйшемъ поведеніи мухи, *а иногда оно бываетъ перебѣгающимъ съ одного предмета на другой*, напр., съ пуговицы на сюртукѣ учителя на движеніе его губъ, отсюда къ полету мухи и т. д. Но какъ бы ни стояло дѣло, переживается ли нами въ данное мгновеніе произвольное или непроизвольное вниманіе, при чемъ послѣднее, какъ сейчасъ сказано, можетъ быть либо устойчивымъ, либо перебѣгающимъ съ одного предмета на другой, все-таки каждое мгновеніе въ фиксаціонной точкѣ сознанія находится какой-либо опредѣленный предметъ. Никогда не бываетъ, чтобы предметы, находящіеся въ полѣ сознанія, всѣ сразу сознавались съ одинаковой, хотя бы и очень малой, ясностью, т.-е. никогда не бываетъ, чтобы у насъ не было ровно никакого вниманія.

Обыкновенно произвольное вниманіе постепенно превращается на нѣкоторое время въ непроизвольное. Напр., когда мы начинаемъ заниматься

какой-либо работой, то сначала намъ сильно мѣшаютъ окружающія насъ лица своимъ разговоромъ, пѣніемъ и т. п., потому что наше вниманіе *непроизвольно* направляется на нихъ вмѣсто начатой нами работы. И въ это время вниманіе къ послѣдней имѣетъ рѣзко выраженный характеръ произвольнаго: мы должны умышленно сосредоточивать его на своей работѣ. Но постепенно мы, какъ говорится, *втягиваемся* въ работу или *увлекаемся* ею, т.-е. непроизвольное вниманіе къ окружающей обстановкѣ вспыхиваетъ все рѣже и слабѣе. И въ концѣ концовъ обыкновенно дѣло доходитъ до того, что мы не только перестаемъ замѣчать окружающихъ насъ лицъ, но даже должны сдѣлать надъ собой большее или меньшее усиліе, чтобы *отвлечь* свое вниманіе отъ работы и понять тѣ слова, съ которыми обратится къ намъ кто-нибудь изъ окружающихъ. А это значитъ, что наше вниманіе къ работѣ теперь приковывается къ ней уже само собой, т.-е. превратилось изъ произвольнаго въ непроизвольное. Но оно остается непроизвольнымъ лишь временно, пока мы не утомимся отъ нашей работы; по мѣрѣ же утомленія намъ снова приходится дѣлать усиліе для того, чтобы *удерживать свое вниманіе* на ней, т.-е. вниманіе къ ней снова дѣлается произвольнымъ.

Изъ всего сказаннаго ясно, да вполнѣ согласуется и со всѣми другими наблюденіями, что *при возникновеніи произвольнаго вниманія ему всегда приходится въ большей или меньшей степени бороться съ уже существующимъ непроизвольнымъ вниманіемъ;* при этомъ послѣднее можетъ быть либо такимъ, которое возникаетъ само собой (въ устойчивой формѣ или блуждающей съ одного предмета на другой, это не важно), либо такимъ, въ которое превратилось произвольное вниманіе. Такимъ образомъ, непроизвольное вниманіе образуетъ болѣе естественное состояніе сознанія, чѣмъ произвольное: послѣднее требуетъ, чтобы было сперва побѣждено непроизвольное вниманіе, при чемъ эта побѣда нерѣдко, если не чаще всего приводитъ, какъ мы сейчасъ видѣли, къ тому, что само-то произвольное вниманіе на большее или меньшее время превращается въ непроизвольное.

Закончимъ это общее описаніе явленій вниманія указаніемъ на то, что, *будетъ ли вниманіе произвольнымъ или непроизвольнымъ, оно сопровождается рядомъ такихъ мускульныхъ сокращеній, которыя могутъ быть охарактеризованы, какъ приспособленіе организма къ наиболѣе ясному воспріятію (внутреннему или внѣшнему) предмета вниманія.* Въ самомъ дѣлѣ, всегда можно узнать человѣка, внимательно воспринимающаго какое-либо внѣшнее впечатлѣніе (напр., что-либо внимательно разсматривающаго, слушающаго и т. п.) или внимательно размышляющаго и т. п., словомъ—человѣка, вниманіе котораго приковано къ чему-нибудь въ данное время: вся его мимика ясно показываетъ въ немъ такія мускульныя сокращенія, которыя нужны для означеннаго приспособленія.

Познакомившись съ явленіями вниманія, обратимся теперь къ вопросу, не встрѣчается ли въ нихъ специфическій волевой элементъ. Разумѣется, его незачѣмъ искать въ непроизвольномъ вниманіи, коль скоро оно отличается

именно тѣмъ, что оно непроизвольное, слѣд., завѣдомо не принадлежитъ къ волевымъ явленіямъ. И такой элементъ поклонники волюнтарной теоріи всегда указываютъ только въ произвольномъ вниманіи, именно — въ томъ *чувствѣ усилія, которое часто сознается нами при произвольномъ вниманіи. И это чувство бываетъ тѣмъ замѣтнѣе, тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сильнѣе то непроизвольное вниманіе, съ которымъ приходится бороться при возникновеніи произвольнаго вниманія.* Но если мы станемъ наблюдать это чувство усилія уже *послѣ того, какъ мы пріобрѣли навыкъ подмѣчать моторныя ощущенія*, да еще въ тѣхъ случаяхъ, когда оно бываетъ болѣе замѣтнымъ, то мы увидимъ, что оно состоитъ ни въ чемъ иномъ, какъ только въ тѣхъ моторныхъ ощущеніяхъ, посредствомъ которыхъ мы чувствуемъ мускульныя сокращенія, служащія физіологическимъ спутникомъ вниманія.

Но *почему чувство усилія бываетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сильнѣе то непроизвольное вниманіе, съ которымъ приходится бороться произвольному? Это оттого, что при произвольномъ вниманіи мускуламъ, сокращеніе которыхъ воплощаетъ въ себѣ это вниманіе, приходится преодолѣть тѣ мускульныя сокращенія, которыми сопровождается непроизвольное вниманіе, противодѣйствующее установкѣ желаемаго нами произвольнаго вниманія.* Напр.: вслѣдствіе непроизвольнаго вниманія глаза ученика сами собой, безъ всякихъ препятствій, слѣдятъ за полетомъ мухи; а онъ хочетъ быть внимательнымъ къ уроку и долженъ направлять вниманіе на географическую карту или на говорящаго учителя. Для этого ему приходится преодолѣть тѣ мускульныя сокращенія, которыя направляютъ его взоръ на муху. *А для такого преодолѣнія, разумѣется, требуется тѣмъ большее мускульное напряженіе, которое и сознается нами, какъ чувство усилія, чѣмъ сильнѣе непроизвольное вниманіе противодѣйствуетъ упроченію произвольнаго.* Поэтому, и чувство усилія бываетъ тѣмъ замѣтнѣе, тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше отвлекаетъ насъ непроизвольное вниманіе въ сторону отъ того предмета, на которомъ мы стараемся сосредоточить свое вниманіе.

Такимъ образомъ, въ опытѣ ровно нигдѣ не данъ специфическій волевой элементъ: ни въ внѣшнихъ, ни въ внутреннихъ волевыхъ явленіяхъ. И весь потокъ душевной жизни оказывается состоящимъ только изъ чувствъ, мыслей и ощущеній. Этими указаніями мы и могли бы закончить свое изложеніе главныхъ пунктовъ психологіи волевыхъ явленій. Но Вундтъ и его школа пріучили читателей къ тому, что когда говорятъ о вниманіи, то всегда упоминаютъ объ апперцепціи. Поэтому поясникъ, что такое апперцепція.

Терминъ „апперцепція“ употребляется у разныхъ авторовъ не въ одинаковомъ значеніи. И крайне ошибочно стараться подвести подъ одинъ знаменатель, т.-е. объединить между собой, тѣ мысли, которыя высказываются разными авторами съ помощью этого термина; напротивъ, слѣдуетъ наблюдать, не смѣшиваетъ ли въ одну кучу читаемый нами авторъ разныхъ смысловъ этого термина. А чтобы умѣть разобраться въ

этомъ вопросѣ, необходимо знать тѣ разныя значенія, которыя придавали этому слову болѣе авторитетные писатели: эти-то значенія, конечно, и смѣшиваются между собой у второстепенныхъ авторовъ. А у нѣкоторыхъ изъ нихъ даже и не смѣшиваются по недосмотру, а умышленно связываются между собой въ одно цѣлое, такъ какъ эти авторы по своей наивности воображаютъ, будто бы за одинаковостью звуковъ слова „апперцепція", произносимаго разными изслѣдователями, непремѣнно должна скрываться и одинаковость значенія слова. Они ошибочно воображаютъ, будто бы смутно подмѣчаемая ими разница въ его значеніяхъ составляетъ *развитіе у разныхъ изслѣдователей одной* основной мысли, обозначаемой этимъ мудренымъ терминомъ.

Впервые его сталъ употреблять Лейбницъ, умершій въ 1716 г. Тогда еще не выработался терминъ „сознаніе", созданный около середины XVIII вѣка Христіаномъ Вольфомъ, и Лейбницъ употреблялъ слово „апперцепція" въ смыслѣ сознанія. Кантъ же, умершій въ 1804 г., встрѣтилъ надобность еще въ такомъ терминѣ, который обозначалъ бы самосознаніе, т.-е. сознаніе своего Я; и вотъ, для *этой* цѣли онъ воспользовался словомъ „апперцепція", такъ какъ сознаніе уже пріобрѣло свое особое названіе, а слово „апперцепція" осталось безъ всякаго дѣла. Когда же въ XIX в. уже всѣ свыклись съ употребленіемъ словъ „сознаніе" (Bewusstsein) и „самосознаніе" (Selbstbewusstsein), слово „апперцепція" опять стало ненужнымъ, и можно было бы его, такъ сказать, уволить отъ психологической службы. Но въ это время Гербартъ, умершій въ 1841 г., подмѣтилъ тотъ фактъ, что характеръ каждаго воспріятія въ большей или меньшей степени зависитъ отъ характера прежнихъ воспріятій, какъ того же самаго предмета, такъ и предметовъ, болѣе или менѣе сходныхъ съ нимъ (срав. съ этимъ стр. 93 и 263). Онъ объяснилъ это тѣмъ, что представленія прежнихъ воспріятій сохраняются въ душѣ въ безсознательномъ видѣ, всплываютъ во время воспріятія надъ порогомъ сознанія, сливаются съ воспріятіемъ и уподобляютъ его себѣ, такъ что воспріятіе при помощи этихъ представленій *перерабатывается* въ сходное съ ними и *„усваивается"* душой лишь послѣ того, какъ сдѣлается, такъ сказать, родственнымъ съ ея прежнимъ содержаніемъ. Вотъ этотъ-то процессъ переработки и усвоенія Гербартъ назвалъ „апперцепціей", а тѣ представленія, благодаря которымъ совершается *такая* апперцепція, „апперцепирующими". И понятіе „апперцепціи" въ смыслѣ Гербарта стало играть огромную роль въ германской педагогикѣ, а поэтому и большинство психологовъ стали употреблять слово „апперцепція" въ томъ же смыслѣ, какъ Гербартъ. Тѣ же изъ нихъ, напр. — Г. И. Челпановъ, которые не хотятъ говорить о томъ, чего никто не наблюдаетъ, *о сохраненіи* представленій гдѣ-то за порогомъ сознанія въ безсознательномъ видѣ, опредѣляютъ апперцепцію слѣдующимъ образомъ: *„это — опредѣляемость воспріятія прежде бывшими состояніями сознанія"*. Въ такомъ же смыслѣ употребляетъ терминъ „апперцепція" и Джемсъ, хотя онъ выражается не совсѣмъ осторожно, а очень похоже на Гербарта; но это у него только способъ выра-

женія, а онъ совершенно чуждъ всей гербартовской метафизики. Однако, этимъ судьба слова „апперцепція“ не закончилась. Вундтъ придалъ ему еще новое значеніе, подразумѣвая подъ нимъ какую-то скрытую отъ сознанія метафизическую силу, которая, по его словамъ, вызываетъ вниманіе, направляетъ его въ ту или другую сторону, заставляетъ усваиваться воспріятія и сливаться съ прежними представленіями и т. д. Такимъ образомъ, у Вундта подъ словомъ „апперцепція“ сливаются съ понятіемъ какой-то метафизической силы кое-какіе элементы „апперцепціи“ въ гербартовскомъ смыслѣ слова. Опредѣляетъ же онъ апперцепцію слѣдующимъ образомъ: „отличающееся своеобразными чувствами состояніе, сопровождающее болѣе ясное воспріятіе психическихъ процессовъ, мы называемъ *вниманіемъ;* единичный же процессъ, ведущій къ болѣе ясному воспріятію даннаго психическаго содержанія, — *апперцепціей*“.

Строго говоря, въ психологіи, если она не подмѣнивается метафизикой, какъ это происходитъ до нѣкоторой степени у Вундта, теперь можно обходиться безъ помощи термина „апперцепція“: все фактическое, что подразумѣваютъ подъ нимъ, можно описать безъ помощи этого слова, въ родѣ того, какъ мы это сдѣлали въ своемъ изложеніи. Если же хотятъ употреблять его ради краткости выраженій, то, конечно, надо придавать ему такой же смыслъ, какъ у Г. И. Челпанова и Джемса, пот. что изо всѣхъ *современныхъ* смысловъ слова „апперцепція“ только этотъ смыслъ свободенъ отъ всякой примѣси метафизики.

Чтобы нагляднѣе разъяснить значеніе, которое Джемсъ придаетъ этому слову, приведемъ въ сокращенномъ видѣ одинъ отрывокъ изъ книжки Джемса „Психологія въ бесѣдахъ съ учителями“. *И все послѣдующее, до конца главы, есть выписка изъ Джемса.* Отмѣтимъ сперва, что Джемсъ такъ же, какъ и мы, считаетъ вполнѣ возможнымъ обходиться въ психологіи безъ помощи слова „апперцепція“.

„Апперцепція, говоритъ онъ, представляетъ въ наше время важную фигуру въ педагогикѣ. Слово апперцепція такъ часто попадается теперь на глаза и такъ поражаетъ слухъ, что добросовѣстный молодой учитель начинаетъ вѣрить, будто бы это слово содержитъ въ себѣ нѣкоторый тайный и могущественный секретъ, что если онъ не проникнетъ въ истинную сущность этого секрета, вся его профессіональная дѣятельность не будетъ имѣть никакого успѣха... А между тѣмъ, когда онъ возьмется за книги и станетъ читать объ этомъ секретѣ, послѣдній кажется ему до того тривіальнымъ, такимъ общимъ мѣстомъ (такъ какъ это слово обозначаетъ не что иное, какъ тотъ способъ, какимъ нашъ духъ усваиваетъ себѣ что бы то ни было), что онъ начинаетъ бояться, не проглядѣлъ ли онъ, по ограниченности своего ума, самаго важнаго, начинаетъ испытывать чувство не то неувѣренности, не то сознанія своей безтолковости, и искренно огорчается отъ своей неспособности къ избранному имъ дѣлу“.

„*Апперцепція не есть что-либо особое, элементарное: это только одинъ изъ безчисленныхъ результатовъ психологическаго процесса ассоціа-*

ціи идей, и психологія легко можетъ обойтись безъ этого слова, какъ бы оно ни было полезно въ педагогикѣ".

„Суть дѣла состоитъ въ слѣдующемъ... Всякое извнѣ приходящее къ намъ впечатлѣніе—будетъ ли это услышанная нами фраза, видимый предметъ, достигшее нашего носа испареніе и т. д.—входитъ въ наше сознаніе лишь послѣ того, какъ оно оформится въ томъ или другомъ опредѣленномъ направленіи, свяжется съ другими, уже находящимися въ духѣ элементами, и произведетъ въ концѣ концовъ то, что̀ мы называемъ „реакціей" съ нашей стороны. Въ какія именно связи оно при этомъ вступитъ, это опредѣляется нашимъ прежнимъ опытомъ и тѣми „ассоціаціями", какія установились между этимъ прежнимъ опытомъ и тѣмъ родомъ впечатлѣній, къ которому относится вновь полученное. Если, напримѣръ, вы слышите, какъ я говорю *A, B, C,* то въ девяти случаяхъ изъ десяти вы на этотъ рядъ впечатлѣній будете реагировать тѣмъ, что внутренно произнесете *D, E, F.* Воспринятое новое впечатлѣніе возбудитъ тѣ, которыя прежде съ нимъ ассоціировались. Эти послѣднія, такъ сказать, идутъ ему навстрѣчу, подхватываютъ его, и оттого духъ узнаётъ въ немъ „начало алфавита". Такова участь всякаго впечатлѣнія: оно попадаетъ въ духъ, обладающій идеями и интересами, и имъ поглощается. Послѣ нѣкотораго опыта и воспитанія ни одинъ воспринимаемый нами предметъ не остается для насъ совершенно новымъ, недоступнымъ для пониманія: онъ всегда *напоминаетъ* намъ что-нибудь—либо сходное съ нимъ по качеству, либо тотъ или другой контекстъ, который окружалъ его когда-либо раньше, и который вызывается имъ въ духѣ и въ настоящій моментъ. Эта умственная свита, привносимая отъ себя каждымъ индивидуальнымъ духомъ, составляется, конечно, изъ готоваго, уже имѣющагося въ немъ капитала. Поэтому всякое впечатлѣніе *понимается* каждымъ человѣкомъ извѣстнымъ, опредѣленнымъ образомъ. Онъ обрабатываетъ его соотвѣтственно сложившимся въ немъ умственнымъ тенденціямъ и наклонностямъ... Этотъ-то способъ усвоенія предмета и есть „апперцепція". Тѣ существующія уже въ духѣ представленія, которыя встрѣчаютъ и ассимилируютъ съ собою новое представленіе, Гербартъ назвалъ апперцепирующей массой. Апперцепируемое впечатлѣніе поглощается этой массой, и въ результатѣ получается нѣкоторое поле сознанія, въ которомъ одна часть (и сплошь да рядомъ лишь очень небольшая) беретъ свое начало во внѣшнемъ мірѣ, а другая (иногда значительно бо̀льшая, чѣмъ первая) дается прежнимъ содержаніемъ духа".

„Теперь, я думаю, вы съ достаточною ясностью видите, что апперцепція есть, какъ я вамъ только-что сказалъ, результатъ ассоціаціи идей. Она создаетъ нѣкотораго рода сліяніе стараго съ новымъ—сліяніе, въ которомъ часто бываетъ невозможно различить долю каждаго изъ этихъ элементовъ. Такъ, напримѣръ, когда вы слушаете, какъ кто-нибудь говоритъ, или когда вы читаете книгу, то многое изъ того, что̀, какъ вамъ кажется, вы видите или слышите, приходитъ на самомъ дѣлѣ изъ памяти. Вы не замѣчаете опечатокъ, подставляя при помощи воображенія надлежащія буквы,

хотя на самомъ дѣлѣ вы *видите* другія. Точно такъ же, когда вы слушаете чью-нибудь рѣчь, вы дѣйствительно слышите очень немного; въ этомъ вы можете убѣдиться, когда пойдете въ театръ, гдѣ играютъ на иностранномъ языкѣ. Тамъ васъ будетъ ставить втупикъ не столько то, что вы не можете понять того, что̀ говорятъ актеры, сколько тотъ фактъ, что вы просто не можете разслышать ихъ словъ. Въ дѣйствительности мы ровно столько же слышимъ и тогда, когда передъ нами играютъ на нашемъ родномъ языкѣ; только нашъ умъ, болѣе богатый словесными ассоціаціями въ области родной рѣчи, даетъ необходимый для пониманія матеріалъ уже при гораздо болѣе легкихъ намекахъ со стороны говорящаго".

„Въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ различныя формы апперцепціи приведены въ систему; ихъ подраздѣленія перечислены, снабжены ярлычками и сведены въ видѣ таблицы, что̀ такъ радуетъ педагогическій взоръ. Въ одной книгѣ, я помню, насчитывалось шестнадцать различныхъ видовъ апперцепціи; тутъ была ассоціативная апперцепція, подводящая апперцепція, апперцепція ассимилятивная или уподобляющая и т. д. до шестнадцати. Нѣтъ нужды говорить, что все это — не что иное, какъ проявленіе той же грубой искусственности, которая всегда находила себѣ пріютъ въ психологіи, и которая продолжаетъ существовать особенно въ сочиненіяхъ, заявляющихъ, что они написаны „для учителей". Текучая жизнь духа распредѣлена здѣсь по клѣточкамъ, удобнымъ для заучиванія въ школѣ, и разорвана на отдѣльные, якобы происходящіе въ духѣ „процессы", обозначенные длинными греческими и латинскими названіями".

„Но если мы рѣшимъ классифицировать различные виды апперцепціи, то нѣтъ никакого основанія, почему бы намъ остановиться на шестнадцати, а не на тысячѣ шестистахъ. Видовъ апперцепціи столько же, сколько есть возможныхъ способовъ воздѣйствія вновь пріобрѣтеннаго опытнаго матеріала на всякій индивидуальный духъ. Недавно я былъ въ гостяхъ у одной дамы, которая двѣ недѣли тому назадъ была со своимъ семилѣтнимъ сыномъ на Ніагарскомъ водопадѣ. Мальчикъ, впервые видѣвшій водопадъ, долго молча смотрѣлъ на это явленіе природы, пока его мать, полагая, что его молчаніе объясняется величіемъ зрѣлища, не спросила его: „ну, мой мальчикъ, что̀ ты объ этомъ думаешь?" — „Эти брызги — такія же, какъ тѣ, которыми я спрыщую себѣ носъ!" отвѣтилъ на это мальчикъ... Такъ апперцепировалъ онъ это зрѣлище. Вы можете объявить и этотъ отвѣтъ особымъ видомъ апперцепціи, можете, если угодно, назвать его греческимъ именемъ „ринотерапевтической (т.-е. носолечебной) апперцепціи"; и если вы это сдѣлаете, то врядъ ли окажетесь тривіальнѣе и искусственнѣе нѣкоторыхъ изъ авторовъ, писавшихъ объ этомъ предметѣ".

„Одно и то же лицо можетъ въ различныхъ случаяхъ совершенно различно апперцепировать одно и то же впечатлѣніе, въ зависимости отъ хода своихъ мыслей или отъ своего настроенія въ данный моментъ. Производящій экспертизу врачъ или инженеръ, занятый въ данную минуту лишь одною

стороной дѣла, апперцепируетъ факты не такъ, какъ онъ же самъ апперцепировалъ бы ихъ, если бы его интересовала другая сторона".

31. Чувства: эмоціи; аффекты; современное положеніе психологіи чувствъ; теорія Джемса-Ланге; теорія Вундта.

Разсмотрѣвъ составъ волевыхъ явленій, мы удостовѣрились, что въ нихъ нѣтъ специфическаго волевого элемента, и что весь потокъ душевной жизни слагается изъ разнообразныхъ сочетаній чувствъ, мыслей и ощущеній (см. стр. 311). Относительно же мыслей мы уже раньше убѣдились, что онѣ состоятъ изъ разнообразныхъ переживаній чистой мысли въ соединеніи съ слабыми ощущеніями, которыя служатъ какъ бы воплощеніемъ чистой мысли (см. стр. 170 и слѣд.), и что въ настоящее время еще нѣтъ основаній допускать переживанія такой чистой мысли, которая не воплощалась бы ни въ какія ощущенія (см. стр. 182). А что̀ такое чувства? Нѣтъ ли въ ихъ составѣ какого-нибудь специфическаго элемента, т.-е. такого элемента, который отличался бы отъ чистой мысли и ощущеній и который поэтому можно. было бы называть специфическимъ эмоціональнымъ элементомъ?

Прежде, чѣмъ говорить о чувствахъ, конечно, слѣдуетъ указать, о чемъ именно у насъ будетъ идти рѣчь. *Слово „чувство" имѣетъ три разныхъ смысла.*

Во-первыхъ, имъ обозначаютъ способности къ ощущеніямъ и воспріятіямъ. Въ этомъ смыслѣ говорятъ о *чувствѣ* слуха, *чувствѣ* зрѣнія, *чувствѣ* тяжести, *чувствѣ* равновѣсія, *чувствѣ* пространства, *чувствѣ* времени и т. п.

Во-вторыхъ, чувствами часто называютъ такія душевныя переживанія, составъ которыхъ остается еще невыясненнымъ—потому ли, что мы не умѣемъ его выяснить, или же потому, что въ его выясненіи намъ нѣтъ надобности въ данную минуту, это все равно. Такъ, говорятъ о *чувствѣ* знакомости того предмета, который воспринимается нами не въ первый разъ, о *чувствѣ* знакомости воспроизведенныхъ представленій, о *чувствѣ* голода, жажды и т. п. Сообразно съ этимъ слово „*чувствовать*" употребляется часто, какъ синонимъ слова „*сознавать*". Такъ, говорятъ: „мы чувствуемъ желаніе", или,—„мы чувствуемъ образъ слова, какъ общее представленіе" и т. п.

Въ-третьихъ, наконецъ, *чувствами называются такія душевныя переживанія, которыя остаются, если вычесть изъ душевной жизни познавательныя и волевыя явленія, а также внутреннія ощущенія.* Таковы: удовольствіе, неудовольствіе, гнѣвъ, радость, печаль, любовь и т. д. *Только въ этомъ третьемъ смыслѣ слова мы и будемъ теперь говорить о чувствахъ.*

Конечно, только-что указанное опредѣленіе чувствъ можетъ считаться всего лишь номинальнымъ (словеснымъ), но отнюдь не реальнымъ. Оно говоритъ намъ только о томъ, гдѣ слѣдуетъ употреблять *слово* „чувство",

какіе факты душевной жизни условлено называть этимъ *именемъ* (nomen), но еще ровно ничего не говоритъ о самихъ этихъ фактахъ. Но, во-первыхъ, чувства такъ многочисленны и такъ разнообразны, что психологамъ все еще не удается составить для нихъ вполнѣ правильное реальное опредѣленіе, т.-е. опредѣленіе, указывающее общіе для всѣхъ чувствъ признаки, которыми они отличались бы отъ всѣхъ остальныхъ явленій душевной жизни. Поэтому многіе психологи, напр.—Бенъ, Джемсъ и др., отказываются, какъ и мы, отъ всякихъ попытокъ построить реальное опредѣленіе чувствъ и довольствуются въ своемъ изложеніи только-что указаннымъ, чисто-номинальнымъ опредѣленіемъ. Во-вторыхъ, отсутствіе реальнаго опредѣленія чувствъ еще не составляетъ никакой бѣды въ той наукѣ, которая хочетъ строить свое ученіе о нихъ путемъ разсмотрѣнія самихъ чувствъ, вглядываясь въ нихъ, какъ они даны въ опытѣ, а не путемъ заключеній и выводовъ о нихъ, основанныхъ на ихъ опредѣленіи. Реальныя опредѣленія неустранимы лишь тамъ, гдѣ мы хотимъ расширять знаніе безъ помощи установки данныхъ опыта, какъ это мы, напр., дѣлаемъ въ математикѣ. Въ наукахъ же, которыя доказываютъ каждое изъ своихъ положеній не иначе, какъ путемъ установки данныхъ опыта, можно смѣло обходиться съ помощью однихъ лишь номинальныхъ опредѣленій. Вѣдь здѣсь достаточно только не ошибаться въ употребленіи того или другого имени (nomen), а каковы факты, обозначаемые этимъ именемъ, покажутъ данныя опыта.

Мы упомянули на стр. 83, что тѣ чувства, о которыхъ у насъ идетъ рѣчь, многіе русскіе авторы для отличія отъ чувствъ въ другихъ смыслахъ слова называютъ *чувствованіями*. Но, не говоря уже о крайней неуклюжести этого искусственнаго термина, въ немъ нѣтъ никакой надобности, потому что съ помощью связи рѣчи всегда ясно видно, по крайней мѣрѣ—всегда можно сдѣлать яснымъ, въ какомъ смыслѣ употреблено слова „чувство“. Но станемъ ли мы употреблять это слово, или же замѣнимъ его словомъ „чувствованіе“, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ отъ нашего термина нельзя образовать соотвѣтственное ему прилагательное. Вѣдь слова „чувственный“ и „чувствительный“ прочно пріобрѣли совсѣмъ другой смыслъ, чѣмъ это нужно для нашихъ цѣлей, а кромѣ нихъ нельзя образовать никакого новаго прилагательнаго отъ словъ „чувство“ и „чувствованіе“. Въ виду этого многіе авторы стали употреблять, какъ *синонимъ* слова „чувство“, взятаго въ его третьемъ смыслѣ, терминъ „эмоція“, потому что отъ него легко образуется прилагательное „эмоціональный“. Такъ точно условимся поступать и мы. Пусть и *у насъ слово „эмоція“ служитъ синонимомъ слова „чувство“, взятаго въ его третьемъ смыслѣ.*

Но при этомъ необходимо сдѣлать слѣдующее замѣчаніе: слово „эмоція“ происходитъ отъ латинскаго emovere, что значитъ двигать внаружу, выталкивать, взрывать. Въ англійскомъ языкѣ оно стало обозначать душевныя волненія, душевныя движенія и т. п. И нѣкоторые психологи условливаются называть эмоціями не всѣ чувства, какъ это дѣлаютъ остальные, а лишь опредѣленную *группу чувствъ*, именно тѣ, которыя болѣе другихъ похожи

на волненія или движенія души, въ родѣ: гнѣва, радости, печали и т. д. Поэтому *при чтеніи любого психологическаго сочиненія нужно всегда выяснить себѣ, въ какомъ смыслѣ употребляется въ немъ терминъ „эмоція“, чтобы не подсовывать подъ него иного смысла, чѣмъ хочетъ авторъ.*

Здѣсь кстати будетъ упомянуть о *терминѣ „аффектъ“*, потому что его часто употребляютъ, когда говорятъ о чувствахъ. Это слово произошло отъ латинскаго afficio, что̀ значитъ—*воздѣйствую*. Въ старинной литературѣ аффектами назывались всѣ чувства; ибо въ латинскомъ языкѣ (а имъ только и пользовалась старинная научная литература) нѣтъ слова, которымъ съ бо̀льшимъ удобствомъ, чѣмъ этимъ, можно было бы называть всѣ чувства, и которое не обозначало бы вмѣстѣ съ тѣмъ, и даже преимущественно, ощущеній. Въ новой же психологіи, пользующейся живыми языками, встрѣчается различное отношеніе къ термину „аффектъ“, именно:

1. Нѣкоторые авторы считаютъ его безполезнымъ для науки и вовсе не пользуются имъ при изложеніи своего ученія о чувствахъ.

2. Вмѣстѣ съ тѣмъ и теперь еще попадаются авторы, употребляющіе это слово для обозначенія всякаго чувства.

3. Нѣкоторые же авторы называютъ аффектами не всѣ чувства, а только часть чувствъ, при чемъ они далеко не одинаково опредѣляютъ понятіе аффекта. Напр., далеко неодинаковы опредѣленія Вундта и Гефдинга. Вотъ какъ опредѣляетъ аффекты Вундтъ: „если рядъ послѣдовательныхъ чувствъ сливается въ одно цѣлое, выдѣляющееся въ качествѣ своеобразнаго состоянія изъ процессовъ, предшествующихъ и послѣдующихъ, и обнаруживающее при этомъ вообще болѣе сильное вліяніе на субъекта, чѣмъ это обыкновенно дѣлаютъ отдѣльно взятыя чувства, то мы называемъ подобный замкнутый въ себѣ процессъ теченія чувства *аффектомъ*“. Такимъ образомъ, подъ аффектами подразумѣвается у Вундта не иначе, какъ сложныя чувства—*рядъ* чувствъ, и притомъ такія сложныя чувства, которыя дѣйствуютъ на субъекта сильнѣе, чѣмъ отдѣльно взятыя чувства. Конечно, все это не слишкомъ ясно. Но какъ дѣло стоитъ у Гефдинга? Послѣдній противопоставляетъ, по примѣру Канта, аффекты страстямъ и подчеркиваетъ въ аффектахъ внезапность взрыва чувства. „Подъ *аффектомъ* или *душевнымъ волненіемъ*, говоритъ онъ, понимается *внезапный* взрывъ чувства, которое завладѣваетъ на нѣкоторое время душою и тормозитъ свободное естественное соединеніе познавательныхъ элементовъ. *Страстъ*, напротивъ того, есть чувство, сдѣлавшееся второй природой, укоренившееся благодаря привычкѣ. Чѣмъ аффектъ съ его сильнымъ экспансивнымъ движеніемъ бываетъ въ отдѣльный моментъ, тѣмъ страсть бываетъ въ глубинѣ души, какъ сбереженное количество силы, готовой къ дѣйствію. Поэтому страсть не исключаетъ спокойнаго обдумыванія. Напротивъ того, она находитъ себѣ выраженіе въ мысли, господствующей надъ всѣмъ кругомъ представленій“. Тотчасъ же Гефдингъ приводитъ слѣдующія слова Канта; „аффектъ, говоритъ Кантъ, дѣйствуетъ, какъ вода, прорывающая плотину; страсть—какъ потокъ, все глубже и глубже уходящій въ свое русло... Аффектъ, это—временное опьяненіе;

на страсть же можно смотрѣть какъ на безуміе, не разстающееся съ представленіемъ, которое укореняется все глубже и глубже".

Какъ же объяснить все это разнообразіе отношеній къ термину „аффектъ"? Изъ книгъ это наслѣдіе тѣхъ временъ, когда всѣ научныя произведенія писались только на латинскомъ языкѣ, попало въ обыденную жизнь, откуда теперь, въ свою очередь, заимствуется психологами, пишущими на родномъ языкѣ, и гдѣ, конечно, оно не могло вытѣснить уже имѣющееся слово чувство, но употребляется рядомъ съ нимъ. А происходя отъ латинскаго „воздѣйствовать", слово „аффектъ" въ обыденной жизни стало обозначать не всѣ чувства, но только чувства, оказывающія *сравнительно большее* воздѣйствіе на человѣка, такъ что разница между аффектами и другими чувствами выходитъ лишь чисто количественной и не имѣющей строго опредѣленнаго характера. Вотъ все это и отражается на употребленіи или неупотребленіи разными авторами слова „аффектъ".

Изъ всего сказаннаго вытекаютъ поучительныя слѣдствія, изъ которыхъ одно касается самихъ авторовъ психологическихъ сочиненій, а другія тѣхъ, кто изучаетъ психологическую литературу.

Первое таково: *если* авторъ найдетъ *полезнымъ* употреблять терминъ „аффектъ" въ видѣ вспомогательнаго средства при изложеніи своего ученія о чувствахъ (а въ этомъ средствѣ можетъ и не быть никакой надобности), то онъ въ правѣ опредѣлять этотъ терминъ по-своему, лишь бы онъ *твердо выдерживалъ установленное имъ опредѣленіе*, а не сбивался на другія опредѣленія, и лишь бы оно *въ самыхъ общихъ* чертахъ согласовалось съ обычнымъ употребленіемъ этого слова. Напр.: нельзя же называть аффектами, если отличать ихъ отъ другихъ чувствъ, едва замѣтныя чувства.

Слѣдствія же, касающіяся тѣхъ, кто изучаетъ психологическія сочиненія, таковы:

1. Изучая какого-либо автора, употребляющаго слово „аффектъ", надо брать этотъ терминъ только въ такомъ смыслѣ, въ какомъ устанавливаетъ его самъ авторъ, отнюдь не соединяя съ нимъ другихъ значеній этого слова, такъ что *нельзя пополнять свое знаніе аффектовъ путемъ простого, чисто механическаго прибавленія ученія одного автора объ аффектахъ къ ученію другого.*

2. Не слѣдуетъ ломать голову надъ попытками выяснить, кто правильнѣе *опредѣляетъ* аффекты; ибо вся эта правильность сводится всего лишь къ нашей привычкѣ употреблять это слово въ опредѣленномъ смыслѣ, которая, разумѣется, установилась чисто случайнымъ образомъ, либо подъ вліяніемъ обыденной жизни, либо подъ вліяніемъ прежде прочитанныхъ книгъ. Взамѣнъ того, надо слѣдить, кто правильнѣе *пользуется* понятіемъ аффекта, какъ *вспомогательнымъ*, т.-е. надо смотрѣть:

a) Ясно ли опредѣляетъ его данный авторъ, или же такъ, что не отличить аффектовъ отъ другихъ чувствъ?

b) Строго ли выдерживаетъ онъ свое опредѣленіе, или же сбивается на чужія?

c) Выходитъ ли у него вообще какая-нибудь польза для изложенія его ученія отъ употребленія этого понятія, или же все оно могло бы быть высказано съ полной ясностью и безъ его помощи?

Что же касается нашего изложенія, то намъ нѣтъ ни малѣйшей надобности употреблять слово „аффектъ", пот. что въ психологіи чувствъ мы ограничимся однимъ только главнымъ вопросомъ, именно—вопросомъ о составѣ чувствъ, подобно тому, какъ и въ психологіи воли мы ограничились только вопросомъ о составѣ волевыхъ явленій, какъ самымъ главнымъ.

Психологія чувствъ составляетъ одинъ изъ наихудшихъ, по своей малой разработанности, отдѣловъ психологіи. Ея неразработанность особенно ярко сказывается въ слѣдующихъ отношеніяхъ:

1—До сихъ поръ никому не удалось установить классификацію чувствъ, которая была бы принята, если и не всѣми, то значительнымъ числомъ психологовъ, хотя, вслѣдствіе многочисленности и крайняго разнообразія чувствъ, ихъ нельзя подробно изучать безъ предварительной классификаціи.

2—До сихъ поръ относительно чувствъ никѣмъ не установлено никакихъ научныхъ *общепризнанныхъ* обобщеній. Изъ обобщеній же, появлявшихся до сихъ поръ, наибольшаго вниманія заслуживаютъ теорія Джемса-Ланге и теорія Вундта, которыя мы изложимъ ниже; ибо каждая изъ нихъ относится къ главному вопросу психологіи чувствъ, именно—къ вопросу о составѣ чувствъ.

3—Даже въ описаніи и въ анализѣ отдѣльныхъ чувствъ или небольшихъ, наиболѣе сходныхъ между собой, группъ чувствъ замѣчается не малая разноголосица, а сверхъ того, какая-то блѣдность содержанія. И врядъ ли можно считать чрезмѣрнымъ преувеличеніемъ слова Джемса, который говоритъ, что *онъ гораздо больше и наглядніе знакомился съ различными чувствами посредствомъ чтенія хорошихъ беллетристическихъ произведеній, чѣмъ изъ психологическихъ трактатовъ*, что изъ послѣднихъ онъ выносилъ только знаніе разныхъ синонимовъ, употребляемыхъ при описаніи отдѣльныхъ чувствъ, вслѣдствіе чего *Джемсъ всѣ психологическіе трактаты о чувствахъ характеризуетъ, какъ всего только словари синонимовъ*. Кое-какое преувеличеніе въ этихъ словахъ несомнѣнно есть, и наипростѣйшимъ доказательствомъ такого преувеличенія служитъ сама же теорія Джемса. Но относительно наглядности въ описаніи чувствъ, ихъ превращеній другъ въ друга (напр., любви въ ненависть или наоборотъ), ихъ вліяній на общій ходъ душевной жизни и т. п. хорошія беллетристическія произведенія дѣйствительно превосходятъ любой психологическій трактатъ.

Таковы важнѣйшіе недостатки психологіи чувствъ. И они объясняются не только крайнимъ разнообразіемъ и многочисленностью чувствъ, но также и тѣмъ еще, что *чувства почти недоступны прямому самонаблюденію*, т.-е. самонаблюденію, которое производилось бы въ тотъ самый моментъ, когда чувство еще переживается нами: *если производить прямое самонаблюденіе надъ своимъ чувствомъ, то послѣднее отъ этого быстро осла-*

бываетъ и даже исчезаетъ. Съ перваго взгляда это можетъ показаться не вполнѣ вѣрнымъ: иногда возражаютъ, будто бы страхъ вѣрнѣе исчезнетъ, если забыть о немъ, а отъ сосредоточенія вниманія на немъ онъ усиливается. Но въ этомъ возраженіи смѣшиваютъ другъ съ другомъ сосредоточеніе вниманія на предметѣ или мысляхъ, вызывающихъ данное чувство, съ сосредоточеніемъ вниманія на самомъ этомъ чувствѣ съ цѣлью дать себѣ отчетъ въ особенностяхъ его качества и въ его составѣ. Если думать о предметѣ, вызывающемъ страхъ, о томъ, чѣмъ именно онъ страшенъ и т. п.,—напр., если, находясь въ темномъ пустомъ домѣ, упорно думать обо всемъ этомъ, то страхъ, конечно, усилится. Если же сосредоточить вниманіе на самомъ страхѣ, на его составѣ, на его отличіяхъ отъ другихъ чувствъ, съ намѣреніемъ подглядѣть все это въ томъ самомъ страхѣ, который сейчасъ переживается нами, то такое прямое самонаблюденіе убиваетъ страхъ именно оттого, что при прямомъ самонаблюденіи надъ самимъ чувствомъ наше вниманіе отвлекается отъ всего, что̀ служитъ причиной страха. Такимъ образомъ, чтобы судить о составѣ чувствъ, приходится основываться почти исключительно на непрямомъ самонаблюденіи. *Но если мы захотимъ для этой цѣли пользоваться одними лишь воспоминаніями о пережитыхъ нами чувствахъ, то у насъ окажется мало матеріала*; ибо то, что̀ протекаетъ въ нашей душевной жизни безъ всякаго вниманія съ нашей стороны, оставляетъ послѣ себя лишь самыя слабыя и отрывочныя воспоминанія; а во время переживанія чувства вниманіе занято его предметомъ, а не самимъ чувствомъ. *Если же мы станемъ разсматривать воображаемыя чувства, то окажемся въ такомъ же положеніи, какъ и при прямомъ самонаблюденіи.* Вѣдь оттого только и позволительно обращаться къ этому пріему самонаблюденія, что воображать себя переживающимъ какое-либо чувство — то же самое, что въ слабой степени дѣйствительно переживать его. А отъ сосредоточенія вниманія на самомъ чувствѣ послѣднее ослабѣваетъ и исчезаетъ, какимъ бы путемъ оно ни возникло, подъ вліяніемъ ли дѣйствительнаго или воображаемаго предмета, это все равно. Словомъ: наблюдать въ себѣ составъ и различные оттѣнки чувствъ можно только урывками.

Перейдемъ теперь къ изложенію двухъ вышеупомянутыхъ теорій. Начнемъ съ теоріи Джемса-Ланге, получившей такое названіе по именамъ американскаго психолога Джемса и датскаго физіолога Ланге, пот. что оба они пришли къ ней одновременно и независимо другъ отъ друга (именно — въ серединѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія). Впрочемъ, когда разсматриваютъ эту теорію, то всегда имѣютъ въ виду ту обработку, которую придалъ ей Джемсъ, потому что онъ разработалъ эту теорію шире и глубже, чѣмъ Ланге. Поэтому ее нерѣдко называютъ даже именемъ одного лишь Джемса, т.-е. теоріей Джемса. Совпаденіе же во взглядахъ двухъ ученыхъ, принадлежащихъ къ разнымъ національностямъ, живущихъ въ разныхъ частяхъ свѣта и пришедшихъ тѣмъ не менѣе *одновременно и независимо*

другъ отъ друга къ одинаковымъ воззрѣніямъ, доказываетъ, что въ послѣднихъ много правды.

Подъ именемъ эмоцій Джемсъ подразумѣваетъ всѣ чувства; но свою теорію эмоцій самъ онъ относитъ не ко всѣмъ чувствамъ, а лишь къ „*наиболѣе грубымъ*“, какъ онъ называетъ нѣкоторыя изъ нихъ, указывая, какъ отличительную черту грубыхъ эмоцій, что онѣ „*тѣсно связаны съ сильнымъ тѣлеснымъ возбужденіемъ*“. Про болѣе же тонкія эмоціи онъ говоритъ, что онѣ не подходятъ подъ его теорію. Такимъ образомъ, она, напр., не относится, по его же собственнымъ словамъ, къ чувствамъ нравственнаго удовлетворенія, благодарности, любопытства и т. д.: это его собственные примѣры. Впрочемъ, относительно тонкихъ эмоцій Джемсъ въ концѣ концовъ дѣлаетъ такую оговорку, которая даетъ право думать, что ограниченіе годности его теоріи допускается имъ только для устраненія излишнихъ споровъ, и что ее надо относить ко всѣмъ чувствамъ, даже и къ тонкимъ. Но это заключеніе сдѣлается гораздо яснѣе, когда мы познакомимся съ теоріей Джемса. Тогда мы и вернемся къ его оговоркѣ, а пока будемъ имѣть въ виду только грубыя эмоціи.

Теорія Джемса сводится къ слѣдующимъ положеніямъ: *всякая грубая эмоція состоитъ только изъ отраженія въ сознаніи тѣхъ тѣлесныхъ измѣненій, какія всегда бываютъ при этой эмоціи, т.-е. изъ тѣхъ органическихъ и моторныхъ ощущеній, которыя вызываются этими тѣлесными измѣненіями, и больше ни изъ чего. А возникаетъ каждая грубая эмоція слѣдующимъ путемъ: предметъ эмоціи, т.-е. мысль о какомъ-либо предметѣ, или же воспріятіе этого предмета, вызываетъ въ нашемъ организмѣ рядъ измѣненій, составляющихъ такъ называемое воплощеніе эмоціи; вслѣдствіе же этихъ тѣлесныхъ измѣненій возникаетъ въ насъ та совокупность органическихъ и моторныхъ ощущеній, которая образуетъ данную эмоцію.* Напр.: если *я*, гуляя въ лѣсу, встрѣчу медвѣдя, то его воспріятіе въ соединеніи съ мыслью объ его опасности такъ иннервируетъ мои мускулы, чтобы я обратился въ бѣгство; вмѣстѣ съ тѣмъ оно вызываетъ перемѣны въ кровообращеніи, въ дѣятельности сердца, легкихъ, кишекъ и т. д. Вслѣдствіе же всѣхъ этихъ чисто тѣлесныхъ явленій въ сознаніи возникаетъ совокупность строго опредѣленныхъ моторныхъ и органическихъ ощущеній, которая и составляетъ эмоцію страха. Послѣдняя состоитъ не изъ чего другого, какъ только изъ этихъ ощущеній, или, что то же самое, изъ отраженія въ сознаніи тѣлесныхъ измѣненій, вызванныхъ въ организмѣ воспріятіемъ медвѣдя, соединеннымъ съ мыслью объ его опасности.

Очевидно, теорія Джемса-Ланге сильно отличается отъ обычнаго взгляда на эмоціи, при чемъ это отличіе легко можетъ быть представлено схематически. Для этой цѣли условимся называть буквой *П* представленіе или воспріятіе предмета эмоціи (скажемъ, воспріятіе встрѣтившагося медвѣдя), буквой *Э* эмоцію, буквой *В* внутреннія, т.-е. органическія и моторныя ощущенія, возбуждаемыя въ нашемъ сознаніи воплощеніемъ эмоціи въ видѣ

ряда тѣлесныхъ измѣненій, наконецъ, буквой *Т* эти самыя тѣлесныя измѣненія. Стрѣлками же условимся обозначать, въ какомъ порядкѣ возникаютъ одно послѣ другого всѣ эти явленія. Тогда обычный взглядъ на эмоціи выразится слѣдующей схемой:

$$П \longrightarrow Э \longrightarrow Т \longrightarrow В.$$

Это значитъ, что предметъ вызываетъ эмоцію, а она вызываетъ тѣ тѣлесныя измѣненія, которыя называются „воплощеніемъ данной эмоціи", они же вызываютъ внутреннія ощущенія, именно—органическія и моторныя.

Взглядъ же Ланге и Джемса соотвѣтствуетъ такой схемѣ:

$$П \longrightarrow Т \longrightarrow В = Э.$$

Это значитъ, что предметъ вызываетъ прямо, безъ помощи особаго эмоціональнаго элемента, тѣлесное воплощеніе эмоціи, которое, въ свою очередь, вызываетъ внутреннія, именно—органическія и моторныя ощущенія, а они-то и *составляютъ* всю эмоцію. (Это отмѣчено въ схемѣ знакомъ равенства, поставленнымъ между *В* и *Э*). При обычномъ же взглядѣ внутреннія, т.-е. органическія и моторныя, ощущенія, вызываемыя тѣлеснымъ воплощеніемъ эмоціи, *присоединяются* къ ней уже *послѣ* ея возникновенія, такъ что сама-то эмоція существуетъ еще раньше, чѣмъ возникнетъ ея воплощеніе и возбуждаемыя имъ внутреннія ощущенія. *Состоитъ же эмоція, по обычному взгляду,* въ чемъ-то другомъ, чѣмъ совокупность моторныхъ и органическихъ ощущеній, *въ какомъ-то особомъ или своеобразномъ для каждой эмоціи элементѣ душевной жизни.* Этотъ-то, особый для каждаго чувства, эмоціональный элементъ и возбуждаетъ, по обычному взгляду, ту совокупность физіологическихъ явленій, которая служитъ тѣлеснымъ воплощеніемъ эмоціи.

Чтобы сильнѣе подчеркнуть отличіе своей теоріи отъ обычнаго взгляда на эмоціи, Джемсъ прибѣгаетъ къ слѣдующей шуткѣ. Онъ указываетъ на то, что обыкновенно говорятъ такъ: „мы плачемъ оттого, что мы опечалены". А сообразно съ его теоріей нужно бы вотъ какъ говорить: „оттого, что я плачу, я печаленъ", потому что печаль есть только отраженіе въ сознаніи, въ видѣ органическихъ и моторныхъ ощущеній, того тѣлеснаго воплощенія, которое бываетъ при печали, и въ составъ котораго, между прочимъ, входитъ плачъ. Точно также жъ надо бы говорить, по шутливымъ словамъ Джемса, „оттого, что я обращаюсь въ бѣгство, я испуганъ", а не слѣдовало бы выражаться: „потому что я испуганъ, я обращаюсь въ бѣгство".

Конечно, можно плакать, не испытывая ни малѣйшей печали. Напр., когда рѣжутъ лукъ, то всегда плачутъ, хотя не испытываютъ никакой печали. Точно такъ же можно обращаться въ бѣгство, испытывая не страхъ, а веселье,—во время какой-нибудь игры. И это легко объясняется тѣмъ, что тѣлеснымъ воплощеніемъ печали служитъ не только плачъ, а еще кое-какія тѣлесныя явленія, и тѣлеснымъ воплощеніемъ страха служитъ не одно лишь бѣгство. Мысль же, которую хочетъ подчеркнуть Джемсъ, сво-

дится къ слѣдующему положенію: *обыкновенно думаютъ, будто бы эмоція служитъ причиной появленія ея тѣлеснаго воплощенія, въ дѣйствительности же мы оттого и переживаемъ эту эмоцію, что появляется въ полномъ видѣ ея тѣлесное воплощеніе.*

Теорію Джемса-Ланге нерѣдко называютъ теоріей периферическаго возникновенія эмоцій, обычный же взглядъ на нихъ—теоріей центральнаго возникновенія. Причины, по которымъ употребляются эти названія, слѣдующія: по теоріи Джемса-Ланге, эмоція, состоя только изъ внутреннихъ ощущеній, конечно, возникаетъ не иначе, какъ вмѣстѣ съ ними. Они же вызываются тѣми тѣлесными явленіями, которыя происходятъ на *периферіи* нервной системы, именно—въ мускулахъ и органахъ растительной жизни. По обычному же взгляду, эмоція возникаетъ раньше, чѣмъ эти внутреннія ощущенія, пот. что она-то именно и вызываетъ то тѣлесное воплощеніе, которое возбуждаетъ означенныя ощущенія. Но она, конечно, имѣетъ свою физіологическую подкладку въ видѣ нѣкоторыхъ процессовъ въ головномъ мозгу, т.-е. въ *центрѣ* нервной системы. Такимъ образомъ, по обычному взгляду, полный процессъ переживанія эмоціи, считая въ немъ и тѣлесное воплощеніе, и вызываемыя имъ внутреннія ощущенія, начинается съ центра, а по Джемсу и Ланге—съ периферіи нервной системы.

Что же касается доводовъ, которыми Джемсъ подтверждаетъ свою теорію, то они таковы:

1—Самымъ важнымъ изъ всѣхъ доказательствъ Джемсъ считаетъ слѣдующее: *если изъ какой-нибудь сильной эмоціи мысленно вычесть одно за другимъ всѣ внутреннія ощущенія, возбуждаемыя связанными съ ней тѣлесными измѣненіями, то отъ данной эмоціи ничего не останется, кромѣ совершенно холоднаго, чуждаго всякой эмоціональной примѣси, чисто познавательнаго явленія, состоящаго въ представленіи или воспріятіи предмета этой эмоціи.* Если, напр., вычесть изъ чувства сильнаго гнѣва ощущеніе волненія въ груди, прилива крови къ лицу, расширенія ноздрей, стискиванія зубовъ и энергичнаго напряженія другихъ мускуловъ, то останется только представленіе или воспріятіе разгнѣвавшаго предмета, которое уже будетъ вполнѣ холоднымъ, чуждымъ эмоціональной примѣси, познавательнымъ явленіемъ. По словамъ Джемса, всѣ опрашиваемыя имъ лица, которыя умѣли правильно понять его, вполнѣ соглашались, что при этомъ вычитаніи получится лишь тотъ остатокъ, который указывается имъ. Но нѣкоторые изъ опрашиваемыхъ имъ лицъ *возражали* ему, утверждая, что они не могутъ представить себѣ смѣшной предметъ безъ чувства смѣха и т. п. Джемсъ объясняетъ это тѣмъ, что они не могутъ толкомъ понять предложеннаго имъ вопроса. Вмѣсто того, чтобы разсматривать, останется ли что-нибудь отъ переживанія чувства смѣха, кромѣ представленія смѣшного предмета, если *мысленно* вычесть изъ этого переживанія всѣ внутреннія ощущенія, означенныя лица смотрятъ: переживается ли *на дѣлѣ* представленіе смѣшного предмета безъ этихъ ощущеній.

2—По мнѣнію Джемса, *его теорія нагляднѣйшимъ образомъ под*

тверждается еще тѣми случаями эмоцій, когда онѣ возникаютъ подъ вліяніемъ однихъ лишь чисто тѣлесныхъ причинъ; ибо здѣсь отсутствуетъ даже простое воспріятіе предмета эмоціи, и послѣдней въ этихъ случаяхъ, думаетъ Джемсъ, не изъ чего состоять, кромѣ какъ изъ органическихъ и моторныхъ ощущеній, вызываемыхъ тѣлесными измѣненіями. Таковы, напр., гнѣвъ отъ отравленія мухоморомъ, радость отъ отравленія виномъ, безпричинный страхъ при нѣкоторыхъ заболѣваніяхъ и т. п.

3—Въ видѣ же дополнительнаго доказательства, какъ называетъ его самъ Джемсъ, у него приводится такой доводъ: *вызывая въ себѣ при спокойномъ состояніи духа такъ называемыя внѣшнія проявленія эмоціи, мы вызовемъ и эту эмоцію; а если она уже и безъ того существуетъ, то усилимъ ее; и, наоборотъ, подавивъ въ себѣ всѣ ея внѣшнія проявленія, мы уничтожимъ ее.* Напр., бѣгство при опасности усиливаетъ страхъ. Внѣшнія проявленія гнѣва: брань, сжиманіе кулаковъ и т. п., разжигаютъ его. Но попробуйте, говоритъ Джемсъ, задержавъ эти проявленія, сосчитать до десяти, и отъ гнѣва не останется слѣда, и часто поводъ, возбудившій его, представится послѣ этого смѣшнымъ. Напротивъ, продолжаетъ онъ, попробуйте просидѣть цѣлый день въ задумчивой позѣ, поминутно вздыхая, отвѣчая упавшимъ голосомъ на всѣ вопросы, и вы вызовете въ себѣ меланхолію.

При этомъ Джемсъ предвидитъ два возраженія:

a) подавленіе внѣшнихъ проявленій эмоціи часто, взамѣнъ уничтоженія, усиливаетъ ее до мучительнаго состоянія. Такъ, мучителенъ сильный взрывъ чувства смѣшного при необходимости подавлять смѣхъ; гнѣвъ, проявленія котораго подавляются изъ страха обнаружить его, иногда превращается въ мучительную злобу. Напротивъ, свободное проявленіе эмоціи, давъ ей пройти весь свой путь до конца, помогаетъ покончить съ ней.

b) Многіе актеры искуснѣйшимъ образомъ воспроизводятъ во время игры всѣ внѣшнія проявленія эмоціи, но изъ нихъ только нѣкоторые, а не всѣ, переживаютъ въ это время соотвѣтственную эмоцію, какъ объ этомъ свидѣтельствовали сами они, отвѣчая на спеціальные разспросы по этому поводу.

Джемсъ на оба возраженія отвѣчаетъ указаніемъ, что эмоція порождается не только тѣми измѣненіями, которыя происходятъ всего лишь, такъ сказать, на поверхности тѣла въ видѣ мимики, жестовъ и интонацій, но *главнымъ образомъ* возбужденіями *внутреннихъ органовъ*. И вотъ, нервная энергія, которая должна бы вызвать измѣненія на поверхности тѣла, можетъ при подавленіи этихъ измѣненій направиться на внутренніе органы и усилить ихъ возбужденіе, чѣмъ Джемсъ объясняетъ фактъ, указываемый въ первомъ возраженіи. Актеры же, упоминаемые во второмъ возраженіи, по его словамъ, сумѣли, въ отличіе отъ другихъ своихъ собратьевъ, разъединить естественную связь между поверхностнымъ и внутреннимъ возбужденіемъ организма, вслѣдствіе чего они могутъ удачно воспроизводить чисто поверхностныя проявленія эмоціи, не переживая самой эмоціи, потому что у нихъ въ это время нѣтъ соотвѣтствующаго ей возбужденія внутреннихъ органовъ.

Познакомившись съ теоріей Джемса, прибавимъ къ ней отъ себя еще два дополнительныхъ доказательства:

Во-1-хъ, *тѣ состоянія организма, которыя порождаютъ различныя органическія ощущенія, вмѣстѣ съ тѣмъ отзываются либо содѣйствующимъ, либо задерживающимъ образомъ и на появленіи эмоцій.* Такъ, голодный человѣкъ всегда бываетъ сердитѣе, легче впадаетъ въ гнѣвъ, чѣмъ сытый. Далѣе: нельзя себѣ представить, чтобы Ромео могъ влюбиться въ Джульету при первой же встрѣчѣ съ ней, если бы у него въ это время былъ сильный, сопровождающійся угнетеннымъ самочувствіемъ, насморкъ. Все это, съ точки зрѣнія теоріи Джемса, вполнѣ понятно, но совершенно неестественно, если каждая эмоція образуетъ своеобразный элементъ душевной жизни, не состоящій изъ комплекса внутреннихъ ощущеній, а всего только сопровождаемый имъ: если ея составъ не зависитъ отъ органическихъ ощущеній, то ея возникновеніе не должно бы зависѣть отъ условій, вліяющихъ на возникновеніе этихъ ощущеній.

Въ-2-хъ, *сами же органическія и моторныя ощущенія въ обыденной рѣчи называются чувствами, между тѣмъ какъ никогда не называютъ такъ внѣшнихъ ощущеній.* Здѣсь словомъ „чувство“ обозначаютъ только способность къ ощущеніямъ, но не сами ощущенія. Напр., способность ощущать цвѣта называютъ чувствомъ цвѣта, но самое ощущеніе цвѣта никогда не называютъ чувствомъ. Единственное исключеніе составляютъ осязательныя болевыя ощущенія: чувствомъ называютъ всякую боль. Что же касается органическихъ и моторныхъ ощущеній, напр. — жажды, голода, утомленія, мускульнаго усилія и т. п., то это только при изученіи психологіи мы постепенно привыкаемъ называть ихъ ощущеніями; сначала же это кажется очень страннымъ, и мы обыкновенно называемъ ихъ чувствами. *А не указываетъ ли все это, что обыденная жизнь подмѣтила однородность органическихъ и моторныхъ ощущеній съ чувствами, т.-е. эмоціями?* А если такъ, то легко объяснить, почему болевыя ощущенія называютъ чувствами даже и въ томъ случаѣ, когда они принадлежатъ къ числу осязательныхъ. Это—оттого, что, кромѣ этого случая, они всегда бываютъ органическими ощущеніями, при чемъ осязательныя болевыя ощущенія по своему качеству очень похожи на органическія болевыя ощущенія.

Однако, *присоединяясь къ теоріи Джемса, мы должны отмѣтить, что она нуждается въ одномъ дополненіи.* Онъ нигдѣ не говоритъ о самочувствіи, между тѣмъ какъ возникновеніе новыхъ органическихъ ощущеній не можетъ не вліять на самочувствіе: послѣднее, вслѣдствіе возникновенія новыхъ органическихъ ощущеній, должно измѣняться въ своей окраскѣ, напр., дѣлаться приподнятымъ или угнетеннымъ, пріятнымъ или непріятнымъ и т. п. *Каждое чувство должно сопровождаться опредѣленной окраской самочувствія, которая, конечно, можетъ соединяться и съ нѣкоторыми другими чувствами, но безъ которой не возникнетъ данное чувство.* И нѣтъ ничего невозможнаго, что чувства иногда начинаются прямо съ перемѣны самочувствія, къ которой лишь послѣ *присоединяются* моторныя и отдѣльно

сознаваемыя органическія ощущенія. Вѣдь послѣднія лишь тогда выдѣляются изъ самочувствія и сознаются отдѣльно, когда они достигнутъ достаточной степени напряженія (см. стр. 105). Поэтому *нѣтъ ничего невозможнаго, что пока тѣлесныя измѣненія, вызываемыя какой-либо мыслью или воспріятіемъ, еще только начинаются, они вліяютъ лишь на окраску самочувствія, но не вызываютъ сознанія отдѣльныхъ вновь возникшихъ органическихъ ощущеній; когда же эти измѣненія сдѣлаются сильнѣе, начнутъ сознаваться отдѣльныя вызываемыя ими органическія ощущенія, а наряду съ ними и моторныя, если въ составъ тѣлесныхъ измѣненій входятъ мускульныя сокращенія.* Вотъ эта-то перемѣна въ окраскѣ самочувствія, вѣроятно, и заставляетъ нѣкоторыхъ лицъ, соглашаясь со всѣми доводами Джемса, дѣлать такое возраженіе: „все-таки въ чувствѣ есть еще *что-то такое*, кромѣ указываемыхъ имъ элементовъ“. Этимъ „что-то такое“, вѣроятно, служитъ подмѣчаемая ими окраска самочувствія, сопровождающая разсматриваемое ими чувство. Но, конечно, ссылка на нее ни капли не подрываетъ теоріи Джемса: вѣдь само-то самочувствіе есть не что иное, какъ сложное *органическое* ощущеніе (см. выше, стр. 105).

Но *теорія Джемса встрѣчаетъ слѣдующее возраженіе: она допускаетъ, что предметъ или мысль о такомъ предметѣ, который пробуждаетъ какое-либо чувство, вызываетъ въ насъ прямо, безъ посредства особаго эмоціональнаго элемента, тѣ тѣлесныя измѣненія, съ которыми связано данное чувство*, т.-е. которыя называются воплощеніемъ этого чувства. Но *такое прямое дѣйствіе предмета или мысли о немъ на наше тѣло совершенно непонятно.* Напр.: совершенно непонятно, чтобы видъ приближающагося медвѣдя, хотя бы и въ соединеніи съ мыслью объ опасности такой встрѣчи, вызывалъ въ насъ прямо, безъ посредства своеобразнаго эмоціональнаго элемента, свойственнаго переживанію страха, рядъ тѣхъ тѣлесныхъ измѣненій, которыя наступаютъ при страхѣ, какъ-то: поблѣднѣніе лица, задержку въ дыханіи, мускульныя сокращенія, направленныя къ удаленію отъ этого предмета, и т. п. И вотъ, обычный взглядъ на чувства, повидимому, имѣетъ значительное преимущество передъ теоріей Джемса-Ланге именно въ томъ отношеніи, что онъ не допускаетъ такого непонятнаго дѣйствія на тѣло со стороны предмета или мысли о немъ, или соединенія воспріятія предмета съ мыслью объ его значеніи, напр.—съ мыслью объ его опасности: вѣдь, по обычному взгляду, это дѣйствіе производится тѣмъ своеобразнымъ эмоціональнымъ элементомъ, который образуетъ сущность даннаго чувства. Однако, это возраженіе можно устранить двоякимъ образомъ.

Во-первыхъ, отмѣтимъ, что *въ означенномъ дѣйствіи на наше тѣло со стороны предмета, возбуждающаго какое-либо чувство, напр., возбуждающаго чувство страха, ничуть не больше непонятнаго, чѣмъ въ дѣйствіи на тѣло со стороны того своеобразнаго эмоціональнаго элемента, который, согласно съ обычнымъ взглядомъ, образуетъ данное чувство.* Напр.: если страхъ состоитъ изъ какого-то особаго эмоціональнаго элемента, то совершенно непонятно, какъ этотъ элементъ вызоветъ тѣ тѣлесные симптомы,

которые бываютъ при страхѣ, т.-е. поблѣднѣніе лица, задержку въ дыханіи и т. п. Если же такое дѣйствіе этого элемента на наше тѣло и кажется болѣе понятнымъ, чѣмъ прямое дѣйствіе на тѣло со стороны пугающаго насъ предмета, то это только потому, что мы уже свыклись съ мнѣніемъ о существованіи перваго дѣйствія, только потому, что мы многократно переживали сужденіе, говорящее о дѣйствіи этого эмоціональнаго элемента на наше тѣло. Вѣдь вслѣдствіе многократнаго переживанія такого сужденія, оно начинаетъ казаться само собой понятнымъ, внутренне необходимымъ, какъ это ясно изъ сказаннаго нами на стр. 204.

Во-вторыхъ, *Джемсъ* какъ бы предусматриваетъ то возраженіе, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, и *приводитъ нѣсколько примѣровъ, указывающихъ на фактическое существованіе означеннаго прямого дѣйствія предмета на наше тѣло.* Такъ, если мы гуляемъ въ лѣсу и внезапно замѣчаемъ какую-то темную движущуюся массу, то у насъ нерѣдко захватываетъ дыханіе, замираетъ сердце, хотя въ это время *еще нѣтъ* никакой мысли объ опасности, такъ что *еще нѣтъ всѣхъ условій для наступленія страха.* Далѣе: если мы внезапно замѣчаемъ, что кто-либо стоитъ близко у пропасти, то хотя мы твердо увѣрены и въ его безопасности, и въ нашей собственной, все-таки нерѣдко мы невольно отступаемъ подальше отъ этой пропасти. Особенно же поучителенъ слѣдующій фактъ изъ личныхъ воспоминаній Джемса: когда ему было лѣтъ семь или восемь, онъ еще не слыхалъ, что видъ большого количества крови производитъ на многихъ людей потрясающее дѣйствіе, такъ что вызываетъ то рвоту, то обморокъ, и т. п. Поэтому онъ былъ *крайне изумленъ* слѣдующимъ явленіемъ, происшедшимъ съ нимъ въ этомъ возрастѣ. Лошади произвели кровопусканіе, при чемъ кровь была выпущена въ ведро; Джемсъ подошелъ къ нему и сталъ размѣшивать кровь палкой, потому что ему нравилось, какъ алая жидкость стекаетъ съ бѣлой палки. Вдругъ безъ всякихъ причинъ, кромѣ созерцанія этого большого количества крови, у него потемнѣло въ глазахъ, поднялся шумъ въ ушахъ, и онъ потерялъ сознаніе.

Къ этимъ примѣрамъ Джемса прибавимъ отъ себя еще два. А. И. Введенскій часто подмѣчалъ въ себѣ слѣдующее явленіе, которое, по его мнѣнію, должно быть многимъ знакомо: когда вниманіе отвлечено отъ внѣшнихъ впечатлѣній, когда мы, напр., поглощены чтеніемъ или обдумываніемъ какого-либо дѣла и т. п., то внезапный *легкій* звукъ, напр., начинающійся бой часовъ или легкій трескъ мебели, пола и т. п. вызываетъ сильное вздрагиваніе всего нашего тѣла, точь въ точь такое, какъ при испугѣ, *хотя испугъ на самомъ дѣлѣ не наступаетъ.* Такимъ образомъ, здѣсь шумъ дѣйствуетъ на тѣло явнымъ образомъ безъ всякаго посредства со стороны какого-либо эмоціональнаго элемента. Далѣе: есть женщины, которыя при видѣ мышенка такъ порывисто отбѣгаютъ отъ него и вскрикиваютъ такимъ дикимъ голосомъ, какъ все это бываетъ только при самомъ сильномъ испугѣ. Однако, онѣ въ то же время отлично понимаютъ, что въ мышенкѣ нѣтъ ровно никакой опасности, а на обращенные къ нимъ упреки, зачѣмъ же тогда онѣ такъ

нелѣпо ведутъ себя, онѣ отвѣчаютъ, что *не могутъ*, *не въ силахъ* не кричать и не бѣжать при видѣ мышенка. По ихъ словамъ, мышенокъ, уже самъ по себѣ, до такой степени дѣйствуетъ на весь ихъ *организмъ*, что если бы вмѣсто него было что-нибудь опасное, онѣ вѣрнѣе могли бы удержаться отъ своихъ воплей и метаній, а при видѣ мышенка это для нихъ невозможно.

Наконецъ, чтобы еще сильнѣе защитить тотъ пунктъ теоріи Джемса-Ланге, который, въ силу его новизны, кажется какъ бы неестественнымъ, и который состоитъ въ допущеніи, что какой-нибудь предметъ въ состояніи возбудить опредѣленныя тѣлесныя измѣненія либо прямо, самъ собой, безъ всякой помощи со стороны готовой эмоціи, либо, самое большее, въ соединеніи съ какой-нибудь мыслью, напр.—съ мыслью объ опасности этого предмета, сопоставимъ это допущеніе съ фактомъ существованія разнообразныхъ рефлексовъ. Тогда это допущеніе перестанетъ казаться неестественнымъ. Въ самомъ дѣлѣ: *существованіе рефлексовъ ясно свидѣтельствуетъ о такомъ устройствѣ нашего организма, что внѣшніе предметы оказываются способными вызывать въ немъ прямо, сами собой, даже безъ помощи какой бы то ни было мысли о значеніи этихъ предметовъ, довольно сложныя движенія, т.-е. довольно сложныя мускульныя сокращенія*: вѣдь при рефлексахъ душевное переживаніе не идетъ дальше ощущенія раздраженія, вызывающаго данное рефлективное движеніе, и тѣхъ моторныхъ ощущеній, съ помощью которыхъ мы чувствуемъ это движеніе (см. выше стр. 274). Напр., быстро приближающійся къ глазу предметъ прямо, самъ собой, даже безъ помощи какой бы то ни было мысли объ его значеніи, вызываетъ смыканіе вѣкъ и т. п. *Если же въ нѣкоторыхъ случаяхъ внѣшніе предметы въ состояніи прямо, сами собой, даже безъ помощи мысли объ ихъ значеніи, вызывать мускульныя сокращенія, то вполнѣ естественно, что въ другихъ случаяхъ они въ состояніи, особенно же съ помощью мысли объ ихъ значеніи, вызывать на-ряду съ мускульными сокращеніями еще другія тѣлесныя измѣненія*, какъ-то: ускореніе или замедленіе дѣятельности сердца (каковая тоже состоитъ изъ мускульныхъ сокращеній), усиленіе дѣятельности легкихъ, кишечника и т. д. А все это, вмѣстѣ взятое, и породитъ тотъ рядъ внутреннихъ, т.-е. моторныхъ и органическихъ, ощущеній, изъ которыхъ слагается та или другая эмоція.

До сихъ поръ мы говорили только о грубыхъ чувствахъ. А какъ дѣло стоитъ съ тонкими чувствами? Хотя Джемсъ и ограничилъ значеніе своей теоріи одними лишь грубыми чувствами, но относительно тонкихъ онъ сдѣлалъ такую оговорку, которая упраздняетъ это ограниченіе (сравн. выше стр. 320). Вотъ эта оговорка: „у всѣхъ лицъ, говоритъ онъ, одаренныхъ чувствительностью и впечатлительностью, тонкія эмоціи обязательно бываютъ связаны съ тѣлесными измѣненіями: моральная справедливость отражается въ звукахъ голоса или въ выраженіи глазъ; то, что мы называемъ восхищеніемъ, всегда бываетъ связано съ тѣлесными измѣненіями, хотя бы мотивы,

вызвавшіе его, были чисто-интеллектуальнаго характера, и т. д. Если же ловкое доказательство или блестящая острота не вызываетъ въ насъ никакого смѣха, если мы не испытываемъ никакого тѣлеснаго измѣненія при видѣ справедливаго или великодушнаго поступка, то наше душевное состояніе въ это время едва-ли можетъ быть названо эмоціей. De facto здѣсь происходитъ просто интеллектуальное воспріятіе явленій, которыя только *причисляются* нами къ группѣ ловкихъ, остроумныхъ, справедливыхъ, великодушныхъ и т. п. Всѣ такія состоянія сознанія, какъ заключающія въ себѣ простое сужденіе, слѣдуетъ отнести скорѣе къ познавательнымъ, чѣмъ къ эмоціональнымъ". Такимъ образомъ, по словамъ самого же Джемса, выходитъ, что его теоріи подчиняются даже и тонкія чувства. Вѣдь на самомъ дѣлѣ они существуютъ лишь тогда, когда они связаны съ тѣлесными измѣненіями. Если же послѣднихъ нѣтъ, то эти чувства только называются чувствами (ибо мы называемъ этимъ именемъ и тѣ душевныя переживанія, составъ которыхъ оставляемъ невыясненнымъ, ср. выше стр. 314); въ дѣйствительности же они въ это время не заслуживаютъ названія чувствъ и должны быть причислены къ познавательнымъ, а не къ эмоціональнымъ явленіямъ.

Конечно, Джемсъ удѣлилъ слишкомъ мало вниманія тонкимъ эмоціямъ, такъ что еще можно сомнѣваться, нѣтъ ли среди нихъ такихъ эмоцій, которыя не сопровождаются ровно никакимъ тѣлеснымъ измѣненіемъ, и которыя поэтому не могутъ состоять изъ соединенія органическихъ и моторныхъ ощущеній. Въ этомъ отношеніи можно ждать большихъ услугъ отъ дальнѣйшаго развитія психо-физіологическаго экспериментированія: вѣдь всякое тѣлесное измѣненіе гораздо легче обнаружить экспериментальнымъ путемъ, чѣмъ простымъ, неэкспериментирующимъ наблюденіемъ. Но, пока что, уже и теперь можно установить слѣдующую формулу состава чувствъ: *по всей вѣроятности, ни въ одномъ изъ чувствъ не встрѣчается никакихъ новыхъ элементовъ душевной жизни, но всѣ чувства сводятся къ разнообразнымъ, особымъ для каждаго изъ нихъ, сочетаніямъ внутреннихъ ощущеній, включая сюда и самочувствіе. Единственное исключеніе изъ этого правила составляютъ чувства удовольствія и неудовольствія.* Ихъ нельзя считать состоящими изъ *сочетаній* внутреннихъ ощущеній, потому что они часто сопровождаютъ *отдѣльно* взятыя ощущенія, да еще не только внутреннія, въ родѣ ощущеній голода, жажды, боли въ разныхъ органахъ и т. п., а также и внѣшнія. Напр., отдѣльно взятые вкусы, запахи, цвѣта, звуки причиняютъ либо удовольствіе, либо неудовольствіе.

Такимъ образомъ, *только удовольствіе съ неудовольствіемъ можно назвать специфическимъ эмоціональнымъ элементомъ. Но, конечно, это не тотъ эмоціональный элементъ, который допускается обычнымъ взглядомъ на чувства.* Во-первыхъ это вовсе *не особый* или *своеобразный* для *каждаго* чувства элементъ, какой допускается обычнымъ взглядомъ; напротивъ, удовольствіе или же неудовольствіе встрѣчаются рѣшительно во *всѣхъ* чувствахъ. Присутствіе того или другого въ чувствахъ такъ сильно кидается въ глаза, что нѣкоторые психологи даже *опредѣляютъ* чувства,

какъ „душевныя состоянія, въ которыхъ имѣется на-лицо удовольствіе или неудовольствіе“. Во-вторыхъ, отличія чувствъ другъ отъ друга зависятъ вовсе не отъ отличія въ каждомъ изъ нихъ его специфическаго эмоціональнаго элемента, какъ это допускаетъ обычный взглядъ на чувства, но отъ разнообразія сочетаній органическихъ и моторныхъ ощущеній.

Мы теперь познакомились съ составомъ всѣхъ душевныхъ явленій: и познавательныхъ, и волевыхъ, и эмоціональныхъ. И теперь ясно, насколько ошибочны всѣ монистическія теоріи состава душевной жизни (сравн. выше стр. 84 и слѣд.). Напротивъ, душевную жизнь приходится считать состоящей изъ разнообразныхъ сочетаній *трехъ* разнородныхъ элементовъ, именно: чистой мысли, ощущеній и чувствъ удовольствія съ неудовольствіемъ [1]).

Перейдемъ теперь къ теоріи Вундта. Чтобы яснѣе понять всѣ ея особенности, нужно обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство: при переживаніи какого-либо чувства всегда довольно ясно испытывается удовольствіе или неудовольствіе. Напр.: въ чувствѣ обиды ясно присутствуетъ неудовольствіе, иногда доходящее до величайшаго страданія; въ чувствѣ восторга имѣется на-лицо удовольствіе и т. п. Далѣе: удовольствіе или неудовольствіе можетъ въ томъ же самомъ чувствѣ быть, глядя по обстоятельствамъ, то бо̀льшимъ, то меньшимъ, такъ что это чувство, оставаясь тѣмъ же самымъ, какъ бы колеблется въ *направленіи*, которое можетъ быть обозначено терминами „удовольствіе“ и „неудовольствіе“; ибо послѣднее служитъ противоположностью перваго, такъ что колебанія чувства идутъ какъ бы въ *направленіи* линіи, соединяющей высшую степень удовольствія съ высшей степенью неудовольствія и проходящей черезъ всѣ степени того и другого.

Обыкновенно въ чувствахъ допускаются только колебанія въ этомъ направленіи, Вундтъ же думаетъ, что надо допустить еще два другихъ столь же характерныхъ или, какъ онъ выражается, *главныхъ направленія* (Richtungen), въ которыхъ могутъ колебаться чувства. Для обозначенія каждаго изъ этихъ главныхъ направленій можно пользоваться *двумя* терминами, соотвѣтствующими *противоположнымъ концамъ* даннаго направленія. Такимъ образомъ, Вундтъ различаетъ всего *три главныхъ направленія: 1) удовольствія и неудовольствія, 2) возбужденія и успокоенія, 3) напряженія и разряда.* Въ отдѣльно взятомъ чувствѣ, говоритъ онъ, мы можемъ различить или всѣ эти направленія, или только два изъ нихъ, или, наконецъ, оно можетъ принадлежать лишь къ одному направленію. Только благодаря послѣднему обстоятельству и получилась, по словамъ Вундта, возможность установить эти направленія. Большею же частью наблюдается соединеніе двухъ или трехъ направленій въ одномъ и томъ же чувствѣ.

---

[1]) Несмотря на явно выраженный немонистическій характеръ „Психологіи безъ всякой метафизики“, Э. Л. Радловъ все-таки причислилъ ее къ интеллектуалистическому направленію. Но дѣло объясняется тѣмъ, что онъ привыкъ, подъ вліяніемъ Паульсена, называть интеллектуализмомъ все, что̀ не волюнтаризмъ. (См. его рецензію на первое изданіе этой книги въ № 10 Журн. Мин. Нар. Просв. за 1914 г., стр. 334, и сравн. выше, стр. 83—84).

Въ качествѣ примѣровъ чувствъ, принадлежащихъ только къ направленію удовольствія и неудовольствія, Вундтъ приводитъ чувства, сопровождающія органическія ощущенія, а также обонятельныя и вкусовыя. Напр., при ощущеніи боли у насъ возникаетъ чувство неудовольствія почти безъ всякой примѣси другихъ направленій чувства. При цвѣтовыхъ же впечатлѣніяхъ наблюдаются чувства, колеблющіяся въ направленіи возбужденія и успокоенія: такъ, напр., красный цвѣтъ дѣйствуетъ возбуждающимъ образомъ, голубой—успокаивающимъ. Наконецъ, ожиданіе внѣшняго впечатлѣнія сопровождается сознаніемъ напряженія, а вслѣдъ за наступленіемъ ожидаемаго впечатлѣнія наблюдается состояніе разряда. Такимъ образомъ, во всѣхъ этихъ примѣрахъ мы встрѣчаемся съ такими чувствами, которыя колеблются только въ одномъ направленіи.

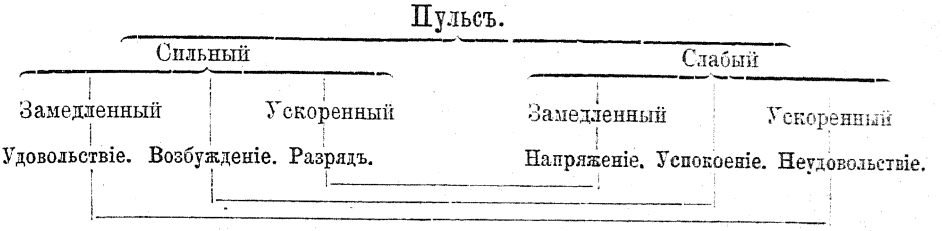
Чувства же веселости и серьезности, связанныя съ впечатлѣніями высокихъ и низкихъ тоновъ, свѣтлыхъ и темныхъ цвѣтовъ, можно разсматривать, какъ принадлежащія сразу къ двумъ главнымъ направленіямъ: удовольствія и неудовольствія—съ одной стороны, возбужденія и успокоенія—съ другой.

При ритмическихъ же чувствахъ можно подмѣтить всѣ три направленія, именно: появляющаяся подъ вліяніемъ ритма правильная смѣна напряженности и разряда оказывается вмѣстѣ съ тѣмъ связанной съ удовольствіемъ, нарушеніе же этой правильности—съ неудовольствіемъ; а сверхъ того, въ обоихъ случаяхъ (т.-е. и при правильной смѣнѣ напряженія и разряда, и при ея нарушеніяхъ) то же самое чувство можетъ имѣть еще возбуждающій или успокаивающій характеръ.

При изслѣдованіи чувствъ и складывающихся изъ нихъ процессовъ Вундтъ приписываетъ особенную важность изученію *выразительныхъ движеній*, потому что эти движенія представляютъ обычные симптомы чувствъ. Но нужно имѣть въ виду, что къ выразительнымъ движеніямъ Вундтъ причисляетъ также и внутреннія состоянія организма, какъ, напр.: дыхательныя движенія, біенія сердца, сжатіе и расширеніе кровеносныхъ сосудовъ отдѣльныхъ областей тѣла, сокращеніе и расширеніе зрачка и т. д. Самымъ чувствительнымъ изъ этихъ симптомовъ служатъ біенія сердца, надежное представленіе о которомъ получается при изслѣдованіи пульса. Такъ, при простыхъ чувствахъ другіе симптомы чаще всего отсутствуютъ, но эти чувства всегда сказываются на перемѣнахъ пульса. Поэтому Вундтъ обратилъ особенное вниманіе на выясненіе перемѣнъ пульса, зависящихъ отъ колебаній чувства въ каждомъ изъ трехъ главныхъ направленій. И онъ нашелъ, что при удовольствіи пульсъ замедляется и становится сильнѣе, т.-е. полнѣе, а при неудовольствіи онъ ускоряется и становится слабѣе. Что же касается двухъ другихъ „направленій“ чувствъ, то *возбужденіе* сопровождается усиленіемъ, *успокоеніе*—ослабленіемъ пульса безъ одновременнаго измѣненія его частоты. *Напряженіе*, напротивъ, сопровождается замедленіемъ и ослабленіемъ пульса: *разрядъ*—ускореніемъ и усиленіемъ пульса. А такъ какъ большинство отдѣльныхъ чувствъ принадлежитъ одновременно къ нѣсколькимъ

главнымъ направленіямъ, то въ большинствѣ случаевъ вліяніе чувства на пульсъ оказывается сложнымъ.

Вліянія же на пульсъ со стороны колебаній чувства въ томъ или другомъ направленіи могутъ быть выражены въ слѣдующей схемѣ, составленной самимъ Вундтомъ:



Изъ схемы ясно, что возбужденіе и успокоеніе имѣютъ лишь по одному признаку со стороны пульса (его усиленіе и ослабленіе), прочія же направленія чувствъ—по два признака.

Но эта схема была получена Вундтомъ съ помощью экспериментальнаго изученія не только простыхъ, а также и *сложныхъ* чувствъ—аффектовъ, между тѣмъ какъ слѣдовало бы изучить зависимость пульса отъ главныхъ направленій чувствъ при однихъ лишь *простыхъ* чувствахъ, и даже при такихъ простыхъ чувствахъ, которыя принадлежатъ къ одному только направленію: вѣдь сложныя чувства оказываютъ сложныя вліянія на пульсъ. Поэтому самъ же Вундтъ предупреждаетъ, что на его схему еще нельзя полагаться безъ всякой провѣрки ея дальнѣйшими изслѣдованіями. Такимъ образомъ, *по собственнымъ же словамъ Вундта, его теорія еще сильно нуждается въ провѣркѣ ея физіологической стороны.*

Что же касается провѣрки чисто-психологической стороны теоріи Вундта, то мы ограничимся только слѣдующимъ вопросомъ, какъ наиважнѣйшимъ, хотя эта теорія возбуждаетъ еще другія недоумѣнія: *дѣйствительно ли успокоеніе служитъ противопослужностью возбужденія, а разрядъ противоположностью напряженія, подобно тому, какъ неудовольствіе образуетъ противоположность удовольствія?* Это вотъ что значитъ: неудовольствіе составляетъ отнюдь не простое отсутствіе или уменьшеніе удовольствія, но имѣетъ свое особое качество, такъ что разныя степени неудовольствія отнюдь не составляютъ разныхъ степеней удовольствія, но, напротивъ, образуютъ разныя степени этого самаго *особаго* качества. Поэтому-то неудовольствіе и называется противоположностью удовольствія. Но спрашивается: такъ же ли стоитъ дѣло съ успокоеніемъ и возбужденіемъ, съ одной стороны, съ разрядомъ и напряженіемъ, съ другой? Повидимому, успокоеніе образуетъ всего только уменьшеніе возбужденія, такъ что разныя степени успокоенія служатъ всего только разными степенями возбужденія. А если это вѣрно, то уже нельзя называть успокоеніе *противоположностью* возбужденія. И тогда нельзя говорить, будто бы на-ряду съ *направленіемъ* колебанія между противоположностями удовольствія и неудовольствія есть еще другое *направленіе*, идущее между *противоположностями* возбужденія и

успокоенія. А вмѣсто этого надо просто говорить, что нѣкоторыя чувства сопровождаются то бо̀льшимъ, то меньшимъ возбужденіемъ. Сходныя сомнѣнія возникаютъ и объ отношеніи разряда къ напряженію. Повидимому, разрядъ вовсе не противоположность, а всего только уменьшеніе напряженія, такъ что разныя степени разряда образуютъ всего лишь разныя степени напряженія, а вовсе не имѣютъ своего *особаго* качества, которымъ онѣ отличались бы отъ степеней напряженія. А если ни успокоеніе не составляетъ противоположности возбужденія, ни разрядъ—противоположности напряженія, то уже нельзя говорить о колебаніи чувствъ въ *трехъ* направленіяхъ. Да и самая мысль о направленіяхъ въ колебаніи чувствъ становится ненужной, неприносящей никакой пользы.

Итакъ, можно ли считать разрядъ *противоположностью* напряженію, а успокоеніе *противоположностью* возбужденію? Нѣкоторые психологи уже высказались отрицательно въ отвѣтъ на этотъ вопросъ. Таковъ, напр., американскій психологъ Тиченеръ, упрекающій Вундта въ *нелогичности* построенія его теоріи. Эта нелогичность, по словамъ Тиченера, состоитъ именно въ томъ, что Вундтъ разницу между возбужденіемъ и успокоеніемъ, а также между напряженіемъ и разрядомъ считаетъ однородной съ разницей между удовольствіемъ и неудовольствіемъ.

Конецъ.

Приложенія и дополненія.

I.

Вундтъ о связи психологіи съ философіей и о неразработанности современной психологіи. Неумѣстность психологіи въ гимназіяхъ.

Въ 1913 году между профессорами философскихъ наукъ въ Германіи возникла оживленная полемика по поводу отношеній психологіи къ философіи. Психологія тамъ всегда преподавалась и преподается, какъ часть философіи. Но на должность профессоровъ философіи правительства германскихъ государствъ въ послѣднее время нерѣдко назначали такихъ лицъ, вся научная дѣятельность которыхъ ограничивалась лишь экспериментальной психологіей. Въ виду этого значительная группа профессоровъ философіи подала всѣмъ германскимъ правительствамъ коллективное заявленіе о ненормальности такого положенія дѣлъ и настаивала въ немъ, чтобы для психологіи были учреждены особыя каѳедры, и чтобы на должности профессоровъ философіи назначались впредь только такія лица, которыя своими печатными трудами доказали близкое знакомство съ философіей. Однако, проектъ учрежденія особыхъ каѳедръ для психологіи, къ всеобщему удивленію, вызвалъ горячія возраженія именно со стороны тѣхъ профессоровъ философіи, которые занимаются исключительно или по преимуществу экспериментальной психологіей. Они увѣряютъ, что при отдѣленіи психологіи отъ философіи останутся безъ слушателей, кромѣ какъ въ томъ случаѣ, если психологію сдѣлаютъ, какъ настаиваютъ они, предметомъ обязательнымъ и для будущихъ педагоговъ, и для врачей, и для юристовъ. Наконецъ, отозвался на эту полемику и патріархъ современныхъ психологовъ-экспериментаторовъ Вундтъ, который совѣтуетъ оставить въ сторонѣ вопросъ о выгодности или невыгодности отдѣленія психологіи отъ философіи съ точки зрѣнія количества будущихъ слушателей и разсмотрѣть дѣло по существу. Самъ же онъ посвятилъ ему особую брошюру, озаглавленную „Психологія въ ея

борьбѣ за существованіе", переведенную на русскій языкъ въ № 10 сборника „Новыя идеи въ философіи".

Вундтъ высказывается противъ навязыванія психологіи въ видѣ обязательнаго предмета кому бы то ни было, особенно же врачамъ, напоминая, что о научныхъ потребностяхъ послѣднихъ онъ можетъ судить лучше другихъ, потому что и самъ былъ прежде врачомъ. Не менѣе рѣшительно высказывается онъ и противъ отдѣленія должности профессора психологіи отъ философіи. Психологія, по его словамъ, составляетъ и всегда будетъ составлять одну изъ философскихъ наукъ, и каждый психологъ только тогда и будетъ подлинно научнымъ работникомъ, когда онъ будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ философомъ. Вотъ его собственныя слова: „болѣе общіе, а поэтому и наиболѣе важные для психологическаго образованія вопросы столь тѣсно связаны съ опредѣленной гносеологической или метафизической точкой зрѣнія, что непонятно, какъ послѣднія когда-либо исчезнутъ изъ психологіи. Именно этотъ фактъ ясно доказываетъ, что психологія относится къ философскимъ дисциплинамъ и что таковой она останется и послѣ превращенія ея въ самостоятельную науку, такъ какъ въ концѣ концовъ въ основѣ такой самостоятельной науки могутъ лежать только метафизическія воззрѣнія, которыя будутъ скрытыми, а если отдѣлившіеся отъ философіи психологи не будутъ обладать болѣе или менѣе основательнымъ философскимъ образованіемъ, незрѣлыми. Поэтому никому это отдѣленіе не принесетъ больше вреда, какъ самимъ психологамъ, а черезъ нихъ и психологіи. Тотъ упрекъ, который нѣкоторые философы въ настоящее время ошибочно выдвигаютъ противъ психологіи, будто бы она скорѣе техническая, чѣмъ научная, дисциплина, можетъ тогда въ ужасающихъ размѣрахъ превратиться въ дѣйствительность. Если же затѣмъ, вслѣдствіе прогрессирующаго раздѣленія труда, одинъ психологъ станетъ исключительно заниматься вопросами памяти и цѣлесообразныхъ методовъ заучиванія наизусть, другой — опытами надъ различными реакціями и индивидуальными различіями въ нихъ, третій — опредѣленіемъ пороговъ раздраженія, четвертый — опытами по вопросамъ мышленія и т. д., тогда прямо-таки наступитъ пора, когда психологи превратятся въ ремесленниковъ, и въ ремесленниковъ не слишкомъ-то полезнаго типа".

Говоря же о замыслѣ сдѣлать психологію обязательной не только для педагоговъ, но также для юристовъ и даже для врачей, замыслѣ, мотивированномъ большимъ, будто бы, практическимъ значеніемъ психологіи, Вундту пришлось высказаться, до какой степени не разработана *современная* психологія. Вотъ его слова: „предлагающіе это забываютъ, что психологія, по крайней мѣрѣ — въ настоящее время, вовсе не является такой твердо установившейся наукой, чтобы могли быть выставлены опредѣленныя, одинаковыя для всѣхъ, требованія, которыя экзаменаторъ могъ бы предъявить всѣмъ экзаменующимся, изъ какого бы университета они ни явились... Мнѣ могутъ отвѣтить на это, что въ будущемъ въ психологіи дѣло будетъ стоять иначе, такъ какъ она старается все болѣе и болѣе пользоваться точными методами. Но въ такомъ случаѣ умѣстнѣе подождать этого будущаго, которое покуда еще очень да-

леко, со своими преобразованіями въ дѣлѣ преподаванія психологіи, разъ что въ настоящее-то время почти совершенно отсутствуетъ самая необходимая для этого предпосылка: существованіе одного общаго для всѣхъ учебнаго матеріала. Мало того: если принять въ соображеніе тѣ общія проблемы, о которыхъ мы говорили выше, и которыя въ настоящее время, какъ и всегда раньше, играютъ выдающуюся роль въ психологической литературѣ, нельзя не усомниться, наступитъ ли когда-нибудь такое единодушіе, которое создастъ общую основу для различныхъ воззрѣній. Но что же останется отъ психологіи, если отбросить именно то, что представляетъ наибольшій интересъ для учащихся и болѣе важно для общаго психологическаго образованія? Неужели же довольствоваться парою—другой заученныхъ наизусть чиселъ и эмпирическими законами, допускающими нѣсколько толкованій, если ужъ не совсѣмъ спорными?".

Изъ отзыва Вундта о *современной* психологіи ясно, насколько ошибочно мнѣніе, будто бы позволительно основываться въ педагогической практикѣ на *современной* психологіи, будто бы послѣдняя можетъ имѣть для педагога какое-либо другое значеніе, кромѣ чисто-образовательнаго (ср. стр. 12). Далѣе: А. П. Нечаевъ какъ-то съ горечью жаловался, что въ нашихъ университетахъ нѣтъ особой каѳедры психологіи, и что послѣдняя преподается тамъ, подобно германскимъ университетамъ, какъ часть философіи. Вундтъ же, какъ видимъ, доказываетъ, что такъ и слѣдуетъ поступать, да не только теперь, а всегда, даже и въ отдаленномъ будущемъ. Наконецъ, умѣстно ли въ настоящее время преподавать психологію въ гимназіяхъ, коль скоро по отзыву такого знатока дѣла, какъ Вундтъ, въ ней еще нѣтъ общеобязательнаго учебнаго матеріала, коль скоро даже въ университетахъ еще нельзя составить такой программы, исполненіе которой можно было бы требовать отъ всѣхъ экзаменующихся, независимо отъ того, изъ какого университета они явились на экзаменъ? (Другая же причина неумѣстности преподаванія психологіи въ гимназіяхъ объяснена на стр. 212 и 213).

II.

Психологія и обученіе.

Джемса [1]).

Въ томъ общемъ движеніи, въ томъ подъемѣ идейныхъ интересовъ, которые всякій, кто способенъ видѣть очевидное, можетъ наблюдать во всѣхъ

[1]) Переводъ его вступительной лекціи къ курсу психологіи для кэмбриджскихъ учителей, обнародованному подъ именемъ „Talks to teachers on Psychology"—по-русски „Психологія въ бесѣдахъ съ учителями".

областяхъ жизни нашей страны, нѣтъ, быть можетъ, ни одного столь многообѣщающаго факта, какъ то броженіе въ средѣ учителей, которое происходитъ за послѣднія двадцать (или немного болѣе) лѣтъ. Во всѣхъ рѣшительно сферахъ воспитательно-образовательнаго дѣла мы видимъ у учителей самый горячій интересъ къ наиболѣе высокимъ задачамъ и вопросамъ своей профессіи...

Никто не воспользовался этимъ движеніемъ въ педагогической области больше насъ—психологовъ. Стремленіе учителей къ болѣе серьезной подготовкѣ къ своей спеціальности, ихъ желаніе поставить свое дѣло на твердую, научную почву все болѣе и болѣе заставляли ихъ обращаться за выясненіемъ его основныхъ принциповъ къ намъ. Я увѣренъ, что и вы ждете отъ меня въ тѣ немногіе часы, которые мы должны провести вмѣстѣ, такихъ свѣдѣній по психологіи, которыя позволяли бы вамъ легче и успѣшнѣе работать въ школахъ, гдѣ вы преподаете.

И да сохранитъ меня Богъ отнимать у психологіи право возбуждать такія надежды! Несомнѣнно, психологія должна оказывать учителю самую существенную помощь...

И тѣмъ не менѣе, я долженъ признаться, что (насколько мнѣ извѣстна высота вашихъ ожиданій) я опасаюсь, какъ бы въ концѣ этихъ моихъ непритязательныхъ бесѣдъ съ вами многіе изъ васъ не почувствовали нѣкотораго разочарованія отъ результатовъ нашихъ занятій. Другими словами: я не увѣренъ въ томъ, что вы не лелѣете преувеличенныхъ иллюзій на этотъ счетъ... И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ наше отечество пережило періодъ необыкновеннаго увлеченія психологіей: основывались психологическія лабораторіи и каѳедры психологіи, затѣвались психологическіе журналы; всѣ только и говорили, что о психологіи; редакторы педагогическихъ журналовъ и руководители курсовъ должны были показывать, что они стоятъ на уровнѣ послѣднихъ новинокъ въ этой области. Нѣкоторые изъ профессоровъ также были не прочь содѣйствовать этому движенію. И я не думаю, чтобы къ нему остались вполнѣ равнодушными даже книгопродавцы... Съ другой стороны, терминъ „новая психологія“ сталъ вызывать и опасенія... Такимъ образомъ, учителя, въ большинствѣ люди отзывчивые и воспріимчивые, оказались въ атмосферѣ какихъ-то неопредѣленныхъ толковъ относительно нашей науки,—толковъ, гораздо болѣе спутывающихъ, чѣмъ разъясняющихъ дѣло. Вообще *надъ современными учителями лежитъ, повидимому, какая-то судьба — подвергаться мистификаціямъ*. Ихъ профессія достаточно сложна уже и сама по себѣ; а между тѣмъ журналы такъ запутали ея основы, что послѣднія почти совсѣмъ потонули въ какой-то неопредѣленной расплывчатости. Гдѣ руководимые недостаточно независимы и критичны (а я думаю, что если у васъ, учителей, бываетъ на первыхъ порахъ вашей дѣятельности какой-либо недостатокъ... какой-либо самый маленькій изъ существующихъ въ мірѣ недостатковъ,—такъ это то, что вы слишкомъ довѣрчивы), — тамъ, я почти увѣренъ, всегда долженъ обнаруживаться недостатокъ равновѣсія и мѣры у тѣхъ, кто беретъ на себя руководство ими.

И вотъ я хочу теперь же, на самомъ порогѣ нашихъ занятій, сдѣлать, что могу, для уничтоженія этой мистификаціи.

Прежде всего, по моему скромному мнѣнію, *нѣтъ* никакой „новой психологіи", достойной такого названія. Есть все та же старая психологія, которая зародилась во времена Локка, плюсъ немножко физіологіи нервной системы и органовъ чувствъ, плюсъ эволюціонная теорія и, наконецъ, плюсъ нѣсколько утонченныхъ показаній самонаблюденія, по большей части не имѣющихъ практическаго значенія для учителя. Для учителя дѣйствительную цѣнность имѣютъ только основныя понятія и положенія психологіи; а они (за исключеніемъ эволюціонной теоріи) отнюдь не новы.

Далѣе: я заявляю, что вы глубоко, очень глубоко ошибаетесь, если думаете, что психологія, въ качествѣ науки о законахъ духа, есть нѣчто такое, изъ чего вы можете *вывести* опредѣленныя программы, схемы и методы преподаванія для непосредственнаго примѣненія въ школьной практикѣ. Психологія есть наука, обученіе — искусство, а науки никогда не порождаютъ прямо изъ себя искусствъ. Для приложенія науки нуженъ посредствующій членъ: творческій, свободно изобрѣтающій духъ.

Никогда логика не заставляла людей правильно разсуждать, а этика— правильно поступать. Самое большее, что могутъ сдѣлать такія науки, это— помочь намъ спохватиться, если мы начинаемъ разсуждать или поступать неправильно, а также отчетливѣе раскритиковать себя послѣ того, какъ мы надѣлали ошибокъ. Наука только устанавливаетъ тѣ границы, внутри которыхъ должны лежать правила искусства; она указываетъ только тѣ законы, которыхъ *нельзя переступать* въ практикѣ искусства. Но что именно въ частности *надо дѣлать* въ этихъ границахъ, это—дѣло исключительно собственнаго генія человѣка, работающаго въ данной области. Одинъ съ успѣхомъ выполнитъ свою задачу однимъ способомъ, другой — совершенно инымъ, хотя тоже съ полнымъ успѣхомъ.

Искусство преподаванія вырабатывается въ классѣ; оно требуетъ изобрѣтательности и проникнутаго симпатіей наблюденія конкретныхъ фактовъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда въ педагогику вноситъ что-нибудь новое психологъ (напр., Гербартъ), педагогика и психологія идутъ у него параллельно другъ другу: первая никоимъ образомъ не вытекаетъ изъ второй. Онѣ соотвѣтствуютъ, но не подчинены одна другой. Каждый способъ обученія долженъ *не противорѣчить* психологіи; но нѣтъ никакой необходимости, чтобы существовалъ только одинъ такой, непротиворѣчащій психологіи способъ: психологическимъ законамъ могутъ одинаково хорошо соотвѣтствовать много различныхъ способовъ.

Поэтому знаніе психологіи нисколько еще не гарантируетъ того, что человѣкъ будетъ хорошимъ учителемъ. Для этого необходимы еще другія, практическія дарованія: тактичность и умѣнье, имѣя дѣло съ ученикомъ, говорить и дѣлать именно то, что нужно въ каждомъ данномъ случаѣ. Это умѣнье, эта тактичность составляютъ альфу и омегу искусства обученія; но для ихъ пріобрѣтенія психологія ничего не можетъ сдѣлать.

Психологія и общая педагогика, основанная на психологіи, очень похожи на военную науку. Нѣтъ ничего проще и опредѣленнѣе принциповъ той и другой. На войнѣ вы должны поставить вашего врага въ такое положеніе, изъ котораго естественныя препятствія не позволили бы ему ускользнуть, если бы онъ попытался это сдѣлать, затѣмъ напасть на него съ превосходными силами въ тотъ моментъ, когда вы заставили его придти къ убѣжденію, что вы еще далеко отъ него,—наконецъ, возможно меньше подставляя врагу ваши собственныя войска, вы должны разбить его силы на мелкія части и оставшихся въ строю взять въ плѣнъ... Точно такъ же и при обученіи вся задача сводится къ возбужденію у ученика такого интереса къ преподаваемому, чтобы изъ его головы выскочили всѣ другіе предметы, привлекающіе его вниманіе,—затѣмъ къ столь яркому изложенію преподаваемаго, чтобы онъ помнилъ все это въ теченіе всей своей жизни, — и, наконецъ, къ тому, чтобы внушить ему страстное стремленіе узнать то, что̀ стоитъ въ ближайшей связи съ только-что усвоеннымъ. При такой ясности принциповъ знатоки этихъ наукъ должны бы одерживать однѣ только побѣды, будетъ ли то на поляхъ битвъ или въ классныхъ комнатахъ, если бы имъ не приходилось считаться съ нѣкоторой не поддающейся вычисленію величиной, а именно—съ духомъ тѣхъ людей, съ которыми они имѣютъ дѣло. Духъ нашего противника-ученика борется съ вами съ такой же рѣшительностью, съ какой командиръ непріятельской арміи дѣйствуетъ наперекоръ ученому военному теоретику. И для учителя, и для генерала труднѣе всего узнать какъ разъ, что̀ именно думаютъ и чего хотятъ ихъ враги. Здѣсь могутъ помочь дѣлу не психологическая педагогика и не теоретическая стратегія, а лишь догадливость и наблюдательность.

Но изъ того, что психологическіе принципы имѣютъ, такимъ образомъ, скорѣе отрицательное, чѣмъ положительное примѣненіе, не слѣдуетъ, чтобы они не имѣли большого значенія. Послѣднее состоитъ, прежде всего, въ томъ, что они суживаютъ для учителя область его экспериментовъ и попытокъ, дѣлая ее обозримой: если мы знакомы съ психологіей, мы уже заранѣе знаемъ, что такіе-то и такіе-то педагогическіе пріемы окажутся ошибочными. Но если, такимъ образомъ, психологія, съ одной стороны, предохраняетъ насъ отъ ошибокъ, то, съ другой, она уясняетъ намъ то, что̀ мы дѣлаемъ. Мы больше довѣряемъ всякому примѣняемому нами методу, какъ только убѣждаемся, что за него говоритъ не только практика, но и теорія. Главное же, психологія развиваетъ въ насъ самостоятельное отношеніе къ дѣлу и поддерживаетъ въ насъ интересъ, представляя предметъ, такъ сказать, подъ двумя различными углами зрѣнія, давая какъ бы стереоскопическій взглядъ на молодой организмъ, являющійся въ данномъ случаѣ нашимъ противникомъ: теорія позволяетъ намъ, обходясь съ нимъ со всей тактичностью и внимательностью, представить себѣ въ то же время любопытные внутренніе элементы его духовнаго механизма. Къ такому полному знанію ученика—одновременно и интуитивному, и аналитическому—несомнѣнно, и долженъ стремиться каждый учитель.

Къ счастью для васъ, учителей, вовсе не трудно указать элементы духовнаго механизма и выяснить способъ ихъ дѣйствія. И такъ какъ наиболѣе непосредственно полезно учителю знаніе именно самыхъ общихъ элементовъ и дѣйствій духа, то отсюда вытекаетъ, что для всѣхъ учителей нѣтъ необходимости въ очень большомъ количествѣ свѣдѣній по психологіи. Кто полюбитъ этотъ предметъ, тотъ можетъ идти въ немъ, какъ угодно далеко, — онъ не станетъ отъ этого хуже, какъ учитель (хотя иногда у такихъ людей можно бываетъ замѣтить нѣкоторую потерю равновѣсія, обусловливаемую общимъ всѣмъ намъ стремленіемъ особенно налегать на нѣкоторыя спеціальныя тонкости того предмета, который мы изучаемъ детально въ его отвлеченной научной формѣ). Но для громаднаго большинства изъ васъ достаточно одного лишь общаго представленія о предметѣ, лишь бы оно было правильно; а такое общее представленіе можно почти все умѣстить, какъ говорится, на ладони своей руки.

Прежде всего и самое главное: не считайте своимъ долгомъ, поскольку вы просто *учителя*, не считайте, говорю я, своимъ долгомъ, вносить вкладъ въ психологическую науку; не думайте, что на васъ лежитъ нравственная обязанность методически и добросовѣстно производить психологическія наблюденія. Я боюсь, что нѣкоторые изъ энтузіастовъ изученія дѣтскаго возраста возлагаютъ на васъ такое бремя... Изучайте всѣми доступными вамъ средствами дѣтскую душу: это, конечно, освѣжитъ ваше пониманіе жизни ребенка. Нѣкоторымъ учителямъ доставляетъ удовольствіе заполненіе разныхъ таблицъ, записываніе наблюденій, собираніе статистическихъ данныхъ, вычисленіе процентовъ. Такое изученіе дѣтей, несомнѣнно, обогащаетъ ихъ умъ. И если даже окажется, что статистическая обработка результатовъ ихъ наблюденій не имѣетъ большого значенія, тѣмъ не менѣе, уже однѣ фактическія данныя, на которыхъ основаны ихъ выводы, познакомятъ ихъ ближе съ ихъ учениками. Пусть они съ интересомъ стараются разглядѣть и замѣтить въ находящемся передъ ними ребенкѣ процессы, сходные съ тѣми, которые, какъ имъ извѣстно изъ книгъ, замѣчаются у дѣтей вообще,—процессы, которыхъ они иначе вовсе бы и не замѣтили... Только, ради Бога, пусть такое собираніе психологическихъ наблюденій будетъ предоставлено свободному желанію учителей, пусть они не чувствуютъ себя обязанными способствовать увеличенію ихъ массы. Пусть собираніе такихъ наблюденій не проповѣдуется въ качествѣ чего-то обязательнаго. Пусть оно не возлагается уставами на тѣхъ, кому оно окажется невѣроятной скукой, или кто, почему бы то ни было, не находитъ въ себѣ къ этому призванія. Я долженъ вполнѣ присоединиться къ моему коллегѣ проф. Мюнстербергу, который говоритъ, что *отношеніе учителя къ ребенку—конкретное и этическое; оно прямо противоположно отвлеченному и аналитическому отношенію къ тому же ребенку со стороны психолога-наблюдателя.* И хотя нѣкоторые изъ васъ могутъ соединять въ себѣ оба эти отношенія, послѣдовательно переходя изъ одного въ другое, однако *у большинства они должны сталкиваться между собой.*

Самое худшее, что̀ можетъ случиться съ хорошимъ учителемъ, это— если у него явятся сомнѣнія въ своей пригодности къ учительской профессіи только потому, что онъ почувствуетъ себя безнадежнымъ въ качествѣ психолога. Наши учителя и безъ того уже слишкомъ много работаютъ; и каждый, кто прибавляетъ хоть чуть-чуть, хоть одну іоту научной тяжести къ ихъ ношѣ,—врагъ образованія. Сомнѣнія же въ своихъ силахъ какъ разъ увеличиваютъ вѣсъ всякой другой тяжести; и я знаю, что изученіе дѣтей, а также и другіе вопросы, связанные съ психологіей, терзали совѣсть не въ одной совершенно невинной педагогической груди. И я поистинѣ былъ бы радъ, если бы эти мои мимолетныя замѣчанія могли хоть нѣсколько разогнать такіе укоры совѣсти, такъ какъ несомнѣнно, что это— одинъ изъ тѣхъ плодовъ болѣе или менѣе систематической мистификаціи, на которые я уже жаловался. *Самый лучшій учитель можетъ быть очень плохимъ поставщикомъ матеріала по психологіи дѣтскаго возраста, и самый лучшій поставщикъ такого матеріала — крайне плохимъ учителемъ.*

Вотъ что̀ я считаю необходимымъ сказать о наиболѣе правильномъ общемъ отношеніи учителя къ тому предмету, который долженъ занимать наше вниманіе.

III.

Психологія и педагогика.

Мюнстерберга [1]).

Отношеніе учителя къ ученику неправильно понимается и искажается кореннымъ образомъ, если ученикъ разсматривается, какъ предметъ психологическихъ воздѣйствій на него; и тотъ не служитъ лучшимъ интересамъ подрастающаго поколѣнія, кто, исходя изъ такого пониманія, совѣтуетъ учителю опираться въ своихъ педагогическихъ мѣропріятіяхъ на психологію, вмѣсто логики, этики и эстетики.

Что касается отношенія педагогики къ психологіи, то тутъ, конечно, играютъ роль очень различные факторы. Передъ нами, прежде всего, теоретическое изученіе дѣтской души, которое въ педагогическихъ сочиненіяхъ часто такъ сильно переплетается съ педагогическими примѣненіями психологіи, что кажется, будто всякій, признающій психологію дѣтскаго возраста за науку, тѣмъ самымъ уже долженъ требовать, чтобы преподаваніе и воспитаніе основывались на психологіи. *Психологія дѣтскаго возраста*, безъ со-

[1]) Переводъ главы изъ перваго тома его Grundzüge der Psychologie.

мнѣнія, цѣнная часть общей психологіи и именно въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, какъ вспомогательное средство для изслѣдованія исторіи развитія уже развившейся души и, во-вторыхъ, какъ составная часть всесторонняго изслѣдованія дѣтской жизни. Въ первомъ случаѣ она соподчинена вмѣстѣ съ психологіей животныхъ, съ психологіей народовъ и другими формами сравнительнаго изученія души, такой спеціальной задачѣ, которая относится къ общей психологіи, какъ эмбріологія къ анатоміи. Во второмъ случаѣ она примыкаетъ къ физіологіи дѣтей, ихъ патологіи, ихъ біографіи и другимъ изслѣдованіямъ дѣтскаго міра. Но изученіе неразвитого психическаго механизма, безразлично, происходитъ ли оно въ большей зависимости отъ сравнительной или отъ педагогической науки, имѣетъ уже само по себѣ право на существованіе на-ряду съ другими задачами теоретической науки; оно не нуждается въ оправданіи посредствомъ указанія на его пользу для педагогики, пользу, которая, вдобавокъ, сомнительна.

Другое дѣло, насколько выполнены задачи этой, самой молодой, психологической дисциплины, или даже, насколько удовлетворительны были до сихъ поръ попытки ихъ выполненія: логическая постановка самой-то задачи не зависитъ отъ этого. То обстоятельство, что относящаяся сюда литература до сихъ поръ выказывала самые плохіе признаки ненаучнаго дилеттантизма въ этой области, и что систематическое изслѣдованіе медленно проникаетъ въ нее, легко объясняется условіями, въ которыхъ растетъ нормальный ребенокъ. А правильно ли поступаютъ тѣ, которые снабжаютъ матерей и учителей вопросниками для заполненія ихъ, лучше ли примѣнять психофизическіе эксперименты ко всѣмъ дѣтямъ опредѣленныхъ классовъ школы, или же лучше изслѣдовать каждаго ребенка на всѣхъ стадіяхъ развитія при помощи точныхъ экспериментовъ, все это покажетъ будущее. Оно же и рѣшитъ, въ достаточной ли степени тѣ научныя пріобрѣтенія, которыхъ можно ожидать при этихъ изслѣдованіяхъ, перевѣшиваютъ тотъ вредъ, который вѣроятенъ, быть можетъ, въ другихъ отношеніяхъ. Въ настоящее же время мы имѣемъ несомнѣнно самые первые шаги психологіи дѣтскаго возраста, и не оказаны еще ею тѣ великія услуги, которыя она, быть можетъ, окажетъ для уразумѣнія генезиса воспріятій пространства и времени, душевныхъ движеній и волевыхъ актовъ, задерживающихъ процессовъ и чувства индивидуальности, языка и логическихъ функцій. Съ другой стороны, большая часть того, что собрано психологіей дѣтскаго возраста подъ ея собственнымъ именемъ, составляетъ вообще не психологическій, а культурно-историческій матеріалъ. Онъ интересенъ для освѣщенія обстоятельствъ, при которыхъ въ настоящее время растутъ наши дѣти въ различныхъ странахъ и классахъ; но статистическія изслѣдованія (напримѣръ, относительно представленій, которыя дѣти опредѣленнаго возраста успѣли пріобрѣсть изъ внѣшняго опыта) не раскрываютъ природы психическаго механизма и не относятся въ дѣйствительности къ психологіи.

Но для насъ рѣшающее значеніе имѣетъ не вопросъ, какъ велики уже теперь успѣхи психологіи дѣтскаго возраста, а вопросъ, насколько можно

надѣяться на ея содѣйствіе работѣ учителя въ классѣ. Намъ тѣмъ легче отвлечься отъ преходящаго положенія современной науки о дѣтской душѣ, что никакъ не поймешь, почему, если психологія вообще полезна учителю, онъ все еще долженъ дожидаться спеціальной психологіи дѣтскаго возраста, между тѣмъ какъ общія основныя формы душевной жизни во всякомъ случаѣ имѣютъ значеніе для всѣхъ стадій развитія. Но если даже тщательно отдѣлить вопросъ о пригодности психологіи дѣтскаго возраста отъ ея теоретической задачи, все-таки наша проблема еще не будетъ достаточно изолирована, такъ какъ въ ходячихъ соображеніяхъ по поводу нея въ большинствѣ случаевъ смѣшиваютъ двѣ педагогическихъ проблемы: вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ *самому* учителю слѣдуетъ пользоваться психологіей, слишкомъ мало обособляется отъ другого вопроса, въ какой мѣрѣ психологія можетъ быть полезна *для педагогики, какъ научной теоріи*.

Педагогика, какъ научная теорія, разсматриваетъ, съ одной стороны, общій планъ воспитанія, а съ другой — методы воспитанія. И въ каждой изъ этихъ областей иногда преувеличенно оцѣниваютъ пригодность психологіи, но до нѣкоторой степени, конечно, каждая изъ этихъ областей представляетъ собой удобную почву для примѣненія психологическихъ законовъ.

Выработка общаго плана воспитанія, т.-е. подборъ учебнаго матеріала, распредѣленіе его въ теченіе періода отъ перваго учебнаго года до окончанія ученія, устройство школы и управленіе ею и т. п., конечно, вполнѣ естественно подвести подъ психологическую точку зрѣнія, и при этомъ очень цѣнно психологическое проникновеніе въ ростъ духовныхъ силъ, въ связь духовныхъ пріобрѣтеній, въ психофизіологическія потребности молодого организма и т. д. Преувеличенная оцѣнка психологіи появляется здѣсь только въ томъ случаѣ, если педагогъ думаетъ, что психологія можетъ что-либо подсказать ему прежде, чѣмъ поставлены тѣ цѣли, какихъ ему нужно достичь, или же что сама же она можетъ рѣшить вопросъ о цѣляхъ воспитанія. Психологическія знанія могутъ помогать только въ выборѣ вспомогательныхъ средствъ для наиболѣе надежнаго разрѣшенія поставленной задачи; но эти знанія не могутъ предписывать, какую задачу воспитанія должны мы ставить. Нѣтъ ни одной „идеи педагогической реформы“ и ни одной педагогической глупости, къ которой нельзя бы было приноровить такъ или иначе психологическіе факты; но мы извращаемъ отношеніе вещей, если, основываясь на этомъ, увѣряемъ, будто бы сами же психологическіе процессы требуютъ той цѣли, въ которой они могутъ примѣняться въ видѣ средствъ.

Сами психологическіе процессы—ни добро, ни зло, и не слѣдуетъ даже называть ихъ высокими или низкими. Единственная ихъ оцѣнка, которая позволительна психологу, сводится къ вопросу, легко или трудно психологически освѣтить эти процессы. Но путемъ небольшого сдвига цѣнности то, что лучше объясняется, легко начинаетъ казаться и лучшимъ само по себѣ, болѣе желательнымъ съ педагогической точки зрѣнія. Въ дѣйстви-

тельности же задачи плана воспитанія и задачи школы должны устанавливаться съ исторической, этической и соціальной точки зрѣнія. Психологъ, напримѣръ, можетъ разъяснить механизмъ естественныхъ наклонностей и показать, какъ заставить его служить различнымъ интересамъ. Но онъ не имѣетъ права рѣшать, какіе интересы цѣнны и какіе вредны, какіе изъ нихъ воспитаніе должно усиливать и какіе подавлять, насколько въ воспитаніи вообще желательно слѣдовать естественнымъ наклонностямъ и инстинктамъ, и насколько должно развивать новый кругъ интересовъ. Только потому, что психологическіе факты слишкомъ легко штемпелюются этическими названіями, теоретическая педагогика приходитъ къ разнымъ анти-историческимъ проектамъ: то дѣтскіе сады, то университеты должны завоевать все школьное дѣло. И то на естественныя науки, то на языки, то на математику, то на преподаваніе ремеслъ указываетъ педагогическая психологія, какъ на важнѣйшее дѣло, совершенно упуская изъ виду, что при этомъ все зависитъ отъ молча поставленныхъ цѣлей, на постановку которыхъ психологія не должна имѣть никакого вліянія.

Но также и при разработкѣ педагогическихъ методовъ психологія можетъ, разумѣется, оказать извѣстныя услуги. Педагогика, какъ научная теорія, стремится дать учителю указаніе, даже правила, какъ вліять на ученика въ желательномъ направленіи. Учебники и другія учебныя пособія приспособляются къ развивающемуся уровню подобной педагогики, и практическое наставленіе для учителя направлено на то, чтобы привить ему узаконенные въ педагогикѣ методы преподаванія. Очевидно, выводы психологіи не могутъ быть при этомъ оставлены безъ вниманія. Психологическая точка зрѣнія на природу вниманія, памяти, апперцепціи, фантазіи, чувствъ, даже на природу каждой отдѣльной духовной функціи, углубитъ рѣшеніе вопроса въ педагогикѣ, какъ научной теоріи, и окажетъ ей цѣнную помощь, начиная съ обученія языку въ дѣтской и чтенія по складамъ въ классѣ и кончая проблемами университетскаго преподаванія педагогики, какъ научной теоріи. Правда, и здѣсь, повидимому, легко могутъ возникнуть преувеличенныя оцѣнки, особенно въ отношеніи къ новѣйшимъ направленіямъ въ психологіи. Тѣ педагоги, которые съ разочарованіемъ покинули Гербарта, ждутъ нерѣдко съ нетерпѣніемъ, чтобъ были, наконецъ, приняты къ дѣлу новѣйшія открытія экспериментальной лабораторной психологіи и психофизіологическихъ изслѣдованій. Но кто не даетъ сбить себя съ толку пустыми словами, тотъ съ самаго начала относится къ этому скептически.

У насъ сотни психологическихъ экспериментальныхъ изслѣдованій относительно вниманія и памяти, ассоціацій и апперцепціи и всѣхъ другихъ функцій, играющихъ роль при преподаваніи. Тѣмъ не менѣе трудно выдѣлить изъ нихъ хоть нѣсколько такихъ, которыя можно бы было непосредственно превратить въ педагогическія правила, переходящія за предѣлы того, что уже давно безъ всякихъ лабораторій знаетъ здравый человѣческій смыслъ и педагогическій опытъ. И нельзя понять, что же именно при современномъ положеніи физіологіи головного мозга пріобрѣ-

тетъ педагогъ для необходимаго ему уразумѣнія душевной жизни, если онъ ознакомится съ параллельными ей процессами въ головномъ мозгу. Физіологическая и экспериментальная психологія должна въ данномъ случаѣ совершенно отступить на задній планъ передъ общей эмпирической психологіей съ ея старомодными категоріями, съ одной стороны, и передъ чисто-физіологическими изслѣдованіями юнаго организма, съ другой. Если же вопросъ касается болѣе тонкихъ явленій, то педагогикѣ, какъ научной теоріи, необходимо производить собственные эксперименты; она должна сама думать о хлѣбѣ насущномъ, а не питаться немногими крохами, падающими со стола психологіи. Экспериментальная педагогика ни въ какомъ случаѣ не тожественна съ педагогическимъ примѣненіемъ экспериментальной психологіи. Спеціальная точка зрѣнія психолога уже съ самаго начала дѣлаетъ невѣроятнымъ, чтобы его изслѣдованія могли быть плодотворны, какъ руководство для учителя.

Но если даже взглянуть здѣсь на дѣло оптимистически и допустить, что *педагогика, какъ научная теорія*, можетъ переработать завоеванія психологіи въ средства, пригодныя для учителя, то развѣ этимъ доказано, что *учитель* въ классѣ, воспитательница или преподаватель университета сами должны исполнять роль психологовъ и класть въ основу своего труда психологическій анализъ ученика? Это-то именно и было нашей первоначальной проблемой; и только теперь мы устранили изъ нея все, что обычно примѣшивается къ ней. Только теперь можетъ стать понятнымъ наше утвержденіе, что *отдѣльно взятому учителю, какъ таковому, нѣтъ никакого дѣла до психологіи*. Это не отвергаетъ ни психологіи дѣтскаго возраста, ни примѣненій общей психологіи къ педагогикѣ, какъ научной теоріи, но *ограничиваетъ отрицаніе практическаго примѣненія психологіи лишь областью живого общенія учителя съ ученикомъ*.

Пусть учитель заимствуетъ изъ педагогики, какъ научной теоріи, готовыя указанія и правила, которыя въ послѣднемъ основаніи опираются на психологію, но самъ-то онъ не можетъ и не долженъ пытаться производить это превращеніе психологіи въ педагогику. Разумѣется, это не исключаетъ возможности того, что учитель, какъ образованный человѣкъ, усвоитъ психологію въ достаточной степени, чтобъ не механически принимать правила педагогики, но и прослѣдить ихъ основы. Когда же онъ стоитъ лицомъ къ лицу предъ ученикомъ, тогда даже и тѣ правила, которыя онъ насквозь прослѣдилъ, не могутъ дѣйствовать иначе, какъ въ видѣ импульса и инстинкта, и не должно быть болѣе рѣчи о психологическомъ явленіи, какъ таковомъ. Мы сказали, что не можетъ и не должно быть иначе; но необходимо еще раздѣлить возможность и долженствованіе.

Прежде всего, что касается возможности, учитель совершенно не въ состояніи въ каждомъ конкретномъ случаѣ психологически высчитать, что произойдетъ дальше. Во-первыхъ, въ моментъ принятія его рѣшенія по поводу даннаго случая ему не такъ удобно пользоваться психологическими законами, какъ педагогу-теоретику, который можетъ тщательно взвѣши-

вать самые разнообразные факторы; къ тому же, отдѣльно вырванные психологическіе феномены могутъ только ввести въ заблужденіе. Во-вторыхъ, даже педагогъ-теоретикъ удовлетворяется лишь общими указаніями, которыя у учителя могутъ превратиться въ общіе пріемы преподаванія; для спеціализированія же этихъ правилъ при современномъ состояніи науки нѣтъ достаточнаго психологическаго матеріала даже у педагога-теоретика, а тѣмъ болѣе, у учителя. Въ-третьихъ, у послѣдняго, прежде всего, нѣтъ никакого основанія для его вычисленій, такъ какъ онъ совершенно не знаетъ ученика съ психологической точки зрѣнія; предметъ же, къ которому могли бы быть примѣнены психологическіе законы, долженъ быть такъ анализированъ для этой цѣли, какъ это совершенно неосуществимо для учителя въ классѣ. Дѣлали, между прочимъ, и такія предложенія: изслѣдовать величины разностныхъ пороговъ и время реакцій ученика, его тенденціи къ ассоціаціямъ и моторныя иннервации. И несомнѣнно, такое изслѣдованіе было бы на вѣрномъ пути, если бы передъ нами была одна лишь психологическая задача. Но кто знакомъ съ техникой психологическихъ лабораторій, тотъ знаетъ, что подобныя изслѣдованія могутъ быть научно цѣнными только въ томъ случаѣ, если потраченное на нихъ время и примѣняемый къ нимъ методъ далеко простираются за предѣлы школы и сферы дѣйствія учителя. Даже при ихъ наисовершеннѣйшемъ выполненіи эти изслѣдованія далеко не достигаютъ того, что безусловно необходимо для надежнаго предсказанія того психологическаго эффекта, который произведетъ опредѣленное воздѣйствіе на опредѣленнаго индивидуума.

Но, если даже всѣ эти невозможности устранены, и учитель въ состояніи дѣйствительно произвести требуемое вычисленіе и получить надежный выводъ, онъ тѣмъ не менѣе не *долженъ* такъ поступать, потому что потеряетъ больше, чѣмъ выиграетъ. Мы не можемъ одновременно выполнять и совершенствовать дѣйствія, направляющіяся въ противоположныя стороны: навыкъ къ одному изъ нихъ долженъ необходимо подавлять тенденцію къ другому. Тенденція принимать ученика, какъ это дѣлаетъ психологъ, за психологическій феноменъ на дѣлѣ противоположна тенденціи признавать ученика за живое лицо, имѣющее свою собственную цѣнность; а только въ этомъ послѣднемъ направленіи могутъ развиться важнѣйшія стороны дѣятельности учителя. Ученикъ для воспитателя есть единое живое *лицо*, а не пучокъ психическихъ элементовъ; и тактъ и симпатія, интересъ и терпѣніе, въ которыхъ выражается непосредственное отношеніе одного живого лица къ другому, для преподаванія цѣннѣе, чѣмъ самыя искусныя вычисленія, которыя относятся лишь къ психологическимъ построеніямъ. Прежде всего, у самого учителя можетъ явиться логическій, этическій и эстетическій интересъ къ задачамъ преподаванія только при отношеніи къ ученику, какъ къ живому лицу. Напротивъ, разсмотрѣніе его, какъ предмета для воздѣйствій со стороны учителя, убиваетъ этотъ интересъ. Учителю необходимо либо уважать въ ученикѣ личность, имѣющую свою собственную цѣнность, либо оставить преподаваніе. А лишь только онъ начинаетъ мыслить ученика психофизи-

чески, то, конечно, его интересъ поглощается другой проблемой, а именно, какъ надежнѣе и быстрѣе всего навязать этому психологическому механизму опредѣленные способы представлять вещи и реагировать на нихъ; и весь учебный матеріалъ становится чрезъ это лишь той мертвой системой раздражителей, о которой можетъ быть рѣчь только, какъ о средствѣ для опредѣленныхъ раздраженій, а не какъ о системѣ жизненныхъ цѣнностей, которыми слѣдуетъ дѣлиться съ другимъ живымъ лицомъ. Учитель не можетъ воодушевиться истиннымъ, великимъ и прекраснымъ, если не сообщаетъ о нихъ понимающимъ его живымъ *лицамъ*, а втискиваетъ ихъ въ предметы, воспринимающіе вызываемыя имъ раздраженія. Психологизирующему учителю приходится отвлечься отъ мысли, что преподаваемое имъ есть истина и добро, и обученіе обращается у него въ натаскиваніе, а болѣе глубокія жизненныя цѣнности обученія разрушаются. Въ виду того, что эти два направленія такъ противоположны, намъ необходимо рѣшительно высказаться за одно изъ нихъ. И нельзя сомнѣваться, что юношество выиграетъ болѣе, если учитель и впредь будетъ дѣйствовать съ вѣрой въ цѣнности и идеалы, чѣмъ если онъ низведетъ учебный матеріалъ на степень механическаго фактора въ психофизическомъ вычисленіи, короче говоря, если онъ будетъ разсматривать ученика, какъ живое лицо, а не какъ предметъ своихъ психологическихъ вычисленій.

Само собою разумѣется, все это встрѣчаетъ свой предѣлъ тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о гигіеническихъ и патологическихъ явленіяхъ. Дефекты чувственныхъ воспріятій, духовныя аномаліи, неврастеническія состоянія, утомленіе и истощеніе, все это, конечно, требуетъ отношенія къ ученику, какъ къ предмету изслѣдованія; но все это, строго говоря, касается только школьнаго врача, а не учителя, хотя учителю необходимо было бы исполнять и эти функціи. Не случайность поэтому, что самые горячіе защитники школьной психологіи, желая привести конкретные примѣры, постоянно выдвигаютъ вопросы объ утомленіи и о дефектахъ чувствъ; но всѣ эти вопр[illegible] относятся вовсе не къ духовной сути обученія, а лишь къ школьной гигіенѣ.

IV.

Психологическій Институтъ имени Л. Г. Щукиной.

Въ 1914 году въ день св. Лидіи (23-го марта) въ Московскомъ Университетѣ въ присутствіи почетныхъ гостей и многочисленныхъ депутацій отъ высшихъ учебныхъ заведеній и ученыхъ обществъ состоялось торжество открытія Психологическаго Института, учрежденнаго на пожертвованія Сергѣя Ивановича Щукина.

С. И. Щукинъ въ 1910 г. пожертвовалъ Московскому Университету 100.000 рублей съ тѣмъ, чтобы они были переданы въ единоличное распоряженіе профессора Георгія Ивановича Челпанова подъ условіемъ израсходовать ихъ на постройку и оборудованіе института, который долженъ называться „Психологическій Институтъ имени Лидіи Григорьевны Щукиной“ и состоять при каѳедрѣ философіи. Когда же постройка подходила къ концу, С. И. Щукинымъ было пожертвовано еще 20.000 рублей на лучшее оборудованіе института, и фактически послѣдній былъ открытъ 1-го сентября 1912 г.: съ этого времени въ немъ уже начались всѣ занятія.

Проф. Г. И. Челпановъ блестящимъ образомъ выполнилъ отвѣтственное порученіе, возложенное на него С. И. Щукинымъ. Теперь нашъ старшій университетъ владѣетъ такимъ психологическимъ институтомъ, которому нѣтъ равнаго въ мірѣ: онъ не только наибольшій въ мірѣ, но еще самый удобный для всякой ученой и учебной работы по психологіи. Всѣ подобныя учрежденія устраивались до сихъ поръ, какъ въ Европѣ, такъ и въ Америкѣ, въ помѣщеніяхъ, назначенныхъ первоначально для другихъ цѣлей и лишь по мѣрѣ возможности приспособляемыхъ впослѣдствіи къ задачамъ психологическаго института. Зданіе же московскаго института построено исключительно для надобностей психологіи, а поэтому и приспособлено лучше всѣхъ другихъ институтовъ къ своимъ задачамъ. И во время торжества открытія кто-то удачно назвалъ его „дворцомъ психологіи“.

Это—удаленный отъ уличнаго шума красивый трехъэтажный особнякъ (въ одиннадцать оконъ по главному фасаду), въ которомъ есть еще полуподвальный этажъ. Въ послѣднемъ, кромѣ приспособленій для центральнаго отопленія, находятся двѣ обслуживающія институтъ мастерскія (механическая и столярная), аккумуляторная комната, изъ которой посылаются электрическіе токи разныхъ напряженій (отъ дробныхъ частей вольта до ста двадцати вольтъ) во всѣ помѣщенія института, и въ которой токъ городской освѣтительной сѣти преобразовывается изъ перемѣннаго въ постоянный. Наконецъ, тутъ же находятся квартиры институтскаго механика и институтскихъ служителей. Въ первомъ этажѣ, кромѣ вестибюля, находится большая аудиторія на триста человѣкъ въ два свѣта, комната (препаровочная) для подготовки демонстрированія опытовъ въ этой аудиторіи, кабинетъ директора института, т.-е. профессора, завѣдующаго институтомъ (которымъ теперь, конечно, состоитъ его устроитель Г. И. Челпановъ), большая библіотека, которая вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ и комнатой для семинарскихъ занятій, канцелярія, курительная и рекреаціонная комната. Второй же и третій этажи раздѣлены на рядъ комнатъ, изъ которыхъ большинство назначены вообще для отдѣльныхъ лицъ, занимающихся какимъ-либо научнымъ изслѣдованіемъ. Нѣкоторыя же имѣютъ свое спеціальное назначеніе. Таковы, напр.: малая аудиторія во второмъ этажѣ для практическихъ занятій одновременно съ шестью группами учащихся; два кабинета ассистентовъ директора, по одному въ каждомъ этажѣ; комната, изолированная отъ всѣхъ звуковъ; комната, изолированная отъ доступа свѣта; фотографическая лабораторія съ приспо-

собленіемъ, дающимъ возможность безъ всякаго вреда для работы входить и выходить во время проявленія пластинокъ; лабораторія директора, въ которой испытываются и вывѣряются всѣ инструменты, и т. п. Словомъ: всѣ три этажа назначены исключительно для преподаванія и научныхъ изслѣдованій и наилучшимъ образомъ приспособлены къ этимъ цѣлямъ.

Обладая собственными мастерскими, московскій институтъ не только самъ выдѣлываетъ уже давно употребляющіеся психологическіе инструменты во много разъ дешевле, чѣмъ они обходятся при покупкѣ, но еще изобрѣтаетъ и вырабатываетъ новые, никѣмъ не употреблявшіеся инструменты. И нѣкоторыя изъ работъ, производившихся въ институтѣ со времени его фактическаго открытія (т.-е съ сентября 1912 г.), были исполнены съ помощью аппаратовъ, изобрѣтенныхъ и построенныхъ самимъ институтомъ (см. „Труды Психологическаго Института имени Л. Г. Щукиной“ т. I, Москва 1914 г.).

Болѣе того: Г. И. Челпановъ, между прочимъ, поставилъ себѣ задачу—оборудовать институтъ такими инструментальными приспособленіями, чтобы можно было производить психологическіе эксперименты, которые были бы ясно видны сразу всей аудиторіи въ 300—400 человѣкъ, и чтобы иногда даже всѣ присутствующіе одновременно принимали участіе въ экспериментѣ. И онъ уже въ значительной степени успѣлъ достичь своей цѣли, какъ въ этомъ убѣдились спеціалисты по философіи, пріѣхавшіе на открытіе института; ибо на другой день послѣ торжества открытія Г. И. Челпановъ продемонстрировалъ передъ ними нѣкоторые опыты, производимые имъ передъ многочисленной аудиторіей. Всякій, кто имѣлъ дѣло съ психологическими инструментами, сразу пойметъ, какъ важна для преподаванія психологіи эта задача Г. И. Челпанова. Всѣ психологическіе приборы до сихъ поръ такъ устраиваются, что ясно видѣть ходъ эксперимента могутъ только, самое большее, человѣкъ 5—6. Единственное исключеніе представляетъ собою такъ называемый демонстраціонный хроноскопъ Гиппа. Онъ даетъ возможность демонстрировать опыты съ реакціями предъ сравнительно большой аудиторіей, напр., человѣкъ въ сто—полтораста, а если они запасутся театральными биноклями, то и передъ бо́льшимъ числомъ. Поэтому почти всегда при чтеніи лекцій психологіи приходится только описывать психологическіе эксперименты, а нельзя ихъ производить предъ аудиторіей. Теперь же преподаваніе психологіи, благодаря удачно исполняемому замыслу Г. И. Челпанова, вступитъ въ новый фазисъ: лекціи психологіи въ значительной степени пріобрѣтутъ демонстраціонный характеръ, и учащіеся уже во время лекцій будутъ наглядно знакомиться съ психологическимъ экспериментированіемъ. На первыхъ порахъ дѣло будетъ такъ стоять, конечно, только въ Московскомъ Университетѣ; но отсюда оно распространится и на университеты всего міра.

Но этимъ еще не исчерпывается важность учрежденія описываемаго института и дѣятельности его перваго директора. Институтъ несомнѣнно будетъ служить твердымъ оплотомъ въ борьбѣ противъ всѣхъ увлеченій

преждевременными практическими примѣненіями психологіи и обширной школой психологовъ-экспериментаторовъ, пропитанныхъ строго научнымъ отношеніемъ какъ къ своимъ, такъ и къ чужимъ изслѣдованіямъ. Г. И. Челпановъ не изъ тѣхъ психологовъ, которые не умѣютъ или не хотятъ отличить въ психологіи ея желаемое и ожидаемое развитіе отъ настоящаго. Онъ вполнѣ ясно видитъ, какъ еще далека современная психологія отъ такого уровня, чтобы на нее можно было опираться съ спокойной душой въ какой-либо практической дѣятельности. Поэтому всѣ работы, которыя до сихъ поръ производились подъ его руководствомъ въ институтѣ (и которыя были начаты съ сентября 1912 г.), носятъ, какъ этому и слѣдуетъ быть, методологическій характеръ, направлены отнюдь не на скороспѣлыя примѣненія психологіи къ педагогической и судебной практикѣ, но на критику и усовершенствованіе методовъ экспериментальнаго изслѣдованія, какъ обо всемъ этомъ можно судить по двумъ первымъ выпускамъ „Трудовъ Психологическаго Института имени Л. Г. Щукиной“ [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, по составленнымъ Г. И. Челпановымъ правиламъ института, студенты допускаются даже къ самымъ элементарнымъ практическимъ занятіямъ въ институтѣ лишь послѣ того, какъ они усвоили курсъ логики и введенія въ философію, а къ болѣе серьезнымъ работамъ лишь послѣ дальнѣйшаго углубленія въ философію. И установившійся въ институтѣ строго научный духъ его дѣятельности, навѣрное, никогда не покинетъ его. Порукой въ этомъ служитъ уже то обстоятельство, что институтъ состоитъ при выдающемся университетѣ.

Во время открытія многіе ораторы подчеркивали всероссійское значеніе дара С. И. Щукина Московскому Университету, а одинъ изъ нихъ высказалъ пожеланіе, чтобы институтъ сдѣлался центромъ, объединяющимъ всѣхъ русскихъ психологовъ. Повидимому, этому пожеланію суждено осуществиться. Состоящее при Московскомъ Университетѣ Московское Психологическое Общество уже организуетъ въ Институтѣ Л. Г. Щукиной Первый Всероссійскій Психологическій Съѣздъ. Онъ долженъ былъ состояться еще въ 1915 году между 25 и 29 марта. Приглашенія принять участіе въ немъ уже были разосланы въ іюнѣ 1914 года, но неожиданно навязанная намъ война принудила отложить съѣздъ до болѣе удобнаго времени.

Въ заключеніе упомянемъ объ одномъ трогательномъ эпизодѣ на открытіи института. Между другими, явилась также депутація отъ студентовъ, работающихъ въ институтѣ, которая обратилась къ предсѣдательствующему на торжествѣ ректору Московскаго Университета съ слѣдующимъ прошеніемъ:

„Ваше превосходительство, Глубокоуважаемый Господинъ Ректоръ! Настоящее собраніе, адреса и привѣтствія, прочитанные на немъ, съ очевид-

---

[1]) Вотъ перечень работъ, уже опубликованныхъ въ I томѣ (1 и 2 вып.) „Трудовъ“ института: К. Н. Корниловъ—Къ вопросу о природѣ типовъ простой реакціи; Н. А. Рыбниковъ—Опытъ экспериментальнаго изслѣдованія узнаванія и репродукціи; В. М. Экземплярскій—Матеріалы къ вопросу о типахъ представленія; Г. И. Челпановъ—Къ вопросу объ отношеніи между психофизическими методами; К. Н. Корниловъ—Динамометрическій методъ изслѣдованія реакціи.

ностью показываютъ, какую высокую оцѣнку находитъ себѣ даръ С. И. Щукина. Мы горячо желаемъ и находимъ вполнѣ соотвѣтственнымъ, чтобы эти стѣны хранили въ себѣ изображенія тѣхъ, благодаря кому создано это научное учрежденіе. Поэтому мы имѣемъ честь просить Васъ и въ лицѣ Вашемъ—Совѣтъ ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета возбудить ходатайство о разрѣшеніи намъ помѣстить въ нашемъ Институтѣ портреты Л. Г. Щукиной и С. И. Щукина. Пусть всякій, входящій сюда, хотя бы столѣтія спустя, видитъ тѣхъ, кому обязанъ этотъ Институтъ своимъ возникновеніемъ. Пусть ежегодное празднованіе этого дня, дня Св. Лидіи и открытія Института, совершается подъ сѣнью этихъ изображеній. Пусть еще и такимъ образомъ будутъ почтены память Л. Г. Щукиной и примѣрное дѣяніе С. И. Щукина".

Въ отвѣтъ на это Ректоръ Университета высказалъ полную готовность доложить Совѣту прочитанное прошеніе и увѣренность, что оно будетъ немедленно удовлетворено.

Такимъ образомъ, члены Перваго Всероссійскаго Психологическаго Съѣзда увидятъ институтъ украшеннымъ портретами тѣхъ лицъ, которымъ онъ обязанъ своимъ возникновеніемъ. Но о нихъ напоминаютъ еще двѣ надписи въ институтѣ: одна—на его главномъ фасадѣ, гласящая „Психологическій Институтъ имени Л. Г. Щукиной"; другая же—на мраморной доскѣ, помѣщенной въ особой нишѣ въ вестибюлѣ, гласящая „Психологическій Институтъ имени Лидіи Григорьевны Щукиной, даръ коммерціи совѣтника Сергѣя Ивановича Щукина ИМПЕРАТОРСКОМУ Московскому Университету 1910—1912 г.".

V.

Приборы А. И. Введенскаго для быстраго демонстрированія опытовъ съ реакціями.

Въ тѣхъ аудиторіяхъ, которыя находятся не въ психологическихъ институтахъ, а назначены для общаго пользованія, приходится довольствоваться демонстрированіемъ какой-нибудь одной простой реакціи, да голословнымъ описаніемъ, какъ производятся сложныя реакціи, потому что въ такихъ аудиторіяхъ нельзя заранѣе приготовить всѣ приспособленія для быстраго перехода отъ одного сигнала къ другому. Но мнѣ удалось придумать два прибора, которые легко и дешево могутъ быть изготовлены въ каждомъ магазинѣ электрическихъ принадлежностей, и которые, какъ я уже убѣдился на дѣлѣ, даютъ возможность въ теченіе одной лекціи въ любой аудиторіи продемонстрировать съ помощью демонстраціоннаго хроноскопа Гиппа по нѣ-

сколько зрительныхъ и слуховыхъ простыхъ и сложныхъ реакцій, легко и быстро переходя отъ одного сигнала къ другому. Можетъ быть, эти приборы уже употребляются кѣмъ-нибудь; въ нихъ нѣтъ ничего особеннаго, чтобы ихъ не могъ придумать любой профессоръ, принужденный читать психологію, въ аудиторіи общаго пользованія. Но мнѣ никогда не приходилось видѣть ихъ ни въ натурѣ, ни въ каталогахъ фирмъ, поставляющихъ психологическіе приборы, ни въ описаніяхъ психологическихъ лабораторій. Поэтому я на всякій случай сообщу здѣсь, въ чемъ состоитъ сущность каждаго изъ нихъ, и во сколько обошлось мнѣ ихъ изготовленіе (при чемъ надо имѣть въ виду, что они были сдѣланы еще за два или за три года до начала войны, а теперь, конечно, они обойдутся значительно дороже)... Всѣ эти приборы настолько просты и портативны, что я безъ всякаго затрудненія даже переправлялъ ихъ изъ университета на Высшіе Женскіе Курсы и легко пользовался ими во время лекцій на Курсахъ.

При этомъ, разумѣется, какъ источникъ электрической энергіи, приходится употреблять одни лишь сухіе элементы, чтобы можно было легко переносить и перевозить ихъ изъ одного помѣщенія въ другое. Я пользуюсь элементами копенгагенской фирмы Геллезенъ и К°, потому что она выдѣлываетъ, между прочимъ, такъ называемые „элементы высокаго напряженія“, именно отъ 3 до 6 вольтъ каждый, довольно значительной силы (отъ 10 до 16 амперовъ) и емкости (отъ 40 до 70 амперочасовъ). При употребленіи моихъ приборовъ достаточно двухъ элементовъ: одинъ въ 3 вольта для приборовъ, а другой въ $4^1/_2$ вольта для демонстраціоннаго хроноскопа. Обыкновенные же сухіе элементы, до $1^1/_2$ вольта напряженія, слишкомъ быстро истощаются, да еще требуютъ возни на ихъ соединенія другъ съ другомъ. Вѣдь ихъ пришлось бы употреблять не меньше 5—6, что̀ затрудняло бы даже и ихъ переноску.

Одинъ изъ моихъ приборовъ (см. рис. 28)—*ламповый*. Онъ состоитъ изъ двухъ досокъ, скрѣпленныхъ другъ съ другомъ по одному краю подъ прямымъ угломъ такъ, что одна изъ нихъ АА лежитъ на столѣ горизонтально, а другая ББ стоитъ на немъ вертикально. Размѣры каждой доски 6 вершковъ въ длину и ширину. На вертикальной доскѣ, именно—на наружной сторонѣ угла, образованнаго досками, ввинчиваются въ соотвѣтственные патроны шестнадцать такихъ электрическихъ лампочекъ ЛЛЛ..., которыя употребляются для карманныхъ фонарей; на рис. 28 изображены только семь лампочекъ. Эти лампочки уже ярко горятъ при токѣ въ 3 вольта. Лампочки расположены очень близко другъ къ другу въ четыре ряда по четыре въ каждомъ. Четыре изъ этихъ лампочекъ матовыя, четыре окрашены въ красный цвѣтъ, четыре въ синій и четыре въ зеленый. Расположеніе же лампочекъ разныхъ цвѣтовъ на доскѣ можетъ быть какимъ угодно. Провода, идущіе отъ внутреннихъ контактовъ всѣхъ лампочекъ, сходятся вмѣстѣ въ одинъ общій проводъ *Пр. вн.—Пр. вн.*, который проходитъ сперва по вертикальной доскѣ, а послѣ по горизонтальной и входитъ здѣсь въ зажимъ *Заж. вн.* Съ помощью послѣдняго этотъ проводъ сообщается съ однимъ изъ

полюсовъ электрическаго элемента. Каждый же проводъ изъ идущихъ отъ наружныхъ контактовъ лампочекъ (отъ цоколей) проходитъ сперва по горизонтальной доскѣ чрезъ скользящій выключатель *С*. Такимъ образомъ, на горизонтальной доскѣ находится 16 скользящихъ выключателей *ССС...*, расположенныхъ въ четыре ряда по четыре въ каждомъ. На рис. же 28 изображенъ только одинъ рядъ такихъ выключателей (т.-е. всего 4 выключателя), именно—тѣхъ, чрезъ которые проходятъ провода, идущіе отъ верхняго ряда лампочекъ. Послѣ же того, какъ проводъ прошелъ чрезъ выключатель, онъ сходится со всѣми другими подобными проводами въ одинъ общій проводъ *Пр. нар.*, который идетъ къ другому зажиму горизонтальной доски *Заж. нар.* и чрезъ его посредство сообщается съ хроноскопомъ и другимъ полюсомъ элемента.

Именно: представимъ себѣ, что отъ только-что упомянутаго зажима *Заж. нар.* къ этому полюсу идетъ такой проводъ, который проходитъ сперва чрезъ хроноскопъ и коммутаторъ. Тогда раньше чѣмъ мы съ помощью коммутатора замкнемъ токъ, идущій чрезъ хроноскопъ, мы можемъ поставить скользящіе выключатели прибора такъ, чтобы они пропускали токъ только чрезъ одну, двѣ, три выбранныхъ нами лампочки. Слѣд., когда мы съ помощью коммутатора пропустимъ токъ чрезъ хроноскопъ, вспыхнутъ однѣ лишь эти лампочки и будутъ горѣть до тѣхъ поръ, пока испытуемое лицо не разомкнетъ тока съ помощью реакціоннаго ключа. Такимъ образомъ, мы можемъ сначала продемонстрировать реакцію на свѣтъ одной лампочки, *какого бы то ни было цвѣта*, безразлично. Послѣ этого очень быстро, посредствомъ всего лишь поворота двухъ скользящихъ выключателей, мы можемъ продемонстрировать реакцію на свѣтъ лампочки *опредѣленнаго* цвѣта. Далѣе, столь же быстро можно подготовить и продемонстрировать реакцію на какое-либо сочетаніе горящихъ лампочекъ. Напр.: можно условиться, чтобы испытуемое лицо реагировало только въ томъ случаѣ, если вспыхнутъ сразу двѣ красныхъ лампочки одновременно съ тремя зелеными, или—если вспыхнутъ двѣ красныхъ лампочки одновременно съ тремя какихъ бы то ни было другихъ цвѣтовъ, но расположенными по прямой линіи, и т. д. Словомъ: можно чрезвычайно быстро и разнообразными путями осложнять опыты съ зрительными реакціями. И съ такой же быстротой можно передъ каждымъ впечатлѣніемъ, на которое *долженъ* реагировать испытуемый, дать ему нѣсколько другихъ свѣтовыхъ же сигналовъ, на которые онъ не долженъ реагировать, чтобы онъ на условленное впечатлѣніе реагировалъ, дѣйствительно переживши процессъ его узнаванія.

Только-что описанный приборъ былъ по данной мною схемѣ исполненъ мастерской электро-медицинскихъ аппаратовъ Ренигера и К^0 (Петрогр., Мал. Конюшенная, 14) и приготовленъ въ высшей степени изящно всего за 35 рублей, съ 12 запасными лампами, окрашенными въ упомянутые цвѣта.

Другой же приборъ, *звонковый*, былъ приготовленъ въ 3—4 дня въ первопопавшемся магазинѣ электрическихъ звонковъ за 15 рублей. Онъ состоитъ (см. рис. 29) изъ одной только доски АА, на которой укрѣплены

четыре обыкновенныхъ электрическихъ звонка КККК, по два въ рядъ, рѣзко отличающихся другъ отъ друга по своему звуку. Я выбралъ бубенчикъ, альпійскій звонокъ, большой мѣдный и маленькій стальной. Провода отъ правыхъ контактовъ звонковъ, изображенные на рис. 29 сплошными линіями, сходятся прямо на доскѣ въ одинъ общій проводъ, идущій въ зажимъ — З.П. Провода же отъ лѣвыхъ контактовъ, изображенные на рис. 29 пунктирными линіями, проходятъ сперва каждый чрезъ скользящій выключатель *с* и лишь послѣ этого соединяются въ одинъ общій проводъ, который идетъ къ другому зажиму—З.Л. Способъ употребленія этого прибора такой же, какъ и перваго, съ тѣмъ лишь отличіемъ, что здѣсь, конечно, не стоитъ пускать въ ходъ сразу по два, по три звонка: испытуемый не въ силахъ разобраться, какіе звонки дѣйствуютъ одновременно. Зато, кромѣ демонстрированія простыхъ реакцій на звукъ и реакцій на различеніе звука, можно реакціи на свѣтовыя впечатлѣнія, производимыя съ помощью перваго прибора, осложнять тѣмъ требованіемъ, чтобы испытуемый реагировалъ на опредѣленныя зрительныя впечатлѣнія лишь тогда, когда они возникнутъ одновременно съ звукомъ какого бы то ни было звонка или же съ звукомъ опредѣленнаго звонка и т. п.

Но вотъ что̀ важно: звонковый приборъ нельзя прямо включать въ тотъ токъ, который проходитъ чрезъ хроноскопъ. Вѣдь обыкновенные электрическіе звонки дѣйствуютъ тѣмъ путемъ, что безпрестанно прерываютъ и снова замыкаютъ токъ, проходящій чрезъ нихъ; а чрезъ хроноскопъ токъ долженъ идти, не прерываясь, во все время реакціи. Поэтому я употребляю вспомогательный приборъ, представляющій собою *замыкатель одного тока другимъ токомъ*, именно — токомъ, проходящимъ чрезъ хроноскопъ.

Этотъ приборъ (см. рис. 30) былъ устроенъ въ той же мастерской, гдѣ и звонковый, и всего лишь за 3 рубля. Онъ сдѣланъ по моимъ указаніямъ изъ простого электрическаго звонка. Для этой цѣли изъ послѣдняго былъ устраненъ колокольчикъ, а на дощечкѣ АА остался только электромагнитъ ЭЭ да притягиваемый имъ якорь Я, прикрѣпленный, какъ это всегда бываетъ въ обыкновенныхъ звонкахъ, къ пружинѣ, оттягивающей его отъ электромагнита. Возлѣ якоря прикрѣпленъ мѣдный столбикъ С, чрезъ который перпендикулярно къ нему насквозь проходитъ подвижной винтикъ. Послѣдній ввинчивается въ столбикъ настолько, чтобы притянутый электромагнитомъ якорь прижимался къ этому винтику. А для того, чтобы послѣ удара объ него якорь не отскакивалъ, на соотвѣтственномъ мѣстѣ якоря прикрѣплена наискось небольшая пружина, ослабляющая ударъ. Отъ столбика идетъ коротенькій проводъ къ зажиму $З_1$. Къ другому зажиму $З_2$ идетъ коротенькій проводъ отъ мѣста прикрѣпленія якоря, при чемъ этотъ проводъ соединенъ съ якоремъ, такъ что токъ можетъ проходить черезъ якорь между зажимами $З_1$ и $З_2$. Чрезъ электромагнитъ же посредствомъ зажимовъ $З_3$ и $З_4$ пропускается тотъ самый токъ, который проходитъ чрезъ хроноскопъ.

Приборъ дѣйствуетъ слѣдующимъ образомъ: зажимъ $З_1$ соединяется съ однимъ изъ зажимовъ звонковаго прибора. Другой зажимъ звонковаго

прибора соединяется съ однимъ изъ полюсовъ элемента, но не того, который посылаетъ токъ въ хроноскопъ, а своего особаго (въ 3 вольта). Другой полюсъ этого элемента соединяется съ зажимомъ $З_2$ замыкателя тока токомъ. Далѣе: зажимъ $З_3$ соединяется съ однимъ изъ полюсовъ *другого* элемента (въ $4^1/_2$ вольта), *посылающаго свой токъ въ хроноскопъ*. Другой же полюсъ этого элемента соединяется съ однимъ изъ контактовъ демонстраціоннаго хроноскопа; а другой контактъ хроноскопа соединяется съ зажимомъ $З_4$, находящимся на замыкателѣ тока токомъ. Такимъ образомъ токъ, проходящій чрезъ хроноскопъ, проходитъ одновременно и чрезъ электромагнитъ ЭЭ (см. рис. 29). Теперь: если чрезъ хроноскопъ проходитъ токъ, то въ только-что описанномъ приборѣ электромагнитъ притягиваетъ якорь Я. Послѣдній же, прикасаясь къ вышеупомянутому винтику, помѣщенному въ столбикѣ С, замыкаетъ токъ, идущій чрезъ звонковый приборъ, и въ этомъ приборѣ начинаетъ дѣйствовать какой-либо звонокъ, не оказывая ни малѣйшаго вліянія на токъ, проходящій чрезъ хроноскопъ. Когда же токъ, идущій чрезъ хроноскопъ, будетъ разомкнутъ испытуемымъ лицомъ при помощи реакціоннаго ключа, то въ замыкателѣ тока токомъ электромагнитъ перестанетъ притягивать якорь Я, послѣдній будетъ оттянутъ отъ электромагнита пружиной, такъ что якорь уже не будетъ больше замыкать того тока, который проходитъ чрезъ звонковый приборъ, пот. что не будетъ больше прикасаться къ вышеупомянутому винтику.

Этотъ же самый замыкатель тока токомъ полезно употреблять и при ламповомъ приборѣ, соединяя послѣдній съ первымъ по такому же правилу, какъ звонковый приборъ. Дѣло въ томъ, что оба прибора, и ламповый и звонковый, могутъ быть заранѣе соединены съ замыкателемъ тока токомъ, именно съ зажимами $З_1$ и $З_2$, такъ что не будетъ надобности во время лекціи соединять съ нимъ то одинъ, то другой приборъ, а можно будетъ пользоваться безъ всякой потери времени то ламповымъ приборомъ, то звонковымъ, то обоими вмѣстѣ.

Есть еще другая причина, почему ламповый приборъ не слѣдуетъ включать въ токъ, идущій чрезъ хроноскопъ. Этотъ приборъ вытягиваетъ изъ элемента число амперовъ, пропорціональное числу вспыхнувшихъ лампъ, вслѣдствіе чего сила тока, проходящаго чрезъ хроноскопъ, подвергается большимъ колебаніямъ при разныхъ опытахъ съ ламповымъ приборомъ. Если же послѣдній употребляется съ помощью замыкателя тока токомъ, то сила тока, проходящаго чрезъ хроноскопъ, остается постоянной. Что же касается времени, затрачиваемаго замыкателемъ тока токомъ на притяженіе якоря электромагнитомъ, то при постоянной силѣ тока, проходящаго чрезъ хроноскопъ, это время, конечно, остается постоянной величиной. Поэтому оно можетъ вліять только на абсолютныя величины показаній хроноскопа, но не на ихъ разности. А при демонстрированіи опытовъ съ реакціями важны только разности показаній хроноскопа, а вовсе не ихъ абсолютныя величины.

УКАЗАТЕЛЬ.

Абстракція—162.
Активность: мыслительная акт.—141 и сл.; волевая акт.—141; 298 и сл.
Акты: мыслительные акты—141 и сл.; волевые акты—273.
Аналгезія—107.
Анкетный методъ—20.
Анэстезія—107.
Аристотель—14; 96; 183.
Апперцепція—309.
Аскольдовъ—81 прим.
Ассоціація—189; неразрывныя асс.—204; одновременныя и послѣдовательныя асс.—265; асс. близости—196; 197; асс. контраста—190; 193; асс. смежности—190; асс. сужденій—207 и слѣд.; асс. сходства—190; 194; асс. чувствъ—192.
Астафьевъ, П. Е.—80.
Аффектъ—316.

Барабанъ Марея—39.
Безсознательныя душ. явленія—89; безсозн. мышленіе—246; безсозн. образы—173 прим.; безсозн. хотѣнія—287.
Беркли—164; 166; 167.
Веръ, Н.—66.
Бине—182.
Борьба желаній—290.
Бытіе истинное и кажущееся—128.
Бюлеръ—182; 187.

Вербализмъ—175 прим.
Вещь въ себѣ—128.
Владиславлевъ, М. И.—21.
Влеченія—298.
Вниманіе—305; вн. непроизвольное, неумышленное, пассивное, вним. произвольное, умышленное, активное—306; усиленіе вниманія—306.
Внутреннее наблюденіе—14; его виды—17 и сл.
Внутренняя рѣчь—181.
Волевой актъ—273; внѣшній вол. актъ—287; простой вн. вол. актъ—288; сложный вн. вол. актъ—289.
Волевыя дѣйствія—273.
Волевая активность—141; 298 и сл.
Волевыя явленія—273; внутреннія вол. явл.—273; 305; внѣшнія вол. явл.—273 и слѣд.
Волюнтаризмъ—86.
Волюнтарная теорія волевыхъ явленій—284.
Вольфъ—310.
Воображеніе—140; 149; 187.
Воспоминаніе—254.
Воспризнаніе внѣшняго предмета—259.
Воспріятіе—90.
Врожденныя (прирожденныя) мысли—184 и сл.
Вундтъ—12; 43; 44; 49; 79; 88; 89; 187; 189; 263; 264; 311; 316; 329 и сл.; 332 и сл.
Выборъ—см. рѣшеніе.
Выводъ—214; умышленное составленіе выводовъ—237 и сл.; интуитивные выводы—250 и сл.
Вытекать—214.
Вюльпіанъ—68.
Вѣра въ безсмертіе—161.

Галилей—26.
Галлюцинація—92.
Гартманъ—246; 247.
Гальтонъ—154.
Гегель—175 прим.

Гедоническая теорія волевыхъ явленій—284; 285.
Гекель—79.
Гельмгольцъ—134.
Генетизмъ или генетическая теорія пространственныхъ воспріятій—126.
Гербартъ—48; 310; 337; 343.
Гефдингъ—89; 144; 263; 264; 300; 303; 316.
Гиперэстезія—107.
Гиппъ—32; 348.
Гносеологія—11.
Головной мозгъ—59; 65.
Гротъ, Н. Я.—159.

Да будетъ—295.
Движенія—64; дв. рефлективныя—69; 274; дв. инстинктивныя—275; дв. импульсивныя—277; дв. произвольныя или умышленныя—69; 273; 278 и сл.
Декартъ—79.
Джемсъ—13; 43; 44; 45; 47; 48; 55; 56; 119; 143; 189; 303; 310; 311, 318; 319 и сл.; 335 и сл.
Дискурсивное мышленіе—244.
Догадка—220; 221; 225; 239; 250.
Дуализмъ—2; 129.
Дуалистическій спиритуализмъ—2; 129.
Душа—1; 129.
Душевная способность—136.
Душев. явленія—1; классификація душ. явл.—83.

Желанія—279; безпредметныя жел.—282.
Жизненная опытность—219.

Забвеніе—264; забв. мыслей и внѣшнихъ предметовъ—264; забв. абсолютное и относительное—265; забв. временное или относительное—270.
Заболѣваніе отъ порчи—62.
Забывчивость новорожденныхъ—272.
Заключеніе—214; закл. по аналогіи—220; 242.
Законъ ассоціаціи представленій—189.
Законъ Введенскаго, А. И.—78; 185.
Законъ Вебера—110; 111; 119.
Законы воспроизведенія представленій—88 качественные—199; количественные—199.
Законъ высшихъ точекъ—109.
Законъ объектированія воспріятій—131.
Законъ пороговъ—107.
Законъ смѣны сужденій—228.
Законъ состава всѣхъ единичныхъ представленій—159.
Законъ трехъ фазисовъ—10.
Законъ Фехнера—111; 115; 119.
Законъ Фихте—132.
Здравый смыслъ—219.
Зеленый, Г. П.—81.
Знаніе—209; развитіе зн.—225; зн. безъ пониманія—210.
Значеніе психологіи—11.
Зоопсихологія—5.

Идеализмъ—2; 128; 131; ид. спиритуалистическій и неспиритуалистическій—130.
Идеалреализмъ—128.
Иллюзія—92; илл. памяти—261.
Имманентный—8.
Импульсивныя движенія—277; 286.
Индукція неполная—218; 240 и сл.; инд. полная—218.
Инстинктивныя движенія—275; 286.
Интеллектуализмъ—85; 170; 329 прим.
Интроспективный методъ—14.
Интроспекція—14.
Интуитивизмъ—251; 302.
Интуитивное мышленіе—244.
Интуиція—251.
Исполненіе рѣшенія—290; 291.
Исцѣленіе вѣрой—62.

Іерузалемъ—89.

Камертонъ—37; электрическій или самодѣйствующій кам.—38.
Кантъ—128; 132; 135; 175 прим.; 310; 316.
Карпентеръ—61 прим.; 246; 248.
Категоріи—135; 186.
Кимографъ—36.
Классификація—82; кл. душ. явленій—83; кл. ощущеній—99; 103; кл. мыслей—146; кл. представленій—147; кл. умозаключеній—217; кл. чувствъ—318.
Контъ—10; 14; 50.
Концептуализмъ—162; новый конц.—163.
Концептъ—162.
Коперникъ—59 прим.
Корниловъ, К. Н.—349 прим.
Критическ. теорія познанія—8.

Лай—58; 59.
Ланге—318, 319 и сл.
Лапшинъ, И. И.—179 прим.
Латто, Луиза—61.

Лейбницъ—184; 299; 310.
Липпсъ—229 прим.
Логика—4; 216; 221; 230; 244.
Локализація представленія—255.
Локкъ—44 прим.; 188.
Лопатинъ, Л. М.—80; 81 прим.
Лосскій, Н. О.—82; 89; 130; 229 прим.; 252; 301.

Марей—39.
Матеріализмъ—1; 86; 129.
Мейманъ—59 прим.; 198.
Мессеръ—182; 187.
Метафизика—9.
Мнемоническій—137 прим.
Монистическій — 84; монистическій спиритуализмъ — 3; монистич. теоріи состава душ. жизни—85 и сл.
Мотивъ—293.
Мускулы—64.
Мысль—89; 145 и сл.
Мыслительная активность—143.
Мышленіе—139; мышл. безъ всякихъ образовъ — 182; мышл. о непредставимыхъ предметахъ — 178; мышл. образное, словесное и смѣшанное — 183; мышл. конкретное и абстрактное—184; мышл. интуивное и дискурсивное—244.
Мюнстербергъ — 13; 45; 48; 59 прим.; 118 прим.; 339; 340.

Наблюденіе—23.
Наглядность преподаванія—213.
Наивный (обывательскій) реализмъ—90; 119; 127.
Нативизмъ или нативистическая теорія пространственныхъ воспріятій—126.
Невообразимые предметы, — см. непредставимые предметы.
Немонистическій—84; немонистическія теоріи состава душ. жизни—89.
Непониманіе знанія и неп. рѣчи—213.
Непосредственное знаніе—82.
Непредставимость своей смерти—150.
Непредставимые (невообразимые) предметы—178; 179.
Нервныя клѣтки—65; нерв. волокна—65.
Нервы—65; специфическая энергія нерв.—67.
Нечаевъ, А. П.—46; 56 прим.; 335.
Новокантіанство—10.
Новокритицизмъ—10.
Номинализмъ — 164; н. крайній (старый)—165; 183; н. умѣренный (новый) 165; 166.
Нравственный долгъ—303.

Образъ—148.
Обсужденіе—290.
Общее чувство—105.
Объективное значеніе ощущеній—119.
Объективный методъ—14.
Объективное наблюденіе—14.
Объективные признаки одушевленности—71.
Объектировать—120.
Опорные пункты для локализаціи представленій—256.
Опытъ—23.
Отгадываніе чужихъ мыслей—61.
Отрицаніе—176; 177.
Ощущенія—90; простота ощ.—98; физіолог. сторона ощ.—98; классификація ощ.—99: ощ. зрительныя, слуховыя, осязательныя, обонятельныя и вкусовыя — 99; ощ. моторныя — 99; ощ. внутренно-осязательныя — 100; ощ. мускульныя, суставныя, сухожильныя—101; ощ. равновѣсія (статическія)—102; ощ. внутреннія и внѣшнія—103; ощ. свѣтотѣни—105.

Павловская, Л. С.—46.
Павловъ, И. П.—81.
Память—140; тѣснота памяти—266.
Панпсихизмъ—2; 129.
Патематическая теорія волевыхъ явленій—284.
Паульсенъ—87; 88; 89; 329 прим.
Педагогика и психологія—12; 187; 188; 213.
Платонъ—136.
Пневмограмма—40.
Пневмографъ—40; 41.
Подлежащее сужденія—177.
Подмѣна знанія предмета знаніемъ чужихъ сужденій о немъ—210.
Позитивизмъ—10.
Поле зрѣнія и п. сознанія—305.
Понятіе—146; 174.
Посылки—214.
Предметъ желанія—282.
Представленія—146; классификація пр.—147; пр. внутр., внѣшн., чужой душ. жизни—147; пр. общія и единичныя—147; пр. воспроизведенныя, воспоминаемыя и воображаемыя — 148; пр. единичныя—148; 156; пр. чужой душ. жизни—158; пр. общія—161; 169; 172; воспроизведеніе пр.—189; сохраненіе пр.—189; усвоеніе пр.—189.
Признакъ—147.

Прирожденныя (врожденныя) мысли — 184 и сл.
Произвольныя движенія—279.
Проницательность—221.
Процессъ—142.
Психологическій институтъ; псих. кабинетъ; псих. лабораторія—27.
Психологическое экспериментированіе—27.
Психологія—1; пс. безъ души—3; 7; пс безъ всякой метафизики — 10; задачи пс.—4; общая пс.—5; основная пс.—5; сравнительная пс. — 5; индивидуальная пс.—5; пс. возрастовъ —5; пс. мужчины и женщины—5; коллективная пс. — 5; 17; физіологическая пс.—5; экспериментальная пс.—5; 27 и сл.
Порогъ раздраженія—108; пор. пространственной чувствительности—108; пор. разностный—110.
Психометрія—5; 31 и сл.
Психопатологія—5.
Психофизика—5.
Психофизическій монизмъ—3; 129.
Психофизическій параллелизмъ—60.
Психофизіологія—5; 6.

Рабочая гипотеза—9.
Радловъ, Э. Л.—80; 186 прим.; 198, 329 прим.
Размыкатели губные и звуковые—36.
Разсудокъ—138.
Разумъ—138.
Расширеніе знанія—225.
Раціоналисты семнадцатаго вѣка—299.
Реакція—33; р. простая — 33; р. сложная—33; р. различенія—34; р. выбора—34.
Реализмъ—128; 131; наивный и обывательскій р.—90; философскій р.—128; средневѣковый р.—164.
Рефлективныя движенія, см. рефлексы.
Рефлексы—69; 274; 327.
Рибо—89; 157; 171; 172; 257.
Рыбниковъ, Н. А.—349 прим.
Рѣшеніе—290.

Самонаблюденіе—14; личное с.—17; коллективное с. — 17; прямое и непрямое личное с.—18; 19.
Самопроизвольное возникновеніе представленій—206.
Самосознаніе—132.
Самочувствіе—105; 203; 324.
Секундомѣръ—31.
Сенсуализмъ—86; 170.
Серебрениковъ, В. С.—198.
Сигма—31.
Сказуемое сужденія—177.
Скелетъ—64.
Слѣдовать—214.
Слѣдъ опорнаго пункта—257.
Сновидѣнія—133; 160.
Согласіе даннаго лица съ самимъ собою и согласіе многихъ лицъ между собою—22.
Сознаніе—89; 132; созн. времени—258.
Сознательность—16; 89; 287.
Спенсеръ—246; 248.
Специфическій волевой элементъ—278; 279; 286 и сл.; спец. эмоціональный эл.—314; 328; спец. энергія нервовъ—67.
Спинной мозгъ—65; 68.
Спиноза—205; 299.
Спиритизмъ—2.
Спиритуализмъ—2; 86.
Стеффенсъ, Лотти—30; 46.
Стигматизмъ—61.
Столоверченіе—61.
Стремленіе—297.
Субъективность внѣшн. ощущеній—121.
Субъективность даннаго въ опытѣ пространства—125.
Субъективный—120.
Субъективный методъ—14.
Сужденіе—146; 175; индивидуальн. особенности въ переживаніи сужд.—183; воспроизведеніе сужд.—208.
Сфигмограмма—40.
Сфигмографъ—40.

Тахистоскопъ—95.
Творчество воображенія — 140; 149; творч. мышленія—236; 253.
Теорія Беркли—165; 166.
Теорія познанія—11.
Теорія сборныхъ образовъ—163.
Теорія спинно-мозговой души—70.
Теорія чувствъ Джемса-Ланге — 318; 319 и сл.
Теорія чувствъ Вундта—318; 329 и сл.
Теорія Шопенгауера—Гельмгольца—134.
Типы переживанія внѣшнихъ образовъ—154; т. п. внутрен. образовъ—157; т. п. сужденій (т. мышленія)—183.
Тиченеръ—89; 305; 332.
Трансубъективное значеніе ощущеній—119.
Трансцендентальный—8.
Трансцендентный—8.
Трубецкой, С. Н. кн.—89.

Узнаваніе — 254; узн. воспроизведеныхъ представленій—254; узн. предмета—259; узн. чрезъ сравненіе—262.
Умозаключеніе—214; ум. неправильныя или ошибочныя — 214; ум. правильныя—214; ум. кажущіяся—217; ум. пригодныя для доказательствъ—218; ум. неумышленныя и ошибочныя—229.
Умышленное переживаніе умозаключеній—237.
Умъ—139.
Утвержденіе—176; 177.

Феноменъ—128.
Фехнеръ—26; 50; 111.
Философія—11; ф. въ широкомъ смыслѣ—12.
Фихте—130.
Fiat—295.
Фонсегривъ—246; 248.
Франкъ, С. Л.—252.

Хекъ-Тюкъ—61 прим.
Хотѣніе—279.
Хронографическій методъ—36.
Хроноскопъ—32.

Цвѣтовая слѣпота—121.
Ценестезія—105.
Цигенъ—48.
Цѣлесообразность душевн. организаціи человѣка—239; ц. инстинктовъ—275; ц. рефлексовъ—69; 274.

Челпановъ, Г. И.—27; 42; 310; 347 и сл.
Чистая мысль—168; 169; 176; 329.
Чувство—83; 314; ч. жизни—105; ч. необходимости соглашаться съ выводомъ—227; 232; ч. усилія—291 и сл.; 309.
Чувствованіе—83; 314.

Шиффъ—63.
Шопенгауеръ—134.

Щукина, Л. Г.—27; 346 и сл.
Щукинъ, С. И.—27; 346 и сл.

Эббингаузъ—30; 118 прим.; 194; 198; 267.
Эвристическій—137 прим.
Электрическій отмѣтчикъ—36.
Экземплярскій, В. М.—349 прим.
Экспериментъ—23.
Экспозиціонные приборы—35.
Эмоція—83; 315.
Эргограмма—42.
Эргографъ—41.

Uexkull v.—81.
Юмъ—188; 300; 303.

Явленіе—128.

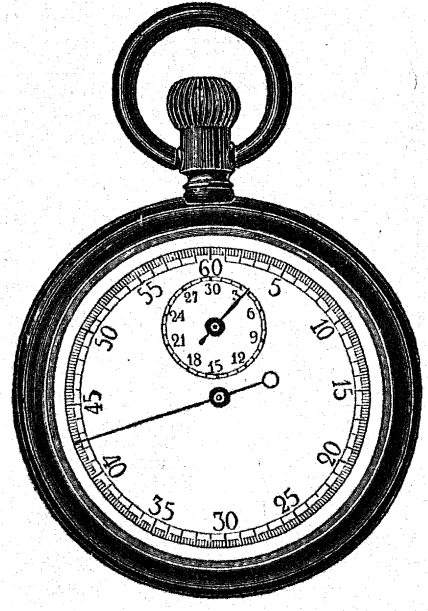


Рис. 1 (къ 31 стр.). Секундомѣръ. Стрѣлки показываютъ 3 мин. $42\frac{2}{5}$ сек.

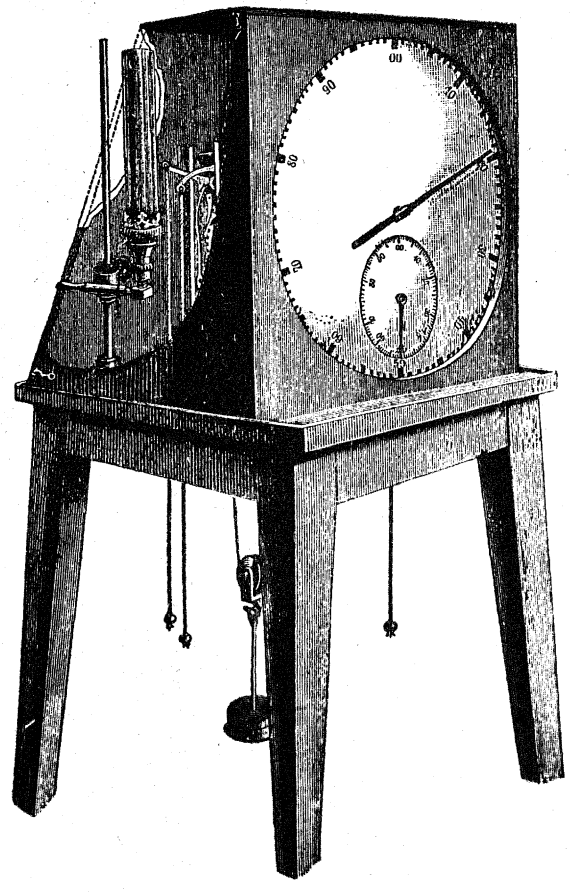


Рис. 2 (къ 32 стр.). Демонстраціонный хроноскопъ Гиппа. Стрѣлки показываютъ 50 десятыхъ и 19 тысячныхъ частей секунды, т.-е. 5019ѕ.

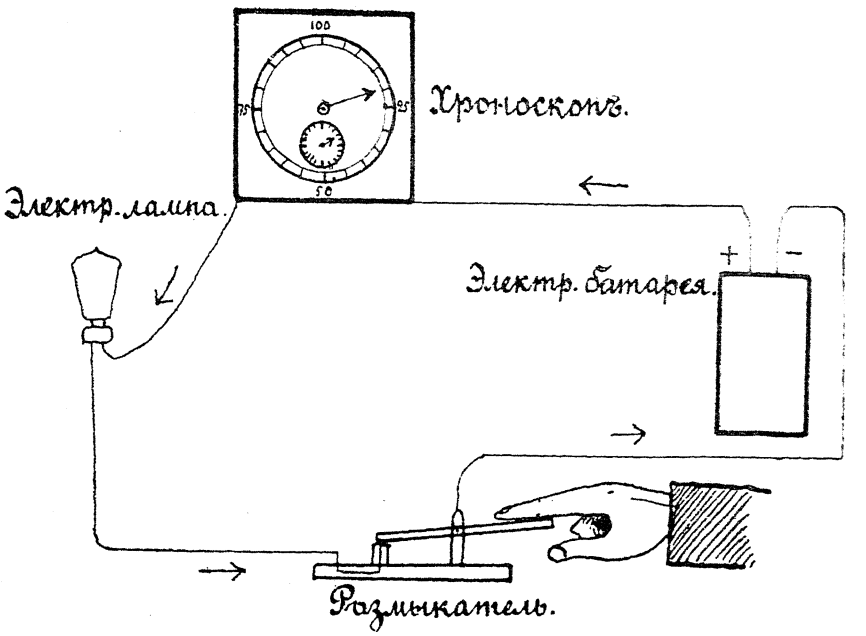


Рис. 3 (къ 33 стр.). Примѣрное расположеніе приборовъ для измѣренія времени реакцій съ помощью хроноскопа.

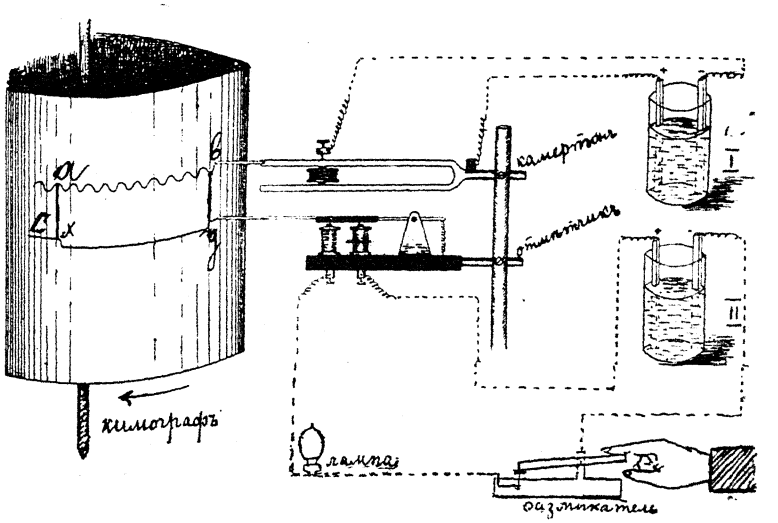


Рис. 4 (къ 36 и 39 стр.). Примѣрное расположеніе приборовъ для хронографическаго измѣренія времени реакцій. Стрѣлка показываетъ направленіе вращенія кимографа.

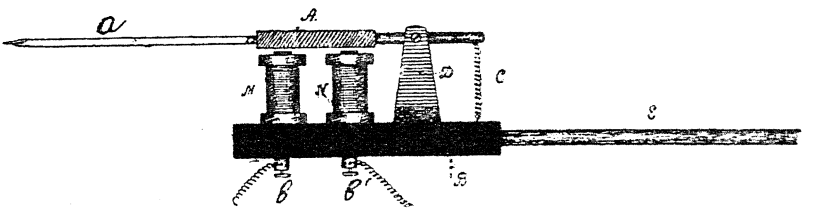


Рис. 5 (къ 37 стр.). Электрическій отмѣтчикъ.

Рис. 6 (къ 37 стр.). Форма линіи, вычерчиваемой электрическимъ отмѣтчикомъ на кимографѣ. Стрѣлка показываетъ направленіе вращенія кимографа.

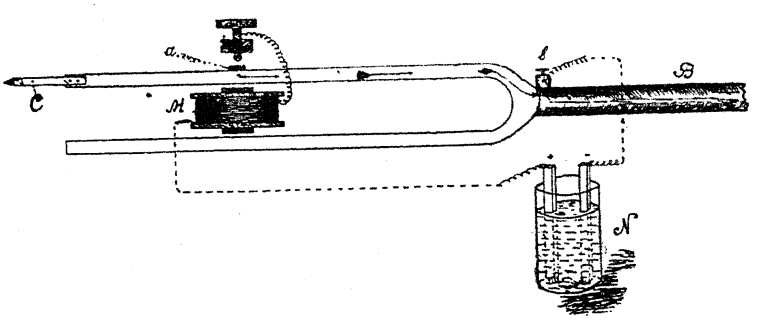


Рис. 7 (къ 38 стр.). Электрическій или самодѣйствующій камертонъ.

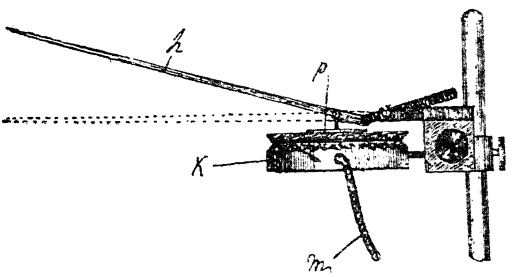


Рис. 8 (къ 39 стр.). Барабанъ Марея.

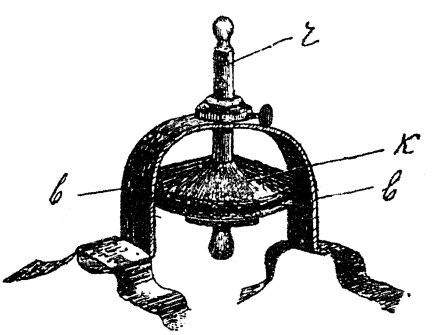
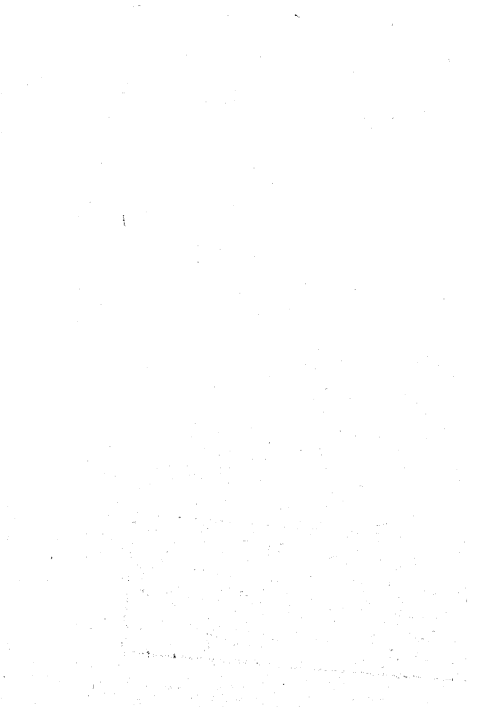


Рис. 9 (къ 40 стр.). Сфигмографъ.



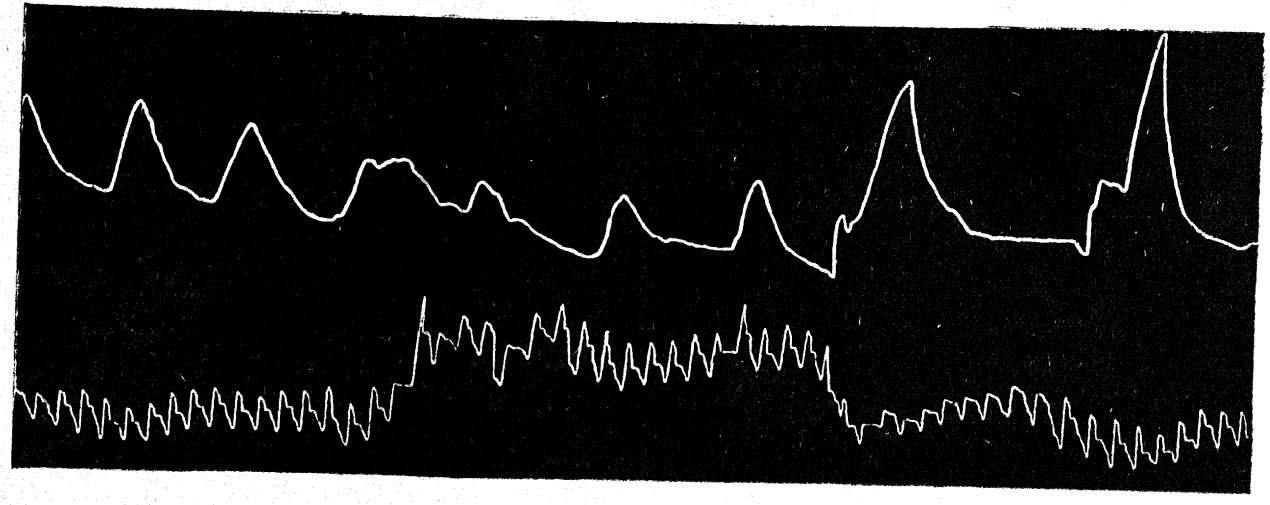


Рис. 10 (къ 41 стр.). Пневмограмма (вверху) и сфигмограмма (внизу), показывающія измѣненія въ дыханіи и пульсѣ, которыя наступили у 14-лѣтн. мальчика при разсматриваніи картины воскрешенія сына наинской вдовы.

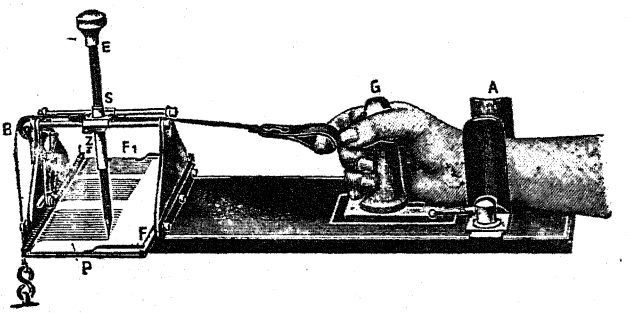


Рис. 11 (къ 41 стр.). Эргографъ Дюбуа.

Рис. 13 (къ 64 стр.). Мускульныя волоконца.

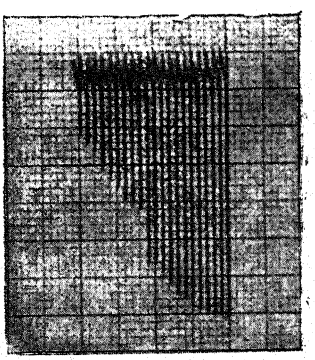


Рис. 12 (къ 42 стр.). Эргограмма, вычерченная на милиметровой бумагѣ эргографомъ Дюбуа.

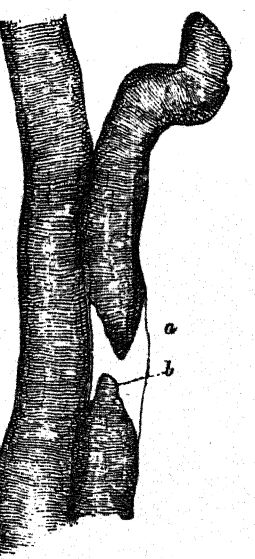


Рис. 14 (къ 64 стр.). Мускульныя волокна.

Рис. 15 (къ 64 стр.). Мускулы человѣческаго тѣла.

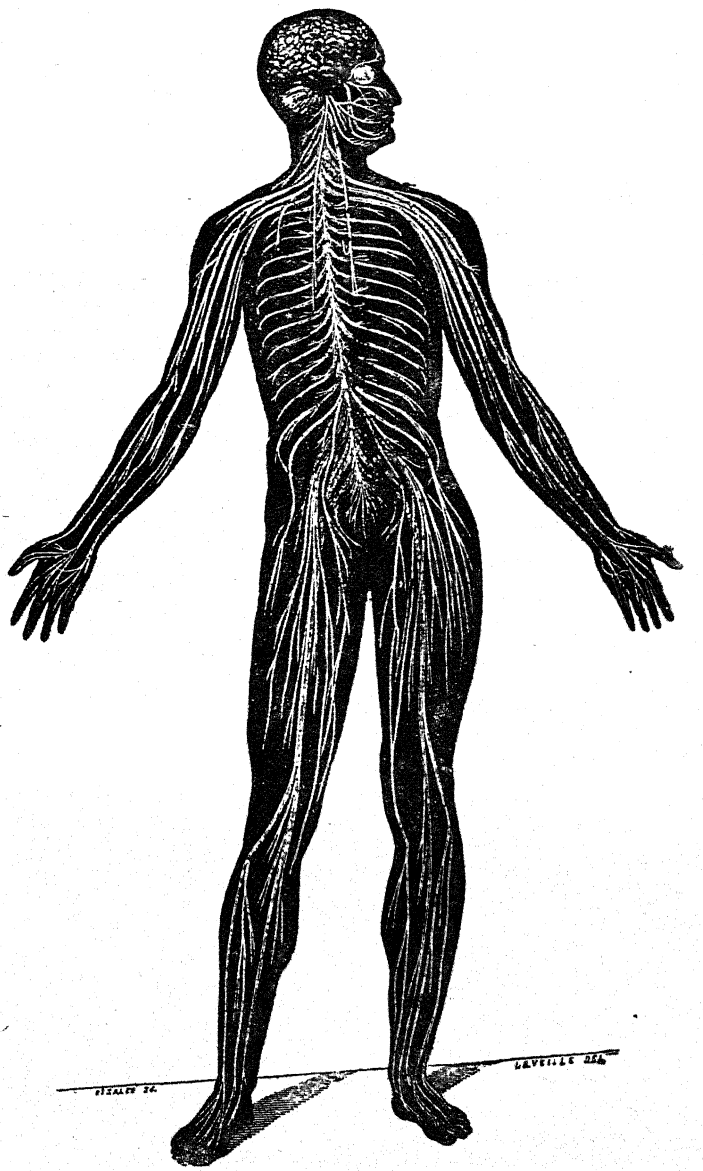


Рис. 17 (къ 65 стр.). Нервная система человѣка.

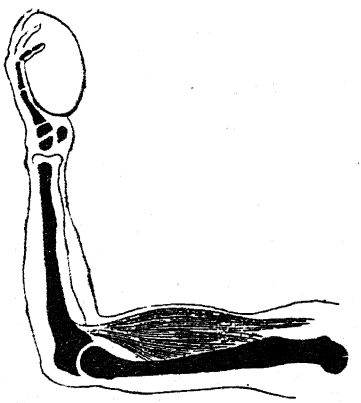


Рис. 16 (къ 65 стр.). Сгибаніе руки въ локтѣ.

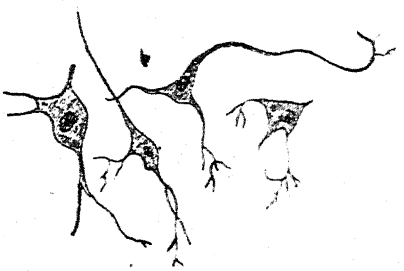


Рис. 18 (къ 65 стр.). Нервныя клѣтки.

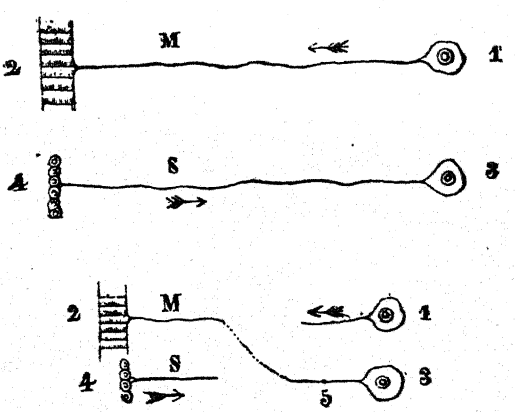
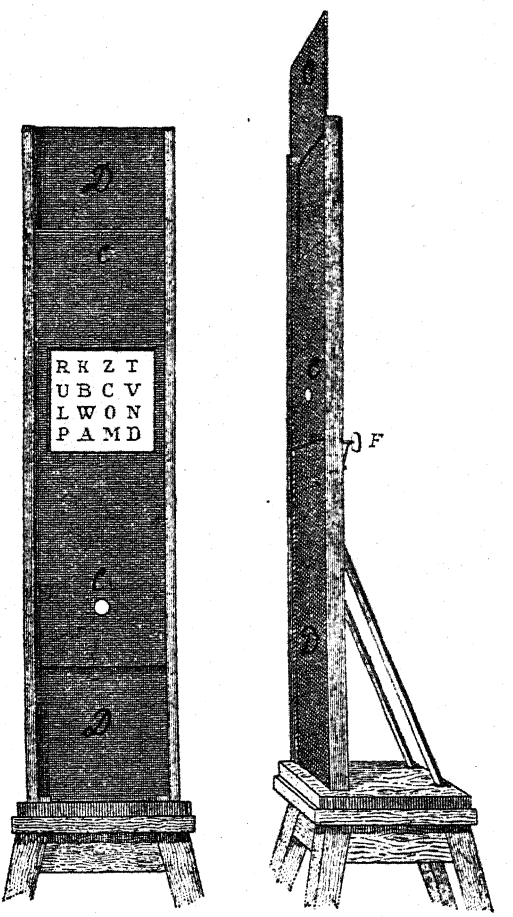


Рис. 19 (къ 68 стр.). Опытъ Вюльпіана. Вверху расположеніе нервовъ въ нормальномъ видѣ: 1 и 3 — нервные центры; M — двигательный нервъ; S — чувствующій нервъ; 2—мускулъ; 4—чувствующій органъ. Внизу периферическій отрѣзокъ двигательнаго нерва M сращенъ съ центральнымъ отрѣзкомъ чувствующаго нерва; при раздраженіи послѣдняго въ точкѣ 5 происходитъ сокращеніе мускула 2.



A *B*

Рис. 20 и 21 (къ 95 стр.). Тахистоскопъ: *A* — спереди, *B* — сбоку. *DD*—неподвижная доска. *CC*—подвижная доска.

Рис. 22 (къ 95 стр.). Дѣйствіе представленій на содержаніе воспріятій.

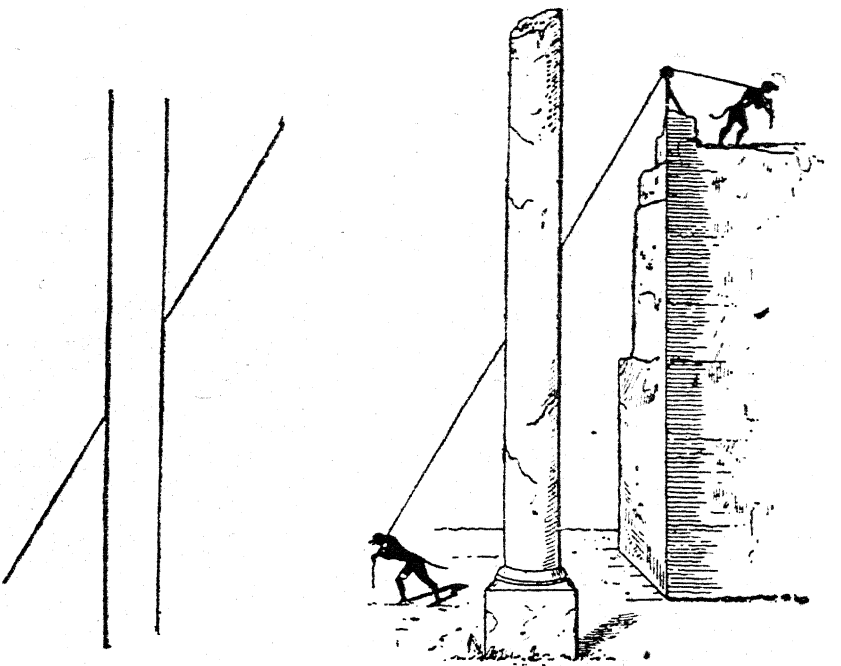


Рис. 23 и 24 (къ 95 стр.). Дѣйствіе представленій на содержаніе воспріятій.

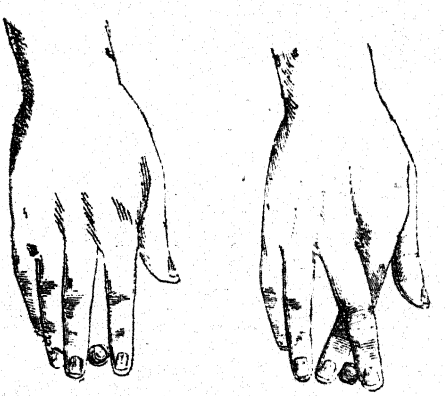


Рис. 25 и 26 (къ 96 стр.).
Опытъ Аристотеля.

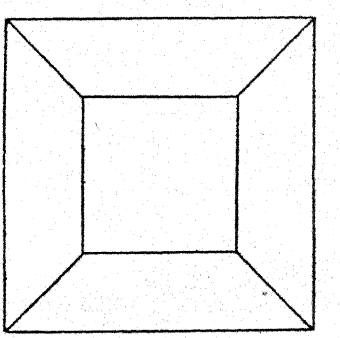


Рис. 27 (къ 151 стр.). Неустойчивость представленія въ сознаніи.

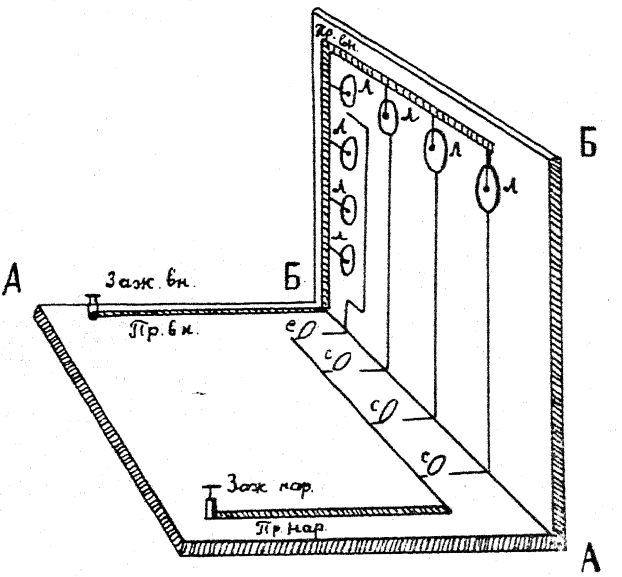


Рис. 28 (къ 351 стр.). Ламповый приборъ А. И. Введенскаго.

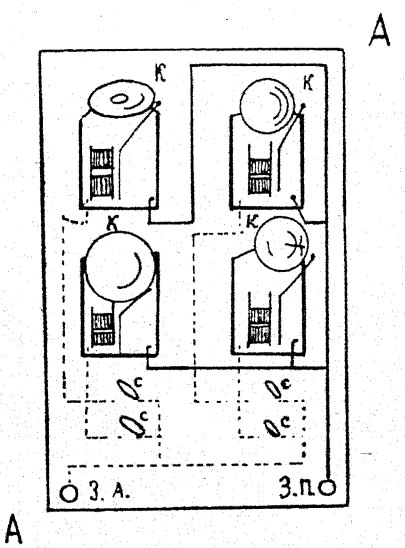


Рис. 29 (къ 352 стр.). Звонковый приборъ А. И. Введенскаго.

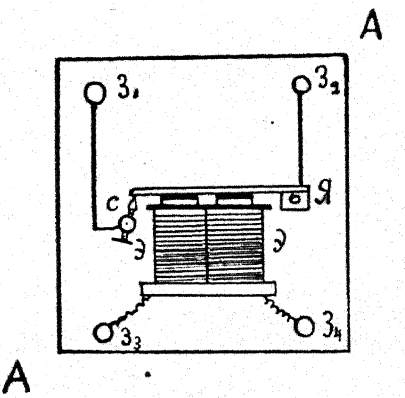


Рис. 30 (къ 353 стр.). Замыкатель тока токомъ, передѣланный изъ электрическаго звонка.

ЖУРНАЛЪ

„Вопросы Философіи и Психологіи".

Изданіе Московскаго Психологическаго Общества

при содѣйствіи

ПЕТРОГРАДСКАГО ФИЛОСОФСКАГО ОБЩЕСТВА.

Условія подписки: на годъ (съ 1-го января по 1-е января) безъ доставки — **6** руб., съ доставкой въ Москвѣ — **6** руб. **50** к., съ пересылкой въ другіе города — **7** руб., за границу — **8** руб.

Учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, сельскіе учителя и сельскіе священники пользуются скидкой въ **2** руб. Подписка на льготныхъ условіяхъ принимается **только** въ конторѣ журнала, непосредственно или письменно.

Подписка, кромѣ многихъ книжныхъ магазиновъ, принимается

ВЪ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА

Москва, Пречистенка, Полуэктовъ пер., д. 8, кв. 29.

Труды Московскаго Психологическаго Общества:

ВЫПУСКЪ II. **ИММАНУИЛЪ КАНТЪ.** Пролегомены ко всякой будущей метафизикѣ. Пер. Влад. Соловьева. Изд. третье. Цѣна 1 руб. 20 коп.

ВЫПУСКЪ IV. **Г. В. ЛЕЙБНИЦЪ.** Избранныя философскія сочиненія съ портретомъ Лейбница, подъ ред. В. П. Преображенскаго. Изд. 2-е. Цѣна 1 р. 50 к.

ВЫПУСКЪ V. **БЕНЕДИКТЪ СПИНОЗА.** Этика. Пер. съ лат. Н. Иванцова. Изд. 2-е. Ц. 2 р.

ВЫПУСКЪ VI. **Э. КЕРДЪ.** Гегель. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей и съ предисловіемъ кн. С. Н. Трубецкого. Съ приложеніемъ статьи о Гегелѣ Вл. С. Соловьева. Ц. 1 р. 25 к.

ВЫПУСКЪ VII. **ИММАНУИЛЪ КАНТЪ.** Основоположеніе къ метафизикѣ нравовъ. Перев. подъ редакціей В. М. Хвостова. Ц. 70 коп.

ВЫПУСКЪ VIII. **СПИНОЗА.** Трактатъ объ очищеніи интеллекта. Перев. В. Н. Половцевой. Ц. 1 р.

НАХОДЯТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ:

Проф. **А. И. ВВЕДЕНСКІЙ. Логика для гимназій.** Изд. 3-е, съ алфавитнымъ указателемъ, задачникомъ и конспектомъ для повторенія. Ц. 80 к.

В. С. СОЛОВЬЕВЪ. Письма 3 тома. Ц. по 2 р. за томъ (вся чистая прибыль назначена на стипендію имени В. С. Соловьева).

Труды Петроградскаго Философскаго Общества:

ВЫПУСКЪ II и III. **МАЛЕБРАНШЪ. Разысканіе истины.** Перев. подъ редакціей и со статьей *Э. Л. Радлова*. Ц. 5 р. за оба тома.

ВЫПУСКЪ IV. **БЕРКЛИ. Трактатъ о началахъ человѣческаго знанія.** Перев. подъ редакціей и со статьей *Н. Г. Дебольскаго*. Ц. 40 к.

ВЫПУСКЪ V. **АРИСТОТЕЛЬ. Этика.** Перев. и вступительная статья *Э. Л. Радлова*. Ц. 1 руб. 50 коп.

ВЫПУСКЪ VI. **КАНТЪ. 1) О формѣ и началахъ міра чувственнаго и умопостигаемаго; 2) Успѣхи метафизики.** Перев. *Н. О. Лосскаго*. Ц. 75 коп.

ВЫПУСКЪ VIII. **ГЕГЕЛЬ. Феноменологія духа.** Перев. подъ редакціей *Э. Л. Радлова*. Ц. 2 руб.

ВЫПУСКЪ IX. **СЕКСТЪ ЭМПИРИКЪ. Пирроновы положенія.** Перев. подъ редакціей *А. І. Малгина*. Ц. 2 руб.

ВЫПУСКЪ X. **ФИХТЕ. 1) Факты сознанія 2) Наукословіе, изложенное въ общихъ чертахъ.** Перев. подъ редакціей *Э. Л. Радлова*. Ц. 1 руб.

ВЫПУСКЪ XI. **КАНТЪ. Логика.** Перев. подъ редакціей *А. М. Щербины*. Ц. 85 коп.

ВЫПУСКЪ XII, XIII и XIV. **ГЕГЕЛЬ. Наука логики.** Перев. *Н. Г. Дебольскаго*. Ц. 5 руб. за всѣ три тома.

Печатаются:

Проф. **А. И. ВВЕДЕНСКІЙ. Логика, какъ часть теоріи познанія**, 3-е изд.

ГЕЛЬВЕЦІЙ. Объ умѣ. Вып. XV Трудовъ Петр. Филос. Общ. Перев. подъ редакціей *Э. Л. Радлова*.

Экзаменаціонная программа по психологіи для Петрогр. университета продается въ книжномъ магазинѣ М. М. Стасюлевича, Петроградъ, В. О., 5 линія, 28. Цѣна 15 коп.

Изданіе помѣщается въ книжномъ складѣ М. М. Стасюлевича.

Петроградъ, Вас. остр., 5 линія, 28.

Основной каталогъ Склада высылается по полученіи 4-коп. марки, а спеціальный дѣтскій, со сводомъ отзывовъ, одобреній и рекомендацій на каждую книгу, и дополнительные каталоги высылаются каждый по полученіи 2-коп. марки.